

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук

На правах рукописи

СМИРНОВ ВАДИМ АНАТОЛЬЕВИЧ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ
ЛАТВИИ, ЛИТВЫ И ЭСТОНИИ (1990 – 2019 ГГ.)**

Специальность 23.00.02 – политические институты,
процессы и технологии

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание

учёной степени доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук
Ал.А. Громько

Москва – 2020

Содержание

	<i>Введение</i>	4
Глава I.	<i>Теоретические основания изучения политических элит</i>		
1.1.	Теория политических элит на современном этапе	33
1.2.	Понятие политических элит и подходы к их типологизации	55
1.3.	Исследования властных групп в постсоветский период	71
1.4.	Элиты в научном анализе в Латвии, Литве и Эстонии	90
	Выводы	113
Глава II.	<i>Основные инструменты анализа политических элит</i>		
2.1.	Количественный подход	118
2.2.	Качественный подход	125
2.3.	Комбинированные методики	132
	Выводы	143
Глава III.	<i>Структурная динамика властных групп Латвии, Литвы и Эстонии</i>		
3.1.	«Политики морали»	146
3.2.	Экс-номенклатура	162
3.3.	Зарубежные диаспоры	179
3.4.	Бизнес-сообщество	195
	Выводы	213

Глава IV. <i>Внутриэлитное взаимодействие в странах Прибалтики</i>		
4.1.	Этнический аспект политического процесса в Латвии, Литве и Эстонии 220
4.2.	Наследие прошлого в становлении властных групп стран Прибалтики 242
4.3.	Неформальные институты внутриэлитного взаимодействия 265
	Выводы 293
Глава V. <i>Внешняя политика элит стран Прибалтики</i>		
5.1.	Элиты малых стран в международных делах 298
5.2.	Выбор властными группами евроатлантического курса Латвии, Литвы и Эстонии 312
5.3.	«Восточное партнерство» во внешнеполитических приоритетах элит стран Прибалтики 331
5.4.	Подход элит Латвии, Литвы и Эстонии к отношениям с Россией 345
5.5.	Перспективы российско-прибалтийского политического диалога 368
	Выводы 385
	<i>Заключение</i> 391
	Приложения 399
	Библиография 444
	Указатель фамилий 500

Введение

Образовавшиеся после распада Советского Союза и социалистического содружества страны демонстрируют различные траектории развития. Тридцать лет назад, стремясь к обособлению от союзного Центра, их политические элиты имели общую цель: становление независимых государств. Им принадлежала ведущая роль в формировании новых параметров политического функционирования, установлении на системной основе контроля над ключевыми институтами, определении целей и задач на будущее. Выбранные элитами пути и наблюдаемые к настоящему времени результаты пройденных трансформаций в каждом случае индивидуальны.

Единственные из бывших советских республик, властные группы которых в рамках глубоких и подчас болезненных трансформаций реализовали переход от «восточной» к «западной» политэкономической модели, добились присоединения к основным евроатлантическим интеграционным форматам, – это страны Прибалтики: Латвия, Литва и Эстония. Их «возвращение на Запад» (для переломных 1990-х гг. был характерен лозунг «Назад в Европу») сопровождалось всплеском националистических настроений, демонтажем советских органов власти, созданием обновленной структуры управления, нарастанием социальной фрагментации на фоне сложных реформ, отказом от политики нейтралитета, ослаблением связей с Россией и т.д.

В ходе трансформации социального устройства в странах Прибалтики менялся и состав их политических элит. Были подорваны позиции экономенклатуры. Обострилось соперничество между кадрами, вышедшими из советской партийно-управленческой системы. В новых условиях они конкурировали не только с бывшими коллегами, но и иными претендентами на власть: с кандидатами от интеллигенции, бизнеса, зарубежных эмигрантских общин. Сочетание представителей этих четырех групп определяло структурную динамику политических элит. От выборов к выборам состав элит менялся, появлялись и распадались властные коалиции, создавались и исчезали партии и движения, разгорались политические кризисы, одни лидеры сменяли других.

Трансформация властных групп в странах Прибалтики набирала силу постепенно и зависела от многих факторов.

Актуальность темы обусловлена масштабными переменами в обществах стран Прибалтики, становлением в условиях независимости новых каналов и механизмов формирования властных групп, сменой внутри- и внешнеполитических приоритетов Латвии, Литвы и Эстонии. Специфика данных процессов, влияние ключевых внешних и внутренних факторов на отношения стран Прибалтики с Россией требуют комплексного изучения. Лимнологическое положение, которым обладают эти три бывшие советские республики, находясь на стыке НАТО и ОДКБ, ЕС и ЕАЭС, делает крайне важным, с точки зрения интересов Российской Федерации в данном регионе, детальное понимание основных тенденций, механизмов и перспектив взаимодействия на высших политических уровнях в Латвии, Литве и Эстонии.

Объект исследования – политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии.

Предмет исследования – особенности и тенденции трансформации властных групп и их роль в политической жизни обществ стран Прибалтики.

Хронологические рамки – период с 1990 г. по 2019 г.: от провозглашения независимости стран Прибалтики (последней это сделала Латвия в мае 1990 г.) и демонтажа прежних институтов управления до формирования элитами современного политического порядка. Анализ в рамках указанного периода позволяет провести комплексное исследование факторов, определивших специфику данного процесса.

В качестве научной **гипотезы** выдвинут тезис о том, что, несмотря на ряд различий в странах Прибалтики, с 1990-х гг. происходили схожие процессы трансформации политических элит, становление которых обусловлено принципом государственного континуитета как преемственности с довоенными режимами Латвии, Литвы и Эстонии и разрывом с советским прошлым. Результатом борьбы элит за власть в 1990-е гг. стало закрепление в обществах стран Прибалтики глубоких «кливажей» – этнических, языковых, политических, которые ограничивают конкуренцию властных групп и способность

политических систем к обновлению. После реализации идеи «возвращения в Европу» элиты стран Прибалтики заменили ее «российской угрозой», что позволило отложить преодоление внутренних расколов, чреватых ослаблением их власти.

Поставлена **цель** выявить основные факторы трансформации каналов и механизмов формирования властных групп, определить общие и особенные черты данного процесса, соотнести их с ключевыми решениями элит, определившими политические приоритеты стран Прибалтики в новое время.

В диссертационном исследовании поставлены следующие **задачи**:

- дать теоретическое обоснование комплексного подхода к изучению политических элит с учетом внутри- и внешнеполитических факторов;
- проследить системообразующие тенденции трансформации политических элит Латвии, Литвы и Эстонии на протяжении последних 30 лет;
- определить ключевые факторы и противоречия, обусловившие элитное рекрутирование и основные расколы в изучаемых странах;
- выявить основные каналы рекрутирования властных групп и механизмы внутриэлитного взаимодействия в странах Прибалтики;
- проанализировать изменения в структуре властных групп рассматриваемых стран и их влияние на проводимую политику;
- раскрыть подходы к определению внешнеполитического курса Литвы, Латвии и Эстонии на современном этапе;
- сформулировать возможные сценарии политического диалога России и стран Прибалтики и рекомендации по его нормализации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Трансформация властных групп Латвии, Литвы и Эстонии проходила в схожем политико-историческом контексте. Однако вести речь о единой «элите Прибалтики» как консолидированной на межгосударственном уровне общности властных групп трех стран не корректно. Выявлены общие черты трансформации властных групп Латвии, Литвы и Эстонии, но вместе с тем – и особенности, свойственные каждой стране. Так, в элитах Эстонии меньше всего

представителей экс-номенклатуры, Латвия лидирует по количеству ставленников бизнеса во власти, Литва – по числу выходцев из зарубежных диаспор. Сегодня элиты стран Прибалтики чаще становятся конкурентами, чем единомышленниками, хотя и сохраняют при этом элементы политической координации по вопросам евроатлантической интеграции, безопасности и политики на российском направлении.

2. Выход стран Прибалтики из состава Советского Союза значительно изменил структуру их политических элит. Однако резкой одномоментной смены властных групп не произошло. Опыт советского периода сохранил свое воздействие на политические процессы вплоть до настоящего времени. В первые годы независимости до 40% политических элит Литвы, Латвии и Эстонии составляли выходцы из экс-номенклатуры. Коалиции с представителями бизнеса (часто бывшие аппаратчики сами превращались в миллионеров) и административно-хозяйственный опыт содействовали их политическому долголетию. Однако влияние экс-номенклатуры при определении стратегического курса своих государств не было решающим. Представители властных групп советского периода постепенно «вымывались» из политического процесса (их остается 5-10%). Количество выходцев из бизнеса составляет свыше 30%.

3. Мощный всплеск гражданской активности, развитие гражданского общества стран Прибалтики в период провозглашения их независимости содействовали оформлению новой, ранее не существовавшей властной группы – «политики морали». В ее составе: представители творческой и научной интеллигенции, участники «зеленых» движений, писательских организаций, христианских союзов, объединений за национальную независимость, обществ охраны памятников и т.д., имевшие амбиции по изменению политического порядка. В основном они сумели выдвинуться по линии Конгрессов и Народных фронтов в Латвии и Эстонии, «Саюдиса» в Литве. В первые годы независимости «политики морали» доминировали, составляя до 55% властных групп. Подавляющее большинство не имели политического опыта и управленческих

навыков, однако, пользуясь доверием общества, добивались значительных политических высот: писатель Л. Мери стал президентом Эстонии, музыковед В. Ландсбергис – председателем сейма Литвы, физик И. Годманис – премьер-министром Латвии. В условиях независимости их задачей была не столько отладка бюрократических механизмов, сколько легитимация нового политического порядка. Сегодня в составе властных групп количество представителей творческих и научных кругов по-прежнему значительно, однако свойственная в начальный период независимости функция «конструкторов» нового порядка к настоящему времени ими уже утрачена.

4. Трансформация элит Латвии, Литвы и Эстонии развивалась поэтапно, во взаимосвязи с внутренними политическими и социально-экономическими процессами, а также под воздействием внешнего влияния России, США и ЕС на данные малые страны. Оказавшись после выхода из СССР на перепутье, общества стран Прибалтики довольно быстро приняли стратегию евроатлантической интеграции, предложенную властными группами новейшего времени. Смена ценностных ориентиров представителей элит опережала аналогичный процесс среди массовых слоев населения. Существенный вклад в форсированную переориентацию на евроатлантическую группу государств внесли выходцы из зарубежных диаспор, которые покинули Латвию, Литву и Эстонию после присоединения к СССР и осели в основном в Северной Америке. Эмигранты, или как они себя называли «изгнанники», выполняли роль «хранителей» традиций досоветской Латвии, Литвы и Эстонии и одновременно «проводников» в политико-дипломатических кругах США и Евросоюза. Принадлежность к государствам Евроатлантики содействовала их политическим карьерам, хотя и воспринималась населением и политическими конкурентами неоднозначно. При скромном количественном присутствии во властных группах (до 4%) представители эмигрантских кругов сумели занять в трех странах ключевые позиции в парламентах и правительствах, получить президентские посты.

5. Относительно бесконфликтный выход из СССР на фоне обеспечения задачи национального строительства сопровождался ускоренными и радикальными мерами по легитимации нового политического порядка и консолидации обществ. В основу политических режимов элиты Латвии, Литвы и Эстонии заложили схожие политико-правовые элементы: привилегированное положение титульных наций (институты «неграждан» в Латвии и Эстонии, тлеющий конфликт с польским меньшинством в Литве); криминализация отрицания «советской оккупации» в Литве и Латвии; уравнивание советской и нацистской символики; ограничения на использование русского языка. Укоренились неформальные практики внутриэлитного взаимодействия, ослабляющие политические институты. Их искоренению препятствует обильное рекрутирование во властные группы представителей бизнеса, тяготеющих к коммерциализации политики, а также сложившаяся в советские годы своеобразная традиция неформальных связей, в т.ч. коррупционных, как «акт протеста» против политики союзного Центра.

6. В результате выбранной властными группами стратегии «сплочения» в обществах стран Прибалтики сложились глубокие расколы – языковой, этнический, политический. Они не преодолены до сих пор и оказывают системное влияние на внутреннюю и внешнюю политику, сужая арсенал доступных элитам политических инструментов. Вступление в Евросоюз и НАТО в 2004 г., несмотря на явное противоречие сложившегося в Прибалтике порядка западному «канону» в сфере демократии и прав человека, не оздоровило ситуацию. Потенциал этнических партий как механизма элитного рекрутирования ограничен. Карьерные перспективы предоставляют «обычные» партии – как правило те, ядро которых составляют выходцы из экс-номенклатуры (Социал-демократическая партия Литвы) и умеренного крыла Народного фронта (партия «Согласие» в Латвии, Центристская партия Эстонии). В Латвии и Эстонии элиты этих стран ограничили права нетитульных групп и установили конкуренцию на выборах «для своих», что обусловило фасадный характер демократических институтов и укрепило влияние неформальных

практик. В Латвии и Эстонии отмечено рекрутирование в правительство (в основном через партии титульного большинства: Партия реформ Эстонии, Партия реформ Латвии, «Единство») тех, кто имеет русское происхождение, но при этом с русской общиной слабо или почти не связан. Такие случаи не имеют массового характера, этнополитический раскол сохраняется. Попытки становления «прозападных» политических проектов с участием местных русских граждан («Европейское русское движение Латвии») не получают электорального отклика. Говорить о складывании в странах Прибалтики особых общин «европейских русских» преждевременно, хотя влияние на них членства в ЕС (особенно на молодое поколение) очевидно.

7. Партии в целом стали важным инструментом борьбы элит. Конкурируя за власть, правящие группы стран Прибалтики, в основном правых взглядов, неоднократно добивались изоляции оппонентов: классической иллюстрацией служит партия «Согласие», которую обвиняли в «пророссийских установках» и не допустили к формированию правительства Латвии, несмотря на лидерство в ходе выборов 2011, 2014 и 2018 гг. Сформированные к настоящему времени в странах Прибалтики партийные системы умеренного плюрализма остаются достаточно фрагментированными. В меньшей степени это характерно для Эстонии, в большей – для Литвы и особенно для Латвии, в которой за 9 электоральных циклов сменилось 21 правительство. В 2018 г. элитам Латвии понадобилось 109 дней после выборов, чтобы образовать правящую коалицию. Зависимость партий от бизнес-структур (миллионер В. Успасских контролировал Партию труда в Литве, миллионер А. Шкеле – Народную партию в Латвии, миллионер О. Осиновский – Социал-демократическую партию в Эстонии и т.д.), характерная для 2000 – 2010-х гг., постепенно снижается.

8. Решающее влияние на становление элит стран Прибалтики оказал утвержденный властными группами первых лет независимости (в первую очередь – «политиками морали» и представителями диаспор) принцип континуитета. В его основе тезис о «прерванной государственности» Латвии, Литвы и Эстонии в связи с их вхождением в 1940 г. в СССР и о ее

«восстановлении» после 1990 г. Советский период квалифицирован как «оккупация». В отношении данных установок, в соответствии с которыми сформировалось поколение политиков, не имевших советского опыта, утвердился элитный консенсус. Их отрицание блокирует политическую карьеру. Принцип континуитета использован доминировавшими в начале 1990-х гг. элитами для консолидации своей власти с целью обезопасить новый политический режим и отсеять более опытную экс-номенклатуру и будущих конкурентов. Одновременно идея континуитета прочно вплетена во внешнеполитическую концепцию «возвращения в Европу», служившую обоснованием интеграции в ЕС и НАТО.

9. После вступления в ЕС и НАТО концепция «возвращения в Европу» была формально реализована, цель достигнута. Возникший идейный дефицит способствовал внутренним расколам, нарастанию недоверия общества к политическим институтам, укреплению популистских сил. В Латвии и Литве, в отличие от Эстонии, недоверие правительственным, парламентским властным кругам, представителям партийных структур закрепилось на уровне существенно выше среднего в ЕС. Стремясь удержать власть, элитные группы регулярно используют инструменты из арсенала политического популизма. Элиты Латвии и Литвы подвержены влиянию восточноевропейской правой политической традиции, элиты Эстонии – северо европейской. Примечателен опыт Эстонии, где правопопулисты из Народно-консервативной партии EKRE стали важной частью правящей коалиции, Латвии – с популистской партией «Кому принадлежит государство», Литвы – с персоналистским политическим проектом Р. Паксаса (движение «Путь мужества») и пр. Находят свою электоральную базу и евроскептические идеи: в большей степени это свойственно для Эстонии (EKRE – «отрицающий евроскептицизм») и Литвы («Избирательная акция поляков Литвы» – умеренный евроскептицизм). В целом ориентация на ЕС сохраняется, однако доверие общества к основным властным институтам ослабляется на фоне развития практик фасадных демократий.

10. Властные группы в качестве одного из опорных инструментов поддержания внутриэлитного консенсуса и сохранения контроля над политическими процессами использовали «российскую угрозу». Эта установка не была снята после вступления стран Прибалтики в НАТО, а наоборот сделана системообразующей. Во внутренней политике «российская угроза» служит сплочению элит, повышению их управляемости, помогает ретушировать проблемы как в экономике, так и в сфере прав нетитульных групп. Во внешней политике она позволила странам Прибалтики занять свою нишу в Евроатлантике, привлечь внимание Брюсселя и Вашингтона к обеспечению своей безопасности. Безопасность трактуется властными группами Латвии, Литвы и Эстонии в широком смысле: Россия связывается с угрозой в военной, политической, экономической, гуманитарной сферах. Одним из приоритетов определена политика памяти, особенно о Второй мировой войне. Элиты стран Прибалтики, действуя во взаимной координации в Европарламенте, ПАСЕ, иных многосторонних институтах, содействуют дрейфу в ЕС от нарратива общей вины к нарративу общей угрозы. Тем самым создается дополнительная напряженность между Россией и ЕС. Наибольшей активностью в этом вопросе отличаются элиты Литвы. Борьба с «российской угрозой» поддерживает «прибалтийское единство». Предпринимаемые элитами усилия по «демократизации» стран постсоветского пространства, в первую очередь Украины, Грузии, Молдавии и Белоруссии, сочетаются с конфронтационным подходом к России.

11. Политической воли отдельных представителей элит (Н. Ушаков в Латвии, Р. Паксас в Литве, Э. Сависаар в Эстонии и др.) недостаточно, чтобы преодолеть негативную инерцию в российско-прибалтийском взаимодействии. Это же относится и к попытке нормализации двусторонней повестки через расширение бизнес-связей. Некогда крепкие деловые контакты российских инвесторов с партнерами в странах Прибалтики (в сфере транзита грузов и логистики, банковских услуг, недвижимости и т.д.) не привели к значимым позитивным подвижкам в политике элит Латвии, Литвы и Эстонии в отношении России. С 2016 г. Россия последовательно перенаправляет свои грузопотоки из

портов стран Прибалтики в порты Северо-Западного федерального округа. С 2020 г. деятельность российских торгпредств в этих странах приостановлена. В среднесрочной перспективе сохранение с незначительными страновыми нюансами конфронтационного подхода властных групп стран Прибалтики к России представляется наиболее вероятным сценарием. В Заключении данной диссертации изложены конкретные рекомендации по реализации российской политики на прибалтийском направлении.

Теоретическая и методологическая основа исследования. С целью комплексного изучения трансформации политических элит стран Прибалтики в основу методологии положен структурно-функциональный подход, методы компаративного и системного анализа, исторического и правового подходов. Изучение хода и результатов перемен властных групп проведено на основе социетально-деятельностного подхода, т.е. на основе рассмотрения масштабных социально-политических трансформаций наряду с анализом индивидуальных практик. Данная конструкция предполагает, что элиты, с одной стороны, способны менять социальные структуры, создавать новые ограничения, с другой – сами трансформируются под их воздействием.

При рассмотрении формальных и неформальных практик внутриэлитного взаимодействия в странах Прибалтики, анализе внутривнутриполитических аспектов становления властных групп Латвии, Литвы и Эстонии исследование опирается на теорию нового институционализма.

В работе применяются устоявшиеся термины и понятия, развитые в зарубежной и отечественной политической науке, в первую очередь – в теории элит. Среди них опорными являются: трансформация, политические элиты, структурная динамика политических элит, малая страна и др.

Простая совокупность, механическая сумма персоналий, занимающих властные позиции, не может быть охарактеризована как политическая элита. Такая группа должна соответствовать критерию влияния: быть способной оказывать фактическое, а не номинальное воздействие на принятие важнейших с политической точки зрения решений. Кроме того, необходимо соответствовать

критерию субъектности, то есть выступать в роли такого источника социально значимых изменений, который способен обеспечить их реализацию, даже несмотря на противодействие оппонентов.

К определению политических элит автор подходит согласно критерию непосредственного доступа к воздействию на систему органов государственной власти. В качестве синонима в работе используется понятие «властные группы». Данный подход можно назвать государствоцентричным, позволяющим выделить в рамках участников политического процесса такую группу лиц, члены которой контролируют совокупность важнейших во внутри- и внешнеполитическом измерениях государственных функций.

Структурная динамика политических элит рассматривается как смена каналов, механизмов, факторов формирования политических элит и специфики внутриэлитного взаимодействия. Трансформация политических элит определяется как процесс структурной динамики властных групп, изменение принципов элитного рекрутирования и внутриэлитного взаимодействия, связанных с формированием новой политической системы государства. Точкой отсчета данного процесса служит демонтаж предыдущего порядка. Становление политических элит завершается с преодолением дисфункциональности политической системы через формирование устоявшихся правил и норм, регулирующих возможности систематического и значительного воздействия на государственные институты для достижения политических целей.

Комплексное изучение трансформации политических элит малых стран, к которым относятся страны Прибалтики, предполагает рассмотрение как внутри-, так и внешнеполитического аспекта. При анализе влияния международных факторов, логики принятия властными группами Прибалтики ключевых решений во внешнеполитической сфере, использована теория малых стран.

Малая страна определяется как государство, властные группы которого в силу ограниченности собственных ресурсов неспособны самостоятельно обеспечить военно-политическую и экономическую безопасность, в связи с чем

оно вступает в асимметричные отношения с крупными странами или межгосударственными объединениями, полагаясь на их поддержку.

Изучение структурных аспектов трансформации элит проведено на основе сочетания позиционного и репутационного подходов. Используются инструменты количественного и качественного анализа. В рамках позиционного подхода принадлежность к политической элите определяется на основании занимаемых должностей. Однако более высокая иерархическая позиция не гарантирует ее обладателю реальную, а не номинальную власть. Также использован биографический метод, основанный на информации о профессиональных траекториях и связях представителей элит. Репутационный подход дает возможность заглянуть «за кулисы» власти, оценить неформальные связи и расстановку сил. Метод коллективной экспертной оценки, а также глубинные интервью с представителями различных элитных групп позволяют анализировать распределение центров влияния в динамике.

Изучение функциональных аспектов проведено на основе разработанного в теории элит решенческого (десизионного) подхода, рассматривающего элиты через призму реконструкции историко-политического контекста при принятии властными группами решений, имевших важное государственное значение. Анализ функций властных групп во внутри- и внешнеполитических процессах послужил основой для определения тенденций будущих трансформаций элит.

Правовой подход использован при анализе Конституций и законодательства стран Прибалтики (в т.ч. на стадии провозглашения независимости) с целью определения институциональных рамок взаимодействия властных групп и выявления их приоритетов, отраженных в ключевых правовых актах.

Компаративный подход применен при изучении различных аспектов трансформации властных групп. Анализ стран Прибалтики требует сопоставления их между собой с целью выявления общих и особенных черт.

Исторический подход позволил рассмотреть трансформацию политических элит Латвии, Литвы и Эстонии в конкретный хронологический период, выявить страновую специфику на различных этапах изменений.

Метод сценарирования использован при прогнозировании вариантов развития политического диалога между Россией и странами Прибалтики.

Степень научной разработанности проблемы. Классическое научное изложение теории элит относится к началу XX в. Формирование В. Парето, Г. Моска, Р. Михельсом¹ понятийного аппарата («элиты», «политический класс», «правлящий класс» и т.д.), исследование вопросов типологизации и механизмов рекрутирования, смены властных групп («львы» и «лисы», история как «кладбище» элит-аристократий), анализ М.Я. Острогорского² идеи обособления привилегированных групп в политических организациях на примере партий, осмысление М. Вебером³ проблематики власти и господства, иерархического принципа социального устройства велись на фоне укрепления политических течений того периода (особенно левой идеи⁴), развития партийных структур, расширения политической мобилизации граждан в период военных и социальных потрясений в Европе первой половины XX в.

Следующий этап в развитии теории элит связан с окончанием Второй мировой войны, формированием биполярного мирового устройства и распространением в этом контексте в западных общественных науках концепции модернизации, впоследствии – демократизации. Во второй половине XX в. теория элит обогатилась за счет разработок Дж. Голдстоуна, Т. Скочпол, Ч.

¹ *Mosca G.* The Ruling Class (Elementi De Scienze Politica). N.Y.: McGraw-Hill Book Company, Inc, 1939; *Моска Г.* История политических доктрин: монография. М.: РУСАЙНС, 2016. 257 с.; *Pareto V.* The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. L.: Routledge, Taylor&Francis Group, 2017; *Парето В.* Трансформация демократии / Пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011. 206 с.; *Michels R.* Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New York: [s.n.], 1959.

² *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии / Политология / сост. проф. М.А. Василик. М., 1999.

³ *Вебер М.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т.4. / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.

⁴ Подробнее анализ полемики см.: *Best H.* Marx or Mosca? An Inquiry into the Foundations of Ideocratic Regimes // Historical Social Research. 2012. No. 139. Special Issue. P. 73–89.

Тилли на основе идей П. Сорокина⁵ о социологии революций, что позволило изучить проблематику формирования, стабильности, разрушения социальных и государственных институтов, рассматривая в связке с ними структурную динамику и действия властных групп. Проводились обширные исследования в основном властных групп США и стран Западной Европы: анализировались границы политических элит⁶, их функциональные группы⁷ и внутриэлитное взаимодействие⁸. Развивались позиционный и репутационный подходы к анализу властных групп, изучались проблемы легитимности элит⁹.

Высокая плотность политических изменений, в ходе которых важность субъективного фактора возрастает, определили для элит как ключевого элемента политической системы одно из центральных мест в политических процессах и научных исследованиях второй половины XX – начала XXI вв.

Концепция модернизации дала основания для оформления транзитологического подхода, рассматривающего элиты как операторов «естественных» процессов политического развития – от менее развитых («авторитарных») к более развитым («демократическим»). К концу XX в. исследования элит в зарубежной политологии заметно активизировались: в фокусе внимания оказалась Восточная Европа и постсоветское пространство. Центральным понятием стало «соглашение элит» (*elite settlements, pacted transition*), разработанное преимущественно американскими учеными М.

⁵ Sorokin P. *The Sociology of Revolution*. Philadelphia: J. B. Lippincott Co. 1925; Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979; Tilly C. *European Revolutions, 1492 - 1992*. London: Wiley-Blackwell. 1996; Goldstone J. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Front Cover. New York: University of California Press, 1991.

⁶ Mills R. *The Power Elite*. New York : Oxford University Press, 1956; Dahl R. *Who Governs? Democracy & Power in an American City*. New Haven : Yale University Press, 1961; Domhoff W. *Who Rules America?* New Jersey : Prentice-Hall, 1967; Riesman D. *The Lonely Crowd. A Study of Changing American Character* / D. Riesman, N. Glazer, R. Denney. New York : Doubleday, 1953.

⁷ Keller S. *Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society*. New York : Random House, 1963.

⁸ Hunter F. *Community Power Structure*. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1953; Putnam R. *The Comparative Study of Political Elites*. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1976; Useem M. *The Inner Group of the American Capitalist Class // Social Problems*. 1978. Vol. 25, No. 3. P. 225–240; Laumann E. *The Organizational State* / E. Laumann, D. Knoke. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

⁹ Kadushin C. *Power Circles and Legitimacy in Developed Societies // Legitimation of Regimes* / ed. B. Denitch. London : Sage, 1979. P. 127–140.

Бартоном, Г. Филдом и Дж. Хигли¹⁰ в сотрудничестве с коллегами из других западных стран¹¹. Политические трансформации, которые в западной политологии были осмыслены как «демократический транзит», требовали понятийных моделей для интерпретации происходящих процессов и целеполагания новых элитных групп, потеснивших старые властные круги. В работах Дж. Хигли и его коллег по Восточной Европе эффективность политического режима увязана с уровнем сплоченности элит¹². Фактически этот тезис стал переложением ряда прежних исследований, одно из наиболее известных – работа американского ученого Р. Даля¹³, в которой с опорой на теорию элит разработана модель демократии как результат сложного процесса «торгов» и согласований между различными группами – полиархия.

Среди ключевых интеллектуальных центров развития исследовательских методик – университеты Германии и Италии. В частности, коллективы в Йене, Бамберге и Сиене под руководством Х. Беста, У. Хофман-Ланге, М. Эдингера, М. Котта, Л. Верцичелли и др.¹⁴ реализовали значимые проекты по изучению

¹⁰ *Field G. Elitism / G. Field, J. Higley. London ; Boston : Routledge ; Kegan Paul, 1980; Burton M. Elite Settlements / M. Burton, J. Higley // American Sociological Review. 1987. Vol. 52. No. 3. P. 295–307; Higley J., Kullberg, Pakulski J. The Persistence of Postcommunist Elites // Journal of Democracy. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 133–147; Higley J. Elites after State Socialism. Theories and Analysis / J. Higley, G. Lengyel. New York ; Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2000; Higley J. Elite Foundations of Liberal Democracy / J. Higley, M. Burton. Boulder : Rowman & Littlefield. 2006; Higley J. The Endangered West: Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World. New York: Routledge, 2017; Best H., Higley J. (eds.). The Palgrave Handbook of Political Elites. Palgrave, Macmillan, 2018.*

¹¹ *Wasilewski J. Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / ed. by J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. N. Y. : St Martin's, 1998. P. 163 – 187; Dogan M., Higley J. Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO. 1998; Best H., Higley J. Political Elites in the Transatlantic Crisis. Palgrave, Macmillan. 2014.*

¹² В данном случае Дж. Хигли вводит понятие идеологически объединенных элит. Подробнее см.: *Best H. Marx or Mosca? An Inquiry into the Foundations of Ideocratic Regimes // Historical Social Research. 2012. No. 139. P. 73–89.*

¹³ *Dahl R. Polyarchy. New Haven : Yale University Press, 1971.*

¹⁴ *Best H., Cotta M. Parliamentary Representatives in Europe 1848-2000, Oxford, Oxford University Press, 2000; Best H. New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites // Comparative Sociology. 2007. No. 6. P. 85-113; Best H. Stabilizing Democracy in Eastern Europe under the Condition of Highly Volatile Political Elites // Ertékés Valóság. 2007. No. 8. P. 23-34; Edinger M. Elite Formation And Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis // Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives / Ed. by J. Higley, H. Best. P.127-149; Best H., Cotta M. Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence. Oxford: Oxford University Press, 2007; Best H., Edinger M., Semenova E. Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and*

властных групп стран Восточной Европы¹⁵. Отмечался, в частности, уникальный, стремительный характер изменения политических режимов – то, на что в «старых демократиях» у властных групп уходили десятилетия, здесь свершалось быстрее¹⁶. При формировании исследований по изучению элит восточноевропейских государств актуальной оказалась упомянутая выше идея соглашения, пакта элит с точки зрения его влияния на смену режима¹⁷.

Как отмечал И. Беренд, «государственный социализм рухнул, т.к. коммунистические элиты утратили веру в себя и надежду на решение проблем в экономике»¹⁸. Внимание ученых привлек вопрос о соотношении циркуляции и воспроизводства властных групп. Значимые работы по этой теме выполнили ученые из Венгрии: А. Аг, А. Бозоки, Г. Лендьел, Э. Салаи, И. Селеньи, Э. Ханкиш, Г. Эяль и др.¹⁹ и Польши: Я. Василевский, Э. Внук-Липиньский,

Representation. London: Routledge, 2013; Хоффман-Ланге У. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в новых и старых демократиях // Сравнительная политика. 2012. № 3. С. 4-23; Cotta M. On the Relationship between Party and Government // The nature of party government. A comparative European Perspective / ed. by J. Blondel, M. Cotta. L.: MacMillan, 2000; Verzicelli L. Elite network Analysis and Elite Patterns of Carriers / Integrated and United: A quest for Citizenship in an 'ever closer Europe' (IntUne Papers), University of Siena, 2007; Cotta M., Russo F. Europe À La Carte? European Citizenship and Its Dimensions from the Perspective of National Elites / Europe of Elites / ed. Best H., Lengyel G., Verzichelli L. Oxford University, 2012.

¹⁵ Среди проектов выделим: *EurElit* (изучение парламентского сегмента элит стран ЕС, в т.ч. на уровне Европарламента – сначала рассматривалась Западная Европа, но впоследствии фокус внимания был расширен до 12 государств, в т.ч. и на страны Прибалтики), *IntUne* (в странах ЕС было сформировано 18 исследовательских коллективов, которые сумели опросить 2,3 тыс. представителей политической и бизнес-элиты). Стоит отметить и проект *SFB580* (научный центр при Йенском университете провел в 2003-2010 гг. исследование более 2 тыс. представителей парламентского сегмента элиты Германии).

¹⁶ Бест Г. Смена элит и процесс демократизации в Центральной и Восточной Европе // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под. ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 29-36.

¹⁷ Wasilewski, J. Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / eds. J. Higley, J. Pakulski, W. Wesolowski. New York: St Martin's, 1998. P. 163–187.

¹⁸ Berend I.T. From Plan to Market, From Regime Change to Sustained Growth in Central and Eastern Europe // Economic Survey of Europe, 2000. No. 2/3. P. 47-67.

¹⁹ Eyal G. Making Capitalism Without Capitalists: The New Ruling Elites in Eastern Europe / G. Eyal, I. Szelenyi, E. Townsley. London: Verso, 1998; Hankiss E. East European Alternatives. Oxford: Clarendon Press, 1990; Szalai E. The Metamorphosis of the Elites // Lawful Revolution in Hungary, 1989-94 / Ed. by B. Liraly, A. Bozoki. Boulder: Social Science Monographs, 1995. P. 159-174; Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism Without Capitalists: The New Ruling Elites in Eastern Europe. London: Verso, 1998; Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998; Bozoki A. Theoretical Interpretations of Elite Change in East Central Europe // Elite configurations at the apex of power / Ed. M. Dogan. Leiden: Brill, 2003. P. 215–223.

Я. Станишкис²⁰. Первоначально исследователи сошлись во мнении, что основным процессом в возникших после распада СССР государствах стал «политический капитализм»²¹ – перемещение путем приватизации собственности экс-номенклатуры с политико-административных постов в бизнес. После дополнительных эмпирических исследований схема была уточнена: обоснован тезис о «коммунистической технократии» (представители второго эшелона имели больше шансов занять ведущие позиции в составе политической элиты на рубеже 1980 – 1990-х гг., чем высшее руководство, секретари ЦК), а потом и тезис о роли пришедшей в политику гуманитарной, творческой интеллигенции на начальных этапах трансформаций.

В Советском Союзе исследований элит в свободном доступе не было, не использовался и термин «элита»²². Импульс открытым изысканиям в нашей стране придали работы А.А. Галкина, Ф.М. Бурлацкого²³, Г.К. Ашина²⁴, формировавшие понятийный аппарат и предметную область изучения элит в тот период. Постепенно элитология²⁵ стала развитой отраслью политической науки России. Научные центры по исследованию элит сложились, в частности, в Москве (под руководством О.В. Гаман-Голутвиной, В.Г. Ледеява, А.П. Кочеткова, Е.Б. Шестопаля²⁶ и др.), в Санкт-Петербурге (А.В. Дука, О.В. Попова,

²⁰ *Staniszki J.* The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience. Berkley : California Press, 1991; *Staniszki J.* Post-Communism, the Emerging Enigma. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1999. 366 pp.; *Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E.* Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. P.669-696.

²¹ *Staniszki J.* «Political Capitalism» in Poland // *East European Politics & Societies*. 1990. Vol. 5. No. 1. P. 127–141.

²² *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 38-73.

²³ *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М. : Мысль, 1985.

²⁴ *Ашин Г. К.* Современные теории элиты: Критический очерк. М. : Международные отношения, 1985.

²⁵ *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.

²⁶ *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты в фокусе компаративного анализа. Очерки теории и истории. М.: Аспект Пресс, 2020. 570 с.; *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.; *Кочетков А.П.* Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект-Пресс, 2020; *Ледеяев В.Г.* Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.; *Ледеяев В.Г.* Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции // *Политическая наука*. 2019. № 3. С. 14–29;

А.В. Шентякова²⁷ и др.), Ростове-на-Дону (А.В. Понеделков, А.М. Старостин²⁸ и др.). В фокусе их внимания вопросы типологии, теоретических оснований и современных тенденций элитологии, ценностные и структурные трансформации российских властных групп, связи политических элит и режимов, концептуализация понятия «власть» и т.д. Среди крупных проектов: «Самые влиятельные люди России» (О.В. Гаман-Голутвина, Москва, 2004 г.)²⁹; приуроченные к Первому, Второму и Третьему элитологическим конгрессам исследования Ростовской элитологической школы (2013 г., 2016 г. и 2019 г.)³⁰; «Эволюция властных элит и политическая культура в российском обществе» (А.В. Дука, Санкт-Петербург). Заметную роль сыграли дискуссии о структуре российской политической элиты³¹. Значим вклад в изучение властных групп Д.В. Бадовского и А.Ю. Шутова³², Н.Ю. Лапиной³³, О.Б. Подвинцева³⁴, Е.А.

Шестопал Е.Б. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ. М.: РОССПЭН, 2012.

²⁷ Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 14-54; Попова О.В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2013. №1. С. 49-56; Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 46-56; Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24-66.

²⁸ Властные элиты современной России в процессах политической трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. Р.н/Д.: СКАГС, 2004. 520 с.; Воронцов С.А., Понеделков А.В. Инновационные ответы российской элитологии на вызовы современной политической ситуации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 158-168.

²⁹ Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты России / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: ИСАНТ, 2004.

³⁰ Элитология и стратегии развития современной России / Еремеев С.Г., Понеделков А.В., Шабров О.Ф., Буров А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Коваленко В.И., Охотский Е.В., Григорян Д.К., Горбунов А.А., Черкасова Т.П., Карабуценко П.Л., Усманов Р.Х., Змияк С.С., Моисеев В.Н., Голубева М.О., Яланский А.П. / Инф.-аналит. материалы Второго Всероссийского элитологического конгресса (21-22 октября 2016 г., г. Ростов-на-Дону) / РАНХиГС, Ростовская научная элитологическая школа. Р.н/Д., 2016. 150 с.

³¹ Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // Post-Soviet Affairs. 2006. Vol. 22, No. 2. P. 125-145; Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, No. 4. P. 289-306; Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властные структуры и группы доминирования / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94-120; Rivera S.W., Rivera D.W. Are Siloviki Still Undemocratic? Elite Support for Political Pluralism during Putin's Third Presidential Term // Russian Politics. 2019. No. 4 (4). P. 499-519.

³² Бадовский Д.В., Шутов А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России // Кентавр. 1996. № 6. С. 3-23.

³³ Лапина Н.Ю. Региональные элиты России. М.: ИНИОН РАН, 1997. 63 с.

Чириковой³⁵. В.А. Ачкасов системно анализирует роль элит в конфликтах на постсоветском пространстве³⁶, А.И. Соловьев рассматривает деятельность властных групп в контексте государственного управления³⁷.

Для отечественного изучения властных групп характерен акцент на внутрироссийских объектах (федеральный и региональный уровень); проблематика международных компаративистских исследований разработана меньше³⁸, на что обращено внимание в ряде работ³⁹.

Властные группы Латвии, Литвы и Эстонии находятся в исследовательском поле российских и зарубежных ученых сравнительно недавно. В зарубежной литературе данная проблематика представлена довольно обширно. Страны Прибалтики – единственные из бывших советских республик – в сжатые сроки прошли путь, в целом соответствующий тенденциям Восточной Европы. Соответственно, при анализе властных групп стран Прибалтики в первую очередь применялись восточноевропейские подходы.

По мнению норвежского учёного А. Стина, элиты Латвии, Литвы и Эстонии отличались от многих стран ЕС тем, что чаще использовали государственные институты в своих интересах⁴⁰. Такую оценку критиковали прибалтийские специалисты. Основные дебаты в странах Прибалтики велись вокруг традиционных для региона Восточной Европы проблем: роль властных

³⁴ Подвинцев О.Б. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С.171-189.

³⁵ Чирикова А.Е. Региональные элиты. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.; Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017. 414 с.

³⁶ Ачкасов В.А. Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов // Власть и элиты. 2015. Т. 2. С. 209-233.

³⁷ Соловьев А.И. Политический лидер в административной среде государственного управления, или “кто в доме хозяин?” // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С.60-81.

³⁸ Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012; Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. 181 с.

³⁹ Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.

⁴⁰ Steen A. Between Past and Future: Elites, Democracy and the State in Post-Communist countries. A Comparison of Estonia, Latvia and Lithuania. Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Ashgate. 1997; Steen A. Small States and National Elites in a Neoliberal Era / Small States in the Modern World. Vulnerabilities and Opportunities / ed. Baldersheim H., Keating M. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2015. P. 183-201.

групп в социально-политических трансформациях, место старой номенклатуры в этих процессах, структура и динамика трансформации элит, роль интеллигенции, практики внутриэлитного взаимодействия и т.д. Среди прибалтийских исследователей элит отметим К. Антанайтиса⁴¹, В. Гайдиса⁴², К. Масюлиса⁴³, И. Матоните⁴⁴, А. Крупавичюса⁴⁵, Ж. Озолиню⁴⁶, И. Островску⁴⁷, В. Петтаи⁴⁸, Ю. Розенвалдса⁴⁹, Ю. Рууса⁵⁰, Я. Тоомла⁵¹, Д. Янушаускаене⁵². Большой массив исследований посвящен специфике общественно-политической трансформации в странах Прибалтики в контексте их вступления в Европейский союз и НАТО, а также подходу нового руководства к «советскому наследию» и современной России: работы Д. Ауэрса⁵³, Р. Вильпишаускаса⁵⁴, М. Ильмярва⁵⁵, А.

⁴¹ *Antanaitis K.* Nomenklaturės transformacijos Lietuvoje 1988-1992 metais // *Darbai ir dienos*. No. 49. 2008. P. 81-93.

⁴² *Gaidys V.* The Emergence of the Lithuanian Political Elite / The New Elite in Post-communist Eastern Europe / Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool and B. Doctorov. Texas A&M University Press. 1999.

⁴³ *Masiulis K., Sudnickas T.* Elitas ir lyderyste. Vadovėlis. Vilnius: Mykolo Romerio universiteto leidybos centras, 2008.

⁴⁴ *Matonyte I.* Posovietinio elito labirintai. Vilnius : Knygiai, 2001; *Matonyte I., Sumskas G.* Lithuanian parliamentary elites after 1990: dilemmas of political representation and political professionalism / Parliamentary elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and representation / Eds. Semenova E., Edinger E. and Best H. London; New York: Routledge, 2014; *Matonyte I., Sumskas G., Morkevicius V.* Europeaness of Lithuanian Political Elite: Europhilia, Russophobia and Neoliberalism // *Historical Social Research*. 2016. No. 4 (41). P. 150-172; *Matonyte I., Sumskas G., Gaidys V.* Europietiško rakursai: Lietuvos elitų bei gyventojų požiūriai ir žvilgsnis į kitas Europos šalis. Kaunas: Technologija, 2018.

⁴⁵ *Krupavicius A.* Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis, Hungarian Center for Democracy Studies Foundation, Budapest papers on Democratic transition, No. 158. 1998.

⁴⁶ *Ozolins Z.* Latvija eiropeizācijas krustceļos. Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 135 p.

⁴⁷ *Ostrovskaya I.* The Recruitment of Political Elite: Peculiarities of Transition in Latvia // *The European Legacy*. 1996. Vol. 1. No. 1. P. 362-368.

⁴⁸ *Pettai V., Auers D., Ramonaitė A.* Political development // *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On*. Tallinn: PrintonTrūkikoda, 2011. P. 144-163.

⁴⁹ *Розенвалдс Ю.* Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства // *Сравнительная политика*. 2012. № 3 (9). С. 149–160.

⁵⁰ *Руус Ю.* Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах: случай Эстонии // *Сравнительная политика*, 2012. № 3. С. 99-125.

⁵¹ *Toomla J.* (ed.) Valitud ja valitsenud: Eesti parlamentaarsete ja muude esinduskogude ning valitsuste isikkoosseis aastail 1917-1999. Tallinn: Eesti Rahvusraamatukogu, 1999.

⁵² *Janusauskienė D.* The Post-Communist Democratization in Lithuania. Elites, Parties and Youth Organizations 1988-2001. Amsterdam; New York, 2011.

⁵³ *Auers D.* Comparative Politics and Government of the Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania in the 21st Century. London: Palgrave Macmillan, 2015. 269 p.

⁵⁴ *Vilpisauskas R.* Baltic States Negotiating the EU Entry: Process, Patterns and Results // *Lithuanian Political Science Yearbook* 2002. Vilnius, Vilnius University. 2003.

Казекампа⁵⁶, Ч. Лауринавичюса⁵⁷, М. Лауристин⁵⁸, Н. Муйжниека⁵⁹, Р. Мюллерсона⁶⁰, Л. Мьялсоо⁶¹, Ю. Новагроцкене⁶², З. Норкуса⁶³, К. Паулаускаса⁶⁴, А. Рамонайте⁶⁵, В. Сафроноваса⁶⁶, Д. Скулте-Уэйсс⁶⁷, Г. Соотлы⁶⁸, Л. Талат-Келпши⁶⁹.

Особый блок – мемуары тех, кто занимал высшие позиции в политических элитах Латвии, Литвы и Эстонии: В. Адамкус, А. Бразаускас, М. Гайлис, В. Домбровскис, В. Затлерс, Т.Х. Ильвес, С. Каллас, М. Лаар, В. Ландсбергис, А. Рюйтель, Э. Сависаар⁷⁰. Понять мотивы решений,

⁵⁵ *Ильмарв М.* Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. 806 с.

⁵⁶ *Казекамп А.* История балтийских государств. Тарту: Изд-во Тартуского университета, 2014.

⁵⁷ *Лауринавичюс Ч.* Как соседи становятся врагами / Россия и Балтия. Вып. 6. Диалог историков разных стран и поколений / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Весь Мир, 2011.

⁵⁸ *Lauristin M., Vihalemm P.* The Political Agenda Of Estonian Transformation: External And Internal Factors // *Journal of Baltic Studies*. 2009. Vol. 40, No. 1. P. 1-28.

⁵⁹ *Muiznieks N.* Latvian-Russian Relations: Dynamics Since Latvia's Accession to the EU and NATO. Riga: LU Akademiskais apgads, 2011. 87 p.

⁶⁰ *Мюллерсон Р.* Национальные интересы, идеология и историческая одержимость во внешней политике // Политические элиты в старых и новых демократиях. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 247-253.

⁶¹ *Мьялсоо Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Тарту : Изд-во ТУ, 2005.

⁶² *Novagrockiene J.* Lietuvos partines sistemos raida / Seimo rinkimai '96, treciasis «atmetimas» / Sud. A. Krupavicius. Tverme. 1998.

⁶³ *Norkus Z.* Kokia demokratija, koks kapitalizmas? Pokomunistine transformacija Lietuvoje lyginamosios istorines sociologijos požiūriu. Vilnius: Vilniaus universitetas. 2008.

⁶⁴ *Paulauskas K.* The big, the bad and the beautiful: America, Russia and Europe's mellow power // *Lithuanian Foreign Policy Review*. No. 20. 2008. P. 120-126.

⁶⁵ *Ramonaite A.* Posovietines Lietuvos politine anatomija. Pilietinės visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Vilnius: Versus aureus. 2007.

⁶⁶ *Сафроновас В.* О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2009. № 3. С. 424-458.

⁶⁷ *Скулте-Уэйсс Д.* Вернувшаяся диаспора и политическое лидерство в случае посткоммунистической Латвии и Литвы // Продвижение демократических ценностей в расширяющейся Европе: изменяющаяся роль Балтийских государств от импортеров к экспортерам (ред. Казекамп А., Пяэбо Х.). Тарту, 2006. С. 91-101.

⁶⁸ *Sootla G.* The Development and Dilemmas of Estonian Local Government from a European Perspective / *Administrative Reform 2017 in Estonia: Decisions, Backgrounds, Implementations* / Ed. Valner S. Tallin: Menu Meedia OU, 2018. 711 p.

⁶⁹ *Talat-Kelpsa L.* Vyriausybe ir prezidentas / Lietuvos politine sistema: sąranga ir raida / Ed. by A. Krupavicius and A. Lukošaitis. Kaunas. 2004.

⁷⁰ *Dombrovskis V., Aslund A.* How Latvia Came Through the Financial Crisis. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2015. 200 p.; *Kallas S.* Vabaduse ja kurjuse vahel. Euroopa Liidu lugu. Tallinn: SE&JS, 2018. 368 p.; *Adamkus V.* Paskutine Kadencija. Prezidento dienoraščiai. Vilnius: Tytoalba, 2011. 544 p.; *Laar M.* Poore Mälestused. Tallinn: OÜ Read, 2015. 400 p.; *Landsbergis V.* Guilt and Atonement: the Story of 13 January. Vilnius : Jungtines spaudos paslaugos, 2015. 380 p.; *Бразаускас А.* Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли. М.: Унипринт, 2002; *Затлерс В.* Вот кто я! По-русски. Рига : Jumava, 2016; *Сависаар Э.* Правда об Эстонии : в 2 т.

принимавшихся властными группами, позволяют издания, которые выпустили советники политических деятелей, их деловые партнеры, а также обозреватели: Л. Белинис, Ю. Казизкас, Ю. Круминьш, Л. Лапса, Р. Лопата, К. Паас, Д. Ульбинайте, Р. Янутене и др.⁷¹

Российские ученые создали значительный корпус работ в области партийно-политических систем как по конкретным страновым направлениям, так и обобщающего характера. В работах А.П. Бутенко, Ал.А. Громыко, А.А. Дынкина, А.А. Кокошина, В.А. Никонова, А.В. Торкунова содержится концептуальный анализ коренных вызовов, с которыми сталкиваются ведущие государства и международное сообщество в целом⁷². В числе работ по международно-политической проблематике, в которых осмыслены проблемы сопряженности внешних и внутренних факторов развития западных политий, выявлены магистральные тенденции развития на глобальном и региональном уровне, следует назвать исследования Н.К. Арбатовой, В.Б. Белова, Ю.А. Борко, М.В. Братерского, И.М. Бусыгиной, О.В. Буториной, Ф.Г. Войтоловского, В.В.

Таллин : Midfield, 2012; *Ильвес Т.Х.* Говорит глава государства / сост. О. Коппель. Таллин: Eesti Koostöökoogu, 2014; *Гайлис М.* Шесть лет во власти. Рига: Litres, 2018; *Рюитель А.* Эстония: возрождение будущего. Таллинн: По, 2003. 224 с.

⁷¹ *Bielinis L.* Prezidentē. Kaunas: Knygius; Kitos knygos, 2011; *Bielinis L.* Prezidentē. Antra knyga. Kaunas: Knygius, 2013; *Janutiene R.* Dinastija. Landsbergiu isgyvenimo istorija. Vilnius: Nataiva, 2014. 312 p.; *Janutiene R.* Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius: Nataiva. 2013. 271 p. *Kazickas J., Bartusevičius V.* Odyssey of Hope: the Story of a Lithuanian Immigrant's Escape from Communism to Freedom in America and the Return to his Beloved Homeland, Vilnius: Tyto alba, 2006; *Lapsa L., Jančevskis K., Saatčiane I.* Latvietis parastais. Riga. Atēna, 2011; *Lopata R.* Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos. Vilnius universiteto leidykla. 2010; *Paas K., Krjutskova K.* Andrus Ansip – halva iseloomuga tark poiss. Tallinn: Vaba Kiri OU, 2016. 352 lk.; *Ulbinaitė D.* Nustokim krūpčiot. Prezidentė Dalia Grybauskaitė. Vilnius: Tyto alba, 2019; *Зелменис Я.* Маятник богатства, или Приватизация «Вентспилснафта». Рига: Goldberg Trust, 2015. 255 с.; *Круминьш Ю.* Рассказы ильгюциемского пацана. Рига: Autora izdevums, 2017. 336 с.

⁷² *Бутенко А.П.* О «бархатных» и «небархатных» революциях в странах Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 59-68; *Бутенко А.П.* Глобализация: сущность и современные проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3; *Громыко Ал.А.* О насущном. Европа и современный мир. М. ; СПб : Нестор-История, 2017; *Громыко Ал.А.* «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5-12; *Дынкин А.А.* В поисках новой архитектуры миропорядка // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 210. № 2. С. 233-239; *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37; *Кокошин А.А.* Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 38–62; *Никонов В.А.* Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2017. № 6. С. 8-29.

Журкина, В.Ю. Зорина, О.П. Иванова, А.П. Клемешева, М.М. Лебедевой, И.Ф. Максимычева, А.С. Пую, И.Н. Тарасова, В.П. Федорова, О.В. Шаброва⁷³. Труды А.Д. Богатурова, М.А. Хрусталева, П.А. Цыганкова⁷⁴ содержат подходы, применимые к анализу властных групп малых стран в международных делах.

За рубежом традиция изучения латвийской, литовской и эстонской политической жизни сложилась более полувека назад. С 1968 г. в США действует Ассоциация по развитию балтийских исследований (Association for the Advancement of Baltic Studies). Среди ее тематических ориентиров: проблематика властных групп, осмысление советских лет Латвии, Литвы и Эстонии, периода провозглашения независимости, вопросы национализма, безопасности и пр.⁷⁵

⁷³ *Arbatova N.* Reaching an understanding on Baltic security // *Survival*. 2018. Vol. 60. No. 3. P. 115-132; *Белов В.Б.* (ред.) Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2018. 204 с.; *Борко Ю.А.* Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа*. 2015. № 3 (63). С. 7-16; *Борко Ю.А.* Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее / Доклады Института Европы РАН. № 355. М., 2018. 70 с.; *Братерский М.В.* Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI в. // *Актуальные проблемы Европы*. 2017. № 1. С. 15-33; *Бусыгина И.М., Климович С.А.* Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе // *Балтийский регион*. 2017. Т.9. № 1. С.7-26; *Буторина О.В.* Еврозона: гравитация против конвергенции? / *Большая Европа: Идеи, реальность, перспективы* / Под ред. Ал.А. Громько, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 186-205; *Войтоловский Ф.Г.* Единство и разобщенность Запада // *Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е–2000-е гг.* М., 2007; *Зорин В.Ю., Рудаков А.В.* Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2018. № 3. С. 55-70; *Лебедева М.М.* Актеры современной мировой политики: тренды развития // *Вестник МГИМО Университета*. 2013. № 1. С. 38–41; *Европа XXI века. Новые вызовы и риски* / под общей редакцией *Ал.А. Громько, В.П. Фёдорова*. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.; *Иванов О.П.* Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истории вопроса // *Современная Европа*. 2017. № 6. С. 34–46; *Максимычев И.Ф.* Есть ли будущее у Большой Европы? // *Современная Европа*. 2013. № 1. С. 34-44; *Пую А.С.* (и др.) Медиакратия: современные теории и практики. СПб: Изд-во СПбГУ, 2013; *Семенов И.С.* Прошлое на переднем крае политической идентичности // *МЭиМО*. 2018. Т. 62. № 11. С. 65-76; *Тарасов И.Н.* Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ: дис. д-ра полит. наук. СГСЭУ, Саратов, 2009; *Шабров О.Ф.* Государство XXI в.: пределы эффективности / *Российская политическая наука: идеи, концепции, методы* / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 109-120; *Шинелина Л.Н.* Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. М.: Ин-т Европы РАН, 2017.

⁷⁴ *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект-Пресс, 2017; *Хрусталева М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015; *Цыганков П.А.* О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // *Пространство и время в мировой политике и международных отношениях*. М.: МГИМО, 2007. С. 30-42.

⁷⁵ *Sukis J.* Siberian Exile: Blood, War, and a Granddaughter's Reckoning. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 200 p.; *Smidchens G.* The Power of Song: Nonviolent National Culture in the Baltic Singing Revolution. Washington: University of Washington Press, 2013. 446 p.; *Annus E.* The

В России столь длительной традиции изучения латвийского, литовского и эстонского обществ нет. Отечественная Ассоциация прибалтийских исследований (на базе СПбГУ) действует с 2016 г. Однако она уже реализовала ряд значимых исследований в сфере экономики, безопасности, истории данного региона⁷⁶. Исследовательские центры, изучающие страны Прибалтики, формировались в России с 1990-х гг. В Москве внешнеполитические сюжеты с участием стран Прибалтики рассматриваются в МГИМО⁷⁷, Институте Европы РАН⁷⁸, Институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова⁷⁹ РАН, Дипломатической академии⁸⁰, исторические сюжеты – в Институте всеобщей истории РАН⁸¹, Институте российской истории РАН⁸²,

Problem of Soviet Colonialism in the Baltics // *Journal of Baltic Studies*, 2012. No. 43 (1). P. 21–45; *Rostoks T.* Identifying intentions: Latvian policy-makers' perceptions of Russia's intentions // *Journal of Baltic Studies*. 2017. No. 49 (1). P.21-45; *Cheskin A.* Exploring Russian-Speaking Identity from Below: The Case of Latvia // *Journal of Baltic Studies*, 2012. No. 44 (3). P. 287–312.

⁷⁶ *Зверев Ю.М., Межевич Н.М.* Безопасность в восточной Балтике : К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019» : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 152 с.; *Еремина Н.В.* Популизм в Европе: основные характеристики и специфика государств Прибалтики : научный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 64 с.; *Еремина Н.В.* Еврофонды в Латвии, Литве и Эстонии: проблемы и перспективы. М.: Русская книга, 2018. 31 с.; *Межевич Н.М.* Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М.: Русская книга, 2017. 64 с.; *Житин Д.В., Иванова А.А.* Демографическое развитие стран Балтии. М.: Русская книга, 2017. 122 с.; *Вендина О., Колосов В., Себенцов А.* Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? М.: Русская книга, 2016. 32 с.

⁷⁷ *Симомян Р.Х.* Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. 3-е изд. М. : Инст. социологии РАН, 2009; *Симомян Р.Х.* Лекции по истории и этнологии Литвы. М.: Аспект-пресс, 2014. 256 с.; *Симомян Р.Х.* Эстония. Обретение второй независимости. М.: Аспект-пресс, 2016. 320 с.; *Воротников В.В.* Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. М.: Аспект Пресс, 2015. 272 с.

⁷⁸ *Смирнов В.А.* Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // *Современная Европа*. 2016. № 5 (71). С. 44–54; *Шишелина Л.Н., Пономарева Е.Г., Гаман-Голутвина О.В.* Проект Восточного партнерства «до» и «после» Майдана. Часть 2: литовский опыт и латвийские планы // *Вестник аналитики*. № 4 (58), 2014.

⁷⁹ *Оленченко В.А.* Страны Прибалтики в ЕС: результаты и перспективы. М., 2017.

⁸⁰ *Мозель Т.Н.* Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе. М.: Научная книга, 2001. 303 с.; *Скачков А.С.* Почему не состоялся прибалтийский «мост» между Россией и Евросоюзом? // *Международная жизнь*. 2015. № 10. С. 111–125; *Скачков А.С.* Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // *Сравнительная политика*. 2017. № 1. С. 140–151.

⁸¹ *Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв.* / Отв. ред. А.А. Комаров. М.: ЛЕНАНД, 2014; *Михайлова Ю.Л.* Совместная российско-латвийская комиссия историков 2011 – 2013 гг. // *Россия и Балтия*. Вып. 7: Памятные даты и историческая память / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2015. С. 229 – 235.

⁸² *Дюков А.Р.* Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М.: Историческая память, 2013. 264 с.; *Зубкова Е.Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953. М.: РОССПЭН, 2008.

Российском институте стратегических исследований⁸³. Акцент на экономической проблематике сделан в СПбГУ⁸⁴ и СПбГУЭ⁸⁵. В Калининграде, Карелии, Пскове изучаются региональные аспекты приграничного сотрудничества, проблематика малых стран, вопросы идентичности, транспорта, безопасности⁸⁶.

Примеры комплексного изучения в России элит стран Прибалтики отсутствуют. Эта тематика отчасти затрагивалась в некоторых кандидатских и докторских диссертациях по трансформации партийно-политического ландшафта в странах Прибалтики, их международно-политическому становлению и пр.⁸⁷ На восполнение пробела в сфере изучения властных групп Латвии, Литвы и Эстонии и направлена данная диссертация.

Эмпирическую базу исследования составили проведенные автором 53 глубинных интервью с представителями властных групп, учеными из Вильнюса,

⁸³ *Воробьева Л.М.* Прибалтийский вопрос: эстонское направление (1920-2016 гг.). М.: РИСИ, 2016. 576 с.

⁸⁴ *Ланко Д.А., Ланцова И.С.* Национализация партийной системы Эстонии в 2005 – 2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т.1. С. 16-31; *Межевич Н.М.* Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М.: Русская книга, 2016; *Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам / Н.М. Межевич, А.В. Шадурский, А.М. Грозовский.* СПб.: СПбГУ, 2013; *Худолей К.К.* «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 4 – 24; *Портнягина М.Д.* Страны Балтии во внешней политике Федеративной Республики Германия и Российской Федерации в 1990-е годы – начале XXI века. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. 166 с.; *Rorova O.* Political Science in the Russian Federation: Scientific Researches on Russian-speaking Minorities in the Baltic States // *Ethnicity. Towards the Politics of Recognition in Latvia: 1991–2012 / ed. by V. Volkovs, D. Hanovs, I. Runce.* Riga: Zinatne, 2013. P. 110-130.

⁸⁵ *Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В.* Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 60-78.

⁸⁶ Польша, Литва, Латвия, Эстония: социально-экономическое и политическое развитие: монография / под ред. *А.П. Клемешева.* М.: Инфра-М, 2018. 134 с.; *Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С.* Россия на Балтике: 1990–2012 годы. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2013. 252 с.; *Зверев Ю.М., Межевич Н.М.* Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // *Полис. Политические исследования.* 2019. № 5. С. 181-191; *Кирчанов М.В.* Континуитет и дискретность в современных исторических памятниках стран Балтии (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // *Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований.* 2019. № 1 (16). С. 180-218.

⁸⁷ *Фурман Е.Д.* Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Либроком, 2009; *Ямалова Э.Н.* Демократия в постсоветских государствах Балтии: сравнительный анализ факторов становления и развития: дисс. д-ра полит. наук. М., 2018. 680 с.; *Курьянов В.Н.* Страны Балтии: становление национальной государственности в системе международных отношений: дисс. доктора полит. наук. Москва, 1999; *Уразбаев Е.Е.* Институционализация национализма в процессе формирования политических идентичностей населения стран Балтии: дис. канд. полит. наук. Калининград, 2017. 159 с.; *Ершов О.В.* Российский вектор внешней политики Латвийской Республики в условиях глобального кризиса: дисс. канд. полит. наук. Москва, 2011; *Барсебян А.М.* Международные аспекты становления независимых государств (на примере стран Балтии): автореф. дисс. канд. полит. наук. Москва, 1996.

Риги и Таллина, специализирующимися на изучении элит, а также с журналистами, систематически вовлеченными в освещение политической жизни Латвии, Литвы и Эстонии. Большая их часть дали интервью на условиях конфиденциальности, поэтому автор вынужден воздержаться от указания полного пофамильного списка респондентов.

Для количественного анализа элит использованы данные из открытых источников о карьерных траекториях 886 политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии: 252 – от Литвы, 271 – Эстонии и 363 – Латвии (в Латвии большее количество учтенных парламентских электоральных циклов – 9 вместо 7 в Литве и 8 в Эстонии). До 53% – представители парламентов, 40% – правительств, 7% – президенты и советники.

Отдельную группу источников представляют официальные документы Литвы, Латвии и Эстонии: нормативно-правовые акты, акты органов государственной власти, официальные стратегии, программы и концепции, парламентские резолюции и межпартийные соглашения, а также официальные документы ЕС и НАТО.

Важнейшие решения властных групп, определившие долгосрочные основы развития Латвии, Литвы и Эстонии, рассмотрены в соответствии с ключевыми документами, образующими юридический фундамент независимости стран Прибалтики: Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики от 4 мая 1990 г., Акт о восстановлении независимости Литовского государства от 11 марта 1990 г., Декларация о суверенитете Эстонской ССР от 16 ноября 1989 г., Конституция Латвии 1922 г. в редакции от 19 июня 2014 г., Конституция Литвы от 25 октября 1992 г., Конституция Эстонии от 28 июня 1992 г., документы Верховных советов. Используются документы о работе литовского «Саюдиса», латвийского и эстонского Народных фронтов, содержащиеся в изданиях серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» Института этнологии и антропологии РАН.

Проведен анализ официальных выступлений представителей органов государственной власти Литвы, Латвии и Эстонии, органов ЕС и НАТО.

Рассмотрены экспертные оценки отечественных и зарубежных специалистов, представляющих различные взгляды на объект исследования.

В работе использованы статистические данные электоральных кампаний, референдумов в странах Прибалтики, а также результаты социологических исследований и экспертных опросов, официальные данные социально-экономической статистики, собранные статистическими службами стран Прибалтики, социологическими службами и агентствами на национальном, общеевропейском и международном уровнях.

Научная новизна состоит в комплексном подходе к анализу политических элит Латвии, Литвы и Эстонии, особенностям их формирования и взаимодействия в 1990 – 2019 гг. с опорой на авторские позиции и оценки представителей властных групп, высказанные в глубинных интервью. Ранее в России исследований на материале указанных стран с использованием данных подходов и методов не проводилось.

Впервые в отечественной политологии проведен детальный анализ структурно-функциональных изменений элит Латвии, Литвы и Эстонии, трансформация которых осмыслена в русле их внутренней реконфигурации и закрепления обществами стран Прибалтики новых политических приоритетов. Выявлена специфика преломления общих закономерностей трансформации элит применительно к масштабным социально-политическим переменам в странах Прибалтики; изучен механизм взаимосвязи элитообразования и факторов исторической обусловленности и внешнего влияния.

Властные группы стран Прибалтики рассмотрены в их совокупности и взаимосвязи, а процесс их становления вписан в субрегиональный масштаб с учетом актуального российско-прибалтийского политического взаимодействия, тем самым восполнено недостаточное внимание к изучению роли политических элит в малых странах. Осуществленный в диссертации на основе обширного эмпирического материала анализ трансформации властных групп стран Прибалтики позволил установить, что, несмотря на выявленные различия, в целом системообразующие принципы становления и эволюции элит Латвии,

Литвы и Эстонии в период независимости, а также характер их внутренней организации были сходными. Описаны основные практики внутриэлитного взаимодействия, определяющие устойчивость сложившихся механизмов элитного рекрутирования, определены пределы изменений элитогенеза в странах Прибалтики в будущем.

В научный оборот российской политологии введен существенный массив новых зарубежных источников и литературы, эмпирических данных.

Теоретическая и методологическая основа исследования. С целью комплексного изучения трансформации политических элит стран Прибалтики автором использована интегративная методология, в основе которой социетально-деятельностный и структурно-функциональный подход, методы компаративного и системного анализа, исторического и правового подходов. Изучение причин и следствий перемен властных групп проведено на основе рассмотрения масштабных социально-политических трансформаций наряду с анализом индивидуальных практик. Данная конструкция предполагает, что элиты, с одной стороны, способны менять и создавать новые политические структуры, с другой – сами трансформируются под их воздействием.

Положения и выводы диссертации расширяют сферу научного знания об особенностях, формах, диалектике изменений элит в контексте трансформации политической системы в целом. Результаты осмысления структурно-функциональной динамики властных групп стран Прибалтики являются теоретической и практической основой для уточнения теории элит и теории малых стран. Подходы, примененные автором, помогают усовершенствовать понятийный аппарат элитологии, расширить типологизацию властных групп, уточнить роль элит в современных внутри- и внешнеполитических процессах. Учет взаимосвязей между трансформацией элит и сменой приоритетов политического развития позволяет не только оценить актуальные политические процессы, но и прогнозировать сценарии их дальнейших изменений.

Практическая значимость диссертации заключается прежде всего в получении конкретных научных выводов о политических элитах в странах

Прибалтики, их структуре и практиках внутриэлитного взаимодействия, в выявлении ограничителей и мотивов их действий, позволяющих прогнозировать развитие политической ситуации в Латвии, Литве и Эстонии.

Набор рекомендаций, сформулированных на основе полученных результатов, дает возможность уточнить внешнеполитический подход России на прибалтийском направлении. Результаты могут быть применены в практической деятельности органов власти и институтов гражданского общества при разработке и принятии решений в сфере государственной и общественной дипломатии. Применённые методологические и концептуальные подходы могут использоваться при изучении властных групп в других странах ближнего зарубежья, их классификации с учетом местной специфики. Материалы и выводы работы представляют интерес для специалистов в сфере внешней политики, представителей политологического и экспертного сообщества. Могут использоваться в учебном процессе, при подготовке учебников и учебных пособий по политологии, теории элит, партологии, современной политической истории, международным отношениям, регионоведению.

Апробация работы. По теме диссертации автором опубликованы 2 индивидуальные монографии, 3 раздела в коллективных монографиях и 30 статей в журналах перечня ВАК, основные тезисы изложены в выступлениях на научных конференциях и семинарах в Москве (МГУ им. М.В. Ломоносова, МГИМО), Санкт-Петербурге (СПбГУ, СПбГУЭ), Калининграде (БФУ им. И. Канта), а также в ходе реализации научно-исследовательского проекта за счёт средств гранта Российского гуманитарного научного фонда «Формирование парламентской элиты стран Балтии после 1990 г.: ключевые факторы и акторы». Публикации автора востребованы при подготовке учебных программ в российских высших учебных заведениях по аспектам политического процесса в зарубежных странах. Отдельные аспекты исследования использовались при подготовке аналитических материалов для госструктур Российской Федерации.

Глава 1. Теоретические основания изучения политических элит

1. Теория политических элит на современном этапе

Изучение политических элит (или, по определению Г.К. Ашина, элитология) – одно из динамично развивающихся направлений российской и зарубежной политической науки с внушительным массивом исследований по элитным группам на разных «этажах» власти. Системный взгляд на теорию элит, политико-философские истоки которой восходят к трудам Н. Макиавелли и античных авторов, содержится в работах Г. Моска⁸⁸, В. Парето⁸⁹, Р. Михельса⁹⁰, М. Острогорского⁹¹ и М. Вебера⁹².

В их исследованиях были концептуализированы понятия элиты, рекрутирования, циркуляции и смены политических элит, обозначен ряд закономерностей в развитии властных групп, введены их типологии и т.д.

В. Парето ввел понятие элиты, в котором выделялись категории «аристократии», обладающей выдающимися способностями и моральными качествами, и «правлящего класса», обладавшего властью и богатством, а кроме того - обосновал закономерность циркуляции элиты.

Г. Моска ввел понятие «политического» (правлящего) класса, который всегда узок и осуществляет непосредственное управление обществом, и элитарной, так называемой «второй страты», из числа представителей которой рекрутируются члены правящего слоя.

⁸⁸ *Mosca G.* The Ruling Class (Elementi di scienza politica). Trans. H. D. Kahn. Ed., rev. and with an Introduction by A. Livingston. New York and London: McGraw-Hill, 1939. P. 65.

⁸⁹ *Pareto V.* The Rise and Fall of the Elites. An Application of Theoretical Sociology. New Jersey: The Bedminster Press, 1968. P. 317.

⁹⁰ *Michels R.* Political Parties. A sociological study of the oligarchical tendencies of modern democracy. Glencoe, 1915.

⁹¹ М.Я. Острогорский раньше Р. Михельса обратился к проблеме «обюрокративания» политической партии, выделения более влиятельных ее участников «над» остальными. Подробнее см.: *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии // Политология / сост. проф. М.А. Василик. М., 1999. С. 314.

⁹² *Вебер М.* Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 томах. Т.4. / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2019. С.18.

Р. Михельс внес значительный вклад в развитие теории организаций, в т.ч. посредством доказательства «железного закона олигархии» в крупных партийно-политических структурах.

Проблематику выделения руководящего сегмента в политических организациях анализировал М.Я. Острогорский. Важнейшую роль в становлении теории элит сыграл М. Вебер, разрабатывавший понятия власти и господства.

Оформление современных научных подходов в исследовании элит относится к первой трети XX в. Это было время высокой политической динамики, что придавало импульс рефлексии массовизации политики, расширения эгалитарных механизмов, развития партийных структур, роста политической мобилизации, реакции власти и общества на военные и социально-политические потрясения в Европе.

Борьба за политическое лидерство между сторонниками левой и правой идеи, качественные перемены в технологическом развитии, гражданские конфликты, ряд масштабных международных кризисов обострили проблемы управления государствами в новых условиях⁹³. Утверждая универсальность, неизбежность иерархического принципа организации общества, циркуляции элит в противовес идеям эгалитаризма, классовой борьбы и отмирания государства, теория элит развивалась в косвенной полемике с марксизмом. Фактически речь шла о выработке альтернативной трактовки социально-политической действительности⁹⁴.

Следующий этап в развитии теории элит связан с окончанием Второй мировой войны и формированием биполярного мира. Борьба двух систем находила свое отражение и в научном пространстве: спорили парадигмы марксизма-ленинизма и модернизации. Первая не признавала элитологию, прежде всего, в силу идеологических причин и императива классовой

⁹³ *Ортега-и-Гассет Х.* Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991.

⁹⁴ Подробнее анализ данной полемики см.: *Best H.* Marx or Mosca? An Inquiry into the Foundations of Ideocratic Regimes // *Historical Social Research.* 2012. № 139. P. 73–89.

борьбы. Тогда как идея модернизации инкорпорировала ряд положений теории элит - особенно в рамках идеи демократизации, которая исходила из необходимости децентрализации системы власти и накопления материальных ресурсов, рекомендуя установление консенсусных («договорных») отношений между различными властными сегментами. В рамках данного подхода исследования элит были вполне легитимными.

В первые десятилетия второй половины XX в. теория элит обогатилась за счет обмена с такими направлениями как политическая культура, теория рационального выбора и институционализм. Проводились исследования американской и в целом западной политической элиты: анализировались ее границы⁹⁵, функциональные группы⁹⁶ и внутриэлитное взаимодействие⁹⁷. Развивались позиционный и репутационный подходы к анализу властных групп, изучались проблемы легитимности элит⁹⁸.

В период холодной войны прикладные исследования элит в основном концентрировались в западных центрах советологии и были посвящены анализу персонального состава руководства СССР, принципов его формирования и распределения влияния, прогнозирования действий.

Следует отметить работу С. Хантингтона и З. Бжезинского 1964 г., посвященную сравнительному анализу политических систем и властных

⁹⁵ *Mills R.* The Power Elite. New York : Oxford University Press, 1956; *Dahl R.* Who Governs? Democracy & Power in an American City. New Haven : Yale University Press, 1961; *Domhoff, W.* Who Rules America? New Jersey : Prentice-Hall, 1967; *Riesman D.* The Lonely Crowd. A Study of Changing American Character / D. Riesman, N. Glazer, R. Denney. New York : Doubleday, 1953.

⁹⁶ *Keller S.* Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New York : Random House, 1963.

⁹⁷ *Hunter F.* Community Power Structure. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1953; *Putnam R.* The Comparative Study of Political Elites. Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1976; *Useem M.* The Inner Group of the American Capitalist Class // *Social Problems*. 1978. Vol. 25, No. 3. P. 225–240.

⁹⁸ *Kadushin C.* Power Circles and Legitimacy in Developed Societies // *Legitimation of Regimes* / ed. B. Denitch. London : Sage, 1979. P. 127–140; *Laumann, E.* The Organizational State / E. Laumann, D. Knoke. Chicago : University of Chicago Press, 1987.

групп США и СССР⁹⁹. Этот труд представляет интерес и сегодня с теоретико-методологических позиций, инструментария: в нем представлен эмпирический анализ циркуляции властных групп, их типология, а также оценки политической борьбы и принятия решения в двух сверхдержавах в компаративистском разрезе.

В СССР отправной точкой для открытых научных исследований властных групп послужили работы А.А. Галкина и Ф.М. Бурлацкого¹⁰⁰, Г.К. Ашина¹⁰¹, которые внесли вклад в формирование понятийного аппарата, предметной области. Был проанализирован опыт западной политической науки, адаптированы некоторые методические приемы. Значительный интеллектуальный потенциал в СССР был сосредоточен в сфере внешнеполитического анализа, вокруг которого формировалась не только сугубо прикладная дисциплина, но и система теоретических обобщений, школа системно-структурного политического анализа¹⁰². Опора на наработки данной школы востребована и при изучении элит.

Ко второй половине XX в. в западной политологии укрепляется союз теорий элит и демократизации, отраженный в работах Й. Шумпетера¹⁰³. Демократия получила трактовку как набор правил, соблюдаемых элитами в ходе электоральной конкуренции. Уважая результаты выборов, проигравшие признают победителей, которые получают большую свободу

⁹⁹ *Brzezinski, Z. Political Power: USA/USSR / Z. Brzezinski, S. Huntington. New York : Viking Press, 1964.*

¹⁰⁰ *Бурлацкий Ф.М. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма / Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин. М. : Мысль, 1985.*

¹⁰¹ *Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М. : Международные отношения, 1985.*

¹⁰² *Хрусталева М. А. Основы теории внешней политики государства. М. : Наука, 1984; Богатуров А.Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений / А. Д. Богатуров, Н. А. Косолапов, М. А. Хрусталева. М. : НОФМО, 2002; Примаков Е. М. Ситуационные анализы. Методика проведения / Е.М. Примаков, М.А. Хрусталева. М. : НОФМО, 2006. Примаков Е. М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М. : Изд-во Московского ун-та, 2014; Цыганков П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М. : Изд-во Московского ун-та, 2014.*

¹⁰³ *Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. New York : Harper & Row, 1950.*

маневра после завершения электорального цикла. Это создает основу для относительно стабильного и устойчивого распределения власти между внутриэлитными группами. Было концептуализировано и вошло в научный оборот понятие минималистской или элитистской демократии.

Данное направление впоследствии столкнулось с волной критики, постулирующей в противовес минималистской «глубокую» демократию (*thick democracy*), настаивая на том, что чисто элитистская трактовка критериев демократии ведет к выхолащиванию смысла понятия¹⁰⁴.

В этой связи следует выделить две тенденции. Во-первых, развитие элитистской теории демократии в последней четверти XX в. происходило на фоне роста озабоченности научного сообщества кризисом демократии на Западе¹⁰⁵, утратой ею своей функциональности и ростом протестных настроений¹⁰⁶. Во-вторых, по мере своего становления теория минималистской демократии легла в основу фактически своеобразного «руководства к действию» для элит государств, вставших на путь «демократизации» и находившихся в орбите Запада, задавая им направление движения, «правила игры» и ценностно-идеологический набор.

Таким образом, теория элит развивалась под влиянием состязательности комплекса идей политической мысли XX в., вбирая в себя различные теоретические положения и преломляя их к анализу властных групп. Ключевые повороты в эволюции теории элит связаны со сдвигами в социально-политической обстановке в мире и ее влиянием на общественные науки. Основная интеллектуальная история теории элит в XX в. пришлась на межвоенный период и биполярную эпоху. Если на Востоке теория элит на публичном научном уровне практически не разрабатывалась, то на

¹⁰⁴ Подробнее обзор критики и ответ см.: *Przeworski A. Minimalist Conception of Democracy: A Defense // Democracy's Value / eds. I. Shapiro, C. Hacher-Cordon. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 12–17.*

¹⁰⁵ Мюрберг И. Революция и идентичность / Политико-философский ежегодник Института философии Российской академии наук. Москва, 2013. С. 56-75.

¹⁰⁶ *Crozier, M. The Crisis of Democracy / M. Crozier, S. Huntington, J. Watanuki. New York : New York University Press, 1975.*

Западе развитие теории элит шло активно, вплоть до альянса с идеей демократизации в рамках минималистской концепции демократии.

Существенный поворот в развитии теории элит связан с распадом социалистического содружества – произошел резкий рост эмпирических исследований в Восточной Европе, в фокусе оказались и властные группы: процессы их трансформации, изменения каналов рекрутирования и т.д. Политические перемены, которые в западной политологии стали описываться на основе концепции «демократического транзита»¹⁰⁷, сформировали запрос на выработку модели для интерпретации происходящих процессов и в элитном сегменте¹⁰⁸.

С распадом СССР угасла марксистско-ленинская идея, в то время как теории модернизации и минималистской демократии, теория элит заняли главенствующее положение в объяснении политических изменений¹⁰⁹.

Транзитология на основе теории модернизации поместила политические элиты в центр трансформационных процессов. Претендуя на интегративный статус, транзитология стремилась сформировать ограниченный набор переменных политической жизни – максимально наглядных и поддающихся квантификации¹¹⁰. Являясь производной от

¹⁰⁷ Т.Л. Карл и Ф. Шмиттер среди типов транзита выделяли: «навязанный», «реформистский» и «пактированный» переход (на основе соглашения, пакта элит), а также революцию. Подробнее см.: *Карл Т.Л.* Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций / Т. Л. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. 2004. № 4. С. 14; *Шмиттер Ф.* Процессы демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 31.

¹⁰⁸ *Бродовская Е.В., Королев П.А.* Демократический транзит на посткоммунистическом пространстве: подходы к определению, модели, этапы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 10-16.

¹⁰⁹ *Борко Ю.А.* Крушение Берлинской стены – начало или конец идеологической и геополитической борьбы запада и востока? // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 3. С. 248-259.

¹¹⁰ *Капустин Б. Г.* Конец “транзитологии”? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис : политические исследования. 2001. № 4. С. 6–26.

теории модернизации, транзитология¹¹¹ фактически ставила задачей определить четкую последовательность шагов к демократизации политической системы по западному образцу. Действия элит рассматривались среди ключевых условий перехода к демократической форме организации политической жизни¹¹².

В 1960-х гг. идеи С. Хантингтона дали импульс «альтернативному» ответвлению теории модернизации на основе институционального подхода, получившему развитие в работах Ф. Фукуямы. За представителями этого исследовательского течения закрепилась репутация сторонников «авторитарной модернизации», хотя его авторы последовательно подчёркивали значение не столько личностного, сколько организационного начала в политической жизни, выражающегося как в устойчивых государственных институтах, так и партийных структурах, которые способны обеспечить институционализацию («включение») политической активности общества.

Ф. Фукуяма объясняет происходящее в ряде стран с «молодой демократией» попятное движение к авторитаризму невозможностью элит поддерживать демократический порядок с опорой лишь на формальные демократические институты. Для устойчивости демократических режимов требуются значительные организационные ресурсы, позволяющие обеспечить исполнение государственных решений и надежную обратную связь между госаппаратом и обществом. Такая постановка вопроса

¹¹¹ Мельвил А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. №1. С. 22-43.

¹¹² Данный тезис получил широкое распространение после распада СССР и крушения коммунистических режимов в Восточной Европе. Возникновение новых демократических режимов рассматривалась как вызванное не длительным развитием капиталистических отношений, как в Западной Европе, а решением политических элит. Подробнее см.: Эддигер М. Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с нею вызовы // Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. статей / под ред. Я. А. Пляйса. М. : РОССПЭН, 2010. С. 13–29; Elites in Transition: Elite Research in Central and Eastern Europe / eds. H. Best, U. Becker. Opladen : Leske&Budrich, 1997.

открывает путь к изучению источников политико-организационных возможностей политической элиты, которые, добиваясь упрочения своего положения, стремятся обладать и внутренними, и внешнеполитическими ресурсами. Приобретение внешних ресурсов зависит не только от действий элиты на внешнем треке.

Ф. Фукуяма близок к такому ходу мыслей, например, при рассмотрении внешней помощи развивающимся странам в контексте политической устойчивости их государственных институтов. Он формулирует проблему слабых государственных институтов, которые не способны обеспечить эффективное использование международной помощи, но при этом они попадают во все большую зависимость от внешних доноров для поддержания собственного функционирования¹¹³.

Следует отметить работы Дж. Хигли (США) и его коллег (в основном из Западной Европы), в которых, в т.ч. и применительно к кейсам Восточной Европы, были сформулированы ключевые понятия современной теории элит. Эффективность политического режима они увязывают с уровнем сплоченности элит, которые разделены на три типа – разобщенные, консенсусно объединенные и идеологически объединенные элиты¹¹⁴. В контексте переходов к демократии подчеркивается ключевая роль внутриэлитных соглашений между представителями «старого» и «нового» режима, что и определяет успешность перехода.

Этот тезис стал развитием ряда исследований, включая работу Р. Даля, в которой с опорой на теорию элит разработана модель демократии (полиархии) как результата сложного процесса торгов и согласований между различными группами¹¹⁵.

¹¹³ Fukuyama F. "Stateness" First // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16, No. 1. P. 84–88.

¹¹⁴ В данном случае Дж. Хигли вводит понятие идеологически объединенных элит, основываясь на примере политических систем, выбравших марксизм-ленинизм. Подробнее см.: *Best H. Marx or Mosca? An Inquiry into the Foundations of Ideocratic Regimes* // *Historical Social Research*. 2012. № 139. P. 73–89.

¹¹⁵ *Dahl R. Polyarchy*. New Haven : Yale University Press, 1971.

Таким образом подводится доказательная база под тезис о том, что стабильность демократии зависит от консенсуса элит, а его отсутствие означает несформированность или нестабильность демократии¹¹⁶. Фактически эти теории помещают общества незападного политического типа в разряд отклоняющихся от нормы. Краеугольным камнем при такой постановке вопроса становится уровень централизации власти и методы политического контроля. Последние тесно связаны с экономическим развитием (внутренней ситуацией и положением в региональной и мировой системе разделения труда и потоков капитала) и социокультурными особенностями обществ, однако такие факторы мало принимались во внимание. Не разработаны четкие критерии, позволяющие объяснить причины возникновения и прочности консенсуса среди элит.

Разумеется, такой узкий подход, фактически отождествляющий наличие элитного консенсуса и стабильный демократический режим, оказался уязвим для критики. Р.Инглхарт и К.Вельцель справедливо подчеркивают, что «демократия не является простым результатом умных элитных торгов»¹¹⁷. Чрезмерное абстрагирование, являющееся результатом сведения сложного процесса политических перемен лишь к «пакту» элит, упускает из виду социально-экономические и культурные факторы¹¹⁸.

В начале 1990-х гг. в условиях ухода в прошлое биполярной системы международных отношений возросла популярность неолиберальных подходов, ставших отражением в том числе стремительного роста удельного веса финансового сектора в экономике США и в мировой

¹¹⁶ *Field G. Elitism / G. Field, J. Higley. London ; Boston : Routledge ; Kegan Paul, 1980; Burton, M. Elite Settlements / M. Burton, J. Higley // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, No. 3. P. 295–307; Higley, J. Elites after State Socialism. Theories and Analysis / J. Higley, G. Lengyel. New York ; Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2000; Higley J. Elite Foundations of Liberal Democracy / J. Higley, M. Burton. Boulder : Rowman & Littlefield. 2006.*

¹¹⁷ *Inglehart R. Modernization, Cultural Change, and Democracy / R. Inglehart, C. Welzel. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 2.*

¹¹⁸ *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Penguin Books, 1996; Lipset S. Political Man: The Social Basis of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.*

экономике в целом. Идеи «отмирания» государства, превращения его в «ночного сторожа», качественного изменения роли властных групп получили новый импульс¹¹⁹. Этот своеобразный «постбиполярный крен» при рассмотрении процессов сквозь призму «конца истории», преобладал вплоть до середины 2000-х гг.

К тому времени начали набирать динамику научные исследования, посвященные эволюции современных западных политических систем. Всё чаще стали обсуждаться кризисные тенденции в демократическом развитии – речь шла как о внутренних факторах (росте поляризации между элитой и неэлитными группами, размывании среднего класса), так и о внешних (миграционные потоки¹²⁰ и др.). Так, Дж. Хигли анализировал «малые и профессионализирующиеся правящие меньшинства», которые, несмотря на конституционные ограничения, обладают достаточным потенциалом, чтобы обеспечить поддержку со стороны неэлитных групп, используя «государственную машину принуждения, силу убеждения масс-медиа и подкуп недовольных»¹²¹.

Подходы Г. Моска, В. Парето и других учёных, содержащие в себе концептуальное ядро классической теории элиты, в современных условиях оказываются недостаточными, хотя по-прежнему востребованы. Идеи, возникшие в ином общественно-политическом, экономическом, историческом контексте, позже обнаружили свою ограниченность, продолжая задавать общую рамку исследований. Речь идёт об элите как о движущей силе изменения социальной реальности. В свою очередь, меняя

¹¹⁹ *Higley J. Elites, Elitism and Elite Theory: Unending Confusion? Papers for World Congress of the International Political Science Association / J. Higley, J. Pakulski. Madrid, 2012.*

¹²⁰ Миграционный кризис «вносит важнейший вклад в реконфигурацию мировой политики в условиях глобальной неопределенности и обуславливает системные и часто непредсказуемые изменения всех обществ». Подробнее см.: Мчедлова М.М. Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // *Философия политики и права*. 2019. № 10. С. 128-137.

¹²¹ *Higley J., Pakulski J. Forceful Leaders and Leonine Elites in Liberal Democracies // Comparative Sociology*. 2007. No. 6. P. 6-26.

её, элита трансформируется и сама. Понимание того, что властные группы в условиях глобализирующегося мира вряд ли могут быть эффективно проанализированы сквозь призму подходов, применявшихся при изучении элит индустриального общества, поставило вопрос об адекватной интерпретации социальных изменений¹²².

С. Хантингтон утверждал, что растет само количество власти, в современных обществах власти становится больше, равно как и большая часть общества оказывается вовлеченной во властные отношения¹²³. Концепция «двойного морфогенеза», предложенная М. Арчер, дает возможность рассматривать представителей властных групп как участников такого процесса, в котором структурные условия одновременно оказываются и результатом, и предпосылкой изменений, а сами агенты изменений способны не только менять и создавать структуры в уже новых формах, по-иному структурируя социальную реальность, но и трансформироваться при этом самим¹²⁴.

Трансформация это такое преобразование политической системы, которая, оказавшись в результате кризиса в переходном, нестабильном состоянии, переживает постепенно формирующиеся изменения во всех своих сферах. В её базисе заложена непредсказуемость результатов, которая несёт в себе не только причудливость синтеза существующих практик взаимодействия властных групп, но и появление новых принципов элитного рекрутирования и внутриэлитного взаимодействия, формирование новых элитных групп. В этом смысле процессы социальной трансформации имеют длительный, комплексный и противоречивый характер: изменяются социальные структуры, создаются новые и общество

¹²² Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. №1. С. 50-70.

¹²³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

¹²⁴ Archer M. Being Human: the Problem of Agency. Cambridge University Press. 2004.

консолидируется в новых формах¹²⁵. Именно человек («человек стратификационный» как индивидуальный и коллективный агент) обладает властью творческого переформатирования социального контекста, создания новой институциональной, идейной конфигурации¹²⁶, новой социальной реальности¹²⁷. Использование при рассмотрении роли политических элит теоретических посылок, предложенных М. Арчер (на основании переосмысления идеи структуризации Э. Гидденса), позволяет отказаться от рассмотрения социальной структуры в статике (как застывший «остов») и учесть динамический характер политического процесса¹²⁸, а также агентивный аспект политических изменений – т.е. роль элит как агентов, способных своими действиями менять состояние политической системы¹²⁹.

Это позволяет рассматривать **структурную динамику политических элит** как *обусловленные влиянием внешних и внутренних факторов преобразования каналов и механизмов элитного рекрутирования, ресурсов, правил и институтов, лежащих в основе внутриэлитного взаимодействия*. Такой подход не отменяет принципа «пирамиды власти»¹³⁰, а, скорее, дополняет его новым динамическим качеством: «пирамида власти» в трансформирующихся обществах не находится в равновесии, на её вершине появляются новые игроки, расстановка сил пребывает в движении, вызванным появлением и исчезновением внутриэлитных альянсов.

¹²⁵ Подробный анализ см. О. Gaman-Golutvina Conclusions. Media and Democracy in Transformation Design / Media, Democracy and Freedom. The Post-Communist experience. М. Dyczock, О. Gaman-Golutvina (eds). Geneva. Peterlang, 2009. P. 231 – 241.

¹²⁶ Archer M. Being Human: the Problem of Agency. Cambridge University Press. 2004.

¹²⁷ Шомова С.А. Ключ к власти (Архетипические паттерны политической риторики) // Медиаскоп. 2014. № 3. С. 13.

¹²⁸ Политический процесс в данном случае трактуется как цикл политических изменений, последовательная смена состояний политической системы. Подробнее см.: Шутов А.Ю. Политический процесс. М.: Изд-во Московского унив-та, 1994. С. 19.

¹²⁹ Смирнов В.А. К вопросу о структурных изменениях политической элиты в условиях социальной трансформации // Вестник МГУ им. М.В. Ломоносова. 2012. № 2. С. 17–27.

¹³⁰ Putnam R. D. The Comparative Study of Political Elites. New Jersey: Prentice Hall. 1976. P. 14; Putnam R.D. Elite Transformation in Advance Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy // Comparative Political Studies. 1977. Vol. 10, N. 3. P. 383–412.

Усложнение, плюрализация социальных отношений, рост общественных ожиданий при снижении уровня их удовлетворенности, повышение зависимости внутренней политики от внешней среды, информатизация общества, его «сетевизация» описывают глобальную трансформацию как «ускользающий мир» (Э. Гидденс)¹³¹, «другой модерн» (У. Бек)¹³² или «текущую современность» (З. Бауман)¹³³. При этом важнейшей характеристикой общества выступает постоянный поиск форм и механизмов обеспечения собственной безопасности¹³⁴, и элитный сегмент улавливает этот «запрос на секьюритизацию».

Рассматривая общество с точки зрения усложнения процесса его управления, У. Бек говорит о детрадиционализации понятия «социальных классов» в веберовском понимании, фиксируя традиционное разделение общества на элитные и неэлитные группы. Первые сосредотачивают в своих руках богатства, вторые – риски как негативные результаты принятых верхними слоями решений.

З. Бауман рассуждает о новой иерархии, где ключевым качеством элиты являются мобильность и возможность выхода за пределы национальных государств. Эти качества позволяют элите осуществлять (и чем быстрее, тем эффективнее) функции контроля по принципу «невидимых», «бестелесных», «отсутствующих», но всё-таки «хозяев»¹³⁵. А. Бард и Я. Зодерквист по этому поводу сделали точное замечание: даже если власть приобретает более абстрактный или невидимый характер, и ее

¹³¹ *Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991; Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 120 с.*

¹³² *Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. М.: Прогресс-Традиция; Изд. дом «Территория будущего», 2007. 464 с.*

¹³³ *Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 188 с.*

¹³⁴ *Панкратов С.А. Глобальное «общество риска» и обеспечение безопасности в условиях реализации национальной модели модернизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2 (17). С. 58-63.*

¹³⁵ *Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.*

становится сложнее локализовать и критиковать, это не означает, что она ослабевает или вовсе исчезает, а, скорее, наоборот¹³⁶. Ценность этих идей в том, что они наметили траектории выхода за пределы классических подходов в теории элит, расширили их эвристический потенциал с поправкой на вызовы сегодняшнего дня.

Сама европейская интеграция в рамках Европейского союза служит примером изначально элитистского проекта, образовавшего «Европу элит» – сложную и в значительной степени непрозрачную сеть институтов и лиц, которая управляет ЕС¹³⁷. Справедливо утверждение А.И. Соловьева о том, что «сетевой формат принятия государственных решений обнажает действующие поверх официальных норм и правовых регистров практики политико-административного и политико-экономического бартера, которые нередко превращают неформальные договоренности элитарных коалиций в основание правительственных стратегий, а органы государственной власти – в «институты-пустышки»¹³⁸.

Повышение влияния элитных групп становится всё более распространенным явлением, особенно на фоне снижения их готовности к компромиссу и эрозии институтов представительной власти. Экспансионизм исполнительной власти становится трудно не замечать. Властные круги не только приобретают большее влияние, но внутри них выкристаллизовываются узкие группы, обладающие наибольшей властью (например, возрастает роль глав государств и их ближайшего окружения)¹³⁹.

¹³⁶ Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

¹³⁷ Бест Х. Европа элит. Измерения и детерминанты ориентаций политических и экономических элит государств Европейского союза / Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 112-113.

¹³⁸ Соловьев А.И. Политический лидер в административной среде государственного управления, или “кто в доме хозяин?” // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С.60-81.

¹³⁹ Исследователи в этой связи обращаются к проблеме «внутреннего круга» (затронутой еще М. Юсимом), как отмечено на конференции Международной Ассоциации политической науки в Люксембурге: Scott J. Exploring Elite Empowerment:

Проблема распределения и концентрации власти привлекала внимание исследователей не только на глобальном, но и на локальном уровне. Эта проблематика рассматривалась, как правило, на основе подходов теории «машин роста»¹⁴⁰ (альянсы местных властных групп во главе с бизнесом, определяющие развитие городов), а затем с использованием идеи «городских режимов» (акцент на формальном и неформальном измерении политического процесса – «коалиционной власти»)¹⁴¹. Массовое участие населения в трансформационных процессах на рубеже 1980 – 1990 гг. сменяется углубившемся за минувшие десятилетия кризисом доверия к власти в целом, который вряд ли может быть уравновешен персональной популярностью отдельных представителей элиты. По справедливому замечанию М. Эдингера, в условиях размывания внутриэлитного консенсуса и падения доверия населения к центральным структурам управления «ахиллесовой пятой» элит в постсоветский период становится отсутствие связи с обществом¹⁴². Пусть элиты и принимают ключевые для общества решения, но вопрос их легитимности всё ещё является исключительной компетенцией общества. Г. Филд и Дж. Хигли именно в этом видели возможности для неэлитных слоев осуществлять контроль над властными группами¹⁴³.

Вместе с тем, как отмечает А.П. Кочетков, в условиях глобализации субъекты принятия решений становятся менее доступными, а их решения – менее понятными для общества. Формируется когорта

«Intergovernmental Spillover» and the Strengthening of National Core Executives. Paper for the International Political Studies Association International Conference, «Is there a European Model of Governance? A Comparative Perspective», Luxembourg, 18–20 March 2010.

¹⁴⁰ Logan, J., Molotch, H. *Urban Fortunes: The Political Economy of Place*. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press. 1987.

¹⁴¹ Stone C. The Atlanta experience re-examined: Link Between Agenda and Regime Change // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol.25, No. 1. P.20-34.

¹⁴² ЭдINGER М. Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с ней вызовы / *Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под ред. Я.А. Пляйса*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 13–28.

¹⁴³ Field G., Higley J. *Elitism*. London; Boston. Routledge and Kegan Paul, 1980. 135 P.

«транснациональных элит» (в основном связанных с крупным капиталом в США и странах Западной Европы), которая заинтересована в продвижении (в первую очередь, финансово-экономических) интересов, достаточно замкнутая и осознающая автономность от национального электората¹⁴⁴.

Эта проблема сохраняется и в условиях становления многополюсного мира¹⁴⁵, ведь власть по-прежнему остается одним из ключевых оснований стратификационной системы¹⁴⁶. Однако следует дополнить рассуждения С. Хантингтона – не только возрастает количество власти, но меняется и ее качество. Речь идет не только о макроструктурных изменениях мировой политики в целом¹⁴⁷, но в то же время и о сложных трансформационных процессах, которым подвергается сама дефиниция власти. Неслучайно В.Г. Ледаев в качестве одной из примет современности выделяет постепенное стирание в различных теоретических концепциях границ между «властью» и «невластью»: «Разные формы социальных отношений часто обозначаются термином «власть», без особых сомнений включаются в многообразное («многоликое») понятие»¹⁴⁸.

¹⁴⁴ Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект-Пресс, 2020. 208 с.

¹⁴⁵ Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // Полис. Политические исследования. 2015. № 3. С. 27-37

¹⁴⁶ Модели стратификации зависимы от типов организации власти, и разделяются на бюрократическую (возвышение на политический Олимп возможно лишь благодаря политическим же факторам - власти) и феодальную (в основе продвижения по карьерной лестнице экономические факторы). Они соотносятся с инновационным и мобилизационным типами развития общества. Среди факторов, определяющих специфику политической организации общества: внешнеполитический контекст, своеобразие исторических традиций политического развития, культурно-цивилизационные особенности, специфика природно-климатических условий и заселения территории и т.д. Подробнее см.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

¹⁴⁷ Кокошин А.А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 38–62.

¹⁴⁸ Ледаев В.Г. Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции // Политическая наука. 2019. № 3. С. 24.

Отношения во властной среде приобретают более гибкий характер, каналы и механизмы элитного рекрутирования¹⁴⁹ становятся менее закрытыми в сочетании с развитием важнейшего качества властных групп – умения формировать коалиции из чисто утилитаристских соображений для достижения конкретного политического результата. Гибкая институционализация властных диспропорций сопутствует сегментации правящих групп, формированию множественности конкурирующих властных объединений. Система внутриэлитных взаимоотношений обладает как вертикальным («нужные люди»), так и горизонтальным («свои люди») измерением. Эти измерения проявляются в процессах элитного рекрутирования, образуя каналы дальнейшего продвижения членов властных групп в рамках социальной иерархии, сопряженного с расширением подконтрольных им ресурсов.

Другая существенная тенденция – рост влияния внешнеполитического фактора, международной среды, которая сама находится в состоянии переструктурирования¹⁵⁰, на положение властных групп. Об этом пишут в своей работе о кризисе трансатлантических элит Дж. Хигли и Х. Бест¹⁵¹. Если ранее властное неравенство анализировалось через комплекс взаимоотношений локальных элит и локальных массовых групп, то в настоящее время локальные элиты зачастую приобретают по отношению к надгосударственным властным кругам подчиненное положение.

¹⁴⁹ Механизмы рекрутирования – принципы выдвижения тех или иных новых лиц в политическую элиту (имущественный ценз, кровное родство, происхождение, партийная идентичность, заслуга лет, профессиональную компетентность, старшинство, наконец, протекционизм и кумовство). Каналы – то из каких или через какие структуры новобранцы попадают в элиту: институциональные и неинституциональные (органы местного самоуправления, государственная служба, армия, общественные и религиозные организации, общественно-политические структуры, система образования и др.). Подробнее см.: *Ветренко И.А.* Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4 (24). С. 169–174.

¹⁵⁰ *Никонов В.А.* Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2017. №6. С.8-29.

¹⁵¹ *Political Elites in the Transatlantic Crisis / eds. H. Best, J. Higley.* Palgrave Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014.

В случае ряда малых стран Восточной Европы и постсоветского пространства для их властных групп приоритетным становится не столько внутривластное соперничество, сколько борьба за членство в более высоком по статусу надгосударственном «клубе» – переход на руководящие позиции в интеграционные структуры ЕС или НАТО. В условиях, когда центр принятия решений по вопросам национальных финансов, безопасности и т.д. оказывается за пределами национальных границ, местные элиты сталкиваются не только с проблемой усложнения получения поддержки от электората, но и с вызовом целесообразности собственного существования: зачем нужны *вы*, если решаете *не вы*?

Ослабление вертикальной интеграции при усилении властных групп, эмансипирующихся от собственного базиса¹⁵², требования которого интерпретируются ими уже не как запросы, нуждающиеся в решениях, а, скорее, как ограничение свободы принятия решений, – ключевые и сопутствующие друг другу тенденции современного состояния элитного сегмента общества, особенно в условиях формирования новой архитектуры мирового порядка¹⁵³. Одна из реакций на эти процессы – рост «нового популизма», который сегодня набирает силу во многих странах, включая государства Запада¹⁵⁴. Примечателен опыт Эстонии, где популисты из Народно-консервативной партии ЕКРЕ стали важной частью правящей коалиции, Латвии – с популистской партией «Кому принадлежит государство», Литвы – с персоналистскими политическими проектами В. Успаских и Р. Паксаса, движением «Путь мужества» и пр. На фоне роста расслоения, замедления социальных лифтов эти тенденции ставят под вопрос идею линейности политического развития в направлении

¹⁵² Г.К. Ашин в нахождении «оптимума» между элитой и массами видел ключевой элемент стабильности политической системы. Подробнее см.: *Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность*. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.

¹⁵³ *Дынкин А.А.* В поисках новой архитектуры миропорядка // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 210. № 2. С. 233-239.

¹⁵⁴ *Громыко Ал.А.* «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5-12

«открытого доступа» в элитные группы¹⁵⁵. Популистская политика, часто сводимая к антиэлитизму, причудливым образом уживается с тенденцией укрепления положения властных групп, которые умело манипулируют антиэлитистскими настроениями, используя их как средство внутриэлитной борьбы.

О.В. Гаман-Голутвина зафиксировала предпосылки в этой сфере, обратив внимание на ослабление внутриэлитного консенсуса¹⁵⁶. Дж. Хигли пришел к выводу, что администрация Дж. Буша-мл. является прологом к новому типу «решительного» лидерства, использующего силовой инструментарий во внешней политике¹⁵⁷. Следует отметить и рост влияния институтов спецслужб в США после 11 сентября 2001 г., и идеологию «либерального интервенционизма», т.е. вмешательства в дела других государств под лозунгами демократии, и кризис стратегической стабильности¹⁵⁸.

Тенденцию последних лет¹⁵⁹ – появление во главе ряда стран лидерских проектов, достаточно эффективно работающих с неэлитными сегментами общества, – сложно рассматривать в отрыве от значимых социально-политических изменений системного уровня. Очевидны проблемы теоретико-методологического рода, которые критики элитистской теории демократии подчеркивали еще полвека назад.

¹⁵⁵ Гаман-Голутвина О.В. Элита-центричная парадигма исследования политики / Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., отв. ред. Современная политическая наука. Методология. М.: Аспект Пресс. 2019. 770 с.

¹⁵⁶ Гаман-Голутвина, О. В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Ч. I // Полис : Политические исследования. 2008. № 6. С. 67–85.

¹⁵⁷ Higley, J. Forceful Leaders and Leonine Elites in Liberal Democracies / J. Higley, J. Pakulski // Comparative Sociology. 2007. № 6.

¹⁵⁸ Громыко Ал.А. О кризисе стратегической стабильности / Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка : (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко) / Ин-т Европы РАН, Ин-т «Справедливый мир»; под ред. Н.Б. Кондратьевой и А.К. Никитина. М.: ИЕ РАН, Ключ-С, 2019. С. 15-19.

¹⁵⁹ Higley J., Best H. (eds.) Political Elites in the Transatlantic Crisis. London: Palgrave Macmillan, 2014; Gaman-Golutvina O. Political elites in the USA under George W. Bush: structure and international politics // Historical Social Research. 2018. T.43. No.4. P.141-163.

Так, Дж. Уолкер указывал¹⁶⁰ на противоречие между теорией демократии как соревнования элит на высших этажах политической системы и более широким участием масс в политике. С одной стороны, массовая политизация повышает вероятность дестабилизации политической системы, какой бы стабильной она не казалась. С другой – герметизация элит, ограничение конкуренции высшим «внутренним кругом» порождает дефицит доверия и, в конечном счете, кризис легитимности. Волна популизма и потеря истеблишментом электоральной поддержки в последние годы не только в Великобритании или США, но и в Литве (как в случае с президентом Р. Пакусом) или в Эстонии (как в случае с премьер-министром и лидером правящей коалиции Т. Рыйвасом), свидетельствует о том, что баланс нарушен. И. Крастев характеризует текущие события в ЕС как «восстание против элит»¹⁶¹.

С развитием информационных и коммуникационных технологий наметились тенденции сокращения пространства маневра для политической элиты, роста информационного давления, превращающие обладание властью в непрерывную избирательную кампанию.

Это часто сковывает возможности элиты по действенным реформам и ставит под вопрос эффективность традиционных демократий в современных условиях. При этом сокращение маневра подчас происходит не столько ввиду активности массовых групп, сколько вследствие борьбы между элитными фракциями, общего повышения плотности внутригосударственной и мировой политической среды за счет умножения акторов, технологий и т.д. Рост влияния СМИ на политику¹⁶² и

¹⁶⁰ Walker J. A Critique of the Elitist Theory of Democracy // The American Political Science Review. 1966. Vol. 60, No. 2. P. 285–295.

¹⁶¹ Krastev I. How to Avoid Europe's Disintegration // Eurozine : [Электронный ресурс]. 2015. September 18. Режим доступа: www.eurozine.com/articles/2015-09-18-krastev-en.html

¹⁶² О значении медиа в современном политическом процессе на примере ряда стран Евросоюза подробнее см.: Пую А.С. (и др.) Медиакратия: современные теории и практики. СПб: Изд-во СПбГУ, 2013. 352 с.

формирование элит, особенно в сфере представительной власти, приводит к повышению значения навыков «политического предпринимательства» у представителей власти (создание имиджа и привлечение спонсорских средств), повышает требования к уровню профессиональности элит¹⁶³.

В исследованиях политических элит на новейшем этапе выделяются три основных тематических блока: характеристики политических элит (анализ этнической, конфессиональной, партийной и иной принадлежности); структура элит (взаимосвязи между индивидуальными и групповыми субъектами, степень их сплоченности и полицентричности, механизмы распределения власти); действия элит во внешней среде (взаимодействие властных групп с обществом внутри своей страны и внешнеполитической средой). Внимание преимущественно уделялось первым двум исследовательским проблемам. Проблематика взаимодействия элит с внешней средой разрабатывалась в меньшей степени.

Ряд западных исследований ведущих европейских элитологов из Германии и Италии (например, компаративистские проекты в масштабах Евросоюза EurElite, IntUne или SFB-580) посвящен различным аспектам и уровням политического взаимодействия элит и общества (проблемы профессионализации и вертикальной интеграции элит¹⁶⁴).

Однако задача формирования полноценной картины влияния внешнеполитических факторов на политическую элиту к настоящему моменту не решена. Это создает риск замыкания исследований элит преимущественно на внутрисистемные факторы. Сужение угла обзора может привести к селективному анализу причинно-следственных связей в деятельности элит, формированию упрощенных моделей их анализа, не выходящих за национальные границы. Так, процессы демократизации обществ нередко объяснялись исключительно внутренними социально-

¹⁶³ Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence / eds. H. Best, M. Cotta. Oxford: Oxford University Press, 2007.

¹⁶⁴ Representative Elites in Post-Communist Settings / eds. H. Best, M. Edinger. Jena : SFB 580, 2003.

экономическими факторами¹⁶⁵. Внутриэлитное размежевание и отсутствие консенсуса нередко связывалось преимущественно с социокультурными особенностями обществ¹⁶⁶.

В рамках данной работы автор, опираясь на критическое осмысление основных западных и отечественных подходов в теории элит, считает необходимым при изучении властных групп стран Прибалтики дополнить исследовательскую оптику инструментами неоинституционализма и теории малых стран. Это поможет подойти к рассмотрению элит комплексно, с учетом взаимного влияния внешнеполитического контекста на внутреннюю структурную динамику властных групп и специфику их становления. Такая теоретическая доработка требует четкости в вопросе определения политических элит и их типологизации.

¹⁶⁵ *Przeworski A. Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990 / A. Przeworski, M. Alvarez, J. Cheibub, F. Limongi. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.* Затрагивая тему связи уровня доходов населения и демократизации, следует обратить внимание на ряд исследований, доказывающих наличие положительной корреляции, однако не подтверждающих причинно-следственную связь между демократизацией и благосостоянием населения. Под сомнение не ставится, что демократические режимы сформировались в более богатых странах, однако нет достаточных оснований утверждать, что богатство это ключевой причиной демократизации – возможно, это результат воздействия и других факторов. Подробнее см.: *Acemoglu D. Income and Democracy / D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson, P. Yared // American Economic Review. 2008. Vol. 98, No. 3. P. 808–842.*

¹⁶⁶ *Almond G. The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies / G. Almond, S. Verba. Princeton : Princeton University Press, 1963; Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton : Princeton University Press, 1993.*

1.2. Понятие политических элит и подходы к их типологизации

В данной работе элиты анализируются не через призму ценностного, меритократического критерия, а на основе функционального подхода. В широком смысле представители политических элит могут рассматриваться как промежуточное звено между микро- (индивид) и макро- (государство) уровнями анализа мировой политики¹⁶⁷. Деятельность политически элит предполагает действие в пространствах внутренней и внешней политики, между которыми нет чёткой границы. При выработке определения политических элит в американской и европейской школе теории элит устоявшимися являются понятия Р. Патнэма, Дж. Хигли и Х. Беста, в отечественной – О.В. Гаман-Голутвиной.

Дж. Хигли трактует элиты как личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения в крупных организациях, можно считать ведущими на основании каких-либо иных признаков и способными оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты. Элиты, по его мнению, это лица, занимающие влиятельные политические позиции, а также лица, у которых есть организационная возможность создать серьезные политические проблемы, если их вовремя не остановить¹⁶⁸. Дж. Хигли говорит об

¹⁶⁷ Здесь мы не становимся на позиции Дж. Розенау, который утверждает, что символическими персонажами международного пространства выступают «турист и террорист», тем самым указывая на размывание роли государства и «индивидуализацию» мировой политики. (*Rosenau J. Le toureste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum international // Études Internationales. 1979. Vol. 10, No. 2. P. 219–252*). Вместе с тем, тенденцию, на которую указал ученый, нельзя игнорировать: фактор внутриэлитной динамики способен оказывать большое влияние на государственные решения. В этой связи целесообразно рассматривать не только государство как субъекта международных отношений, но и политическую элиту, контролирующую государство. Подробнее см.: *Hudson V. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // Foreign Policy Analysis. 2005. Vol. 1, No. 1. P. 1–30*.

¹⁶⁸ *Хигли Дж.* Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс / Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 35;

отнесении к элите не только тех, кто находится на одной из верхних позиций-ступенек иерархической лестницы, но и тех, кто, не обладая формальной принадлежностью к правящему меньшинству, способен, тем не менее, влиять на принимаемые решения и является частью «контрэлиты», способной влиять на политические результаты регулярно и значительно¹⁶⁹.

Представляется, что данный подход чрезмерно расширяет границы элиты, делает их рыхлыми и трудно определяемыми. Следует согласиться с идеей Дж. Хигли о том, что к элите могут быть отнесены те, кто занимает стратегически важные командные высоты. Однако отнесение к их числу и «контрэлиты» (общественные деятели, диссиденты и т.д.) представляется малопродуктивным. В этом смысле более проработана идея Х. Беста и Дж. Хигли об «узком внутреннем круге»¹⁷⁰ элиты, члены которого контролируют различные государственные функции и иные властные сегменты¹⁷¹, хотя она и создает условия для другой крайности: чрезмерного сужения элитной группы до нескольких десятков человек или единичных

Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Boulder: Rowman & Littlefield. 2006. P. 7.

¹⁶⁹ *Dogan M., Higley J.* (eds.), *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Lanham MA: Rowman Littlefield, 1998. p. 15; *Best H., Higley J.* (eds.), *Democratic elitism: new theoretical and comparative perspectives*. Leiden and Boston: Brill. 2010. P. 6.

¹⁷⁰ Идея «внутреннего круга» не нова: в 1980-х гг. этот концепт разрабатывал М. Юсим, утверждавший, что основные решения принимаются узким кругом политиков и бизнесменов высшего уровня, в 1970-х гг. – Э. Луман и Ф. Паппи и др. В качестве объекта их исследования выступало сообщество небольшого города в западной Германии Йюлих. Они построили сетевую модель взаимодействия элиты, опираясь на принцип «ядро – периферия». При этом использовался позиционный и репутационный подходы с целью выявления наиболее влиятельных членов сообщества. Рассматривались различные сферы: бизнес, социальная сфера и политика. Итогом стала сеть, которая представляла связи внутри сообщества, показывая его политическую структуру – персоны, помещенные во внутренний круг (центральную часть сети). Подробнее см.: *Useem M.* *The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K.* N.Y.: Oxford University Press, 1984; *Laumann E., Pappi F.* *Networks of Collective Action: a Perspective on Community Influence Systems*. New York : Academic, 1976.

¹⁷¹ *Best H.* Introduction: *Democratic Elitism Reappraised* / H. Best, J. Higley // *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* / eds. H. Best, J. Higley. Leiden : Brill, 2010. P. 7.

персон и появления в результате дополнительной дефиниции – «суперэлиты»¹⁷².

Р. Патнэм причислял к элите тех, кто находится наверху «пирамиды власти»¹⁷³. Среди отечественных элитологов последовательно эту линию развивает О.В. Гаман-Голутвина, указывающая, что политическую элиту правомерно определить как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие¹⁷⁴) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом. При этом учёный делает акцент на том, что существующая в реальности множественность властных групп и фракций не противоречит представлению о внутренней интегрированности элиты¹⁷⁵. Вслед за Р. Патнэмом она также говорит о «пирамиде власти», выделяя в ней три уровня: правящая элита (высший уровень); осуществляющие «трансляцию» принимаемых на высшем уровне решений политические группы (средний уровень) и выступающее в роли объекта управления население (основание пирамиды)¹⁷⁶. Разделение элиты на высший и средний уровень соответствует классической традиции изучения элит, предложенной еще Г. Моска, который в работах разного времени выделял

¹⁷² Д. Роткопф, например, во всём мире насчитал около 6 тыс. чел., которые, по его мнению, формируют глобальный «суперкласс» – руководители крупнейших компаний, медиа-корпораций, органов власти, религиозных организаций, теневых структур. Подробнее см.: *Rothkopf D. Superclass: The Global Power Elite and the World They Are Making.* Farrar, Straus and Giroux, 2009. 376 p.

¹⁷³ *Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites.* New Jersey: Prentice Hall. 1976. P. 14; *Putnam R.D. Elite Transformation in Advance Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy // Comparative Political Studies.* 1977. Vol. 10, No. 3. P. 383–412.

¹⁷⁴ П. Бахрах и М. Баратц склонны рассматривать «нерешения» как отдельный вид «решений», которые также являются результатами деятельности агентов. Подробнее см.: *Bachrach P., Baratz M.S. Power and Poverty: Theory and Practise.* New York, Oxford University Press, 1970. P. 44.

¹⁷⁵ *Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий // Полис.* 2003. № 3. с. 97–103.

¹⁷⁶ *Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции.* М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 448 с.

classe politica и *classe dirigente* – класс политический и класс правящий, различая их по объему власти.

Данное определение политических элит целесообразно уточнить – учесть критерий непосредственного доступа элиты к воздействию на систему органов государственной власти. Небольшие группы людей, занимающие значимые позиции, уместно относить к политической элите постольку, поскольку обладание указанными позициями предоставляет им не только необходимый ресурсный потенциал, но и возможность *систематически* и *значительно* воздействовать в своих интересах на институты государственной власти и в целом на главный институт – государство. Этот подход к определению политической элиты можно назвать государственноцентричным, подчеркивающим неразрывную связь властных групп с государством.

Таким образом, **политические элиты** определяются как *группы лиц, контролирующих с помощью формальных и неформальных практик принятие и исполнение системой органов государственной власти ключевых политических решений*. Различные социально-политические группы, не имеющие значительного прямого воздействия на систему органов госвласти, не входят в категорию элиты, что не исключает их возможностей косвенно влиять на политические процессы.

Политические элиты обособляются от массовых групп, образуя относительно закрытый сегмент, но при этом зависят от взаимодействия с обществом, обеспечивающим социальную опору и легитимность. Взаимодействие выстраивается посредством институтов в рамках политического процесса, обеспечивающих распределение материальных и нематериальных ресурсов и сопряжение различных интересов в обществе. Конструкция этих институтов может иметь разные формы, определяя соотношение публичной и непубличной политики, а также методы взаимодействия, обратной связи между массовыми и элитными сегментами.

Характер взаимодействия политических элит с внешней средой определяется, с одной стороны, структурным положением государства в рамках данной среды, а с другой – его качественными характеристиками. Один из главных вопросов в этой связи заключается в установлении соотношения между внутривнутриполитическими и внешнеполитическими факторами, определяющими становление и деятельность властных групп. В политической науке приоритет нередко отдается факторам внутренней политики, характеру политической организации общества. Безусловно, удержание власти в рамках отдельной страны является основополагающей задачей политической элиты, от решения которой во многом зависит и внешнеполитический курс. Вместе с тем, вопросы государственного престижа, статуса в международных отношениях, а также конкретные внешнеполитические вызовы нередко оказывают решающее влияние на легитимность политических элит, в т.ч. внутри их государств, на ресурсообеспеченность и стабильность режима¹⁷⁷. При этом дефицит ресурсов делает элиты более зависимыми от внешних факторов, за счёт которых имеющаяся нехватка может быть частично компенсирована.

Учет внешнеполитических факторов в деятельности элит предполагает интеграцию ряда исследовательских подходов:

- структурные подходы, разработанные в рамках теории элит (проблемы структуры, сплоченности и смены властных групп);
- неоинституциональные подходы¹⁷⁸, позволяющие проанализировать формальные и неформальные политические институты, с которыми связана деятельность и само существование политических элит (проблемы стабильности государства, легитимности политического руководства, соотношения формальных и неформальных институтов);

¹⁷⁷ Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100, No. 6. P. 1552–1593.

¹⁷⁸ Речь не только о неоинституционализме, вдохновленном теорией рационального выбора, но и об историческом институционализме, разрабатывающих проблемы государственной власти и стабильности, революций и общественных движений.

– теория международных отношений (структура внешней среды и взаимодействий с ней, а в случае стран Прибалтики – теория малых стран).

Применение обозначенных подходов в комплексе позволяет представить понятие политической элиты через ее атрибуты, отраженные в виде аналитической схемы (рис. 1).

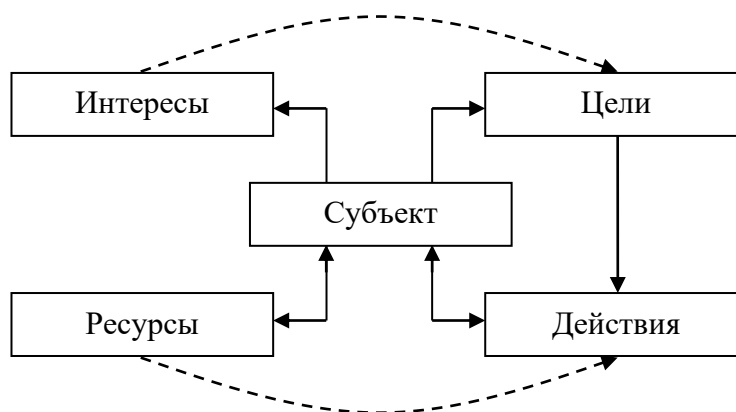

Рис. 1. Понятие политической элиты.

Блок «Субъект» в центре схемы представляет социальную группу, непосредственно занимающую позиции политической элиты и контролирующую систему органов госвласти. Субъект осуществляет осмысление интересов, ресурсов и целей, что позволяет формировать определенную линию действий, выражающуюся в принятии и исполнении конкретных решений на государственном уровне. Одна из ключевых задач при этом – налаживание с учетом субъективных факторов эффективной обратной связи с внешней средой, включающей внутри- и внешнеполитическое пространства.

Политические элиты, согласно принятому автором определению, осуществляют контроль над системой органов госвласти, что предполагает наличие результирующего вектора, который складывается из борьбы различных фракций (отдельных лиц) и их интересов в рамках внутриэлитного взаимодействия. Степень внутреннего единства и однородности элит варьируется между полюсами единства и анархии. В последнем случае происходит распад субъекта на множество

противоборствующих частей и, как следствие, утрата субъектности как способности к целенаправленным коллективным действиям.

«Интересы», «ресурсы», «цели» и «действия» – четыре базовых блока, выделение которых позволяет анализировать причины и вероятные последствия принимаемых властными группами ключевых политических решений, а также состояние элиты как политического субъекта с учетом субъективного и структурного аспектов. В рамках схемы ни один из блоков не существует автономно: интересы влияют на формулирование целей, тогда как линия действий связана с доступным набором ресурсов. Характер данного влияния обуславливается способностью субъекта к осмыслению и анализу сложившейся ситуации. Ресурсы и действия субъекта находятся в непосредственной зависимости от среды, оказывая прямое влияние на состояние субъекта. Формулирование интересов и целей в большей степени зависит от субъективных способностей политической элиты по оценке ситуации, а также объективных факторов структурного свойства. Рассмотрим каждый из блоков.

Интересы политических элит подразделяются на корпоративные (личные и групповые) и общегосударственные, причем не всегда их можно четко разграничить. В периоды политической стабильности эти сегменты находятся в относительном равновесии, тогда как в периоды кризисов и дестабилизации личные интересы часто выступают на первый план, что увеличивает вероятность фрагментации элиты. В качестве реакции на эти процессы мощные элитные группы могут использовать экономические стимулы или репрессивные меры для недопущения распада политической элиты или ее повторного объединения (создания новой коалиции).

Можно выделить материальные, статусные и властные интересы политической элиты. Речь идет о накоплении материальных ресурсов, обеспечении внутри- и внешнеполитического статуса и престижа¹⁷⁹, а также

¹⁷⁹ Статус определяется положением политического субъекта в социальной (в т.ч. международной) иерархии. Престиж определяется социальным восприятием

об удержании и накоплении власти. Решение последней задачи предполагает поддержание прочной внутриэлитной коалиции, имеющей надежные связи с институциональными субъектами и способной контролировать политическую активность оппозиции и социальных общностей. В периоды ослабления легитимности, переходящих в политический кризис, может происходить либо смена правительственной коалиции, либо реформатирование коалиции, ее объединение вокруг нового центра власти. Нередко для удержания или завоевания власти подобные коалиции обращаются к поддержке внешних сил.

Интересы преобразуются субъектом в форму конкретных *целей*, ориентирующих деятельность властных групп. Базовые цели заключаются в сохранении сплоченности правящей коалиции, обеспечении легитимности и общественной поддержки, недопущении антисистемных оппонентов к рычагам власти. Указанные цели носят охранительный характер; при наличии достаточных ресурсов возможна постановка и перспективных целей по повышению престижа государства или преобразованию общества согласно определенным идеалам. В устойчивых демократических режимах, для которых характерно полицентричное распределение влияния среди нескольких элитных фракций, обеспечивается мирный переход власти от одной коалиции к другой. Открытая конкуренция политических элит за доступ к контролю над системой органов госвласти прекращается после завершения выборов, что позволяет обеспечить принцип единоначалия, необходимый для проведения государственной политики.

деятельности субъекта с точки зрения иерархии ценностей. Таким образом, престиж тесно связан со статусом, но не тождественен ему. Так, по-прежнему сохраняя высокий статус, субъект может утрачивать престиж, например, вследствие отрицательных результатов собственной деятельности. В определенных пределах допустимо также и обратное утверждение. Подробнее см.: Status in World Politics / eds. T. V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

Ресурсы подразделяются на материальные, культурно-информационные, организационные и морально-психологические¹⁸⁰. Материальные ресурсы включают экономические и военные, демографические и природные. Информационно-культурные включают набор средств по влиянию на формирование общественного мнения и продвижение оценок тех или иных внутри- и внешнеполитических событий, а также относительно самих элит. Организационные ресурсы представляют, в первую очередь, систему органов госвласти и институты организации общественной жизни. От их эффективности зависит не только результативное использование других ресурсов, но и выверенная оценка обстановки, осмысление интересов и целей политической элиты.

Для удержания власти и недопущения раскола¹⁸¹ важнейшим фактором является ресурсообеспеченность. Раскол элит может являться следствием истощения ресурсов государства (например, в результате финансового кризиса и/или потери внешнеполитического престижа в результате крупных ошибок в международных делах) или следствием слома прежней социально-политической системы и необходимости определения нового вектора развития, включающего выработку нового внешнеполитического курса. Интерес элит заключается не только в обеспечении своего престижа внутри страны и за ее пределами, но и в повышении роли государства в международных делах¹⁸².

¹⁸⁰ Данный подход к выделению типов ресурсов основывается на типологии, предложенной М.А. Хрусталевым, дополняя ее психологическим и – далее – коммуникационным типами ресурсов. Подробнее см.: *Хрусталев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Аспект Пресс, 2015.

¹⁸¹ О.М. Михайленок отмечает, что «достижение гражданского согласия означает обретение качественно нового уровня интеграции общества». Подробнее см.: *Михайленок О.М.* Феномен согласия в политологии и политической практике. М.: Институт социологии РАН, 2016. – 176 с.

¹⁸² Уместно привести формулировку Р. Коллинза: «...Престиж государственной власти на международной арене влияет на легитимность правителей государства во внутренней политике». Подробнее см.: *Коллинз Р.* «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // *Логос*. 2005. № 1. С. 31.

Морально-психологические ресурсы могут быть по-разному структурированы, тесно переплетены с информационно-культурными, но не тождественны им. Речь идет, в первую очередь, о психологической устойчивости элит под давлением внутри- и внешнеполитической среды, которая позволяет удержаться от раскола и сохранить способность к рациональной оценке ситуации, не поддаваясь панике в критических обстоятельствах. Эта составляющая зависит не только от субъективных качеств представителей элиты и доступных им информационно-культурных ресурсов, позволяющих популяризировать и в итоге навязать собственную точку зрения, но также от накопленного исторического опыта и чувства исторической справедливости. Другая компонента – готовность к деятельному отстаиванию и продвижению собственных ценностей внутри страны и за ее пределами¹⁸³. Обозначенные составляющие подлежат преимущественно качественной оценке, однако их исключение из поля зрения чревато упрощением изучаемого объекта.

Коммуникационное измерение также представляет тип ресурса политической элиты. В зависимости от характера взаимодействия с другими субъектами (кооперация, конфронтация или смешанный тип взаимодействия) коммуникация как сообщение и получение информации о возможностях и намерениях между двумя игроками может компенсировать нехватку ресурсов или усиливать другие типы ресурсов. Так, в ситуациях кооперации или смешанного взаимодействия налаженные каналы обмена информацией позволяют более эффективно координировать совместные действия и могут дать более оптимальные результаты взаимодействия. В

¹⁸³ Данное качество политической элиты может иметь различную степень интенсивности выражения: от линии на прагматичную защиту национальной самобытности – до миссионерства при воплощении идеальной утопии. Так, В.Ю. Зорин говорит о широком спектре инструментов, которые Запад использует для продвижения своих ценностей и стандартов: от «мягкой силы» до военного давления. Подробнее см.: *Зорин В.Ю., Рудаков А.В. Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С. 55-70.*

условиях конфронтации часто маскировка намерений и планов, сознательное искажение или нарушение коммуникации могут давать политической элите преимущество перед оппонентами за счёт непредсказуемости.

Действия, линия поведения элиты подчиняются общей политической логике: укрепление коалиции сторонников и ослабление коалиции действительных или потенциальных оппонентов. Этот принцип обретает более конкретные очертания в процессе практической реализации, включая следующие аспекты: стратегический и тактический уровни деятельности, методы и инструменты, сферы и каналы (институты) приложения усилий политического субъекта.

Интересы, цели, ресурсы и действия элит характеризуются различной степенью динамики, находясь в непрерывном процессе взаимодействия с внутри- и внешнеполитической средой, имеющей сложносоставную структуру: нормы, институты¹⁸⁴, иные субъекты (государства и негосударственные акторы), совокупность отношений между институтами власти и различными социальными группами и др. Политические элиты используют ресурсы для решения конкретных задач, в результате происходит учреждение новых, изменение или укрепление существующих институтов, формируются и меняются сами элиты.

За счет формирования институтов обеспечивается относительная стабильность и предсказуемость политических отношений как во внутренней политике, так и на международном уровне, что позволяет обеспечивать планирование и управление политическими процессами. Властные группы сосредоточивают ресурсы, которые позволяют им создавать или изменять политические институты в своих целях. По сути, институты служат инструментом управления различными социальными

¹⁸⁴ В общем смысле институт – набор правил (норм), регулирующих общественные отношения в определенной сфере, выделяются формальные (закрепленные в форме официальных правил и/или учреждений) и неформальные (сложившиеся без формального закрепления на уровне негласных правил, регламентов, обычаев).

процессами в руках политических элит. Вместе с тем, формирование институтов ограничивает выбор политических игроков, в том числе и самих элит, так как создает определенный набор доступных опций и ограничивает спектр допустимых действий, влияет и на процессы смены элит, создавая условия для их обновления или, напротив, застоя.

Предложенный подход позволяет логически связать теорию элит с неoinституционализмом и теорией международных отношений, что дает возможность уточнить определение политической элиты, сформировать основу её типологизации.

В основе действий политических элит лежит дихотомия «кооперация / конфронтация», определяющая тип отношений с другими властными субъектами. В первом случае предполагается использование широкого спектра средств убеждения и коалиционного строительства. Во втором – речь идет о применении инструментов принуждения¹⁸⁵ (силового или несилового) для реализации интересов элиты. «Чистые» стратегии кооперации и конфронтации являются, скорее, идеальными типами, тогда как комбинированные модели определяют большинство действий властных групп. Укоренившиеся наборы тех или иных действий служат основой для выделения различных типов элит, позволяя повысить точность прогноза их политических решений. Классическим примером такого подхода является дихотомия «львы / лисы», предложенная В. Парето на основе идеи Н. Макиавелли и различающая типы элит в зависимости от склонности к методам принуждения либо убеждения и интриг.

Эта типология может быть развита путем введения дополнительного параметра, характеризующего уровень инициативности с двумя полюсами, – «сохранение статус-кво / изменение статус-кво». Этот показатель выявляет отношение элит к устоявшемуся балансу сил и интересов,

¹⁸⁵ Как отмечает А.В. Михалев, «вопрос о том, возможна ли власть (сила), не опирающаяся на принуждение, насилие или манипуляцию, по сей день остается открытым». Подробнее см.: *Михалев А.В.* Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // *Дискурс-Пи.* 2017. № 1 (26). С. 129-135.

выражающемуся в общих формальных и неформальных правилах взаимодействия.

Нацеленность на пересмотр или сохранение статус-кво задает дополнительное измерение классической оппозиции «львы» и «лисы». Приверженцев силовых методов и сохранения статус-кво отнесем к типу «львов», тогда как сторонники пересмотра сложившегося порядка с акцентом на кооперацию и убеждение составят тип «лисы». На изменение текущего порядка с акцентом на принуждение нацелены «ястребы», а «совы» ориентированы на поддержание статус-кво посредством использования кооперативных инструментов и убеждения (рис. 2).

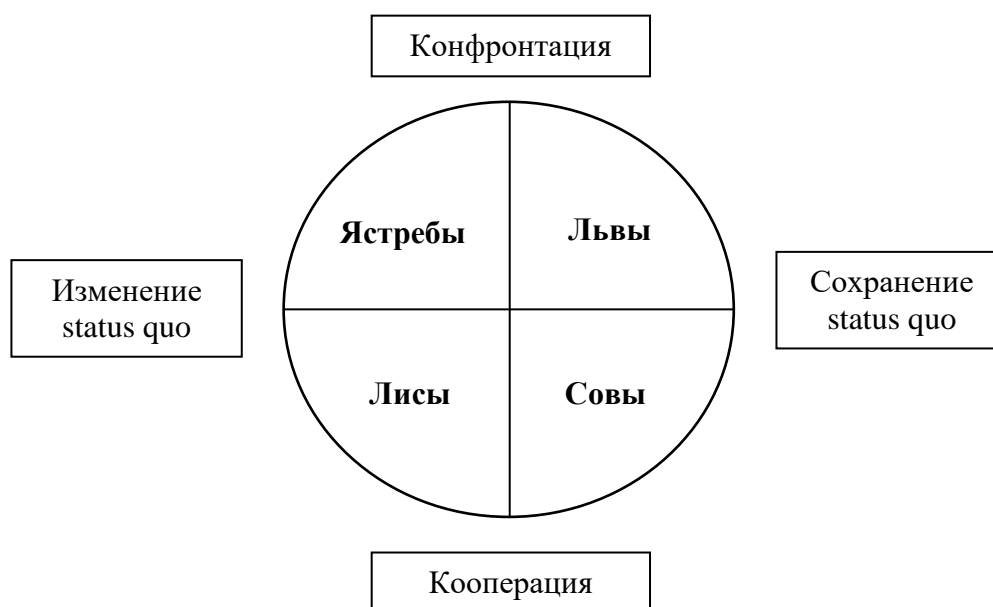

Рис.2. Матрица типов политической элиты.

В случае «ястребов» речь идёт о готовности к резким изменениям политического порядка путем применения силовых методов, тогда как в случае «лис» – о нацеленности на постепенное реформирование статус-кво¹⁸⁶. Как правило, внутри государств существуют различные типы элитных фракций с точки зрения предпочтительной модели их действий¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Можно предположить, что в периоды политических трансформаций и раздробленности элитных групп «лисы» могут делать политические ставки и на условных «силовиков» – «львов» и «ястребов». Вместе с тем, «лисы» сохраняют приверженность своим базовым методам – комбинированию и строительству коалиций.

¹⁸⁷ Так, представители военно-промышленного комплекса часто склонны к модели действий «львов», направленной на поддержание стабильности с опорой на силовые

Соотношение сил между ними и распределение власти меняется в зависимости от внутри- и внешнеполитической среды. Элиты могут полагаться на разные типы действий в отношении внешней и внутренней политики. Так, приверженцы статус-кво с опорой на принуждение во внутренней политике способны прибегнуть к ревизионизму во внешней политике через кооперацию, убеждение и интриги.

Как правило, различные типы действий реализуются разными элитными фракциями, но все они могут входить в сплоченную политическую элиту, контролирующую государство. Те или иные подходы применимы в зависимости от приоритетов, однако на практике подобная гибкость предполагает высокий уровень автономности элиты и ее ресурсобеспеченности, а также довольно сильную централизацию власти внутри государства. Выявление преобладания кооперативных или конфронтационных подходов в действиях элиты опирается на анализ последовательности их политических шагов, основных доктринальных документов, заявлений, результатов работы с общественным мнением. Важно не ограничивать анализ краткосрочной перспективой, так как в некоторых случаях политическим элитам может быть выгодна демонстративная конфронтация, которая в действительности – часть переговорной позиции, нацеленной на достижение компромисса.

В данном случае не утрачивает своей актуальности предложенная Р. Джервисом дихотомия «оборонительного» и «наступательного»

методы и расчеты. Однако в военных ведомствах и специальных службах также может получить распространение и модель поведения «ястребов», особенно в случае наличия явных возможностей и отсутствия сдерживающих препятствий для расширения власти и приобретения новых ресурсов во внешнеполитической среде. «Лисы» часто представлены в среде крупных бизнес-корпораций, ищущих возможности подстроить политический порядок под свои интересы путем постепенных изменений. Система американских «полугосударственных» институтов по продвижению демократии в мире представляет почти хрестоматийный пример элитных групп, приверженных модели действий «лис». «Совы», как правило, имеют прочные позиции в дипломатических ведомствах, нацеленных на выстраивание доверительных и предсказуемых отношений во внешнеполитической среде.

реализма¹⁸⁸. Рекомендации в данном случае очевидны: в случае ревизионистских намерений необходима как можно более оперативная и решительная реакция коалиции стран, заинтересованных в сохранении текущего политического порядка. Подобная реакция обеспечит сдерживание и предотвратит разрастание амбиций и обязательств ревизиониста. Вместе с тем, укрепление обороны может быть вызвано опасениями элит за собственную безопасность¹⁸⁹. Решительный ответ на подобные действия способен спровоцировать классическую «дилемму безопасности» в форме взаимного сдерживания¹⁹⁰, гонки вооружений и возрастающих рисков непреднамеренной эскалации.

Вероятность внутренних ревизионистских намерений возрастает по мере изменения отношения элитных фракций к сложившейся системе распределения власти и ресурсов: от неудовлетворенности выгодой при *status quo* – через осознание низкой выгоды *status quo* – к попытке изменений статус-кво. Можно быть противником распределения власти и ресурсов в текущей системе, не претендуя на ее структурные основания, «красные линии», а можно быть противником сложившихся «правил игры» в целом, что означает революционность политической элиты.

С одной стороны, политические элиты в рамках своей трансформации проходят определенные структурные изменения, последовательно меняющиеся состояния, а с другой – сама осуществляет целенаправленную

¹⁸⁸ Jervis R. *Perceptions and Misperceptions in International Politics* / R. Jervis. Princeton : Princeton University Press, 1976. 445 p.

¹⁸⁹ В.С. Малахов подчеркивает, что при усилиях со стороны государства тема безопасности способна стать не просто доминирующей в общественных дискуссиях: «Она наделяется онтологическим приоритетом. Она как бы предшествует всем иным темам». Подробнее см.: Малахов В.С. Техника безопасности: политика страха как инструмент управления // Отечественные записки. 2013. № 2 (53). С. 150-163.

¹⁹⁰ Так, в трактовках сторонников теории транзита власти «доминирующая держава», являющаяся гарантом и бенефициаром текущего политического порядка, как правило, вступает в конфронтацию с ревизионистской державой, заинтересованной в изменении «правил игры». Подробнее см.: Organski A. *World Politics*. New York : Knopf, 1958; Tammen R. *Power Transitions: Strategies for the 21st Century*. New York : Seven Bridges Press, 2000.

деятельность, «пересобирая» окружающее политическое пространство. Структурные характеристики отвечают на вопрос о том, что происходит с элитой, тогда как субъектные дают ответ на вопрос о том, как ведет себя элита, какова специфика ее становления. Объяснение динамики каналов и механизмов элитного рекрутирования, логики ключевых решений властных групп и определение вероятных тенденций их развития предполагает сопряжение структурных и субъектных характеристик элит

Отметим, что тип политических элит влияет не только на характер политических решений, выбор методов взаимодействия с политическими субъектами, выстраивание системы связей во внутри- и внешнеполитической среде, но и на правила и критерии отбора новых членов элиты. Подобная постановка проблемы и предложенные подходы к ее решению позволяют взглянуть на политические трансформации последних лет под углом сопряжения институциональной и международной динамики, не ограничиваясь лишь внутристрановыми факторами или формальными институтами в духе транзитологии и элитистских концепций демократии. Появляется возможность глубже раскрыть суть политической конкуренции элит, которая включает не только предвыборную и внутриэлитную борьбу, но и приоритеты во взаимодействии с внешнеполитической средой.

Анализу структурных характеристик политической элиты, выработке новых правил и норм внутриэлитного взаимодействия посвящен значительный корпус работ. Существенный импульс был придан в связи с распадом социалистического содружества. Значимые исследования в ряде стран Восточной Европы проводились с опорой на теоретико-методологический инструментарий преимущественно американской и западно-европейской школ теории элит. Дискуссиям между специалистами по конкретным вопросам становления властных групп в постсоветский период посвящен следующий параграф.

1.3. Исследования властных групп в постсоветский период

Комплексное изучение политических элит Латвии, Литвы и Эстонии невозможно вне контекста – осмысления тех исследовательских наработок, которые после распада социалистической системы велись в странах Восточной Европы и применительно к постсоветскому пространству. Как отмечалось ранее, разработки западных специалистов в теории элит, прежде всего, из американских научных центров, стали основой анализа обширного эмпирического материала, который появился после роспуска СССР и последовавшей череды политических кризисов и трансформаций. Процессы, происходившие с властными группами Восточной Европы, привлекли внимание ученых из США, Германии, Италии, Норвегии, Венгрии, Польши и др. В 1990-е гг. элитология стремительно развивалась и в России, исследователи довольно быстро осваивали зарубежные теоретико-методологические подходы. Меньше научной литературы было посвящено анализу политических элит в восточной части постсоветского пространства, в странах Центральной Азии, Южного Кавказа. В первое время эти страны не привлекали внимание Евроатлантики в рамках расширения евроатлантических структур. Географическая отдаленность, относительно низкий уровень публичности политической жизни препятствовали системному изучению властных групп в этих государствах.

В странах бывших Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского договора (ОВД) демонтаж ключевых институтов привел к сбоям в работе управленческой системы и регулировании экономики, к исчезновению прежних каналов и механизмов рекрутирования властных групп, средств политического участия и контроля, к ослаблению политической стабильности. В этой связи следует отметить, что после распада СЭВ, ОВД и СССР политическая наука подверглась критике за неспособность предсказать столь фундаментальные сдвиги в мировой политике. Эта проблема стала предметом научной рефлексии и дискурса; не

остались в стороне и исследователи элит, которые вскоре заняли заметное место в интерпретации последовавших политических трансформаций. Так, в 2010 г. один из ведущих западных исследователей теории элит Х. Бест (Германия) опубликовал работу, в которой, взяв за основу неинституциональный подход, предложил теорию, позволяющую не только объяснить, но и спрогнозировать события подобного масштаба, сравнивая рубежные 1989 г. и 2009 г., когда разгорелся финансово-экономический кризис¹⁹¹. Х. Бест сформулировал тезис, согласно которому политические изменения могут приобретать нелинейный и скачкообразный характер в случае, если сложившийся политический порядок начинает существенно угрожать статусу политических элит. Кризис 2009 г. существенно повлиял на восприятие исследователями элит «посткоммунистических транзитов» в странах Восточной Европы. Фактически была подведена черта под двадцатилетним периодом политической трансформации в регионе. Д. Лэйн пришел к выводам¹⁹², что страны бывшего советского лагеря, элиты которых сделали выбор в пользу присоединения к ЕС и проведения неолиберальной политики, пострадали от кризиса 2009 г. в целом больше, нежели страны СНГ¹⁹³, властные группы в которых сделали выбор в пользу гибридных механизмов управления политической и экономической системами, сочетающих элементы рыночной экономики и широкого государственного участия¹⁹⁴.

¹⁹¹ *Best H.* Transitions, Transformations and the Role of Elites // *Historical Social Research*. 2010. Vol. 35, No. 2. P. 9–12.

¹⁹² *Lane, D.* Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. London : Transaction Publishers, 2012. P. 201–212.

¹⁹³ Политика всеобщего затягивания поясов на фоне мощной волны эмиграции жителей страны, устремившихся в поисках заработка за рубеж, обеспечила Латвии «историю успеха», что следует из книги бывшего премьер-министра В. Домбровскиса. Подробнее см.: *Aslund A., Dombrovskis V.* How Latvia Came Through the Financial Crisis. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2015. 200 p.

¹⁹⁴ В данной связи следует отметить, что страны Прибалтики, с точки зрения показателей ВВП, пострадали от финансово-экономических потрясений 2009 г. больше всех в мире (максимальное снижение ВВП в Латвии в 2009 г. – 17,7 %).

Основным понятием, определившим интерпретацию большинством исследователей состояния властных групп в Восточной Европе с конца 1980-х – начала 1990-х гг., стало «соглашение элит» (*elite settlements*), разработанное в теории элит американскими учеными Дж. Хигли и М. Бартоном, а также рядом их коллег¹⁹⁵. Они обозначили соглашение элит¹⁹⁶ как важнейший вид политического изменения, а именно – политический компромисс между находившимися до этого в состоянии войны (неограниченной конкуренции) элитными фракциями относительно общих правил и системы сдержек, что обеспечивает политическую стабильность и выступает условием перехода к демократии.

Формулированию данной концепции способствовал интеллектуальный климат конца 1970-х – начала 1980-х гг., который характеризовался, с одной стороны, повышением внимания к концепции минималистской демократии¹⁹⁷, и с другой – интенсивными дебатами о причинах стабильности демократических режимов. Дискуссия о значении разного рода соглашений между представителями правящих кругов для развития демократических институтов активно велась исследователями начиная с 1970-х гг.¹⁹⁸, что в целом представляло благоприятную почву для адаптации этих идей в рамках динамично развивающейся теории элит.

¹⁹⁵ *Burton M. Elite Settlements / M. Burton, J. Higley // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, No. 3. P. 295–307.*

¹⁹⁶ Соглашения элит должны отвечать ряду требований: они должны быть достигнуты быстро или могут не состояться вовсе; поиск компромиссов должен вестись максимально открыто («лицом к лицу»); достигнутые в ходе переговоров соглашения следует закрепить документально; в основе участия в переговорах должно лежать стремление к компромиссу, а участниками могут только опытные лидеры.

¹⁹⁷ *Popper K. The Open Society and Its Enemies. Princeton : Princeton University Press, 1963; Przeworski, A. Minimalist Conception of Democracy: a Defence // Democracy's Value / eds. I. Shapiro, C. Hacker-Cordon. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 23–55; Riker W. Liberalism against Populism. San Francisco : W. H. Freeman and Company, 1982. P. 311; Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. New York :Routledge, 1994.*

¹⁹⁸ *Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 2, No. 3. P. 337–363; Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1983. Vol. 99, No. 2. P. 193–218.*

Предложенная М. Бартоном и Дж.Хигли исследовательская позиция стала своеобразным ответом западных элитологов на вопрос о причинах стабильности демократий. Согласно этому подходу, соглашение элит становится основой взаимодействия властных групп после падения СССР. Доминирование одной группы уступает место плюрализации элитной структуры, которая сочетает в себе существенно различающиеся интересы ее элементов, но вырабатывает консенсус по ключевым вопросам. Аналитическая схема, рассматривающая объединение властных групп на основе соглашения, оказалась актуальной для исследователей трансформаций в Восточной Европе. С опорой на нее получили развитие подходы, акцентирующие ключевое значение пакта элит в процессе смены политических режимов (*pacted transition*) в регионе¹⁹⁹.

От изучения общества в состоянии стабильности фокус исследовательского интереса сместился к проблемам социальных изменений. Ключевым стал вопрос о структурной динамике политического руководства, ставящий в центр внимания проблему соотношения смены (циркуляции) и воспроизводства (репродукции) элиты.

Изначально внимание ученых концентрировалось на репродукции как центральной тенденции становления элит в Восточной Европе. Среди основных работ по теме – труды Э. Ханкиша²⁰⁰ (Венгрия) и Я. Станишкис²⁰¹ (Польша). Они отрицали наличие глубоких структурных изменений в составе политических элит, обсуждая в качестве базовой предпосылки тезис о «превращении власти» (*conversion of power*), концептуальные основания которого сформулированы П. Бурдьё в рамках идеи о конвертации

¹⁹⁹ *Wasilewski J.* Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / eds. J. Higley, J. Pakulski, W. Wesolowski. New York : St Martin's, 1998. P. 163–187.

²⁰⁰ *Hankiss E.* East European Alternatives. Oxford : Clarendon Press, 1990; *Hankiss E.* Reforms and the Conversion of Power // *Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm* / eds. P. Weilemann, G. Brunner, R. Tokes. Oxford : Berg, 1991. P. 27–39.

²⁰¹ *Staniszki J.* The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience. Berkley : University of California Press, 1991. P. 303.

капиталов²⁰². По их мнению, члены коммунистической номенклатуры осмысленно пошли на смену режима, конвертировав свой политический капитал в ресурсы частной собственности (приватизация). Суть данного подхода метко отражена в рассуждениях польских ученых Я. Василевского и Э. Внук-Липиньского о «превращении аппаратчиков в миллионеров»²⁰³.

Подобная постановка вопроса позволила утверждать, что кардинальной смены элит в регионе Восточной Европы не произошло. Структурные перестановки имели место лишь в рамках сообщества лиц, уже обладавших значительной властью на момент начала политических перемен. Так, Э. Ханкиш полагал, что элиты были мало затронуты социально-экономической трансформацией. На вершине политической пирамиды менялись лишь декорации, тогда как действующие лица остались всё те же – члены номенклатуры сумели конвертировать политическое влияние в экономические ресурсы (собственность) и удержаться во власти. Э. Ханкиш использовал понятие «большая коалиция» (*grand coalition*), чтобы описать слияние высшего звена политиков, управленцев и собственников, которые в итоге сумели сохранить власть в изменившемся обществе. Я. Станишкис на польском материале во многом сходным образом интерпретировала процесс трансформации, применив термин «политический капитализм». По ее мнению, сложившийся капиталистический строй был «спроектирован» номенклатурой в своих интересах с целью сохранения привилегированного положения. Как отмечали в середине 1990 гг. Я. Василевски и Д. Хигли, распад советского лагеря не привело к полному обновлению элит: треть тех, кто относился к

²⁰² Идея французского социолога о конвертации капиталов (символического, культурного и т.д. в политический, политического – в экономический и т.д.) с целью повышения позиции индивида в социальном пространстве. Подробнее см.: *Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richards. New York: Greenwood Press, 1986. 377 p.*; *Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. - М.: Инст-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2005. 576 с.*

²⁰³ *Wasilewski J. Poland: Winding Road from the Communist to the Post-Solidarity Elite / J. Wasilewski, E. Wnuk-Lipinski // Theory and Society. 1995. Vol. 24, No. 5. P. 689.*

элите в 1988 г., сохранили или переместились на сопоставимые позиции в 1993 г.²⁰⁴.

В данном контексте следует отметить исследование крупных государственных предприятий, проведенное Э. Салаи в Венгрии. Разделяя в целом выводы Э. Ханкиша о высокой степени готовности политической элиты к приватизации, Э. Салаи центральным делает конфликт между старой элитой и новой технократией (более образованной и молодой частью номенклатуры), тем самым усложняя схему «превращения власти»²⁰⁵.

И. Селеньи и Д. Трейман на основе сравнительного исследования элит в 1993 – 1994 гг. показали, что выводы Э. Ханкиша и Я. Станишкис отражают лишь одну сторону процесса изменений в составе политического руководства²⁰⁶. Отталкиваясь от вывода Э. Салаи о различии между старой элитой и новой технократией, они предложили тезис о циркуляции элиты, указав, что в моделях Э. Ханкиша и Я. Станишкис не учитываются потенциальные препятствия в конвертации политического капитала в экономический. Был обоснован тезис о том, что циркуляция элит все же имела место: в выигрыше остались «молодые технократы» из номенклатуры, а также управленцы среднего звена, не всегда входившие в коммунистические партии, получив возможность конвертировать свой символический капитал (репутация, профессионализм и т.д.) в политический (конкретная позиция в иерархической лестнице).

В то же время представители номенклатуры, полагавшиеся на свой политический опыт и не имевшие доступа к приватизационному механизму, нередко оказывались вытеснены со своих высоких позиций, так как их

²⁰⁴ *Wasilewski J.* Communist Nomenclatura in Post-Communist Eastern Europe: Winners or Losers of Transformation? Warsaw : Polish Academy of Sciences, 1995.

²⁰⁵ *Szalai E.* The Power Structure in Hungary After the Political Transition // *The New Great Transformation?* / eds. G. A. Bryant, E. Mokrzycki. London : Routledge, 1994. P. 120–143; *Szalai E.* The Metamorphosis of the Elites // *Lawful Revolution in Hungary, 1989–94* / eds. B. Liraly, A. Bozoki. Boulder : Social Science Monographs, 1995. P. 159–174.

²⁰⁶ *Szelenyi I.* Circulation of Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe / I. Szelenyi, S. Szelenyi // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, No. 5. P. 615–638.

прежний вес, авторитет, репутация оказались, по сути, перечеркнуты. Ученые настаивали на том, что новая политическая элита может быть рекрутирована из числа людей, обладающих обширным культурным капиталом, который со временем может позволить им приобрести капитал политический²⁰⁷.

Вопрос соотношения репродукции и циркуляции остается среди центральных для исследователей элит. Дж. Хигли и Г. Лендзел предложили модель изучения изменения элит, представленной в таблице 1. В рамках данного подхода была разработана типология базовых видов изменений в составе политических элит, каждое из которых понято авторами как циркуляция: классическая, квазиклассическая, заменяющая и репродуктивная²⁰⁸. Приняв за основу идеи В. Парето о циркуляции, авторы использовали понятие классической циркуляции, предложив три её дополнительных типа.

Важным этапом в эволюции подходов к осмыслению элит «посткоммунистического транзита» стал выход в 1998 г. работы И. Селеньи и Г. Эяль «Создавая капитализм без капиталистов»²⁰⁹. В ней авторы предприняли попытку объединить теории элит и теорию нового класса с целью объяснения происходящих на территории Восточной Европы политических трансформаций²¹⁰. Они выдвинули гипотезу о «капитализме без капиталистов» в обществах постсоветского периода. Суть их подхода – в акценте на отсутствии капиталистов как класса в момент «выхода» из социализма в государствах Восточной Европы. Новая система создавалась

²⁰⁷ Более подробно эту тему через призму термина «политики морали» развивал венгерский ученый, экс-министр культуры Венгрии А. Бозоки и другие исследователи. Подробнее см.: *Bozoki A. Theoretical Interpretations of Elite Change in East Central Europe // Elite Configurations at the Apex of Power / eds. M. Dogan. Leiden : Brill, 2003. P. 215–223; Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998. 244 p.*

²⁰⁸ Все таблицы приведены в разделе «Приложения».

²⁰⁹ *Eyal G. Making Capitalism Without Capitalists : The New Ruling Elites in Eastern Europe / G. Eyal, I. Szelenyi, E. Townsley. London : Verso, 1998. P. 200.*

²¹⁰ *Eyal G. The Theory of Post-Communist Managerialism / G. Eyal, I. Szelenyi, E. Townsley // New Left Review. 1997. No. 222. P. 60–92.*

сверху, чем, по их мнению, объясняется ведущая роль элит в процессе реформ. Авторы критикуют теорию политического капитализма Я. Станишкис, настаивающую на репродукции элит, критически относясь к её утверждению о сохранении бывшей номенклатурой влияния в вопросах распределения власти. Один из ключевых тезисов авторов – утверждение о первостепенной значимости культурного капитала в процессе трансформации политических элит. На основе результатов эмпирических данных, выявляя тенденции устойчивой нисходящей мобильности, исследователи показывают, что далеко не все члены экс-номенклатуры сумели сохранить свое место в элите. В целях уточнения тезиса Я. Станишкис и Э. Ханкиша (бывшая номенклатура как *grand bourgeoisie*) был выдвинут тезис о коммунистической технократии, представители которой имели больше других шансы занять ведущие позиции в политической элите на рубеже 1980-х – 1990-х гг.

Развитие концепта «капитализм без капиталистов» подталкивали и общественные настроения в начальный постсоветский период, которые требовали существенного обновления властных групп, вплоть до люстрации. Значительная часть номенклатуры, оказываясь, по сути, изгнанной из нарождающейся политической системы, сумела стать конструктором новой экономической модели, распределяя собственность посредством слабо контролируемой обществом приватизации. А.П. Бутенко подчеркивал, что в «бархатных» и «небархатных» революциях борьба за смену режима шла не между массовыми группами, а между различными элитными фракциями: за собственное господство конкурировали «подорвавшая свои позиции партийно-государственная бюрократия и рвавшаяся к власти нарождавшаяся буржуазия»²¹¹.

В рассматриваемом регионе возник феномен «политиков морали»: непрофессиональных политических деятелей, представителей научной и

²¹¹ Бутенко А.П. О «бархатных» и «небархатных» революциях в странах Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 68.

творческой интеллигенции, которые выдвигались на первый план на фоне партийных работников среднего уровня, приходивших на смену прежнему руководству²¹². «Политики морали», занимая различные политические посты, обращались к представителям общественности, транслируя демократическую идеологию в ее антикоммунистическом изводе и де-факто выполняя функцию легитимации нового политического порядка, олицетворяя его разрыв с советской эпохой²¹³.

Обозначенные две тенденции отражали глубокий кризис политических институтов, который привел к ослаблению государственного контроля и депрофессионализации властных групп вследствие разрушения прежних каналов и механизмов элитного рекрутирования.

Для объяснения роли бывшей номенклатуры в формировании современной элиты стран Восточной Европы исследователи обратились к анализу типов (поколений) элит периода социально-политических реформ. В основу легла предложенная Я. Василевским классификация политических элит в контексте изменений в странах Восточной Европы по трем типам – элиты транзита, элиты трансформации и элиты консолидации (таблица 2). Схема Я. Василевского получила эмпирическое подтверждение, в т.ч. в работах Г. Илонски и М. Эдингера о формировании и профессионализации

²¹² Интеллигенция была на первых ролях в прибалтийских Народных фронтах и «Саюдисе»: в Литве – профессор музыковедения В. Ландсбергис (был главой государства), в Эстонии – писатель Л. Мери (был главой МИД, затем президентом), в Латвии – научный работник, физик И. Годманис (был председателем правительства) и пр. Ключевую роль в развитии польской «Солидарности» сыграли представители интеллигенции (Я. Куронь, А. Михник, К. Модзелевский и др.). В Венгрии и Чехии президентами были избраны драматурги и литераторы А. Генц и В. Гавел, президентом Болгарии стал философ Ж. Желев. В Румынии ученый-геолог, президент Бухарестского университета Э. Константинуеску в 1992 г. проиграл борьбу за президентский пост во втором туре, но в 1996 г. сумел встать во главе государства.

²¹³ А. Магомедов подчеркивает, что «элита любого общества – естественный генератор идей, она же – передатчик заимствованных идей, она же – главный субъект политики... Члены политических элит выступают в качестве наиболее активных, способных к обобщениям индивидуумов, выполняя роль производителей и распределителей идеологии». Подробнее см.: *Магомедов А.К. Политическая элита: идеология как призвание (российский казус) // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 112-117.*

элит в странах Восточной Европы²¹⁴. В свою очередь И. Матоните, одна из ключевых специалистов по проблематике властных групп в странах Прибалтики, выделяет два основных типа элит переходного периода – «элиты-революционеры» и «посттранзиторные элиты». Деятельность первых она характеризовала преобладанием символической политики, как правило, при широкой поддержке со стороны населения. Политические руководители-«революционеры» осуществляли, по ее мнению, демонтаж прежней системы и определяли новый курс путем воплощения в новом политическом устройстве своих предпочтений. Перед «посттранзиторными элитами», полагает И. Матоните, встали другие задачи: в условиях постепенного исчезновения эйфории от перемен на первый план выходили проблемы повышения эффективности институтов, решение комплекса социально-экономических проблем. Новая ситуация формировала и новый запрос: управленческий опыт стал тем ресурсом, который способствовал возвращению его обладателей во власть.

За последние десятилетия реализован ряд долгосрочных исследовательских проектов, посвященных политическим элитам в ЕС, включая страны Восточной Европы. Фундаментальные труды на этой основе подготовили Х. Бест, М. Эдингер (Германия) и М. Котта, Л. Верзичелли (Италия)²¹⁵. На протяжении десятилетий эмпирические данные о парламентских и правительственных элитных сегментах накапливались в проекте «EurElite», что дало богатый материал для компаративистских исследований. Результаты исследования указывают на особое значение

²¹⁴ *Ilonszki G.* MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making / *G. Ilonszki, M. Edinger* // *The Journal of Legislative Studies*. 2007. Vol. 13, No. 1. P. 142–163.

²¹⁵ *Representative Elites in Post-Communist Settings* / eds. *H. Best, M. Edinger*. Jena : SFB 580, 2003; *Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence* / eds. *H. Best, M. Cotta*. Oxford : Oxford University Press, 2007; *The Europe of Elites* / eds. *Best H., Lengyel G., Verzichelli L.* Oxford: Oxford University Press, 2012; *The Europe of Elites* / eds. *Best H., Lengyel G., Verzichelli L.* Oxford: Oxford University Press, 2012; *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation* / eds. *E. Semenova, E. Edinger, H. Best*. London : Routledge, 2014.

институциональных факторов в процессах становления политических элит в Европейском союзе. Проект изначально был сосредоточен на Западной Европе, однако затем его расширили, чтобы включить и восточноевропейцев. Посвященное Восточной Европе продолжение проекта было нацелено на исследование элит в системе представительной власти в обществах в постсоветский период. В частности, исследования проведены по следующим проблемам: формирование парламентских элит, паттерны рекрутирования и демократизация, влияние европеизации на динамику элит, проблематика удержания властных позиций выходцами из экноменклатуры и т.д. Эмпирические данные по этим темам собирались на протяжении около 20 лет в 11 странах Восточной Европы и в странах бывшего СССР. В теоретическую основу анализа была положена уже упомянутая теория модернизации, институционализм и теория элит. Крупный межгосударственный проект IntUne, оператором которого выступил университет в Сиене (Италия), был направлен на изучении отношения массовых и элитных групп к восприятию идеи гражданства Европейского союза, европейской идентичности с учётом вызовов в сфере интеграции, с которыми сталкивается ЕС в целом и его отдельные страны-участницы. Особое внимание уделялось восприятию ЕС в новых государствах–членах (в т.ч. через призму внешней угрозы²¹⁶).

В целом, на первый план в исследовании политических элит в Восточной Европе постепенно выдвигались проблемы профессионализации властных групп, их ценностных ориентаций, поведения в электоральном процессе, эффективности рекрутирования и т.д.²¹⁷

²¹⁶ *Matonyte I.* Threat Perception and European Identity Building: The Case of Elites in Belgium, Germany, Lithuania and Poland / I. Matonytė, V. Morkevičius // *Perceptions of the European Union in New Member States: A Comparative Perspective* / ed. G. Iłonszki. London : Routledge, 2013. P. 53–71.

²¹⁷ *Edinger M.* Elite Formation and Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis // *Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives* / ed. J. Higley, H. Best. Leiden : Brill, 2010. P. 127–149.

В России основная исследовательская оптика также опиралась, прежде всего, на упомянутые труды американских и немецких ученых. Импульс получили исследования на федеральном и региональном уровнях (в первую очередь – на материале парламентского и губернаторского корпусов), возникли оригинальные теоретико-методологические разработки. Изучение элит в России быстро обрело статус востребованной дисциплины политической науки. Ведущий отечественный специалист в данной сфере О.В. Гаман-Голутвина связывает развитие в нашей стране элитологии с повышением роли и влияния элит в России после распада СССР («революция элит»)²¹⁸. Научные центры по изучению властных групп сложились в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Перми.

При высоком интересе к элитам в трудах российских политологов тема властных групп как драйверов политических изменений получила меньше внимания, чем в странах Восточной Европы. Российские исследователи традиционно внимание уделяют анализу структурного состава властных групп (в т.ч. в контексте анализа трансформации советской топ-бюрократии в современную элиту), политико-психологических качеств и установок элиты, выявлению тенденций и перспектив эволюции политических элит, специфике взаимодействия отдельных элитных фракций и т.д. Возник ряд оригинальных теоретических разработок. Так, О.В. Гаман-Голутвина провела типологию моделей элитообразования (мобилизационная и инновационная) в зависимости от типа развития общества²¹⁹. А.В. Дука обосновал три возможных теоретических ракурса при изучении элит – с функциональной точки зрения, социальной и институциональной с особым вкладом в

²¹⁸ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 40.

²¹⁹ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006; Гаман-Голутвина О. В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис : Политические исследования. 2012. № 4. С. 23–40.

теоретическую разработку последнего²²⁰. А.П. Кочетков проанализировал характер влияния элит на формирование политического режима²²¹. Труды В.Г. Ледяева позволили продвинуться на пути концептуализации понятия власти²²², а в сотрудничестве с А.Е. Чириковой проработана проблематика власти в российских городах²²³. В российской политологии так же, как и в зарубежных исследованиях по Восточной Европе, внимание уделено анализу каналов, механизмов рекрутирования элиты, внутриэлитным отношениям. Одним из узловых моментов стал вопрос о структуре новой элиты в России к началу 2000-х гг. Точка зрения о ее «милитократическом» характере, была оспорена, указано на иной преобладающий тренд – на вхождение в элиту представителей бизнеса²²⁴. Внимание российских исследователей к традиционной для Восточной Европы проблематике роли элит в демократизации оказалось ниже. Еще одна особенность – высокая концентрация на внутривосточной ситуации, тогда как проблематика международных компаративистских исследований привлекала меньше внимания²²⁵.

²²⁰ Дука А. В. Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты // Властные элиты современной России в процессах политической трансформации / отв. ред. В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понеделков, А. М. Старостин. Ростов н/Д : СКАГС, 2004; Дука А. В. Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2005. С. 11–29; Дука А. В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // Власть и элиты / Под ред. А. В. Быстрова, А. В. Дуки, Д.В. Тев. СПб. : Интерсоцис, 2014. Т. 1. С. 399–436; Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты. 2015. Т.2. С.14-72.

²²¹ Кочетков А.П. Демократия и элиты. М.: Проф Эко, 2009. 176 с.; Кочетков А.П. Корпоративные элиты. М.: РОССПЭН, 2012. 220 с.

²²² Ледяев В.Г. Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

²²³ Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. - М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

²²⁴ Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты России / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М. : ИСАНТ, 2004; Rivera S. W. Op. cit.; Дука А. В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властные структуры и группы доминирования / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

²²⁵ Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012; Gaman-Golutvina O. Political Elites of the Commonwealth of Independent States // Comparative

Анализ не будет завершённым, если не коснуться пространства бывшего СССР. Так, элиты стран Центральной Азии²²⁶, следуя в общем русле постсоветского времени, вели строительство национальных (временами с выраженным дрейфом к этнократии) государств, проводили рыночные реформы и приватизацию, воплощая формулу «капитализм без капиталистов»²²⁷. Демократическая риторика являлась безальтернативной, однако демократический процесс оказался отнюдь не определяющим для политической жизни в Центральной Азии после распада СССР²²⁸. Помимо местной социокультурной специфики и экономического уклада, одна из причин, определившая на начальном этапе вялость демократических практик в Центральной Азии – отсутствие крупного интегрирующего проекта, на который могли бы ориентироваться элиты в процессе

Sociology. 2007. No. 6. P. 136–157; *Гаман-Голутвина О.В.* Страны БРИК: элитаобразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации // Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ / ред. И. М. Бусыгина, И. Ю. Окунев. М.: Аспект-Пресс, 2014; *Смирнов В. А.* Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2016; *Богатырев С. В.* Политические элиты Российской Федерации и Украины: сходство и различия в подходах к модернизации // Власть, 2013. Том. 21. № 5. С. 40-42; *Мосаки Н.* Особенности дипломатической элиты Грузии // Международные процессы, Том 14, № 2, С. 141-162; *Рогожина К.А.* Роль кланово-семейного фактора в формировании политических элит государств Центральной Азии (на примере Туркменистана) // Про пипс. Современные политические процессы. 2006. Т.7. №4. С.220-230; *Рогожина К.А.* Патрон-клиентные отношения – основа формирования политических элит в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // Россия и мусульманский мир. 2009. №7. С.84-91; *Багдасарян Х.А.* Политическая элита современной Армении // Этносоциум и межнациональная жизнь. 2017. №6. С.163-167; *Карабущенко П.Л.* Политико-административная элита Белоруссии: 1990-2000-е гг. // Современная научная мысль. 2015. №1. С.64-74.

²²⁶ Речь идет о Казахстане, Узбекистане, Туркмении, Киргизии и Таджикистане.

²²⁷ Исключение составляет Туркмения, обеспечившая государственный контроль над крупными предприятиями за счет жесткой централизации власти в руках «старой» элиты с опорой на природные ресурсы и традиционную культуру общества.

²²⁸ Автор исследования по странам Центральной Азии отмечает, что западные эксперты и политики ожидали отказа стран данного региона от наследия советского прошлого. Однако оно ощутимо проявилось при формировании институционального дизайна в новейшее время. В итоге предпринята неудачная попытка отождествить происходящее на постсоветском пространстве с процессами в постколониальной Африке. Подробнее см.: *Luong P.J.* Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions and Pacts. Cambridge University Press, 2002.

«приспособления» к самостоятельности. Западный (евроатлантический) проект был «вне зоны досягаемости»; другие региональные интеграционные инициативы долгое время оставались без реального наполнения. Центральноазиатские элиты провозгласили принцип многовекторности во внешней политике. В отличие от стратегической устремленности элит стран Прибалтики на Запад («возвращение в Европу»), внимание властных групп Центральной Азии преимущественно было поглощено удержанием власти, хозяйственными вопросами, утверждением суверенного статуса своих государств, при наличии возможностей – их стабилизацией в условиях межклановой борьбы за власть²²⁹.

Грузия, Армения и Азербайджан с точки зрения постсоветского политического наследия вышли на «промежуточный» вариант между Центральной Азией и Восточной Европой. С одной стороны, в регионе Южного Кавказа мощное влияние на политический процесс оказывают местные кланы, весьма устойчиво и разнопланово неформальное измерение внутриэлитного взаимодействия²³⁰, значимо себя проявляет отношение к «российскому фактору»²³¹. Регион характеризуется высокой конфликтогенностью, что привело к ряду кровопролитных войн в постсоветский период (нагорно-карабахский конфликт, события между

²²⁹ В регионе упрочилась «двойная» политическая культура, вбирающая наряду с установленными органами государственной власти нормами также неформальные правила взаимодействия местных кланов и родоплеменные отношения. Подробнее см.: *Акишев А. П.* Центральная Азия: новое средневековье? // Тамыр. Алма-Ата, 2000. № 1. С. 13–23; *Satpaev D.* An analysis of the internal structure of Kazakhstan's political elite and an assessment of political risk levels / *Empire, Islam and politics in Central Eurasia* / Ed. by Tomohiko U. Sapporo: Slavic Research Centre, Hokkaido University, 2007. P.283–300; *Heinrich A.* The Formal Political System in Azerbaijan and Kazakhstan. A Background Study // *Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa*, 2010, №.107. 65 p.

²³⁰ *Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S.* War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia. Yerevan: Caucasus Institute. 2016. 144 p.

²³¹ Лозунг «Что угодно, только не Россия» был одним из опорных в Грузии при режиме М. Саакашвили. В последствии ориентация элит Грузии на США и ЕС осталась открыто антироссийской и декларируется руководством страны как императив для сохранения самой грузинской государственности. Подробнее см.: *Силаев Н., Сушенцов А.* Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений. М.: МГИМО МИД России, 2012. 22 с.

Южной Осетией и Грузией в 2008 г. и пр.). Вместе с тем политический процесс в отдельных странах региона обладает столь высокой степенью динамизма, что специалисты затрудняются с определением четких границ властных групп – к политической элите относят «всех, кто имеет хоть какое-то отношение к политическим вопросам и способен составить о них аргументированное мнение»²³². Настойчивое присутствие США и ЕС усилилось в регионе с началом 2000-х гг. Азербайджан и Грузия были обозначены как имеющие значение для евроатлантического сообщества с точки зрения транспорта и энергетики. Это подталкивает данные страны к сохранению среди их внешнеполитических приоритетов западного вектора.

Различия между регионами и отдельными странами постсоветского пространства были и остаются значительными²³³. Местные элиты искали пути выхода из кризиса государственности, задачи при этом были во многом общие, но различны методы их решения в зависимости от страновой специфики. Речь идет, прежде всего, об обеспечении материальной базы государства, адаптации к новым условиям (проведение рыночных и политических реформ и пр.), удержании власти и обеспечении ее легитимности, а также гарантий благополучия и безопасности элит²³⁴.

Как полагает Ф. Фукуяма, политическим режимам, управляющим нестабильными территориями, государственную состоятельность приходится «выпрашивать, брать займы или красть» у различных

²³² Чедия Б. Основные тенденции циркуляции политической элиты Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т.18. Вып.3-4. С.48-57.

²³³ Нередко к различным странам постсоветского пространства применяют единую оптику – так, в Chatam House проанализировали образование и взаимодействие элитных групп Грузии, Молдавии и Украины с единых позиций как участниц европейской программы «Восточное партнерство». Подробнее см.: *Gherasimov C. Political Elite Renewal in Georgia, Moldova and Ukraine / Russia and Eurasia Programme Research Paper. London : The Royal Institute of International Affairs, 2019. 32 p.*

²³⁴ Безусловно, в ряде стран региона, особенно испытывающих этнополитическую напряженность и переживающих последствия внутренних и внешних конфликтов, далеко не все элитные группы руководствовались комплексом указанных задач. Нередко на первый план выходила политическая либо межклановая борьба, отодвигая задачи укрепления государственности на периферию внимания властных групп.

«поставщиков», среди которых – международные институты, межгосударственные объединения и конкретные государства. При этом «государственная состоятельность, обеспечиваемая внешними субъектами, часто подрывает способность местных субъектов создавать собственные работоспособные институты»²³⁵, в результате возникает феномен «поделенного суверенитета» (*shared sovereignty*)²³⁶.

Оказание внешней помощи и ее эффективность в преодолении кризиса государственных институтов зависит от ряда факторов и прежде всего от политического субъекта, который имеет политическую власть на нестабильной территории и способен этой властью распоряжаться для использования внешней помощи. В изучении причин и механизмов формирования и стабилизации нового режима выделяются два подхода:

- договоренности элит о соблюдении правил конкуренции (*elite settlements*) ложатся в основу новых политических институтов;
- установление господства отдельной элитной группы, которая формирует правительственную коалицию из других групп и выступает гарантом правил игры, перерастающих затем в институты.

Сопоставление этих подходов приводит к вопросу о причинах и основаниях процессов элитной консолидации и договоренностей, являющихся первостепенными в условиях слабости партийной системы и вообще демонтажа предыдущей институциональной конструкции. Как отмечает Б. Макаренко, договоренности элит в большинстве постсоветских стран носили кратковременный, тактический характер, были верхушечными, не имея опоры в институтах и социальной структуре²³⁷.

Прочность и действенность договоренностей элит зависит от формирования горизонтальных связей между институтами и

²³⁵ *Fukuyama F.* «Stateness» First // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16, No. 1. P. 84–88.

²³⁶ К таким выводам Ф. Фукуяма пришел после 15 лет постсоветских трансформаций, анализируя вызовы государственного строительства в разных регионах мира.

²³⁷ *Макаренко Б. И.* Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*. 2008. № 3. С. 105–124.

организациями²³⁸. Это ведет к нормативному ограничению внутриэлитных конфликтов, «приручению политики» (*tamed politics*). Указанный тезис очевиден с позиций стабильных, сложившихся систем политических институтов, в рамках которых элиты действуют в условиях привычных и естественных сдержек и противовесов. Но применение данного понятия в отношении подвижных институциональных конфигураций ставит новые вопросы: кто и какими средствами «приручает» политику?

Дж. Хигли и М. Бартон выделяют три способа: достижение договоренностей элит; институциональное оформление конкурирующих групп в электоральной борьбе по общим правилам; объединение элит на почве борьбы за национальную независимость. В отношении властных групп постсоветского пространства больше применимо последнее объяснение, т.к. первые два не снимают вопроса о субъекте и ресурсах обеспечения договоренностей и соблюдения общих правил. Постоянное возвращение к этим вопросам в значительной степени связано с тем, что в рамках транзитологии недостаточно учитывались экономическое и силовое измерения политического процесса, который, как правило, рассматривался лишь под углом внедрения демократических процедур и ограничений власти. Но формирование государственных институтов исторически неразрывно связано с насилием и накоплением власти у господствующих властных групп²³⁹.

Любая модель договоренностей элит труднодостижима без существенной ресурсной базы, обеспечивающей прежде всего монополию на насилие и финансовую состоятельность, а также без достаточной легитимности политического порядка. В ситуации нехватки этих ресурсов любые внутриэлитные договоренности и коалиции являются хрупкими, что,

²³⁸ *Higley J. Elite Settlements and the Taming of Politics / J. Higley, M. Burton // Government and Opposition. 1998. Vol. 33, No. 1. P. 98.*

²³⁹ Гипотеза о генезисе современного национального государства заключается в простой формуле: «война создает государство». См., например: *Tilly C. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / eds. P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 169–191.*

в свою очередь, препятствует консолидации политического режима и накоплению обозначенных ресурсов. Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст на обширном историческом материале политических трансформаций показывают, что разорвать порочный круг может накопление власти и ресурсов в руках господствующей элитной группы, вокруг нее затем будут консолидироваться другие группы и она станет гарантом формирования безличных, общих политических институтов и правил конкуренции²⁴⁰. Однако такой путь входит в существенное противоречие с принципами демократизации, в основе которых находятся убеждения о необходимости обеспечения баланса интересов и распределения власти между всеми элитными группами. Действия властных групп на постсоветском пространстве представляют иллюстрацию указанной «развилки». В целом, особенно на первых этапах, две базовые точки опоры были общими для большинства складывавшихся здесь режимов: а) идеи демократического транзита (в отдельных случаях – «возвращение на Запад») и помощь Запада в обеспечении легитимности и финансовой состоятельности в ходе политического строительства; б) «восстание против центра» (борьба за национальную независимость – эксплуатация националистических чувств).

Страны Прибалтики служат примером подтверждения данного тезиса – и первая, и вторая опорные точки нашли свое применение в рамках их политического процесса в постсоветский период. Высокая динамика их структурных изменений, «схлопывание» старых каналов и механизмов рекрутирования элит и появление новых, обострение внутриэлитной борьбы – эти вопросы пристально изучались специалистами из Латвии, Литвы и Эстонии. Реконструкции их позиций посвящен следующий параграф.

²⁴⁰ Как указывают авторы исследования, возникновение суверенного государства и более сложной экономики «совпадает с формализацией частей господствующей коалиции как бессрочно существующих организаций, в конечном счете ограничивающих власть государства и создающих права элиты» (Норт, Д. Указ. соч. С. 288). Ограничение государственной власти формальными правилами опосредуется укреплением господствующей коалиции, что и «создает» государство.

1.4. Элиты в научном анализе в Латвии, Литве и Эстонии

В предыдущих разделах рассмотрены основные теоретические подходы к изучению политических элит, выявлены центральные тенденции в исследованиях властных групп Восточной Европы и постсоветского пространства. Проанализируем данную проблематику применительно к странам Прибалтики. Латвия, Литва и Эстония рассматриваются как субрегион двойной принадлежности, выделяемый как в рамках Восточной Европы, так и в постсоветском регионе²⁴¹.

Для выделения субрегиона²⁴² используются критерии географической близости, общности исторического опыта, схожести структур хозяйствования и экономик вообще (в период роста 2000-х гг. устоялся термин «балтийские тигры», синхронным было и падение в период кризиса 2008-2009 гг.) и демографических характеристик²⁴³. Понятие региона концептуализируется не только как «продукт» долгосрочных факторов структурного свойства, но и как инструмент реализации определенными группами интересов своих задач²⁴⁴. Регион можно рассматривать с деятельностных позиций «как особую региональную ситуацию (регион-как-ситуация), вечно особый характер взаимодействия людей и места»²⁴⁵, как

²⁴¹ Понятие региона не имеет единого определения, существует ряд подходов, основное различие между которыми сводится к определению региона как «естественной», имеющей основания в физико-географических характеристиках, или «искусственной» категории, «изобретенной» в политических целях или введенной для удобства научного анализа. Подробнее см.: *Клемешев А.П.* Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 22–38.

²⁴² О регионе как международной территории на примере «малой Европы» подробнее см.: *Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения* / Под ред. Громыко Ал.А. М.: ИЕ РАН, 2013.

²⁴³ *Житин Д.В., Иванова А.А.* Демографическое развитие стран Балтии. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. - 122 с.

²⁴⁴ *Бусыгина И. М.* Политическая регионалистика. М. : МГИМО; РОССПЭН, 2006. С. 5.

²⁴⁵ *Бусыгина И.М.* Политическая роль регионов в структуре Европейского Союза : Концептуальные и прикладные аспекты : дис. д-ра полит. наук. МГИМО, Москва, 2001.

возможную «стратегию региональных элит...»²⁴⁶. Обосновано вести речь о «политическом» измерении региона, заключающемся в стремлении элит создать объединение (коалицию)²⁴⁷ отдельных стран (территорий) для достижения внутри- и внешнеполитических целей²⁴⁸. Поэтому дополнительный критерий – внешнеполитический: страны Прибалтики солидаризируются в своей политике на российском направлении от символической акции «Балтийский путь» в августе 1989 г., призванной подчеркнуть единство их антимосковских устремлений, и вплоть до сегодняшнего дня (косметические различия возможны, но магистральная линия, направленная на «сдерживание» нашей страны, выдерживается²⁴⁹). Красноречив и устоявшийся в Вашингтоне «коллегиальный» формат встреч на высшем уровне: президент США традиционно принимает троих лидеров Латвии, Литвы и Эстонии сразу²⁵⁰.

Ал.А. Громько отмечает, что «специфика прибалтийской группы стран в том, что это единственная часть постсоветского пространства, которая фактически перешла в разряд «дальнего зарубежья», здесь процент русскоязычного населения – самый высокий в мире за пределами СНГ» и

²⁴⁶ Бусыгина И.М., Захаров А. А. Общественно-политический лексикон / Институт международных исследований. М.: МГИМО – Университет, 2009. С.185-186.

²⁴⁷ Бусыгина И.М., Климович С.А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе. Балтийский регион, 2017, т. 9, №1. С. 7

²⁴⁸ Т. Бёрзел говорит об институциональном регионализме как о специфической характеристике структурной и субъектной динамики субрегиона, обусловленной сопряженностью внутренних и внешних факторов. Подробнее о контексте развития понятия институциональный регионализм см.: *Börzel T. A. Comparative Regionalism : A New Research Agenda // KFG Working Paper. 2011. No. 28. 38 p.*

²⁴⁹ *Воротников В.В.* Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. М.: Аспект Пресс, 2015. 272 с.; *Смирнов В.А.* Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 44–54.

²⁵⁰ В апреле 2018 г. Д.Грибаускайте (Литва), Р.Вейониса (Латвия) и К.Кальюлайд (Эстония) принял Д. Трамп, в июле 2015 г., сентябре 2014 г., августе 2013 г. президентов стран Прибалтики принимал Б. Обама, в мае 2005 г. и ноябре 2002 г. – Дж. Буш-мл., в январе 1998 г., в июле 1994 г. – Б. Клинтон. Этот формат пыталась сломать президент Литвы Д. Грибаускайте, отправив на коллективную встречу в апреле 2010 г. с Б. Обамой вместо себя премьер-министра А. Кубилиуса, однако ни к чему, кроме дипломатического конфуза и широкого скандала в прессе, это не привело.

подчеркивает «этнократический характер политики правящих элит»²⁵¹. Целесообразно развить эту точку зрения: поскольку советский опыт, влияние России, само ее существование столь сильно занимает внимание руководства этих стран, до сих пор оказывая заметное влияние на политические процессы, то в этом смысле страны Прибалтики корректно отнести одновременно и к дальнему, и к ближнему зарубежью – т.е. к постсоветскому пространству. И дело здесь не только в «параллельных траекториях государственного развития»²⁵². Наложение европейского пространства формальных институтов на постсоветское пространство элитных фобий и общественных настроений создает парадоксальную практику социальной жизни в странах Прибалтики²⁵³, позволяет рассматривать их и как часть Запада, и как часть Востока²⁵⁴.

Охарактеризуем трансформационные процессы, «воронку причинности»²⁵⁵, через которую прошли страны Прибалтики после выхода из состава СССР и которые отразились в изменениях властных групп Латвии, Литвы и Эстонии, их аналитических оценках.

В составе СССР Латвия, Литва и Эстония находились с 1940 г. до 1991 г. Лишь Литва имеет относительно серьезный опыт

²⁵¹ Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения / Под ред. Громько А.А. М.: ИЕ РАН, 2013. С. 12-13.

²⁵² *Воротников В.В., Чеков А.Д.* Проблема политико-географической самоидентификации стран Балтии: историческое прошлое vs объективное настоящее // *Международная аналитика*. 2018. № 3. С. 25-35.

²⁵³ *Вендина О., Колосов В., Себенцов А.* Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? М.: Русская книга, 2016. 32 с.

²⁵⁴ Прогноз Российского совета по международным делам о положении в странах Прибалтики на 2020 г. Латвию, Литву и Эстонию относит к «двойной периферии» Запада и Востока. Подробнее см.: *Носович А.А.* Прибалтика – 2020. Прифронтовые государства и двойная периферия / *Постсоветское пространство - 2020* / Рук. проекта Хаспекова Д.М. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-baltic> (дата обращения: 20.12.2019)

²⁵⁵ *Мельвиль А.Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // *Полис*. 1998. № 2. С. 6 – 37; *Mahoney J., Snyder R.* Integrative Strategies for the Study of Regime Change // *Larsen S.U.* The Challenges of Theories on Democracy. Elaborations over New Trends in Transitology. New York, 2000. P. 180 – 207.

государственности: как государство, появившееся на политической карте Европы в XIII в., прошла к XX в. через череду преобразований, была объединена с Польшей, входила в XVIII в. в состав Российской империи, относительную самостоятельность обрела после Первой мировой войны. Попытка установления демократического режима оказалась не продолжительной (1918 – 1926 гг.), сменившись авторитарным правлением А. Смятоны (1926 – 1940 гг.). Схожую траекторию в межвоенный период демонстрировали Латвия и Эстония, где установились авторитарные режимы К. Улманиса (1934 – 1940 гг.) и К. Пятса (1934–1940 гг.). Краткий межвоенный период, концепция продолжения / континуитета досоветской государственности станет после распада СССР для властных групп трех стран ключевой опорой формирования нового порядка.

После того как эйфория, вызванная провозглашением независимости, завершилась, литовское, латвийское и эстонское общества столкнулись не только с проблемой создания политического режима, базирующегося на новой основе, не связанной с доминированием Компартии. На первый план вышли вопросы построения жизнеспособной экономики, проведения реформ, в силу своей болезненности для населения влекущих немало издержек, в т.ч. и политического характера. В сфере внимания руководства республик оказались вопросы приватизации²⁵⁶, формирования финансового

²⁵⁶ В Эстонии был выбран жесткий сценарий – предприятие подлежало приватизации или банкротству, в результате резко выросло влияние иностранного капитала, который привлекали, не желая закрывать предприятия. В Латвии этот подход дополнили ваучерной приватизацией. В Литве же на ваучерной (причем именной) приватизации был сделан акцент – так, почти 75% сотрудников промышленных предприятий получили долю в их собственности. Подробнее см.: *Симонян Р.Х.* Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса // *Горизонты экономики.* № 1, 2011. С. 33-43. Но приватизация привела и к образованию относительно крупных производственных холдингов. В результате оформилось осязательное и часто непрозрачное влияние «лобби» на политические процессы, характерное для стран Прибалтики. Подробнее см.: *Terk E., Reid A.* From state-owned enterprises to innovation-based entrepreneurship: a comparison of the Baltic states / *Estonian Human Development Report. Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On.* 2010/2011. Eesti Koostöö Kogu. Tallinn: AS Printon Trükikoda 2011. P. 34.

сектора, проведения земельной реформы²⁵⁷, проблемы частной собственности и т.д. Обретение независимости стало катализатором системной перестройки общества.

Подтверждением глубинных сдвигов в системе элитного рекрутирования стало изменение такой характеристики членов властных групп как возраст. Средний возраст членов ЦК КПСС в 1981 г. достигал 67 лет, постепенно снизился до 61 года в 1986 г. и до 56 лет в 1991 г. Возрастная структура властных групп стран Прибалтики концу 1990-х гг. существенно изменилась. Средний возраст политической элиты Эстонии составлял 43 года, Латвии и Литвы – 46 лет. Доля тех, кто занимал высшие управленческие должности в бюрократической системе в возрасте 22–44 года, в Эстонии составила 52%, в Литве – 50%, в Латвии – 37%. Средний возраст депутатов первых всенародно избранных парламентов в Литве составлял 50,8 лет, в Латвии – 45,3 года и в Эстонии – 43,3 года²⁵⁸.

В результате слома прежнего порядка, включавшего в себя каналы восходящей и нисходящей мобильности между уровнями системы общественной иерархии, ключевые факторы этих процессов поменяли знак «плюс» на «минус»²⁵⁹. Социальная структура в ходе форсированных преобразований приобрела более сложный, мозаичный характер. Появился

²⁵⁷ Речь не только об использовании реституции, что создало немало сложностей в Латвии, Литве и Эстонии, но и о реформировании агрокомплекса. Для стран Прибалтики это имело значение: в начале 1990-х гг. частные крестьянские хозяйства обеспечивали 30,6% валовой продукции сельского хозяйства Литвы (в Латвии – 24,5%, в Эстонии – 21,3%) и впоследствии этот показатель вырос. Подробнее см.: *Alanen I. The Privatization of Agriculture and the Family Farm Ideology in the Baltic States // Between Plan and Market. Social Change in the Baltic States and Russia. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1996. P. 143.* Эти цифры помогают понять, почему, например, литовское общество болезненно переживало инициированное элитами радикальную реформу сельскохозяйственного сектора – уничтожение колхозов с возвращением участков прежним владельцам. А. Ливен деколлективизацию называет «центральным фактором поражения «Саюдиса» на парламентских выборах в 1992 г. Подробнее см.: *Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven, London: Yale University Press, 1994. P. 234.*

²⁵⁸ *Matonyte I. Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse // Sociologija. Mintis ir veiksmas. 1999. No. 4. P. 44–59.*

²⁵⁹ *Шкаратан О.И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы : сравнительный анализ. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006. С. 240.*

слой собственников (сначала мелких, затем укрепился средний класс), существенные изменения претерпело положение рабочих и крестьян, часть общества, не сумев адаптироваться к новым условиям, оказалась на обочине. Р. Алишаускене приводит данные динамики социальной дифференциации в первые годы (разница между средним доходом 10% неимущих граждан и 10% обеспеченных): разрыв в доходах в Литве, составлявший в 1988 г. 4,3 раза, в 1992 г. вырос до 11,5 раз, в 1995 г. – до 12,7²⁶⁰. Стремительно и не всегда законно образовался слой «собственников-рантье», богатых и сверхбогатых²⁶¹. Более высокая поляризация населения по экономическим основаниям²⁶² (средний индекс Джини в 1996 – 2018 гг. – 33-35) по сравнению с соседними северными странами (средний индекс 25) и со средним показателем (31) по ЕС²⁶³ будет влиять на состав политической элиты все последующие годы. Латвия, Литва и Эстония вместе с Румынией демонстрируют самые высокие в ЕС

²⁶⁰ *Alisauskiene R.* Politines nuostatos ir rinkimai Lietuvoje // *Politologija*. 2000. No. 2. P. 15.

²⁶¹ *Norgaard O.* Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence. Cheltenham : Edward Elgar, 1995; *Girnius S.* Lithuanian Politics Seven Months after the Elections // RFE/RL Research Report, 1993. Vol. 2, No. 27. P. 16–21; *Самонис В.* Трансформация Литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава : Центр социально-экономических исследований, 1995.

²⁶² Такие проблемы были схожими для постсоветского пространства, отличаясь в каждом конкретном случае своим национальным колоритом. Г.И. Чуфрин отмечает, что «формирование новой постсоветской элиты происходило на фоне стремительной социальной поляризации общества, резкого падения уровня жизни подавляющего большинства населения, упадка промышленного и сельскохозяйственного производства». Подробнее см.: Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: в 2-х т. Т.1. Западный фланг СНГ. Центральная Азия / отв. ред. *А.Б. Крылов*. М.: ИМЭМО РАН, 2017, 197 с.; Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Отв. ред.: *А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин*. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 241 с. Дополнительно по странам Восточной Европы см. : Страны Центральной и Восточной Европы: Новые члены Европейского Союза: Проблемы адаптации / Под ред. *С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой*; ИЭ РАН. М.: Наука, 2010. 495 с.

²⁶³ The Standardized World Income Inequality Database / Harvard Database. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/LM4OWF> (дата обращения: 20.06.2020); Gini Coefficient of Equivalised Disposable Income / Eurostat [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12&lang=en (дата обращения: 11.02.2017)

показатели социального расслоения²⁶⁴. Общества в первые пореформенные годы существовали в режиме маятника: командные высоты в результате выборов получали сначала одни элитные группы, а затем их политические оппоненты²⁶⁵. Для первых лет самостоятельности Латвии, Литвы и Эстонии характерна высокая степень эмоционального накала²⁶⁶.

К моменту провозглашения независимости Латвия, Литва и Эстония подошли с властными группами, в основе которых находились члены коммунистических партий. В процессе становления постсоветских элит в Латвии и Эстонии представители русских общин отчасти компенсировали утрату позиций в политической элите за счет конвертации политического капитала в экономический, приняв участие в приватизации²⁶⁷. В Литве же

²⁶⁴ Gini coefficient of equivalised disposable income / Eurostat [Электронный ресурс] Режим доступа: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=ilc_di12 (дата обращения: 13.04.2018)

²⁶⁵ *Norkus Z.* On Baltic Slovenia and Adriatic Lithuania: Qualitative Comparative Analysis of Patterns in Post-communist Transformation. Central European University Press, 2012. P. 297.

²⁶⁶ Один из наиболее острых вопросов – сотрудничество (явное и мнимое) членов новой политической элиты с органами КГБ. Так, в Литве с осени 1991 г. закреплено требование, обязывающее всех сотрудников и информаторов КГБ на литовской территории раскрыть себя. Им запрещалось в течение 5 лет занимать ответственные посты на государственной службе. В атмосфере нагнетания русофобских настроений, поиска внешних и внутренних врагов, антикоммунистической истерии была создана парламентская комиссия, которая занялась проверкой связей политических деятелей с КГБ. Работа комиссии была возобновлена в 1996 – 2000 гг., серьезными разоблачениями не увенчалась. В 1998 г. принят закон, объявивший КГБ преступной организацией, виновной в геноциде. В сотрудничестве со спецслужбами обвинена, в частности, первый премьер-министр независимой Литвы К. Прунскене (оправдана решением суда в 2003 г.), подозревались и иные, в т.ч. президент Д. Грибаускайте, руководители МИДа и спецслужб. В Латвии в 1998 г. аналогичные обвинения были выдвинуты в адрес премьер-министра И. Годманиса и еще почти 300 чел., оспаривать это пришлось в суде. Президент В. Вике-Фрейберга оформляла справку об отсутствии у нее «порочащих связей». В 2006 г. специальная комиссия сейма Латвии приняла решение о публикации почти 5 тыс. учетных карточек тех, кто сотрудничал с КГБ, но сделано это было лишь в 2018 г. В Эстонии с начала 1990-х гг. действовало требование к бывшим сотрудникам КГБ сообщить о себе в госорганы на условиях анонимности. Данные тех, кто утаил это, но был раскрыт, подлежат опубликованию в каталоге Riigi Teataja. Немало грязи вылито в адрес эстонского премьера, потом мэра Таллина Э. Сависаара, которого считали «рукой Москвы», связанным со спецслужбами. Подозрения озвучивались и в адрес спикера парламента Т. Сави. Тема «пособничества КГБ» широко использовалась как инструмент внутриэлитной борьбы.

²⁶⁷ В силу правового регулирования приватизация все же была «более благоприятна для эстонцев, чем для русских». Подробнее см.: *Aho S., Piliste T., Teder J.* Private

«на позициях элиты был и оставался литовец», к 1996 г. (пик приватизации преодолен) количество выходцев из экс-номенклатуры на руководящих должностях в экономике достигало 40%²⁶⁸. В советский период удельный вес литовцев в руководящих кругах Литвы оставался стабильно высоким, представители иных этнических групп находились в меньшинстве²⁶⁹.

В Эстонии после провозглашения независимости принцип равного демократического участия для нацменьшинств был отвергнут властными группами, т.к. воспринимался как угроза национальной независимости²⁷⁰. По мнению латвийских ученых Б. Зепы и И. Шупуле, представители политической элиты, препятствуя общественной интеграции, усиливали напряженность в обществе, используя этнический фактор для того, чтобы привлекать сторонников на выборах, «именно политики становятся основным катализатором усиления этнической напряженности»²⁷¹. Ю. Розенвалдс, комментируя этнические ограничения элитного рекрутирования в Латвии и Эстонии, сожалеет, что интеллектуалы гуманитарного толка (те самые «политики морали») не использовали свой авторитет для достижения согласия в обществе, но в то же время с осторожным оптимизмом

Entrepreneurship in Estonia 1989 - 1996 / Working Papers. Tampere: University of Tampere Work Research Centre, 1998.

²⁶⁸ *Matonyte I.* Posovietinio elito labirintai. Vilnius : Knygiai, 2001. P. 178–179.

²⁶⁹ Было бы заблуждением считать высокий удельный вес титульной нации среди политической элиты свидетельством поддержки советского строя. За фасадом компартий Латвии, Литвы и Эстонии, внешне идеологически монолитными, скрывалось реальное к ним отношение, выражающееся, по мнению А. Штромаса, в «тотальном отрицании победы коммунизма над балтийскими народами». Членство в компартиях во многих случаях не столько отвечало действительным идейным предпочтениям, сколько было, скорее, шагом, на который требовалось пойти, желая добиться карьерных успехов. Подробнее см.: *Shtromas A.* The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions / *The Baltic States: the National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania*, ed. G. Smith. Basingstoke, MacMillan. 1996. P. 86-117.

²⁷⁰ *Руус Ю.* Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах. Случай Эстонии // Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 226.

²⁷¹ Эта точка зрения была сформулирована по итогам исследования «Этнополитическая напряженность в Латвии. Поиски путей разрешения конфликта» в 2005 г. Подробнее см.: *Зева, Б., Шупуле И.* Латвийская субмарина // Эксперт. Северо-Запад. 2005. № 34 (239). С. 9.

высказывается о постепенной дегерметизации механизмов попадания во властные группы для нацменьшинств (по крайней мере, на муниципальном уровне)²⁷². После вступления в ЕС и НАТО политологи рассматривали как достижение тот факт, что страны Прибалтики не пошли «по пути Молдавии или Югославии»²⁷³.

В 1990 гг. в странах Прибалтики определяющим критерием классификации властных групп был вопрос независимости²⁷⁴ – выход из-под опеки Москвы служил господствующим фактором, который определял стратегию и тактику элит²⁷⁵. Первые после выхода из состава СССР референдумы использовались элитой с тем, чтобы придать легитимность уже принятым решениям – не только о банковских вкладах или продаже земли, восстановлении института президентства, но и о выводе российских войск²⁷⁶. Очень быстро среди властных групп, стремившихся порвать с российским влиянием, был достигнут консенсус о «возвращении в Европу»²⁷⁷. Этот процесс носил для политических элит приоритетный характер, подчиняя себе не только действия на внешнеполитической арене, но и во многом определяя внутривластный процесс²⁷⁸. Казалось, что с течением времени, с нормализацией повестки эта острота ослабнет. Однако тема «наследия прошлого», «секьюритизации», защиты от внешней

²⁷² Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства / Ю. Розенвалдс // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 149–160.

²⁷³ Pettai V. Explaining Ethnic Politics in the Baltic States: Reviewing the Triadic Nexus Model // Journal of Baltic Studies. 2006. Vol. 37, No. 1. P. 124–136.

²⁷⁴ По оценкам бывшего президента Литвы А. Бразаускаса, и Латвия, и Литва, и Эстония были едины в одном: «Всех объединял общий интерес – освобождение... Однако после достижения цели интересы разделились». Подробнее см.: Бразаускас А. Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли. М.: Унипринт, 2002. С.367-368.

²⁷⁵ Novagrockiene J. Op. cit.

²⁷⁶ Auers D. Comparative Politics and Government of the Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania in the 21st Century. London: Palgrave Macmillan, 2015. 269 p.

²⁷⁷ Дискуссии об альтернативных внешнеполитических приоритетах были, по сути, свернуты после вывода российских войск в 1993-1994 гг.

²⁷⁸ Vilpisauskas R. Baltic States Negotiating the EU Entry: Process, Patterns and Results // Lithuanian Political Science Yearbook 2002. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, Vilnius University, 2003. P. 119 – 140.

«российской угрозы» сохранилась и после присоединения Латвии, Литвы и Эстонии к основным западным интеграционным форматам (в ЕС и НАТО вступили в 2004 г.). Эти вопросы приобрели статус структурных «красных линий» еще до крымских событий 2014 г., став востребованным инструментом внутриэлитной борьбы и политической мобилизации в странах Прибалтики²⁷⁹.

Манипулирование «оккупационной концепцией» позволяет политическим элитам удерживать свои внутривластные позиции²⁸⁰. «Российская угроза» обрела институциональную роль, укрепляя внутреннюю однородность властных групп, их «европейскость»²⁸¹. Это помогает отвлечь избирателей от множества насущных проблем, одна из главных – депопуляция. К концу XXI в., согласно основному прогнозному сценарию ООН, общая численность населения стран Прибалтики уменьшится почти на 2/3, наибольшие потери понесет Литва (свыше 3/4), наименьшие – Эстония (более 1/3). Если в 1989 г. в странах Прибалтики проживало 7,907 млн чел. (Латвия – 2,666; Литва – 3,675; Эстония – 1,565), в 2016 г. – 6,174 млн чел. (Латвия – 1,969; Литва – 2,889; Эстония – 1,316), то в 2096 г. (прогноз) останется лишь 2,1 млн чел. Демографический спад свойственен постсоветскому пространству²⁸², но такая «яма», в которой не столько из-за естественной убыли населения, сколько из-за мощного

²⁷⁹ Воронников В. В. Страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия // Вестник МГИМО. 2014. № 6 (39). С. 9–17.

²⁸⁰ Симомян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели социального развития. М., 2009. С.131-139.

²⁸¹ Matonyte I., Šumskas G., Morkevicius V. Europeaness of Lithuanian Political Elite: Europhilia, Russophobia and Neoliberalism // Historical Social Research, 2016, No. 4 (41), P.150-172.

²⁸² Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналитических материалов / под ред. М. Б. Денисенко, Р. В. Дмитриева, В. В. Елизарова. М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2018. 368 с.

миграционного оттока в старые страны Евросоюза, все глубже оказываются государства Прибалтики, специалисты характеризуют как катастрофу²⁸³.

Говоря о факторе «наследия прошлого», В. Сафроновас пишет, что в Латвии, Литве и Эстонии после обретения независимости «политика воспоминаний» находилась в русле и внутривнутриполитических, и внешнеполитических приоритетов. Так, евроатлантическая интеграция стран Прибалтики сделала необходимой обширную программу по «переработке памяти», «формированию прозападного настроения населения»: попытки утвердить новое понимание «исторической справедливости» через отрицание предшествующего режима (в т.ч. и путем криминализации альтернативных оценок), стремление ввести процедуры люстрации в целях политических манипуляций, намеренное обострение фактора «наследия прошлого» для поддержания конфликтной ситуации и создания условий для восприятия прошлого под нужным углом²⁸⁴. Р. Мюллерсон сравнивает это с одержимостью²⁸⁵. «Наследие прошлого» стало специфической чертой трансформационного процесса в странах Прибалтики, влияющей на становление властных групп²⁸⁶.

²⁸³ Манаков А.Г., Суворков П.Э., Станайтис С.А. Анализ демографических процессов в Эстонии, Латвии и Литве с середины XX века и прогноз до конца XXI века // *Економічний вісник університету*. № 33/1. С.125-135.

²⁸⁴ Сафроновас, В. Указ. соч.

²⁸⁵ Мюллерсон Р. Национальные интересы, идеология и историческая одержимость во внешней политике // *Политические элиты в старых и новых демократиях*. Калининград: Издательство БФУ им И. Канта, 2012. С. 249.

²⁸⁶ В рамках концепции континуитета акцент на довоенном наследии делался изначально. Так, в Акте о восстановлении независимого Литовского Государства (март 1990 г.) имеется отсылка к Акту Литовского Совета о Независимости от февраля 1918 г. В постановлении Верховного Совета Эстонской ССР о государственном статусе Эстонии (март 1990 г.) отмечается «начало восстановления Эстонской Республики» с пояснением, что «оккупация Эстонской Республики Союзом ССР 17 июня 1940 г. не прервала существование Эстонской Республики де-юре». Декларация Верховного Совета Латвийской ССР о восстановлении независимости Латвийской республики (май 1990 г.) содержит положение о том, что «Латвийская Республика как субъект международного права существует де-юре до настоящего времени».

В марте 1990 г. в Литве решением, имеющим принципиальное символическое значение, была восстановлена Конституция 1938 г. В Латвии в 1990 г. восстановлены несколько статей Конституции 1922 г., в 1993 г. – полностью, в 2014 г. провозглашена

Их изучение шло по отработанным в рамках Восточной Европы лекалам в основном в контексте транзитологической парадигмы, с использованием теории демократизации как перехода к более развитым формам политической системы. В этом русле укрепилось представление о политических элитах как архитекторах смены режимов после развала советского лагеря. Переходы к демократии интерпретировались, в первую очередь, как «пакты элит» о передаче власти и ее распределении. И. Матоните признает «трансплантацию» теоретико-методологических инструментов из Восточной Европы и – шире – западной элитологии в Латвии, Литве и Эстонии²⁸⁷. Можно выделить три научных школы изучения элит, формировавшихся в тот период: Будапешт-Варшавская зона, Московская зона и, по выражению И. Матоните, «серая» зона – страны Прибалтики, Украина, Словакия и Болгария²⁸⁸. Характерной чертой первой школы является прямое заимствование элементов западной теории элит еще во время существования советского блока. Московская зона отличается стратификационной схемой анализа, претендуя на свой особый голос в научной теории. Своеобразие «серой» зоны заключается в широком распространении фрагментарных исследований, основанных на адаптации подходов первых двух школ. «Серой» зоне присущ достаточно высокий уровень разобщенности исследователей, что приводит к значительным

новая преамбула. В Эстонии в Конституции 1992 г. имеются отсылки к положениям конституции 1938 г. и Тартуского мирного договора с Россией 1920 г., который из-за территориальных вопросов (претензии Эстонии на Печерский район Псковской области) не признается Россией. Территориальные претензии в адрес России звучали также в латвийских (Пыталовский район Псковской области) и литовских (Калининградская область как «малая Литва») политических кругах.

На постсоветском пространстве такой же подход характерен для Грузии и Азербайджана. Эти республики, как и страны Прибалтики, поднимали вопрос о «компенсации» со стороны России за «оккупацию» в советский период.

²⁸⁷ *Matonyte I. Posovietinio elito labirintai. Vilnius : Knygiai, 2001. P. 109–110; Matonyte I. Elite Studies and Communism: the Baltics between Moscow and East Central Europe // Baltic Democracy at the Crossroads. An Elite Perspective / eds. S. Berglund, K. Duvold. Kristiansand : Hoyskoleforlaget ; Norwegian Academic Press, 2003. P. 23–36.*

²⁸⁸ *Matonyte I. Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse // Sociologija. Mintis ir veiksmai. 1999. No. 4. P. 44–59.*

колебаниям уровня их работ и определяющему влиянию зарубежных подходов на формирование местной специфики изучения властных групп.

Системные научные исследования политических элит в Прибалтике начались вскоре после провозглашения советскими республиками независимости. Политическая трансформация, сопровождавшаяся рыночными реформами, привела к значительным изменениям в составе властных групп. Существенное внимание уделялось анализу позиций, которые в данном процессе занимали представители бывшей советской номенклатуры. В качестве эмпирического материала выступали, прежде всего, биографии представителей элиты. Впоследствии начинают проводиться исследования, основанные на опросах представителей политических элит с целью выявления их установок и ценностей²⁸⁹.

Среди специалистов, занимавшихся проблематикой становления элит в постсоветский период, в Латвии можно назвать И. Островску, Ж. Озолиню, Ю. Розенвалдса, М. Родинса, в Эстонии – Р. Мюллерсона, Ю. Рууса, Ю. Тоомлу, В. Петтаи и др. В Литве следует выделить А. Крупавичюса, под его руководством реализован проект «Парламентская и правительственная элита», включавший изучение карьерных траекторий политической элиты Литвы. А. Крупавичюс полагает, что «альтернативные» элиты сформировались в Литве накануне политической трансформации²⁹⁰. И. Матоните, поддерживая эти выводы, обсуждает, в т.ч., возможность кооптации «альтернативной» элиты в Компартию Литвы, отмечая разницу по сравнению с Латвией и Эстонией и сходство с Венгрией. Однако, как она признает, при наличии «альтернативной» элиты²⁹¹ эмпирически

²⁸⁹ Social Science Data Archives in Eastern Europe / eds. B. Hausstein, P. Guchteneire. Sofia : Heron Press, 2002.

²⁹⁰ Подробнее см.: *Krupavicius A.* Op. cit. P. 13.

²⁹¹ Сама формулировка «альтернативной» элиты вызывает сомнения, т.к. ставит вопрос о пределах этой «альтернативности» – границы властных групп рискуют стать слишком рыхлыми. А. Крупавичюс говорил о взрывном росте оппозиционных сил (экологи, церковные активисты, полудиссидентские группы и т.д.). Но этот «альтернативный» сегмент стоит рассматривать не как новую элиту, а как один из

обоснованного ответа о возможности ее кооптации в конце 1980-х гг. в Компартию получено не было²⁹². Заметное исследование по изучению ключевых представителей элиты постсоветской Литвы – А. Бразаускаса и В. Ландсбергиса – предпринял Р. Лопата (был в числе советников А. Бразаускаса)²⁹³. Л. Белинис (был в числе советников В. Адамкуса) всесторонне подошел к составлению политического портрета Д. Грибаускайте, которая руководила Литвой с 2009 г. по 2019 г.²⁹⁴

Распространение в странах Прибалтики получила политическая социология властных групп. Основное внимание было посвящено проблемам смены и рекрутирования элит, анализу места бывшей номенклатуры в новых элитных конфигурациях. Так, под руководством К. Масюлиса подготовлена серия работ по выявлению ценностей «властной» элиты (*power elite*) – политиков, руководителей бизнес- и медиа-сообществ Литвы²⁹⁵. Литовский Институт международных отношений и политической науки реализовал «Исследование литовской политической элиты». Заметную роль сыграло исследование социолога В. Гайдиса: опираясь на результаты ряда эмпирических наработок (опросы, анализ статистических

источников ее формирования (многие из «альтернативных» кадров проявили себя в Народных фронтах, Комитетах граждан в Латвии и Эстонии, в «Саюдисе» в Литве).

²⁹² Steen A. The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // *Scandinavian Political Studies*. 1997. Vol. 20, Issue 1. P. 91–112; Matonyte I. Elites in Soviet and post-Soviet societies // Paper presented at the Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism, April 2002 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.anthrobase.com/txt/M/Matonyte_I_01.htm (дата обращения: 20.12.2012)

²⁹³ А. Бразаускаса и В. Ландсбергиса принято противопоставлять друг другу, считая, что первый – прагматик и реалист, а второй – идеалист и во многом романтик. Как показал в своем исследовании Р. Лопата, в подходах к литовской истории и политике это не совсем так: «Президент» А. Бразаускас – скорее романтик, а «Профессор» В. Ландсбергис, несмотря на ощущение персональной сопричастности к истории Литвы (его отец во время войны был членом Временного правительства Литвы, эмигрировал в Германию, вернулся в Литву в 1959 г.), – технократ и расчетливый политический игрок. Подробнее см.: Lopata R. Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos. Vilnius universiteto leidykla. 2010. 143 p.

²⁹⁴ Bielinis L. Prezidentė. Kaunas: Knygius; Kitos knygos, 2011; Bielinis L. Prezidentė. Antra knyga. Kaunas: Knygius, 2013. 111 p.

²⁹⁵ Masiulis K. Lietuvos elitas. Economines vertybes. Politines orientacijos. Prognozes. Vilnius. 1997.

данных и т.д.), ученый детально проанализировал основные тенденции, факторы и структурные особенности формирования политической элиты Литовской Республики после коллапса СССР²⁹⁶.

В изучение элит в странах Прибалтики значительный вклад внес норвежский исследователь А. Стин. В 1990 г. он провел масштабное исследование политических элит трех республик. Главным методом получения эмпирических данных явились интервью: были опрошены члены парламентов, представители бюрократии, руководители крупных государственных и частных предприятий и т.д. Исследователь утверждает, что восходящая мобильность была наиболее очевидна в случае молодых административных сотрудников среднего звена советского периода²⁹⁷.

А. Стин подчеркивает «функциональные потребности государства», которое нуждается в кадровом обеспечении независимо от текущего политического режима и идеологии. Это создает спрос на опытных управленцев. Циркуляцию политической элиты, смягчающей радикальные изменения ее состава, он объяснил тем, что властные группы располагают важными с точки зрения обеспечения устойчивости государства ресурсами и связями, это и позволяет сохранить им позиции в новых реалиях. Норвежский исследователь применил к странам Прибалтики теоретическую модель государства как элитной сети (*elite network state*), в соответствии с которой элиты используют государства в своих интересах: «Элиты, взаимодействующие при немногих установленных ограничениях, приспособляются к риторике рыночного либерализма, используя государство для прагматического преследования определенных интересов, что делает этот вид государственного формирования отличающимся от

²⁹⁶ Gaidys V. The Emergence of the Lithuanian Political Elite // The New Elite in Post-communist Eastern Europe. Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool and B. Doctorov. Texas A&M University Press. 1999.

²⁹⁷ Steen A., Ruus J. Change of Regime – continuity of Elites? The Case of Estonia // East European Politics and Societies. 2002. Vol. 16, No. 1. P. 223-248.

стран Запада»²⁹⁸. По его мнению, неолиберальная политика используется властными группами стран Прибалтики для обеспечения титульным нациям возможности стратегического контроля в условиях необходимости защиты малых стран от внешних угроз²⁹⁹. При этом формальные институты деятельность элит в странах Прибалтики ограничивают незначительно. Кроме того, там был ярче выражен фактор смены поколений и омоложения властных групп на вершине исполнительной и представительной власти. Местные элиты прибалтийских республик активно строили карьеру в рамках советской номенклатурной системы³⁰⁰.

Основные дебаты в Прибалтике среди исследователей шли вокруг традиционных проблем для Восточной Европы после распада советского блока: роль властных групп в социально-политических трансформациях, место экс-номенклатуры интеллигенции³⁰¹ в этих процессах, структура и динамика трансформации элит, конвертация капиталов элит, рекрутирование бизнеса во власть и т.д. В фокусе научного интереса долго держалась проблематика ухода экс-номенклатуры, которая воспринималась как проводник устаревших взглядов, препятствие демократизации и барьер для новых групп, ориентированных на западные методы и идеалы, евроатлантические ценности³⁰². Длительное сохранение у руля

²⁹⁸ Steen A. *Between Past and Future: Elites, Democracy and the State in Post-Communist countries. A Comparison of Estonia, Latvia and Lithuania*. Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Ashgate. 1997. P. 335.

²⁹⁹ Steen A. *Small states and national elites in a neoliberal era / Small States in the Modern World. Vulnerabilities and Opportunities* / ed. Baldersheim H., Keating M. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2015. P. 201.

³⁰⁰ Steen A. *The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change* // *Scandinavian Political Studies*. 1997. Vol. 20, No. 1. P. 95–96.

³⁰¹ Rozenvalds J. *The Role of Intellectuals in the Reconciliation Processes in Post-Communist Latvia* // *Social Philosophy Today*. 2001, №17. P.275-285

³⁰² В основе – установки о главенстве принципов либеральной демократии, свободного рынка, единстве развитых демократий (в западном понимании). Атлантическая составляющая отягощена также представлениями о том, что союзничество возможно, в частности, при совпадении принципов приоритета легитимности решений и действий союзнических коллективных институтов над всеобщими международными институтами и их решениям. Подробнее см.: *Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада / Идеологическое отражение в*

представителей властных групп, вышедших из советской «шинели» и сумевших обрести новые ценности (Л. Линкявичюс, А. Ансип, А. Лембергс и пр.) говорит о том, что «старую гвардию» списывать рано³⁰³.

В этой связи особо пристально анализировались события начального периода после распада советского блока, выявлялись причины внутриэлитных размежеваний. В случае Литвы обращалось внимание на то, что у «Саюдиса»³⁰⁴ было два крыла: умеренное (Вильнюс, либерально настроенное, ориентированное на Запад и спокойно относящееся к контактам с Москвой) и радикальное (Каунас, националистические настроения, радикальное неприятие Москвы, антидемократические установки, сильное влияние католической церкви). Радикальное крыло возглавлял В. Ландсбергис и впоследствии его конфликт с лидером реформированной Компартии Литвы А. Бразаускасом составил основу раскола между внутриэлитными группами в Литве. В Латвии и Эстонии националистические³⁰⁵ круги сформировали свои «полупарламенты» – Конгрессы граждан³⁰⁵, влияние которых разнилось: в Латвии большую роль

сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000 гг. М., 2007.; Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2 (11). С. 100-111.

³⁰³ О феномене «балтийских перевертышей» среди властных групп Латвии, Литвы и Эстонии подробнее см.: *Носович А.А.* История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М.: Алгоритм, 2015. 456 с.

³⁰⁴ Вначале использовалось название «Литовское движение за перестройку». Sajudis в переводе с литовского – «движение». «Саюдис» постепенно превратился в общенациональное движение, в целом соответствуя установкам, которые транслировала ЦК Компартии Литвы во главе с первым секретарем А. Бразаускасом. Речь шла, в частности, о придании литовскому языку статуса официального, обретении экономической самостоятельности, придании литовскому флагу и гимну статуса государственных, обнаружение соглашений 1939 г. между СССР и Германией. Компартия не рассматривала «Саюдис» как оппозиционную силу – на его деятельность даже перечислялась часть партвзносов. Однако уже к концу 1988 г. радикальная часть «Саюдиса» во главе с В. Ландсбергисом приводит к разрыву отношений с Компартией.

³⁰⁵ Конгрессы сразу ставили целью выход Латвии и Эстонии из СССР и возобновление «прерванной в 1940 г.» государственности республик на основе идеи континуитета. В Эстонии лидером Конгресса был Т. Келам, литературный редактор националистических убеждений, безуспешно пытавшийся вступить в Компартию. Впоследствии стал видным политиком, руководителем партии «Союз Отечества»,

играл Народный фронт, а в Эстонии, где Народный фронт³⁰⁶ также пользовался широкой поддержкой, Конгресс стал сильной альтернативой. В Литве в основе внутриэлитного противостояния находился раскол на коммунистов / антикоммунистов, отягощенный персональным неприятием в конкретных случаях, в Латвии и Эстонии эта проблематика осложнена этническим фактором. Новый институциональный ландшафт в Латвии, Литве и Эстонии формировался с учетом этих нюансов³⁰⁷.

Пик научного интереса к элитам стран Прибалтики пришелся на конец 1990 – начало 2000 гг.: появились значимые (в т.ч. на межстрановом материале) работы по механизмам, каналам рекрутирования, ценностям, идентичности, иным аспектам властных групп (в основном в парламентском сегменте). Литовские, латвийские и эстонские ученые, прежде выполнявшие роль первооткрывателей политической элиты в своей стране, пошли по пути углубления тематики, сочетания предметных полей³⁰⁸.

депутатом Европарламента. Конгресс граждан Латвии был создан на той же основе – в его работе могли принять участие лишь те, кто был гражданами Латвии до присоединения к СССР и их потомки. Конгресс в Латвии возглавлял В. Брикманис, участник Второй мировой войны на стороне Германии.

³⁰⁶ «Народные фронты» как форма объединения граждан на широкой непартийной платформе первоначально возникли, как и «Саюдис», с целью «поддержки перестройки» (в апреле 1988 г. в Эстонии, «Саюдис» – в июне 1988 г. в Литве, Народный фронт Латвии – в октябре 1988 г.). Впоследствии получили серьезное влияние на политический процесс, но затем быстро уступили место новым игрокам. Подробнее см.: Гражданские движения в Латвии. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1990. 245 с.; Гражданские движения в Литве / Под ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 1993. 286 с.; Эстония. Контуры этнополитической эволюции. 1988-1993 гг. / Под ред. Г.А. Комаровой. М.: ЦИМО ИЭА РАН. 1994. 264 с.

³⁰⁷ Saarts T. Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States // Studies of Transition States and Societies. 2011. №3. P.83-104.

³⁰⁸ Janusauskiene D. The Post-Communist Democratization in Lithuania. Elites, Parties and Youth Organizations 1988-2001. Amsterdam/New York, NY, 2011. 173 p.; Jakobson M., Balcere I., Loone O., Nurk A., Saarts T., Zakeviciute R. Populism in the Baltic States. Tallinn University, 2012; Budryte D. Taming Nationalism? Political Community Building in the Post-Soviet Baltic States. London: Routledge, 2017. 248 p.; Matonyte I., Sumskas G., Gaidys V. Europietiškumo rakursai: Lietuvos elitų bei gyventojų požiūriai ir žvilgsnis į kitas Europos šalis. Kaunas: Technologija, 2018; Kuklys M. Careers of long-standing legislators and the making of the parliamentary elite Evidence from 25 Baltic parliaments / The Contested Status of Political Elites. At the Crossroads / Ed. by Vogel L., Gebauer R., Salheiser A. London: Imprint Routledge, 2018. 264 p.; Sootla G. The Development and Dilemmas of Estonian Local Government from a European Perspective / Administrative Reform 2017 in Estonia:

Скорость вестернизации³⁰⁹ политической и экономической жизни в Латвии, Литве и Эстонии, не могла не сказаться на ее в известной степени формальном³¹⁰ характере. В этом смысле артикулированный З. Норкусом применительно к результатам постсоветской трансформации вопрос «Какая демократия? Какой капитализм?» справедлив не только в своей формулировке, но и в предложенном выводе: классических, исчерпывающе однозначных определений в данном случае быть не может, т.к. страны Прибалтики являют собой сопряжение множества факторов, обстоятельств, контекстов. Хотя в начале трансформации сразу после распада СССР могло казаться, что точка назначения у всех стран одна и та же (рыночная экономика и либеральная демократия), постепенно все яснее вырисовываются новые перекрестки: различные варианты и экономики, и демократии³¹¹. З.Норкус на значительном сравнительном материале показывает: даже если рассмотреть только экономический аспект (не анализируя иные обстоятельства) отхода от советской модели развития, страны Прибалтики оказались среди тех государств, где результатом сложившегося спустя десятилетия после падения СССР порядка распределения доходов стало еще большее социальное неравенство, чем прежде. В то время как экономическая ситуация заметно улучшилась с самого начала

Decisiona, Backgrounds, Implementations / Ed. Valner S. Tallin: Menu Meedia OU, 2018. 711 p.

³⁰⁹ Латвийский исследователь Ж. Озолина отмечает, что для Латвии, как и соседних стран Прибалтики, характерна направленность политического процесса «сверху вниз», что проявилось в ходе вступления в Европейский союз, когда элиты адаптировались довольно быстро, оставив общество «пассивным наблюдателем». Подробнее см.: *Ozolina Z. Latvija eiropēizācijas krustceļos*. Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 135 p.

³¹⁰ Нарастающий разрыв в восприятии «европеизации» и «демократизации» - две эти тенденции присущи странам Прибалтики: если Европа еще остается для местных обществ своего рода якорем, то вера в демократию подорвана практикой фасадных демократий в этих странах. От того, каким будет восприятие образа Европы в новых странах-членах ЕС, зависит их будущее. Подробнее см.: *Agh A. Declining Systemic Trust in the Political Elite in the Eu's New Member States: the Divergence Between EastCentral Europe and the Baltic States // Baltic Journal Of Political Science*. 2017, No. 6. P. 27-49.

³¹¹ *Norkus Z. Kokia demokratija, koks kapitalizmas? Pokomunistine transformacija Lietuvoje lyginamosios istorines sociologijos požiūriu*. Vilnius : Vilniaus universitetas, 2008. P. 329.

трансформации лишь для меньшей части населения, она столь же заметно ухудшилась для подавляющего большинства жителей Прибалтики.

Одна из лидеров эстонского Народного фронта М. Лауристин и видный общественник П. Вихалемм спустя десятилетия после провозглашения независимости Эстонии отмечают, что прежние настроения воодушевления и оптимизма сменились тревогой и скептицизмом – общества стран Прибалтики столкнулись с проблемами в социально-экономической сфере, которые повлекли за собой усугубление политических расколов³¹². В Литве отмечается более высокий уровень политизации раскола по социально-экономическим основаниям по сравнению с Латвией и Эстонией. Это привело к нарастающей конфронтации между правыми и левыми (при всей условности данной маркировки³¹³), создавая фрагментированные конфигурации элиты и формируя условия для появления новых, зачастую имеющих популистскую³¹⁴ окраску политических игроков. Выделим следующие периоды изучения властных групп Латвии, Литвы и Эстонии:

1990 гг. – стартовый этап, характеризующийся в основном вниманием к структурно-функциональной проблематике, к выявлению доминирования тех или иных сегментов властных групп (экс-номенклатуры в начале, выходцев из бизнеса в финале этапа). В фундамент политического процесса стран Прибалтики заложена идея континуитета, продолжения довоенной государственности;

³¹² Lauristin M., Vihalemm P. The Political Agenda During Different Periods Of Estonian Transformation: External And Internal Factors // Journal of Baltic Studies. 2009. Vol. 40, No. 1. P. 1-28.

³¹³ В Эстонии А. Казекамп приводит пример раскола не по принципу «левый / правый», а по принципу отношения к лидеру Центристской партии Э. Сависаару, которым одни восхищались, а другие ненавидели. Подробнее см.: *Казекамп А.* История балтийских государств. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2014.

³¹⁴ Ланко Д.А. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007 – 2009 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2009. Т. 5, № 2. С. 209 – 230; Auers D. Comparing Radical-Right Populism in Estonia and Latvia / D. Auers, A. Kasekamp // Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse. London, 2013. P. 235–248.

2000 г. – интеграционный этап, когда основной акцент при анализе внешнеполитических аспектов делался на вопросах, связанных со вступлением в Европейский союз и НАТО, а в изучении внутренней динамики элит – на анализе институциональных механизмов карьерного продвижения в политике (через возможности партий, общественных организаций, лоббистских групп и т.д.), на профессионализации властных групп, на роли этнического фактора. Фактор «наследия прошлого» укореняется, как и идея «российской угрозы»;

2010 г. – этап переосмысления, когда аналитическое сообщество стран Прибалтики через изучение ценностных установок властных групп, их отношения к ЕС³¹⁵ и внутренним проблемам пытается найти ответы на вызовы кризиса легитимности³¹⁶ политических элит, роста персоналистских и откровенно популистских, с реверансами в сторону евроскептицизма³¹⁷, политических проектов.

Хотя евроскептицизм еще не обрел в странах Прибалтики статус институционального политического ограничителя и даже интерпретируется как проявление еврореализма, все же ситуация в данной сфере оценивается наблюдателями как тревожная – «зеленый цвет светофора сменился желтым и указывает на приближающуюся опасность»³¹⁸. Укрепляет такие настроения тот факт, что социально-экономическая ситуация в странах Прибалтики остается напряженной,

³¹⁵ Г. Соотла говорит о недовольстве в связи с тем, что, например, в Эстонии слишком много политик ЕС реализуется без учета местных специфических нужд, в ответ эстонские властные группы часто пытаются использовать установки ЕС в собственных интересах. Подробнее см.: *Sootla G. Summary / Estonian Human Development Report 2014/2015 / Ed. Vetik R. Tallin: Estonian Cooperation Assembly, 2015.*

³¹⁶ Отсутствие революций и переворотов не обязательно свидетельствует о достаточном уровне легитимности власти. «Было бы ошибкой полагать, что режим является легитимным, т.к. ему открыто не бросают вызов», – подчеркивает М. Доган. Подробнее см.: *Dogan M. Political Legitimacy: New Criteria and Anachronistic Theories // International Social Science Journal. 2009. Vol. 60, No. 196. P. 203.*

³¹⁷ *Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М. : ИЕ РАН , 2019. 164 с.*

³¹⁸ *Austers A., Bukovskis K. Euroscepticism in the Baltic States: Uncovering Issues, People and Stereotypes. Riga: Friedrich Ebert Stiftung, University of Latvia, 2017. 240 p.*

жители Латвии и Литвы склонны перспективы своих стран оценивать в пессимистических тонах, оптимистов больше в Эстонии. Говоря об оформлении двух кластеров поляризации прибалтийских обществ (прозападный и антизападный), местные исследователи отмечают, что главная идеологическая линия раскола – это отношение к России³¹⁹.

На исходе третьего десятилетия независимости довольно разрозненно, но все же звучат вопросы об итогах, о смысле преобразований и о способности властных групп сформулировать задачи на перспективу. Как это часто бывает, первыми задавать вопросы начинают не узкие специалисты, а философы, писатели, журналисты³²⁰.

При комплексном изучении политических элит стран Прибалтики исследователь оказывается перед следующими основными блоками задач: анализ каналов и механизмов рекрутирования элит и формирования их состава; внутриэлитное взаимодействие; символическая политика и идеология; процессы становления властных групп, формирования институтов (формальных и неформальных); внешнеполитические действия.

Проанализированные исследования властных групп Латвии, Литвы и Эстонии показывают, что магистральные тенденции в целом соответствуют общему восточно-европейскому контексту. Вначале лидерство захватила гуманитарная интеллигенция, разрушавшая идеологический фундамент предшествующего режима и закладывавшая институциональные основы нового. Когда романтики, певцы «поющих революций» оказались вытеснены политическими прагматиками, востребованными инструментами борьбы за влияние стали экономические и административные ресурсы: «второе дыхание» обрела экс-номенклатура, а с ней во власть пришел и

³¹⁹ *Kaprans M., Mierina I.* Ideological Polarization in Baltic Societies. A Cross-National Survey Report. Riga: University of Latvia, 2019. 87 p.

³²⁰ *Кендер К.* Письмо Владиславу Суркову // Русский пионер. 30 марта 2014 г.; *Донские Л., Венцлова Т.* Поиски оптимизма в пессимистические времена: Предчувствия и пророчества Восточной Европы / Пер. с лит. Г. Ефремова. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2016. 160 с.

бизнес. Специфической чертой стало присутствие в элитах Латвии, Литвы и Эстонии выходцев из диаспор в основном из США, Германии, Швеции.

При реконструкции того, как осуществлялся анализ властных групп стран Прибалтики фокус исследовательского интереса не должен быть ограничен только проблематикой структурно-функционального устройства политических элит. Линейный транзитологический подход неэффективен, т.к. игнорирует более глубокую проблему, которая оказывает существенное влияние на становление властных групп в рассматриваемых странах – проблему устойчивости новых институциональных конструкций, создаваемых, как писал Ф. Фукуяма, на основе заимствования (с одной стороны – у внешних сил, с другой - у собственного прошлого).

Среди специфических черт анализа становления политических элит стран Прибалтики, которая охватывает формальные и неформальные институты во внутренней и внешней политике выделяются:

во-первых, рассмотрение их как властных групп малых стран, что хаактеризуется повышенным вниманием к вопросам влияния внешних сил (в основном – США, ЕС и России);

во-вторых, рассмотрение их через призму фактора «наследия прошлого» (как с точки зрения так называемой преемственности / континуитета, так и с точки зрения роли советского периода);

в-третьих, значимой стала этническая проблематика, осмысляемая через призму «герметичности» (доступности) механизмов элитного рекрутирования для нетитульных групп в Латвии (в основном русскоязычные), Литве (поляки и русскоязычные) и Эстонии (в основном русскоязычные) с учетом института «неграждан» в Латвии и Эстонии.

Более детально структурная динамика властных групп Латвии, Литвы и Эстонии в постсоветский период рассматривается в главе III. Для определения каналов, механизмов элитного рекрутирования, выявления закономерностей и особенностей используются количественные и качественные инструменты анализа, обзор которых приведен в главе II.

Выводы

В главе I «Теоретические основания изучения политических элит» выявлены основные тенденции в развитии теории элит в XX-XXI вв., выделены основные этапы формирования современной теории элит, охарактеризованы исследовательские проблемы и лакуны теоретических подходов. Рассмотрены основные западные и отечественные наработки в теории элит. Проанализирована эволюция теории элит: от вспомогательного «ответвления» идей о иерархическом социальном устройстве и проблемах политической власти к обретению собственного заметного места в рамках политической науки с проработанным понятийным аппаратом и арсеналом исследовательских методик. Формирование классического научного аппарата теории происходило в довоенный период. Затем теория элит развивалась в биполярную эпоху преимущественно в западной парадигме теории модернизации, вобрав ряд положений политико-культурного, политико-психологического и институционального подходов, а также теории рационального выбора. Сложился «альянс» теории элит и теории демократизации в рамках минималистской концепции демократии.

Продемонстрирована роль теории элит в рамках транзитологического подхода, применявшегося при анализе причин, хода и перспектив масштабных политических изменений в Восточной Европе и на постсоветском пространстве на рубеже 1980 – 1990 гг. После распада советского блока произошел рост эмпирических исследований элит в данных регионах при сохранении в целом базовых методологических подходов прежнего периода. К настоящему времени возможности транзитологии во многом исчерпаны в силу нелинейности политических изменений, не укладывающихся в логику поступательного движения к рецепции западных социально-политических моделей.

Выявлены основные актуальные тенденции развития теории элит: повышение влияния исполнительной ветви власти по сравнению с

парламентским элитным сегментом на фоне гибкой кооперации правящих групп и сегментации властных фракций; рост влияния внешнеполитической конъюнктуры на внутреннюю структурную динамику властных групп; ослабление «вертикальной интеграции», т.е. связи элит с обществом, его массовыми кругами. Указанные тенденции носят сложный, нелинейный характер, что требует комплексного подхода к их изучению, позволяющего найти смычки между внутренней и внешней средой при анализе элит.

Автором критически осмыслены основные западные и отечественные подходы к определению политических элит. Обоснован государствоцентричный подход, рассматривающий властные группы не просто как обладателей «командных высот» в политической системе, но как субъектов, способных систематически и значительно воздействовать на институты власти и на само государство для достижения политических целей.

Выделены четыре компоненты, используемые при анализе причин, вероятных последствий и ограничений принимаемых властными группами ключевых решений: «интересы», «ресурсы», «цели» и «действия». В соответствии с принципом системности ни одна из них не существует автономно: интересы влияют на формулирование целей, тогда как действия связаны с доступным набором ресурсов. Интересы, цели, ресурсы и действия политической элиты характеризуются разной степенью динамичности, находясь в непрерывном процессе взаимодействия с внутри- и внешнеполитической средой.

Уточнена классическая типология элит В. Парето: помимо базовых характеристик действий властных групп в паре «кооперация / конфронтация» введена дополнительная пара «сохранение *status quo* / изменение *status quo*». Это позволяет взглянуть на политическую элиту не только с точки зрения структурных, но и субъектных аспектов, с более высокой точностью анализировать ее действия в различных ситуациях,

предоставляя возможности для выработки различных сценариев развития событий.

Изучение властных групп в странах Восточной Европы, впоследствии и постсоветского пространства, велось с опорой на теоретико-методологические наработки западных (преимущественно из США и Германии) специалистов в теории элит. Проанализированы основные научные дебаты относительно специфики восточноевропейских элитных трансформаций. В качестве базового понятия использовалось «соглашение (пакт) элит» как основа трансформации и стабилизации нового порядка. Магистральный механизм формирования властных групп: «конвертация капиталов» (термин П. Бурдьё) – во-первых, в буквальном смысле, т.е. контроль над процессом приватизации и распределения ключевых объектов собственности, который позволил представителям «старой» элиты сохраниться в новых условиях, получив значимые позиции в бизнесе, а во-вторых, в переносном смысле, т.е. возможность для среднего управленческого звена, не состоявшего в руководстве Коммунистической партии, получить в постсоветский период значимые позиции благодаря своей репутации как профессионалов-технократов. В первом случае речь шла о превращении «аппаратчиков в миллионеры», во втором – «инструктор сменял секретаря [ЦК]».

Соотнесены два базовых для стран Восточной Европы способа формирования властных групп – циркуляция (смена) и репродукция (воспроизводство). Ключевой тенденцией стало становление смешанной модели элитного рекрутирования, сочетающей в себе черты и циркуляции, и репродукции. Обосновано, что общий для восточноевропейского региона транзитологический подход о «соглашении / пакте элит» как базовой идее для осмысления становления элит в случае постсоветского пространства недостаточен. Анализ становления властных групп невозможен в отрыве от ряда факторов, имеющих важное структурное значение с точки зрения трансформации всей политической системы: местная социокультурная

специфика, национальные аспекты, вопросы взаимодействия бывших республик с «советским центром», влияние внешнего фактора, проблематика исторического наследия и т.д. Пример стран Прибалтики, которые одновременно могут быть отнесены и к «дальнему зарубежью» (Восточная Европа), и к «ближнему зарубежью» (постсоветское пространство) обязывает анализировать это в комплексе.

Определены основные факторы социально-политических трансформаций в Латвии, Литве и Эстонии («воронка причинности»), оказавшие воздействие на трансформацию политических элит в постсоветский период: изменение социальной структуры общества с устойчиво высокой поляризацией, реализация идеи «возвращения на Запад», длительное противостояние между «новыми» и «старыми» элитными фракциями, нарастающее значение фактора «российской угрозы» как средства внутренней электоральной мобилизации и укрепления однородности властных групп и их прозападной ориентации, а также реализация в странах Прибалтики принципа континуитета государственности (преемственности с довоенным периодом), «прерванной» в советское время.

В основном ученые стран Прибалтики при анализе политических элит опирались на теоретико-методологические подходы транзитологической парадигмы. Ключевые результаты рассмотрения динамики отдельных сегментов властных групп (гуманитарная интеллигенция, экс-номенклатура, бизнес-круги) соответствуют восточноевропейскому контексту. Вместе с тем имеется и специфика, характерная для данного субрегиона: акцентированное воздействие факторов «наследия прошлого» и внешнего влияния, что нашло свое отражение в появлении специфического сегмента властных групп – выходцев из латышской, литовской и эстонской зарубежных диаспор в основном из Северной Америки, представителей «прошлой», досоветской жизни.

Проведена периодизация изучения властных групп Латвии, Литвы и Эстонии: выделен стартовый этап, этап интеграции и этап переосмысления. На первом этапе ученые стран Прибалтики выступали в роли «первооткрывателей» политической элиты, обращаясь к анализу ее структурных перемен. На втором – большее внимание уделяли функциональным аспектам в связи с реализацией элитами программы присоединения к западным интеграционным институтам ЕС и НАТО. На третьем – соответствию установок, ценностей властных групп общеевропейскому контексту, осмыслению проблем снижения доверия к политическим элитам и институтам, укрепления популистских проектов, подведению итогов прошедших десятилетий и формулированию новых перспективных задач. Всплеск интереса к изучению властных групп Латвии, Литвы и Эстонии отмечен на рубеже первого и второго этапов.

Глава II. Основные инструменты анализа политических элит

2.1. Количественный подход

Для политической системы государств на начальном этапе постсоветской трансформации характерна хаотизация, зачастую – маятниковое состояние. Постепенно в ходе непростых, нередко болезненных реформ, ведущих к росту социальной поляризации и расколам элит, происходит «остывание» чрезмерно «разогретого» политического процесса, намечается переход к «вызреванию», стабилизации новых институтов, правил, приоритетов. Такая динамическая сложность, охватывающая все стороны политической жизни, затрудняет анализ становления властных групп. Для эффективного изучения политической элиты необходим такой набор инструментов, который дал бы возможность комплексно оценить процесс структурно-функциональных изменений, позволил бы учесть динамический характер ее формирования. Макрополитический уровень оценки, позволяющий осмыслить характер структурных изменений, охвативших политическую систему в целом, а также воздействующие на нее внутренние и внешние факторы, требуется сочетать с микрополитическим, т.е. с анализом индивидуальных практик, учитывающим агентивный характер политических элит, представители которых способны влиять на политическую жизнь *in persona*.

Для получения ценной с научной точки зрения информации о механизмах, каналах и тенденциях становления властных групп применяются следующие подходы и их комбинации: позиционный, репутационный и десизионный (решенческий).

Позиционный подход ставит степень влияния на политические процессы того или иного лица в зависимость от занимаемой им позиции во властной иерархии. Классическим примером такого рода анализа является работа американского специалиста Р. Миллса «Властвующая элита» - рассмотрев политические, экономические и военные властные группы,

автор пришел к выводу о наличии одной, тесно связанной элиты³²¹.

Основным исследовательским методом служит анализ документов, массива законодательства (в частности, нормативных документов, определяющих полномочия того или иного лица). Чем выше должность, тем, казалось бы, больше объем полномочий у обладающего ею лица. Исходя из такой точки зрения, зачислению в элиту подлежат члены правительств, парламентов и так далее. Анализ в таком случае будет строиться исключительно на формальных основаниях. Однако более высокая иерархическая позиция еще не гарантирует ее обладателю власти действительной, фактической, а не только номинальной, отраженной в должностной инструкции или названии должности. Кроме того, позиционный подход игнорирует неформальные практики внутриэлитного взаимодействия, не позволяет выявить влияние тех, кто находится «за сценой», дает неполную исследовательскую картину.

Позиционный анализ будет более эффективным, если исследователь не ограничится рассмотрением одних лишь «табелей о рангах» и должностных инструкций, а введет биографическое измерение³²².

«Биографический метод включает способы измерения и оценки историй жизни, рассказанных или сообщенных свидетелей о жизни с точки зрения самих индивидов. В рамках биографического исследования часто используют и другие виды данных: данные опросов, протоколы наблюдений, гражданские акты, семейно-исторические документы и т. д. В этом случае исследователь конструирует биографию из множества источников. Изучение жизненного пути проходит по схеме как последовательность событий в определенные периоды времени. Биография считается результатом субъективных решений, но эти решения, в определенной степени, зависят от социально-структурных условий,

³²¹ *Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1956. – 543 с.

³²² *Колесник Н.В.* Биографический метод в изучении элиты / (Авто)биография как объект социологического анализа / Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства. 2018. С. 135-146.

возрастных когорт и исторических событий», - отмечает А.В. Шентякова.³²³

Источниками информации в таком случае выступают справочные издания, содержащие подробную информацию о депутатах парламента, членах кабинета министров, президенте и его аппарате и т.д. Кроме того, важным источником служат официальные порталы органов государственной власти (правительства, парламента, президента), которые содержат биографические данные ключевых должностных лиц страны. На их основе формируются биографические базы данных. Используются, в частности, следующие переменные: место и дата рождения; учреждение, в котором получено среднее, высшее образование и срок обучения; наличие ученой степени и место, срок обучения; предыдущее (до занятия позиции во властной иерархии) место и срок работы; опыт политического заключения (актуально для начального этапа трансформации стран Прибалтики); членство в политической партии и т.д.

Л. Стоун предлагает использовать такие базы с целью анализа больших действующих в истории групп лиц, что позволяет выяснить пути осуществления ими своих политических действий, их профессиональное становление³²⁴. Среди отечественных исследователей заслуживает внимания выполненная в этом работа Д.Г. Сельцера, посвященная рассмотрению карьерных траекторий выходцев из КПСС в 1985 – 2005 гг. Он отмечает, что для создателя биографической базы данных наиболее эвристически ценно выявление взаимосвязей и анализ карьерной динамики³²⁵.

Собранный биографический материал при всех своих ограничениях нередко оказывается, как отмечают Н. В. Колесник и Д. Б. Тев, одним из

³²³ Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Се р. 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 46–56.

³²⁴ Stone L. Prosopography // Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert & St. Graubard. N.Y., 1972.

³²⁵ Сельцер Д. Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбов полиграфиздат, 2006. 592 с.

главных (а иногда единственным) эмпирическим источником, позволяющим подойти к интерпретации внутриэлитных изменений³²⁶. Такой анализ дает возможность измерения основных параметров структурных изменений властных групп, позволяет количественно охарактеризовать в динамике положение отдельных членов политической элиты, провести сопоставления на более обширном эмпирическом материале³²⁷.

Поскольку позиционный анализ предполагает рассмотрение в качестве членов политической элиты тех, кто занимает в соответствии с конституционным дизайном страны определенные позиции во властных структурах, представляется важным отметить, что применение данного подхода может быть более информативным для исследователя в случае анализа не только официальных каналов взаимодействия между членами элиты, но и неформальных практик (в первую очередь это касается лоббистских механизмов). В этом смысле исследованию подлежат также и те, кто, как правило, не несет политическую ответственность за принимаемые на высшем уровне решения, однако чей вклад в принятие решений по стратегическим для развития общества вопросам весом – речь идет о советниках первых лиц (президента, председателя правительства, председателя парламента)³²⁸. Оговоримся, что установить полный круг

³²⁶ Колесник Н.В., Тев Д.Б. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социс. 2009. № 6. С. 82. С. 76–84.

³²⁷ «Характеристики бассейна рекрутирования и политических карьер могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует». Подробнее см.: Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24-66.

³²⁸ В качестве иллюстрации того, каким влиянием способен пользоваться советник того или иного высшего должностного лица, можно назвать Ю. Казицкаса, одного из богатейших бизнесменов Литвы, большую часть своей жизни проведшего в США и имевшего статус советника премьер-министров Литвы К. Прунскене, Г. Вагнорюса, А. Шляжявичюса, председателя Сейма В. Ландсбергиса, президента А. Бразаускаса. Считается, что именно Ю. Казицкас выступил в начале 1990 гг. организатором личных встреч руководства Литвы с лидерами США, Великобритании, Франции, Германии, с представителями западных бизнес-кругов, выступил посредником при совершении

таких советников возможно не всегда – нередко эти обязанности выполняются на общественных началах, без формального закрепления.

Для того чтобы не следовать слепо за биографическими справками, содержащими карьерные траектории политических деятелей, определим перечень позиций для анализа заранее, вводя в дальнейшем при необходимости критерии релевантности, дополнительные «фильтры». В случае Литвы, Латвии и Эстонии объект анализа составят персоны, занимавшие следующие позиции:

- президенты и их советники;
- премьер-министры и их советники;
- председатели парламентов и их советники;
- вице-премьеры, вице-спикеры;
- министры³²⁹;
- лидеры основных партий, имеющие фракции в парламенте;
- депутаты, удерживающие членство в парламенте не менее 2

крупнейших сделок в Литве с участием компаний «Вильямс интернешнл», «Моторола», «Кока-Кола», «Филип Моррис» и др.

³²⁹ Среди литовских министров политический долгожитель: министр социальной защиты и труда В. Блинкявичюте, которая сохраняла портфель в течение 8 лет подряд, а также Л. Линкявичюс, дважды руководивший министерством обороны в течение 7 лет в целом. Есть и другая сторона: удержание не конкретного портфеля, а министерской должности вообще. В Латвии, например, К. Герхардс руководил министерством среды и регионального развития, министерством транспорта, министерством экономики и министерством земледелия. Долгожителем на одной позиции в Латвии считается Э. Ринкевич, который возглавляет МИД с 2011 г. при 4 премьерах и 3 президентах. Среди политических долгожителей Эстонии – А. Ансип, возглавлявший правительство с 2005 г. по 2014 г.

Среди министров наиболее краткосрочна карьера у главы минфина Литвы Р. Матиляускаса – около 2 месяцев. В истории Литвы есть случай, когда высокопоставленный политик находился у власти еще меньше – так, А. Шименас пробыл на посту главы кабинета министров лишь несколько дней в январе 1991 г., исчезнув во время событий 13 января. Поэтому вводится «фильтр»: анализу подлежат министры, занимавшие должность не менее 1 года: это минимально необходимый срок для становления в рамках политико-административной борьбы за ресурсы, результатом которой оказывается позиция во властной системе координат. Это соответствует тезису М. Котта о том, что обладание позицией министра уже не случайность, а нормальный результат политической активности. Подробнее см.: *Cotta M. On the Relationship between Party and Government / The nature of party government. A comparative European Perspective. Ed. by Blondel J., Cotta M., London, MacMillan, 2000.*

электоральных циклов³³⁰.

В ходе исследования в соответствии с позиционными критериями проанализированы данные 886 политических деятелей из Латвии, Литвы и Эстонии. Из них 252 – представители Литвы, 271 – Эстонии и 363 – Латвии. Отличие выборки объясняется разным количеством учтенных парламентских циклов: в Латвии – 9 (1993 – 2018 гг.), Литве – 7 (1992 – 2016 гг.), Эстонии – 8 (1992 – 2019 гг.). За основу позиционного анализа взяты именно парламентские электоральные циклы в силу той определяющей роли, которой в рамках институционального дизайна политических систем стран Прибалтики в период независимости наделены парламенты в соответствии с Конституциями (подробнее данный вопрос рассматривается в параграфе 2.3). Хронологические рамки циклов различаются (как правило, на 1-2 календарных года). Кроме того, в случае Латвии имеется 1 экстрацикл, связанный с досрочным роспуском парламента президентом В. Затлерсом в 2011 г. Таким образом, в рамках позиционного анализа циклы разбиты не в привязке к датам выборам, а с указанием их номеров по порядку. В Латвии в рамках 9 парламентских циклов в рассматриваемый период сформировано 21 правительство и проведены 8 выборов президента, в Литве в рамках 7 циклов - 16 правительств и 7 выборов президента, в Эстонии в рамках 8 циклов - 17 правительств и 6 выборов президента.

В силу наибольшей доступности для изучения 53% составляют представители парламентов. Доля представителей правительств – 40%. Наименьшая группа – президенты и их советники – 7% (она же и наиболее сложная для анализа, т.к. данные на работников президентских администраций есть в открытом доступе не всегда)³³¹.

³³⁰ Не вводится слишком высокий «ценз» в виде обладания депутатским мандатом не менее 3 циклов, отсекающий существенную часть парламентского сегмента политической элиты.

³³¹ Стандартизованная информация, содержащая биографические данные, взята из справочников «Kas yra Kas Lietuvoje. Who is Who in Lithuania», «Kas ir kas Latvijā» и «Kas on Kes Eesti», а также с официальных сайтов президента Литовской Республики (www.president.lt), Правительства Литовской Республики (www.lrv.lt) и Сейма Литовской

Вторичный анализ полученных данных включает в себя построение таблиц сопряженности и расчёт представленности тех или иных сегментов властных групп с выявлением тенденций в рамках рассматриваемого периода. Также широко использована информация из официальных документов, в частности, нормативно-правовых актов, межпартийных соглашений, межстрановых деклараций, официальных заявлений и т.д.

Позиционный подход будет более эффективен в сочетании с репутационным, с помощью которого у исследователя появляется шанс заглянуть «за кулисы» власти, оценить теневые внутриэлитные практики, проиллюстрировать высокую позиционную динамику в элитных группах в период трансформационных изменений, выделив ту или иную группу в качестве важнейшей, системообразующей на конкретном этапе.

Республики (www.lrs.lt), из справочных разделов официальных сайтов президента Республики Латвия (www.president.lv), Кабинета министров Республики Латвия (www.mk.gov.lv) и Сейма Республики Латвия (www.saeima.lv), президента Эстонской Республики (www.president.ee), Рийгикогу Эстонии (www.riigikogu.ee) и Правительства Эстонии (<https://valitsus.ee>). Выходные данные биографических справочников: *Kas ir Kas Latvija 2003/2004*. Biogrāfiskā enciklopēdija. Rīga: Valērija Belokoņa izdevniecība, 2003. 761 p.; *Who is Who in the Baltic States: Biographical dictionary*. Rīga: Valeri Belokon Publishing House, 1998. 604 p.; *Kas ir Kas Latvija 2007/2008*. Biogrāfiskā enciklopēdija. Rīga: Who is Who, 2008. 333 p.; *Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 1995/1996*. Vilnius: Neolitas, 1996; *Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 1997/1998*. Vilnius: Neolitas, 1998; *Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2002*. Vilnius: Neolitas, 2002; *Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2004*. Vilnius: Neolitas, 2004; *Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2006*. Vilnius: Neolitas, 2006; *Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2008*. Vilnius: Neolitas, 2008; *Kas yra kas Lietuvoje 2009*. Auksinis Tūkstantmečio leidimas. Vilnius: Neolitas, 2009; *Kas ir Kas Latvija 1999*. Biogrāfiskā enciklopēdija. Rīga: Valērija Belokoņa izdevniecība, 2000. 1136 p.; *Kes on Kes: Eesti 2000*. Tallinn: Ekspresskataloogide AS, 2000. 271 p.; *Kes on Kes Eesti Majanduses 2010*. Tallinn: Eesti Kaabandus-Toostuskooda, 2010. 358 p.; *Эстонский биографический словарь*. Таллин: KRK, 2002. 424 с.

2.2. Качественный подход

В рамках репутационного подхода исследователь определяет ключевых членов властных групп на основе экспертных оценок. Классический пример анализа структуры и специфики взаимодействия властных групп на базе репутационного подхода - работа Ф. Хантэра «Структура власти в сообществе», рассмотревшего правящие круги Атланты и других городов США³³². На российском эмпирическом материале властные группы проанализировала, в частности, Ш. Ривера³³³.

Опрос экспертов³³⁴ позволяет анализировать распределение центров влияния во властных группах и их коалициях в динамике, но в то же время несет в себе определенную субъективность в оценках. Критическим замечанием на этот счет служит тезис о том, что репутационный подход помогает осмыслить не столько сами властные группы, сколько лишь мнения о них. Как отмечал К. Даудинг и соавторы, хантеровская идея репутации не только показывает, что о властных ресурсах конкретных индивидов думают другие, но и сама оказывается источником власти этих индивидов: «Репутации рассматриваются как ключевой властный ресурс акторов, вовлеченных в стратегические отношения с другими»³³⁵.

Однако репутационный подход, выступая в роли полезной аналитической техники, все же занял свое место в ряду инструментов изучения политических элит, позволяя дополнить электоральную

³³² Hunter F. Community Power Structure. Chapel Hill: University of N.Carolina Press, 1953.

³³³ Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис.1995. № 6. С.61-66; Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // Полис. 2009. №5. С. 149-157.

³³⁴ Возможности экспертного опроса используются при изучении российских властных групп, подробнее см.: Батанина И.С., Воронцов С.А., Понеделков А.В. О состоянии и механизмах рекрутинга современной российской политической элиты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 3-15; Вилков А.А., Воронцов А.С., Понеделков А.В. Политико-административные элиты: генезис, проблемы развития на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 2. С. 198-203.

³³⁵ Dowding K., Dunleavy P., King D., Margetts H. Rational Choise and Community Power Structure // Political Studies. 1995. Vol. 43. No. 2. P. 273.

статистику, данные позиционного способа и в итоге - сформировать более полную картину процессов элитных взаимодействий. В. Ледяев считает, что репутационная техника операциональна, экономична, дает возможность широко использовать различные количественные показатели и достаточно надежна. Ее достоинством он считает то, что подобный подход позволяет указать на людей, которые действуют «за сценой» и зачастую не могут быть зафиксированы с помощью позиционного анализа³³⁶.

При обращении к репутационному анализу наиболее эффективным видится метод коллективной экспертной оценки. В его основе – обработка индивидуальных оценок, которые формулируются экспертами независимо друг от друга, с последующим конструированием обобщенной оценки. Обращение к тому или иному эксперту основывается на уровне его компетентности. Имея целью получение целостного (насколько это возможно) представления о политической элите, при подборе экспертов определяющую роль играет следующий критерий – эксперт в силу своей профессиональной деятельности должен быть способен не только на актуальную, но и на ретроспективную оценку. Эксперт должен обладать таким массивом знаний об изучаемом объекте, который позволит ему выявить и оценить особенности элитообразования в рамках каждого из «узловых моментов». Такие требования к экспертам, безусловно, приводят к тому, что их круг не может быть многочислен – однако в данном случае репрезентативность опроса обеспечивается не количеством опрошенных экспертов, а качеством предоставленных ими оценок³³⁷.

³³⁶ Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Репутационный метод в эмпирических исследованиях в городских общностях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Том V. № 4. С. 164 - 177.

³³⁷ Необходимо отметить, что в данном случае критерии, предъявляемые к респондентам, в целом совпадают с требованиями при проведении глубинных интервью. С.А. Белановский, например, к числу ценных с эвристической точки зрения респондентов относит тех, у кого зона компетентности совпадает с предметом исследования. Ключевые критерии: широта охвата социальных явлений, относительно которых респондент способен высказывать компетентные оценки и глубина, степень осознанности респондентом собственного практического опыта, а также способность прослеживать между наблюдаемыми явлениями длинные цепи причинно-следственных

Важное значение имеет личный характер общения с экспертами, т.к. заочная работа с анкетой или опросным листом может оказаться неэффективной: подчас лица, занимающие значимые руководящие позиции и привлекаемые в качестве экспертов, в силу высокой загруженности служебными делами передают анкеты для заполнения своим помощникам. О ценности такой «экспертизы» говорить не приходится.

Поэтому, учитывая традиционную закрытость властных групп, с целью выяснения специфики формирования политической элиты в рамках предлагаемой методики следует обратиться к смежной исследовательской процедуре, связанной с результатами репутационного анализа – к проведению глубинных интервью. Крайне желательно, чтобы среди тех, с кем проводится глубинное интервью, присутствовали (насколько это возможно) представители наиболее влиятельных членов политической элиты, определенной по итогам общения с экспертами. Эта процедура приобретает особую важность, если учесть точку зрения Р. Мертона, М. Фиске и П. Кендалла, изложенную в работе «Фокусированное интервью» – зачастую лишь с помощью качественных методов удастся проверить гипотезы, выдвинутые в ходе количественных исследований³³⁸.

Выделяются два стиля проведения интервью – профессиональный и межличностный. Такая градация была предложена Р. Хенсоном, К. Кэннелом и С. Лоусоном, утверждавшими, что респондентам более импонирует межличностный («интерперсональный») стиль общения, открывающий возможности для получения большего объема релевантной информации, чем при формальном профессиональном подходе³³⁹.

Методика и техника интервьюирования среди отечественных

связей. Указывая на высокую трудоемкость данного метода, С.А. Белановский утверждает, что по конкретной проблеме вряд ли следует опрашивать более нескольких десятков человек. Подробнее см.: *Белановский С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования // Социология 4 М. 1991. № 2. С. 5-19.*

³³⁸ *Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / Пер. с англ. Т.Н.Федоровской. Под ред. С.А. Белановского. М., 1991.*

³³⁹ *Henson R.M., Cannell C.F., Lawson S.A. Effects on Interviewer Style on Quality of Reporting in a Survey Interview // Journal in Psychology. 1976. Vol. 93. No. 2. P. 221-227.*

исследователей обстоятельно разработаны С.А. Белановским. Так, он разъясняет, что вопросник для интервью (он называет его не глубинным, а глубоким) принципиально отличается от анкеты с закрытыми вопросами, т.к. структурной единицей неформализованного интервью является тема (как непрерывная смысловая последовательность), а не вопрос. Перечень тем может иметь форму как повествовательную, так и вопросительную, имея в виду, что эти грамматические формы могут комбинироваться по желанию исследователя. Порой необходимо, чтобы в пределах одного вопросника тема членилась по нескольким основаниям для отражения различных сторон исследуемого предмета.

Наиболее распространенной при этом является подготовка вопросов в последовательности «прямой воронки», т.е. таким образом, чтобы сформировать ряд вопросов, в котором каждый последующий имеет меньший логический объем, чем предыдущий. В дальнейшем интервью могут быть подвергнуты трем способам редактирования: 1) стилистическая обработка фраз и их сочетаний; 2) логический контроль; 3) формирование текстовой композиции. С.А. Белановский полагает, что хотя сбор информации методом глубинных интервью не может принять характер репрезентативного исследования, однако полученные данные всегда будут важной составной частью работ по изучению одной из самых «закрытых» областей общественной жизни – взаимоотношений политических элит³⁴⁰.

Среди российских примеров исследований, в основу которых были положены глубинные интервью, следует назвать работу А.Е. Чириковой «Региональные элиты России». В ней автор, проведшая десятки интервью в разных регионах России, делает справедливое замечание, применимое и в рамках данного исследования: «Политическая элита является высокомифологизированной. Выраженность стереотипов, которые захватывают порой и аналитиков, диктует необходимость максимального приближения к объекту исследования, чтобы избавиться от мифов за счет

³⁴⁰ Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001. 320 с.

последовательной реализации принципа индивидуальности»³⁴¹. Другим заметным примером отечественных работ такого рода, рассматривающая проблематику властных групп уже не на региональном, а на локальном, городском уровне, является совместное исследование В.Г. Ледяева и А.Е. Чириковой «Власть в малом российском городе»³⁴².

Использование количественных техник, позволяющих оперировать данными на различных уровнях, а также качественных методов (репутационный анализ, глубинное интервью) помогает реконструировать картину изучаемого объекта более полно. «Строгость» позиционного подхода дополняется качественными исследованиями, весьма «чуткими» к неустоявшимся общественно-политическим процессам. В современных условиях властные группы являются сколь устойчивыми в смысле борьбы за сохранение и упрочение своей власти, столь и изменчивыми в смысле конфигураций, альянсов и коалиций. Это позволяет говорить о «рыхлости» элитных групп, что обуславливает трудность их четкой фиксации с помощью количественных методов. И здесь свою роль призваны сыграть качественные исследования.

В этом смысле репутационный анализ (составление перечня ключевых политических деятелей, основанного на экспертных оценках), глубинные интервью с представителями политической элиты являются ценным источником информации о процессах элитообразования, механизмах и каналах рекрутирования, структурных особенностях властных групп и специфике их становления. Обращение к репутационному подходу продиктовано также и тем, что объект исследования нелегко поддается изучению – как процесс принятия политических решений зачастую носит непубличный характер, так и сами властные группы являются во многом закрытыми для анализа.

³⁴¹ Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.

³⁴² Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

Автором была предложена экспертам обширная анкета, включающая оценку влиятельности ряда политических деятелей в рамках ключевых электоральных циклов по каждой рассматриваемой стране. Экспертам предлагалось, исходя из того же перечня позиций, что избран и для позиционного анализа, определить наиболее влиятельных политических деятелей. Предусматривалась возможность указывать и иных представителей властных групп по усмотрению экспертов. Применяя проблемно-специфический репутационный подход, экспертам было предложено ранжировать персоналии по степени их влияния, исходя из объема контролируемых ресурсов, которые разбиваются на следующие блоки влияния: на решение кадровых вопросов и ход избирательных кампаний, на принятие решений органами государственной власти, на экономические процессы, на СМИ, на неправительственные организации, на силовые структуры. Отдельно предлагалось оценить роль представителей политических элит, принадлежащим к крупным структурным группам: экономенклатура, диаспоральное сообщество, выходцы из научной и гуманитарной сферы (так называемые «политики морали»), бизнес-круги.

Среди отечественных масштабных примеров использования анкетирования путем экспертного опроса для анализа властных групп следует, в частности, выделить результаты опроса «Элитология и стратегии развития современной России» (2016 г.), проведенного специалистами Ростовской научной элитологической школы. Всего опрошено более 900 представителей экспертного сообщества из более 25 регионов страны: ученые - около 40%, административно-политические круги – около 4%, бизнес – около 5%, остальные респонденты – представители сфер культуры, образования и других групп³⁴³. Уточнить полученную информацию

³⁴³ Подробнее см.: Элитология и стратегии развития современной России / Еремеев С.Г., Понеделков А.В., Шабров О.Ф., Буров А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Коваленко В.И., Охотский Е.В., Григорян Д.К., Горбунов А.А., Черкасова Т.П., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х., Змияк С.С., Моисеев В.Н., Голубева М.О., Яланский А.П. / Информационно-аналитические материалы Второго Всероссийского

помогают глубинные интервью. Это непростая для неподготовленного исследователя техника (особенно в случае изучения зарубежного эмпирического материала). Автором проведено 53 глубинных интервью с представителями политических элит и подробных экспертных опросов ученых из Вильнюса, Риги и Таллина, специализирующихся на изучении властных групп, а также с главных редакторов СМИ и обозревателей, с начала 1990 гг. вовлеченных в информационно-аналитическое освещение деятельности политических элит Латвии, Литвы и Эстонии. Распределение интервьюированных в неравных долях: свыше 60% – представители властных групп, менее 40% – ученые и работники СМИ (табл. 3). Несмотря на традиционную закрытость властных групп, сделано 17 глубинных интервью с значимыми парламентариями Латвии, Литвы и Эстонии, удерживавшими депутатский мандат несколько электоральных циклов, с 8 бывшими министрами (обороны, экономики, иностранных дел, культуры, транспорта) и премьерскими советниками, с 3 бывшими председателями парламентов и премьер-министрами. Особый интерес представляют глубинные интервью с 2 бывшими президентами - В. Адамкусом (Литва) и В. Затлерсом (Латвия). Средняя длительность интервью - 2,5 часа. Цель строгой формализации не ставилась, внимание уделялось «поддерживающей коммуникации». Приоритет отдан глубокой рефлексии и качественным оценкам процессов становления политических элит. Объем расшифрованных стенограмм – более 700 страниц.

2.3. Комбинирование методик

Сочетание количественных (позиционный анализ) и качественных (глубинные интервью) методик позволяет через взаимную верификацию добиться повышения эвристической ценности полученной информации. Для получения более полной картины элитобразования в динамике позиционный анализ целесообразно проводить с учетом ключевых электоральных циклов с последующим сопоставлением результатов. При этом эвристический потенциал позиционного подхода может быть дополнен в случае не только фиксации места, позиции конкретного члена политической элиты в системе властных отношений, но и, опираясь на анализ биографических данных, при учете возможных связей с другими субъектами. Это позволит сделать предположения о распределении ресурсов в политическом пространстве, формировании властных коалиций, распространении неформальных практик, которые в свою очередь проверяются через инструменты репутационного подхода - опрос экспертов и глубинные интервью. Учет при этом «воронки причинности», т.е. наиболее значимых внутренних и внешних детерминантов, обуславливающих развитие социополитической системы³⁴⁴, позволит задействовать и арсенал десизионного подхода.

Десизионный подход иначе называется решенческим, поскольку относит к политической элите тех, кто способен принимать стратегически важные решения. Классический пример такого подхода - работа Р. Даля

³⁴⁴ Т.В. Карадже подчеркивает, что если в рамках классической методологии социально-политические модели, так или иначе, основывались на идеализации изолированной системы, то сегодня, напротив, исследуются процессы в открытой социальной системе, когда определенная динамика и сила внешних воздействий может нарушать ее равновесность и создавать в системе качественно иные состояния. Внешнее действие учитывается именно как преломленное через внутреннюю природу самой системы, ее самоорганизацию, а не как однозначно навязывающее системе свою собственную определенность. Подробнее см.: *Карадже Т.В.* Типы и уровни детерминации политического // Вопросы политологии. 2014. № 1 (13). С. 5-16.

«Кто правит?»³⁴⁵. В ней на примере городского сообщества в Нью-Хейвене он, оппонируя идеям Ф. Хантера и Р. Миллса, утверждает идею плюралистического распределения власти, отвергает репутационный и позиционный подходы, не приемлет идею о «структуре власти» как таковую. Выбрав три конкретные (на его взгляд, наиболее важные с институциональной точки зрения) сферы городской жизни – образование, реконструкция и кадровые назначения - Р. Даль предлагает максимально комплексную картину власти, стараясь учесть все доступные для анализа контексты (исторический, экономический, социальный и т.д.). В итоге приходит к выводу о том, что вместо единой доминирующей властной группы в городе существует плюралистическое множество фракций с различным набором ресурсов. Работа Р. Даля имела широкий успех (автор впоследствии возглавил Ассоциацию американской политической науки), но вызвала и волну критики – наиболее последовательно с контаргументами выступал У. Домхофф³⁴⁶, обосновавший существенное упущение Р. Даля: недооценку влияния бизнес-кругов.

Каждый из указанных подходов имеет свои сильные и слабые стороны, сочетание различных исследовательских техник призвано обеспечить комплексное осмысление изучаемого объекта. Заслуживающим внимания примером подобного анализа политической элиты, включающего в себя различные инструменты, служит масштабное исследование наиболее влиятельных персон в 66 российских регионах, проведенное в 2003 г. под научным руководством О. В. Гаман-Голутвиной³⁴⁷. Его результаты, широко обсуждавшиеся отечественным политическим и экспертным сообществом, стали плодом усилий группы специалистов, вовлеченных в реализацию

³⁴⁵ *Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven & London: Yale University Press, 1961.*

³⁴⁶ *Domhoff G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. New Brunswick (NJ): Transaction Books, 1978.*

³⁴⁷ Самые влиятельные люди России – 2003 / Науч. рук. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ), 2004. 696 с.; *Гаман-Голутвина О.В. Подходы и методы изучения политических элит / Гаман-Голутвина О. В., отв. ред. Сравнительная политология. М.: Аспект Пресс, 2015.*

столь объемного проекта. Благодаря полиаспектному взгляду на властные группы удалось проанализировать их с точки зрения десизионного подхода – наиболее трудоемкого в силу необходимости детального рассмотрения и учета структурных, процедурных, личностных, исторических, политических, социальных и прочих контекстов. Десизионный подход предполагает глубокое понимание исследователем «внутренней кухни» – того, как политическими элитами принимаются решения по ключевым вопросам жизни общества. Обладание такой информацией доступно не всем, что ограничивает широкое применение десизионного подхода.

В рамках настоящего исследования политических элит Латвии, Литвы и Эстонии применялись комбинации различных исследовательских техник. Стремление соотнести результаты, полученные при применении инструментов количественного и качественного анализа, с возможностями десизионного подхода обязывает к детальной реконструкции контекста рассматриваемого объекта. Необходимо проанализировать общее состояние политической системы страны в рассматриваемый период, ее внутренние структурные особенности и учесть роль внешних факторов. Важным является изучение тенденций, воздействующих на изменение полюсов «силы» во властных группах (в треугольнике «президент – премьер-министр – председатель парламента»). Выявить их можно в соответствии с принципом конституционализма³⁴⁸.

Властные группы Латвии, Литвы и Эстонии при отмежевании от СССР настаивали на том, что они не создают новые государства на пустом месте, а восстанавливают государственность так, как она существовала до вхождения в состав Советского Союза. Логика континуитета, однако, была воспринята с изъятиями. Ведь если подойти к реализации принципа

³⁴⁸ *Zubek R., Goetz K. Performing to Type? How State Institutions Matter in East Central Europe // Journal of Public Policy. 2010. No. 30. P. 1-22.* На важную роль элиты в определении содержания конституции страны, определяющей законодательные рамки для ее политической жизни, указывает и А.Ю. Мамычев. Подробнее см.: *Baranov P., Ovchinnikov A., Mamychyev A., Plotnikov A. Elites and the formation of constitutionalism: the socio-cultural vector of development // Man in India. 2017. T. 97. No. 23. С. 561-575.*

континуитета буквально, то пришлось бы вернуть авторитарные режимы К. Пятса, А. Смятоны и К. Улманиса, которые действовали в Латвии, Литве и Эстонии в 1940 г. на момент присоединения к СССР, вернуться к довоенным границам (Литва лишилась бы Вильнюса, например) и т.д. Поэтому от буквального прочтения отказались, и конституционная система в своем прежнем, досоветском виде (с гипертрофированной президентской властью) восстановлена не была. Существенная роль в системе органов государственной власти стран Прибалтики отведена парламентам. Наибольшее влияние на распределение портфелей в кабинете министров с последующим контролем правительства оказывают партия, получившая большинство в парламенте, или коалиция партий³⁴⁹. Такой дисбаланс был несколько изменен после 2004 г. – вступление Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз привело к укреплению внутривластного влияния их правительств. Рассмотрим конституционное распределение по странам.

Латвия является парламентской республикой, в стране действует «восстановленная» Конституция 1922 г. В отличие от Литвы и Эстонии, где принятие несоветской конституции проходило в рамках сильной конкуренции различных противоборствующих групп, в Латвии идея реставрации основного документа 1922 г. была принята спокойно.

Конституция существенно затрудняет для президента возможность распустить сейм, в постсоветский период единственным главой государства, кто сделал это, стал В. Затлерс в 2011 г. (до него – К. Улманис в 1934 г.). Президент Латвии избирается парламентом³⁵⁰ и им же может быть смещен (не менее 2/3 голосов). Хотя за последние десятилетия идеи о переходе на всенародные выборы президента обсуждались неоднократно, к их реализации так и не приблизились. Президент не входит в систему

³⁴⁹ Партии нередко пытаются закрепить за собой те или министерские портфели без привязки к персоналиям. Так, с 1992 г. по 2002 г. в Латвии МИД был «закреплен» за партией «Латвийский путь», в 2000-2008 гг. за социал-демократами Литвы – Минобороны, а с 2012 г. и по настоящее время – МИД.

³⁵⁰ Однопалатный парламент (саэйма) состоит из 100 депутатов, избираемых по 5 округам на 4 года (до 1998 г. – на 3 года) на пропорциональной основе.

исполнительной власти, не несет политической ответственности за свои действия, он наделен представительскими полномочиями в области международных отношений и обороны. Кабинет министров, являясь высшим органом исполнительной власти, подотчетен парламенту и может быть отправлен в отставку в случае выражения недоверия премьер-министру (президенту министров), который назначается на должность парламентом. Правом законодательной инициативы наделен президент, парламент (группы не менее депутатов 5) и правительство. Президент вправе выпускать указы, однако их надлежит согласовывать с премьер-министром или профильным министром. Президента Латвии избирает парламент: достаточно простого большинства – 51 голос из 100 (для смещения требуется 2/3 голосов).

В Литовской Республике действует Конституция 1992 г., которая является плодом борьбы между различными сегментами политической элиты. В основе противостояния лежали различные точки зрения на тот режим, который должен быть установлен – республика с сильной парламентской властью, влиянием сейма³⁵¹ (соответствующий проект, предложенный Демократической партией труда Литвы, был отклонен в силу коммунистического прошлого большинства ее членов), либо республика с сильной властью президента³⁵² (за это ратовало радикальное крыло «Саюдиса» во главе с В. Ландсбергисом). Идея сильной президентской власти в Литве была поддержана преимущественно «антикоммунистами», в то время как, например, в Польше и некоторых

³⁵¹ Однопалатный парламент (сейм) состоит из 141 депутата, избираемых на 4 года по смешанной системе: по одномандатным округам – 71 и по многомандатному – 70.

³⁵² Пост президента в Литве введен в октябре 1992 г. В соответствии с Конституцией, президентом может быть гражданин Литвы по происхождению, проживающий в течение не менее 3 последних лет в Литве, если ему до дня выборов исполнилось не менее 40 лет и если он может избираться членом сейма. Президент избирается гражданами Литвы на 5 лет на основании всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Президент не вправе быть членом сейма, занимать иные должности, после избрания обязан приостановить деятельность в партиях и политических организациях.

иных странах Восточной Европы подобные убеждения отстаивались в основном «старым» истеблишментом³⁵³. Попытка усиления претендовавшего на президентский пост В. Ландсбергиса (и рассматривавшего «Саюдис» как свою опору – «мессианскую партию национального интереса»³⁵⁴) была воспринята как авторитарная перспектива, возрождение «вождистских» традиций А. Смятоны³⁵⁵. Эти действия не нашли поддержки властных групп: был создан Форум будущего Литвы (среди его участников К. Прунскене, А. Юозайтис и др.), который основной своей задачей видел борьбу с «угрозой диктатуры Ландсбергиса».

Вариант Конституции, предусматривающий более мягкий институт президентства, был принят на референдуме в октябре 1992 г. Среди стран Прибалтики именно Литва в начале периода независимости лидировала по количеству сторонников «сильной руки» в руководстве страной: в 1996 г. 57% респондентов высказывались в поддержку этой идеи в Литве, 42% в Латвии и 34% в Эстонии, а 2008 г. их стало уже 40% в Литве, 25% в Эстонии и 57% в Латвии.

Сейму Литвы принадлежат значительные полномочия: назначение судей Конституционного, Верховного судов, выражение недоверия премьер-министру или президенту, утверждение либо отклонение правительственной программы и т.д. В свою очередь президент не вправе назначить дипломатических представителей без представления правительства, не может назначить и освободить от должности премьер-министра без одобрения сейма, не может назначить и освободить от должности министров без представления премьер-министра и т.д. Конституция Литвы зафиксировала такую модель распределения властных

³⁵³ *Geddes B.* Initiation of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America / in A. Lijphart & C.H. Waisman (eds.) *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America*. Boulder: Westview Press, 1996.

³⁵⁴ *Novagrockiene J.* Lietuvos partines sistemas raida // *Seimo rinkimai'96, treciasis «atmetimas»*. Sud. by A. Krupavicius. Tverme, 1998. p. 298 – 324.

³⁵⁵ *Senn A.* The Political culture of Independent Lithuania: a review essay // *Journal of Baltic Studies*. 1992. V. 23. № 3. P. 315-330; *Lieven A.* Op. cit. P. 68.

полномочий, при которой создается несколько центров власти, ни один из которых не обладает достаточным набором ресурсов для доминирования. Однако практика взаимодействий политических элит Литвы за истекшие десятилетия показала, что более точным было бы оценивать сложившийся порядок управления, учитывая роль всенародно избираемого главы государства, как полупрезидентский режим³⁵⁶.

Конституция, став итогом многочисленных элитных компромиссов, зафиксировала смешанную схему: важная роль сейма дополнена институтом всенародно избираемого президента. Президент обладает законодательной инициативой и правом вето, вносит на утверждение сейма кандидатуру премьер-министра и в целом в политической системе страны занимает скорее положение «над схваткой», нежели «в центре». Л. Талат-Келпша рассматривает институт президента в Литве через определение «Всё включено», поясняя: президент обладает некоторыми полномочиями в законодательной сфере, в исполнительной деятельности, а также взаимодействует с судебной системой, что не позволяет отнести его к какой-либо одной из ветвей власти³⁵⁷. Это дает возможность президенту выступать в роли балансира в системе политических сдержек и противовесов. Кроме того, в данном случае необходимо учитывать особенности политической культуры и национальной политической традиции: тот факт, что президент в Литве избирается всенародным голосованием, а не парламентом, как, например, в Латвии и Эстонии, предоставляет обладателю данной позиции преимущества перед остальными участниками политического процесса, но в то же время делает

³⁵⁶ В соответствии с определением М. Дюверже, режим может считать полупрезидентским, если в конституции страны присутствуют три элемента: (1) Президент избирается всеобщим голосованием, (2) Президент обладает значительными полномочиями; (3) исполнительной властью обладает Премьер-министр (и министры), который может оставаться на своем посту до тех пор, пока парламент не откажет ему в поддержке. Подробнее см.: *Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government // European Journal of Political Research. 1980. Vol. 8. P. 166.*

³⁵⁷ *Talat-Kelpsa L. The Political Decision Making: Division of Authority within Government / Lithuania from Transition to Convergence, Vilnius: Eugrimas, 1999. P. 462-481.*

позицию президента зависимой от персональной популярности ее обладателя. Массовая поддержка это один из наиболее ценных ресурсов для политических элит в борьбе за обладание большей властью. Так, опираясь именно на вес, авторитет всенародно избираемой президентской позиции, В. Адамкус в 1999 г. отправил в отставку премьер-министра Г. Вагнорюса, а Д. Грибаускайте³⁵⁸ в разные годы увольняла министров иностранных дел (В. Ушацкас), экономики (Б. Весайте), образования (Ю. Петраускаене) и пр., жестко конфликтовала с правительствами социал-демократа А. Буткявичюса и представителя «Союза крестьян и зеленых» С. Сквернялиса, принимала откровенно волюнтаристские кадровые решения вроде назначения генеральным прокурором обычного судьи Э. Пацилиса из Укмергского района и т.д. Впоследствии нескромное сравнение ее президентства «с эпохой Витаутаса Великого, возвышавшего Литву»³⁵⁹ вызовет у многих усмешку.

Столкнуться с процедурой импичмента пришлось президенту Литвы Р. Паксасу. В 2003–2004 гг. в результате политической кампании при участии Департамента государственной безопасности он был подвергнут процедуре импичмента и отрешен от должности. Впоследствии обвинения развалились в суде, в 2011 г. Р. Паксас выиграл дело в Европейском суде по правам человека, получил поддержку от Комитета ООН по правам человека, не раз становился депутатом Европарламента, но до сих пор претендовать на выборные должности в Литве ему запрещено. Это единственный случай импичмента президента в странах Прибалтики.

В Эстонии после обретения независимости борьба за новую Конституцию между конкурирующими политическими группами шла более полугода, на рассмотрении Конституционной ассамблеи (сформирована членами Верховного совета и Конгресса Эстонии) было 4 варианта

³⁵⁸ Л. Белинис отмечает ее особый стиль: игнорировала политические партии, тем самым укрепляла авторитарные тенденции и поощряла усиление олигархических кругов. Подробнее см.: *Bielinis L. Prezidentė*. Kaunas: Knygius, 2011.

³⁵⁹ *Ulbinaitė D. Nustokim krūpčiot. Prezidentė Dalia Grybauskaitė*. Vilnius: Tyto alba, 2019.

основного документа страны. Все варианты, в которых предусматривалась более-менее крепкая президентская власть, отклонены, в т.ч. проект полного восстановления конституции 1938 г. (в отличие от Литвы, где за усиление президентской власти боролась группа радикально настроенных националистов, в Эстонии идея крепкого президентства продвигалась экс-коммунистами). За основу взята версия заместителя председателя Конгресса Ю. Адамса (впоследствии возглавил министерство юстиции Эстонии), которая была одобрена на референдуме в 1992 г. и стала Конституцией Эстонии, поместив парламент в центр политической жизни страны.

Отсылки к конституции 1938 г. в итоговом документе все же имеются. Деятельность парламента, президента, правительства и судов осуществляется на основе принципа разделения и сбалансированности властей. Полномочия президента страны скромны, он не входит в систему исполнительной, законодательной и судебной власти, обладая преимущественно символическим, иногда даже церемониальным (как, например, при торжественном открытии первого заседания вновьизбранного парламента) статусом. За последние десятилетия неоднократно звучали предложения об объединении должности президента и премьер-министра в одну, но каждый раз от реализации этой идеи отказывались, опасаясь, что получится властная позиция, по сути, с диктаторскими полномочиями.

Президент избирается на 5 лет парламентом (рийгигогу³⁶⁰) или специальной коллегией выборщиков, представляющих все регионы страны. Лишь в 1992 г. выборы были всенародными – их проводили с условием, что если в первом туре ни один из кандидатов не получит более 50% голосов, то исход второго тура будет решаться в парламенте. Так и произошло: лидер первого тура А. Рюйтель (выходец из экс-номенклатуры, бывший председатель президиума Верховного совета Эстонской ССР) во втором

³⁶⁰ Однопалатный парламент состоит из 101 депутата, избираемых на 4 года по пропорциональной системе.

туре уступил стоявшему на националистической платформе писателю Л. Мери (в 1996 г. А. Рюйтель и Л. Мери вновь боролись за президентский пост, и Л. Мери снова во втором туре одержал победу. А. Рюйтель сумел возглавить страну лишь в 2001 г. и руководил ею до 2006 г.).

Президент представляет страну в международных отношениях, обладает правом вето (чаще всего им пользовался Л. Мери – более 40 раз, что в 4 раза чаще, чем к этому механизму обращался Т.Х. Ильвес), выдвигает кандидатуру премьер-министра, но это формальность, т.к. все решается на основании распределения сил в правящей коалиции. Премьер-министр, как правило, лидер правящей коалиции, его влияние в значительной степени обусловлено крепкостью позиций партии в рийгигогу. Парламент обладает значимыми полномочиями, не стесняясь пользоваться ими и на начальной стадии (в 1994 г. было выражено недоверие правительству М. Лаара и отправлено в отставку), и в наши дни (в 2016 г. в отставку подал в результате объявления недоверия премьер-министр Т. Рыйвас). Право законодательной инициативы у президента есть только по вопросам внесения изменений в конституцию, тогда как такое же право отдельных депутатов, фракций и комиссий парламента, а также правительства не ограничено.

Значительная роль парламентов, которая в соответствии с конституциями закреплена в политических системах Латвии, Литвы и Эстонии соответствует общей тенденции в рамках Восточной Европы. По оценкам А.Н. Медушевского, все посткоммунистические страны Восточной Европы приняли модель парламентской республики, в ряде случаев более или менее тяготеющую к смешанной (или полупрезидентской) системе, мотивируя это стремлением избежать установления авторитарных режимов, опирающихся на институт сильной президентской власти.³⁶¹

³⁶¹ Медушевский А.Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2015. № 3-4. С. С. 83-119.

После выхода из состава СССР страны Прибалтики оказались перед необходимостью формирования новой политической системы. С учетом кратко охарактеризованных выше конституционных рамок были намечены траектории последующего становления властных групп. Так, в Эстонии националистическая партия «Союз Отечества» (победившая на выборах в 1992 г.) была в первую очередь группой интеллектуалов и оказалась, по сути, отсечена от экономики и старых, еще номенклатурных связей советского режима. Напротив, первыми победителями в Латвии («Латвийский путь» и его предшественник «Клуб-21») были организации, которые образовали пространство для создания связки между бизнес-кругами и экс-номенклатурой. Схожие черты проявились в Литве, где Демократическая партия труда Литвы, созданная в основном выходцами из Компартии Литвы, вернулась к власти в 1992 г., реанимировав прежние связи, в т.ч. в рамках приватизации имущества.

Процесс структурно-функциональных изменений, через которые прошли властные группы стран Прибалтики, целесообразно рассмотреть более подробно, с разбивкой по основным структурообразующим сегментам («политики морали», экс-номенклатура, бизнес-круги и выходцы из зарубежных диаспор), увязав это с логикой «узловых моментов» политического процесса (не только имеющих внутривнутриполитическое значение – как ключевые электоральные циклы или импичмент главе государства, но и внешнеполитическое измерение - присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к Европейскому союзу и НАТО, в частности). Данной проблематике посвящена глава III.

Выводы

В главе II «Количественные и качественные инструменты изучения политических элит» проведен анализ основных методов, применяемых зарубежными и отечественными специалистами при изучении властных групп: рассмотрены позиционный, репутационный и десизионный подходы.

Рассмотрены возможности позиционной методики, ставящей анализ политических элит в зависимость от обладания конкретной позицией во властной иерархии. Ее целесообразно дополнить биографическим измерением. Анализ биографических данных представителей элит в рассматриваемый хронологический период позволит выявить закономерности в структурной динамике, межличностные пересечения, создающие условия для их политического сближения или, наоборот, противостояния.

В соответствии с позиционными критериями проанализированы данные 886 политических деятелей из Латвии (363), Литвы (252) и Эстонии (271): 53% - представители парламентов, 40% - представители правительств, 7% - президенты и их аппараты. Вводились специальные «фильтры» (не менее 1 года на министерской позиции, не менее 2 сроков в качестве депутата парламента и т.д.), позволяющие отсеять нерелевантных политических деятелей.

Проанализированы возможности репутационной оптики, ставящей анализ элит в зависимость от их репутации, влияния, выявляемых через оценочные суждения квалифицированных экспертов, она призвана дополнить «строгость» позиционного взгляда.

Опросы экспертов (ученых – политологов, социологов, международных историков, на регулярной основе изучающих различные аспекты участия властных групп в политической жизни страны), а также представителей СМИ (главных редакторов, а также обозревателей, в течение

длительного времени задействованных в информационно-аналитическом освещении деятельности властных групп) позволяют выявить нюансы, «схватить» специфику структурно-функциональных преобразований политической элиты и ее становления в динамике, осмыслить неформальное измерение внутриэлитного взаимодействия, которое при позиционном подходе остается за рамками рассмотрения.

Для разъяснения вопросов, имеющих принципиальное значение, использована техника глубинных интервью. Автором проведено 53 глубинных интервью, в т.ч. с 17 значимыми парламентариями Латвии, Литвы и Эстонии (удерживавшими депутатский мандат несколько электоральных циклов), с 8 бывшими министрами (обороны, экономики, иностранных дел, культуры, транспорта) и премьерскими советниками, с 3 бывшими председателями парламентов и премьер-министрами. Особый интерес представляют глубинные интервью с двумя бывшими президентами Латвии и Литвы – В. Затлерсом и В. Адамкусом.

Автором предложено сочетание количественного и качественного инструментария с опорой на десизионный подход, который ставит отнесение того или иного лица к элите в зависимость от реконструкции сложного, полиаспектного социального, историко-политического контекста при принятии властными группами решений, имевших важное государственное значение.

В странах Прибалтики к «узловым моментам» отнесены значимые внутривластные (разработка и внедрение концепции континуитета государственности в начале 1990-х гг., импичмент президента Литвы Р. Паксаса в 2003 г., «апрельский кризис» в Эстонии в связи с переносом «Бронзового солдата» в 2007 г., роспуск парламента Латвии президентом В. Затлерсом в 2011 г. и др.) и внешнеполитические (вступление стран Прибалтики в 2004 г. в ЕС и НАТО и др.) события.

Применение десизионного подхода соотнесено со спецификой реализации принципа конституционализма, т.е. организацией политической

системы общества в соответствии с Конституциями стран Прибалтики. Учет положений основных законов Латвии, Литвы и Эстонии направлен на определение институциональных рамок взаимодействия различных внутриэлитных групп (парламентских, правительственных, президентских).

Глава III. Структурная динамика властных групп Латвии, Литвы и Эстонии 3.1. «Политики морали»

После распада СССР Латвия, Литва и Эстония столкнулись с проблемой переструктурирования политических элит, появления новых источников и принципов отбора в верхние эшелоны власти. В переломное время конца 1980-х – начала 1990-х гг. на первый план выдвинулись так называемые «политики морали», т.е. представители интеллектуальных кругов, в основном гуманитарных. Деятели науки, культуры и искусства из эмоциональных уличных ораторов, пламенных трибунов и ярких лидеров оппозиции, стоявших на людных митингах и пикетах, выступавших с громкими воззваниями и яркими публикациями, сумели стать обладателями высоких властных кабинетов. Типология «политиков морали» разработана А. Бозоки (в прошлом министр культуры Венгрии):

«Профессионалы» (те, кто свой культурный капитал сумел успешно конвертировать в политический);

«Миссионеры» (те, кто к своей политической карьере подходил не прагматически, а рассматривал ее через призму служения обществу);

«Нерешительные» (те, кто колебался, не знал к какому лагерю примкнуть – к интеллектуалам или к политикам, теряя позиции там и тут);

«Отступники» (те, кто воспринял свое участие в политике как своего рода приключение, раздумал делать политическую карьеру и, отступив назад, быстро вернулся к прежним занятиям)³⁶².

«Политики морали» внесли значительный вклад в создание основ нового политического порядка. Находясь в статусе оппозиции, они выступали в роли субъекта, обладавшего значительным символическим капиталом – легитимным правом производить квалифицированные

³⁶²Bozoki A. Intellectuals and Democratization in Hungary / A New Europe? Social Change and Political Transformation / ed. C. Rootes, H. Davis. London: UCLPress, 1994. P. 149–175.

суждения относительно социально-политического устройства своих стран³⁶³. Они не были политической элитой изначально, но сумели, пусть и на короткое время, ею стать. В условиях кризиса позднесоветской политической системы «политики морали» - писатели, журналисты, ученые, музыканты и прочие люди творческих профессий, активно и регулярно вовлеченные в политическую жизнь - получили возможность воспользоваться всей полнотой доверия массовых групп, которые увидели в них альтернативу³⁶⁴ неустраивавшим номенклатурным деятелям, воспринимали их мнение как «голос правды» в атмосфере официоза.

Выделение «политиков морали» как особого сегмента стало результатом длительного «вызревания», накопления соответствующих амбиций у различных активных групп жителей прибалтийских республик. Так, в 1986 г. после катастрофы на Чернобыльской АЭС вопросы защиты окружающей среды приобрели существенное в политическом смысле значение. В странах Прибалтики «борьба за природу» стала рассматриваться как борьба за свободу, и не имело значения, проектов какого масштаба эта борьба касалась – добычи фосфоритов в ЭстССР, строительства ГЭС в Даугавпилсе, метро в Риге или третьего энергоблока Игналинской АЭС в ЛитССР. Ряд инструментов политической борьбы проходили обкатку в рамках природоохранных протестных акций: например, в сентябре 1988 г. дважды была организована живая цепь из тысяч людей³⁶⁵ – в первом случае по побережью Балтийского моря в знак защиты от загрязнений, а во втором случае вокруг Игналинской АЭС с

³⁶³ *Wasilewski J.* Three Elites of the Central-East European Democratization // *Transformative Paths in Central and Eastern Europe* / eds. R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski. Warsaw : Institute of Polish Studies, 2001. P. 133–142.

³⁶⁴ Народные фронты действовали в различных советских республиках: в Армении, Азербайджане, Белоруссии, Молдавии, на Украине появилось движение «Рух», в той или иной мере опираясь на националистические установки. Подробнее см.: *Медведев Р.* Советский Союз: последние годы жизни. М.: Изд-во «Время», 2016. 802 с.

³⁶⁵ Ставшая своего рода «брендом» прибалтийских «поющих революций» знаменитая «Балтийская цепь» от Таллина до Вильнюса длиной около 670 км была организована позже - 23 августа 1989 г. к 50-летию пакта Молотова-Риббентропа.

целью потребовать международной оценки ее безопасности. От экологии перешли и к политической проблематике: звучали требования большей самостоятельности, вывода советских войск, отставки конкретных руководителей Компартии и т.д.

Политика гласности, объявленная после XXVII съезда КПСС весной 1986 г., привела к появлению широких дискуссий на актуальные общественно-политические темы в печати прибалтийских республик. В частности, в Литве авторами полемических материалов в журналах «Литература и искусство», «Победа» выступали преимущественно интеллектуалы гуманитарного склада – писатели Ю. Марцинкявичюс, В. Гудайтис, В. Бубнис, В. Мартинкус и др.³⁶⁶

Активно муссировался вопрос национальной символики: от демонстраций в «дни памяти» (провозглашение независимости Латвии, Литвы и Эстонии в 1918 г. – 18 ноября, 16 февраля и 24 февраля соответственно и другие события) до требования вернуть прежние флаги. К концу 1988 г. удалось добиться от советских органов власти официального разрешения на использование довоенных флагов Литвы, Латвии и Эстонии.

В 1988 г. возобновил свою деятельность Балтийский ПЕН-центр (международная писательская организация) в Латвии, в мае 1989 г. был открыт ПЕН-центр в Литве. Были выпущены обращения в адрес руководства СССР, Восточной и Западной Германии с требованием осудить пакт Молотова-Риббентропа³⁶⁷. Скоро тезис о «разделе Европы двумя тоталитарными державами» был подхвачен и народными фронтами³⁶⁸.

Первые отделения Народного фронта Латвии открылись в зданиях, которые в Риге занимали Союз писателей и Союз художников – собственно, именно двухдневный пленум творческих союзов Латвии (архитекторов,

³⁶⁶ Подробнее см.: *Laurinavicius C. Lietuvos Istorija. Sajudis: nuo «Persitvarkymo» iki kovo 11-osios* / C. Laurinavicius, V. Sirutavicius. Vilnius : Baltoslankos, 2008.

³⁶⁷ *Renewal and Challenge: The Baltic States, 1988-1989* / U.S. Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, U.S. Government Printing Office, 1990. 120 p.

³⁶⁸ *Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. 1-2 октября 1988 г.* Таллинн: Периодика, 1989. 223 с.

кинематографистов, композиторов, художников, театральных деятелей, журналистов) в июне 1988 г. и предшествовал учреждению Народного фронта. Открыто прозвучали тезисы о том, что образование советского правительства в Латвии в 1940 г. это «результат военной оккупации» (журналист М. Вульфсон – к слову, ветеран войны и член КПСС с 1940 г.), теперь «Советское государство должно платить» (художница Д. Скулме), следовательно «нужна независимость» (писатель А. Бэлс)³⁶⁹ и пр.

В апреле 1988 г. члены правления Союза художников и Союза журналистов Эстонии опубликовали требования радикальных изменений, отмечая, что нарастающая политическая активность эстонцев – это первая осязаемая победа перестройки. Ставились вопросы десталинизации, введения избирательной реформы, экономической децентрализации и независимости для всех советских республик в решении вопросов их национальной культуры, образования и интеллектуальной жизни.

Весной 1989 г. эстонские союзы художников, писателей и архитекторов вышли из всесоюзных организаций. При кажущейся незначительности такого демарша (в Союзе художников СССР по состоянию на 1987 г. было 20,3 тыс. чел., а в эстонском – 535 чел.) следует учитывать контекст: Эстонский союз сопоставим с Азербайджанским (542 чел.) и значительно превышал Казахский (348 чел.), Молдавский (215 чел.), Таджикский (164 чел.), Туркменский (160 чел.) и Киргизский (114 чел.)³⁷⁰.

К моменту падения СССР в странах Прибалтики существовала полноценная сетевая структура - десятки значимых групп (хельсинкские комитеты, зеленые движения, христианские союзы, объединения за

³⁶⁹ А. Клауцен, в то время первый секретарь Рижского горкома Компартии, впоследствии вспоминал, что именно с подачи М. Вульфсона вопрос о «насильственном включении стран Прибалтики стал одним из главных». И он же отмечает, что впоследствии, когда в 2010 г. был издан сборник всех 69 выступлений, наиболее агрессивные речи оказались изрядно отредактированы. Подробнее см.: *Клауцен А.П.* Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания, свидетельства, размышления. М.: Свет, 2018. 424 с.

³⁷⁰ *Материалы* о работе правления Союза художников СССР, 1983 – 1987. М.: Изд-во «Советский художник», 1987. С. 7.

национальную независимость, общества охраны памятников старины и пр.³⁷¹), ведущие члены которых имели существенные амбиции по изменению тогдашнего политического порядка. Как и для ряда государств Восточной Европы после коллапса советского блока, для стран Прибалтики распространенной чертой явился феномен «политиков морали». В основном они сумели выдвинуться по линии Конгрессов (в Латвии и Эстонии), Народных фронтов (Латвии и Эстонии) и «Саюдиса» в Литве.

Новые формы политической активности граждан набирали силу, мобилизуя значительное количество местных жителей: так, Народный фронт Эстонии собрал на Певческом поле митинг в 300 тыс. чел., «Саюдис» в парке Вингис – 250 тыс. чел., Народный фронт в Межпарке в Риге (аккомпанировал Р. Паулс) – 120 тыс. чел. Происходившее в странах Прибалтики стали называть «поющими революциями» (авторство термина приписывается эстонскому художнику Х. Валку, активисту Народного фронта³⁷²). М. Портнягина утверждает, что песенная традиция, имеющая глубокие корни в культуре народов Латвии, Литвы и Эстонии использовалась для внедрения и укоренения идеи независимости, поскольку имела длительную непрерывную историю, обладала консолидирующей и приспособительной функцией: почти каждое

³⁷¹ Католическая церковь активно включилась в политическую работу. Так, в руководящих органах «Саюдиса» было 8 ксендзов, в республиках Партии христианских демократов требовали вывода «оккупационных войск». Католические традиции культивировались, несмотря на запрет, в советское время (через таких активистов церкви, как, например, В. Сладкявичюса, Н. Садунайте в Литве, Я. Пуятс в Латвии), приобретая статус диссидентских практик. Возведение в 1988 г. популярного в Литве В. Сладкявичюса в сан кардинала (первый литовский священнослужитель, получивший этот сан, за 400 лет) содействовало укреплению авторитета костёла. Именно кардинал Сладкявичюс благославлял активистов «Саюдиса» на их политическую деятельность. В Латвии в 2002 г. лютеранские священники Э. Екабсонс и Я. Шмитс, один из лидеров баптистов Латвии А. Баштикс учредили Латвийскую первую партию, которая входила в правящую коалицию, а они получили значимые посты в правительстве и парламенте. В Эстонии пастор И. Халласте был одним из самых известных националистических политиков, сооснователь Эстонского христианско-демократического союза, союзник премьер-министра М. Лаара, влиятельный депутат парламента.

³⁷² *Vogt H. Between Utopia and Disillusionment: A Narrative of the Political Transformation in Eastern Europe. New York. Oxford. Berghahn Books, 2005. 335 p.*

массовое мероприятие начиналось и заканчивалось хоровым пением, исполнялись не только гимны, с помощью песен выражали протест против депортаций 1940 г., против разработки фосфоритов в Эстонии, призывали к сопротивлению³⁷³.

Первым в Эстонии в 1988 г. Э. Сависаар, который через несколько лет возглавил Совет министров Эстонской ССР, предложил создать Народный фронт. В апреле состоялся двухдневный пленум творческих союзов, первым лидером фронта стала социолог М. Лауристин³⁷⁴ (впоследствии руководитель Социал-демократической партии и министр социального обеспечения). Среди активистов - театровед Я. Аллик (впоследствии министр культуры), доктор философии К. Халлик, экономист Т. Маде (впоследствии депутат Верховного совета, председатель комиссии Рийгикогу по экономике, создатель Партии предпринимателей и т.д.), писатель Л. Мери (впоследствии глава МИД и президент Эстонии) и др.

В Конгрессе граждан проявили себя деятели, стоявшие на националистических позициях – журналист Т. Веллисте (впоследствии глава МИД, затем представитель Эстонии при НАТО, депутат парламента, продвигал идею о признании эстонских пособников нацистов борцами за свободу), публицист Т. Келам (впоследствии вице-спикер парламента, депутат Европарламента, один из создателей националистической партии «Союз Отечества»), историк М. Лаар (впоследствии премьер-министр, министр обороны Эстонии, лидер националистической партии «Союз Отечества и Res Publica», известен русофобской позицией), историк Т.

³⁷³ Подробнее см.: *Портнягина М.Д.* Культурный национализм как один из методов борьбы за независимость: на примере Балтийских республик / Гражданский мир - гражданская война: осмысление и прогнозы / Материалы международной научной конференции / Под ред. В.М. Доброштан. 2018. С. 207-211.

³⁷⁴ Это не первый опыт политического действия – в 1980 г. было опубликовано «Письмо сорока»: обращение 40 эстонских интеллектуалов к советскому руководству в защиту эстонского языка и культурных ценностей. Среди подписантов есть и те, кто спустя десятилетие выдвинулся на лидерские позиции в Народном фронте и Конгрессе граждан Эстонии, проявил себя в качестве «политиков морали» – М. Лауристин, А. Таранд, П.-Э. Руммо, Я. Каплинский, П. Аимла и др. Одни заняли позиции в парламенте, другие стали министрами, а А. Таранд возглавил в 1994 г. правительство.

Лукас (впоследствии мэр Тарту, министр образования, министр культуры, член парламента), политолог Р. Таагепера³⁷⁵ (американец эстонского происхождения, кандидат в президенты в 1992 г.), пианист В. Румессен (депутат парламента, участник Конституционной ассамблеи), рок-музыкант А. Саар (активист кампании за снос «Бронзового солдата» в Таллине) и др.

Для Эстонии свойственно, что одновременно лидеры Народного фронта состояли и в Конгрессе граждан: Э. Сависаар, М. Лауристин, Т. Маде, Л. Мери и др. Конгресс настаивал на реализации принципа континуитета довоенной эстонской государственности, отрицал идею «нулевого» гражданства (для всех), Народный фронт в основном поддерживал концепцию «третьей республики» («первая» – в довоенное время, «вторая» – в советский период). Верх одержала позиция Конгресса.

По результатам выборов в Верховный совет Эстонской ССР 18 марта 1990 г. кандидаты от «Народного фронта» получили 43 места из 105. И уже 30 марта 1990 г. был заложен краеугольный камень в фундамент эстонской независимости: принято постановление о государственном статусе Эстонии, в основе которого как раз идея континуитета с довоенным периодом. Осенью 1991 г. из членов Верховного совета и Конгресса Эстонии была сформирована пронационалистическая Конституционная ассамблея, которая утвердила проект Конституции, основанной на Конституции 1938 г.

В Латвии Народный фронт был столь сконцентрирован на идее отмежевания от СССР, что «подстраховка» по линии Конгресса граждан почти не требовалась. С инициативой создания Народного фронта выступил председатель Союза писателей Латвии Я. Петерс (впоследствии посол в Российской Федерации). Первый председатель – филолог Д. Иванс, который

³⁷⁵ Р. Таагепера еще в 1971 г. разработал план культурной и политической трансформации Эстонии («Широкий план для малой нации: «Тридцать!» - по количеству лет, которые он отвел на перемены), предполагающий суверенитет, независимость в международных делах. При определенных условиях план планировалось расширить на Латвию и Литву. Подробнее см.: *Короткова М.В.* Американский план суверенизации Эстонской ССР (1971 г.) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время: Сборник научных трудов / Под ред. М.В. Белова. Нижний Новгород: ННГУ, 2009. С. 162-170.

обрел известность благодаря борьбе против строительства ГЭС в Даугавпилсе, впоследствии стал вице-спикером Верховного совета Латвии, возглавил Социал-демократическую рабочую партию, был долгие годы депутатом Рижской думы. Писатель А. Бэлс был избран депутатом Верховного совета, вошел в комиссию по науке и культуре; художница Д. Скулме – стала одним из инициаторов учреждения Народной партии; музыковед В. Крастиньш – посол в Словакии, Чехии, Норвегии, Финляндии, Турции, филолог Я. Юрканс – возглавил МИД Латвии, создал «Партию народного согласия», неоднократно был депутатом парламента, историк-искусствовед С.Калниете – возглавила МИД Латвии, была депутатом Европарламента, так же сложилась карьера и у кинорежиссера Р. Пикса, математик К. Шадурскис стал министром образования³⁷⁶ и депутатом Европарламента. Упомянутый журналист М. Вульфсон, который своими откровениями об «оккупации», по выражению тогдашнего первого секретаря ЦК Компартии Латвии Б. Пуго, «убил Латвию», был депутатом Верховного совета и дипломатом, пробовал вернуться в политику в 2000-е гг., но не смог - его обвинили в сотрудничестве с КГБ³⁷⁷. Зампредседателя Народного фронта, физик И. Годманис дважды возглавлял правительство Латвии, юрист Т. Юндзис – дважды возглавлял министерство обороны, правовед И. Бишер стал вице-премьером. Юрист Э. Левитс был также и членом Конгресса граждан Латвии, впоследствии он стал послом в Германии, Швеции, Венгрии, соучредителем партии «Латвийский путь», возглавил министерство юстиции, стал судьей суда Евросоюза, а в 2019 г. – президентом Латвии. Его коллега по «Народному фронту» юрист А. Тейкманис стал послом в Германии, в России, в США и возглавил канцелярию президента Э. Левитса.

³⁷⁶ В русскоязычной прессе Латвии нередко именуется как «черный Карлис», поскольку считается идеологом полного перевода образования в Латвии на латышский язык.

³⁷⁷ В конце 2010 гг. так же отозвались о других журналистах, вовлеченных в политику – О. Рубенисе, Я. Шипкевица, Э. Инкенса, которых называли «певцами Атмоды», обвинили в сотрудничестве с КГБ, опубликовав их оперативные учетные карточки.

По результатам выборов в Верховный совет Латвийской ССР 18 марта 1990 г. Народный фронт получил 2/3 мандатов. 4 мая 1990 г. была принята декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики (над ней работали упомянутые А. Тейкманис, Э. Левитс, И. Бишер и пр.) – как и в эстонском случае, на основе принципа преемственности с досоветской государственностью. Политическая система менялась радикально³⁷⁸.

В середине 1988 г. в Литве на собрании в здании Академии наук образован «Саюдис» как массовое объединение граждан в поддержку перестройки. Уже скоро «Саюдис» стал мощным каналом рекрутирования политической элиты постсоветской Литвы. Его становым хребтом оказались представители литовских академических и творческих кругов, те самые «политики морали», гуманитарная и техническая интеллигенция. В их числе философы А. Юозайтис (впоследствии советник премьер-министра), Р. Озолас (впоследствии неоднократно депутат парламента, возглавлял партию «Союз центра Литвы», заместитель председателя Совета министров), Б. Гензялис (впоследствии глава комитета парламента по науке), Б. Кузмицкас (впоследствии член сейма), историк М. Лукшене, писатели и поэты В. Петкявичюс (впоследствии глава комитета парламента по нацбезопасности), С. Гяда и Ю. Марцинкявичус, актер Р. Адомайтис, кинорежиссер А. Жебрюнас, профессор музыковедения В. Ландсбергис, журналист А. Чякуолис, писатель и переводчик В. Чяпайтис (впоследствии депутат Верховного совета), физик З. Вайшвила (впоследствии руководитель Департамента госбезопасности), экономисты К. Прунскене (впоследствии премьер-министр, министр экономики и лидер Литовской народной партии) и А. Медалинскас (впоследствии советник президента Литвы), архитектор и музыкант А. Каушпедас, архитекторы А. Насвитис

³⁷⁸ «Народный фронт в идеологическом плане фактически объединился с Конгрессом граждан и Движением за национальную независимость Латвии. А через пять месяцев Народный фронт поддержал политическую линию Конгресса граждан на строительство так называемой «латышской Латвии». Подробнее см.: *Гущин В.И.* Фундамент неправового государства. К юбилею Декларации независимости Латвии // *Стратегия России*. 2015. №5. С. 47-58.

(впоследствии министр строительства), А. Скучас и др. Первоначальные лозунги в поддержку перестройки быстро стихли, были выдвинуты требования суверенитета, собственного гражданства, а затем и отделения от СССР. Одновременно в республике действовала Лига свободы Литвы – радикальная общественная организация, стоявшая за резкий разрыв отношений с Москвой, на фоне которой «Саюдис» мог выглядеть более умеренной структурой (впоследствии Лига, «осколки» «Саюдиса» и ряд других националистических сил образовали партию «Союз Отечества - Консерваторы Литвы»).

Радикализация «Саюдиса» сопровождалась изменением соотношения сил в его руководстве: вначале в нем доминировала вильнюсская группа, с обширными связями и в партийной номенклатуре, и на Западе. Для них, уже имевших награды, звания, материальные блага, участие в «Саюдисе» не играло такой важной роли с точки зрения карьерных перспектив, как для выходцев из Каунаса. Каунасцы же (в основном представители «низовой» технической интеллигенции), более радикальные и ориентированные на досоветское прошлое, укрепили свои позиции настолько, что это стало очевидно уже на учредительном собрании движения в октябре 1988 г.³⁷⁹

По результатам выборов в Верховный совет Литовской ССР в феврале 1990 г. кандидаты, поддержанные «Саюдисом», получили 2/3 мандатов. И в марте 1990 г. большинством голосов был принят акт «О восстановлении независимого литовского государства», опирающийся на идею континуитета довоенной государственности.

После распада СССР принятие таких документов поставило Латвию, Литву и Эстонию особняком в рамках постсоветского пространства. В международно-правовом смысле их модель образования государства не соответствовала ни российской (продолжатель СССР и существовавших до него РСФСР и Российской империи), ни постсоветских стран, созданных

³⁷⁹ Фурман Е. Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М.: Либроком, 2009. С.54.

«заново»³⁸⁰. Анализ юридической корректности случившегося (а возражения со стороны отечественных и зарубежных, в т.ч. из стран Прибалтики, специалистов по поводу «юридической фикции» имеются³⁸¹) выходит за рамки исследования. Указанный вопрос квалифицируется с политической точки зрения – как принятое с подачи конкретных властных групп решение, которое оказало определяющее влияние на последующую внутри- и внешнеполитическую жизнь стран Прибалтики.

По образному выражению М.-П. Шауляускаса, лидерами постсоветских изменений стали не профессиональные политики, а критически настроенные интеллектуалы. «Кажется, будто посткоммунистическая революция была осуществлена не потому, что она полезна тем, кто ее делал, а скорее, для получения творческой радости и даже соответствующего эстетического удовольствия», – писал М.-П. Шауляускас³⁸², предлагая «гуманитарное» прочтение идеи Д. Норта, согласно которой институты далеко не всегда создаются ради социальной эффективности, но чаще для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил.

Ярким примером «политиков морали» может служить один из лидеров «Саюдиса», музыковед В. Ландсбергис. Политический багаж он создавал на символическом капитале, основывая свои действия на обращении к довоенной истории Литвы, отстаивании фундаментальной для политической системы Литвы роли тезиса о «возвращении на Запад» и восприятии России через призму потенциальной угрозы. С подачи В. Ландсбергиса, претендовавшего на статус «отца нации», инициировано

³⁸⁰ Шебанова Н.А. Международные обязательства и активы бывшего СССР: проблемы раздела и итоговое решение // *Международное право*. 2013. № 3. С. 88 - 166.

³⁸¹ Например, см.: *Mullerson R. New Developments in the Former USSR and Yugoslavia // Journal of International Law*. 1993. Vol. 33. No. 2. P.299-315; *Gray C. Self-Determination and the Breakup of the Soviet Union // Yearbook of European Law*. 1992. Vol. 12. P. 465-503; *Черниченко С.В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь*. 2004. № 7-8. С. 212- 225.

³⁸² *Saulauskas M.-P. Postkomunistinės revoliucijos želmenys: į postmodernią Lietuvą? // Sociologija. Mintis ir veiksmai*. 1998. No. 1. P. 91.

рассмотрение ряда чувствительных для России и Литвы (и в целом стран Прибалтики) проблем³⁸³. Актуализированные «политиками морали» темы отношения к советскому периоду истории стран Прибалтики, к «оккупации», к России в целом до сих пор относятся к числу вопросов, отрицательно сказывающихся на российско-прибалтийских отношениях³⁸⁴.

Вместе с тем «политики морали» имели недостаточно опыта в «технических» вопросах государственного управления, воспринимавшегося ими как «бюрократическая рутина»³⁸⁵. Выполнив «миссию» по свержению режима, сформировав опоры для нового порядка, они (за редким исключением) не нашли себе места в условиях становящейся все более ординарной повестки дня. Кроме того, та редкая, даже уникальная роль, которую они могли играть в начальный постсоветский период – возможность оппонировать властям, имея особое мнение, – теперь перестала быть эксклюзивным ресурсом и стала доступна не только избранным³⁸⁶.

³⁸³ В вопросе реализации идеи континуитета он был, судя по оценкам современников, настроен решительно, предлагая «восстановление суверенитета волевым актом с нашей стороны», что означало «официальное провозглашение независимости, даже если на самом деле мы ее не имеем». Цит. по: *Senn A. The Political culture of Independent Lithuania: a review essay // Journal of Baltic Studies. 1992. V. 23. No. 3. P. 309.* Эта оговорка «даже если на самом деле мы ее не имеем» обращает на себя внимание в контексте фразы одной из создателей латвийского Народного фронта С. Калниете (впоследствии глава МИД Латвии, стоит на националистических позициях), которая признала, что декларация о независимости Латвии ни в глазах Москвы, ни многих стран Запада «не была легальным документом». Подробнее см.: *Калниете С. Начало Народного фронта и единение движений за независимость / Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте / Сост. Шкапарс Я. Рига, 2006. С. 170.*

³⁸⁴ *Смирнов В.А. Формирование политической элиты Литвы на рубеже 1980-х – 1990-х гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. № 4 (10). С. 18–32.*

³⁸⁵ См., напр.: *Фурман Е. Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М. : Либроком, 2009. С. 90; Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. NewHaven ; London : Yale University Press, 1994. P. 68.*

³⁸⁶ *А.В. Дука* обозначал это как «эффект второго эшелона». Хотя его публикация, датированная первой половиной 1990-х гг., и посвящена трансформации местных элит в России, однако заслуживает внимания и в контексте данного исследования. А.В. Дука, анализируя карьерные траектории лидеров протестного движения в первые постсоветские годы, указывает, что в ходе последовавшей институционализации побеждали «не лучшие, а люди второго эшелона». Он объяснял это тем, что вокруг ярких личностей (а «политики морали», безусловно, именно такими и были) всегда разгоралась борьба, которая не позволяла им в итоге подняться на политический Олимп. По его образному выражению, «звезды» гасили друг друга». Подробнее см.:

Для тех, кто стоял во главе прибалтийских «политиков морали», прошлое, старый досоветский государственный опыт, прежние правила оказались желаемым будущим, целью, которую они, учитывая новые внутренние и внешние условия, стремились достичь. И зачастую в стремлении совершить «переделку» современности по прежним образцам они действовали слишком категорично, пренебрегая ключевым для политического деятеля качеством – умением достигать компромисс.

В последующий период политической жизни Латвии, Литвы и Эстонии, на этапе формирования коалиций «политики морали», которые выступили «певцами поющей революции» на заре независимости и в ее первые годы, очень быстро, как показали парламентские выборы в Литве и Эстонии в 1992 г., в Латвии в 1993 г., лишились «голоса» и были вытеснены или решили сами отойти на обочину политической жизни³⁸⁷.

Как считает А. Самалавичюс, частично они могут винить себя за то, что проиграли соревнование за право контроля над политическими рычагами: «В то время как приоритеты общества стремительно изменялись, они продолжали рассуждать на устаревшем языке “поющей революции”. В итоге интеллектуалы вернулись в свою профессиональную и академическую среду, отстранившись от гражданских инициатив, иногда открыто демонстрируя свое отвращение к политической активности»³⁸⁸.

Недостаток административного опыта и потеря своей структурной роли в значительной степени подорвали впоследствии право этой группы

Дука А. В. Трансформация местных элит. Институционализация общественных движений: от протеста к участию // Мир России. 1995. № 2. С. 106–117.

³⁸⁷ Философа А. Юозайтиса, который был одним из лидеров «Саюдиса», называют литовским Сократом – в том смысле, что он так и не присоединился к госвласти, но всегда обсуждал и критиковал ее действия, оказывая на нее политическое влияние. Подробнее см.: *Lithuanian Philosophy: Persons and Ideas* / ed. by *Baranova J.* Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2000. P. 10. Известный композитор Р. Паулс до 1993 г. руководил министерством культуры Латвии, был депутатом парламента и претендовал на президентский пост, но после от политики отказался.

³⁸⁸ *Samalavicius A.* Amorphous Society or Entering the Epoch of «Mature Postcommunism» // *Kulturos barai*. 2007. No. 1. P. 3.

претендовать на политическую власть³⁸⁹. Если в 1990 г. среди парламентариев Литвы насчитывалось 33,1 % преподавателей и профессоров, а также 10,5 % журналистов и писателей, то к 2004 г. их количество сократилось до 12,1 и 2,1 % соответственно³⁹⁰. Подобные изменения претерпевали Латвия и Эстония, а также ряд стран Восточной Европы, где к концу 1990 гг. каждый десятый член парламента был выходцем из академической среды, хотя в начале перемен их было вдвое больше. По оценкам М. Эдингера, профессионализация и сопутствующий ей рост закрытости элит стали общей тенденцией в постсоветский период³⁹¹.

Полученные в ходе исследования данные показывают, что говорить о снижении численности представителей сферы образования, науки, культуры и искусства в структуре литовских, латвийских и эстонских политических элит, преждевременно. Во всех электоральных циклах их доля в общей численности властных групп существенна, что отражено на рис. 3.

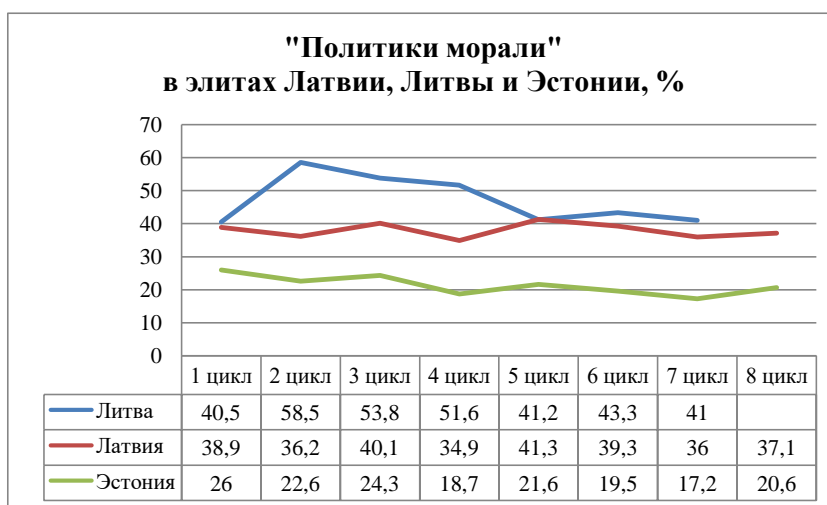

Рис. 3. «Политики морали» в элитах Латвии, Литвы и Эстонии
(расчеты автора).

³⁸⁹ *Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven ; London : Yale University Press, 1994.*

³⁹⁰ *Matonyte, I. (Liberal) Mass Media and the (Multi)party System in Post-communist Lithuania // Central European Journal of Communication. 2008. Vol. 1, No. 1. P. 125.*

³⁹¹ *ЭдINGER, М. Указ. соч.*

Не отрицая точку зрения о выходе «политиков морали» из активной политической деятельности, необходимо сделать принципиальное уточнение: интеллектуальное сообщество со временем перестало быть каналом рекрутирования именно политиков, превратившись в «поставщика» «ремесленников» (высокопрофессиональных экспертов, аналитиков, ученых), а иногда шоуменов и популистов, но уже не тех ярких лидеров, «трибунов», как это было в первые годы³⁹². Люди с высоким уровнем образования, с опытом работы на руководящих должностях в академических учреждениях по-прежнему востребованы, однако уже не в роли тех, кто способен указать путь, которому должно следовать общество. Поэтому называть нынешнее поколение выходцев из сферы науки и культуры «политиками морали» в том смысле, какой вкладывался в это определение в начале 1990-х гг., конечно, нельзя. Иначе говоря, хотя их количество еще довольно внушительно, однако качество совершенно иное.

«Политикам морали» больше близка представительная ветвь власти, нежели исполнительная. В этом смысле Европарламент, выборы в который стали доступны странам Прибалтики после вступления в ЕС в 2004 г., на некоторое время позволил выйти «политикам морали» из политического забвения. В разные электоральные периоды это характерно для всех стран Прибалтики, в большей степени – для Латвии, где количество «политиков морали» среди депутатов Европарламента доходило до 2/3 (в 2004 - 2009 гг. Латвию представляли, в частности, упоминавшиеся Р. Пикс, И. Вайдере, Р. Зиле, Г.В. Кристовскис; в 2009 - 2014 гг. – И. Вайдере, И. Годманис, Р. Зиле, С. Калниете, К. Шадурскис). В случае Литвы и Эстонии могут быть названы Л. Донскис, Р. Павилионис, В. Ландсбергис, Т. Келам, И. Грязин и др.

³⁹² «Заметны перемены в парламенте: сегодня привычной стала практика в депутатских креслах видеть актеров, композиторов, спортсменов, присутствие которых плохо способствует законодательной работе парламента, исчезли яркие политические ораторы, в обществе уже не редки сомнения в интеллектуальном потенциале парламенте», Подробнее см.: *Креслиньш У.* Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // *Acta humanitarica universitatis Saulensis.* 2008. Т. 7. С. 35-43.

Идеи, составившие ключевые основания политического режима Латвии, Литвы и Эстонии (в первую очередь – концепция континуитета), были предложены элитой начала 1990 гг. Кроме того, на том же этапе был заложен еще один краеугольный камень – широкое укоренение получили идеи этнонационального господства, в котором есть место только одной этнической группе, что в Латвии и Эстонии привело к поражению в правах солидной части общества («неграждане» в основном русскоязычные), а в Литве к длительному тлеющему конфликту с польским меньшинством³⁹³.

Элиты переломного периода свергли старый режим, видя в этом свою главную задачу и выступив в роли агента мобилизации ключевого на тот момент требования – демонтажа коммунистического режима. По мере стабилизации обстановки, достижения общественного равновесия запросы и требования, которые существовали на «входе» политической системы, менялись, однако «политики морали» продолжали предлагать все те же решения «на выходе». Многие из них, даже переместившись в высокие кабинеты, по-прежнему, образно говоря, воспринимали их как баррикады.

Пример «политиков морали» - своего рода иллюстрация четырехфазной стэнфордской модели кризисов развития, согласно которой каждая фаза обладает набором определенных присущих ей составляющих. Агенты мобилизации требований, ускорители кризиса соответствуют фазе изменения среды и функционирования системы. В дальнейшем возникает запрос на тех, кто должен бороться за сохранение, упрочение, развитие новых правил в рамках формирования коалиций, реализации новых политических приоритетов и перераспределения ресурсов. И здесь более значимые качества политического выживания продемонстрировали представители прежней, «старой» власти – экс-номенклатура.

³⁹³ *Ерёмина Н.* Проблема интерпретации понятий нации и самоопределения в начале XX и в начале XXI в. на примере стран Прибалтики / Прибалтийские исследования в России. 2017-2018 / Сост. Межевич Н.М. М.: Русская книга, 2018. С. 149-161.

3.2. Экс-номенклатура

Представители прежних властных групп, экс-номенклатуры³⁹⁴, несмотря на принадлежность к демонтированному режиму, обладали ценнейшим ресурсом, которого не имели «политики морали»³⁹⁵, – у них был административный опыт, наработанные управленческие связи. В советское время руководящие группы Латвии, Литвы и Эстонии функционировали в рамках системы элитного рекрутирования, в которой членство в Компартии служило обязательным условием продвижения по ступеням номенклатурной карьерной лестницы.

Уже в новых условиях политические деятели, имеющие коммунистический партийный бэкграунд, длительное время сохраняли

³⁹⁴ Номенклатура – перечень ключевых должностей, назначение на которые (на основе принципа пирамидальной, суживающейся иерархии) невозможно без согласования с руководящими партийными органами, что соответствует закрытому типу элитного рекрутирования. Материальная основа существования – государственная собственность на средства производства. Номенклатура определяется как особая партийно-бюрократическая прослойка, «новый класс» (М. Джилас), «сердцевина системы» (М. Восленский). Подробнее см.: *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Советская Россия ; Октябрь, 1991; *Джилас М.* Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк : Фредерик А. Прегер, 1957.

³⁹⁵ Применительно к начальному периоду обретения странами Прибалтики независимости, которому была присуща высокая динамика изменений, было бы некорректно говорить о четкости границ структурных групп. Члены Компартии были и среди так называемых «политиков морали». Однако их членство в партии следует рассматривать не как отражение карьерных интенций, а, скорее, как стремление сохранить возможность легально заниматься любимым делом в рамках, например, академического сообщества. Примерами подобной перекрестной принадлежности к разным структурным группам могут служить профессор Р. Озолас (вице-премьер Литвы в 1990–1991 гг., заместитель председателя сейма Литвы в 1996–1999 гг.) и профессор Б. Гензялис, которые стояли у истоков создания «Саюдиса». Об Озоласе «Огонек» в 1989 г. написал: «Как политик он вышел из философии», а сам Озолас так вспоминал свою роль и роль своих коллег в первые дни и месяцы формирования «Саюдиса»: «Академия [наук] была центром идей, центром подготовки новой конституции. Молодые люди из Академии... метались по городу, разыскивая таких старых, как я, как Прунскене, Гензялис и Вилкас, и вот мы взялись, с осторожностью, разумно» (*Чугунова Н.* Каждый свое прозрение переживает особо // *Огонек.* 1989. № 50). В свою очередь Б. Гензялис писал, что в Компартию вступил, т.к. верил: если в ней «будут люди, готовые служить своему краю, имперские силы исчезнут. <...> В рядах партии мы все делали ради блага культуры. Не стремились к постам, привилегиям, поэтому я не был делегатом конференций или съездов» (*Гензялис Б.* Путь к «Саюдису» // *Лиетувос Ритас.* 1990. 3 февраля).

существенное присутствие в органах государственной власти, что показано на примере состава парламентов трех стран Прибалтики (табл. 4).

«Коммунистический истеблишмент советских республик тщательно отбирался исходя из партийной лояльности. Местные элиты балтийских республик активно строили свою карьеру в советской системе номенклатуры», – писал норвежский исследователь А. Стин³⁹⁶.

Он приводит два аргумента, объясняющих, почему представители «старого» режима оказались востребованы в постсоветских условиях в странах Прибалтики. Во-первых, А. Стин говорит о «функциональных потребностях государства» – что бы ни происходило, его определенные (жизненно важные) функции должны быть продолжены и после изменения режима, а выполнять их лучше всего могут люди с соответствующим опытом и компетентностью. Во-вторых, непрерывность элиты он объяснял с точки зрения того, что многие из ее представителей обладали ценными коммуникативными ресурсами (полезной информацией, сетевыми связями), благодаря чему и сумели адаптироваться, выжить в новых условиях.

В Литве после парламентских выборов 1992 г. (большинство взяла Демократическая партия труда во главе с экс-лидером Компартии Литвы А. Бразаускасом) в политической элите 58 % составляли выходцы из Компартии или комсомола. В Латвии и Эстонии в начале 1990-х гг. этот показатель был выше – 75 и 73 % соответственно. Значительная часть элиты после смены режима рекрутирована из бывших членов Коммунистической партии, подтверждая тезис Дж. Хигли и М. Догана о том, что новая элита не может быть создана *ex nihilo*³⁹⁷. И. Матоните утверждала, что страны Прибалтики не только унаследовали «искривления» советской социальной системы, но и самих коммунистов *in persona*³⁹⁸.

³⁹⁶ Steen A. The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // Scandinavian Political Studies. 1997. Vol. 20, No. 1. P. 95–96.

³⁹⁷ Elites, Crises, and the Origins of Regimes / eds. M. Dogan, J. Higley. Lanham : Rowman and Littlefield, 1998.

³⁹⁸ Matonyte I. Posovietinio elito labirintai. Vilnius : Knygai, 2001. P. 146.

Говоря о том, кто именно сумел сохраниться в новых политических условиях, необходимо отметить, что оставшиеся в политике экс-коммунисты далеко не всегда в номенклатуре советского периода занимали ключевые позиции (упомянутый А. Бразаускас, скорее, исключение, чем правило). Во многих случаях на смену «первым секретарям» пришли «инструкторы» – амбициозное молодое поколение, которое совершило первые шаги в советской системе иерархии в позднесоветский период, а в новых условиях увидело возможность улучшить свое положение путем подчеркивания ценности независимого национального государства³⁹⁹. Динамика структурных изменений по парламентским электоральным циклам показывает, что в странах Прибалтики доля выходцев из номенклатуры, хотя и оставаясь существенной (особенно это касается Латвии), постепенно снижается (рис. 4).

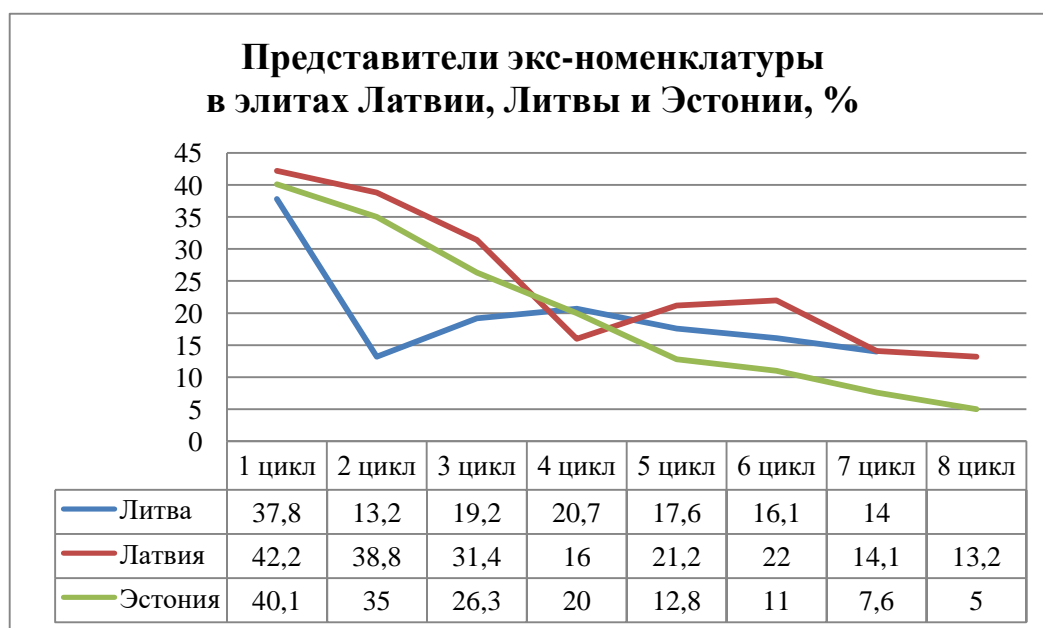

Рис. 4. Представители экс-номенклатуры
в элитах Латвии, Литвы и Эстонии (расчеты автора).

³⁹⁹ К. Антанайтис говорит о сложности или даже невозможности установить персональную принадлежность того или иного политического деятеля Литвы начального периода независимости, т.к. значительные архивные данные утрачены. По его оценкам, представителей экс-номенклатуры составляло до 50 % в элите Литвы первых лет независимости. Подробнее см.: *Antanaitis K. Nomenklaturų transformacijos Lietuvoje 1988–1992 metais // Darbai ir dienos. 2008. No. 49. P. 92.*

В Литве выходцы из партийной номенклатуры могли найти возможности для продолжения карьеры в основном через Демократическую партию труда (А. Бразаускас), Партию труда (В. Успаских), «Порядок и справедливость» (Р. Паксас). Впоследствии ДПТЛ в результате слияния с Социал-демократической партией (считалась «исторической», преемником одноименной партии досоветской Литвы) преобразовалась в Социал-демократическую партию Литвы. Их основным оппонентом было радикальное крыло «Саюдиса», объединившиеся под руководством В. Ландсбергиса в «Союз Отечества (Литовские консерваторы)». Длительное время политическую жизнь страны определяла внутриэлитная борьба экс-коммунистов / антикоммунистов (социал-демократов / консерваторов), противостояние А. Бразаускаса и В. Ландсбергиса.

Наибольшего влияния политические деятели, имевшие опыт членства в Коммунистической партии Литвы, добивались в 1992 – 1996 гг. (когда, по сути, сменили «политиков морали» из «Саюдиса»), в 2000 – 2004 гг. и в период, когда А. Бразаускас занимал высшие государственные должности – президента (1993 – 1998 гг.), премьер-министра (2001 – 2006 гг.). В Литве в 1996 – 2000 гг. «экс-номенклатура» была представлена преимущественно депутатами сейма (парламент неоднократно возглавлял Ч. Юршенас, экс-завсектором прессы ЦК КПЛ), а в 2000 – 2004 гг. – членами кабинета министров (премьер-министр А. Бразаускас, министр по европейским делам А. Валионис, министр обороны Л. Линкявичюс, министр финансов А. Буткявичюс, министр здравоохранения Ю. Олекас, советник премьер-министра А. Вапшис и др.). В 2004 – 2008 гг. бывшие члены Коммунистической партии также занимали значимые посты – назовем премьер-министра Г. Киркиласа, председателя сейма В. Мунтянаса, министров К. Прунскене, В. Навицкаса, П. Багушку, Ю. Олекаса, А. Буткявичюса, З. Бальчитиса. В 2012 – 2016 гг. правительством руководил бывший член КПЛ, который в одном из районов Литвы в советское время отвечал за строительство – А.

Буткявичюс. Сподвижником А. Бразаускаса был второй секретарь ЦК Компартии, подписант Акта независимости Литвы В. Березовас, впоследствии он стал зампредела Демократической партии труда. К настоящему времени количество выходцев из Компартии уже не столь значимо, как на начальном этапе, наиболее стойкие остались в основном в парламенте. В то же время такие политики с советским прошлым, как президент (2009 - 2019 гг.) Д. Грибаускайте⁴⁰⁰ или министр иностранных дел (с 2012 г.) Л. Линкявичюс удерживают свои посты в течение многих лет.

К концу 2000-х гг. раскол «экс-коммунисты / антикоммунисты» трансформировался, «водораздел» между властными группами стал больше проходить по вопросу отношений с Россией в целом. Если наследники «Саюдиса» (консерваторы и их союзники либералы) традиционно выступали с радикальных, подчас русофобских позиций, то «экс-номенклатурные» социал-демократы, трудовики, ряд более мелких объединений пытались продвигать прагматичные установки, напоминая о ценности двустороннего сотрудничества. Однако неизбежно такие попытки наталкивались на «красные линии», проведенные еще «политиками морали» - на идеи сохранения, защиты досоветской государственности как высшей ценности. Показательна история социал-демократа Б. Брадаускаса, который пытался снять с показа в рамках конференции в Вильнюсе в 2013 г. документальную ленту о событиях переломных лет – в ней говорилось о важнейших заслугах В. Ландсбергиса⁴⁰¹, а о А. Бразаускасе (к тому времени уже умер) не было ни слова. Развернулся политико-медийный скандал. Историю пишут победители⁴⁰² – в подтверждение этого тезиса социал-

⁴⁰⁰ Л. Белинис характеризует ее как «евробюрократа советской номенклатурной школы». Подробнее см: *Bielinis L. Prezidentė. Antra knyga. Kaunas: Knygius, 2013, 111 p.*

⁴⁰¹ В 2015 г. В. Ландсбергис выпустил книгу «Вина и покаяние», в которой рассказывает о своей центральной роли в обретении независимости Литвы, не скрывая, что был нацелен на провокационный тон в диалоге с Москвой, на конфликт. Подробнее см.: *Landsbergis V. Guilt and Atonement: the Story of 13 January. Vilnius : Jungtines spaudos paslaugos, 2015. 380 p.*

⁴⁰² Р. Янутене изучила феномен «Ландсбергис это Литва», цель которого – отождествить обретение независимости Литвы с личностью одного человека: В.

демократам под давлением СМИ, консерваторов, националистической общественности пришлось отмежеваться от действий своего партийца. Фильм был показан так, как задумывалось – без упоминания о А. Бразаускасе. К настоящему времени этот раскол почти исчез, по вопросу отношения к России социал-демократы почти не отличаются от консерваторов⁴⁰³. Последние, однако, продолжают давление, ведя дело к признанию оппонентов наследниками «преступной организации», ответственной за «геноцид литовского народа»⁴⁰⁴.

Процессы, происходившие в Компартии Латвии, имели общий для стран Прибалтики характер: раскол, одни поддерживали Народный фронт, другие выступали против, вливаясь в работу организации-оппонента – Интерфронта⁴⁰⁵, впоследствии запрет партии, попытки найти себя в новых политических реалиях. Но траектории у всех свои. В 2010 г. первый секретарь ЦК Компартии Латвии Я. Вагрис (после 1991 г. от публичной политической жизни воздерживался) получил высшую государственную награду – «Орден Трех Звезд» за заслуги в деле завоевания независимости Латвийской Республики. Для его бывших однопартийцев это стало сенсацией: выяснилось, что коммунист Вагрис делился ценными сведениями с латышскими группами, добивавшимися независимости – «оперативно сообщал важную информацию, помогавшую руководству

Ландсбергиса. Подробнее см.: *Janutiene R. Dinastija. Landsbergiu isgyvenimo istorija. Vilnius: Nataiva, 2014. 312 p.*

⁴⁰³ Мемуары депутата В. Петкявичюса указывают, что произошло это еще в 1990-х гг.: «А. Бразаускас... нашелся как ответить: «Я не вижу существенной разницы между ДПТЛ и консерваторами». В этом он прав, поскольку в Литве правит одна партия – жуликов, имеющая множество названий». Подробнее см.: *Петкявичюс В.К. Корабль дураков. Галерея политических портретов и шаржей. Кд.: Янтарный сказ, 2004. 312 с.*

⁴⁰⁴ С такой законодательной инициативой в 2018 г. в Литве выступали несколько националистически настроенных депутатов парламента.

⁴⁰⁵ Интернациональный фронт трудящихся ЛатССР учрежден в январе 1989 г., объединял в основном русскую техническую интеллигенцию. Народный фронт отверг предложение Интерфронта о сотрудничестве как «направленное против прав латышской нации». «Где Интерфронт? Кажется, что его нет. Но он никуда не исчез. Осталось идеологическое противостояние. И это на долгие десятилетия». *В. Затлерс, личное интервью, 26 октября 2012 г., Рига.*

принимать необходимые меры»⁴⁰⁶. Его преемник на посту первого секретаря ЦК А. Рубикс вместо ордена в новое время получил 6 лет в тюрьме «за попытку государственного переворота»⁴⁰⁷, затем возглавил Социалистическую партию Латвии, был депутатом Европарламента. Председатель президиума Верховного совета Латвийской ССР А. Горбунов, активно поддержавший Народный фронт, влился в политическую жизнь постсоветской Латвии: в 1990 – 1993 гг. – глава государства, в 1993 – 1995 гг. – председатель парламента, один из основателей партии «Латвийский путь», впоследствии – министр регионального развития, министр транспорта и министр экономики. Для столь системной карьеры требовалось полностью отречься от старых принципов и принять приоритеты новой власти, его современники свидетельствуют: так и было⁴⁰⁸. Секретарь Рижского горкома партии по идеологии И. Даудиш стал послом в России.

В Латвии до конца 1990 гг. «экс-номенклатура» составляла до 40 % состава политических элит: помимо упомянутых, нужно отметить президента Г. Улманиса (член КПСС, работал в Рижском горисполкоме), премьер-министров В. Биркавса и А. Берзиньша, министра внутренних дел и неоднократно члена сейма Я. Адамсонса, министра культуры С. Элерте⁴⁰⁹, советницу президента и евродепутата И. Вайдере⁴¹⁰ (все члены

⁴⁰⁶ *Клауцен А.П.* Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания, свидетельства, размышления. М.: Свет, 2018. С. 135.

⁴⁰⁷ М. Бурокавичюс, литовский коллега А. Рубикса, первый секретарь Компартии Литвы на платформе КПСС, получил вдвое больше – 12 лет лишения свободы и тоже «за попытку госпереворота». Вместе с ним за решетку были отправлены и другие лидеры Компартии – Ю. Ермалавичюс, Ю. Куолялис. Защитить себя в судах не смогли.

⁴⁰⁸ «Я неплохо знал Горбунова... Все предложения, выдвинутые радикалами-националистами, в корне изменившие политическое лицо республики, расколовшие общество и поставившее огромное количество жителей Латвии вне гражданства, им были поддержаны». Подробнее см.: *Клауцен А.П.* Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания, свидетельства, размышления. М.: Свет, 2018. С. 135.

⁴⁰⁹ Из характеристики С. Элерте, активной участницы комсомольского Клуба творческой молодежи ЛатССР: «Статьям тов. Элерте присуща новизна суждений, своеобразность стиля и подхода к затрагиваемым проблемам, способность освещать и анализировать данную тему в контексте культурной и социальной жизни республики, а

КПСС) и многих иных. Значительная часть этих политиков сохранила свои властные позиции и в 2000 гг., в основном - в парламенте.

Многие закрепились благодаря своим уникальным управленческим навыкам, как их интерпретировал А. Стин. Однако представляется, что не менее важным был и другой навык – умение быстро и основательно «перестроиться», отречься от прежних установок, на деле доказав (причем неоднократно) в новых условиях свою лояльность. Выходцы из Компартии Латвии присутствуют в политическом объединении «Согласие», «Союзе зеленых и крестьян», в «Единстве», в «Русском союзе Латвии» и т.д.

Эстония на стартовом этапе преобразований показывает отличную от Латвии и Литвы картину – до 2/3 членов Верховного совета в 1990 – 1992 гг. не имели партийного опыта вообще. Тем не менее количество выходцев из экс-номенклатуры в различные электоральные циклы было заметным – от 40% в начале⁴¹¹ до 7% к настоящему времени. Многие лидеры эстонской Компартии полностью приняли новые правила – в их числе В. Вяльяс (впоследствии возглавил Демократическую партию труда Эстонии, затем вошел в Объединенную левую партию), Э.-А. Силлари (в новое время занялся мебельным бизнесом), например.

Как и в случае Латвии и Литвы, где местные номенклатурные лидеры А. Горбунов и А. Бразаускас остались на вершине политической иерархии, в Эстонии А. Рюйтель (председатель президиума Верховного совета ЭстССР

также идеологическая направленность... Политически грамотна...». Цит. по: *Носович А.А.* История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М.: Алгоритм, 2015. Став министром культуры, С. Элерте разработала Программу интеграции латвийского общества, основанную на идее ассимиляции русскоязычных.

⁴¹⁰ В Европарламенте развернула кампанию по уравниванию коммунизма и нацизма.

⁴¹¹ Коммунистический бэкграунд существенной части политической элиты Эстонии не помешал формированию общего крайне правого, неолиберального крена в местном политическом пространстве. Как отмечали Ю. Руус и М., большинство членов Рийгикогу имели правые политические установки, что позволило сделать следующий вывод: предыдущее членство в Компартии оказывает незначительное воздействие на формирование у политика убеждений левого толка. Подробнее см.: *Ruus J.* The Resurgence of Professionalism: Estonian Elites between Continuity and Change / J. Ruus, M. Taru // *Baltic Democracy at the Crossroads. An Elite Perspective* / eds. S. Berglund, K. Duvold. Kristiansand : Hoyskoleforlaget ; Norwegian Academic Press, 2003. P. 57–79.

в 1983 – 1990 гг.) сохранил свой высокий статус и в новое время. В 1990 – 1992 гг. под его председательством в Верховном совете получали одобрение разработанные националистическими «политиками морали» ключевые решения о возобновлении досоветской государственности Эстонии, о конституции с опорой на нормы 1938 г. и т.д.⁴¹² Впоследствии он, став президентом страны (2001-2006 гг.), неоднократно обозначил свою позицию и по вопросу «оккупации», и по вопросу «неграждан» - она полностью соответствует новым государственным установкам⁴¹³.

Необходимость утвердиться в новых условиях толкала выходцев из экс-номенклатуры на заметные поступки – так, по указанию премьер-министра А. Ансипа, бывшего заведующего Тартусского райкома Компартии⁴¹⁴, в 2007 г. был перенесен таллинский памятник «Бронзовому солдату». Это событие стало одним из важнейших в современной политической жизни Эстонии, усилив и без того глубокий раскол между эстонской и русскими общинами. Зато «Партия реформ», от которой А. Ансип руководил правительством, сумела на выборах 2007 г. использовать эту историю по максимуму и укрепить свое положение, набрав 31 мандат вместо 19 имевшихся. А. Ансип возглавлял кабинет министров до 2014 г., впоследствии он стал вице-президентом Европейской комиссии.

⁴¹² Президент А. Рюйтель отмечал, что «историческая миссия Эстонии – доказать, что периферийность тоже может быть козырем». Подробнее см.: *Рюйтель А.* Эстония: возрождение будущего. Таллинн: По, 2003. 224 с.

⁴¹³ Заслуживает упоминания тот факт, что эстонский президент Л. Мери перед вступлением в должность тщательно избегал контактов с А. Рюйтелем – для того, чтобы продемонстрировать преемственность с досоветской государственностью была организована символическая «церемониальная передача» с участием президента «в изгнании» Х. Марка в октябре 1992 г. Однако в сентябре 2001 г., когда А. Рюйтель победил на президентских выборах, отказаться от участия в церемонии передачи власти он уже не смог. Подробнее см.: *Мялксон Л.* Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. / Л. Мялксон. Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2005. С. 182.

⁴¹⁴ «Умный мальчик с плохим характером» - так характеризовали А. Ансипа, в советское время старательно исполнявшего поручения по партийной линии, а в новую эру ставшего расчетливым политическим тяжеловесом, который позволял себе игнорировать требования президента Т.Х. Ильвеса. Подробнее см.: *Paas K., Krjutskova K.* Andrus Ansip – halva iseloomuga tark poiss. Tallinn: Vaba Kiri OU, 2016. 352 lk.

Другой видный представитель «Партии реформ» С. Каллас (так же в прошлом был членом КПСС) руководил эстонским отделением Сбербанка СССР, разрабатывал концепцию хозрасчетной Эстонии в составе СССР, а в новое время возглавил Банк Эстонии, впоследствии стал министром финансов, министром иностранных дел и премьер-министром. С. Калласа, как и другого финансиста советской Эстонии Р. Отсасона (первого председателя Банка Эстонии в новое время), впоследствии называли «отцами эстонской кроны». С. Каллас, как и А. Ансип, получил портфель вице-президента Еврокомиссии⁴¹⁵.

С течением времени даже такие политические титаны, как бывший премьер-министр и многолетний мэр Таллина, лидер Центристской партии Э. Сависаар (в советский период – глава Комитета госплана ЭССР, затем председатель Республиканского совета министров), постепенно «вымываются» из политического процесса, уходят на покой. Те, кто еще в силах продолжать крупные проекты (бывший министр транспорта ЭстССР Т. Вяхи, например), стараются заниматься бизнесом, иногда избираются в парламент, в исполнительной сфере их уже мало.

Заметное влияние на положение выходцев из экс-номенклатуры оказали процессы приватизации, имевшие в странах Прибалтики свою специфику⁴¹⁶. Так, в Литве, как отмечалось ранее, была задействована ваучерная модель приватизации – она позволяла стать собственниками предприятий их работникам. Однако одновременно создавала и почву для

⁴¹⁵ В 2004-2014 гг. позиции еврокомиссаров от стран Прибалтики чаще других занимали (и удерживали два срока) представители властных групп, имевшие в своем политическом прошлом членство в Компартии – например, от Литвы Д. Грибаускайте, от Латвии А. Пиебалгс, от Эстонии А. Ансип и С. Каллас.

⁴¹⁶ Р.Х. Симонян рисует такую картину: «В отличие от России, характер и направленность приватизации в странах Балтии так же, как и в Венгрии, Польше, Чехии и других постсоциалистических странах исключали возможность номенклатурного присвоения государственной собственности». Подробнее см.: *Симонян Р.Х. Приватизация по-прибалтийски и по-российски. // Свободная мысль. 2004. № 5. С. 23-42.*

злоупотреблений – по оценкам эстонских экспертов⁴¹⁷, литовский опыт был не идеален, т.к. выходцы из экс-номенклатуры активно использовали старые связи, чтобы получить в свои руки госпредприятия⁴¹⁸. Приватизация государственной и особенно колхозной собственности считалась ключом к рыночной экономике. Экс-номенклатура все же сумела эффективно использовать предоставленные возможности⁴¹⁹.

В. Самонис так описывает литовскую модель приватизации: «Директор государственного предприятия получает кредит из своего банка для финансирования закупки большого числа ваучеров, которые в свою очередь были ранее приобретены одним или несколькими инвестиционными фондами (группами предприимчивых частных лиц, некоторые из которых контролировались мафией) у населения. Как правило, у предприятия имеется значительное количество нереализованной продукции, и директор использует эту продукцию, принадлежащую государству, в качестве обеспечения получаемой ссуды. После приобретения достаточного числа ваучеров за счет ссуды и обмена их на акции предприятия у директора сосредотачивается контрольный пакет акций, и предприятие (включая нереализованную продукцию, использованную в качестве залога) перестает принадлежать государству и переходит в собственность директора и его друзей (включая президента банка и т.п.). Проявляя высокую активность в качестве нового владельца предприятия, директор распродает залоговые материальные ценности и

⁴¹⁷ *Terk E., Reid A.* From state-owned enterprises to innovation-based entrepreneurship: a comparison of the Baltic states / *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On* / ed. M. Lauristin. Tallinn : Printon Trükikoda, 2011. P. 31-40.

⁴¹⁸ В скандальную ситуацию попал президент, премьер Литвы А. Бразаускас, сделавший карьеру в советское время (в 33 года – уже министр промышленности и строительства ЛитССР, дорос до первого секретаря ЦК Компартии Литвы, председателя президиума Верховного совета ЛитССР). Его супругу К. Бразаускене в 2005 г. обвинили в злоупотреблениях при приватизации гостиницы «Драугисте» (находилась в госведении в советское время), это было использовано президентом В. Адамкусом и оппонентами А. Бразаускаса как инструмент политического давления.

⁴¹⁹ *Norkus Z.* On Baltic Slovenia and Adriatic Lithuania: A Qualitative Comparative Analysis of Patterns in Post-communist Europe. Vilnius: Apostrofa, 2012. 375 p.

погашает ссуду, завершая тем самым процесс передачи собственности... В целом, старая номенклатура активно занята «стрижкой купонов» и собственным быстрым обогащением»⁴²⁰.

По утверждению О. Норгаарда, для Литвы более, чем для других стран Прибалтики, был присущ метод «спонтанной» (номенклатурной, теневой) приватизации, в результате которого представители «старого» режима получали значимые позиции в ключевых отраслях. Среди примеров он называет приватизацию стивидорной компании KLASKO, которую предпринял Б. Лубис, член КПСС и директор госпредприятия «Azotas»⁴²¹. Впоследствии Б. Лубис стал премьер-министром, возглавил Конфедерацию предпринимателей Литвы и оказался одним из самых богатых граждан страны, владельцем концерна «Achema». Другой заметный пример: бывший первый секретарь Клайпедского отделения Компартии Р. Стонис, который в новое время возглавил главную газовую компанию Литвы «Dujotekana», став партнером «Газпрома». И Б. Лубис, и Р. Стонис играли заметную роль в политической жизни страны, но старались не афишировать этого. В Литве экс-номенклатура сохранила свое влияние не только в публичной сфере, но и на неформальном уровне, укрепились закрытые кланы, основанные на родственных, приятельских и иных узах⁴²².

В Латвии и Эстонии при приватизации в основном использовали коммерческие механизмы. В Эстонии использовался восточногерманский опыт – в частности, Попечительского совета ФРГ, координировавшего приватизацию в экс-ГДР; количество советников из ФРГ в Приватизационном агентстве Эстонии было заметным. Результатом стало

⁴²⁰ Самонис В. Трансформация Литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава: Центр социально-экономических исследований, 1995.

⁴²¹ Norgaard O. Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence. Cheltenham, Edward Elgar, 1995.

⁴²² Р. Янутене называет эту группировку «государственники», считая ее «deep state» - чиновники, политики, силовики высшего звена, которых она наделяет статусом «серых кардиналов» Литвы. Подробнее см.: Janutiene R. Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius: Nataiva. 2013. 271 p.

преобладание иностранных (в основном из Северных стран) инвестиций⁴²³ (в т.ч. в сфере медиа и банковских услуг), тем самым представители бывшей элиты оказались изолированы от решающего влияния на перераспределение собственности⁴²⁴, одновременно акцент делался на сознательном уходе от крупных предприятий и поощрении малого и среднего бизнеса.

Приватизация в современной Эстонии имела политическое измерение несколько иного свойства – достаточно упомянуть о приватизации в 2001 г. Эстонской железной дороги, которая была продана за 1 млрд. эстонских крон частному американскому инвестору, а потом, когда выяснилось, что новый владелец развивать инфраструктуру ЭЖД не собирается, пришлось ставить вопрос о ее реприватизации и выкупать, отдав из госбюджета уже 2,5 млрд крон. Симптоматично, что ключевую роль в возвращении ЭЖД в собственность государства в 2007 г. сыграл выходец из советской эк-номенклатуры – Э. Сависаар, в прошлом председатель Совета министров Эстонской ССР, а на тот момент он был министром экономики. Приватизация госпредприятий Эстонии, в т.ч. имевших стратегическое значение (например, в сфере энергетики), продвигалась представителями правых сил (как правило, это наследники Конгресса Эстонии, политики националистических и неолиберальных установок), доминирующих в политической жизни страны⁴²⁵.

В Латвии участие в процессе приватизации с 1995 г. принимали не только представители титульной нации, но и русскоязычного сегмента эк-номенклатуры – по оценкам И. Матоните, таким образом они пытались

⁴²³ Бывший премьер Эстонии Э. Сависаар утверждает, что в ходе приватизации значительная часть национального достояния перешла в руки иностранного капитала, заинтересованного не в том, чтобы развивать производство, а в том, чтобы забронировать для себя рынок. Пример – Вильяндская спичечная фабрика». Подробнее см.: *Сависаар Э. Правда об Эстонии* : в 2 т. Таллин : Midfield, 2012. Т. 1. С.88

⁴²⁴ В 1995 г. при попытке передать взятку за помощь в приватизации гостиницы «Виру» в Таллине пойман экс-председатель Совета министров Эстонской ССР И. Тооме.

⁴²⁵ «Наиболее заинтересованными в подобной приватизации стало государственное чиновничество, ставшее играть роль посредника при приватизационных операциях и получающее с этого немалый доход». Подробнее см.: *Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи»*. Тарту: Крипта, 2009. 576 с.

компенсировать утрату прежних властных позиций, переместившись на командные высоты в частном секторе. Тем не менее основные рычаги оказались в руках латышей, которые были членами Компартии, причем на хорошем счету, а затем оказались во главе значимых бизнес-активов. По утверждению экс-премьера Латвии М. Гайлиса, протекавшая в Латвии приватизация контрастировала с тем, что происходило в Эстонии: «Суть ее в том: кто первый заявлял, тот приходил, торговался с Агентством по приватизации о цене и покупал объект». Сначала были приватизированы мелкие и средние предприятия (до 250 - 270 в год), затем – крупные, решения по ним были политически трудными. М. Гайлис отмечает, что по особой модели шла приватизация предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности (мясокомбинат «Ригас миесникс», кондитерская фабрика «Лайма», Рижский ликеро-водочный завод и пр.). Именно тогда особо выдвинулся А. Шкеле (был замминистра сельского хозяйства Латвии на излете советского периода), который «оперативно использовал ту информацию, что у него была и (...) приватизировал много крупных предприятий по производству продуктов»⁴²⁶. А. Шкеле – знаковая фигура для современной Латвии, миллионер, создатель Народной партии, трижды премьер-министр, один из наиболее влиятельных политических деятелей в 2000-х гг.

Приведем иные эпизоды политической приватизации, которые, являясь, на первый взгляд, локальными, указывают на системообразующие тенденции становления властных групп в постсоветской Латвии.

А. Берзиньш, замминистра бытового обслуживания в Латвийской ССР, в переломные годы стал депутатом Верховного совета Латвийской ССР от Народного фронта. Из публичной политики быстро ушел, возглавил отдел приватизации Банка Латвии (наследник местного отделения Госбанка СССР). Объединив два десятка филиалов, создал Unibanka, который сделал одним из «столпов» банковской системы новой Латвии (в правление

⁴²⁶ Гайлис М. Шесть лет во власти. Рига: Litres, 2018.

входили наиболее влиятельные люди страны – А. Шкеле, А. Грутупс⁴²⁷ и др.), его основной акционный пакет принадлежал государству (меньшая доля – самому А. Берзиньшу). К 2004 г. банк из государственных рук перешел под контроль шведского капитала. Позже А. Берзиньш попытал свои силы в борьбе за пост мэра Риги, но неудачно. Возглавил Латвэнерго, затем Торгово-промышленную палату Латвии. Опираясь на «Союз зеленых и крестьян», стал депутатом сейма в 2010 г. и в 2011 г. сменил В. Затлерса на посту президента страны. Бывший замминистра бытового обслуживания в советское время, специалист по ремонту радиоаппаратуры, который благодаря приватизации стал миллионером, руководил Латвией до 2015 г., всегда стараясь держаться в стороне от шумной политической сцены⁴²⁸.

А. Лембергс, бывший инструктор отдела сельского хозяйства ЦК Компартии Латвии, председатель Вентспилского горисполкома, а в новое время – бессменный мэр Вентспилса, наоборот, к публичной деятельности стремился. Не ограничиваясь Вентспилсом, портовым городком с населением 35 тыс. чел., он оказывал влияние на политическую жизнь всей Латвии, был известен за ее пределами - и в Москве, и в Вашингтоне. А. Лембергс вместе с компаньонами (многие выходцы из экс-номенклатуры: В. Крастиньш – Министерство минеральных удобрений СССР, Я. Блажевич – секретарь Вентспилского горкома, Л. Юнкерс – заведующий партийным отделом внешних связей и др.) создал империю⁴²⁹ в сфере перевалки нефтепродуктов и других грузов, жемчужины которой – *Ventspils nafta* и

⁴²⁷ Правовед, активист Народного фронта Латвии, соавтор закона о реституции имущества – возвращении его досоветским владельцам. Один из наиболее влиятельных и богатых адвокатов современной Латвии, советник премьер-министра А. Шкеле. Покончил с собой в 2014 г.

⁴²⁸ Этот несколько застенчивый образ, который миллионер и президент А. Берзиньш старательно культивировал, был определен местными обозревателями как «латыш обыкновенный» - аналог американской мечты, но только добиваться ее следует очень тихо и, по возможности, чужими руками. Подробнее см.: *Lapsa L., Jančevskis K., Saatčiane I. Latvietis parastais*. Rīga. Atēna, 2011.

⁴²⁹ «Айварс считал, что деятельность крупных предприятий всего Вентспилса – это его «лавочка». Он понимал, что приватизация бывает раз в тысячу лет и это огромная жизненная удача». Подробнее см.: *Зелменис Я. Маятник богатства, или Приватизация «Вентспилс нафта»*. Рига: Goldberg Trust, 2015. 255 с.

Ventbunkers. А. Лембергс, используя «Союз зеленых и крестьян» и другие инструменты, умело вел игру, длительно сохраняя влиятельный статус. Конкуренты из правящих праволиберальных групп, несмотря на многолетние попытки добиться его ответственности, смогли подорвать его влияние лишь благодаря США, которые в 2019 г. ввели санкции в отношении бывшего партинструктора. Это позволило национализировать Вентспилский свободный порт, убрав из него А. Лембергса.

Необходимость политического выживания толкала выходцев из экс-номенклатуры на неоднозначные с точки зрения политической, деловой и просто человеческой порядочности поступки, заставляла изобретать сложные комбинации, учитывающие переплетение различных политико-экономических интересов. Вклад этой властной группы в формирование современного политического порядка в странах Прибалтики неоспорим. Если «политики морали» сформировали идеологическую базу для политической жизни в новое время, очертили «красные линии», то выходцы из экс-номенклатуры пытались привнести в это прагматический подход. Однако их голос все же был тише, ведь они существовали в более узких политических рамках, чем остальные.

Опыт принадлежности к Компартии в советское время стал своего рода «ахиллесовой пятой» экс-номенклатуры. Эта уязвимость использовалось в рамках внутриэлитной борьбы на всех этапах – от стартовых преобразований после падения Советского Союза до наших дней. Если в начальный период (Компартии запрещены в странах Прибалтики в 1991 г., ряд руководителей получили тюремные сроки) выходцев из экс-номенклатуры обвиняли в «рентном» поведении, раздувании инфляции⁴³⁰, стремлении использовать экономические возможности неокрепших стран

⁴³⁰ *Aslund A. Lessons of the First Four Years of Systemic Change in Eastern Europe // Journal of Comparative Economics. 1994. Vol. 19, No. 1. P. 22-38.*

Прибалтики, то впоследствии претензии стали ужесточаться⁴³¹, вплоть до попыток отнести их к нелояльной государству «пятой колонне»⁴³².

Острая борьба шла с разными сегментами политической элиты: экз-номенклатуру, как бы она себя не называла в новые дни (социал-демократы, центристы, трудовики, умеренные и пр.), удобно «бить» за связи со старым режимом, и этим пользовались все конкурирующие силы.

Парадоксально складывались отношения с выходцами из зарубежных диаспор⁴³³: вернувшись в Латвию, Литву и Эстонию, заняв высшие государственные позиции и буквально олицетворяя собой досоветское время, им приходилось иметь дело с предшественниками, которые точно так же олицетворели другой, советский период, в свою очередь которого, согласно идее континуитета, для новой элиты просто не должно было существовать. Становлению «возвращенцев» из зарубежных диаспор в качестве сегмента властных групп посвящен следующий параграф.

⁴³¹ «Коммуняк – в печь!» (Kommarid Ahju!) – в футболке с такой надписью в ходе выборов 2005 г. появлялись в общественных местах Таллина националисты, в т.ч. экс-канцлер МИД Эстонии И. Таранд (сын премьер-министра А. Таранда), впоследствии европарламентарий. На футболке был список «коммуняк» - А. Ансип, А. Рюйтель, и др. Надпись не была признана разжигающей ненависть, ответственности никто не понес.

⁴³² В качестве повода после 2014 г. нередко использовали их позицию по Крыму: так, поддержавший присоединение Крыма к России Э. Сависаар из некогда лидера Народного фронта Эстонии стал... «агентом» Кремля. Подробнее см.: *Ланко Д.А.* Постсоветская трансформация Эстонии: модернизация или мимикрия? / Препринт М-53/16. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2016. 52 с.

⁴³³ «В начале 90-х гг. XX в. литовская диаспора в США демонизировала советскую номенклатуру». Подробнее см.: *Матоните И.* Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 120-134.

3.3. Зарубежные диаспоры

Высокая значимость диаспорального сообщества⁴³⁴ характерна для всех стран Прибалтики. Выходцы из зарубежных латышских, литовских и эстонских диаспор⁴³⁵ способствовали провозглашению независимости и внедрению концепции континуитета⁴³⁶, влияли на выработку нового внешнеполитического курса, занимали важные политические позиции – вплоть до президентских. Их роль была не только символической (культивирование литовских, латышских и эстонских традиций за рубежом, в странах Западной Европы и США), но и практической. С конца 1980-х гг. в Нью-Йорке, Вашингтоне и Чикаго действовали информационные центры, образованные литовской диаспорой, которые занимались распространением в США сведений о происходящих в Прибалтике переменах, организовывали встречи видных деятелей того времени (В. Ландсбергис, А. Юозайтис, К. Прунскене и пр.) с западными политиками и журналистами⁴³⁷. В США в 1997 г. образован так называемый Балтийский кокус, который насчитывал более 70 конгрессменов от Республиканской и Демократической партий.

В 1940 – 1991 гг. дипломатические миссии Латвии, Литвы и Эстонии действовали в США: в Вашингтоне (латвийская, литовская), в Нью-Йорке (эстонская). Литовские миссии сохранялись в Лондоне и Ватикане (руководитель ватиканской С. Лозорайтис-мл. позже стал советником В.

⁴³⁴ Диаспора рассматривается как «группа населения той или иной страны, принадлежащая по этническим и культурным характеристикам к другому государству», ее ключевой признак, отличающий от совокупности мигрантов - «наличие стратегии взаимоотношений с государством проживания и исторической родиной (или ее символом); институтов и структур, деятельность которых направлена на сохранение и развитие этнической идентичности». Подробнее см.: *Боришполец К.П.* Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // Ежегодник Института международных исследований МГИМО. 2012. № 1(2). С. 79–86.

⁴³⁵ Самая крупная литовская - превышает 1 млн. чел., латвийская – около 300 тыс., эстонская – свыше 100 тыс.

⁴³⁶ *Курчанов М.В.* Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. Воронеж : Воронежский гос. унив-тет, 2007. С. 117.

⁴³⁷ *Antanaitis A.* Įvykius Lietuvoje nušviečiant: Jungtinių Amerikos Valstijų lietuvių veikla 1987–1992 m. // *Oikos: lietuvių migracijos ir diasporos studijos.* Vilnius : Versus Aureus, 2012, No. 2 (14). P. 62-73.

Ландсбергиса). Л. Мьялксон отмечает, что в течение советского периода представители литовской, латвийской и эстонской миссий входили в списки дипломатов при Госдепартаменте США, приглашались для участия в официальных приемах, обладали процессуальной правоспособностью⁴³⁸ в судах США и продолжали выдавать паспорта тем лицам, которые могли подтвердить гражданство Эстонии, Латвии и Литвы.

С точки зрения международного права «правительство в изгнании» было лишь у Эстонии⁴³⁹. В советский период зарубежные диаспоры выступали в роли посредников, добиваясь поддержки западных стран не только через официальные дипломатические рычаги, но и действуя от имени литовских, латышских или эстонских общин⁴⁴⁰.

Своего существенного влияния они смогли добиться ко второй половине 1980 гг. – в июне 1985 г. в Копенгагене провели «Балтийский трибунал над руководством Советского Союза», чтобы «привлечь внимание всего мира к незаконной советской оккупации некогда свободных и независимых республик Эстонии, Латвии и Литвы; документировать зверства и геноцид, совершенные против балтийских народов; и осудить Советский Союз за эти действия против человечества»⁴⁴¹.

Идеи «борьбы с оккупантами», которые прежде бытовали в основном в зарубежной диаспоральной среде, захватили общества трех стран

⁴³⁸ «Роль посольства Латвии в США была повышена тем фактом, что не только его собственная, но и деятельность всей дипломатической и консульской сети финансировалась за счет государственных средств Латвии, депонированных в США». Подробнее см.: *Bekere K. The Diplomatic Service in Exile: Champions of Latvia's Independence and International Challenges / The Centenary of Latvia's Foreign Affairs Activities and Personalities/ Eds. Spruds A., Scerbinskas V., Potjomkina D. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2017. P. 121-135.*

⁴³⁹ *Мьялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. / Л. Мьялксон. Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2005. С. 177, 178.*

⁴⁴⁰ *Smith D. Estonia: Independence and European Integration. London : Routledge, 2001.*

⁴⁴¹ Сайт ОБСЕ. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.csce.gov/international-impact/publications/baltic-tribunal-against-soviet-union> (дата обращения: 05.11.2019)

Прибалтики, быстро перейдя из маргинальной категории в мейнстрим⁴⁴². Во многом это произошло благодаря содействию «политиков морали». Латвийские, литовские и эстонские «советские» интеллектуалы казались населению все же более своими, более близкими, нежели «досоветские» представители западных диаспор, им больше верили, благодаря их поддержке установки выходцев из диаспор обрели социальную поддержку.

Феномен активного рекрутирования членов политической элиты из диаспорального сообщества может быть объяснен необходимостью поиска связей, соединяющих страну с демократическим прошлым (реальным и приукрашенным) и национальной историей, «прерванной» советским режимом. Восприятие непрерывности политической истории становится возможным, когда члены диаспоры возвращаются на родину, чтобы играть руководящую роль на политической арене⁴⁴³.

В рамках данного исследования принадлежность к диаспоральному сообществу определялась через место рождения и получения образования – школьного и затем университетского (как показатель источника социализации будущих участников властных структур). Дополнительно введена и внутривострановая дифференциация, направленная на выявление региональных закономерностей в рекрутировании политических элит.

«Объединение свободных латышей»⁴⁴⁴ в Лондоне еще до распада СССР направило в Латвийскую ССР своих представителей. В частности,

⁴⁴² «Перед большинством живших при социализме встал вопрос: неужели они десятилетиями жили неправильно? Были ли они – колхозники, передовики производства, работники культуры и т.д. – приспешниками власти, предателями нации? Своеобразным мериллом для эстонцев стали бывшие соотечественники, эмигрировавшие на Запад в 1944 г. и якобы жившие «правильной» жизнью, верные «эстонскому делу». Покаяния начали требовать от всех активистов, вплоть до пионеров». Подробнее см.: *Аарелайд-Тарт А.* Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63-71.

⁴⁴³ *Скулте-Уэйсс Д.* Указ. соч. С. 91.

⁴⁴⁴ Зарубежные эмигрантские организации были представлены и теми, кто сотрудничал с Гитлером. В случае Латвии это, в первую очередь, «Ястребы Даугавы»: организация создана ветеранами Латышского легиона СС, многие из которых были причастны к военным преступлениям и преступлениям против человечности. Так, должность председателя организации занимал легионер Янис Цирулис, один из участников массовых

выпускник Бостонской военной академии А. Ламберг и приехавший из Австралии Я. Ритенис были привлечены к разработке декларации о независимости Латвии на основе идеи континуитета⁴⁴⁵. Впоследствии А. Ламберг получил от активиста «Народного фронта» И. Годманиса, ставшего премьер-министром Латвии, статус советника и эксклюзивные права на все переговоры по латвийским телекоммуникационным делам. Австралийский латыш Я. Ритенис стал послом в Дании, затем министром благосостояния, но из-за конфликтов с другими представителями элиты⁴⁴⁶ начатая им реформа пенсионного и социального обеспечения не увенчалась успехом⁴⁴⁷.

Видный представитель «тримды» (латышской эмиграции) Г. Мейеровиц (родился в 1920 г. в Риге, участник «Латвийского легиона», бежал в Германию, затем в США, где работал в Министерстве обороны около 30 лет), вернувшись в Латвию, претендовал на президентский пост. В 1993 г. основная борьба шла между ним, сыном первого главы МИД досоветской Латвии З.А. Мейеровицем, и советским инженером, бывшим членом КПСС Г. Улманисом, внучатым племянником того самого К. Улманиса. Г. Мейеровиц тогда проиграл.

убийств мирного населения в Новгородской области. В 1950-е гг. между т.н. «посольством Латвии в США» и «Ястребами Даугавы» было подписано соглашение о сотрудничестве. После обретения Латвией независимости государство продолжило поддерживать организацию». Подробнее см.: Пособники нацистских преступлений. 96 ветеранов Латышского легиона СС, которые еще живы: Совместный доклад неправительственных организаций / Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей. М.: Изд. центр фонда «Историческая память», 2020. 32 с. В свою очередь исследователь из Эстонии М. Ильмярв отмечает, что балтийские эмигрантские организации и политики стали в период холодной войны для США и Запада инструментом в борьбе с коммунизмом: «Выходцев из Прибалтики, подозреваемых в Советском Союзе в преступлениях против человечности, вовлекали в организации национальной безопасности и разведки западных стран». Подробнее см.: *Ильмярв М.* Балтийские политики в эмиграции, национальные организации за рубежом и преступления против человечности в контексте «холодной войны». Пример эстонских эмигрантских сообществ // ЭНОЖ «История». 2019. № 7 (81). С. 17.

⁴⁴⁵ *Любимов А.* Атмода со слезами на глазах. Рига, 2002. С.36-37.

⁴⁴⁶ Приехавший из Германии латыш-националист Й. Зигерист и вовсе раздавал бананы в центре Риги всем желающим: это помогло, он стал депутатом парламента.

⁴⁴⁷ *Гайлис М.* Шесть лет во власти. Рига: Litres, 2018.

Через несколько лет этот же сценарий с приходом к власти в Латвии «внешнего», не связанного с местными кругами, западного политика оказался успешен: президентом Латвии в 1999 г. была избрана работавшая в американских учреждениях и жившая в США гражданка Канады В. Вике-Фрейберга. Ее «спойлером» была тоже гражданка США - В. Паэгле, неоднократно депутат парламента, руководитель латвийской делегации в Парламентской ассамблее НАТО, соучредитель Народной партии, куратор «Музея оккупации».

Среди выходцев из диаспорального сообщества в политической элите Латвии – уроженец США Н. Муйжниекас (в 2002 г. назначен министром по делам общественной интеграции, впоследствии – комиссар Совета Европы по правам человека); выросший в США О. Калниньш (посол Латвии в США в 1993 – 1999 гг., глава комитета по международным делам парламента); уроженец Великобритании, бригадный генерал Я. Кажоциньш (глава контрразведывательной службы Бюро по защите Конституции Латвии), председатель Латвийской американской ассоциации В. Павловскис (министр обороны 1993 – 1995 гг.), У. М. Клаусс (член 8-го Сейма, глава комиссии по связям Латвии с США), Я. Приедкалнс (профессор медицины из Австралии, депутат парламента, посол Латвии при ООН) и пр. Вопрос влияния выходцев из Западной Европы и Северной Америки на политический процесс в Прибалтике пристально изучил экс-депутат Европарламента Дж. Къеза (пытался повторно избраться от Латвии)⁴⁴⁸.

Пограничным случаем может считаться Э. Левитс (заместитель премьер-министра в 1993 г., министр юстиции в 1993 – 1995 гг., затем член Суда ЕС, предложивший проект преамбулы к Сатверсме, согласно которому латыши наделялись статусом «государственной нации», с 2019 г. – президент Латвии). Э. Левитс в юношеском возрасте в 1972 г. вместе с семьей покинул родную Ригу, переселившись в ФРГ и получив там

⁴⁴⁸Къеза Дж. Латвийский кандидат, или Неизвестные приключения негражданина в Европе. М. : Трибуна, 2010.

юридическую подготовку, откуда вернулся в Латвию спустя почти 20 лет, когда активно действовал Народный фронт.

В отношении же премьер-министра (с 2019 г.) К. Кариньша всё определено: он родился в США, там же получил образование, а в Латвию перебрался во второй половине 1990-х гг., при «канадском» президенте В. Вике-Фрейберга был министром экономики, затем – основателем партии «Новое время». В Латвии К. Кариньш считается одним из противников старой «номенклатурной» элиты – активно выступал против мэра Вентспилса А. Лембергса, даже поместил его на некоторое время в 2007 г. в тюрьму. Американский премьер К. Кариньш (отказываться от гражданства США он не стал) поквитаться сумел лишь в 2019 г., когда США ввели санкции против А. Лембергса и он утратил контроль над портом.

Обращает на себя внимание и фактор принадлежности не к заокеанской, а к «локальной» диаспоре (вернее - землячеству). Удельный вес представителей регионов Латвии менялся в разные годы (табл. 5). Ведущие роли в политической жизни играли представители Риги, доля которых колебалась от одной трети (в первый цикл) до свыше половины (последние два цикла). Именно рижане отличались не только многочисленностью своих представителей, но и ключевыми постами, которые они занимали. В частности, нужно упомянуть президентов Г. Улманиса, В. Затлерса, премьер-министров В. Биркавса, А. Берзиньша, А. Калвитиса, И. Годманиса, В. Домбровскиса, спикеров сейма И. Латимиру, Г. Даудзе, не говоря уже о многочисленных министрах и депутатах сейма.

В начальные и конечные циклы значительным представительством отличались Латгале и Видземе. В первых циклах устойчивые позиции латгальцев были связаны, в первую очередь, со спикером парламента, затем министром охраны окружающей среды, министром транспорта А. Горбуновым и его окружением, и министром внутренних дел, а затем членом сейма Я. Адамсонсом. В последнем цикле можно выделить двух министров: юстиции (Я. Борданса) и благосостояния (И. Винькеле). Веду-

щие роли представителей Видземе также во многом зависели от ряда ключевых фигур, прежде всего, в правительстве. Перечислим таких видземских политиков, как премьер-министр А. Шкеле, министры финансов А. Пиебалгс и Э. Крастиньш, министр иностранных дел И. Берзиньш, министр внутренних дел Д. Турлаис, спикеры Сейма А. Чепанис и Я. Страуме, многочисленные члены сейма. В период 2002 – 2010 гг., совпавшие с уходом из правительства А. Шкеле, представительство видземцев снизилось, хотя отметим премьера, а затем спикера сейма И. Эмсиса и министра юстиции и председателя парламента С. Аболтиню. В последние циклы увеличение доли уроженцев Видземе совпало с занятием С. Аболтиной поста спикера сейма и появлением на посту министра финансов А. Вилкса, затем – с победой А. Берзиньша на президентских выборах.

Значительные позиции представителей Курземе обеспечили, в первую очередь, министр внутренних дел, а затем министр обороны Г.В. Кристовскис, министр внутренних дел М. Сеглиньш, министр образования и науки М. Гринблатс. В период «расцвета» (1998 – 2010 гг.) к перечисленным политикам присоединились министр финансов О. Спрудзиньш, министр внутренних дел М. Гульбис, министр иностранных дел А. Ронис, а также значительное число депутатов Сейма. Уже с 2010 г. в правительстве почти не остается курземцев.

Представительство Земгале также было наиболее значительным именно в период «средних» циклов в 2002–2010 гг., хотя бессменный мэр Вентспилса А. Лембергс входил в структуру элит на протяжении всех изученных циклов, а на ранних этапах в нее входил министр иностранных дел Г. Андреевс. «Расцвет» земгальской диаспоры связан, прежде всего, с именами министра финансов, затем здравоохранения Г. Берзиньша, министра сельского хозяйства, затем – обороны, а после – финансов А. Слактериса, премьер-министра, а затем министра финансов Э. Репше, а также министров экономики Ю. Луйянса, К. Герхардса и А. Кампарса, министра благосостояния, а затем транспорта У. Аугулиса. Представители

Земгале чаще других подвергались «министерской ротации», и порой весьма резко, а также сравнительно мало были представлены в сейме.

В Литве примеров участия выходцев из зарубежной диаспоры в политическом процессе не меньше, чем в Латвии. В начале 1990 гг. львиная доля представителей литовской диаспоры проживала преимущественно в Северной Америке – в Соединенных Штатах и в Канаде⁴⁴⁹. Именно в Нью-Йорке в 1958 г. собрались делегаты первого Совета литовцев мира. Впоследствии это объединение провело серию политических конференций, на которых обсуждались последствия «советской оккупации» и действия по провозглашению независимости Литвы, для чего руководители общины неоднократно наносили визиты политическим деятелям западных стран (как светским, так и религиозным – в т.ч. и Папе Римскому). После провозглашения независимости в 1990 г. американская община литовцев направила свои лоббистские усилия на вступление Литвы в ЕС и НАТО⁴⁵⁰. Представители диаспоры оказались востребованы в новых условиях.

Среди вернувшихся эмигрантов – выросший и сделавший административную карьеру в США В. Адамкус, который дважды становился президентом Литвы. Победа В. Адамкуса на президентских выборах была свидетельством стремления к смене политической элиты, выхода за рамки политиков, выдвинувшихся на рубеже 1980 и 1990 гг.⁴⁵¹

Процесс вхождения представителей литовской диаспоры во власть не был идеален с юридической точки зрения. В Литве надолго закрепилось

⁴⁴⁹ Литовские общины есть в Ирландии, Аргентине, Австралии, Австрии, Беларуси, Бельгии, Бразилии, Чехии, Дании, Соединенном Королевстве, Эстонии, Греции, Грузии, Испании, Италии, США, Канаде, Казахстане, Колумбии, Латвии, Польше, Молдавии, Новой Зеландии, Норвегии, Голландии, Франции, России, Швеции, Швейцарии, Украине, Уругвае, Узбекистане, Венесуэле, Венгрии, Германии. Латвийские - в Австралии, Бразилии, Великобритании, Германии, Ирландии, Испании, Канаде, Норвегии, России, США, Украине, Швеции. Эстонские – в Австралии, Великобритании, Германии Канаде, Норвегии, России, США, Финляндии Швеции.

⁴⁵⁰ *Sandukas L. Lietuviu Bendruomenes Uzsienuje // Valstybė. Iliustruota Lietuvos enciklopedija. Kaunas : Šviesa, 2006. P. 100–105.*

⁴⁵¹ *Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М. : Либроком, 2009. С. 167.*

выражение «тапочки Адамкуса», символизирующее распространенное в публичной сфере сомнение относительно легитимности подтверждения В. Адамкусом, жившим около 50 лет в США, факта достаточного для участия в президентской гонке срока проживания в Литве. Соперники В. Адамкуса заявляли тогда, что квартира в г. Шауляе – это не его дом, где он прописан якобы с 1992 г., а лишь место, где он «держит тапочки».

Следует назвать С. Лозорайтиса – сына литовских эмигрантов, уехавших в Америку в 1940 г. В. Ландсбергис сделал его послом Литвы в США в 1991 г., и в 1992 г. С. Лозорайтис стал главным конкурентом А. Бразаускаса в борьбе за президентский пост (его предвыборным штабом руководил В. Адамкус), но проиграл. По определению Е. Д. Фурман, «С. Лозорайтис хоть и был слишком "чужим", но все же многим импонировал, как бы воплощая "Литву, которую мы потеряли", – ту Литву, какой она могла бы стать, если бы не присоединение к СССР»⁴⁵².

В. Адамкус, С. Лозорайтис – не единственные представители литовской диаспоры в США, участвовавшие в президентской кампании: следует назвать К. Бобялиса, который выбыл из гонки после первого раунда, набрав в 2002 г. 1,9 %. В ходе выборов выяснилось, что К. Бобялис, еще в 1992 г. избранный в сейм Литвы, так и не расстался с американским паспортом, регулярно бывал во Флориде. Свое литовское гражданство он подтвердил, представив документы, выданные осенью 2002 г. американским посольством в Вильнюсе⁴⁵³. А Л. Башкаускайте, американка литовского происхождения, от гражданства США не отказалась, и к участию в президентских выборах в 1997 г. допущена не была.

Сообщество американских литовцев представлено красноречивым перечнем тех выходцев из диаспоры, которые по состоянию на 2002 г. занимали ведущие посты в новой Литве. В их числе – председатель

⁴⁵² Там же. С. 108.

⁴⁵³ *Водо В.* В Литве закончена регистрация в президенты // *Коммерсантъ*. 2002. № 191 (2560).

Инвестиционного банка Литвы, член Сейма и впоследствии министр финансов В. Дуденас, посол Литвы в Израиле Р. Мисюнас, вице-спикер сейма Ф. Палубинкас. Сразу три советника президента Литвы В. Адамкуса – С. А. Кондратас (бывшая замминистра здравоохранения, образования и социального обеспечения США), Р. Межялис (бывший исполнительный директор компании «American Can Co»), Ю. Шмулкштис (профессор университета Индианы). Назовем и советника спикера Сейма В. Ландсбергиса Т. Климаса (офицера ФБР, сотрудника контрразведки США), который руководил его кампанией во время президентских выборов 1997 г.

Следует выделить и советника нескольких литовских лидеров, миллиардера, друга В. Адамкуса, американского литовца Ю. Казицкаса⁴⁵⁴, владевшего телекоммуникационным бизнесом (в частности, создал компанию «OmniTel», которую возглавлял другой выходец из литовской диаспоры в Северной Америке В. Груодис⁴⁵⁵), он принимал активное участие в продаже США литовского НПЗ «Mažeikių nafta».

Также отметим полковника армии США Ю. Кронкайтиса, входившего в группу американских офицеров литовского происхождения по разработке для Литвы плана гособороны (занимал пост заместителя министра обороны, командующего вооруженными силами Литвы), полковника авиации США Р. Киликаускаса (занимал пост заместителя министра внутренних дел в 1997 – 1998 гг., первого заместителя министра обороны в 1999 – 2000 гг.), офицера морской пехоты США А. Гарсиса (занимал пост генерального инспектора министерства обороны)⁴⁵⁶.

⁴⁵⁴ В его мемуарах описывается, как на заре независимости он организовывал для нового руководства Литвы встречи с влиятельными политиками Запада. Подробнее см.: *Kazickas J., Bartusevičius V. Odyssey of Hope: the Story of a Lithuanian Immigrant's Escape from Communism to Freedom in America and the Return to his Beloved Homeland*, Vilnius: Tyto alba, 2006.

⁴⁵⁵ В 1998 г. компания Omnitel перешла под контроль консорциума Motorola (США), Telia (Швеция) и Sonera (Финляндия). В том же году под контроль Telia и Sonera перешла другая литовская телекоммуникационная компания Lietuvos Telekomas.

⁴⁵⁶ По данным Литовского американского сообщества: *Lithuanian-American Community*. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lithuanian-american.org/publaff/usexperts.html> (дата обращения: 20.02.2012)

В начальный период иностранные советники при руководителях политических органов, случалось, материально «благодарили» высших должностных лиц за возможность доступа к государственным ресурсам⁴⁵⁷.

При рассмотрении принадлежности к локальным землячествам выделяется роль двух столиц Литвы – Вильнюса или Каунаса (табл. 6). Литовские политические элиты представлены преимущественно выходцами из Вильнюса, вплоть до недавнего времени представители каунасской диаспоры составляли значительную, но меньшую часть. Выходцы из стран Запада (их общее количество не превышало 4%) работали преимущественно в президентском аппарате. Наибольшим же влиянием представители диаспорального сообщества из стран Западной Европы и США обладали с конца 1990-х до конца 2000-х гг. (в 1998 – 2003 гг. и в 2004 – 2009 гг. должность президента Литовской Республики занимал В. Адамкус). К настоящему моменту их роль в политическом процессе менее существенна.

В Эстонии количество представителей зарубежной диаспоры не превышало 2 %. Президент Т.Х. Ильвес, родившийся в Швеции и выросший в США, журналист, дважды занимал президентский пост в Эстонии. Э. Сависаар вспоминал, что Т.Х. Ильвес воспринимался как «хлыщ из Нью-Джерси», «заморский денди, сделавший политический капитал на деньги американских налогоплательщиков» и жаловшийся в посольство США, что в Эстонии ему мало платят⁴⁵⁸. В рамках диаспоры Ильвес был не единственным претендентом - первым кандидатом на пост президента стал Р. Таагепера, известный политолог, родившийся в Тарту, выросший в США (семья уехала туда в 1944 г., когда ему было 11 лет). Р. Таагепера, член Конституционной ассамблеи, которая определяла оптимальный проект

⁴⁵⁷ В 1994 г. литовская газета «Республика» подготовила обзор коррупционных историй с участием государственных деятелей. В их числе упомянут и канадский советник премьер-министра Г. Вагнорюса, который расплатился со своим руководителем европейским круизом за возможность разместиться в правительственной загородной резиденции. Подробнее см.: *Gaidys V. The Emergence of the Lithuanian Political Elite // The New Elite in the Post-communist Eastern Europe / eds. V. Shlapentokh, K. Vanderpool, B. Dobrokhotov. College Station : Texas A&M University Press, 1999. P. 142.*

⁴⁵⁸ Сависаар Э. Правда об Эстонии. Т.1. Таллин, 2012. С. 74-75.

конституции новой Эстонии, занял третье место, набрав в 1992 г. 23% голосов на президентских выборах – во второй тур прошли бывший лидер местной Компартии А. Рюйтель и писатель националистических убеждений Л. Мери, выиграл Л. Мери. Позже Р. Таагепера заявлял, что целью его участия в выборах было оттянуть голоса у А. Рюйтеля – по меньшей мере, 8%. Победить представитель эстонской зарубежной диаспоры смог лишь в 2006 г., когда президентом был избран Т.Х. Ильвес - он сохранил за собой этот пост в течение двух сроков до 2016 г. Не исчез из политической жизни и Р. Таагепера: в начале 2000 гг. он возглавлял партию «Res Publica», которая, по его оценке, была «очищающим мостом», призванным соединить фрагментированное партийное пространство Эстонии. Среди прошедших в парламент депутатов от «Res Publica», утверждал Р. Таагепера, не было представителей старых властных групп, только новые лица с небольшим административным или муниципальным опытом, деятели поп-культуры, общественные лидеры, врачи и один политолог. В 2005 г. Р. Таагепера покинул партию, не приняв того, как ею руководили⁴⁵⁹.

Для Эстонии, как и других стран Прибалтики, характерно заметное присутствие выходцев из диаспоры на значимых позициях в военной сфере в первые годы независимости. Так, уроженец Таллина Х. Ребас оказался с семьей в Швеции еще в 1943 г., где вырос, получил образование философа, преподавал историю и дослужился в шведской армии до звания капитана. В начале 1990 гг. он был советником Л. Мери и в 1992 – 1993 гг. возглавлял министерство обороны. В 1994 г. на пост командующего вооруженными силами назначен получивший звание генерала А. Эйнзельн, полковник армии США. Именно в этот период произошла одна из наиболее скандальных историй в военно-политической сфере современной Эстонии: правительство М. Лаара закупило у Израиля вооружение на 60 млн. долл., которое оказалось устаревшим и не пригодным к использованию. Договор

⁴⁵⁹ *Taagepera R. Meteoric trajectory: The Res Publica Party in Estonia // Democratization. 2006, Vol. 13, No. 1. P. 78-94.*

на поставку был подписан Х. Ребасом. А. Эйнзельн подал заявление об отставке, заявив, что данная сделка не была с ним согласована, позже был привлечен к суду. Опыт Кореи и Вьетнама был за плечами и у другого выходца из зарубежной диаспоры – полковника Ю. Тоомепуу, который активно себя проявил на начальном этапе: продвигал националистические установки в парламенте, одновременно выступая посредником по продаже оружия из России в США⁴⁶⁰ (позже он признался, что за пять лет в Эстонии его постигло больше разочарований, чем за всю жизнь⁴⁶¹).

Вернувшиеся из Швеции М. Юурике и А.Л. фон Вирен стали советниками премьер-министра М. Лаара, первый потом руководил министерством финансов, а вторая получила позицию Госсекретаря Эстонии (главная печать страны оказалась у иностранной подданной, ведь от шведского гражданства фон Вирен не отказалась). Для Эстонии характерно привлечение в финансовую, как и в военную сферу, «возвращенцев» - так, Агентство по приватизации возглавлял шведский бизнесмен (финансовый менеджер группы «АВВА») с эстонскими корнями Я. Маницкий (также глава МИД, кандидат в президенты в 2006 г.), а Банк Эстонии – тоже шведский предприниматель Я.С. Мянник. Приехавший из Канады А. Нийтенберг руководил министерством энергетики в 1992 – 1995 гг., впоследствии стал представителем Эстонии при МАГАТЭ.

Если же рассматривать распределение представителей политэлиты по крупным эстонским регионам (уездам), то безусловный лидер это уезд Харьюмаа, чей административный центр – столичный Таллин. На втором месте – Тартумаа, подтверждающий традиционное соперничество двух крупнейших эстонских городов – Таллина и Тарту (табл. 7).

Поначалу выходцы из зарубежных диаспор в большинстве случаев не были успешны в политике. Основная причина: непонимание постсоветских

⁴⁶⁰ *Суйтс А.* Генерала Эйнсельна наконец сняли // Бизнес&Балтия. 20 декабря 1995. №165 (368).

⁴⁶¹ *Аасмяэ А.* Долгое возвращение домой. Почему одни зарубежные эстонцы стали в Эстонии банкротами, а другие - министрами? // Молодежь Эстонии. 15 апреля 2000 г.

условий⁴⁶², отсутствие личного опыта жизни в Латвии, Литве и Эстонии, опора на воспоминания. Романтизация реальности отчасти роднит их с «политиками морали», на начальном этапе они были близки, совпадая, например, в вопросе континуитета досоветской государственности.

Обращает на себя внимание целевая направленность представителей зарубежных диаспор на три приоритетных направления: безопасность (в странах Прибалтики на начальном этапе министерствами обороны и вооруженными силами руководили выходцы из армий США, Швеции), международные отношения (первые послы Латвии, Литвы и Эстонии в США – именно представители зарубежных диаспор О. Калниньш, А. Динбергс, С. Лозорайтис, Т.Х. Ильвес)⁴⁶³ и президентские амбиции (среди известных зарубежных латышей, литовцев и эстонцев, претендовавших на президентский пост: Г. Мейеровиц, В.Вике-Фрейберга, С. Лозорайтис, В. Адамкус, Р. Таагепера, Т.Х. Ильвес). Первые попытки занять президентские места были неуспешными: в основном в силу незнания реального положения дел⁴⁶⁴ (как, например, в случае с С. Лозорайтисом: его спрашивали о ценах на молоко, а он говорил о светлом европейском будущем, которое ждет Литву). Но второй заход принес свои плоды (позже В. Адамкус, который руководил избирательным штабом С. Лозорайтиса, вспоминал, что извлек уроки из ошибок своего товарища по диаспоре)⁴⁶⁵.

⁴⁶² О латвийском министре обороны В. Павловскисе, который прибыл из США, бывший премьер М. Гайлис пишет, что «он был просто не в состоянии понять нашу действительность». Подробнее см.: *Гайлис М. Шесть лет во власти*. Рига: Litres, 2018.

⁴⁶³ «Распространенные связи с политиками на Западе позволили именно «изгнанникам» создать новую дипломатическую систему». Подробнее см.: *Deksnis E.D., Bekere K. Latviesu trimdas loma Latvijas neatkarības idejas uzturēšanā (1945-1991) / Akadēmiskie raksti 4 sējums "Latvieši un Latvija", III sējums "Atjaunotā Latvijas valsts"*. Rīga: Latvijas Zinatnu akadēmija, 2013. 480 p.

⁴⁶⁴ «Я считаю своей большой ошибкой уверенность в том, что можно за пять, никак не больше десяти лет все преодолеть. Я считал так, когда приехал сюда. Да, ситуация изменилась, можно говорить открыто, сам мир открыт. И перелом в сознании будет быстрым, надеялся я. Но так не случилось». *В. Адамкус*, личное интервью. 17 ноября 2011 г., Вильнюс.

⁴⁶⁵ *Adamkus V. Likimo vardas - Lietuva: apie laiką, įvykius, žmones*. Kaunas: Santara, 1998.

В начале 1990-х гг. идея «Возвращения в Европу» («Return to the Europe»⁴⁶⁶), которую выходцы из зарубежных диаспор не просто отстаивали, а, по сути, олицетворяли собой словно «люди двух миров»⁴⁶⁷ (неслучайно за В. Адамкусом закрепилось в народе прозвище «Американец»), уступала по своей востребованности более земным проблемам – всплеск инфляции, жилищно-коммунальные неурядицы, безработица и т.д. Логично, что «не местные» (выходцы из диаспор) проигрывали «местным» (как правило, экс-номенклатуре), которые знали как чинить дороги и платить зарплаты, предлагали конкретные, а не общие идеи. По мере стабилизации внутренней ситуации в странах Прибалтики внешнеполитический фактор набирал влияние⁴⁶⁸. Идея о присоединении к НАТО была солидарно озвучена лидерами трех стран Прибалтики в декабре 1993 г. Договоры об ассоциации с ЕС, открывавшие путь к вступлению в Евросоюз, подписаны в 1995 г. Эстония первой получила приглашение к переговорам о членстве в ЕС – в 1997 г. (при Т.Х. Ильвесе как главе МИД), Латвия и Литва в 1999 г. (при президентах В. Адамкусе и В. Вике-Фрейберга). Впоследствии западные СМИ оценили это как то, что представители диаспоры обеспечили «успешное возвращение»⁴⁶⁹. Представители зарубежных диаспор внесли значимый вклад в становление политического порядка в современных Латвии, Литве и Эстонии. В количественном отношении их было мало – до 4% в отдельные

⁴⁶⁶ *Ives T. H.* Estonia's return to Europe / remarks by Toomas Hendrik Ives, Estonian Minister of Foreign Affairs, at the Societa Italiana per le Organizzazione Internazionale, Rome, 20 March // Post-Cold War Identity Politics. Northern and Baltic Experiences / Ed. by Lehti M., Smith D.J. London: Frank Cass, 2003. 316 p.

⁴⁶⁷ *Reenan van A.* Valdas Adamkus: a Man of Two Worlds // Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. 1998, Vol. 44, No. 4.

⁴⁶⁸ Еще советский политический опыт («Не можешь противостоять – возглавь!») подсказывал экс-номенклатуре, что «абстрактные» идеи выходцев из западной диаспоры следует не игнорировать, а использовать, расширяя свою электоральную базу. Так, например, в 1994 г. президент Литвы А. Бразаускас написал письмо генсеку НАТО М. Вернеру о стремлении страны присоединиться к Альянсу, разделяемому всеми политическими силами. Идея «Возвращения на Запад» становилась всеобщей.

⁴⁶⁹ *Bransten J.* Baltics: Diaspora Makes Successful 'Return' // Radio Free Europe. 27.09.2006 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/1071665.html> (дата обращения: 17.10.2019)

электоральные циклы. Эмигранты или, как они себя называли сами, «изгнанники» стали тем маленьким по размеру, но существенным по степени воздействия элементом политической системы, которым нельзя пренебречь, ведь он придал ей иное состояние, новое качество.

Однако в целом они так и остались преимущественно особняком, не были приняты полностью ни одной из элитных фракций в качестве своих. «Политики морали» не спешили делиться с ними своим авторитетом, а, скорее, стремились использовать в борьбе против бывших деятелей Компартии. Выходцы из экс-номенклатуры видели в них «классово чуждые элементы» - по сути, чудаков, не владеющих ситуацией в стране, но называющих её своей родиной и презрительно относящихся к «старой» власти. Интерес выходцы из диаспор представляли для предпринимательских кругов, однако они оформились лишь ко второй половине 1990-х гг. Подобно экс-номенклатуре «возвращенцы» проявляли интерес к приватизации предприятий (если бывшие члены КПСС обращали внимание в основном на производственные и сельскохозяйственные комплексы, то «зарубежников» привлекали телекоммуникационные сети, банки, транспорт и т.д.). Другим отличием было то, что представители диаспор, как правило, не приватизировали предприятия лично, а в основном выступали в роли посредников, привлекая иностранных инвесторов. В первые годы после распада СССР бизнес-сообщества в странах Прибалтики, несмотря на имевшие место ранее экономические эксперименты, в полном смысле этого слова не существовало. Формированию бизнес-сегмента как источника элитного рекрутирования посвящен следующий параграф.

3.4. Бизнес-сообщество

Традиционным подходом к рассмотрению вопроса о роли бизнеса во властных структурах в переломные после падения СССР годы является модель трансформации «аппаратчиков» в миллионеры. В параграфе 3.2 уже рассмотрены некоторые конкретные случаи, указывающие, что выходцы из советского партийно-управленческого аппарата стран Прибалтики неоднократно и значительно принимали участие в процессе приватизации, пытаясь сохранить свои позиции во властных кругах, однако уже не в политической, а в экономической сфере. Впоследствии те, кто сумел поставить под свой контроль существенные в инфраструктурном плане активы (сельское, транспортное, энергетическое и иное хозяйство), стремились к оказанию воздействия на политический процесс, действуя лично или опосредованно, через партии, СМИ, лоббистские группы. В этом смысле вполне оправдано, что некоторые представители бизнес-кругов упомянуты и в данном параграфе, и в разделе об экс-номенклатуре. Процесс становления бизнес-сообщества как источника элитного рекрутирования развивался постепенно, поэтому опыт советского хозяйствования, а также пореформенных изменений имел на начальном этапе важное значение.

Особая роль бизнеса в процессе принятия политических решений не принималась исследователями единодушно. Если Ч. Линдблом указывал именно на привилегированное положение бизнеса, от действий которого зависит прочность власти элитных групп⁴⁷⁰, то, например, Д. Вогель утверждал, что бизнес не может считаться уникально привилегированной группой, т.к. «в природе, масштабе или величине власти, которой он обладает, нет ничего такого, чего нельзя было бы учесть в рамках искушенной политики групп интересов»⁴⁷¹. Однако в то же время бизнес не

⁴⁷⁰ Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2005. С. 190–209.

⁴⁷¹ Vogel D. Political Science and the Study of Corporate Power: A Dissent from the New Conventional Wisdom // British Journal of Political Science. 1987. Vol. 17, No. 4. P. 408.

может быть назван просто «одной из» групп интересов. Набор возможностей, которыми он обладает в силу доступных материальных ресурсов, выделяет бизнес из общего ряда лоббистских структур, позволяя усматривать здесь то, что Д. Тев именуется специфической формой контроля над политикой, которая сочетает в себе как признаки «правления предвиденных реакций», так и структурной детерминации. Д. Б. Тев утверждает, что бизнес занимает особое, «привилегированное положение» в политике с точки зрения степени и способов влияния. Вместе с тем необходимо учитывать предостережение о возможности ошибочного, необоснованного приписывания субъекту потенциальной власти⁴⁷².

Особенности конституционного устройства страны задают рамки, принципы распределения центров принятия ключевых решений: степень централизованности / фрагментированности политического пространства оказывает влияние на то значение, каким способны обладать бизнес-группы – появится ли у них возможность оказывать воздействие на все или на отдельные «центры силы». Опираясь на идеи И. Селеньи, отметим, что в странах Прибалтики, как и в целом в Восточной Европе после падения советского блока, формирование бизнес-сообщества шло в рамках двух магистральных моделей – «капитализм сверху» и «капитализм извне» (последняя в основном свойственна для Эстонии, сделавшей стратегическую ставку на иностранные инвестиции). Хотя Латвия, Литва и Эстонии в советский период служили своего рода полигоном для отработки новых моделей хозяйствования (программа ИМЕ «Самохозяйствующая Эстония», концепции экономической самостоятельности Латвии и Литвы), начальный этап формирования предпринимательского сектора характеризовался раздробленностью, неурегулированностью, высокой динамикой и плотностью изменений. Процессы приватизации были в

⁴⁷² Тев Д. Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования // Российские властные институты и элиты в трансформации : материалы 8-го всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А. В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2011. С. 71.

странах Прибалтики масштабны, но извлечь пользу из них смогли не все: даже среди тех, кто приватизировал то или иное предприятие, учитывая последовательное сжимание «восточного» рынка и необходимость перестраиваться, не каждый был готов вести работу на новых условиях. Выжили наиболее опытные, мобильные, крепко стоящие на ногах и располагающие наибольшим количеством полезных связей. Постепенное нарастание взаимопересечений интересов бизнеса как более-менее самостоятельного сегмента и властных кругов приводит к формированию привилегированных связей с отдельными бизнес-игроками, которые стали претендовать на перехват функций принятия государственных решений.

Назначение премьер-министром Латвии в 1995 г. одного из богатейших предпринимателей страны А. Шкеле, создание бизнесменом Р. Лепиксоном Коалиционной партии Эстонии и его избрание мэром Таллина в 1996 – 1997 гг., массовое финансирование парламентских партий Литвы на выборах 1996 г. владельцем группы «Achema» Б. Лубисом – эти случаи указывают на то, что системные связи политического мира и бизнес-пространства в странах Прибалтики сформировались к середине 1990 гг. Своего пика они достигли спустя десятилетие, когда в Литве одним из центральных политических игроков стала партия миллионера В. Успасских, импичмент президенту Литвы Р. Паксасу в 2003 г. объявлен на основании обвинений в потакании интересам бизнеса в ущерб государственным, в Латвии в 2007 г. согласование кандидатуры в президенты страны прошло на неформальной встрече крупнейших бизнесменов в рижском зоопарке⁴⁷³, в Эстонии в 2001 г. бизнесмену Ю. Мыйзу пришлось подать в отставку с должности мэра Таллина из-за попыток совмещения политических и коммерческих интересов⁴⁷⁴, а в 2012 г. достоянием гласности стала

⁴⁷³ *Norkus Z.* Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks // *Baltic Journal of Political Science*. 2013. No. 2. P. 21.

⁴⁷⁴ *Pettai V.* Estonia // *European Journal of Political Research*. 2002. №41. P. 947–951.

информация о нелегальном финансировании ведущих эстонских партий (Партии реформ и «Союз отечества»).

Если на первом этапе после провозглашения независимости основными элитными фракциями, которые вели борьбу за власть, были «политики морали», выходцы из экс-номенклатуры и отчасти представители зарубежных диаспор, то постепенно в этот процесс включаются и бизнес-круги⁴⁷⁵. Накопление финансовых ресурсов, рост количества частных предприятий, а с ними и формирование групп состоятельных граждан, ищущих иное применение своим средствам, кроме традиционного извлечения прибыли, стартовал с начала 1990 гг. на фоне приватизации, массового восстановления прав на землю и совершения ряда крупных сделок в странах Прибалтики с участием зарубежного капитала (в банковской, телекоммуникационной сфере и т.д.)⁴⁷⁶. Быстрая приватизация в конечном счете обусловила влияние бизнес-лобби на политику⁴⁷⁷.

Если в 1990 гг. количество долларовых миллионеров в Латвии, Литве и Эстонии исчислялось сначала единицами и десятками, то в 2000-х - сотнями, а в 2010 гг. – превысило 1,5 тыс. в каждой стране (это в десять-пятнадцать раз больше, чем депутатов в парламенте страны). Основные источники состояний: банковское дело, телекоммуникации, недвижимость, грузоперевозки, строительство, торговля, ИТ-проекты, продукты питания⁴⁷⁸.

Если проводить разграничение по сферам политической активности бизнесменов, то, помимо парламента, выходцы из коммерческих структур значимо проявили⁴⁷⁹ себя в рамках правительства (рисунок 5).

⁴⁷⁵ *Matonyte I. From Nomenklatura to Competitive Elites: Communist and Post-Communist elites / I. Matonyte, G. Mink // Baltic Democracy at the Crossroads. An Elite Perspective / eds. S. Berglund, K. Duvold. Kristiansand : Hoyskoleforlaget ; Norwegian Academic Press, 2003. P. 37–57.*

⁴⁷⁶ *Шкаратан, О. И. Указ. соч. С. 351.*

⁴⁷⁷ *Terk, E. Op. cit. P. 34.*

⁴⁷⁸ По данным докладов консалтинговой компании «Knight Frank» (Великобритания), изданий *Veidas* (Литва), *Klubs и Kapitals* (Латвия), *Агирев* (Эстония).

⁴⁷⁹ В Литве обращает на себя внимание системное участие бизнес-кругов в политической жизни на уровне регионов: предприниматели возглавляли Вильнюс (А.

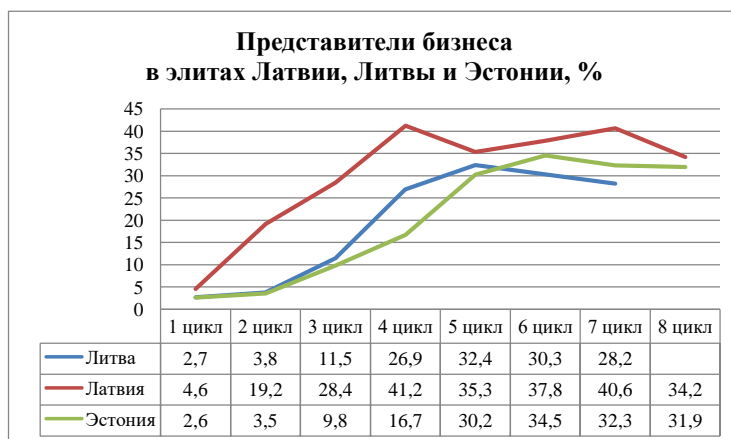

Рис. 5. Представители бизнеса в элитах Латвии, Литвы и Эстонии
(расчеты автора).

На диаграмме видна специфическая черта постсоветской Латвии – там уровень представителей бизнеса в политической элите высок (30–43 %) на протяжении всего исследуемого периода, существенно и их влияние на политическую жизнь. Упомянутая ранее встреча в Рижском зоопарке, на которой бизнес решал, кого выдвинуть в президенты Латвии, не осталась без последствий. «Антиолигархическая» риторика использовалась многими политическими силами: были организованы массовые манифестации «за другую политику» (получили название «революция зонтиков», т.к. проходили в основном в дождливую погоду). В январе 2009 г. на фоне экономического кризиса они вылились в беспорядки (получили название «революции булыжников», т.к. обернулись погромом в центре Риги). Протестующие требовали роспуска парламента, называя его подконтрольным олигархам. Правительство И. Годманиса ушло в отставку. А президент В. Затлерс (которого «выбрали» в зоопарке) решился на роспуск сейма лишь в 2011 г. Самого В. Затлерса сменил А. Берзиньш – в прошлом банкир и миллионер.

Зуокас), Каунас (В. Матийошайтис), Друскининкай (Р. Малинаускас), Шяуляй (А. Висоцкас), Клайпеду (Э. Гентвилас) и др.

После выхода Латвии из состава Советского Союза можно выделить две основные группы влияния – так называемый «Клуб 21» (создан 21 февраля 1992 г.) и «Валмиерскую группировку». Ядро «Клуба 21» составляли Я. Круминьш (министр госреформ в 2000–2003 гг.), И. Берзиньш (депутат 5–7-го сеймов, глава МИД в 1999 – 2002 гг.), В. Биркавс (зампред Верховного совета Латвии, премьер-министр в 1993 – 1994 гг., глава МИД в 1994 – 1999 гг., министр юстиции в 1999 – 2000 гг.), А. Горбунов (председатель Верховного совета Латвии, спикер сейма в 1993 – 1995 гг., занимал различные министерские позиции до 2002 г.), В. Кулик (президент «Рижского коммерческого банка»), М. Гайлис (премьер-министр в 1994 – 1995 гг.) и др. Из «Клуба 21» выросла партия «Латвийский путь» (лидер А. Пантелеевс), находившаяся у власти до 2002 г.

Активное рекрутирование выходцев из деловых кругов в политическую элиту (в основном на министерские и парламентские позиции) наблюдалось в Латвии с середины 1990-х гг., когда была образована «Демократическая партия «Саймниекс» (т.е. «Хозяин»). Ее основатели В. Мельник и Э. Кажа - бизнесмены, партия появилась как оппонент «Латвийскому пути», 6-й сейм Латвии (1995 – 1998 гг.) возглавляли представители «Демократической партии «Саймниекс», Э. Кажа руководил Агентством по приватизации, а В. Мельник – министерством финансов. Именно от «Демократической партии «Саймниекс» на пост премьер-министра была выдвинута кандидатура беспартийного А. Шкеле, долгие годы считавшегося одним из самых влиятельных политиков и бизнесменов. Руководство и члены «Демократической партии «Саймниекс» не скрывали, что заинтересованы в участии в приватизации крупных предприятий (таких как «Latvijas Balzams», «Latvijas kugniecība» и др.)⁴⁸⁰.

⁴⁸⁰ "Хозяин" недоволен Наглисом. Демпартия "Саймниекс" хочет смены руководства ЛАП // «Бизнес & Балтия» No. 9 (887). 14 января 1998 г.

Ядро «Валмиерской группировки» составили А. Грутупс (затем советник президента Латвии Г. Улманиса, адвокат), Э. Крастиньш (экс-министр экономики и экс-министр финансов, один из создателей Народной партии), А. Берзиньш (президент Unibanka, Latvenergo, Торгово-промышленной палаты Латвии и, наконец, самой Латвии до июля 2015 г.), А. Шкеле (премьер-министр в 1995 – 1997 гг., 1999 – 2000 гг., создатель Народной партии), Я. Наглис (глава Латвийского агентства по приватизации в 1994 – 2002 гг., акционер Grindex) и т.д.

К середине 2010-х гг. рычаги влияния отчасти сохранили лишь «осколки» «Валмиерской группировки». В целом такие возможности были у «большой тройки олигархов» - А. Лембергса, А. Шкеле и А. Шлесерса⁴⁸¹ (каждый из них на определенном этапе участвовал в политике как лично, занимая важнейшие с точки зрения принятия ключевых политических решений посты вплоть до уровня премьер-министра, так и оставаясь в тени, через спонсируемые политические проекты).

А. Лембергс, А. Шлесерс и А. Шкеле в 2011 г. оказались фигурантами «дела олигархов», по которому были обвинены во взяточничестве, легализации незаконно полученных финансовых средств, злоупотреблении положением и нарушением ограничений для должностных лиц. Среди доказательств - тайно сделанные записи переговоров «большой тройки» с латвийскими политиками, которые они вели в гостинице в Риге. Следствие шло 5 лет и было закрыто в 2016 г. из-за отсутствия доказательств.

Постепенно стали появляться новые центры влияния, а прежняя структура «центров силы» усложнилась: на место двух – трех главных группировок пришло больше мелких, размывающих общую картину распределения влияния. Чаще всего политики, имеющие бизнес-бэкграунд, были

⁴⁸¹ Начиная с розничной торговли, в списке латвийских миллионеров с 1997 г., был министром экономики (1998-1999 гг.), вице-премьером (2002-2004 гг.), министром транспорта (2004-2009 гг.), вице-мэром Риги, неоднократно избирался в парламент Латвии. В разные годы руководил различными партиями – «Латвийская первая партия / Латвийский путь», «Едины для Латвии».

представителями банковской сферы (35 %), консалтинга (16 %), транспортного сектора (8 %), сельского хозяйства (8 %), телекоммуникационной отрасли (8 %) и сектора операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг (8 %). Большая часть политиков, обладающих бизнес-опытом, контролировали министерство финансов (31 %) и министерство экономики (14 %).

Если в ходе парламентских выборов начального периода свои кандидатуры выставляли в основном руководители и ключевые менеджеры предприятий, то впоследствии баллотироваться стали уже владельцы компаний – так, в 2010 г. за места в парламенте боролись латвийские миллионеры: 7 миллионеров от движения «За лучшую Латвию!», 2 от «Центра согласия» и по 1 от «ЗаПЧЕЛ», «Союза зеленых и крестьян», нацобъединения «Все для Латвии / Отечеству и свободе – Движение за национальную независимую Латвию» и «Единства».

Сопоставление карьерных траекторий депутатов парламента и членов Правительства Латвии позволяет получить более полное представление о процессе элитного рекрутирования в постсоветский период (таблица 8).

В Литве, по данным И. Матоните, в 1990 – 2008 гг. отмечалось неуклонное возрастание доли депутатов парламентов, пришедших в политику из частного сектора. Так, по итогам первых выборов 1990 г. каждый десятый депутат оказался представителем частного сектора (это еще не бизнесмены в современном понимании, а сотрудники частных предприятий в сфере производства, коммерции и оказания услуг). В 1996 г. (пик приватизации в Литве уже преодолен) представительство выходцев из экс-номенклатуры на руководящих должностях в экономике достигало 40 %⁴⁸². Относительно мирный характер смены режимов на пространстве Восточной Европы создал предпосылки для того, чтобы выходцы из властных кругов прежнего режима смогли в ряде случаев конвертировать политический капитал в экономические активы при новых условиях. Экс-

⁴⁸² *Matonyte I. Posovietinio elito labirintai. Vilnius : Knygiai, 2001.*

номенклатура не всегда реализовывала исключительно прозрачные схемы передачи государственных предприятий в частные руки, сформировав слой быстро обогащавшихся собственников-рантье.

После выборов 2000 г. присутствие предпринимателей в парламенте Литвы стало весомым – 39 % (55 депутатов из 141). В 2004 г. их доля сократилась до 32 %. В отношении профессиональной занятости депутатов наблюдалась свойственная большинству стран постсоветского пространства тенденция роста числа управленцев и предпринимателей среди парламентариев: 18,4 % в 1992 г., рекордные 43,3 % в 2000 г., и постепенный спад – 38,3 % в 2004 г., 27,8 % в 2008 г., 32,4 % в 2012 г. В 1999 г. в сейме Литвы были официально зарегистрированы первые два депутата-миллионера. К 2004 г. количество тех, кто сумел конвертировать свой финансовый капитал в политический и попал в сейм, выросло до 28 чел., к 2014 г. – до 37 (т.е. каждый четвертый депутат сейма был миллионером). Среди состоятельных парламентариев – представители основных партий: социал-демократы (упоминавшийся ранее Б. Брадаускас), консерваторы (Г. Ландсбергис, внук В. Ландсбергиса), «трудовики» (сама «Партия труда» была основана миллионером, владельцем компании «Vikonda» В. Успаских), либералы (К. Главяцкас), «аграрии» (лидер «Союза крестьян и зеленых» Р. Карбаускис - владелец компании «Agrokonzernas», один из наиболее богатых граждан Литвы) и пр.

Эстонский исследователь В. Петтаи, рассмотрев профессиональный состав кандидатов в депутаты парламентов Латвии, Литвы и Эстонии в 1992 – 2004 гг., пришел к выводу, что если на начальном этапе становления независимости в политическую элиту могли попасть, скорее, «гуманитарии», то через десятилетие успех сопутствует в основном руководителям, ключевым менеджерам компаний и чиновникам. В рамках

данного периода наибольший всплеск интереса бизнес-кругов к личному участию в политическом процессе отмечался в 1998 – 2002 гг.⁴⁸³

Если же говорить о степени представленности выходцев из бизнеса в органах государственной власти Литвы в целом, следует отметить: их доля возрастает с каждым электоральным циклом (в 1992 – 1996 гг. – 2,7 %, в 2008 – 2012 гг. – 32,4 %). Такой неуклонный рост может быть объяснен не только тем, что возможность конвертации финансового капитала в капитал политический заинтересовала бизнес не сразу, но и структурным фактором.

Изменения внутри элитных сегментов связаны и со сменой поколений, и со сменой стиля деятельности. Постепенно уходят, отодвигаются на второй план те, кто боролся с «машиной» советского времени и при этом в период перемен выступали в основном с ценностных позиций. На авансцену выдвигаются деятели, не имевшие такой общественно-политической «школы», для которых их статусное и материальное возвышение связано с прагматическими обстоятельствами пореформенных лет⁴⁸⁴. Соответственно и участие в политике становится для них больше вопросом цены, а не ценностей.

Примером вхождения бизнеса во власть может служить председатель Конфедерации промышленников Литвы и президент концерна «Achemagroup» Б. Лубис, который в 1991 – 1992 гг. был вице-премьером, а в 1992 – 1993 гг. возглавлял правительство. Вплоть до своего ухода из жизни в октябре 2011 г. он имел высокую степень влияния на политический процесс. Его концерн был среди лидеров по финансовой поддержке политических партий⁴⁸⁵. В преддверии парламентских выборов 1996 г. партия «Союз Отечества – Консерваторы Литвы», которая рассчитывала на победу

⁴⁸³ *Pettai V.* The Consolidation of the Political Class in the Baltic States : Paper Presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research, September 7–9, 2007, Pisa, Italy : [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/generalconference/pisa/papers/PP1103.pdf> (дата обращения: 20.07.2013)

⁴⁸⁴ *Левада Ю.А.* Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // *Общественные науки и современность.* 2007. № 6. С. 14.

⁴⁸⁵ Запрет на финансирование партий юридическими лицами в Литве введен с 2011 г.

(и добилась ее), заключила соглашение с Б. Лубисом о поддержке, «ценой» которого стали несколько министерских позиций для его людей. В частности, министром экономики был назначен зампреда Конфедерации промышленников Литвы В. Бабилюс (директор вильнюсского завода измерительных приборов), которому было поручить вести программу приватизации – по сути, под контролем Б. Лубиса. Министр В. Бабилюс резко критиковался социал-демократами, которые в тот момент находились в оппозиции. В 1999 г. правительство консерваторов подало в отставку, по итогам парламентских выборов 2000 г. консерваторы потерпели поражение, кресло премьер-министра получил лидер социал-демократов А. Бразаускас и до 2004 г. министром экономики вновь был человек Б. Лубиса – «капитан» мебельной отрасли П. Чесна. В эти годы поднимались сложные для литовской экономики вопросы, за что критиковался и В. Бабилюс, и П. Чесна (Б. Лубис же старался оставаться в тени) – речь шла о продаже литовского инфраструктурного хозяйства в нефтяной и газовой сфере. Интерес проявляли российские компании «Лукойл», «Газпром». Существенным противовесом интересам Б. Лубиса выступил В. Адамкус, который в 1998 г. был избран президентом Литвы и в 1999 г. продал решение о, по сути, передаче НПЗ «Мажейкю нафта» американской компании «Вильямс». А 34% акций «Лиетувос дуес» были все же проданы «Газпрому» в 2004 г.

В качестве другой иллюстрации влияния, которым способен пользоваться бизнесмен, напомним о Ю. Казицкасе, одном из богатейших бизнесменов Литвы, большую часть своей жизни проведшего в США, являясь советником премьер-министров К. Прунскене, Г. Вагнорюса, А. Шляжявичюса, председателя сейма В. Ландсбергиса, президента А. Бразаускаса. Однако случай Ю. Казицкаса все же больше говорит о непрямом воздействии бизнеса на политический процесс, в то время как пример В. Успаских показывает личную вовлеченность коммерческих кругов в формирование политической элиты.

Миллионер В. Успаских, президент Конфедерации предпринимателей Литвы, стал депутатом сейма в 2000 г., возглавил комитет по экономике. В 2004 г. по итогам парламентских выборов его Партия труда (создана в 2003 г.) получила на выборах в Европарламент 5 из 13 возможных мест для Литвы и больше всех депутатских мандатов (39 из 141) в сейме. Пять министров от Партии труда вошли в правительство, в т.ч. и сам В. Успаских - он сменил П. Чесну на посту министра экономики. Однако уже через год по обвинению в конфликте интересов В. Успаских оставил государственные должности, а еще чуть позже был вынужден бежать из страны и скрываться в России, где он родился. В 2007 г. вернулся в страну, в 2009 г. и в 2014 г. стал депутатом Европарламента, его Партия труда в 2012 г. вновь была лидером по количеству мандатов по итогам парламентских выборов. Министры от В. Успаских неоднократно входили в состав правительства, хотя сам он и его команда долго находились под прессом уголовных дел. По прошествии ряда лет литовский «олигарх» признался, что финансировал многих политиков, но счастья от обладания властью все же не получал. Его характеристика основных властных групп Литвы довольно эмоциональна: «Как и Б. Лубис, я поддерживал консерваторов, социал-демократов, иногда центристов и либералов. Поначалу социал-демократы выручали, действительно пытались убрать те барьеры, что создавали консерваторы. Но затем они же и ввели в литовскую политику принцип «игры без правил». Консерваторы были прозрачны и прогнозируемы – понятны как враг, они не скрывали этого. А социал-демократы – насквозь лживы и коварны»⁴⁸⁶. Он объясняет это, в частности, тем, что большинство из социал-демократов были членами Компартии и в новых условиях вынуждены были обелять себя всеми доступными средствами.

⁴⁸⁶ *Uspaskich V. Mano ligos ir priesai – mano geriausi mokytojai. Vilnius: Spauda, 2016. 520 p.*

«Борьбе с олигархами» посвятила существенную часть своего президентства Д. Грибаускайте⁴⁸⁷. Как правило, конфликтная ситуация, в т.ч. с привлечением ею специальных ведомств, возникали с теми, кто по убеждению Д. Грибаускайте, составлял политическую конкуренцию – «борьба с олигархами» коснулась, в частности, депутата В. Успаских (уголовное преследование за подкуп избирателей и «двойную» бухгалтерию), мэра А. Зуокаса (называла его ставленником компаний «Икор» и «Летувос дуес») и т.д. А в 2018 г. Д. Грибаускайте сама стала «жертвой» - с подачи лидера Либерального движения Э. Масюлиса в прессу была вброшена якобы принадлежащая ей конфиденциальная переписка, из которой следовало, будто кадровые вопросы она обсуждала с одним из крупнейших бизнесменов Литвы, владельцем «MG Baltic Group» Д. Моцкусом. Руководство концерна «MG Baltic Group», Либерального движения и Партии труда обвинили в политической коррупции.⁴⁸⁸

Влияние выходцев из бизнеса значимо и в политической жизни Эстонии. К концу 2000-х гг. Эстония стала страной с одной из наиболее либеральных рыночных экономик в Европе, но в то же время и с самым высоким уровнем неравного распределения доходов. Централизованная программа приватизации здесь стартовала в 1992 г., однако предприятия не всегда переходили в руки работающих на них сотрудников – нередко установить контроль над собственностью удавалось группам с доступом к капиталу (в первую очередь - иностранному). По экспертным оценкам, уже на начальной стадии до 40 % приватизированных активов в Эстонии оказались под контролем зарубежных инвесторов. Процесс формирования

⁴⁸⁷ Д. Грибаускайте: местные олигархи обирают народ не хуже, чем Газпром // «Литовский курьер». 27 марта 2014 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kurier.lt/d-gribauskajte-mestnye-oligarhi-obir/> (дата обращения: 10.11.2015)

⁴⁸⁸ Д. Моцкус связывает дело MG Baltic с просьбами к СМИ не критиковать Д. Грибаускайте // Литовский курьер. 13 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kurier.lt/d-mockus-svyazyvaet-delo-mg-baltic-s-prosbami-k-smi-ne-kritikovat-d-gribauskajte/> (дата обращения: 19.11.2019)

влиятельных местных бизнес-групп, заинтересованных в реализации своих интересов через политические процессы, в Эстонии шел медленнее⁴⁸⁹.

Кроме того, в Эстонии довольно быстро были сформированы новые отрасли, к которым представители прежних властных групп почти не имели отношения – например, ИТ-сфера (Mikrolink и др.). Бизнес довольно активно участвовал в политической жизни, на начальном этапе в основном через финансирование партий – финансовую поддержку оказывали и Mikrolink, и химическая группа Viru Keemia, и охранная группа ESS, и многие иные. Опыт участия представителей коммерческих кругов Эстонии в политической жизни страны более институционализирован, нежели в Латвии и Литве. Здесь уже в 1990 г. учреждена Партия предпринимателей Эстонии – ее лидером был экономист Т. Маде (известен своей русофобской позицией еще с 1980 гг.)⁴⁹⁰ – которая впоследствии стала частью Центристской партии. Установка на разрыв с советской экономической базой (лозунг «Очистим площадку от старого!»⁴⁹¹), иной подход к приватизации, целенаправленная поддержка малого и среднего предпринимательства (количество стартапов в 2006-2016 гг. в Эстонии составило столько же, сколько совокупно в Латвии и Литве – более 400⁴⁹²), система государственного финансирования представленных в парламенте политических партий и ограничения на максимальную сумму частных пожертвований (не более 32 тыс. евро), фрагментированность парламента

⁴⁸⁹ *Helemae J.* Estonia – Highly Unequal but Classless? / J. Helemae, E. Saar // *Studies of Transition States & Societies*. 2012. Vol. 4, No. 2. P. 49–58.

⁴⁹⁰ *Фурман Д.Е.* Становление политических организаций в современной Эстонии. Вып.4. М.: Аналитический центр АН СССР по проблемам социально-экономического и научно-технического развития, 1991. С.18.

⁴⁹¹ «Мы выбрали самый радикальный способ экономической реформы. Политические силы, пришедшие к власти в 1992 г., шли под лозунгом «Очистим площадку от старого!». Они исходили из того, что советская экономика не оставила Эстонии ничего, чем можно воспользоваться», - вспоминал замглавы МИД Эстонии М. Маасикас. Подробнее см.: Эстония / Путь в Европу / сб. ст. под ред. *Клямкина И., Шевцовой Л.* Фонд «Либеральная миссия». М.: «Новое издательство», 2008. С. 15.

⁴⁹² *Mets T.* Entrepreneurship in Estonia: Combination of Political and Entrepreneurial Agenda / *Entrepreneurship in Transition Economies. Diversity, Trends, and Perspectives* / ed. by Sauka A., Cherpurenko A. Cham, Springer, 2017. P. 115-134.

(ни одна партия не доминирует, всегда требуется коалиция), ряд иных шагов сформировали такие условия, в которых эстонский бизнес вовлечен в политику несколько иначе, чем в Латвии и Литве⁴⁹³. Коммерсанты системно спонсируют политические партии⁴⁹⁴, создают объединения для продвижения своих интересов⁴⁹⁵, коррумпируют министров и депутатов⁴⁹⁶, но при этом реже, чем в Латвии и Литве, присутствуют⁴⁹⁷ в органах государственной власти, в парламенте или правительстве (среди министров и депутатов: миллионеры Ю. Мыйз, О. Тааль, Т. Сильдмяэ, У. Сыырумаа, Р. Лепиксон, Т. Лууман, Т. Вяхи, Р. Варе, Р. Марусте, А. Коробейник и др.).

⁴⁹³ «Модель отношений «политика – бизнес» пытались строить как подражание «северной, или скандинавской, модели». Экссессы типа продажи рублевой массы в Чечню и перевозки оружия на пароме «Эстония» вызвали достаточно жесткую реакцию в компетентных структурах США и Европы. Именно после этих событий произошла ревизия внешних признаков сращивания политических элит и бизнеса, был успешно запущен PR-проект, рекламирующий правящую элиту в категориях традиционных национальных ценностей», - утверждает Н.М. Межевич. Подробнее см.: *Межевич Н.М.* Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. С.176.

⁴⁹⁴ Щедрое пожертвование еще не гарантируют, что партии, попав во власть, исполняют волю своих спонсоров: например, когда группа нескольких ключевых бизнесменов сформировала альянс для участия в приватизации эстонской железной дороги, то правящая коалиция, несмотря на полученные ранее пожертвования от этих бизнесменов, сделала все, чтобы они не победили в конкурсе. А в 2007 г. в ходе скандала «куплю закон» в Эстонии один из видных предпринимателей пожертвовал значительные денежные средства в пользу нескольких партий в период, когда он занимался строительством энергетической установки на основе возобновляемых источников энергии. Последовавшее за этим утверждение законопроекта о предоставлении правительственных субсидий на реализацию таких проектов привело к выдвиганию обвинений в коррупции. Подробнее см.: Финансирование политических партий и избирательных кампаний / под ред. *Джоунс С., Оман М., Фальгера Э.* Стокгольм: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2016. 285 с.

⁴⁹⁵ В 2016 г. ряд известных бизнесменов опубликовали обращение, в котором призвали избрать президентом Эстонии бывшего канцлера права А. Йыкса. А в 2018 г. «капитаны бизнеса» создали фонд Riigireform для выработки предложений по реформированию системы государственного управления в Эстонии.

⁴⁹⁶ В 2009 г. депутаты парламента, бывшие министры сельского хозяйства Э. Туйксоо и охраны окружающей среды В. Рейльян были обвинены в получении взяток в интересах крупного бизнесмена Т. Аннуса в целях организации незаконных земельных сделок.

⁴⁹⁷ Иногда это приобретает семейные формы, как, например, в случае с Социал-демократической партией Эстонии – ее представитель Евгений Осинковский в 2014 г. стал министром образования (в 28 лет), потом возглавил партию, затем стал министром здравоохранения – замечательная карьера, если учесть, что его отец О. Осинковский, владея транспортной компанией «Skinet Rail», был ключевым спонсором партии, являясь при этом депутатом Рийгикогу.

Слабое место выходцев из бизнеса – обвинения в коррупции, злоупотреблении служебным положением⁴⁹⁸.

В Эстонии выходцы из бизнеса составляют в парламенте во всех электоральных циклах лидирующую группу – 16 % в среднем (максимум – 20,8 % в 2003 г.)⁴⁹⁹. Если же учесть правительственный сегмент, то средний показатель присутствия представителей коммерческого сектора (в основном из сферы транспорта, телекоммуникаций, финансов) во властных группах – до 30 %, что соответствует общей тенденции в рамках стран Прибалтики.

Другая общая тенденция - крупный бизнес, желающий реализовать свои интересы через политические рычаги, постепенно отказывается от личного присутствия во власти, предпочитая действовать через своих доверенных людей, делегируя их на позиции депутатов парламента, министров либо советников высших должностных лиц. Используя различные лоббистские практики в рамках «внутреннего круга», бизнес имеет возможности для влияния на политический процесс, стремясь остаться «за кадром» при принятии ключевых решений, тем самым пытаясь снять с себя политическую ответственность. Несмотря на юридические ограничения, бизнес-сообщества Латвии, Литвы и Эстонии играют заметную роль в формировании политической элиты этих государств.

Представители деловых кругов имеют стабильно значимое представительство в структуре властных групп Латвии, Литвы и Эстонии (30 – 40 %). При этом если в первые периоды выходцы из бизнес-кругов нередко занимали высшие посты (премьер-министра, председателя парламента), то с 2000 гг. бизнесмены все чаще переходят на посты в

⁴⁹⁸ В 1993 г. министр экономики Т. Сильдмяэ от партии «Отечество» подал в отставку, т.к. был уличен в том, что содействовал выдаче крупных кредитов гостиничной сети, совладельцем которой он был. Министр финансов С. Каллас обвинялся в хищении в крупном размере, когда был главой Банка Эстонии, но ответственности не понес. В 2015 г. глава эстонского МИДа К. Пентус-Розиманнус лишилась своей должности: в присвоении средств компании Autorollo был обвинен ее отец В. Пентус, который, как показало следствие, на эти деньги отстроил для дочери-министра новый дом.

⁴⁹⁹ *Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and Representation* / eds. E. Semenova, E. Edinger and H. Best. London : Routledge, 2014.

«профильных» министерствах либо занимают депутатские кресла в парламенте, вероятно, предпочитая концентрироваться на конкретных вопросах, отвечающих их интересам. Впоследствии присутствие именно «первых лиц», самих «капитанов бизнеса» в структурах власти снижается в пользу их доверенных представителей.

Значимое присутствие деятелей коммерческого сегмента в политической элите оказывает свое влияние не только на структурные изменения властных групп Латвии, Литвы и Эстонии, но и на их решения, принимаемые на внешнеполитическом треке. Так, прагматичный настрой бизнеса не раз вступал в противоречие с «красными линиями», которые были очерчены национально ориентированными политиками (в основном еще «политиками морали» и выходцами из зарубежных диаспор) на заре независимости. Коммерчески обоснованный подход к выстраиванию сбалансированного экономического сотрудничества с Россией нередко расценивался через призму угрозы государственной безопасности⁵⁰⁰. Отсюда и конфликтные ситуации, которые сотрясали политическую элиту Латвии, Литвы и Эстонии за последние десятилетия – касалось ли это транзита грузов через порты стран Прибалтики, продажи НПЗ «Мажейкю нафта», «Ээсти гаас» или чего-либо иного.

Как отмечает В.В. Воротников, «если процесс (гео)политического размежевания России и стран Балтии был завершен в 2004 г., то размежевание экономических интересов продолжается... Вопрос, насколько экономическая целесообразность сможет преодолеть политико-

⁵⁰⁰ В Литве в 2003 г. правительство консерваторов отказалось продавать НПЗ «Мажейкю нафта» российскому инвестору, мотивируя это тем, что нельзя рисковать и «пускать Ивана до крана». В Эстонии в 2010 г. визит главы РЖД В. Якунина по приглашению лидера оппозиционной Центристской партии Э. Сависаара, бывшего премьер-министра, был назван премьером А. Ансипом «подозрительным», этот визит был расценен как угроза – как попытка подкупа Э. Сависаара и формирования марионеточного правительства. «Уралвагонзавод», «Новотранс», «Газпром», «Лукойл», «Уралхим» и многие другие российские компании с середины 2010-х гг. свернули свое присутствие в странах Прибалтики.

идеологические мотивации, доминирующие в политике стран Балтии все постсоветские годы, продолжает оставаться открытым»⁵⁰¹.

В этом смысле прошедшие десятилетия показали: значимое присутствие, количественное преобладание выходцев из бизнеса в политических элитах стран Прибалтики оказалось неспособно конкурировать на внешнеполитическом треке с установками численно более скромных, но более влиятельных представителей зарубежной диаспоры или «политиков морали». В рамках внутривнутриполитических отношений бизнес чувствовал себя гораздо увереннее, иногда даже самоуверенно, что приводило к конфликтным внутриэлитным ситуациям. Но в вопросах внешней политики коммерсанты, как и выходцы из эк-номенклатуры, вели себя осторожнее и нередко занимали подчиненное, ведомое положение, в итоге постепенно замыкаясь в рамках внутренней повестки, уже не помышляя о пересечении «красных линий».

Для выходцев из бизнес-кругов не свойственна внешнеполитическая сфера с точки зрения их профессионального интереса – анализ персонального состава властных групп показывает, что бизнесмены часто фигурируют в числе министров транспорта, экономики, финансов, даже премьер-министров, но не в качестве ответственных за международные отношения или безопасность. Между тем именно международные дела (в основном в треугольнике ЕС – США – Россия) это тот фактор, который в существенной мере оказал влияние на трансформацию политических элит стран Прибалтики, выработку ею важнейших решений, формирование устойчивых практик внутриэлитного взаимодействия. Активное пришествие бизнеса во власть, безусловно, оказало свое влияние на внутриэлитное взаимодействие в странах Прибалтики, сделав одной из его специфических черт значимую роль неформального измерения. Анализу данной проблематики посвящена глава IV.

⁵⁰¹ *Воротников В.В.* 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский союз // *Контурь глобальных трансформаций.* 2016. Вып. 5. Т. 9. С. 7-23.

Выводы

В главе III «Структурная динамика властных групп в Латвии, Литве и Эстонии» проанализированы изменения состава политических элит стран Прибалтики от провозглашения независимости в 1990 г. до 2014 г. – своего рода рубежа, 10-летия членства в ЕС и НАТО. С опорой на обширный блок собранных эмпирических данных, многие из которых впервые введены в научный оборот, проведен сравнительный анализ политических элит Латвии, Литвы и Эстонии с учетом новейших тенденций их структурных изменений. Выявлены четыре основные элитные группы, сочетание которых определяло внутреннюю структуру властных групп стран Прибалтики в рассматриваемый период.

В группу «политики морали» входят представители гуманитарной, научной интеллигенции и творческих профессий. Сделан вывод, что активное восхождение на руководящие позиции представителей данной группы на начальном этапе является чертой, соответствующей политическому трансформационному процессу не только в странах Прибалтики, но и ряде государств Восточной Европы. Запрос на перемены, рост недоверия к представителям партийных и особенно центральных органов управления, обусловленный системным кризисом позднесоветской политико-экономической модели, позволил гуманитарной интеллигенции стать значимым каналом элитного рекрутирования.

Выявлена специфика данного процесса в странах Прибалтики – поступательное «вызревание» множества общественных движений, дискуссионных клубов, создававшихся при активном участии писателей, журналистов, философов, деятелей церкви, которые постепенно наращивали уровень политических требований, переходя к центробежным установкам. Свое структурное обрамление данные процессы получили в виде Народных фронтов в Латвии и Эстонии, «Саюдиса» в Литве, националистически

настроенных Конгрессов граждан Латвии и Эстонии. Наибольшим влиянием в них пользовались «политики морали».

Несмотря на первоначальные колебания, ключевым политическим сюжетом для них стало отмежевание от Советского Союза, для чего «политиками морали» Латвии, Литвы и Эстонии был выбран универсальный подход – реализация идеи континуитета, преемственности довоенной государственности, отвергающей советский период. Соответствующие нормативные документы в приоритетном порядке были приняты Верховными советами Латвии, Литвы и Эстонии после выборов 1990 г., по результатам которых Народные фронты, «Саюдис» получили большинство депутатских мест. Данное решение оказало ключевое воздействие на весь комплекс внутри- и внешнеполитических отношений стран Прибалтики в постсоветский период, обусловив ряд расколов в обществах данных стран, придав импульс идее «возвращения на Запад», надолго цементируя в Латвии и Эстонии проблему «неграждан», сформировав долгосрочный негативный крен в отношениях с Россией, поместив в их основу темы «компенсаций» за «оккупацию» и территориальных претензий.

Персональный анализ политических элит Латвии, Литвы и Эстонии показал, что на современном этапе количество представителей творческих и научных кругов по-прежнему значительно (до 40% в отдельные электоральные циклы). Однако данный показатель не следует интерпретировать как подтверждение того, будто «политики морали» сохранили ведущее влияние в политическом процессе стран Прибалтики и сейчас. Автор утверждает, что значимость принимавшихся на начальном этапе «политиками морали» решений по степени своего влияния на все сферы жизни государства не сопоставима с тем вкладом, который вносят ученые, журналисты или актеры, оказавшиеся во власти в наше время. Если на начальном этапе политических изменений речь шла о формировании фундаментальных оснований, определявших функционирование политических систем Латвии, Литвы и Эстонии, то сегодня – в основном о

качественном информационно-аналитическом сопровождении политического процесса, а в отдельных случаях и о популистских проектах.

По мнению автора, если структурно «политики морали» и сохранились, то функционально – такая категория к настоящему времени утратила прежнее значение. Те, кто пришли им на смену, вправе претендовать не на роль харизматичных лидеров, способных собрать сотни тысяч на Певческом поле, а, скорее, на статус «гуманитарных технократов», «ремесленников». Представители интеллигенции, сумев занять командные высоты (нередко по линии министерств иностранных дел и обороны, в основном – в парламентском сегменте, в т.ч. в Европейском парламенте), постепенно оказались вытеснены на обочину политической жизни теми, кто лучше владел навыками внутриэлитной борьбы.

Проанализированы изменения такой властной группы как выходцы из партийно-управленческих структур советского периода. Роль представителей экс-номенклатуры значима для всех стран Прибалтики в контексте процесса приватизации. После запрета Компартий в Латвии, Литве и Эстонии в 1991 г. значительная часть представителей экс-номенклатуры сумели сохраниться в качестве участников новой политической жизни в силу ряда обстоятельств. Во-первых, благодаря конъюнктурному развороту в своих политико-идеологических установках с постепенной солидаризацией с повесткой дня, сформулированной «политиками морали» совместно с выходцами из зарубежных диаспор (вплоть до агрессивных антироссийских оценок). Во-вторых, управленческий опыт, навыки решения конкретных хозяйственных проблем, остро стоявших перед обществами стран Прибалтики в начале 1990-х гг., позволили бывшим партийным деятелям превзойти «политиков морали», которые в основном такими компетенциями не обладали. Это нашло свое отражение в их карьерных траекториях. На внутристрановом уровне: если «политики морали», как правило, переходили в парламентский и дипломатический корпус, то экс-номенклатура – в структуры исполнительной власти. На наднациональном уровне (после 2004 г.): если

«политики морали» были представлены в основном в Европарламенте, что особенно свойственно для Латвии, то участники властных групп, имеющие опыт членства в Компартии, чаще становились комиссарами Еврокомиссии.

«Встраивание» в политическую элиту постсоветских Латвии, Литвы и Эстонии происходило в основном с социал-демократических, центристских позиций. Представители КПСС сумели в новое время сохраниться не только на депутатском, министерском уровне, но и на президентском: в Латвии – Г. Улманис и А. Берзиньш, в Литве – А. Бразаускас и Д. Грибаускайте, в Эстонии – А. Рюйтель. Вместе с тем спектр их политических возможностей был существенно сужен и, по сути, вписан в те границы, «красные линии», которые были установлены по инициативе «политиков морали» и представителей зарубежных диаспор.

Выявлено значимое участие выходцев из республиканских Компартий в процессах приватизации, наиболее характерное для Латвии и Литвы. Тесная спайка с предпринимательскими кругами интерпретирована как попытка создания своего рода защитной опоры, укрепляющей положение экс-номенклатуры в изменившихся условиях. В меньшей степени это присуще Эстонии, где приватизация проводилась в основном в интересах иностранного капитала и, как правило, без участия прежних властных групп.

Количественный анализ показал, что к настоящему времени представители властных групп советского периода постепенно «вымываются» из политического процесса: если на начальном этапе их удельный вес приближался к 45%, то к настоящему времени – около 5-10%. Конкурирующими элитными фракциями (в основном это право-радикальные политические силы, опирающиеся на националистические установки) коммунистический опыт рассматривается как слабое место, «ахиллесова пята» и используется для давления на оппонентов с целью полного вытеснения экс-номенклатурных «осколков» из властных групп.

«Зарубежные диаспоры» - группа, небольшая в количественном отношении, но значимая с точки зрения влияния на политические изменения

в стране – выходцы из зарубежных латышских, литовских и эстонских диаспор. Показано, что по сравнению с остальными сегментами властных групп представители зарубежных диаспор (в основном из США, Канады, Швеции, Германии) всегда составляли меньшинство – наиболее крупный показатель не превышал 4%.

Выявлены их приоритетные профессиональные сферы – международные отношения и вопросы безопасности. Представители зарубежных диаспор в основном занимали руководящие позиции в странах Прибалтики в министерствах иностранных дел и министерствах обороны, а также в профильных парламентских комитетах (в случае Эстонии также привлекались к организации приватизации и перестройке банковского сектора). В процессах приватизации участвовали преимущественно в качестве менторов, делясь западным опытом, либо в качестве посредников (как правило, на позициях советников премьер-министров), обеспечивая финансирование со стороны иностранных инвесторов из стран своего прежнего проживания.

С начала 1990-х гг. выходцы из диаспоральных сообществ неоднократно претендовали на президентские посты в Латвии, Литве и Эстонии. Добиться высшей государственной позиции смогли: бывший гражданин США В. Адамкус – президент Литвы в 1998 – 2003 гг. и в 2003 – 2009 гг.; бывшая гражданка Канады В. Вике-Фрейберга – президент Латвии в 1999 – 2007 гг.; бывший гражданин США Т.Х. Ильвес – президент Эстонии в 2006 – 2016 гг.

Выявлены специфические функции, присущие представителям зарубежных диаспор. Во-первых, символическая – в буквальном смысле олицетворение континуитета, преемственности досоветской государственности (ряд из них были при этом детьми государственных деятелей стран Прибалтики еще довоенного времени). Во-вторых, практическая – содействие формированию дипломатической системы с опорой на накопленные за рубежом международные связи, активное

продвижение идеи «возвращения в Европу», реализация программы действий по интеграции Латвии, Литвы и Эстонии в Европейский союз и НАТО, а также закрепление евроатлантического консенсуса среди властных групп.

К настоящему времени присутствие представителей зарубежных диаспор, и без того скромное в предыдущие периоды, приобрело практически единичный характер. В современных условиях их прежде особая роль «проводников» в мир западной дипломатии утратила свой уникальный статус, став доступной представителям иных властных групп – как выходцам из экс-номенклатуры, так и из бизнес-кругов.

Обобщены данные о рекрутировании представителей коммерческих кругов в политические элиты стран Прибалтики. Поступательное наращивание количественного присутствия бизнесменов во властных кругах Латвии, Литвы и Эстонии происходило с середины 1990-х гг., совпав по времени с преодолением пика приватизации в данных странах и основных экономических реформ. К 2000 гг. число миллионеров в странах Прибалтики в десятки раз превысило количество кресел в парламентах, в этот период отмечен всплеск интереса бизнеса к борьбе за депутатские мандаты. До сих пор количество выходцев из бизнеса сохраняется на существенном уровне, составляя до 40% властных групп Латвии, Литвы и Эстонии.

Несмотря на значимое численное превосходство по отношению к другим властным группам выходцы из коммерческого сектора в целом редко озвучивают собственную, отличающуюся от общепринятой позицию по международным вопросам, не претендуя на глубокие изменения (например, во внешнеполитических приоритетах) и в основном занимаются внутривластной повесткой.

Выявлена прямая связь с основными хозяйственными отраслями, представители которых чаще всего попадают во власть: транспорт (транзит и грузоперевозки), финансовые и банковские услуги, недвижимость, продукты питания, телекоммуникации, строительство, энергетика. По результатам выборов выходцы из бизнеса нередко возглавляют профильные

парламентские комитеты (по финансам и бюджету, по экономике и т.д.) и правительственные ведомства. При этом министерства иностранных дел и министерства обороны, как правило, находятся вне их карьерных притязаний.

Определено изменение характера участия выходцев из бизнес-кругов в политической элите стран Прибалтики – так, владельцы крупных компаний постепенно переходят от личного руководства министерствами (или правительством в целом), парламентскими комитетами и партиями к делегированию своих представителей в органы государственной власти, в т.ч. в рамках формирования коалиций. Основным инструментом реализации ими своих интересов, учитывая значимую роль парламентов в политической системе Латвии, Литвы и Эстонии – создание и продвижение новых или значительная финансовая поддержка уже существующих политических партий.

Одним из следствий интенсивного участия представителей коммерческого сектора во внутривнутриполитической жизни стало укрепление неформального измерения внутриэлитного взаимодействия. Если в рамках внутриэлитной борьбы в отношении экс-номенклатуры использовался тезис об их советском, коммунистическом прошлом, то в отношении бизнесменов, получивших руководящие позиции, нередко выдвигались обвинения в политической коррупции.

Глава IV. Внутриэлитное взаимодействие в странах Прибалтики

4.1. Этнический аспект политического процесса

в Латвии, Литве и Эстонии

Применительно к Латвии, Литве и Эстонии изучение роли этнического фактора в политическом процессе актуально в течение всего периода независимости. Используя идеи Р. Брубейкера⁵⁰² и В.А. Тишкова⁵⁰³, проанализируем политическую практику в Латвии, Литве и Эстонии, учитывая фактор рекрутирования политических элит. Политике властных групп стран Прибалтики присущ этнократический характер⁵⁰⁴. Этнократия понимается как управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами с позиций примата интересов доминирующей этнической группы в ущерб другим группам⁵⁰⁵.

⁵⁰² Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.

⁵⁰³ Тишков В.А. Очерки политики этничности в России. М. : Наука, 1997; Тишков В.А. Этнология и политика. М. : Наука, 2001; Тишков В.А. Этнология и политика. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2004. Символично, что российскому академику В. Тишкову самому пришлось на себе испытать прибалтийскую специфику – по решению МВД Эстонии академику в 2014 г. был запрещен въезд в страну и добиться пересмотра этого решения не удалось. Представитель эстонского научного сообщества, профессор У. Сутроп заявил, что приветствует такое решение, сравнив академика Тишкова с нежелательной «скотиной». Подробнее см.: *Профессор Сутроп: Русской «скотине» не место в эстонской науке* : [электронный ресурс] // ИноТВ / RussiaToday: [Электронный ресурс]. 2014. 16 октября. Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2014-10-16/Professor-Sutrop-Russkoj-skotine-ne> (Дата обращения: 19.03.2017).

⁵⁰⁴ Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения / Под ред. Громыко А.А. М.: ИЕ РАН, 2013. С. 13; Agarín T. Extending the Concept of Ethnocracy: Exploring the Debate in the Baltic Context // *Cosmopolitan Civil Societies Journal*. 2016, Vol. 8, № 3. P.81-99; Дюков А.Р., Симиндей В.В. В плену у этнократии // *Свободная мысль*. 2012. № 1-2 (1631). С. 188-204; Фролов В.В. Литовский национализм и положение русских в Литовской Республике в постсоветский период // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2019. Т. 46. № 3. С. 564-575; Воронников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // *Вестник МГИМО*. 2013. № 6(33). С. 25-33; Гуцин В. Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? Рига: Изд-во Балт. центра ист. и соц.-полит. исслед., 2013. 720 с.; Бузаев В.В., Никифоров И.В. Современная европейская этнократия. Нарушения прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М.: Фонд «Историческая память», 2009.

⁵⁰⁵ Тоценко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003. С. 55.

По мнению В. Тишкова, распад СССР более напоминал мятеж провинций против центральной власти, нежели политически и юридически корректное оформление их независимости. Политическая легитимность данному процессу была придана с помощью националистических движений, которые сформулировали «идеологию» распада. Значительную роль в идеологическом обосновании предстоящего «развода» сыграла подмена понятия «нация» понятием «этнос»⁵⁰⁶. В Конституции Литвы отмечается, что принимает и провозглашает её «Литовский народ, создавший Литовское государство», в Конституции Латвии - «Латвийское государство создано на основе воли латышской нации, чтобы... гарантировать ее существование и развитие», в Конституции Эстонии - «государство призвано обеспечить сохранность эстонской нации»⁵⁰⁷.

В Латвии, Литве и Эстонии еще до распада СССР существовали общественные организации, нацеленные на придание титульной этнической группе привилегированного положения. Такие настроения разделяли Лига свободной Литвы, радикальное крыло «Саюдиса», Конгрессы граждан Эстонии и Латвии, Партия национальной независимости Эстонии (ПННЭ), Движение национальной независимости Латвии (ДННЛ), иные силы. Ряд из них в новых условиях возглавили «политики морали» или выходцы из зарубежных диаспор, попали во власть и на долгие годы заняли свое место в политической иерархии. На начальном этапе политической отстройки от союзного центра этнический аспект публично не обозначался в роли ключевого аргумента, имеющего идеологическое звучание. С нетитульным населением политически

⁵⁰⁶ Тишков В. А. Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаев. М. : Изд-во Московского университета, 2011.

⁵⁰⁷ В Эстонии такая поправка внесена в 2007 г., в Латвии – в 2014 г. А.Н. Медушевский характеризует это как пример преобладания консервативно-популистских идей, пересмотр понятий «народ» и «нация» с акцентом на последнем. Подробнее см.: Медушевский А.Н. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 3 (90). С. 113-139.

заигрывали⁵⁰⁸ (в народных фронтах действовали «русские» подразделения, которые активно содействовали общему отмежеванию от Москвы), причем успешно, судя по тому, что многие местные русские поддержали на референдумах предложение о независимости прибалтийских республик. Тем не менее проблема «чужаков» имела глубокие корни. Как отмечает Д.Е. Фурман, «русские мигранты у балтийских народов вызывали ненависть, сочетающуюся с презрением и ощущением собственного превосходства»⁵⁰⁹.

Однако после выхода из состава СССР в Латвии и Эстонии введены законодательные барьеры, отделяющие граждан страны от всех остальных. Это не только позволило новым властным кругам более эффективно распоряжаться собственностью, но и создать ограничения для нетитульных групп, затруднить их попытки войти в политическую элиту в новых условиях. Установлению этнократического режима содействовал характер пришедшей к власти в странах Прибалтики элиты: «Отсечение от политики русскоязычной части элиты было дополнено приходом в политику небольшой, но влиятельной эмигрантской части латышской и эстонской элиты, не имевшей никакого опыта коммуникации с русскоязычными и переносившими на них свое негативное отношение к

⁵⁰⁸ В программе Народного фронта Латвии заявлялось, что он «выступает за то, чтобы предоставить гражданство тем постоянным жителям Латвии, которые декларируют свое желание приобрести гражданство Латвии и недвусмысленно свяжут свою судьбу с латвийским государством». Подробнее см.: *Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma. Statūti. Rezolūcijas*. Rīga, Latvijas Tautas frontes izdevniecība, 1990. Спустя полтора месяца после признания независимости Латвии принято постановление «О восстановлении прав граждан Латвийской Республики и об основных принципах натурализации», согласно которому примерно треть избирателей страны (в основном нелатышей) была лишена права на автоматическое признание гражданами. Идеи Народного фронта забыли, вместе них гражданами стали лишь те, кто был гражданами довоенной Латвии, а также их потомки. Закон о гражданстве 1994 г. эту норму подтвердил.

⁵⁰⁹ Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии (Балтийские русские и балтийские культуры). Ч. 1. // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 65-97.

СССР в целом»⁵¹⁰. На элитное рекрутирование в Латвии, Литве и Эстонии заметно повлиял фактор этнической гомогенности общества (табл. 9)⁵¹¹.

В Литве, где удельный вес «чужого» населения меньше, чем в Латвии и Эстонии, таких законодательных ограничений не вводилось⁵¹². Однако вместе с тем в этнополитическом пространстве на протяжении всех последних десятилетий сохраняется конфликтная атмосфера, целенаправленно подогреваемая конкретными элитными фракциями (причем не только наследниками радикального крыла «Саюдиса») – давление ощущают как русские, так и поляки. А. Регельманн отмечает, что специфическая черта этнократического режима – стремление властных групп к постоянному контролю над этническими меньшинствами⁵¹³. Если в Эстонии и Латвии в этих целях используются институты отсутствия гражданства, требования к знанию государственного языка⁵¹⁴, запреты и ограничения в сфере образования, то в Литве, помимо ужесточения в образовании (в 1991 г. в стране было 85 русских школ, в 2018 г. – 30), активно используются механизмы специальных служб.

⁵¹⁰ *Тэвдой-Бурмули А.И.* Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2019. Т. 12. № 4. С. 125-147.

⁵¹¹ Перепись населения проводится в странах Прибалтики раз в 10 лет, однако ежегодно национальные статистические службы публикуют демографические «срезы». Так, в 2018 г. в Латвии проживало 1,9 млн. чел., из них 25% русские, в Литве – 2,8 млн. чел., из них 4,6% - русские и 5,6% - поляки, в Эстонии – 1,3 млн. чел., из них 24% - русские.

⁵¹² Р. Валатка, один из так называемых «сигнатаров», т.е. тех, кто подписал акт о провозглашении независимости Литвы, впоследствии сожалел об этом: Литва совершила ошибку, дав гражданство всем - «всем колонистам, оказавшимся в Литве во время оккупации», т.к. они рассматривали Литовское государство как врага. Валатка был депутатом парламента, возглавлял уважаемые литовские СМИ. Он всегда точно чувствовал политическую ситуацию, поэтому эти его слова стоит воспринимать как «единичное высказывание» - указание на существенный в политическом смысле факт, характеризующий состояние политической элиты Литвы. Подробнее см.: *Valatka R. Prie Nemuno kitas austu jau rytas? / Lietuvos Rytas.* 28.06.2004.

⁵¹³ *Regelmann A.-C.* Minority Participation in Estonia and Latvia // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe.* 2014. Vol. 13. № 1. P. 1–18.

⁵¹⁴ Язык в данном случае рассматривается как часть суверенитета государства, как объект национальной безопасности, подлежащий защите от «нежелательного» воздействия. Подробнее о языковой политике в контексте проблематики безопасности см.: *Мухарямов Н.М.* Мотивы безопасности человека в дискурсах о языковой политике // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки.* 2010. № 4. С. 36-40.

Ежегодно публикуется в СМИ доклад Департамента государственной безопасности, в который регулярно вносят представителей польского и русского меньшинства в Литве: от руководителя Ассоциации учителей русских школ Литвы Э. Канайте до депутата Европарламента от «Избирательной акции поляков Литвы» В. Томашевского. Попадание в этот «черный список» фактически ставит крест на карьере, особенно – политической, маркирует человека или организацию как «пятую колонну». Вносят свой вклад и национал-радикальные организации – «Молодая Литва», «Литовский союз националистов и республиканцев», «Литовский национальный центр», «Организация молодых националистов» и пр.

В Литовской республике литовцев подавляющее большинство, другие группы – поляки и русские⁵¹⁵. С 1953 по 1990 г. число въехавших в республику мигрантов составило 1,09 млн чел.⁵¹⁶. По данным переписи 1959 г., в Литве количество литовцев составляло 79,3 %, в 1989 г. – 79,6 %. К моменту распада Советского Союза фактические рычаги руководства находились у элиты литовской национальности, которая принимала решения в соответствии с линией Компартии, но все же пользовалась значительной автономией. Литва де факто управлялась именно литовской элитой, даже более национально однородной, чем в межвоенный период⁵¹⁷.

В других республиках доля титульного населения падала: в 1959 г. эстонцев в Эстонии - 74,6 %, в 1989 г. – 61,5 %; латышей в Латвии в 1959 г.

⁵¹⁵ Исследователи отмечают, что в целом крупнейшие этнические меньшинства (поляки и русские) предрасположены к интеграции в литовское сообщество, хотя и демонстрируют при этом различные стратегии адаптации. Подробнее см.: *Kasatkina N. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga / N. Kasatkina, T. Leončikas. Vilnius : Socialinių tyrimų institutas ; Eugrimas, 2003.*

⁵¹⁶ *Shtromas A. The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions // The Baltic States. The National Self-determination of Estonia, Latvia and Lithuania / ed. G. Smith. New York : St. Martin Press, 1994. P. 115.*

⁵¹⁷ *Фурман Е.Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве. М. : Либроком, 2009.*

– 62 %, в 1989 г. – 52 %⁵¹⁸. При стабильном в целом удельном весе титульной группы количество литовцев во власти росло. Обращает на себя внимание национальная композиция республиканских компартий. Если в 1945 г. среди членов Компартии Литвы насчитывалось чуть больше 30% литовцев, то к середине 1980 гг. – 70%. Аналогичный показатель в административно-управленческом секторе – 91,5%⁵¹⁹. К середине 1980-х гг. в Латвии количество латышей в Компартии не достигало 40%, в Эстонии количество эстонцев едва превышало 50%. Среди бюрократического корпуса количество латышей – 63,1%, эстонцев – 82,2%⁵²⁰.

В Литве имеется несколько территорий преимущественного проживания этнических групп. Восточная Литва является мультиэтничной: половина населения – литовцы, одна треть – поляки. Одна пятая литовских белорусов и одна десятая русских сконцентрированы в том же регионе. Поляки составляют большинство в Шальчининкае (по данным переписи 2011 г. – 77,7 %) и в Вильнюсском регионе (52 %). Русские живут в Клайпеде, Зарасе, Висагинасе, Вильнюсе.

Нетитульные группы представлены в политической жизни Литвы скромно⁵²¹. Степень их присутствия на высоком политическом уровне, в правительственных учреждениях незначительна. Если представители этнических меньшинств попадают в органы госвласти, то в основном в парламент, пользуясь для этого поддержкой как «обычных» партий⁵²² (т.е.

⁵¹⁸ *Национальный состав населения СССР* (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М. : Финансгистатистика, 1991.

⁵¹⁹ *Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States: Years of dependence, 1980-1986 // Journal of Baltic Studies. 1989. V. 20. №. 1. P. 78.*

⁵²⁰ *Smith G. The resurgence of nationalism // The Baltic states: the national self-determination of Estonia, Latvia and Lithuania. Basingstoke: Macmillan, 1994. P. 142.*

⁵²¹ Избирательным законом, принятым в 1992 г., введен специальный нижний порог для формирования парламентского представительства русских и польских меньшинств на основе политических партий, участвующих в выборах, по пропорциональной системе: общий порог составлял 4 %, для этнических партий – 2 %. В 1996 г. в закон были внесены изменения, согласно которым общий порог для партий увеличен до 5 %, для избирательных объединений – до 7 %, а для этнических меньшинств отменен.

⁵²² «Союз русских Литвы» выступал в коалиции с Социал-демократической партией Литвы на парламентских выборах в 2000 г. По итогам парламентской кампании 2012 г.

тех, кто не декларирует своей главной целью защиту прав этнических меньшинств), так и этнических. Анализ персонального состава кабинетов министров с начала обретения независимости Литвы показывает, что на министерских должностях представители нетитульных групп оказывались в единичных случаях⁵²³. Чаще они присутствуют в органах представительной власти на муниципальном уровне⁵²⁴. Польская община, например, представлена в регионах Вильнюса и Шальчининкая, а русская, как правило, в Клайпеде и Висагинасе. Количество членов этнических партий незначительно (500–1000 чел.), их представленность в органах власти скромна как количественно, так и с точки зрения занимаемых

в сейм попали лидеры «Союза русских Литвы» – брат и сестра С. и Л. Дмитриевы, которые баллотировались совместно с Партией труда. До этого они также вдвоем работали в горсовете Вильнюса. В свою очередь представитель «Русского альянса» И. Розова в 2012 г. смогла попасть в сейм, баллотируясь от Избирательной акции поляков Литвы – партии, ориентированной на защиту польского меньшинства и вошедшей в правящую правительственную коалицию. В 2015 г. на доме депутата И. Розовой неизвестные оставили надпись «Rusai, eik namo» («Русские, убирайтесь домой»). В 2017 г. ее лишили депутатского доступа к секретной информации, обвинив в контактах с российскими дипломатами.

⁵²³ Есть пример русского по происхождению литовского политического деятеля, лидера Партии труда, экс-члена Европейского парламента В. Успаских (в 2004–2005 гг. министр экономики), или поляка Я. Неверовича, который от Избирательной акции поляков Литвы в 2006–2008 гг. был замглавы МИД Литвы, а в 2012–2014 гг. возглавлял Министерство энергетики, или руководителя фракции ИАПЛ в совете депутатов Вильнюса Р.Цитацку, или Я. Наркевича, который от ИАПЛ неоднократно избирался в сейм Литвы и в 2012 г. стал вице-спикером, а в 2019 г. – министром транспорта. Все они подвергались давлению со стороны правящих групп (вплоть до возбуждения уголовных дел), объявлялись при помощи спецслужб «пророссийскими» или «пропольскими» деятелями, представляющими угрозу для Литвы. На сложность польского вопроса для элиты Литвы указывает заявление в январе 2014 г. президента Д. Грибаускайте в Европарламенте: она обвинила депутата ЕП, лидера поляков Литвы В. Томашевского в стремлении дискредитировать Литву. Подробнее см.: *Что Томашевский сказал Грибаускайте?* [Электронный ресурс] // Delfi.lt. 2014. 14 января. Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/news/politics/chto-tomashevskij-skazal-gribauskajte.d?id=63753222> (дата обращения: 20.03.2017). О проблемах поляков в Литве подробнее: *Кретинин Г.В.* Современный польско-литовский конфликт в контексте проблемы положения польского национального меньшинства в Литве // *Проблемы национальной стратегии.* 2013. № 1 (16). С. 42-58.

⁵²⁴ Р. Усманов и П. Карабущенко отмечают, что «муниципальный уровень является колыбелью административно-политической элиты». Подробнее см.: *Усманов Р.Х., Карабущенко П.Л.* Влияние этнополитических процессов на современные реформы местного самоуправления (элитологический анализ) // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2015. № 4 (59). С. 66-69. Однако опыт стран Прибалтики показывает, что выход из этой «колыбели» ограничен.

властных позиций, что не позволяет рассматривать их как важный источник рекрутирования элиты⁵²⁵.

Стремясь к завершению процесса национального строительства и обретению «полноценного» государства, правительство Литвы, невзирая на сосуществование Литвы и Польши в рамках одних международных союзов, использует дискриминирующие этнические группы средства⁵²⁶.

В Латвии и Эстонии после провозглашения независимости ключевой линией политического размежевания служила именно этническая принадлежность. Создание эксклюзивного «пространства» для титульной группы уменьшало для принадлежащих к меньшим группам⁵²⁷ возможности вертикальной мобильности. Столь существенные для титульных групп Латвии и Эстонии демографические изменения привели и к серьезной трансформации настроений в обществе: многие латыши и эстонцы стали ассоциировать, отождествлять «русское» и «советское», возлагая, по сути, ответственность за советский период на послевоенных мигрантов⁵²⁸. Этому способствовал и тот факт, что в компартиях прибал-

⁵²⁵ *Kasatkina N. Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania / N. Kasatkina, V. Beresnevičiūtė // Ethnicity Studies. 2010. No. 1–2. P. 7–25; Kasatkina N. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga / N. Kasatkina, T. Leončikas. Vilnius : Socialinių tyrimų institutas ; Eugrimas, 2003.*

⁵²⁶ *Бусыгина И.М., Онищенко А.Д. Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния // Балтийский регион. 2019. Т. 11, №1. С. 43 – 59.*

⁵²⁷ Литва избрала «нулевой» вариант гражданства, предоставляя его всем, кто к моменту провозглашения независимости проживал в Литве и изъявил желание гражданство получить. У большинства представителей русской общины – литовское гражданство. Свою роль сыграла не только добрая воля литовских политических элит, но и весомое (по сравнению с общим количеством русских среди населения Литвы) участие русских в деятельности «Саюдиса» в переломные годы. Именно в этот период формировалась концептуальная модель закона о гражданстве, во время обсуждения которой представители русской общины и смогли отстоять свои интересы. Подробнее см.: *Norgaard O. Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence. Cheltenham : Edward Elgar, 1995.*

⁵²⁸ В августе 1992 г. Комитет Конгресса граждан Латвии принял обращение к местным русским: «Вы живете на латвийской территории нелегально... Вот почему Конгресс... предлагает вам покинуть латвийскую землю... Задерживаясь с отъездом, вы провоцируете деятельность тех, кто готов разрешить проблему деколонизации Латвии силовым путем...». Цит. по: *Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven; London: Yale University Press, 1994. P. 308.*

тийских республик удельный вес нетитульных групп в послевоенные годы превышал их удельный вес в общем населении Литвы (количество членов Компартии титульной национальности – 69 %), Латвии (39 %) и Эстонии (52 %).

Следует указать и на различия между Латвией и Эстонией в специфике формирования русскоязычных общин, т.к. это и в настоящее время оказывает влияние на характер, перспективы их участия в политическом процессе⁵²⁹. Ю. Розенвалдс, не выделяя русских в отдельную группу, использует укрупненную общность – «восточные славяне» (табл. 10). Община в Латвии исторически более многочисленная и организованная, как показал опыт проведения в 2012 г. референдума о придании русскому языку государственного статуса, а затем выборы в 2013 г. в «Парламент непредставленных»⁵³⁰. Говоря о традиции расселения, необходимо отметить, что в Эстонии существенная часть русских проживает в Ида-Вирумаа (например, в Нарве количество русских, по данным переписи 2013 г., 82 %) и в Таллине (русских более 36 %). Учитывая, что в остальной части страны живет в основном титульное население, такая территориальная сегментация препятствует как возможной интеграции двух общин, так и консолидации русских для участия в политическом процессе. В Латвии русскоязычное население распределено более равномерно. Всего в Латвии проживает около 500 тыс. русскоязычных, или 25 % населения. Русские представлены в каждом из регионов Латвии. Территории их преимущественного проживания (по

⁵²⁹ «В Декларации о восстановлении независимости Латвии сказано, что мы будем заботиться об этих людях. Ну мы и заботимся. Неграждане это следствие войны. И Латвия поступила очень умно – латышей ведь было 52% после выхода из союза. И тут помог принцип непрерывности государства: решили с гражданами, и с реституцией собственности». В. Затлерс, личное интервью. 26 октября 2012 г., Рига.

⁵³⁰ Это объединение, формировавшееся из членов «Конгресса неграждан», появилось не на пустом месте: еще весной 1994 г. «Лига апатридов Латвии» организовала альтернативные выборы, совместив их с муниципальной кампанией. Лигой руководили бывший депутат Верховного совета К. Матвеев и юрист Б. Цилевич (впоследствии депутат сейма от «Согласия»). Лига довольно активно присутствовала в общественной жизни Латвии, но в официальной регистрации ей было отказано.

данным 2014 г.): Рига - 38,3%, Латгалия - 37,5%, Земгале - 17,4%, Курземе - 14,3%, Видземе - 9,1%.

Первое поколение руководителей Народного фронта Латвии и Эстонии уделяло внимание работе с русскоязычной частью населения, в результате чего росла поддержка идеи независимости и среди местных русских. В 1991 г. эту идею поддерживали 94 % латышей и 38 % русских. То, что существенная часть русских относились к усилиям Народного фронта Латвии либо нейтрально, либо положительно, стало одним из факторов, позволившим достичь независимости мирным путем. Но многие обещания, данные в годы «поющей революции», были не выполнены после обретения независимости. Политическое руководство Латвии и Эстонии восстановило в правах граждан довоенных республик, а прибывшие в советское время и их потомки оказались поражены в правах⁵³¹. Когда, например, стали в феврале-марте 1991 г. выяснять мнение местного населения (параллельно с всесоюзным референдумом о сохранении СССР) по вопросу о независимости, то в Эстонии право голоса получили граждане довоенной Эстонской Республики, их прямые потомки, а также те, кто сделал устное заявление о своей поддержке независимости Эстонии и получили от Комитета граждан «зеленые карточки» (около 25 тыс. чел.)⁵³².

Возможность значительной части русскоязычной общины участвовать в происходящем, влиять на политическую ситуацию ограничена. Если в парламенте количество представителей русскоязычной общины сохраняется на уровне 10 - 15 чел., то в кабинете министров такие

⁵³¹ В Эстонии в марте 1991 г. на референдум был вынесен вопрос «Хотите ли вы восстановить государственный суверенитет и независимость Эстонской Республики?». И это, видимо, был последний случай, когда все местные жители имели равные права – многие местные русские высказались по данному вопросу положительно: каждый третий русский житель Эстонии, принявший участие в референдуме, голосовал за независимость. Подробнее см.: *Wistinghausen H., von. Vabas Eestis: esimese saksa suursaadiku malestused 1991-1995*. Tallinn: Eesti Keele Sihasutus, 2008.

⁵³² *Rozenvalds J. Latvia after Twelve Years of Renewed Independence: the Search for Normality // Politika un socioloģija / ed. Ž. Ozoliņa. Rīga : Zinātne, 2004.*

случаи единичны. Даже если министерский портфель получает выходец из нетитульной группы, то в его лояльности Латвии как государству, созданному для развития латышской нации, сомнений быть не должно. В числе таких примеров может быть назван В. Домбровский⁵³³, который в 2013 - 2014 гг. занимал должности министра образования и министра экономики Латвии, а в 2018 г. претендовал на пост премьер-министра; руководитель Бюро по борьбе с коррупцией, депутат сейма и затем Европарламента от «Единства» А. Лоскутов, депутат сейма от «Единства» А. Юдин. Но в целом доступ «чужакам» в правительственный сегмент политической элиты закрыт: возможности для карьерного роста доступны либо в пределах республиканского парламента, либо на наднациональном уровне: среди депутатов Европарламента - заметные представители русской общины Латвии Т. Жданок, А. Мамыкин, М. Митрофанов. По мнению латвийских ученых Б. Зепы и И. Шупуле, представители политической элиты, препятствуя общественной интеграции, усиливают напряженность в обществе: «Они по-прежнему используют этничность для того, чтобы привлекать сторонников на выборах. Таким образом, именно политики становятся основным катализатором усиления этнической напряженности»⁵³⁴.

В основе политического участия русских в Латвии и Эстонии лежит этнический раскол, отягощенный проблемой гражданства. Проблема «неграждан» возникла после провозглашения независимости в 1991 г. на основе идеи преемственности с довоенной государственностью и отрицания периода нахождения в составе СССР. В Латвии юридическое основание для появления данной категории населения – принятый 12 октября 1991 г. Верховным советом Латвийской Республики закон «О

⁵³³ Русский министр образования Латвии: «Учите латышский!» / ВВС. Русская служба. 13.06.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/06/130606_latvia_minister_interview (дата обращения: 10.12.2013)

⁵³⁴ Зена Б. Латвийская субмарина / Б. Зена, И. Супуле // Эксперт. Северо-Запад. 2005. № 34 (239). С. 9.

восстановлении прав граждан Латвийской Республики и основных условиях натурализации». Гражданство предоставлено гражданам довоенной Латвийской Республики и их потомкам. Лица, не входящие в эту категорию, не получали латвийского гражданства. Правовое оформление статуса «неграждан» было завершено 12 апреля 1995 г. принятием закона «О статусе граждан бывшего СССР, не имеющих гражданства Латвии или иного государства». К «негражданам» относятся бывшие граждане СССР, не имеющие к моменту принятия закона никакого иного гражданства и отвечающие юридическому требованию: «1 июля 1992 г. они были, вне зависимости от статуса указанной в прописке жилой площади, прописаны на территории Латвии, или их последнее зарегистрированное место жительства до 1 июля 1992 г. было в ЛР, или решением суда установлен факт того, что до упомянутой даты они не менее 10 лет непрерывно жили на территории Латвии».

В результате количество бывших граждан СССР, не получивших гражданство автоматически, составило около 715 тыс. чел. в Латвии (процесс натурализации начался в 1995 г.) и около 500 тыс. чел. в Эстонии (процесс натурализации начался в 1992 г.). Им выданы спецпаспорта, подчеркивающие их отдельный правовой статус: фиолетовые – в Латвии, серые – в Эстонии. Пик натурализационных запросов в Эстонии пришелся на 1993 – 1997 гг. С 1995 г., когда в Латвии была запущена натурализация, латвийское гражданство в ее рамках получили около 138 тыс. жителей. Существенную часть⁵³⁵ составляют русские. После непродолжительного всплеска в 2005 – 2006 гг. (в 2005 г. гражданство было предоставлено 19,1 тыс. заявителей, в 2006 г. – 15,1 тыс.) произошло резкое падение: в 2007 г. латвийское гражданство получили 6,8 тыс. чел., в 2008 г. – чуть более 3 тыс., в 2009 г. – 2 тыс. В последние годы темпы натурализации снизились. К 2019 г. «негражданами» остаются в Латвии 10,6%, в Эстонии – 5,4%

⁵³⁵ Однако ставить знак равенства между количеством русскоязычных жителей Латвии, Эстонии и количеством «неграждан» нельзя.

населения. Успешное прохождение всех натурализационных испытаний еще не гарантирует статуса гражданина Латвии – так, в 2004 г. правительство Латвии отказало в гражданстве активисту оппозиционной партии «За права человека в единой Латвии» Ю. Петропавловскому, хотя он прошел процедуру натурализации в соответствии с латвийскими законами. С 1 января 2020 г. в Латвии вступил в силу закон об автоматическом предоставлении латвийского гражданства детям «неграждан».

«Неграждане» Латвии не имеют избирательных прав ни на общереспубликанских, ни на местных выборах (в отличие от Эстонии, где «безграждане» имеют право избирать муниципальные органы власти). При этом в сентябре 2004 г. сейм Латвии утвердил поправки к Конституции страны, дающие право участия в муниципальных выборах постоянно проживающим в Латвии гражданам ЕС. «Неграждане» лишены и ряда социальных и экономических прав⁵³⁶ – насчитывается около 80 различий с правами граждан, в т.ч. 47 ограничений на профессии⁵³⁷. «Неграждане», в частности, не имеют права быть государственными, в т.ч. муниципальными служащими, занимать посты на военной службе, быть судьями, прокурорами, не имеют права учреждать политические партии. «Неграждане», как и граждане, обязаны платить налоги, но при этом лишены политического представительства.

Дискриминацию и массовое нарушение прав человека в Латвии отмечали в своих докладах профильные структуры и эксперты ООН, ОБСЕ, Совета Европы, ПАСЕ, Еврокомиссии, фонда «Амнести Интернешл». Они ссылались, в частности, на нарушение Латвией

⁵³⁶ Экс-президент Латвии В. Затлерс вспоминает о том, как глава МИД России С.В. Лавров на одной из встреч высказал ему резкие упреки по поводу сохраняющейся проблемы «неграждан»: «Я улыбнулся и указал господину министру, что это неправда. Русские в Латвии живут хорошо, их права не ограничены, но я хорошо понимаю, что эти упреки являются официальной политикой России в отношении Латвии». Подробнее см.: *Затлерс В.* Вот кто я! По-русски. Рига : Jumava, 2016.

⁵³⁷ *Бузаев В.* Массовое безгражданство: четверть века чужие. Рига: Латвийский комитет по правам человека, 2016. 92 с.

Всеобщей европейской конвенции по правам национальностей 1994 г., Гаагских рекомендаций по правам национальностей на образование 1996 г., Декларации ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г. и т.д. В мае 2005 г. Сейм Латвии ратифицировал Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств с двумя оговорками, отменяющими положения конвенции, которые предоставляют национальным меньшинствам возможность общаться на родном языке с властями в местах их компактного проживания и использовать родной язык в топографических названиях. Дополнительной декларацией из сферы действия конвенции практически были выведены все русскоязычные постоянные жители Латвии, имеющие статус «неграждан». Тем самым были проигнорированы резолюции ПАСЕ 2001 и 2003 гг., а также Парламентской ассамблеи ОБСЕ 2004 г., в которых содержится призыв к властям Латвии ратифицировать данную конвенцию без оговорок и привести в соответствие с ней свое законодательство и правоприменительную практику. В сентябре 2015 г. Европарламент в своей резолюции «О ситуации с фундаментальными правами в ЕС (2013–2014)» признал, что полмиллиона проживающих в ЕС лиц без гражданства (в т.ч. «неграждане») являются жертвами дискриминации.

В Латвии вопрос о допуске «русских во власть» дебатруется в политико-экспертном сообществе на протяжении многих лет. Прорвать брешь в «стене» этнической герметизации русскоязычные пытались неоднократно. В основном эти попытки могут быть соотнесены с деятельностью двух политических объединений – «Центр согласия» («Согласие») и «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ, в дальнейшем – «Русский союз Латвии»).

ЗаПЧЕЛ (после 2014 г. – Русский союз Латвии) считает «единственным морально оправданным способом возвращения негражданам политических прав» признание их гражданами Латвии

единовременным законодательным актом и поддерживает любые промежуточные шаги в этом направлении: «нулевой вариант» для отдельных категорий «неграждан», допуск к участию в муниципальных выборах, упразднение ограничений для натурализации и упрощение ее процедуры. ЗаПЧЕЛ/РСЛ выступает за отмену политических ограничений на участие в управлении государством, за отмену запретов на ряд профессий. Партия не представлена ни в Рижской думе, ни в Сейме, есть лишь депутат в Европейском парламенте – Т. Жданок. Парламентские кампании в 2010, 2011, 2014 и 2018 гг. оказались провальными – 0 мандатов.

«Согласие» выступает за ускорение и облегчение натурализации, содействие интеграции «неграждан» за счет расширения их прав, включая право избирать местные самоуправления, настаивает на свободном выборе языка образования в школах, на адаптации системы госуправления к мультикультурному обществу Латвии. «Согласие» с 2009 г. удерживало большинство в Рижской городской думе, мэром города до 2019 г. был русский по происхождению гражданин Латвии Нил Ушаков. Партия имеет крупнейшую фракцию в Сейме по итогам выборов 2011 г., 2014 г. и 2018 г., однако к формированию правительства не допущена в результате объединения в коалицию «латышских» партий – «Единства», Партии реформ и «Национального объединения» и пр. «Согласие» усилиями оппонентов оттеснено от возможности принятия ключевых политических решений⁵³⁸. Лидеры «Согласия» в феврале 2012 г. поддержали референдум

⁵³⁸ Не помогли даже попытки принять латышские «красные линии» в части виртуозного признания советской «оккупации» по формуле «оккупация была, оккупантов не было», высказанной сопредседателем «Согласия» Я. Урбановичем. Партия так и не была допущена не только к формированию кабинета министров (как лидер ряда парламентских кампаний имела на это право), но и к участию в его работе. «...Ставка на конформизм, на отказ от «неудобных русских вопросов» не привела «Согласие» к власти на национальном уровне. Спустя десять лет, которые мы назвали «эпохой штурма Стеклойной горы», «Согласие» находится все на том же непреодолимом расстоянии от участия в правительстве: четыре попытки штурма Стеклойной горы – в 2006, 2010, 2011 и 2014 годах успехом не увенчались. К 2016 г. сложилась система, которая внешне выглядит как политическая сделка, хотя таковой не является: «Согласие» в союзе с партией вице-мэра Андриса Америкса удерживает доступ к

о придании русскому языку статуса государственного в Латвии, приведший к внутривнутриполитическому кризису. В марте 2013 г. приступила к своей деятельности новая общественная организация – «Конгресс неграждан», которая, сформировав «Парламент непредставленных», рассчитывала на поддержку здравых политических сил страны⁵³⁹. Несмотря на разобщенность, существенные противоречия между «русскими» партиями Латвии⁵⁴⁰, этнический фактор продолжает играть существенную роль в политическом процессе страны. Он, по оценкам Я. Икстенса, не исчезает в связи со сменой поколений, а сохраняется, причем подчас оценивается как ключевой, более важный, чем, например, социально-экономические вопросы⁵⁴¹.

Аналогичным образом раскол проявляется и в Эстонии, где 68 % населения относятся к эстонцам, а 32 % – к этническим меньшинствам. По данным МВД Эстонии на 2016 г., в стране «серый» паспорт был почти у 81 тыс. чел., при этом с 2006 г. их количество сократилось на 30 %. Вдвое замедлились темпы натурализации – если прежде в год до 6 тыс. чел. получали эстонское гражданство, то теперь около 3 тыс. С начала 2016 г.

власти и бюджетным средствам на уровне крупнейшего самоуправления – города Рига, а три главные латышские партии делят власть в национальном правительстве и соответствующие ресурсы министерств...». Подробнее см.: *Жданок Т., Митрофанов М.* Русские Латвии на изломе веков. От заката СССР до кризиса Евросоюза. М.: Китони, 2017. 431 с.

⁵³⁹ С точки зрения Полиции безопасности Латвии, Конгресс неграждан – это общественная организация, которая угрожает основам конституционного строя страны; Конгресс подвергся массированному давлению со стороны госструктур. Подробнее см.: «Конгресс неграждан»: отчет ПБ – триумф политической цензуры: [Электронный ресурс] // Конгресс неграждан. 20 мая 2014. Режим доступа: <http://www.kongress.lv/ru/material/555> (дата обращения: 20.03.2015).

⁵⁴⁰ По мнению Я. Икстенса, причина в том, что «русские» политические силы Латвии выросли из разных «лагерей»: одни из лидеров Интерфронта, которое не приняло независимость Латвии, другие – из умеренных кругов Народного фронта. Отсюда и постоянные внутренние конфликты, взаимные обвинения, которые сопровождали «русские» силы все постсоветские годы, регулярные столкновения между теми, кто заявил о себе как о противниках этнорадикализма – как между «Равноправием» и «Партией народного согласия». Подробнее см.: Ikstens J. *Eastern Slavic Political Parties in Latvia / Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions* / Ed. Muiznieks N. Riga: LU, 2006. P. 50.

⁵⁴¹ Ikstens J. *Etniskā identitāte un politiskā rīcībspēja // Daudzveidīgās un mainīgās Latvijas identitātes*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014.

родившиеся в Эстонии дети лиц «неграждан» могут автоматически получить эстонское гражданство. Дети до 15 лет, оба родителя которых не имеют гражданства, но прожили в Эстонии на законных основаниях не менее 5 лет, имеют право на эстонское гражданство. В 2015 г. были упрощены требования к получению гражданства для лиц в возрасте от 65 лет: теперь они должны сдавать только устную часть экзамена на знание эстонского языка. Однако они по-прежнему не имеют права состоять в политических партиях и голосовать на выборах в Европарламент.

В 2016 г. евродепутаты от Латвии А. Мамыкин («Согласие»), Т. Жданок (Русский союз Латвии) и от Эстонии Я. Тоом (Центристская партия) инициировали петицию в Европарламент, направленную на то, чтобы разрешить «негражданам»: 1) состоять в политических партиях, 2) принимать участие в избирательных кампаниях муниципального уровня (в Латвии нельзя, в Эстонии можно), 3) принимать участие в избирательных кампаниях в Европарламент. Статья 14 (2) Договора о ЕС определяет, что «Европарламент должен быть сформирован из представителей граждан ЕС и представительство граждан должно быть дегрессивно пропорциональным». Однако статья 1 решения Совета ЕС от 28 июня 2013 г., которая определяет распределение мест в Европарламенте на выборах 2014 г., гласит, что «соотношение между населением и количеством мест в Европарламенте от каждой страны» должно быть таким, чтобы государства-члены с большим количеством населения имели право на большее число мест. Латвии и Эстонии места выделяются в соответствии с численностью всего населения. В то же время депутаты Европарламента не представляют «де-факто лиц без гражданства» этих стран, ведь тем не позволено принимать участие в выборах⁵⁴². Петиция, освещавшаяся СМИ, результата не имела. После провозглашения независимости принцип

⁵⁴² Петиция в Европарламент о правах неграждан и подписной лист : [Электронный ресурс] // Yana Toom : [блог]. 2016. 14 апреля. Режим доступа: <http://yanatoom.ee/ru/> (дата обращения: 20.03.2017).

равного демократического участия для всех был отвергнут властными группами – демократический идеал представительства меньшинств воспринимался как угроза национальной независимости⁵⁴³. Позже была предпринята, как полагают эстонские исследователи Л. Калев и Р. Руутсоо, попытка перестройки парадигмы от этнически централизованной к либеральной (гражданской) модели⁵⁴⁴. Однако считать эту попытку убедительной нельзя.

В основе действий эстонских властей в отношении русскоязычного меньшинства лежит политика интеграции с целью ассимиляции⁵⁴⁵, в постсоветское время ни одна русскоязычная партия не смогла самостоятельно избраться в Парламент Эстонии. Лучший результат – 6 мест в Рийгикогу в 1995 и 1999 гг., когда Русская партия Эстонии входила в альянс «Наш дом – Эстония» (РПЭ прекратила свое существование в 2012 г., влившись в Социал-демократическую партию Эстонии). Как правило, русскоговорящие избиратели голосуют в Эстонии за Центристскую партию (долгие годы ее возглавлял мэр Таллина Э. Сависаар)⁵⁴⁶. Эстонские центристы около 10 лет, получая существенную электоральную поддержку, оказывались в оппозиции – в правящую коалицию, в которую они входили в середине 1990-х гг. и в начале 2000-х гг., не были допущены ни в 2007 г., ни в 2011 г.: представление политических интересов русских наталкивалось на стену подозрения со стороны титульной группы, удерживающей превосходство в элитном сегменте уже

⁵⁴³ Руус Ю. Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах. Случай Эстонии // Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 226.

⁵⁴⁴ Kalev L. Citizenship Policies between Nation-state Building and Globalization: Attitudes of the Decision Makers in Estonia / L. Kalev, R. Ruutsoo // Studies of Transition States and Societies. 2009. Vol. 2, No. 1. P. 3–21.

⁵⁴⁵ В 1993 г. это привело к референдуму в Нарве и Силламяэ об образовании автономного региона (инициировали мэр Нарвы В. Мижуй и глава собрания депутатов В. Чуйкин, члены «Интердвижения»). Руководство Эстонии выступило против, результаты (более 97% в поддержку референдума) аннулированы по решению суда.

⁵⁴⁶ Vihalemm T. Crystallizing and Emancipating Identities in Post-Communist Estonia // Identities, Nations, and Politics after Communism / ed. R. E. Kanet. London : Routledge, 2008. P. 77.

30 лет⁵⁴⁷. Центристы вошли в коалицию в конце 2016 г. после отставки премьер-министра Т. Рыйваса. И Ю. Ратас, лидер эстонских центристов, став премьер-министром, вынужден повторять все установки о «российской военной агрессии», о сохранении антироссийских санкций⁵⁴⁸, что и «эстонские» партии.

Центристская партия Эстонии при Э. Сависааре была одним из инструментов вхождения представителей нетитульной нации в политическое руководство. М. Стальнухин (многократный депутат Рийгикогу, возглавлявший парламентский комитет по финансам), Я. Тоом (депутат Европейского парламента), О. Иванова (депутат парламента), В. Васильев (депутат парламента), Д. Бородич (депутат парламента), В. Корб (депутат парламента, председатель собрания Кохтла-Ярве) и др. – известные представители русскоязычной общины Эстонии. Некоторые из них со временем прервали отношения с Центристской партией. Помимо парламента, русскоязычные политики представлены и на местном уровне – мэр Таллина М. Кылварт, вице-мэр В. Белобровцев, мэр Нарвы А. Евграфов и др.

Если в Латвии случаи рекрутирования в политическую элиту «правильных» русских (настроенных конструктивно к сложившимся после выхода из состава СССР политическим порядкам и не претендующих на их изменение) не многочисленны, то в Эстонии такая практика укоренена шире: среди примеров можно назвать И. Грязина (один из основателей Партии реформ, депутат Рийгикогу, депутат Европарламента), Е. Осинковского (министр образования, председатель Социал-демократической партии), М. Кальюранд, урожденная Раевская (министр иностранных дел), В. Ладынскую-Кубитс (депутат парламента от

⁵⁴⁷ *Kruusvall, J.* The Strategies of Interethnic Adaptation of Estonian Russians / J. Kruusvall, R. Vetik, J. Berry // *Studies of Transition and Societies*. 2009. Vol. 1, No. 1. P. 3–24.

⁵⁴⁸ Премьер-министр Юри Ратас подтвердил неизменность поддержки Эстонией Украины : [Электронный ресурс] // *Vabariigi Valitsus* : [сайт]. 23 января 2017. Режим доступа: <https://valitsus.ee/ru/novosti/premer-ministr-yuri-ratas-podtverdil-neizmennost-podderzhki-estoniey-ukrainy> (дата обращения: 30.01.2017).

«Отечества»), Ю. Луйка, урожденный Гаврилов (трижды глава МИД и министр обороны), Ф. Стомахина (лидер молодежного крыла националистической Эстонской консервативной народной партии). Все они либо приняли эстонские ценности, либо с детства воспитывались, как Осинковский, на их основе.

Русскоязычные граждане Эстонии целенаправленно поддерживают Центристскую партию, тогда как в Латвии этот электорат хоть и разделён между несколькими политическими силами, но всё равно наибольшее число голосов получает партия «Согласие». Если в Латвии титульная группа в целом не поддерживает партии, за которые голосуют русскоязычные граждане, то в Эстонии это не так. Центристская партия пользуется определённой поддержкой также и части эстонских граждан, однако большинство эстонцев всё же более лояльно к другим партиям. Для русскоязычных граждан двух стран именно позиции партий по национальному вопросу являются определяющими. Из присутствующих в Сейме и Рийкикогу политических сил русскоязычные граждане преимущественно голосовали за тех, которые лояльно к ним относятся⁵⁴⁹.

Поводом для мощного выброса социального недовольства политикой правящих групп Эстонии стал перенос в конце апреля 2007 г. памятника советским воинам, павшим в Великой Отечественной войне, из центра Таллина на военное кладбище. Перенос был организован накануне парламентской кампании, инициирован реформистами и вызвал массовое недовольство русскоязычной общины. Неофициальное название памятника - «Бронзовый солдат», и масштабная акция протеста (количество задержанных превысило 1,1 тыс. чел., погиб гражданин России Д. Ганин; впоследствии на уровне Европейского суда по правам человека доказано непропорциональное применение насилия к манифестантам и нежелание

⁵⁴⁹ Солопенко А.В. Некоторые аспекты электорального поведения русскоязычных граждан Латвии и Эстонии в 2011-2018 гг. / Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. М.: Русская книга, 2018. 63 с.

Эстонии расследовать эти действия) была названа «Бронзовой ночью». Всплеск протестной активности, однако, не привел к пересмотру «красных линий» на политическом уровне. Скорее, наоборот - были расширены права специальных служб, и контроль над нетитульным населением усилен. Активистов протестного движения выдавили из страны.

Таким образом, может быть сделан вывод о неспособности эстонского проекта по «интеграции» преодолеть идеологические противоречия между этническими эстонцами и этническими русскими⁵⁵⁰.

Этнический фактор в Латвии, Литве и Эстонии существенным образом влияет и на политический процесс в целом, и на формирование элитных групп. Данная проблематика не теряет своей остроты, делая правомерной постановку вопроса о «герметизации» социальных лифтов в условиях этнократических режимов, что не может не отражаться как на качестве внутригосударственного управления, так и на специфике отношений стран Прибалтики с Россией. Неэффективные действия в этнополитической сфере (например, затягивание решения проблемы «неграждан»), приводящие к обострению социальной обстановки, «капсулирование» системы элитного рекрутирования в силу узкого понимания нации (ущемление избирательных прав «неграждан», недопущение их к участию в политическом управлении) чреваты генерацией рисков для внутривнутриполитической стабильности⁵⁵¹.

Целенаправленная «этнизация» политического процесса – отличительная черта внутриэлитного взаимодействия в странах

⁵⁵⁰ Ланко Д.А., Ланцова И.С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005 – 2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т.1. С. 16-31.

⁵⁵¹ «Трудность отказа от этнонационализма столь велика, что, несмотря на опасность, которую он представляет для самих государств, этнонационализм по-прежнему лежит в основе государственного управления». Подробнее см.: Тишков В.А., Степанов В.В. Европейские меньшинства и политизированные мифы в балтийском контексте // Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Наука. 2013. С. 9-23.

Прибалтики⁵⁵². Хотя первые, еще позднесоветские литовские, латышские и эстонские борцы за «чистоту рядов» в силу естественных причин сходят с политической сцены, однако продвигавшиеся ими установки востребованы⁵⁵³. Это диссонирует с идеей Р. Брубейкера, который полагал, что конфликты такого рода редко «решаются»: по его мнению, более вероятно, что острота данной проблемы станет утрачивать свое центральное положение по мере того, как массовые и элитные группы обратятся к иным интересам, забыв о старых ссорах. Этнический аспект остается устойчивым фактором политического процесса в странах Прибалтики⁵⁵⁴. Превосходство титульных групп в существенной мере опирается на аргументы в сфере истории. Проблематике использования истории в интересах элит посвящен следующий параграф.

⁵⁵² О.В. Попова подчеркивает, что «проблема русскоязычного населения в Латвии, Литве и Эстонии до сих пор считается одной из основных проблем внутренней и внешней политики этих республик». Подробнее см.: *Popova O. Political Science in the Russian Federation: Scientific Researches on Russian-speaking Minorities in the Baltic States // Ethnicity. Towards the Politics of Recognition in Latvia: 1991–2012 / ed. by V. Volkovs, D. Hanovs, I. Runce. Riga: Zinatne, 2013. P. 110-130.*

⁵⁵³ «Элиты стран Прибалтики глубоко космополитичны, но задают своим обществам прежний набор «национальных», локальных ценностей». Подробнее см.: *Межевич Н. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века вторых республик. М.: Русская книга, 2016.*

⁵⁵⁴ Историк латышского происхождения из США А. Плаканс отмечает, что элиты зря тратили время, строя прибалтийские страны на принципе доминирования одной нации – вместо этого, по его мнению, следовало пойти по пути северных соседей, добиваться создания благополучных социальных государств на основе мультикультурной модели. Подробнее см.: *Плаканс А. Краткая история стран Балтии. М.: Весь мир, 2016.*

4.2. Наследие прошлого в становлении властных групп стран Прибалтики

Инструментальный подход к интерпретации прошлого, на основе которой складывается комплекс мер, правил, институтов по идеологическому обоснованию политического режима и укреплению позиций властных групп, играет непропорционально большую роль в политических системах стран Прибалтики.

За прошедшие годы элиты Латвии, Литвы и Эстонии создали ряд институтов в сфере исторической памяти. Усилилась тенденция на нормативное закрепление трактовок ключевых исторических событий, в т.ч. законодательная криминализация некоторых из них, а также интернационализация важных исторических сюжетов – целенаправленная работа по их закреплению в решениях на международном уровне, в том числе на уровне ЕС.

Формирование официальной трактовки истории создает не только политико-идеологическую основу легитимности элит, но и своеобразный набор фильтров при рекрутировании властных групп, влияет на консолидацию политических кругов. Без изучения этих процессов картина элитного рекрутирования в странах Прибалтики останется неполной. Трактовка истории является неотъемлемым элементом государственного строительства, определяя идеологическое измерение данного процесса. В Восточной Европе после распада СССР политизация истории приобрела яркий характер⁵⁵⁵. Историческая политика⁵⁵⁶, проводимая элитами стран

⁵⁵⁵ *Историческая политика в XXI веке / Сб. ст. под ред. А. Миллера, М. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2012.*

⁵⁵⁶ Понятие «историческая политика» (Geschichtspolitik) получило распространение в Германии в 1980-х гг. в ходе «спора историков» о причинах нацизма. Канцлер Германии Г. Коль предложил немецкому обществу «морально-политический поворот» с целью подпитки патриотизма и ослабления комплекса вины. Критики данного подхода, ведущую роль среди которых сыграл Ю. Хабермас, обвинили сторонников «морально-политического поворота» в политизации истории, используя для этого термин «историческая политика». В течение следующих десятилетий изначально негативный

Прибалтики, представляет данный процесс в концентрированном выражении и заслуживает внимательного рассмотрения.

Научный интерес к проблемам консолидации политических и национальных сообществ возрос во второй половине XX в. Большое влияние в политической науке приобрело течение конструктивизма, выдвинувшееся на ведущие позиции при изучении национализма. Его опорный тезис заключается в «искусственном» происхождении национальных общностей, для «изобретения» которых элиты используют мифы и символы, передающие (и создающие) память о прошлом⁵⁵⁷. В центре этого процесса находится государство⁵⁵⁸. Ключевые на государственном уровне решения вырабатываются наиболее влиятельными властными группами - создаются «рамки», правила, институты, образующие «каркас» внутриэлитного взаимодействия и политического процесса в целом, имеющие и внешнеполитические эффекты.

Несмотря на споры о соотношении «искусственного» или «естественного» в национальных общностях⁵⁵⁹, очевидным является тот факт, что политическая консолидация общества требует целенаправленной политики со стороны элит. Эта деятельность ограничивается не только

подтекст данного понятия был размыт. Историческая политика стала трактоваться не столько как политизация истории, сколько как сбережение памяти о прошлом, необходимое для политической консолидации нации. Термин получил применение в Восточной Европе (особенно в Польше) в ходе национального строительства и выработки идеологической базы новых режимов после распада СССР. Речь идет именно о политическом феномене, который является частью деятельностью политических элит, частью политического процесса, отличаясь от политизации истории и политики памяти.

⁵⁵⁷ *Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso, 1991.*

⁵⁵⁸ Формирование централизованного бюрократического государства было продиктовано ведением войн и развитием экономики, что требовало идеологического и мировоззренческого единства проживающих на его территории социальных групп. Подробнее см.: *Геллнер М. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991; Tilly C. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / eds. P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 169–191.*

⁵⁵⁹ Подробнее см.: *Геллнер М. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9–61.*

политическими целями властных групп, но и доступными им ресурсами – материальными, административными, символическими.

Важно провести различие между понятиями «историческая политика» и «политика памяти». Последняя представляет собой систему ритуалов и практик коммеморации и преподавания истории (памятные даты, праздники, наградная система и пр.). Историческая политика может быть определена как комплекс мер по активному продвижению конкретных интерпретаций событий прошлого для достижения определенных политических целей⁵⁶⁰. Субъектом исторической политики может выступать как консолидированная по данному вопросу политическая элита, формулирующая позицию от имени всего государства, так и отдельные элитные фракции. Конкретные цели исторической политики могут различаться, как и методы их достижения. В широком смысле историческая политика способствует «изобретению» традиций⁵⁶¹ согласно определенным политическим целям властных групп.

В соответствии с классификацией Э. Хобсбаума, «изобретение» традиций может выполнять 3 основные задачи: консолидация сообществ; легитимация власти; трансляция ценностей и норм поведения. На практике, как правило, происходит комбинирование этих задач.

Активную историческую политику проводят все страны постсоветского пространства⁵⁶², однако модели существенно различаются. Так, в Центральной Азии распространена публикация книг глав государств, в которых дается однозначная трактовка национальной истории,

⁵⁶⁰ *Миллер А. И.* Роль экспертных сообществ в политике памяти России // *Полития*. 2013. № 4. С. 114–126.

⁵⁶¹ Э. Хобсбаум определяет «изобретенные традиции» как «совокупность общественных практик ритуального и символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или не явно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели – повторение». Подробнее см.: *The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm R. Terence*. Cambridge : Cambridge University Press, 1983. P. 43.

⁵⁶² *Ачкасов В.А.* «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. № 4. С. 106–123.

приоритетов развития. В Восточной Европе пространство для академических и общественных дискуссий несколько шире, поэтому властные группы используют разнообразный набор инструментов.

После распада СССР в Восточной Европе историческая политика оказалась весьма востребованным ресурсом для достижения внутри- и внешнеполитических целей⁵⁶³, среди которых – легитимация власти, борьба с оппозицией, отвлечение внимания от значимой повестки дня, усиление позиций государства в международных переговорах и т. д. В целом историческую политику можно рассматривать как результат «выхолащивания» действительно актуальной, значимой политической повестки. В рамках конкуренции за электоральную поддержку властные группы обращаются не к решению существенных актуальных проблем, а пытаются «набрать очки» за счет политической интерпретации прошлого. Несмотря на различие целей, имеется ряд общих черт, придающих исторической политике практическое звучание. Как отмечает А.И. Миллер, историческая политика может проводиться исключительно с позиции жертвы, поскольку она требует использования прошлых страданий не только как мобилизующей силы, но также и для «экспорта вины»⁵⁶⁴. Г.В. Касьянов выделил общие черты исторической политики стран

⁵⁶³ Весьма точный образ восточноевропейской исторической политики приводится А.И. Миллером: «Во многих соседних странах есть политические силы, которые совершенно сознательно стремятся превратить историю в оружие политической борьбы. В области международных отношений они стремятся зафиксировать для тех или иных стран, прежде всего для России, роль “виноватого”, а для своей – роль “жертвы”, в расчете получить определенные моральные преимущества. Требуя от России покаяния и компенсаций за реальные и мнимые грехи, описывая Россию как неизлечимо агрессивную имперскую нацию, создавая образ России как конституирующего и враждебного “Чужого”, сторонники “исторической политики” считают ее подходящим инструментом для формирования национальной идентичности у себя в стране, для борьбы со своими политическими оппонентами, для маргинализации тех или иных групп населения, в т.ч. русского меньшинства, там, где оно есть». Подробнее см.: *Миллер А. И.* Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 2. С. 51–52.

⁵⁶⁴ *Миллер А. И.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. Т. 44, № 5. С. 66–75.

Восточной Европы на современном этапе⁵⁶⁵, среди которых – этническая эксклюзивность страданий; конфронтационность и элементы ксенофобии; акцент на «сакральных» мучениях нации; ответственность за зло возлагается на внешние силы, прежде всего, коммунизм.

Восточноевропейские страны после падения советского блока не стали присоединяться к основному историческому нарративу «старой Европы», в центре которого находилось осознание вины и ответственности за Холокост. Вместо этого продолжилось цементирование собственных исторических сюжетов, в которых главной жертвой⁵⁶⁶ рассматривалась титульная нация, пострадавшая от коммунистического диктата, причем коммунизм представлен как сугубо внешнее, московское зло: «Важно помнить, что евреи Восточной Европы в большинстве своем погибли не от «Циклона Б» на фабриках смерти, спрятанных в лагерях. Они были расстреляны у рвов и оврагов, забиты до смерти на улицах городов и местечек, сожжены заживо. Все это происходило при активном участии части местного населения, иногда даже в отсутствие немцев. Однако подобные факты не занимают центрального места в тех новых исторических нарративах, которые были созданы в посткоммунистических странах... Входя в «Музей геноцида» в Вильнюсе, не следует ожидать, что там пойдет речь о Холокосте (а о Холокосте в Литве есть что рассказать⁵⁶⁷). Музей повествует о геноциде литовцев в годы советской оккупации. В основном

⁵⁶⁵ Касьянов Г. В. *Danse macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії* (1980-ті – початок 2000-х). Київ : Нашчас, 2010. С. 209–212.

⁵⁶⁶ «Основной стратегией Эстонии была ее виктимизация». Подробнее см.: *Suhhoterina M. Estonia's Memory Politics in the Context of European Integration Marina // Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports. No. 4799. Morgantown: West Virginia University, 2011.*

⁵⁶⁷ Уничтожено почти 95% еврейского населения – около 200 тыс. чел., на территории Литвы свыше 220 захоронений. Тема расправ над евреями болезненна, что показала резкая реакция политического руководства Литвы на книгу Р. Ванагайте «Свои». Подробнее см.: *Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом. М.: Corpus (АСТ), 2018. -413 с.* Р. Ванагайте, рискнувшую высказаться по такой теме, подвергли массивному давлению, в т.ч. в СМИ, обвинили в «работе на Кремль». Подробнее см.: Писательница Рута Ванагайте: «Каждый литовец может доехать до места расстрела евреев за полчаса» : [Электронный ресурс] // Tut.by : [сайт]. 3 марта 2017. Режим доступа: <https://news.tut.by/society/533888.html> (дата обращения: 18.03.2017).

по аналогичной схеме построены и музеи оккупации в других прибалтийских столицах, которые тоже настаивают на том, что жертвами геноцида были титульные народы (эстонцы и латыши)»⁵⁶⁸. Идея «геноцида» описывается (на примере Латвии) следующим образом: «Все время оккупации СССР целенаправленно осуществлял геноцид против народа Латвии, тем самым нарушая Конвенцию о недопущении геноцида и осуждении за него от 9 декабря 1948 года... Руководство СССР целенаправленно наводнило Латвию сотнями тысяч мигрантов и с их помощью пыталось уничтожить идентичность народа Латвии»⁵⁶⁹.

Латвия, Литва и Эстония могут быть отнесены к лимитрофному пространству⁵⁷⁰ как «культурной области, которая имеет немного либо вовсе не имеет признаков исторической государственности»⁵⁷¹. Выше уже было отмечено, что исключение представляет лишь Литва, имеющая более устойчивую историческую традицию государственности. Вместе с тем, свойственный по объективным причинам в целом для стран Прибалтики «дефицит истории»⁵⁷² может служить причиной к самоидентификации стран Прибалтики на современном этапе как «Европа, но не совсем Европа» и предопределяет необходимость обширной работы по «изобретению новой

⁵⁶⁸ *Миллер А.И.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1 (80). С. 111–121.

⁵⁶⁹ *Latvijas Vēstnesis*. 27.08.1996. № 143 (628).

⁵⁷⁰ *Mälksoo M.* Liminality and Contested Europeaness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space // *Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration* / eds. E. Berg, P. Ehin. Aldershot : Ashgate, 2009. P. 65–83.

⁵⁷¹ *Turner V.* *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. Harmondsworth : Penguin Books, 1969. P. 80.

⁵⁷² В литовском случае это проявляется, например, в культивировании наследия Великого княжества литовского, позволяющее представителям властных кругов утверждать, что «говоря о тысячелетии Литвы, мы говорим о тысячелетии нашего пребывания в Европе» (из речи президента Литвы В. Адамкуса 06.07.2009). Такая точка зрения, впрочем, не является общепринятой. Как пишет Э. Хобсбаум о ситуации первой четверти XX в, «немцы создали три малых прибалтийских национальных государства, которые не имели под собой исторического прецедента и, по меньшей мере, в случае Эстонии и Латвии – заметного национального запроса. Они [государства] поддерживались в качестве «санитарного кордона» против большевистской России». Подробнее см.: *Hobsbawm E.* *Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 165.

истории» государственности. Исследователи из стран Прибалтики объясняют это через идею «культурной травмы»⁵⁷³ - «шока» от полувекового нахождения в составе Советского Союза.

В развитии исторической политики в странах Прибалтики можно выделить три основных этапа. Первый этап охватывает период с начала 1990-х до начала 2000-х гг. Это время формирования новых политических режимов прибалтийских государств и укрепления вектора на интеграцию в евроатлантическое пространство. На волне «поющих революций» к власти пришли «политики морали» – представители научной и творческой интеллигенции. Их действия были направлены, в первую очередь, на символическое оформление новых политических режимов, *de facto* изобретение «новых-старых» (через преемственность с досоветской государственностью) институтов и огосударствление национализма⁵⁷⁴. Одним из ярких собирательных образов, олицетворяющих указанную тенденцию, может считаться В. Ландсбергис, занимавший ведущие государственные посты в Литве в 1990-х гг. и считавший себя наследником А. Смятоны⁵⁷⁵, в свою очередь его отец В. Ландсбергис-Жямкальнис был министром в правительстве К. Шкирпы, одного из лидеров Фронта литовских активистов⁵⁷⁶.

В этих условиях запрос на историческую политику возник главным образом со стороны нового политического руководства, которое нуждалось

⁵⁷³ *Матоните И.* Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 120-134; *Аарелайд-Тарт А.* Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63-71.

⁵⁷⁴ Этничность активно использовалась как ресурс политической мобилизации в Прибалтике еще до выхода из СССР в 1991 г. при создании параллельных органов власти. См., например: *Кабанов Н.* «Атмода» сквозь «перестройку»: сюжеты латвийской (анти)советской истории в период распада СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. № 1 (3). С. 124–133.

⁵⁷⁵ А. Смятона – диктатор, захвативший власть в Литве в 1926 г. путем переворота и бежавший в Германию в 1940 г. О символической преемственности В. Ландсбергиса и А. Смятоны подробнее см: *Lieven A.* The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven; London: Yale University Press, 1994. P. 68.

⁵⁷⁶ О сотрудничестве литовских и нацистских спецслужб подробнее см.: *Дюков А.Р.* Тайное соглашение с Гестапо. М.: Пятый Рим, 2020.

в доступных с точки зрения затрат и эффективных в смысле массовости ресурсах, необходимых для идеологического обоснования своего нахождения у власти и нового политического курса⁵⁷⁷. Властными группами стран Прибалтики была провозглашена доктрина континуитета, утверждавшая связь новых политических режимов с периодом независимости до Второй мировой войны. Центральными стали нарративы «возвращения на Запад» и «советской оккупации».

К середине 1990 гг. позиции «политиков морали» в основном ослабли. Пришедшие к власти новые руководители (большинство из них еще недавно были частью партийной номенклатуры) столкнулись с необходимостью укрепления власти в условиях политической и экономической трансформации, сопровождающейся нестабильностью. Путь исключения нетитульных групп из политического процесса⁵⁷⁸, избранный элитами Латвии и Эстонии, воплотился в институте «неграждан».

В этот период историческая политика получила стремительное институциональное оформление. Под патронатом государства создаются специализированные институты, музеи, комиссии, призванные продвигать конкретную историческую интерпретацию, со временем приобретающую все более сакральный статус⁵⁷⁹. Национальные парламенты инициируют

⁵⁷⁷ «Литовские элиты прекрасно осознают, что память может быть инструментом политический борьбы. Политические лидеры с удовольствием используют институциональные возможности переосмысления недавнего прошлого». Подробнее см.: *Matonite I.* Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 120-134.

⁵⁷⁸ Дискриминации подверглись практически все, не являвшиеся потомками довоенных жителей Латвии и Эстонии. Они получили ярлык «советских иммигрантов». Подробнее см.: *Onken E.* The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59, No. 1. P. 33.

⁵⁷⁹ Перечислим лишь наиболее известные учреждения: Центр исследования геноцида и резистенции жителей Литвы, Комиссия по истории при Президенте Латвии, Эстонский институт исторической памяти, Центр документации последствий тоталитаризма при Бюро по защите конституции Латвии. Музеи «нацистской и советской оккупации» созданы в Литве, Латвии и Эстонии и их посещение с неизменным постоянством вносится в программы визитов западных политиков. В 2013 г. после восьмилетнего перерыва по указу Президента Литвы возобновила свою деятельность Международная комиссия по оценке преступлений нацистского и советского режимов в Литве.

создание комиссий по подсчету ущерба от «советской оккупации»⁵⁸⁰. «Советское наследие» становится универсальным внутривнутриполитическим ответом элит на текущие проблемы в экономике и институциональном развитии. Но это еще и способ примирить демократическую идеологию, необходимую для интеграции в евроатлантическое сообщество, и этнонационализм, исключая нетитульные группы из политического процесса. Активно эксплуатируется и тема «внешней российской угрозы» как часть «дискурса секьюритизации», оправдываемого стремлением элит войти в евроатлантическое пространство безопасности⁵⁸¹.

Точкой отсчета второго этапа в развитии исторической политики в Прибалтике является присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к НАТО и ЕС в 2004 году. Вопреки распространенным ожиданиям это не привело к снижению конфронтационности исторической политики в Прибалтике. Альтернативу воплощали дискуссии о «балтийской идентичности» Латвии, Литвы и Эстонии на основе «исторического региона Балтики», но они остались на периферии внимания прибалтийских политиков⁵⁸².

Как отмечает М. Мьялсоо, «экзистенциальная политика становления европейцами» после присоединения прибалтийских государств к НАТО и ЕС не ослабла. Но теперь она проводится не с целью присоединиться к европейской идентичности, но продлить европейскую идентичность до границ с Россией. «Постоянные апелляции к истории делают возможным

⁵⁸⁰ В Эстонии подсчет ущерба от советской оккупации начался еще в 1992 г. В Литве в 2000 г. Сейм принял закон «О возмещении ущерба от советской оккупации». В 2005 г. в соответствии с декларацией Сейма Латвии, начала работать комиссия по подсчету ущерба от оккупации в Латвии.

⁵⁸¹ Для Литвы роль фактора советского наследия иллюстрирует пример из мемуаров бывшего госсекретаря США Дж. Бейкера, который, вспоминая свой первый визит в страны Балтии в сентябре 1991 г., писал, что политическое руководство Латвии и Эстонии, встречаясь с ним, говорило о расширении торгового взаимодействия и экономического сотрудничества в целом, в то время как первые лица Литвы говорили о другом – «о советской угрозе». Подробнее см.: *Understanding Politics in Lithuania* / eds. O. Nørgaard, L. Johannsen. Aarhus : University of Aarhus, 2004. (DEMSTAR Research Report ; No. 18). P. 18–19.

⁵⁸² *Post-Cold War Identity Politics : Northern and Baltic Experiences* / eds. M. Lehti, D. Smith. London : Routledge, 2004.

«позиционирование себя как жертвы России и безразличия Европы... поставить ЕС в позицию должника Прибалтики. Это позволяет не только настаивать на получении необходимой политической и экономической поддержки, но также претендовать на включение интересов прибалтийских государств во внешнюю политику ЕС»⁵⁸³.

Цель «возвращения в западную семью народов» являлась мощным средством обеспечения легитимности политических элит стран Прибалтики. Достижение же данной цели создало идейный вакуум⁵⁸⁴, который необходимо было заполнить. Фактически, речь идет об институциональной ловушке, в которой оказались прибалтийские элиты. Темы «советской оккупации» и «российской угрозы» служили обоснованием института «неграждан» в Латвии и Эстонии и ослабление внимания к ним с высокой вероятностью привело бы к глубокому политическому кризису. Прибалтийские политики отдавали себе отчет в серьезности этих рисков⁵⁸⁵.

⁵⁸³ *Malksoo M.* From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe // *Security Dialogue*. 2006. Vol. 37, No. 3. P. 289.

⁵⁸⁴ Речь идет, прежде всего, о кратковременности суверенной истории прибалтийских государств, проблеме «преодоления» многочисленных фактов коллаборационизма с нацистским режимом и др. В результате особое внимание уделяется акцентировке внешней угрозы со стороны Другого («восточного соседа»). В этой связи уместно процитировать норвежского исследователя О. Джагера, охарактеризовавшего ситуацию в странах Прибалтики следующим образом: «...обращение к исторической памяти как средству легитимации государственного строительства воспроизводит тему угрозы и укрепляет дискурс опасности... [Таким образом] обеспечивается оправдание широкой секьюритизации и воспроизводится непрочная идентичность. Именно в силу непрочности и иллюзорности идентичности, а также по причине слабости и ненадежности государственных институтов, весь проект государственного строительства является уязвимым. Дискурс опасности служит инструментом по поддержке государственных институтов, границ и идентичности с тем, чтобы ослабить чувство уязвимости». Подробнее см.: *Jaeger O.* Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States // *Peace and Conflict Studies*. 2000. Vol. 7, No. 2. P. 33. Схожую оценку ситуации в Литве на фоне последних международных событий дает литовский историк А. Каспаравичюс, подчеркивая, что «поиск врагов – не говорит о политической и культурной зрелости государства и общества». Подробнее см.: *Историк: литовцы сами стимулируют информационную войну* // *Delfi.lt* [Электронный ресурс]. 2 июня 2014. Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/istorik-litovcy-sami-stimuliruyut-informacionnuu-voynu.d?id=64945181> (дата обращения: 15.10.2018)

⁵⁸⁵ Показательное заявление сделала в 2005 г. председатель Комиссии по иностранным делам Сейма Латвии Вайра Паэгле: «Если мы отказываемся от концепции оккупации, то ставим под угрозу нашу политику в отношении гражданства, в отношении

Поэтому универсальным аргументом вновь стали апелляции к прошлому и национализму. Описанные сюжеты служили не только легитимации государственных институтов, но сохраняли свою привлекательность и с точки зрения использования в повседневной внутривнутриполитической борьбе. Литовский исследователь В. Сафроновас отмечает, что евроатлантическая интеграция Литвы сделала необходимой весьма обширную программу по «переработке памяти» и «формированию прозападных настроений населения». При этом на постоянной основе проводилась работа по превращению «сопротивления оккупациям» в середине XX в. в высшую ценность. Достижение «исторической справедливости» осуществлялось через отрицание предшествующего режима (в т.ч. и путем криминализации альтернативных оценок), через введение процедуры люстрации и др.⁵⁸⁶

С 2004 г. отмечается дальнейшее нарастание конфронтационности исторической политики в странах Прибалтики и Восточной Европы в целом⁵⁸⁷. Одним из наиболее зримых проявлений противоречий стали печально известные «войны памятников» в Прибалтике⁵⁸⁸. Однако

неграждан и их прав и других ключевых вопросов. Понятно, что на такой шаг мы пойти не можем». (*Вести сегодня*. 2005. 21 мая).

⁵⁸⁶ Сафроновас, В. Указ. соч.

⁵⁸⁷ «Плохие предчувствия» : Телемост с историком Алексеем Миллером : [Электронный ресурс] // Гефтер : [сайт]. 2015. 20 февраля. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/14325> (дата обращения: 26.02.2015).

⁵⁸⁸ Отметим лишь несколько наиболее заметных эпизодов, случившихся на фоне множества более мелких инцидентов осквернения памятников: события вокруг демонтажа памятника советским воинам, павшим в Великой Отечественной войне в Таллине в 2007 г. («Бронзовый солдат»); многочисленные попытки демонтировать памятник воинам-освободителям в рижском Задвинье; решение властей Литвы по сносу советских скульптур (в т.ч. воинам Красной армии) в Вильнюсе. Параллельно устанавливаются новые памятники, например, памятник латышским легионерам СС в г. Бауска в 2012 г. В Эстонии памятник солдату в каске СС устанавливали и демонтировали в 2002, 2004 и 2005 г. В 2018 г. правительство Литвы объявило год памяти командира «лесных братьев» А. Раманаускаса (Ванагаса), который в 1957 г. по решению советского суда был признан виновным в преступлениях против мирного населения. Памятники ему находятся в Паневежисе, Каунасе, памятные доски в ряде литовских городов – попытка депутата Клайпедского совета В. Титова выступить против увековечения памяти Раманаускаса привела к мощному давлению, его политическая карьера была прервана, он привлечен к суду за клевету. В свою очередь экс-сотрудник КГБ С. Дрелингас, который в советское время участвовал в поимке Раманаускаса, в 2015 г. был обвинен в «геноциде партизан».

основные тенденции были более обширными: продолжилась глорификация нацизма⁵⁸⁹ и эксплуатация темы «советской оккупации», отождествление советского и нацистского режимов. Вхождение представителей зарубежных диаспор в состав политических элит Прибалтики на протяжении 1990 – 2000 гг. придало дополнительный импульс данным процессам⁵⁹⁰. В среде прибалтийских диаспоральных сообществ значительный вес имели коллаборационисты и их потомки⁵⁹¹.

Литовский историк Ч. Лауринавичюс указывает на довлеющую политическую подоплеку в интерпретации событий Второй мировой войны в Литве. Он подчеркивает политизированность занимаемой властными группами позиции: с одной стороны политика прибалтийских стран в тот

⁵⁸⁹ Известны регулярные марши коллаборационистов СС в столицах Прибалтики, установка им памятников и похороны с государственными почестями пособников нацизма. Так, в 2014 г. в Эстонии состоялись торжественные похороны ветерана СС Х. Нугисекса. В Эстонии торжественно перезахоронили прах вождя авторитарной досоветской республики К. Пятса еще в 1990 г. Генеральная прокуратура Латвии в 2018 г. сообщила, что не нашла в действиях нацистского коллаборациониста Г. Цукурса признаков состава преступления. Каратель Цукурс из-за массовых и жестоких расправ над евреями Латвии известен как «палач». Рассматривается вопрос о переносе его останков из Бразилии, где он скрывался от правосудия, в Ригу. В Литве в 2018 г. прошло торжественное государственное погребение А. Раманаускаса, а в 2012 г. – Ю. Амбразявичюса. Возглавляемый им Фронт литовских активистов был одним из инициаторов массовых убийств евреев в Литве во время Второй мировой войны. Выдержка из статьи «За что борются активисты?» председателя комиссии по пропаганде Фронта литовских активистов Б. Райлы, 10 мая 1941 г.: «Последствия прошлых веков и особенно большевистская оккупация нанесли большой вред организму литовского народа, заразили отвратительными бациллами и развели на литовской земле уйму сорняков. Поэтому Фронт литовских активистов полон решимости, восстановив новую Литву, незамедлительно и до основания очистить литовский народ и литовскую землю от евреев, паразитов и вырожденков. В свете этой задачи очищение от евреев составляет самую главную ее часть». Полный текст статьи приводится в: *Truska L. Holokausto priedaidos : antisemitizmas Lietuvoje / L. Truska, V. Vareikis. Vilnius : Margi Raštai, 2004. P. 270–308.*

⁵⁹⁰ «Советские годы это оккупация, 50 лет оккупации. Эти 50 лет могли бы дать совсем другие результаты для всей жизни в ее различных аспектах. Но они оказались вычеркнуты из истории». В. Адамкус, личное интервью. 17 ноября 2011 г., Вильнюс.

⁵⁹¹ Например, бывший Президент Литвы В. Адамкус служил переводчиком в литовской «Армии обороны отечества» под командованием вермахта, после разгрома гитлеризма бежал в Мюнхен, а затем – в США. В Латвии долгие годы главную контрразведывательную службу (БЗС – Бюро по защите Сатверсме) возглавлял британский бригадный генерал Я. Кажоциньш, его отец И. Кажоциньш в 1944 г. был призван в латышский легион СС. Подробнее о коллаборационизме в Литве см.: *Станкерас П. Литовские полицейские батальоны, 1941–1945 годы. М. : Вече, 2009.*

период оправдывается любыми средствами, а с другой – максимальная вина возлагается на СССР. В результате закрепляется образ «восточного соседа» как постоянного врага, который используется с манипулятивными целями в соответствии с внутривосточной конъюнктурой⁵⁹². Философ, диссидент с литовскими корнями Т. Венцлова позицию властных групп современной Литвы в сфере исторической политики описывает так: «Официально высказывают согласие с тем, что Холокост – это великое зло, есть день памяти о нем, но вместе с тем официально хотят оправдать и даже канонизировать лиц, которые так или иначе участвовали в Холокосте. Такое явление следует называть государственной и национальной шизофренией»⁵⁹³. Симптоматично, что и действия правящих групп Эстонии, разрывающихся между неолиберализмом и национализмом, политолог А. Астров характеризует так же – «внутренняя шизофрения»⁵⁹⁴. «Разрывающихся» это не просто фигура речи. Наследие прошлого разделяло не только политиков, но и их семьи. В Эстонии, например, Арнольд и Леннарт Мери были двоюродными братьями: Арнольд – первый эстонский герой Советского Союза, прославленный ветеран и антифашист, в новое время обвинен в «геноциде» эстонцев⁵⁹⁵; Леннарт – с семьей выслан в Сибирь, стал одним из лидеров движения за независимость Эстонии, затем главой МИД, президентом страны.

⁵⁹² Лауринавичюс, Ч. Указ. соч.

⁵⁹³ Венцлова Т. Евреи и литовцы: что изменилось и что не изменилось за 40 лет / ru.Delfi.lt. 27.04.2015. Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/opinions/comments/tvenclova-evrei-i-litovcy-chno-izmenilos-i-chno-ne-izmenilos-za-40-let.d?id=67805470> (дата обращения: 15.01.2019)

⁵⁹⁴ Астров: русское меньшинство – заложник внутренней шизофрении эстонской политики / rus.Postimees.ee, 21.03.2011. Режим доступа: <https://rus.postimees.ee/406314/astrov-russkoe-menshinstvo-zalozhnik-vnutrenney-shizofrenii-estonskoj-politiki> (дата обращения: 15.10.2018)

⁵⁹⁵ А. Мери: «Через наш род удивительным образом прошла мировая история... Пути наши разошлись... Леннарт привел эстонский народ в НАТО. Это одна из причин, почему я не хотел с ним общаться. Я считал это преступным в отношении не столько России, сколько эстонского народа». Подробнее см.: Сапожникова Г. Арнольд Мери: последний эстонский герой. Таллин: Impressum; SKP Media, 2009. 160 с.

Ощущение неопределенности после вступления в НАТО и ЕС, породившее череду внутривластных кризисов, повлекло усиление «антитоталитарной» риторики политических элит⁵⁹⁶. Эти процессы совпали по времени с «оранжевыми революциями» на постсоветском пространстве, подхлестнули новую волну политизации истории. В качестве границы начала третьего этапа в развитии исторической политики стран Прибалтики может рассматриваться рубеж 2010-х годов⁵⁹⁷. И. Матоните аккуратно отмечает, что к 2013 г. «гомогенизация» установок политических элит относительно исторической политики еще не произошла, хотя признает, что призывы к более терпимому отношению к советскому прошлому не находят отклика. К настоящему времени перестали раздаваться и призывы.

Значимой тенденцией становится продвижение элитами стран Прибалтики своих «версий» прошлого на общеевропейский уровень⁵⁹⁸. В этой работе задействуются международные площадки ОБСЕ, Европейского парламента, ПАСЕ, Европейского суда по правам человека, Парламентской ассамблеи НАТО и др. Так, показательной является реакция общеевропейских институтов на празднование в Москве 60-летия Победы в Великой Отечественной войне. 12 мая 2005 г. Европейский парламент принял резолюцию по итогам Второй мировой войны, указывая на «масштаб страданий, несправедливости, длительной социальной, политической и экономической деградации, пережитых нациями-пленниками, оказавшимися по восточную сторону железного занавеса». ПАСЕ в 2006 г. приняла резолюцию о необходимости международного

⁵⁹⁶ *Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // *Pro et Contra*. 2009. № 3–4. С. 109–124.

⁵⁹⁷ *Матоните И.* Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // *Балтийский регион*. 2013. № 3 (17). С. 120–134.

⁵⁹⁸ «Оккупационная риторика» для официальной Риги является краеугольным камнем в нескольких сферах: в частности, выдвижение историко-политических и материальных претензий к современной России, в том числе на международнополитических и международно-правовых площадках (ОБСЕ, ЕСПЧ, Европарламент, диалог «Россия – ЕС» и др.). Подробнее см.: *Дюков А.Р., Симиндей В.В.* В плену у этнократии // *Свободная мысль*. 2012. № 1–2 (1631). С. 188–204.

осуждения тоталитарных коммунистических режимов. Летом 2009 г. Парламентская ассамблея ОБСЕ на своем заседании в Вильнюсе приняла резолюцию, в которой отмечалось, что «в двадцатом веке европейские страны испытали два основных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, который привел к геноциду, нарушениям прав и свобод человека, военным преступлениям и преступлениям против человечества». Вскоре в 2009 г. Европарламентом был сделан следующий шаг: 23 августа установлен как день памяти жертв двух тоталитаризмов (нацизма и коммунизма), при этом об авторитарных режимах, которые действовали не только в странах Прибалтики в межвоенный период, но и в иных государствах Восточной Европы, как-то «забыли». В сентябре 2019 г. Европарламент возложил на Германию и СССР равную ответственность за начало Второй мировой войны. Среди инициаторов этих резолюций – представители политических элит Латвии, Литвы и Эстонии⁵⁹⁹.

Общеввропейский вектор элит стран Прибалтики на осуждение «преступлений тоталитаризмов», на первый взгляд, входит в противоречие с распространенной в этих странах практикой глорификации нацизма. Символичным является так называемый «кризис в Лихула» в 2004 г. В этом городе был установлен барельеф, изображающий солдата в форме СС с подписью: «Эстонским мужчинам, которые воевали в 1940–1945 гг. против большевизма и во имя восстановления независимости Эстонии». Менее чем две недели спустя памятник был ночью демонтирован эстонскими властями без публичного обсуждения. Это спровоцировало дискуссии на тему слабости и несамостоятельности национального правительства. В тот же период эстонские ультранационалисты осквернили многие памятники советским воинам.

⁵⁹⁹ Литовский исследователь Р. Гражаускас отмечает: «Это правда, что многие фундаментальные решения такого рода были инициированы представителями Центральной и Восточной Европы. Это показывает, что Европа... более не является только «Западной», она теперь в равной степени и «Восточная». Подробнее см.: *Grajauskas R. Is there a chance for a common European culture of remembrance? // Lithuanian Foreign Policy Review. 2010, No. 24. P. 106-118.*

Анализ указанной коллизии позволяет увидеть более широкую интеллектуальную подоплеку общеевропейского вектора исторической политики прибалтийских элит. За два года до огласки законопроекта «О двойном геноциде», в 2008 г. в номере эстонского журнала *Diplomaatia*, приуроченном к 90-летию юбилею обретенной в 1918 г. независимости Эстонии, вышла статья Ю. Луйка⁶⁰⁰, в прошлом – министра иностранных дел и министра обороны Эстонии. Исходной точкой содержащихся в статье рассуждений стала констатация: признание Холокоста явилось не столько следствием Нюрнбергского трибунала или работы историков, но было результатом политической борьбы. Ю. Луйк предложил отказаться от попыток ревизии истории нацизма в прибалтийских государствах и сосредоточить усилия на применении «принципов Нюрнберга» к «преступлениям коммунизма». В качестве главной задачи обозначено формирование международного политического консенсуса по данному вопросу. Поборниками новой доктрины предлагалось в первую очередь стать обществам-«жертвам преступлений тоталитаризма». При этом основные усилия было предложено сосредоточить в общественной сфере, а не на законодательном уровне. Инициативы последних лет подтверждают движение политических элит стран Прибалтики в обозначенном направлении – как во внутренней, так и во внешней политике. Таким образом, «российская угроза» сегодня служит дополнением более обширной политической программы. Элиты прибалтийских государств стремятся активнее апеллировать не столько к интересам, сколько к ценностям западных партнеров.

Универсальным аргументом выступает тезис о «нацистской и советской оккупации»⁶⁰¹, продвигаемый и на общеевропейском уровне. И

⁶⁰⁰ *Luik J. Meiekohustus*: [Электронный ресурс] // *Diplomaatia*: [сайт]. 2008. No. 54. Режим доступа: <https://www.diplomaatia.ee/artikkel/meie-kohustus/> (дата обращения: 10.11.2015).

⁶⁰¹ «Советская оккупация Эстонии это аресты, убийства, депортации... Этот террор неизбежно связывали с Россией, ведь приказы поступали из Москвы. «Коммунист» и «советский» были в нашей семье бранными словами», - так видит прошлое президент

Москва не является его единственным адресатом⁶⁰², хотя возмещения «ущерба за оккупацию» элиты стран Прибалтики⁶⁰³ официально требуют лишь от России. Базовая посылка такого подхода – «равноценность вины» гитлеровской Германии и СССР и признание «вины» европейцев за допущение «двух оккупаций» прибалтийских государств. При этом США из Латвии, Литвы и Эстонии видятся как гарант «европейского статуса» и покровитель малых стран, «пострадавших от тоталитаризмов». Позиционируя себя как «жертву тоталитаризмов», властные группы стран Прибалтики стремятся заставить «старую»⁶⁰⁴ Европу «искупать вину попустительства». Приоритетным в данном случае является не только «точечное» воздействие на принимающих решения европейских элит, но и влияние на общественное мнение и широкие политические круги в ЕС, создание соответствующего общеевропейского политического климата⁶⁰⁵.

Эстонии Т.Х. Ильвес. Подробнее см.: *Ильвес Т.Х.* Говорит глава государства / сост. О.Коппель, пер. И.Иизаметдинов. Таллин: Eesti Koostöökoogu, 2014.

⁶⁰² Признание ФРГ вины за действия Гитлера, материальная помощь содействовали сближению Германии и стран Прибалтики, но сделали Берлин «заложником балтийских политических элит, которые рассчитывают и впредь добиваться политических и экономических выгод, давя на чувство вины ФРГ... используя «синдром жертвы» в своей внешней политике». Подробнее см.: *Портнягина М.Д.* Страны Балтии во внешней политике Федеративной Республики Германия и Российской Федерации в 1990-е гг. – начале XXI в. СПб: Изд-во СПбГУ, 2014. 166 с.

⁶⁰³ В Литве с июня 2000 г. действует закон, который обязывает политическое руководство страны любой партийной принадлежности требовать от России компенсации за «оккупацию». Подробнее см.: *Žalimas D.* SSRS okupacijos žalos atlyginimo įstatymas ir Rusijos Federacijos atsakomybės tarptautiniai teisiniai pagrindai // *Politologija*. 2006. Vol. 4, No. 44. P. 3 – 53.

⁶⁰⁴ Основной адресат в данном случае – Германия. Как отмечает А.А. Синдеев, Германия – это скорее всего номинальный лидер, который обладает ограниченным набором средств воздействия на партнеров по ЕС: «Малые страны при таком «лидере» приобретают большее влияние, поэтому они со своей стороны заинтересованы в закулисном давлении на Федеративную Республику и открытом подчеркивании роли и ответственности этой страны в Европе». Подробнее см.: *Синдеев А.А.* «Защита Запада»: вызов для Германии / Пределы лидерства Германии в Европе: сборник статей / Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 97-105.

⁶⁰⁵ Это проявление того процесса, который еще в 2007 г. описал Б.С. Орлов – «сращивание» Западной и Восточной Европы. Подробнее см.: *Орлов Б.С.* «Сращивание» Западной и Восточной Европы: культурно-исторические аспекты проблемы // *Актуальные проблемы Европы*. 2007. № 4. С. 10-34.

Тема «коммунистического тоталитаризма» при активном участии прибалтийских политиков ставится в повестку дня международных конференций, встраиваясь в широкую общеевропейскую политическую и интеллектуальную дискуссию. Показательным примером является состоявшаяся в 2013 г. в Европейском парламенте конференция «Давид и Голиаф – малые народы под гнетом тоталитарных режимов», организованная членом Европейского парламента от Латвии И. Вайдере⁶⁰⁶. Параллельно с конференцией в Европейском парламенте была организована выставка «Тоталитаризм в Европе». Следует отметить и киноленту «The Soviet Story», режиссером которой стал праворадикальный латышский политик Э. Шноре. Основная идея фильма, озвученного на английском языке и ориентированного на европейскую аудиторию (фильм представлен в Европарламенте в 2008 г.), заключается в уравнивании «гитлеризма и сталинизма». Российские историки представили убедительные доказательства тенденциозности при подборе «исторических фактов» и прямых фальсификаций, положенных в основу киноленты⁶⁰⁷. Несмотря на это, политическая карьера режиссера получила импульс. Националистическая партия Латвии ВЛ-ОС/ДННЛ, в которой состоял Э. Шноре, прошла в сейм, а в 2014 г. политик был назначен председателем Латвийской комиссии по подсчету ущерба от советской оккупации⁶⁰⁸.

В 2017 г. при содействии Латвии был снят под эгидой НАТО короткометражный фильм «Лесные братья. Сражение за Балтию», в котором в позитивном ключе представлялись нацистские прибалтийские

⁶⁰⁶ Акцент был сделан на «угнетения чеченского, крымско-татарского и карельского народов». И. Вайдере сформулировала цель конференции так: «пролить свет на тот факт, что множество людей были репрессированы, депортированы, подвергнуты пыткам и убиты в эпоху тоталитарного коммунизма». (*Hearing on Totalitarian Regimes* : [Электронный ресурс] // EPP Group in the European Parliament. 2013. Режим доступа: <http://arc.eppgroup.eu/press/phili13/highlights-10.pdf> (дата обращения: 26.02.2015).

⁶⁰⁷ Дюков А. Р. «The Soviet Story»: Механизм лжи. М. : Фонд «Историческая память», 2008.

⁶⁰⁸ Подробнее об исторической политике в Латвии см.: Дюков А. Р. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению / А. Р. Дюков, В. В. Симиндей. М. : Фонд «Историческая память», 2011.

коллорационисты. Этот опыт признан «позитивным примером укрепления стратегической коммуникации с НАТО»⁶⁰⁹.

Н. Муижниекс, влиятельный латышский политик американского происхождения (министр по делам общественной интеграции, затем Комиссар Совета Европы по правам человека), откровенно говорит, что «усилия латвийских элит в Европе, направленные на то, чтобы латышский нарратив был признан и включен в основной европейский исторический нарратив, неизбежно противоречат попыткам России позиционировать себя в качестве европейской державы»⁶¹⁰. Историческая проблематика целенаправленно «монтируется» в общеевропейскую политику стран Прибалтики. Так, МИД Литвы в 2015 г. разработал «Стратегические руководящие принципы политики Литвы в отношении ЕС на 2015–2020 годы». Выделены 6 приоритетов: создание Европейского энергетического союза; «Восточное партнерство»; реализация стратегически важных энергетических и транспортных инфраструктурных проектов; защита информационного пространства ЕС; повышение конкурентоспособности национальных систем исследований и инноваций; реализация целей социального измерения в рамках Стратегии «Европа 2020». После обсуждения с парламентом было решено дополнить документ, добавив формулировку, касающуюся развития общей исторической памяти⁶¹¹.

Другое внешнеполитическое измерение активного применения властными группами стран Прибалтики исторической политики в ее антироссийском изводе – экономическое. Так, политические элиты Латвии,

⁶⁰⁹ *Liegis I.* Latvia's "Dunkirk" Year // *The Latvian Foreign and Security Policy Yearbook 2018* / Eds. Spruds A., Bruge I. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2018. P. 29-35.

⁶¹⁰ *Muiznieks N.* Latvian-Russian relations : dynamics since Latvia's accession to the EU and NATO. Riga : University of Latvia Press, 2011. 86 p.

⁶¹¹ *Seimas* of the Republic of Lithuania, "Committee on European Affairs identifies Lithuania's EU policy priorities for 2015–2020", Press release [Электронный ресурс], 20 May 2015, Режим доступа: <http://www3.lrs.lt/> (дата обращения: 16.10.2018)

Литвы и Эстонии неоднократно выступали против проекта «Северный поток», называя его «новым пактом Молотова-Риббентропа»⁶¹².

Политизированное прочтение прошлого закрепляется на законодательном уровне, приобретая нормативный, общеобязательный характер. Парламенты Латвии (в 2014 г.) и Литвы (в 2010 г.) приняли законы, устанавливающие уголовную ответственность и наказание в форме лишения свободы за отрицание «советской оккупации». В Эстонии предложения о введении ответственности звучали от представителей Партии реформ, Консервативной народной партии и др. В 2015 г. в Литве начался масштабный судебный процесс против граждан России, участвовавших в январе 1991 г. в обеспечении порядка во время волнений в Вильнюсе. Политически ангажированный процесс нацелен на международную правовую дискредитацию России как «правопреемника преступного государства-СССР»⁶¹³. В 2013 – 2014 гг. в Литве на парламентском уровне проходила активная дискуссия об изменении записи в графе «место рождения» в паспорте граждан с «Литовской ССР» на «оккупированную Литву». Минюст Эстонии в 2015 – 2019 гг. неоднократно

⁶¹² Дерябин Ю. «Северный поток» - экономика или военная политика? / Независимая газета. 31.08.2009.

⁶¹³ В основе обвинения тезис о том, что в январе 1991 г. СССР совершил «агрессию» в отношении Литвы как «независимого государства». Альтернативная трактовка событий 1991 г. запрещена – усомнившийся в официальной версии А. Палецкис, бывший вице-мэр Вильнюса, а ранее сотрудник МИД (внук председателя президиума Верховного совета ЛитССР В. Палецкиса, сын сотрудника МИД СССР, секретаря ЦК Компартии ЛитССР, евродепутата Ю. Палецкиса), был подвергнут уголовному преследованию за «отрицание оккупации», лишен госнаград, стал объектом кампании по дискредитации в СМИ, в 2018 г. арестован по обвинению в «шпионаже». Дело о январских событиях 1991 г. в 2010 г. в Литве переквалифицировано как «военное преступление» и «преступление против человечности», не имеющее срока давности. Около 80 граждан России являются подозреваемыми по этому делу, через Интерпол выданы несколько десятков ордеров на арест. В марте 2014 г. на границе задержан и помещен в тюрьму житель Калининградской области, полковник запаса Ю. Мель, поехавший в Литву за лекарствами. Он обвиняется в участии в «агрессии» против Литвы. Данное уголовное дело вкупе с более «мелким» о «нападении» российских пограничников на литовский таможенный пост в пос. Мядининкай в июле 1991 г., в ходе которого погибли 7 литовцев (в Литве осужден бывший омоновец К. Михайлов), отражает идеолого-пропагандистские опоры политического режима в Литве.

выступал с инициативой «второго Нюрнберга» – судебного процесса в отношении России по обвинению в «преступлениях коммунизма»⁶¹⁴.

В Латвии при участии президента А. Берзиньша была предпринята попытка уравнивать нацизм и коммунизм более хитрым способом: выделить часть «лояльных» местных ветеранов-красноармейцев (как правило, латышского происхождения) и организовать их публичное «примирение» с legionерами СС⁶¹⁵ на основе признания континуитета Латвийской Республики и «оккупационных» установок. Формула «примирения»: «Ни legionеры, ни красноармейцы не воевали под правильными знаменами, но и у тех, и у других основной враг был правильный!». Пропагандистский эффект был рассчитан не только на внутреннюю аудиторию, но и на внешнюю. Однако идея поддержки у ветеранов не нашла⁶¹⁶.

Если раньше пространство исторической политики подогревалось политическими декларациями, политикой в сфере культуры и образования, спорадической цензурой в СМИ, то к настоящему времени процесс перерос в криминализацию отрицания санкционированных властями «версий прошлого». Фактически, пространство исторической дискуссии внутри прибалтийских стран постепенно сжимается под давлением административных и законодательных механизмов. Попытки объективного анализа вызывают острую реакцию. В 2015 г. в журнале «Геополитика» при

⁶¹⁴ Эстония предложила Литве создать совместный трибунал по преступлениям коммунизма : [Электронный ресурс] // Postimees : [сайт]. 2017. 15 февраля. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/4025907/estoniya-predlozhila-litve-sozdat-sovmestnyu-tribunal-po-rassledovaniyu-prestupleniy-kommunizma> (дата обращения: 20.03.2017).

⁶¹⁵ В 1998 г. сейм Латвии принял декларацию «О латышских legionерах во Второй мировой войне», в которой утверждалось, будто цели legionеров были благородные – «защита Латвии от восстановления сталинского режима», и они «никогда не участвовали в гитлеровских карательных акциях против мирного населения». Специалисты утверждают, что это поддержанная на государственном уровне ложь. Подробнее см.: Дюков А.Р., Симиндей В.В. Латышский legion СС в свете Нюрнбергского трибунала // *Международная жизнь*. 2011. № 6. С. 141-148.

⁶¹⁶ Симиндей В.В. Инструментарий государственной исторической политики Латвии: воздействие на историческое сообщество / Прибалтийские исследования в России. 2015. Сборник статей / Сост. М.А. Вилков, В.В. Симиндей. М.: Изд. центр фонда «Ист. память», 2015. С. 18-43.

МИД Литвы вышла статья «Аморальные попытки переписать историю»⁶¹⁷. Автор выражает озабоченность изучением в России архивных документов, подтверждающих сотрудничество стран Прибалтики с нацистами. В статье проводится мысль о том, что это попытка изменить «традиционную» трактовку истории Восточной Европы, а такие исследования – «аморальные». Научный диалог подменяется претензией на моральное превосходство. «Распространение этой пропаганды становится опасным – она действует не только на Россию, но и проникает в мировое общество», – заключает автор.

Политизация «антитоталитаризма» является сегодня действенным внешнеполитическим инструментом, который служит интересам не только прибалтийских и восточноевропейских политиков, но находит идейных сторонников и в Западной Европе, и в США. Новый виток историческая политика в Восточной Европе получила на фоне украинского кризиса⁶¹⁸.

Основными тенденциями в развитии исторической политики в странах Прибалтики является использование элитами административных и законодательных инструментов для утверждения предпочтительных «версий прошлого», а также активная политическая работа на межгосударственном уровне, нацеленная на включение прибалтийских «версий» прошлого в общеевропейскую политику памяти.

Специфика прибалтийского случая определяется большим значением исторического фактора в становлении политических элит. По масштабам влияния на развитие политической системы в целом⁶¹⁹ роль исторической

⁶¹⁷ *Babilciute L. Amoralūs bandymai perrašyti istoriją* : [Электронный ресурс] // *Geopolitika* : [сайт]. Режим доступа: www.geopolitika.lt/?artc=7179 (дата обращения: 28.02.2015).

⁶¹⁸ Так, глава МИД Польши Г. Схетына заявил об освобождении Освенцима украинцами, а премьер-министр Украины А.П. Яценюк о «советском вторжении на Украину и в Германию». «Историческим эскападам» глав государств Восточной Европы предшествовало заявление посла США в Сербии М. Кирби в сентябре 2014 г. о том, что «Белград освободила 3-я украинская армия».

⁶¹⁹ «История и память становятся не просто инструментом политической борьбы, они формируют повестку дня и ориентиры политического развития». Подробнее см.: *Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политической идентичности* // МЭиМО. 2018. Т. 62. № 11. С. 65-76.

политики для Прибалтики сопоставима лишь с новейшими процессами в Венгрии и Польше в последние несколько лет. Однако данное сравнение будет неизбежно страдать на фоне отсутствия в последних двух странах крупных этнических групп, фактически исключенных не только из процесса дискуссии по историческим темам, но и виктимизированных посредством концепции «советской оккупации». Безусловно, для каждого из прибалтийских государств свойственны свои особенности исторической политики, институциональные конфигурации, уровень формализации и законодательного закрепления трактовок исторических сюжетов. Однако общая тенденция центрального положения исторической политики в роли «фильтра» элитного рекрутирования свойственна всем трем странам.

Историческая политика властных групп, выставяющая страны Прибалтики жертвами «двух тоталитаризмов», «нацистской и советской оккупации», регулярно используется как внешнеполитический инструмент, особенно на российском направлении. Активная эксплуатация властными группами фактора «наследия прошлого» имеет и значимое внутривластное звучание, позволяя элитам не только упрочить свои позиции, но и найти буквально любому негативному явлению в жизни современной Латвии, Литвы или Эстонии удобное объяснение – «советская оккупация». Таким способом нередко объясняется даже укоренение неформальных политических практик, высокое значение теневого сектора, в т.ч. политической коррупции. Анализ неформальных институтов внутриэлитного взаимодействия в странах Прибалтики посвящен следующий параграф.

4.3. Неформальные институты внутриэлитного взаимодействия

Властные группы в рамках даже малого государства не образуют гомогенную структуру в социальном и политическом смысле. Внутренние различия и неравенство в возможностях между элитными фракциями неизбежны и подвержены изменениям во времени, что обуславливает периодически обостряющиеся конфликты и формирование коалиций внутри властных групп. Конкуренция, лежащая в основе внутриэлитного взаимодействия, предполагает выстраивание механизмов согласования интересов и разрешения конфликтов, которые позволяют политической элите управлять социально-политическими процессами внутри государства. Подобные механизмы могут принимать различную форму и обладать различной эффективностью. Для их концептуализации применяется понятие института, вопросы определения которого уже частично затрагивались ранее. Уточним ряд положений.

До начала 1960-х гг. в политологии институционализм сохранял преимущественно правовой характер⁶²⁰, исходя из института как формальной правовой нормы, регулирующей общественно-политические отношения. Однако уже к середине 1960-х гг. институциональная трактовка политического процесса расширяется: значительным оказалось воздействие бихевиоризма, сторонники которого настаивали на отказе от примата формальных конструкций, призывая «заглянуть внутрь», сосредоточившись на эмпирическом изучении поведения отдельных индивидов. Последующее развитие теории организаций вернуло в исследовательскую повестку понятие института в более широком смысле – социальном, т.е. как структуры, формирующей своего рода результирующий вектор социальных и политических процессов не только на индивидуальном, но и на коллективном уровне.

⁶²⁰ *Lipset S. Political Man. New York : Garden City, 1960.*

Институт осмысливается как фактор и инструмент упорядочивания политических процессов, формирования политического порядка. Затем развивается новый институционализм, основанный на разделении регулирующих норм и правил на формальные и неформальные с выделением исторического институционализма и других теоретических направлений. Можно выделить, по меньшей мере, три подхода к определению институтов, которые не противоречат друг другу, а, скорее, представляют взгляды на общую проблему с разных ракурсов:

- 1) как формально установленные организации (учреждения), выполняющие определенные социальные функции;
- 2) как механизм, обеспечивающий «воплощение» структур и правил в конкретных политических результатах;
- 3) как процесс, агрегирующий индивидуальные поведенческие траектории в стабильно функционирующие структуры и учреждения⁶²¹.

В рамках настоящего исследования новый институционализм используется в связке с теорией элит, что позволяет конкретизировать теоретические рамки для анализа как внутриэлитного взаимодействия, так и взаимодействия политических элит с другими субъектами во внутри- и внешнеполитической среде. При таком подходе институты – это не просто пакты, договоренности между индивидами, а создаваемые в рамках социального взаимодействия структуры, которые по мере своего становления приобретают способность определять деятельность субъектов, в т.ч. своих создателей. Институты оказываются не только инструментом элиты, которая способна инициировать их создание или изменять их, но и ограничителем их действий. Однако не всегда трансформация институтов носит целенаправленный, управляемый характер – они могут формироваться без конкретного плана и четко обозначенного субъекта, «на пересечении» траекторий различных игроков и интересов. В этом смысле

⁶²¹ Подробнее см.: *March J. Elaborating the “New Institutionalism” / J. March, J. Olsen. Oslo : University of Oslo, Centre for European Studies, 2005.*

институты выполняют различные функции, далеко не всегда «прогрессивные» или эффективные с точки зрения наблюдателя. Кроме того, институты обладают различным уровнем адаптивности, и не всегда «автоматически» восприимчивы к меняющимся условиям. Между существующими институтами и политической активностью субъектов могут возникать противоречия и конфликты, что провоцирует политические кризисы. Из формальных и неформальных институтов складывается порядок, который может содержать не только элементы в системе, но и элементы конфликтующие, конгломеративные, т.е. является сложносоставной и внутренне противоречивой структурой.

Автор придерживается определения формальных и неформальных институтов Г. Хелмке и С. Левитски⁶²². Неформальные институты – это принятые в обществе правила и процедуры, создающиеся и поддерживающиеся за рамками официально санкционированных каналов участия в политике, влияния на политические решения в отличие от формальных институтов, функционирующих в рамках официально признанных каналов.

В классическом исследовании второй половины XX в. Р. Даль и Э. Тафт подчеркивают, что невозможно установить четкую причинно-следственную связь между размером государства и развитием демократических институтов⁶²³. Часто в доказательство противного приводятся данные о преобладании формальных демократических институтов в малых странах. Однако формальные институты далеко не всегда определяют подлинную природу политического взаимодействия и конкуренции внутри государств. Так, есть исследования, указывающие⁶²⁴, что в малых и «крошечных» государствах политическая борьба часто

⁶²² Хелмке Г. Указ. соч. С. 192.

⁶²³ Dahl R. *Size and Democracy* / R. Dahl, E. Tufte. Stanford : Stanford University Press, 1973.

⁶²⁴ Veenendaal W. *Size and Personalistic Politics: Characteristics of Political Competition in Four Microstates* // *The Commonwealth Journal of International Affairs*. 2013. Vol. 102. P. 245–257.

приобретает персоналистский характер. При этом влияние формальных институтов на политический процесс остается достаточно ограниченным. Появились исследования, которые обосновывают тезис о том, что практическое воплощение демократических принципов более вероятно в крупных государствах, т.к. обширное население способствует большему разнообразию и конкуренции элит и может препятствовать упрочению политической монополии⁶²⁵.

Оценка роли неформальных политических институтов во внутриэлитном взаимодействии на фоне формального соответствия демократическим процедурам призвана не только продемонстрировать глубину политических преобразований в Латвии, Литве и Эстонии после выхода из состава Советского Союза, но и определить специфику их внутриэлитного взаимодействия. Автор исходит из различения формальных и неформальных институтов. Если первые можно считать нормативным (в т.ч. закрепленным законодательно) «сводом» правил, которых придерживаются все участники политического процесса, то вторые олицетворяют собой «непрозрачные» для внешнего наблюдателя, «теневые» практики, существующие наряду с нормативными (при этом не обязательно выходящие за рамки закона), дублируя, подменяя, усиливая, противореча им и даже ставя их в подчиненное положение. Безусловно, четкое разделение на формальные и неформальные практики является в известной степени идеальной «черно-белой» схемой. За основу при этом, как правило, принимается тезис о приоритете именно формальных норм в «здоровых» политических системах, который и определяет логику внутриэлитного взаимодействия. Реальная картина политического процесса демонстрирует собой сочетание действий элит в рамках формальных и неформальных норм, вопрос в их соотношении и качестве влияния на систему.

⁶²⁵ *Gerring J. Size and Democracy Revisited / J. Gerring, D. Zarecki. Budapest : Central European University, 2011.*

В данном случае уместна аналогия с известной концептуальной моделью Г. Алмонда и С. Вербы⁶²⁶: политическая культура развитых демократических обществ (*civic culture*) складывается из нескольких ее видов – приходской (*parochial*), подданнической (*subject*) и участнической (*participant*). Такой подход позволяет рассматривать институты неформального взаимодействия элит как культурные нормы, образцы поведения, происхождение которых обусловлено не столько формальными требованиями соответствия демократическим процедурам, сколько всей совокупностью накопленных ранее традиций, опыта взаимодействия в обществе и его отдельных социальных группах.

Теоретическая оптика неоинституционального подхода, основывающегося на понятиях формального и неформального института, позволяет дополнить традиционный для изучения политических систем государств политико-правовой анализ рассмотрением неформальных практик – политических стереотипов, согласований и торгов, лежащих за границами официальных установлений. Анализ одних формальных правил обедняет эвристические возможности, чреват упущением мотивов, инструментов и ограничителей действий властных групп.

Вместе с тем простое отождествление неформальных институтов и культуры создает теоретическую путаницу. Так, например, источником рентоориентированного поведения в ряде случаев могут являться не устоявшиеся традиции, но текущие изменения в формальных институтах. Кроме того, решение о дополнении формальных правил или уклонении от них может быть принято политическими субъектами путем рациональных расчетов. Сводить подобные феномены к действию культурных факторов было бы слишком большой абстракцией, которая не учитывает интересы политических акторов при создании и соблюдении неформальных правил (институтов).

⁶²⁶ Almond G. Op. cit.

Оценка неформального измерения внутриэлитного взаимодействия в Восточной Европе позволила, например, И. Пеге вывести формулу «демократии без демократов»⁶²⁷. В. Банс говорит о «демократии, деформированной на уровне региона в целом», предполагая, что эти дефекты будут определять суть политического процесса на десятилетия вперед⁶²⁸. Т. Карозерс диагностировал синдром «бесплодного плюрализма», говоря о том, что элиты, несмотря на существование электоральной демократии и формальное соответствие всем процедурам, воспринимаются как «коррупцированные, своекорыстные и неэффективные»⁶²⁹. В какой мере это может быть отнесено к Латвии, Литве и Эстонии, которые прошли через масштабные политические, экономические реформы и единственные из всей советской «семьи» добились интеграции в евроатлантические структуры, тем самым являя, казалось бы, идеальный, успешный образец постсоветской трансформации?

«Новички» в ЕС, по мнению ряда исследователей, сталкиваются с недостатками в эффективности демократических институтов и управления. В научном сообществе сложилась точка зрения: основным «дефектом» является распространение клиентелизма и коррупции, препятствующее укреплению политических институтов в новых странах–членах ЕС. Результаты ряда исследований доказывают связь этих проблем с непрозрачностью политических практик и преобладанием неформальных институтов. Последние, в свою очередь, становятся следствием низкого уровня доверия в обществе (социального капитала)⁶³⁰. Следовательно,

⁶²⁷ *Pehe J.* Life beyond Communism: Democracies without Democrats // *Transitions Online*. 2009. No. 10 (3).

⁶²⁸ *Bunce V.* The Political Transition in Central and East European Politics // *From Communism to Democracy* / eds. S. L. Wolchik and J. L. Curry. Lanham : Rowman & Littlefield, 2008. P. 33–54.

⁶²⁹ *Carothers T.* The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13, No. 1. P. 7–21.

⁶³⁰ *Aasland A.* Trust and Informal Practice among Elites in East Central Europe, South East Europe and West Balkans / A. Aasland, B. Grodeland, H. Pleines // *Europe-Asia Studies*. 2012. Vol. 64, No. 1. P. 115–143.

элитные пакты были недостаточным основанием для прочных демократических систем в новых странах–членах ЕС, которые в значительной степени зависят от глубинных социальных процессов и взаимосвязей, доверия между членами общества. Важно различать неформальные институты, пронизывающие широкие слои общества, и неформальные правила взаимодействия, целенаправленно создаваемые элитами. «Институты... создаются, скорее, для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»⁶³¹, – отмечает Д. Норт.

В западном политологическом сообществе прибалтийские страны признаны консолидированными демократиями, являющимися, пожалуй, даже образцовыми для других стран постсоветского пространства⁶³². При этом авторы подобных рейтингов и сравнений обращают внимание, главным образом, на работу формальных демократических институтов стран Прибалтики, включающих соответствующие конституционные нормы и всеобщие выборы. Вместе с тем, всеобщие выборы ограничены, например, институтом «неграждан» в Латвии и Эстонии, который получил правовое закрепление еще в начале 1990 гг.

В результате часть исследователей применила к этим странам понятие «этнической демократии»⁶³³, характеризующейся исключением из политического процесса многочисленной группы населения по этническому признаку, и вытекающей из этого «герметизацией» политической элиты. На

⁶³¹ North D. *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. P. 16.

⁶³² *Nations in Transit 2014: Ratings and Democracy Score Summary* : [Электронный ресурс] // Freedom House : [сайт]. Режим доступа: <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Data%20tables.pdf> (дата обращения: 02.02.2015).

⁶³³ Bennich-Björkman L. *State Formation and Democratic Consolidation in the Baltic States: a Political Perspective on the EU Membership*. Uppsala : Uppsala University, 2001. Термин «этническая демократия» для описания политической системы Израиля как государства, в котором «доминирование определенной этнической группы институализировано наряду с демократическими процедурами», разработан С. Смуха. Подробнее см.: Smooha S. *Minority Status in an Ethnic Democracy: The Status of the Arab Minority in Israel* // *Ethnic and Racial Studies*. 1990. Vol. 13, No. 3. P. 389–413.

практике фактор этнической принадлежности был политизирован и превращен в ресурс политической мобилизации⁶³⁴.

Как пишет норвежский исследователь А. Стин, «политические деятели стран Прибалтики имели особый стимул для мобилизации этнических ресурсов на фоне ослабления политической базы прежнего режима: независимость и этническое доминирование стали лучшими гарантиями их карьерного роста»⁶³⁵. Описанный пример иллюстрирует превращение неформальных притязаний элит на власть в формальный институт. Это ставит проблему осмысления роли неформального измерения политического процесса в Латвии, Литвы и Эстонии.

Роль неформального измерения возрастает в период коренных преобразований, сопровождающихся, как правило, ослаблением контрольных функций государства. В период масштабного социального переструктурирования элиты склонны опираться именно на неформальные институты взаимодействия, так как учреждаемые реформой формальные институты еще не «прижились» в полной мере.

Фиксируемый с 1970-х гг. «кризис демократии» несет с собой и ослабление формальных демократических институтов⁶³⁶. Непубличные практики принятия ключевых решений, лоббистские усилия, политическая коррупция прочно укрепились в политическом процессе. В этом смысле происходящее в прибалтийских странах не может быть отделено от глобального контекста.

⁶³⁴ Литва, несмотря на принятый в 1990 г. «нулевой вариант», предоставляющий гражданство всем жителям страны, также пошла по пути политизации этничности, что выразилось в формализации этнонационализма на уровне государственной идеологии и исторической политики (в частности, это привело к неугасающим конфликтам с местной довольно многочисленной польской общиной). О том, сколь укоренена данная практика, сколь нетерпимым отношение к полякам в Литве было в конце 1930-х – начале 1940-х гг. подробнее см.: *Balkelis T. War, Ethnic Conflict and the Refugee Crisis in Lithuania, 1939–1940 // Contemporary European History. 2007. Vol. 16, No. 4. P. 461–477.*

⁶³⁵ *Steen A. Ethnic Relations, Elites and Democracy in the Baltic States // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2000. Vol. 16, No. 4. P. 71.*

⁶³⁶ «Постиндустриальная эпоха бросает вызов стабильности мира, основанного на либеральных ценностях и формуле представительной демократии. Современные демократии утрачивают эффективность», - отмечает О.Ф. Шабров. Подробнее см.: *Шабров О.Ф. Государство XXI в.: пределы эффективности / Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 109-120.*

Роль неформальных отношений во внутриэлитном взаимодействии, как правило, выше в странах, которые относительно недавно прошли этап глубокого реформирования. Р. Таагепера отмечает, что существенной проблемой остается то, что Латвия, Литва и Эстония приняли основные западные институты и нормы лишь внешне, не отказавшись от своих крепких, но нежелательных рабочих привычек⁶³⁷. В Эстонии это называется *seemu kapitalism*, т.е. «капитализм братанов» – соблюдение формальных правил функционирования институтов при юридически ненаказуемой системе персональных договоренностей⁶³⁸.

Негативные аспекты неформальных политических институтов (в первую очередь, коррупция и торговля влиянием) и до, и после вступления стран Прибалтики в Европейский союз не раз объяснялись местными властными группами как отрицательное наследие «советской оккупации». Премьер-министр Эстонии М. Лаар в 2002 г.: «Нереально ждать честной работы от людей, которые всю свою карьеру основывали на лжи. Старая система может только нести коррупцию»⁶³⁹. Министр финансов Литвы В. Шапока в 2017 г. объяснил высокий удельный вес «теневого» сектора экономики в странах Прибалтики (по оценкам экспертов МВФ, не менее 20%) «наследием советского режима», а проявления коррупции назвал инструментом борьбы с «оккупацией»: «Например, тащили что-нибудь из колхозов»⁶⁴⁰. Самым крупным финансово-политическим скандалом начала 1990 гг. в Эстонии стало так называемое «рублевое дело» - после выхода Эстонии из состава СССР в стране осталось 2,2 млрд. советских рублей, и по указанию М. Лаара эти деньги были проданы в Чечню, а не переданы

⁶³⁷ *Taagepera R. Baltic values and corruption in comparative context // Journal of Baltic Studies, 2002. No. 33. P. 243-258.*

⁶³⁸ *Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 60-78.*

⁶³⁹ *Laar M. Little country that could. London: St Edmundsbury press, 2002.*

⁶⁴⁰ *Министр финансов Литвы: в СССР коррупция была борьбой против оккупации / Baltnews.lt. 24.10.2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://baltnews.lt/lithuania/20171024/1017711654.html> (дата обращения: 11.03.2018)*

России. По данным прессы, неучтенный доход составил до 3 млн. долл., никто из политиков ответственности не понес, а связанные с передачей денег бизнесмены М. Страндберг и А. Кивимяги к середине 2000 гг. стали политиками, получив через партию «Зеленые Эстонии» несколько мандатов в парламенте.

Объем теневой экономики в Латвии, Литве и Эстонии, по данным МВФ, в динамике от 1994 г. до 2015 г. представлен в таблице 11. А. Загайнова сделала вывод, что в Эстонии в 1991 – 2007 гг. ни одно правительство не сумело отработать полный четырехлетний срок, распадаясь, как правило, по коррупционным основаниям⁶⁴¹. В Латвии за период с 1991 г. до 2019 г. сменилось 21 правительство, в Литве – 16, в Эстонии – 17. Другой пример: в Латвии до 2006 г. на парламентских выборах каждый раз побеждала партия, которой в период предыдущих выборов вообще не существовало⁶⁴².

Об уязвимости политических систем Латвии, Литвы и Эстонии, сталкивающихся с вызовами недостатка политической подотчетности и ответственности, говорится в докладе Международного института демократии и электоральной поддержки 2013 г. «Незаконные сети и политика в балтийских странах»⁶⁴³. В нем указывается на институциональную слабость в сочетании с чрезвычайной политической фрагментированностью (большое количество малых, слабых политических партий, появляющихся специально под очередные выборы и затем исчезающих), что в итоге приводит к так называемой «коммерциализации политики» (например, из-за вмешательства более крупных сторонних

⁶⁴¹ Zagainova, A. Challenges of Anti-Corruption Policies in Post-Communist Countries / Corruption and Development of The Anti-Corruption Campaigns / ed. S. Bracking. New York : Palgrave Macmillan, 2007.

⁶⁴² Воронников В.В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский союз // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 5. Т. 9. С. 7-23.

⁶⁴³ Villaveces-Izquierdo S. Illicit Networks and Politics in the Baltic States / S. Villaveces-Izquierdo, C. Uribe Burcher ; International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Stockholm : International Idea, 2013.

игроков)⁶⁴⁴. Среди причин, поощряющих неформальное внутриэлитное взаимодействие, названо, в частности, пространство СНГ, где действуют транснациональные нелегальные группировки, поэтому Латвия, Литва и Эстония превращаются, в терминологии Европола, в европейский северо-восточный криминальный хаб⁶⁴⁵. В особенности это касается Латвии, банковская система которой в 2018 г. пережила серьезное потрясение – по требованию финансового надзора США был закрыт крупный банк ABLV, заподозренный в многомиллиардных незаконных транзакциях с Молдавией, Северной Кореей, Украиной, а также в подкупе политического руководства Латвии⁶⁴⁶. Впоследствии во взяточничестве был обвинен глава Центрального банка Э. Римшевич, один из активистов Народного фронта Латвии. Была вскрыта сеть тесных связей политиков и бизнеса, в основе которой лежали неформальные отношения.

Не только политики, но и эксперты в странах Прибалтики часто упрощают проблему, сводя ее к негативному «советскому наследию», которое якобы продолжает довлеть и поныне. Неформальные отношения (так называемый блат) между литовцами в советское время, как пишет Г. Курис в очерке о становлении государственного антикоррупционного органа Литвы Службы специальных расследований (ССР) в 1997 – 2007 гг., «позволяли подрывать власть Москвы и сохранять ресурсы у себя»: «Это связывало, объединяло литовцев... Мелкая коррупция рассматривалась

⁶⁴⁴ *Grigas, A.* Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States. London: Royal Institute of International Affairs, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/0812bp_grigas.pdf (дата обращения: 11.05.2016).

⁶⁴⁵ *Galeotti, M.* Transnational Aspects of Russian Organized Crime: Russia and Eurasia Programme Meeting Summary. London: Royal Institute of International Affairs, 2012 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Russia%20and%20Eurasia/170712summary.pdf> (дата обращения: 17.05.2016).

⁶⁴⁶ *Proposal of Special Measure against ABLV Bank, as a Financial Institution of Primary Money Laundering Concern / Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN), Treasury.* RIN - 1506-AB39 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.fincen.gov/sites/default/files/federal_register_notices/2018-02-13/ABLV%20NPRM%2020180212%20%28Final%20for%20FR%20Submission%29.pdf (дата обращения: 01.09.2019)

даже как проявление патриотизма. Когда же Литва от Советского Союза избавилась, коррупция перестала быть проявлением патриотизма, но продолжила свое существование». Автор констатирует, что «привычка к благу подорвала новое государство», приводя пример: руководство ССР, которая создавалась при консультационной поддержке ФБР США, изначально, добиваясь в целях материальной независимости больших зарплат для своих сотрудников, попало в политическую зависимость – финансовый вопрос решался с теми высокопоставленными политиками, с которыми у руководства ССР были «хорошие отношения». Когда же на их место пришли другие, режим наибольшего благоприятствования более не действовал. В результате далеко не все громкие дела (уровня аферы с компанией «Рубикон» в Вильнюсе) дошли до суда, а те, которые дошли, во многих случаях не окончились серьезными приговорами⁶⁴⁷.

О роли блата в современной политике прибалтийских стран размышляет и Р. Янутене, указывая, что «в советское время, как и сейчас, – связи, родство, “блат” были наиэффективнейшим способом» для решения практически любых проблем. Иллюстрируя то, сколь весомым может быть значение неформальных связей между представителями элиты, Р. Янутене описывает становление в Литве клана «государственников» – группы чиновников, политиков, силовиков высшего звена, которых она наделяет статусом «серых кардиналов»⁶⁴⁸, ставя вопрос о том, может ли Литва считаться «страной сотни друзей»⁶⁴⁹. В Латвии М. Рукс говорит о закрытой

⁶⁴⁷ *Kuris G.* Balancing Responsibilities: Evolution of Lithuania’s Anti-Corruption Agency 1997–2007 : [Электронный ресурс] // Princeton University : [сайт]. 2012. Режим доступа: http://www.princeton.edu/successfulsocieties/content/data/policy_note/PN_id219/Policy_Note_ID219.pdf (дата обращения: 17.05.2016).

⁶⁴⁸ *Janutiene R.* Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius : Nataiva, 2013.

⁶⁴⁹ Закрытие Игналинской АЭС, деятельность компании «Висагинская атомная электростанция» при так и не построенной АЭС в Висагинасе, создание национального оператора Литвы в сфере энергетики Leo LT – на основании этих и ряда иных примеров Н. Межевич делает вывод о том, что политическая коррупция, сращивание бизнеса и власти в странах Прибалтики нередко прячутся под вывеской «национальных

и устроенной почти по правилам секты структуре Lettonia, члены которой («корпоранты», отличающиеся элитаризмом и презрением к массам) – значимые представители политической элиты, министры, депутаты, банкиры, владельцы СМИ, десятилетиями управляющие Латвией⁶⁵⁰.

Степень распространенности неформальных политических практик красноречиво характеризует и такой факт: мандат депутата Европейского парламента от Литвы, которым в 2004–2014 гг. обладал лидер «Саюдиса» Витаутас Ландсбергис, в 2014 г. перешел к его внуку – Габриэлюсу Ландсбергису. В 2015 г. внук получил еще и пост руководителя в партии консерваторов Литвы, у истоков создания которой стоял его дед.

В Латвии семейный союз Илги и Айвара Крейтусе был столь знаменит своей политической деятельностью (она – председатель парламента и претендент на пост президента, он – министр финансов), что эту пару изображали как герб страны. Г. Боярс возглавил Рижскую думу, будучи сыном Ю. Боярса, активиста Народного фронта Латвии (и офицера КГБ), председателя Латвийской социал-демократической рабочей партии. К. Петерс, сын создателя Народного фронта Латвии Я. Петерса, стал министром транспорта, одной из немногих по-настоящему прибыльных отраслей экономики.

В Эстонии Кая Каллас стала депутатом Европарламента и возглавила Партию реформ, которую основал и возглавлял ее отец – Сийм Каллас, премьер-министр Эстонии, впоследствии вице-президент Еврокомиссии. Эрки Сависаар, сын экс-премьера Э. Сависаара, лидера Народного фронта и создателя Центристской партии, избран от центристов депутатом парламента Эстонии. Эти случаи не единственные, но и их достаточно, чтобы вспомнить о классической формуле Г. Моска: правящие группы стремятся сохранить свою власть, передавая ее по наследству.

интересов». Подробнее см.: *Межевич Н. М.* Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М.: Русская книга, 2016.

⁶⁵⁰ *Ruks M.* 25 Gadi Sekta. Riga: Antava, 2018.

На основе глубинных интервью с представителями властных групп, с учеными и журналистами Латвии, Литвы и Эстонии автором выделены основные оценки роли неформального измерения во внутриэлитном взаимодействии (таблица 12). Комментарии приводятся без личностей респондентов с целью сохранения их конфиденциальности.

Обоснованные суждения об уровне распространенности неформальных институтов предполагают также анализ доступных статистических данных и вторичных данных исследований. О распространении неформальных отношений в политических кругах в той или иной стране помогают судить ежегодные исследования Всемирного банка, Transparency International, фонда Бертельсмана, Freedom House. Рассмотрим некоторые из них применительно к Прибалтийским странам.

По данным Глобального барометра коррупции, в Эстонии 55 % опрошенных высказывают мнение о том, что их политические партии коррумпированы. Считают госслужащих коррумпированными 38 %, а 33 % придерживаются такой же точки зрения относительно парламента Эстонии⁶⁵¹. Замеры Евробарометра в 2019 г. показывают, что в Эстонии 50% считают наиболее коррумпированными партии и 44% - политиков (это на 3-5% ниже средних показателей по ЕС), в Латвии 74% жителей убеждены в распространении коррупции в национальных институтах публичной власти (на 4% выше среднего по ЕС), в Литве таковых 79%⁶⁵².

По оценкам Transparency International, в 2016 г. 24 % опрошенных жителей Литвы (для сравнения: средний показатель по ЕС – 11 %; в Латвии – 15%, в Эстонии – 5%⁶⁵³) признали, что за последние годы давали взятку в различных сферах предоставления общественных услуг. При этом 63 % опрошенных жителей Литвы считают, что властные институты

⁶⁵¹ *Hardoon D.* Global Corruption Barometer. 2013 / D. Hardoon, H. Finn. Berlin : Transparency International, 2013.

⁶⁵² *Special Eurobarometer 502. Corruption.* December 2019.

⁶⁵³ *Pring C.* People and Corruption: Europe and Central Asia. Global Corruption Barometer. Berlin : Transparency International, 2016.

представляют запросы не всего населения, а крупных групп⁶⁵⁴. Латвия и Эстония отнесены к группе стран (их всего 51), в которых партии названы в числе наиболее коррумпированных институтов, Литва – к числу стран (их 7), в которых таковым назван парламент⁶⁵⁵. По оценкам Глобального барометра коррупции–2016 Transparency International, в Литве больше половины опрошенных (54 %) считают коррупцию одной из главных проблем страны, в Латвии – 35 %, в Эстонии – 25 %). По данным Евробарометра-2017, Литва и Латвия входят в число лидеров среди ЕС по количеству респондентов, лично знающих тех, кто берет взятки – 34% и 28%, тогда как Эстония соответствует среднеевропейскому показателю в 12%⁶⁵⁶. Данные о восприятии коррумпированности отдельных институтов, в т.ч. политических, в странах Прибалтики приведены в таблице 14. Для сравнения приводятся показатели Финляндии, которая так же, как и Латвия, Литва и Эстония, граничит с Россией и имеет с ней давние отношения.

В Литве 77 % опрошенных считают: при получении общественных услуг важны личные знакомства (по этому показателю Литва на втором месте в ЕС, после Италии, у которой 80 %). В 2016 г. по восприятию взяточничества Литва на втором месте (после Румынии) – 24%. Согласно отчету о коррупции «Евробарометр 397»⁶⁵⁷, три четверти респондентов в ЕС (76 %) считают, что коррупция широко распространена в их стране. Среди стран-лидеров Греция (99 %), Италия (97 %), Литва, Испания и Чехия (по

⁶⁵⁴ Эта проблема присуща вообще всем прибалтийским странам. В Латвии, например, общество за политическую открытость Delna регулярно заявляет о непрозрачности протекающих в крупных политических партиях процессов, о слабой вовлеченности рядовых членов партий в процесс принятия ключевых решений, о сильной зависимости партий от бизнес-интересов. См., например: *Kalnins V. National Integrity System Assessment. Latvia 2011. Riga : Transparency International ; Delna, 2011.*

⁶⁵⁵ *Hardoon D. Global Corruption Barometer. 2013 / D. Hardoon, H. Finn. Berlin : Transparency International, 2013.*

⁶⁵⁶ *Special Eurobarometer 470: Corruption : Report. Brussels : European Commission, 2017.* [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_470_en.pdf (датаобращения: 05.09.2018).

⁶⁵⁷ *Special Eurobarometer. 397 : Corruption : Report. Brussels : European Commission, 2014* [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_397_en.pdf (датаобращения: 08.05.2016).

95 %), Хорватия (94 %), Румыния (93 %). Уровень взяточничества в отдельных странах ЕС приводится в таблице 15. Латвия и Литва входят в число лидеров стран ЕС по числу опрошенных, кто считает в целом приемлемым оказать какую-либо услугу в благодарность за то, что для них сделают органы госвласти. Литва и Латвия относятся к числу стран, население которых наименее склонно считать, что коррупция широко распространена в политических партиях.

По данным Freedom House, в Литве коррупция преобладает в бизнесе и политике, расположение страны в коррупционном рейтинге с 2004 г. стабильно (с периодическими отклонениями в сторону ухудшения) – на отметке 3,5 (7 – худший показатель, 1 – лучший). Рейтинг Латвии, которую периодически сотрясают скандалы с участием представителей высших кругов, постепенно улучшается: с 3,5 в 2004 г. до 3 в 2016 г. Показатель Эстонии – 2,5 в 2004 г. и 2,5 в 2016 г., коррупционные скандалы с финансированием политических партий (в т.ч. правящих)⁶⁵⁸.

По данным фонда Бертельсмана («Sustainable Governance Indicators 2016»), коррупция стабильно сохраняется в Литве, руководству которой рекомендуется направить свои усилия на исправление ситуации в наиболее коррумпированных институтах: сфере здравоохранения, парламенте, судах, полиции и муниципальных органах власти⁶⁵⁹. В отношении Латвии серьезные претензии предъявляются к судебной системе, которая формально независима, но де факто поражена коррупцией. В результате в Латвии широко распространено восприятие политиков, высших госслужащих и успешных бизнесменов как коррумпированных фигур, а законы и бизнес-сделки рассматриваются как поводы для манипуляций⁶⁶⁰.

⁶⁵⁸ *Nations in Transit*. 2016. Washington : Freedom House, 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_NIT2016_Final_FWeb.pdf (дата обращения: 09.03.2017).

⁶⁵⁹ *Nakrosis V. Sustainable Governance Indicators SGI, 2016. Lithuania Report / V. Nakrosis, R. Vilpisauskas, J. Detlef. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2016.*

⁶⁶⁰ *Bertelsmann Stiftung's Transformation Index 2014. Latvia Country Report. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bti->*

В докладе «Bertelsmann Stiftung's Transformation Index» констатируется, что несмотря на учреждение в 2002 г. Бюро по предупреждению и борьбе с коррупцией (КНАВ) проблему политической коррупции искоренить не удастся (не в последнюю очередь это связывается с тем, что руководителя КНАВ утверждает парламент, что делает этот процесс предметом политического торга)⁶⁶¹. Более выгодную позицию занимает Эстония, которая фондом Бертельсмана рассматривается как наименее коррумпированная среди стран Прибалтики. В качестве подтверждения приводятся следующие аргументы: суды в целом свободны в своей деятельности, об этом говорит и то, что ими были рассмотрены дела о коррупции в отношении ряда политиков. Вместе с тем вопрос непрозрачного финансирования партий остается на повестке дня⁶⁶².

Бывший премьер-министр Эстонии, многолетний мэр Таллина и лидер Центристской партии Э. Сависаар, анализируя результаты трансформации постсоветской Эстонии, дал такую оценку – современная Эстония это «государство-фасад», лишь внешне следующее демократическим принципам. Фиксируя глубокий отход от демократических норм, он сравнивает Эстонию с «частной компанией», которой руководят националистические политики правого толка при активном участии спецслужб и бизнесменов (в т.ч. и в сфере СМИ)⁶⁶³. Э. Сависаар не раз был фигурантом историй, связанных с «теневым» внутриэлитным измерением – будь то «пленочный» скандал в 1995 г. (обвинения в незаконной прослушке конкурентов, когда Сависаар

project.org/fileadmin/Inhalte/reports/2014/pdf/BTI%202014%20Latvia.pdf (дата обращения: 11.06.2016).

⁶⁶¹ Bertelsmann Stiftung's Transformation Index 2016. . Latvia Country Report. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.bti-project.org/fileadmin/files/BTI/Downloads/Reports/2016/pdf/BTI_2016_Latvia.pdf (дата обращения: 10.03.2017).

⁶⁶² Bertelsmann Stiftung's Transformation Index 2014. Estonia Country Report. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.bti-project.org/fileadmin/Inhalte/reports/2014/pdf/BTI%202014%20Estonia.pdf> (дата обращения: 11.06.2016).

⁶⁶³ Сависаар Э. Правда об Эстонии : в 2 т. Таллин : Midfield, 2012. Т. 1. 2012.

возглавлял МВД), назначение супруги Вильи в совет директоров курируемого Таллинского порта, обвинения в коррупции в 2014-2015 гг.

Согласно ежегодному докладу Госдепартамента США о соблюдении прав человека в конкретных странах за 2013 г., в Латвии коррупция существует на всех уровнях власти, и правительство недостаточно эффективно противостоит ей. В качестве примера приводится трагедия с торговым центром «Максима» в Риге, крыша которого обрушилась 21 ноября 2013 г., отчего погибли более 50 чел. «Среди возможных причин следствие называло и коррупцию в строительной отрасли»⁶⁶⁴. В докладе 2016 г. указывается, что население Латвии по-прежнему убеждено в широком распространении коррупционных практик среди госдеятелей – по оценкам Еврокомиссии, в этом уверены 73 % жителей Латвии⁶⁶⁵.

В докладе по Литве Госдепартамент внимание обращает на коррупционные скандалы, сотрясавшие высший эшелон мэрии Вильнюса⁶⁶⁶. Продолжились они и в 2016 г. – лидер Либеральной партии Э. Масюлис был вынужден подать в отставку из-за преданного огласке факта получения им 100 тыс. евро от крупной литовской компании MG Baltic⁶⁶⁷.

В отношении же Эстонии делается вывод, что правительство в целом довольно эффективно противостоит коррупционным вызовам⁶⁶⁸. Однако

⁶⁶⁴ *Country Reports on Human Rights Practices for 2013. Latvia* : [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : [сайт]. 2013. Режим доступа: www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/index.htm?dlid=223018&year=2013#wrapper (дата обращения: 26.05.2015).

⁶⁶⁵ *Country Reports on Human Rights Practices for 2016. Latvia* : [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : [сайт]. 2016. Режим доступа: <https://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/#wrapper> (дата обращения: 26.03.2017).

⁶⁶⁶ *Country Reports on Human Rights Practices for 2013. Latvia* : [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : [сайт]. 2013. Режим доступа: www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/index.htm?dlid=223018&year=2013#wrapper (дата обращения: 26.05.2015).

⁶⁶⁷ *Country Reports on Human Rights Practices for 2016. Lithuania* : [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : [сайт]. 2016. Режим доступа: <https://www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/#wrapper> (дата обращения: 26.03.2017).

⁶⁶⁸ *Country Reports on Human Rights Practices for 2013. Estonia* : [Электронный ресурс] // U.S. Department of State : [сайт]. 2013. Режим доступа:

вопрос коррупции властных групп не исчезает: в 2001 г. фигурантом уголовных дел о приватизации общежитий в Таллине и электростанций в Нарве стал министр экономики М. Пярноя; в 2003 г. в отставку подал министр финансов Т. Пальтс из-за претензий налоговой службы к его бизнес-структурам; в 2004 г. при министре сельского хозяйства Т. Таммсааре украдена треть стратегического запаса зерна страны; в 2006 г. фигурантом уголовного дела из-за аферы с землей оказался министр окружающей среды В. Рейльян; в 2016 г. достоянием гласности стал вопрос присвоения президентом Т.Х. Ильвесом свыше 170 тыс. евро, полученных им в качестве госсубсидии для своей фирмы. Иные случаи неформальных внутриэлитных практик приведены в таблице по итогам интервью.

В соответствии с докладами Всемирного экономического форума («Индекс глобальной конкурентоспособности» в 2008–2018 гг.⁶⁶⁹), коррупция фигурирует в числе наиболее проблематичных факторов для ведения бизнеса – больше всего в Латвии и Литве, меньше в Эстонии. В соответствии с докладом Всемирного банка в 2016–2017 гг. Разрыв в уровне коррупции между Латвией, Литвой и Эстонией был особенно очевиден в конце 1990-х гг., когда для политиков Риги и Вильнюса не стало сюрпризом решение Брюсселя о необходимости отложить присоединение Латвии и Литвы к ЕС. Рига и Вильнюс получали «многочисленные указания из Брюсселя о том, что присоединение станет возможным лишь после того, как будут осуществлены не только серьезные политические и экономические реформы, но и предприняты усилия по борьбе с распространением политической коррупции в Латвии и Литве»⁶⁷⁰. Однако и к настоящему времени страны Прибалтики не демонстрируют впечатляющих результатов. Уровень

www.state.gov/j/drl/rls/hrrpt/humanrightsreport/index.htm?dlid=223018&year=2013#wrapper (дата обращения: 26.05.2015).

⁶⁶⁹ *The Global Competitiveness Report 2008–2009. Full Data Edition* / ed. K. Schwab. Geneva : World Economic Forum, 2009; *The Global Competitiveness Report 2017–2018. Full Data Edition* / ed. K. Schwab. Geneva : World Economic Forum, 2018.

⁶⁷⁰ *Roule T. J. The Nature of Political Corruption in the Baltics* // *The Baltic Times*. 2001. January 25. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.baltictimes.com/news/articles/4295/> (дата обращения: 01.08.2015).

доверия политикам в Латвии и Литве неуклонно снижается, только в Эстонии незначительно подрос. Фаворитизм в принятии госорганами решений существенно вырос в Латвии, несколько уменьшился в Литве, в Эстонии же упал почти на 40%. Транспарентность принимаемых властью решений остается в целом на прежнем уровне, далеком от показателей, например, Финляндии. Данные Всемирного экономического форума, иллюстрирующие неформальные практики, в таблице 16.

Несмотря на годы, минувшие со дня вступления Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС в 2004 г., неформальные практики остаются если не обязательным *modus operandi* для представителей политических элит, то, по меньшей мере, тем набором средств и методов принятия важнейших политических решений, которые используются наряду с официальными, формальными инструментами⁶⁷¹. Сама по себе неформальность не является неизбежно порочной (неформальные отношения способны содействовать созданию атмосферы доверия, что можно расценивать как положительный социальный капитал). Здесь необходимо согласиться с М. Хайозом, который, фиксируя «слишком высокий» уровень неформальных отношений в Восточной Европе, отмечает, что «неформальная политика и личные отношения не должны противопоставляться принципам управления, деформировать универсальные принципы»⁶⁷². В противном случае закономерен вопрос об устойчивости политических структур, о наличии

⁶⁷¹ Показательны откровения бывшего президента Литвы В. Адамкуса – в своих мемуарах в 2011 г. он, в частности, вспоминает: «Это стыдно признавать, но мне, президенту, звонили и прямо указывали, что делать, а чего нет, о чем и с кем говорить, кого на какую должность назначать...». Впрочем, и сам В. Адамкус указывал – например, суду, чтобы тот дал санкцию вести скрытное прослушивание телефонов дипломатов Белоруссии, находившихся на территории Литвы. Подробнее см.: *Adamkus V. Paskutine Kadencija. Prezidento dienoraščiai*. Vilnius: Tyto alba, 2011. Бывший премьер-министр Эстонии М. Лаар в своих мемуарах еще откровеннее, рассказывая, в частности, о сомнительных оружейных ближневосточных сделках или о передаче «Республике Ичкерия» существенных денежных сумм. Подробнее см.: *Laar M. Pooge. Mälestused*. Tallinn: OÜ Read, 2015. 400 p.

⁶⁷² *Хайоз Н.* Власть, демократия и неформальные отношения в Восточной Европе: к устойчивости политических структур // Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 90–102.

эффективных формальных институтов, которые позволяли бы держать непрозрачные практики в подчиненном положении.

Исходя из материалов глубинных интервью, упрочению неформальных институтов способствуют недостатки в структуре формальных институтов, а также особенности партийной системы и принятия решений. Так, в Латвии и Эстонии отмечаются проблемы регулирования лоббистской деятельности, что в комбинации с раздробленной партийной системой обуславливает создание «благоприятной почвы» для распространения политической коррупции. Примером является крупный скандал в Эстонии, вызванный так называемой покупкой закона в 2007 г., когда бизнесмен, вел строительство энергетической станции и финансировал партии, впоследствии принявшие закон, предоставляющий значительные субсидии его компании.

В Латвии слабость политической системы повлекла доминирование в политическом процессе крупного бизнеса, степень влияния которого ряд исследователей характеризуют как «захват» государства и ведущих СМИ олигархами⁶⁷³. В то же время об особом симбиозе бизнеса и власти – в частности, о националистах Латвии («Отечеству и Свободе» / «Движение за национальную независимую Латвию») - откровенно пишет миллионер Ю. Круминьш, стоявший у истоков «Клуба 21»: «Эта политическая сила паразитирует за счёт общества, манипулируя патриотизмом латышей». Он приводит много конкретных примеров того, как представители властных групп националистического окраса вымогали деньги у бизнеса или «осваивали» госсредства: «Выросло новое поколение расхитителей государства – политики под прикрытием «Единства» переняли эстафету и хорошо знают, где кормиться». По его оценкам, А. Шкеле и А. Лембергс оказали столь сильное влияние на политическую систему Латвии, что «сломали» ее, подчинив собственным корыстным интересам. Заметим, что

⁶⁷³ *Rusu F.* A Diagnosis of Corruption in Latvia. Berlin : European Research Centre for Anti-Corruption and State-Building, 2010.

и сам миллионер Круминьш в 2016 г. задерживался по подозрению в нелегальном финансировании политических партий⁶⁷⁴.

В свою очередь Литва по некоторым показателям (по уровню доверия общества политикам, восприятия населением коррупции) демонстрирует регресс. Страна, в которой неформальные, «дружеские» отношения становятся важнее легальных правил, а «клубы однокурсников» подменяют собой ветви власти, сталкивается с проблемой падения доверия к властным институтам, с усугублением разрыва между элитами и массовыми группами.

В этой связи актуальным остается вопрос об укреплении официальных институтов в сфере надзора за деятельностью и финансированием партий. Слабость партийной системы усугубляется и действиями политических субъектов, создающих фиктивные политические партии-«спойлеры» для дробления электоральной базы конкурентов. Подобная ситуация ведет к перманентному политическому кризису на уровне формальных представительных институтов, то затухающему, то разгорающемуся с новой силой.

Формальные и неформальные институты на практике часто тесно переплетаются. Не всегда возможно сделать однозначный вывод о роли тех или иных неформальных правил с точки зрения эффективности и устойчивости политической системы. Так, неформальные институты в периоды глубоких трансформаций способны замещать устаревшие или разрушенные формальные институты, а в некоторых случаях – усиливать мотивацию следовать формальным правилам. Неформальные правила могут включать образцы поведения, которые не регламентированы формально, но имеют значение для слаженного функционирования политической системы.

Г. Хелмке и С. Левитски выделили следующие типы неформальных институтов: дополняющие, приспособливающиеся, конкурентные и

⁶⁷⁴ Круминьш Ю. Рассказы ильгюциемского пацана. Рига: Autora izdevums, 2017. 336 с.

замещающие⁶⁷⁵. Применение данной типологии позволяет уточнить характер взаимодействия формальных и неформальных институтов во внутриэлитном взаимодействии в странах Прибалтики.

Дополняющие неформальные институты повышают эффективность функционирования формальных, обеспечивая дополнительные инструменты, мотивацию и целеполагание субъектов в рамках формальных институтов. Примером подобного института могут служить народные фронты в Латвии и Эстонии и «Саюдис» в Литве – общественные движения, созданные в конце 1980 гг. для поддержки идей перестройки, реализуемых центральной властью. Они вскоре начали конкурировать с официальными властными институтами, фактически возглавив процесс демонтажа советской системы. После установления нового политического порядка необходимость в дополняющих институтах резко снизилась. Фактически вскоре после 1991 г. они оказались не у дел.

Приспосабливающиеся неформальные институты способствуют улаживанию противоречий, возникающих между субъектами в рамках формальных институтов. Речь идет о неформальных согласованиях и договоренностях, позволяющих соотнести интересы разных элитных фракций без прямого конфликта с формальными правилами. Среди красноречивых примеров – согласование в 2007 г. на закрытой встрече в узком составе политиков и бизнесменов в Рижском зоопарке кандидатуры будущего президента Латвии⁶⁷⁶.

Конкурентные неформальные институты предполагают конфликт между формальными и неформальными правилами. Иллюстрациями служат коррупционные схемы, «блат», кумовство, клиентелизм, примеры и механизмы которых описаны выше.

⁶⁷⁵ Хелмке, Г. Указ. соч.

⁶⁷⁶ Norkus Z. Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks // Baltic Journal of Political Science. 2013. No. 2. P. 21.

Замещающие неформальные институты «перехватывают» существенные функции формальных институтов, фактически подменяя официально закрепленные правила «теневыми» способами взаимодействия. Речь идет о сетях неформального управления политическими процессами, сформировавшихся схемах сговора и перераспределения ресурсов. Эти структуры преобразуются в устойчивые кланы, «теневую» систему координации и руководства, в «ночные правительства». Проявления замещающих институтов в странах Прибалтики многократно становились достоянием общественности, что вело к политическим скандалам. Однако вмешательство официальных органов власти не вело к демонтажу подобных структур, глубоко укоренившихся в политической жизни. Эмпирический анализ указывает на нехватку в странах Прибалтики дополняющих институтов, на значительное распространение неформальных замещающих институтов, укоренившихся за демократическим фасадом. Уровень недоверия политическим институтам сохраняется (табл. 18).

Коррупционные скандалы неоднократно сотрясали политическую систему всех трех стран. Помимо уже упомянутых, обратим внимание на следующие. В литовской политике можно отметить скандал в партии «Союз Отечества–Христианские демократы», связанный с подозрениями в коррупции членов семьи Гарбаравичюсов. Р. Гарбаравичюс, ранее являвшийся одним из наиболее влиятельных депутатов и казначеем «Союза Отечества», был вынужден остановить свое членство в партии. Открыто уголовное дело в отношении Ю. Гарбаравичюса, контролирующего компании по импорту российской электроэнергии в Литву. Большой резонанс вызвали коррупционные скандалы вокруг мэра Вильнюса А. Зуокоса – предметом парламентских и судебных расследований стал самый широкий круг эпизодов: от коррупции в сфере городского ЖКХ и махинаций с недвижимостью до «покупки» голосов на выборах мэра.

Судебные процессы, несмотря на наличие доказательств, не привели к отставке мэра⁶⁷⁷, он ушел после проигрыша в ходе выборов в 2015 г.

Президент Латвии В. Затлерс в 2011 г. инициировал референдум о роспуске парламента в связи с многочисленными коррупционными скандалами, но уголовное «дело олигархов» так и не доведено до конца. Доминирование коррупционной проблематики укрепило в политологическом латвийском дискурсе категорию «олигархов», которые часто рассматриваются как основные субъекты политики⁶⁷⁸. Как правило, к ним относят упомянутых А. Лембергса, А. Шкеле и А. Шлесерса.

В Эстонии в 2013 г. произошел громкий скандал в связи с доказанным фактом подделки голосов, позволивших экс-главе МИД и депутату Европарламента К. Оюланд войти в правление Реформистской партии Эстонии. Политик была исключена из партии, однако сохранила мандат депутата Европарламента⁶⁷⁹. По данным Минюстиции Эстонии, в 2016 г. в стране совершено рекордное количество преступлений коррупционной направленности – 557 (2012 г. – 161, 2013 г. – 322, 2014 г. – 355, 2015 г. – 450), из них 64 % это взятки⁶⁸⁰. Эстонский опыт борьбы с коррупцией часто рассматривается как образец для других стран Восточной Европы⁶⁸¹.

Партийные системы Латвии, Литвы и Эстонии демонстрируют фрагментированность⁶⁸². В Эстонии на протяжении 2000-х гг. наблюдалась относительная стабилизация электоральных предпочтений и уменьшение

⁶⁷⁷ *Прокуроры* пытаются перейти «Рубикон» // Экспресс неделя. 2008. 27 июня.

⁶⁷⁸ *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On* / ed. M. Lauristin. Tallinn : Printon Trükikoda, 2011. P. 159.

⁶⁷⁹ *Коррупция* и подделка голосов: больше всего кандидатов с темным прошлым в Ляэне-Вирумаа : [Электронный ресурс] // Delfi : [сайт]. 2015. 13 января. <http://rus.delfi.ee/archive/korruptsiya-i-poddelka-golosov-bolshe-vsego-kandidatov-s-temnym-proshlym-v-lyaene-virumaa?id=70552299> (дата обращения: 18.03.2017).

⁶⁸⁰ *Число* коррупционных преступлений в 2016 г. достигло рекордного уровня : [Электронный ресурс] // ERR.ee : [сайт]. 2017. 24 января. Режим доступа: <http://rus.err.ee/240944/chislo-korruptsionnyh-prestuplenij-v-2016-godu-dostiglo-rekordnogo-urovnja> (дата обращения: 18.03.2017).

⁶⁸¹ *Kalniņš V.* Background Paper on Estonia. Berlin : Hertie School of Governance, 2014.

⁶⁸² *Saarts T.* Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States // *Studies of Transition States and Societies*. 2011. Vol. 3, No. 3. P. 83–104.

фрагментации партийной системы. Однако парламентские выборы в 2015 г. вновь показали увеличение фрагментации по сравнению с электоральным циклом 2011 г. – в парламент прошли 6 партий вместо четырех в 2011 г.⁶⁸³ Примечательно, что ряд исследователей из стран Прибалтики, диагностируя слабое институциональное развитие, фрагментированность и «коммерциализацию» партийных систем стран Прибалтики, указывают на связанные с этим риски возрастания податливости внешнему влиянию⁶⁸⁴. Приведенные данные о доверии политическим институтам и уровне коррупции указывают на сохраняющуюся уязвимость и хрупкость политических режимов в прибалтийских государствах. По ряду ключевых показателей Латвия, Литва и Эстония существенно отстают от среднего уровня в ЕС, нередко уступают и странам Восточной Европы (и тем более – Северной Европы).

Отметим значимые тенденции: 1) продолжается процесс формализации неформальных институтов; 2) значение символического компонента при формировании официальных институтов не снижается, а по ряду показателей возрастает; 3) снижается эффективность институтов социально-политической интеграции. Первые две тенденции в значительной степени взаимосвязаны. Речь идет главным образом об исторической политике государств Прибалтики. С 1990 гг. властные группы стран Прибалтики сделали ставку на эксплуатацию национализма⁶⁸⁵ в сочетании с

⁶⁸³ *The 15 Parliamentary Election in Estonia* : [Электронный ресурс] // *Baltic World* : [сайт]. 2015. March 9. Режим доступа: <http://balticworlds.com/rewarding-the-squirrels/> (дата обращения: 12.01.2017).

⁶⁸⁴ *Grigas A. Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States*. London : The Royal Institute of International Affairs, 2012. P. 2–3. Примечательно, что с констатацией этих проблем выступают не только исследователи, но и действующие политики на высшем уровне. Так, Президент Латвии А. Берзиньш в 2015 г. заявил: «...нашу партийную систему нельзя назвать сильной. Она находится в стадии формирования. У партийной системы нет крепких корней в гражданском обществе, поэтому большинство жителей обоснованно считает, что партии не представляют интересы общества» (*Президент: век латвийских партий – слишком недолгий* // *Latvijas Sabiedriskie mediji*. 2015. 23 февраля).

⁶⁸⁵ На исходе первой четверти XXI в. национализм называется ведущими экспертами в качестве одной из универсальных, глобальных тенденций. Подробнее см.: Мир 2035.

провозглашением демократических принципов, что было продиктовано их желанием скорейшей евроатлантической интеграции. Примирение этих подходов потребовало активного участия государства в формировании исторических мифов «советской оккупации» и «внешней угрозы», оправдывавших конфликтный крен внутренней и внешней политики. Спустя десятилетия историческая политика, прежде существовавшая в рамках неформальных институтов, обрела нормативный характер, получая, по сути, доминирующее значение при принятии властными группами ключевых политических решений как на внутренней, так и внешней сцене.

Формализацию неформальных институтов на раннем этапе политической трансформации в странах Прибалтики иллюстрирует и то, как на основании внутриэлитного «пакта» была решена проблема гражданства. Изначально в политическую программу новых прибалтийских элит входил пункт о «нулевом варианте», предполагавшем получение гражданства всеми жителями этих стран и, в итоге, реализованном лишь в Литве, обладающей более гомогенным этническим составом населения. В Латвии и Эстонии после «поющих революций» этот пункт, использованный в качестве предвыборной агитации, был впоследствии исключен. Это стало возможным после фактического оттеснения от рычагов власти на уровне политических элит представителей нетитульных наций. Затем произошла формализация разделения по этническому признаку. На государственном уровне провозглашена доктрина континуитета, исходящая из восстановления преемственности с довоенными режимами в Латвии и Эстонии. Гражданство и право участия в политическом процессе было предоставлено лишь жителям довоенной Латвии и Эстонии и их потомкам. Был законодательно закреплён институт «неграждан».

В этом отношении политические системы Латвии, Литвы и Эстонии, их политическая действительность, лакируемая соответствием требованиям формальных демократических процедур, включает различные глубинные расколы, тревожные тенденции (нарастающая раздробленность партийного сегмента в Латвии, Литве и Эстонии, что создает пространство для политических манипуляций; укрепление популистских политических практик⁶⁸⁶ и т. д.). В этом отношении неформальные механизмы, стабильно сохраняющиеся среди наиболее востребованных практик внутриэлитного взаимодействия, не облегчают и без того непростую ситуацию.

Таким образом, в политических процессах стран Прибалтики существенную роль играют неформальные политические практики. Преобладание среди них приспособляющихся и конфликтных типов институтов, а также существенный удельный вес замещающих неформальных институтов позволяют сделать вывод об укреплении за фасадом демократических институтов неформальных правил управления и согласования интересов политических элит. Причины подобной ситуации коренятся как в общем для стран Восточной Европы низком уровне доверия в социуме, последствиях политических трансформаций в конце XX в., так и в конкретных интересах элитных групп, специфике внутриэлитного взаимодействия. Существенным вызовом для властных групп становится проблема собственной легитимности, снижения со стороны массовых слоев доверия по отношению к властным группам. Одним из компенсаторных механизмов, призванным выправить данную ситуацию, является активная внешняя политика элит стран Прибалтики, особенно применительно к российскому флангу. Анализ ее становления, формированию приоритетов и оценке возможных перспектив посвящена глава V.

⁶⁸⁶ *Auers D. Populism and Political Party Institutionalisation in the Three Baltic States of Estonia, Latvia and Lithuania. Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences, 2018, vol. 11, No. 3. P. 342.*

Выводы

В главе IV «Внутриэлитное взаимодействие в странах Прибалтики» рассмотрены основные внутривластные факторы, обуславливающие становление властных групп Латвии, Литвы и Эстонии: проанализирована этническая составляющая, показано значение исторической политики и охарактеризовано неформальное измерение политического процесса.

Нетитульные группы населения (в Латвии – русские, в Литве – поляки и русские, в Эстонии – русские) поставлены в неравные условия, их возможности по вхождению в политическую элиту ограничены. Этнократический характер внутриэлитного взаимодействия в странах Прибалтики укоренился в начальный период независимости.

Данный подход позволил придать титульным группам привилегированное положение. Введенные институциональные барьеры обеспечили «герметизацию» политического процесса: затруднили доступ (поляки в Литве) или отсекали («неграждане» в Латвии и Эстонии, большинство из которых - русские) из элитного рекрутирования «чужаков». В Литве, где института «безгражданства» нет, в этих целях используются механизмы публичного давления, в т.ч. с привлечением специальных служб, которые маркируют видных представителей нетитульных групп в качестве «пятой колонны», нелояльной государственным приоритетам. Включение представителей «Избирательной акции поляков Литвы» в правящую коалицию и регулярные нападки на них консервируют внутривластные противоречия.

Анализ «узловых сюжетов» в этнополитической сфере (длительный конфликт в Литве с польским меньшинством, выборы «неграждан» в «Парламент непредставленных» Латвии в 2013 г., «Бронзовая ночь» в Эстонии накануне парламентских выборов 2007 г.) показал, что титульные

группы, используя данный раскол, стремятся укрепить свое положение в элите.

Возможности «этнических» партий как канала элитного рекрутирования невелики. Попасть в состав руководства проще через «обычные» партии – как правило, те, ядро которых составляют выходцы из экс-номенклатуры (Социал-демократическая партия Литвы) и умеренного крыла Народного фронта (партия «Согласие» в Латвии, Центристская партия Эстонии). В основном представителям нетитульных групп доступно попадание в парламентский сегмент элит, тогда как обладание министерскими позициями имеет единичный характер (больше характерно для польского меньшинства Литвы). В Латвии и Эстонии выявлено рекрутирование в правительство тех, кто имеет русское происхождение, но при этом с русской общиной слабо или почти не связан. В таком случае шанс для вхождения в руководство предоставляли и партии титульного большинства – Партия реформ Эстонии, Партия реформ Латвии, «Единство».

Проведен анализ исторической политики властных групп стран Прибалтики на современном этапе, дана оценка ее влияния на внутривластную стабильность и легитимность элит. Историческая политика реализуется властными группами Латвии, Литвы и Эстонии в целом с общих позиций и во взаимной координации на межгосударственном уровне. В ее основе: концепция преемственности с довоенной государственностью, отказа от продолжения советского периода, последовательное уравнивание нацизма и коммунизма как преступных тоталитарных режимов, перенос ответственности за развязывание Второй мировой войны на Советский Союз (Россию), обвинения в «геноциде» титульного населения стран Прибалтики.

Координация между странами реализуется через тесное сотрудничество институтов в сфере исторической памяти (музеи оккупации и пр.), а также регулярные встречи и совместные политические декларации

руководителей МИДов, Минюстов, парламентов Латвии, Литвы и Эстонии о необходимости взыскания с Российской Федерации компенсаций за ущерб, причиненный советской «оккупацией», что закладывает на российском направлении долгосрочный негативный тренд.

Наиболее активную роль в продвижении данных установок исторической политики играют выходцы из радикальных сегментов литовского «Саюдиса», Конгрессов граждан Латвии и Эстонии, националистических сил, а также представители зарубежной диаспоры, вошедшие в политические элиты. Условием успешной политической карьеры становится строгое соответствие установленным ими «красным линиям». Несогласие с ними приводит к маргинализации политического деятеля, его вытеснению из властных групп, а в случае Латвии и Литвы – вплоть до уголовной ответственности при отрицании советской «оккупации».

Выделены основные этапы оформления исторической политики стран Прибалтики. В ходе первого (начало 1990-х – середина 2000-х гг.) произошло оформление доктрин «возвращения на Запад» и «советской оккупации», которые служили средством завоевания поддержки электората и обоснования легитимности властных групп, пришедших на смену советскому руководству. Второй этап, начавшийся после вступления Латвии, Литвы и Эстонии в НАТО и ЕС в 2004 г., привел не к снижению внимания к данным темам, а напротив – к усилившейся акцентировке исторических претензий к России и подавлению альтернативных взглядов на историческую политику внутри стран Прибалтики. На рубеже 2010-х гг. оформилась основная тенденция третьего этапа – скоординированные усилия Вильнюса, Риги и Таллина, а также ряда восточноевропейских столиц по выведению темы уравнивания нацизма и коммунизма на уровень институтов ЕС, размыванию консенсуса относительно Холокоста и содействию пересмотру роли СССР во Второй мировой войне. Одновременно фактор негативных последствий «наследия прошлого»

используется властными группами в качестве универсального средства объяснения многих внутриполитических проблем.

Рассмотрена роль неформальных институтов в отношениях политических элит Латвии, Литвы и Эстонии. Выявлено с помощью глубинных интервью, что присоединение стран Прибалтики к Европейскому союзу «приглушило» остроту «теневых» внутриэлитных практик, но их влияние оценивается как по-прежнему значительное. Среди негативных эффектов указано на избирательный подход к организации политического процесса (создание преференциальных условий для конкретных элитных фракций), декоративность соблюдения демократических принципов, систематическое использование нормативных процедур для легализации закулисных внутриэлитных договоренностей. Наименьшее распространение неформальных практик характерно для Эстонии и проявляется в основном в виде политической коррупции преимущественно на правительственном уровне, а также манипуляций с финансированием партий. Неформальные практики, связанные с доминированием бизнеса в политическом процессе, в Латвии («выборы» президента Латвии на встрече влиятельных бизнесменов в Рижском зоопарке в 2007 г.) и Литве (подкуп членов парламента в интересах бизнес-концерна «MG Baltic» в 2017 г.) привели к серьезным внутриполитическим потрясениям, вплоть до отставки кабинета министров и уголовных преследований политиков и бизнес-деятелей.

На основе материалов глубинных интервью проведена типологизация неформальных практик, распространенных среди элит стран Прибалтики. Ряд практик, в частности, неформальное согласование интересов различных властных групп, служат поддержанию формальных институтов, играют конструктивную роль.

Вместе с тем, широко распространены неформальные практики, ослабляющие политические институты, снижающие управляемость общественных процессов, усиливающие коррупцию. Их искоренению

препятствует сложившаяся внутренняя структура политических элит. Внутриэлитная конкуренция ограничена, по сути, этнократическими рамками лояльности. Это сужает поле политической конкуренции, препятствует обновлению элит, блокируя развитие демократических институтов, придавая им фасадный характер.

Глава V. Внешняя политика элит стран Прибалтики

5.1. Элиты малых стран в международных делах

Границы внутри- и внешнеполитического в современном мире размываются⁶⁸⁷ на фоне диалектики локального и глобального⁶⁸⁸, противоречий между ведущими государствами⁶⁸⁹, ускорения коммуникаций. Происходит своего рода адаптация национального суверенитета к новым вызовам, поиск новых форм и инструментов его обеспечения при ведущей роли элит. XX в. ознаменовался реконфигурацией международных игроков⁶⁹⁰, нарастанием полицентричности⁶⁹¹ – появилась и распалась биполярная система, на мировую сцену вышли транснациональные корпорации, неправительственные организации⁶⁹², возросло количество и активность малых стран⁶⁹³. Эти страны демонстрировали различные траектории развития (одни принято считать успешными, некоторые – нет). Действия их властных групп на международном треке представляют особый интерес.

⁶⁸⁷ *Gleditsch K.S.* All International Politics Is Local: The Diffusion of Conflict, Integration, and Democratization. University of Michigan Press, 2002. 280 p.

⁶⁸⁸ *Гаман-Голутвина О.В.* О глобальном и локальном измерении элитных трансформаций / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 7–13.

⁶⁸⁹ *Братерский М.В.* Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI в. // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 15–33.

⁶⁹⁰ *Богатуров А.Д.* Современный мир: система или конгломерат? Опыт транссистемного подхода // Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С.129–144.

⁶⁹¹ *Примаков Е. М.* Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд-во Московского университета, 2014.

⁶⁹² *Лебедева М. М.* Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1 (28). С. 38–41.

⁶⁹³ Их количество в ЕС возросло с 7 в 1986 г. до 20 в 2010 г. О.В. Буторина подчеркивает, что «увеличение числа малых государств не означает пропорционального роста их влияния по политическому ЕС». Да, их стало больше, выражают свою позицию они громче и настойчивее, но добиться нужных им решений по-прежнему нелегко. Подробнее см.: *Буторина О.В.* Еврoзона: гравитация против конвергенции? / Большая Европа: Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 186–205.

Внимание исследователей меньше концентрировалось на элитах малых стран, как правило, рассматривая в качестве универсального субъекта властные группы крупных государств⁶⁹⁴. В условиях децентрализации, усложнения системы международных отношений, распространения асимметричных моделей взаимодействия между государствами возможности малых государств по «нюансировке»⁶⁹⁵ международных дел расширяются. С одной стороны, они, по сравнению с элитами государств-лидеров, крупных стран, существенно стеснены в арсенале доступных возможностей и не в силах оказывать решающее влияние на глобальном уровне, вынуждены подстраиваться под существующие тренды и искать свою нишу. С другой - активно участвуют в международной жизни и способны оказывать нужное им воздействие, добиваясь тех или иных акцентов в решениях, эффект от которых выходит за рамки их небольших государств⁶⁹⁶. Применительно к малым странам Европы в целом В.Я. Швейцер отмечает стремление «малой Европы» повысить роль Старого Света в системе глобальной субординации, а в том, что касается их отношений с Россией, уточняет, что наиболее оптимальная основа для сотрудничества – торгово-экономическая⁶⁹⁷.

⁶⁹⁴ Katzenstein P. Small States and Small States Revisited // *New Political Economy*. 2003. Vol. 18, No. 1. P. 9–30; Keohane R. O. Op. cit. P. 291–310.

⁶⁹⁵ Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // *Сравнительная политика*. 2011. № 3 (5). С.14.

⁶⁹⁶ Приход восточных европейцев в ЕС (в первую очередь – стран Прибалтики и Польши) изменил подход к общеевропейской исторической политике, содействовав (через продвижение идей секьюритизации) дрейфу от нарратива общей вины к нарративу общей угрозы, к уравниванию нацизма и коммунизма, к формированию аргументационной базы для выдвижения претензий к России. Подробнее см.: «Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи». Дискуссия в редакции // *Россия в глобальной политике*. 2020. Т. 18. № 18. – С. 59-80.

⁶⁹⁷ Швейцер В.Я. Европа: большой опыт малых стран // *Современная Европа*. 2008. № 4 (36). С. 46-58; Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе /Под ред. В.Я.Швейцера. М.: Весь мир, 2009. 544 с.

Проблематика малых стран обстоятельно проработана как в России⁶⁹⁸, так и за рубежом⁶⁹⁹. В центре внимания исследователей широкий круг вопросов – рекрутирование и циркуляция элит в малых странах, проблемы внутриэлитной сплоченности и доверия, особенности участия малых стран в наднациональных структурах, эффективность и стабильность институтов, малые страны в контексте проблем безопасности⁷⁰⁰, влияние международных организаций на их внешнюю политику⁷⁰¹, действия малых стран в международных организациях (ОБСЕ, ЕС и т.д.)⁷⁰².

Определение малой страны остается дискуссионным⁷⁰³. Существует, по меньшей мере, 4 критерия⁷⁰⁴: размер территории, численность населения, размер экономики (ВВП), военная мощь (военные расходы).

⁶⁹⁸ Кавешников Н.Ю. Указ. соч. С. 84–92; Кудряшова И.В. Указ. соч. С. 78–83; Байков А., Истомин И., Колодный А. О кризисах, страннх дружбах России и новой роли малых и средних государств // *Международные процессы*. 2013. № 1. С. 94–112.

⁶⁹⁹ См., например: *Keohane, R. O.* Op. cit. P. 291–310; *Gulbrandsen T.* Op. cit. P. 190–214; *Ruostetsaari I.* Op. cit.; *The Europe of Elites: A Study into the Europeaness of Europe's Political Elites* / eds. *H. Best, G. Lengyel, L. Verzichelli*. Oxford : Oxford University Press, 2012; *Small States in the Modern World: Vulnerabilities and Opportunities.* / eds. *H. Baldersheim, M. Keating*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2015.

⁷⁰⁰ *Small States and International Security: Europe and Beyond* / eds. *C. Archer, A. Bailes, A. Wivel*. London : Routledge, 2014.

⁷⁰¹ *Small States in Europe: Challenges and Opportunities* / eds. *R. Steinmetz, A. Wivel*. Surrey : Ashgate, 2010.

⁷⁰² *Mosser M.W.* Engineering Influence: The Subtile Power of Small States in the CSCE/OSCE // *Small States and Alliances* / eds. *E. Reiter, H. Gartner*. New York : Springer, 2001. P. 63–84; *Panke D.* Small States in Multilateral Negotiations. What Have We learned? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2012. Vol. 25, No. 3. P. 387–398.

⁷⁰³ *Crowards, T.* Defining the Category of ‘Small’ States // *International Development*. 2002. Vol. 14, No. 2. P. 143–179.

⁷⁰⁴ Так, Всемирный банк разграничивает работу с малыми государствами от основных проектов, исходя из их особенностей. В частности, указывается, что малые государства характеризуются малым населением, ограниченным человеческим капиталом и территорией. В ряду основных особенностей малых стран отмечаются: иммиграция рабочей силы из страны (и возникающие потоки денежных переводов обратно на родину, играющие заметную роль в экономиках малых стран); в основном экспортный характер промышленности, ограниченной малой рабочей силой; более высокие затраты на производство из-за нехватки различных видов ресурсов. По мнению экспертов Всемирного банка, этим обусловлена распространенная потребность малых стран во внешнем финансировании, которое, как правило, сложно получить, если страна не является крупным экспортером сырья или не обладает развитым сервисным сектором, замкнутым на рынки соседних крупных государств. Подробнее см.: *World Bank Small States Overview* : [Электронный ресурс] // World Bank : [сайт]. Режим доступа: www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview (дата обращения: 06.03.2017).

Количественное определение в данном случае представляет во многом вопрос «удобства» с точки зрения целей эмпирического исследования⁷⁰⁵ и чаще всего касается численности населения⁷⁰⁶. Качественное определение может быть несколько шире по объему, однако позволяет сформулировать более универсальное понятие, критерии которого не являются ситуативными⁷⁰⁷. Фактически речь идет о том, чтобы определять малую страну с точки зрения не независимой, а зависимой переменной – ее действий⁷⁰⁸. В данном случае качественные определения отталкиваются от понятий «потенциал», «влияние», «мощь» и сводятся к тому, что одни государства оказываются принципиально зависимыми от других. Более слабый участник подобных отношений и считается малой страной. Таким образом, определение малого государства ставится в зависимость от отношений между государствами в международной системе, а не представляется постоянной количественной «величиной».

В рамках настоящей работы за основу взят функциональный подход к определению малой страны в соответствии с ее функцией, ролью в международных делах. Так, Р. Ротстейн рассматривал малую страну как государство, которое «сознает, что не способно обеспечить собственную безопасность имеющимися у него возможностями и, следовательно, в основном должно опираться на помощь со стороны других государств, на

⁷⁰⁵ *Maass M.* The Elusive Definition of the Small State // *International Politics*. 2009. Vol. 46, No. 1. P. 65–83.

⁷⁰⁶ Данная попытка дать комплексное определение представляется заслуживающей внимания, но не финальной: «Малая европейская страна: международно признанное государство с населением менее 9,5-10,5 млн чел., политика и экономика которого характеризуются тесными связями с соседствующими и удаленными странами, экономическими союзами, значимостью в отдельных, в ряде случаев ключевых, секторах региональной и глобальной экономики». Подробнее см.: *Зверев Ю.М., Межевич Н.М.* Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 5. С. 181-191.

⁷⁰⁷ *Small States in Europe: Challenges and Opportunities* / eds. *R. Steinmetz, A. Wivel*. Surrey : Ashgate, 2010; *Rothstein, R.* Op. cit.

⁷⁰⁸ Статус малой страны в таком случае определяется ее вкладом в международные дела, ее ролью на внешнеполитической арене, и лишь затем – количественными показателями. Подробнее см.: *Henrikson A.K.* A Coming ‘Magnesian’ age? Small States, the Global System, and the International Community // *Geopolitics*. 2001. No. 6. P.62-63.

различные институты, процессы и явления»⁷⁰⁹. Некоторая абстрактность данного определения корректируется уточнением конкретных форм и механизмов участия малых стран в международных делах. Так, Х.М. Коломер сделал акцент на том, что малые страны в современной международной системе развиваются за счет включения в обширные пространства (он называл их «империи»), обеспечивающие им защиту, развитие торговли и расширение социокультурной коммуникации⁷¹⁰. Автором определение дается на основе синтеза указанных подходов.

Малая страна – это государство, властные группы которого в силу ограниченности внутренних ресурсов неспособны самостоятельно обеспечить военно-политическую и экономическую безопасность, в связи с чем вступают в асимметричные отношения с крупными странами или межгосударственными объединениями, полагаясь на их поддержку.

Это не исключает внешнеполитического нейтралитета, которого формально придерживаются многие малые страны. Однако нейтралитет не исключает адаптации и «подстройки» под логику развития и интересы крупных государств и международных объединений – в политическом, военном, идеологическом или торгово-экономическом смысле. Последнее необходимо для обеспечения безопасности и политико-экономической устойчивости малых стран.

Выделяются следующие общие черты вовлеченности малых стран в международные дела: низкий уровень общего участия в мировых делах; высокий уровень активности в межправительственных организациях; высокий уровень поддержки международно-правовых норм; уклонение от применения силы в качестве техники государственного управления и осторожность в международных делах; избегание поведения и политики, которые имеют тенденцию отталкивать более сильные государства; узкий функциональный и географический круг интересов во внешнеполитической

⁷⁰⁹ Rothstein R. Op. cit. P. 29.

⁷¹⁰ Colomer J. Op. cit.

деятельности; частое использование моральных и нормативных позиций по международным вопросам⁷¹¹.

М. Маас приводит данные глобального сравнения малых стран, начиная с Вестфальской системы международных отношений⁷¹². По его мнению, статус малого государства не является постоянным, он изменяется, а число малых стран зависит не в последнюю очередь от характера отношений между крупными государствами. В экономическом плане развитие капиталистических отношений, формирование и распад колониальных империй, масштабные вооружённые конфликты, промышленная революция создавали условия для формирования государств-наций, образования крупных хозяйственных систем. Национализм, рост численности населения, изменение технологий производства и управления, напротив, способствуют росту числа малых стран в мире. Кроме того, усиление значения институциональных норм и общественного мнения в международных отношениях позволяет политическим элитам малых стран проводить более самостоятельную политику, не сводящуюся к той или иной форме зависимости и предполагающую внешнеполитическое маневрирование.

В то же время в отечественной политической науке разработаны подходы, рассматривающие в качестве одного из факторов увеличения числа малых стран целенаправленную политику США («стратегия перемалывания»), нацеленную на «раздробление, измельчение потенциала реального и латентного противодействия западным устремлениям»⁷¹³. Представители либеральной школы могли бы подвергнуть вывод А.Д. Богатурова сомнению, однако он, как минимум, показывает на

⁷¹¹ *Vital D.* The Survival of Small States. Studies in Small Power / Great Power Conflict. London, Oxford University Press, 1971, P.12; *East M.A.* Size and Foreign Policy Behaviour. A Test of Two Models // World Politics. 1973. Vol. 25, No. 4. P. 557.

⁷¹² *Maass M.* Small States in World Politics: The Story of Small State Survival, 1648-2016. Manchester: Manchester University Press, 2018. 263 p.

⁷¹³ *Богатуров А. Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 275.

сложность, неоднозначность процессов образования малых государств в современной международной системе, которые можно свести к линейной тенденции «демократизации» системы международных отношений лишь путем абстрагирования от реальной политической картины.

В этой связи обоснован вопрос о субъектности малых стран, которые не являются «уменьшенной копией» более крупных, а руководствуются особой логикой при выборе внешнеполитических действий⁷¹⁴. Речь идет, прежде всего, о несклонности малых стран к силовым решениям⁷¹⁵, стремлению их к многосторонним форматам решения проблем (интернационализации) и апелляции к моральным, правовым нормам. Малые страны зависят от больших, поэтому им, считает А. Тойе, доступны две принципиальные роли – участник союза с крупным государством или нейтральная сила. Причем, по его выводам, малая страна, как правило, выбирает союз, если расположена в геополитическом регионе, критически важном для сохранения положения более крупного государства в глобальной системе координат.

Властные группы, стоящие во главе малых государств, в различной степени вовлечены в международные политические процессы – в зависимости от своего географического и политического места в современном мире. Для них особую важность представляет внешнеполитическая среда, в которой элиты ищут место для своего государства. В случае малых стран заметна взаимосвязанность внешнеполитической конъюнктуры и императива сохранения власти, которая во многом определяет пространство для манёвра элит.

Внешнеполитическая среда представлена как асимметричная иерархичная структура (в основе - связи и отношения между государствами, а также негосударственными субъектами и институтами), включающая

⁷¹⁴ *Toje A.* The European Union as a Small Power: After the Post-Cold War. New York : Palgrave Macmillan. 2010.

⁷¹⁵ *Fox A.* The Power of Small States: Diplomacy in World War Two. Cambridge : Cambridge University Press, 1959.

центр, в котором сосредоточены наибольшие ресурсы и влияние, полупериферию и периферию⁷¹⁶. Таковую структуру следует воспринимать не столько с точки зрения географии, сколько через призму внешней политики⁷¹⁷. Эта структура с точки зрения государств и управляющих ими политических элит представляется как набор различных ниш-специализаций, позволяющих властным группам малых стран в условиях объективной нехватки возможностей концентрироваться на конкретных, приоритетных направлениях⁷¹⁸. Государства занимают внешнеполитические ниши в диапазоне «центр-периферия» – от этого зависит их статус и доступ к ресурсам⁷¹⁹. Борьба за ниши осуществляется различными средствами – материальными⁷²⁰, информационно-культурными и организационными. Динамика и ставки в данной борьбе варьируются в разные периоды и связаны с соотношением сил между крупными государствами, странами-лидерами, а также с географическим перемещением центров экономической

⁷¹⁶ Разделение на центр, полупериферию и периферию служит целям теоретического отражения неравномерного распределения ресурсов согласно принципу иерархической организации социальных отношений.

⁷¹⁷ Рассматривая примеры Эстонии и Португалии, А. Макарычев и С. Фернандес утверждают, что малые страны могут позитивно использовать свое нецентральное положение, стремясь принадлежать к политическому центру «ядру безопасности» посредством политики институционального включения, при этом влияя и изменяя это ядро. Подробнее см.: *Fernandes S., Makarychev A. Estonia and Portugal in Europe: escaping peripherality, capitalizing on marginality // Journal of Contemporary European Studies. 2019. Vol. 27, No. 4. P. 394-408.*

⁷¹⁸ Специализация стран Прибалтики после 1991 г. трактовалась как «новые воины Холодной войны» (Cold War warriors). Подробнее см.: *Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU-Russia Relations / ECFR Policy Paper. London: ECFR, 2007. 66 p.*

⁷¹⁹ Внешнеполитические ниши характеризуются не только экономическими (положением государства в мировом разделении труда и местом на мировых рынках), но и политическими функциями (роль в международных делах – «политический центр», «посредник», «младший партнер», «сателлит», «буфер» и т.д.). Н.Ю. Кавешников отмечает: «Малые государства трансформируются в так называемые «отраслевые державы» - Швейцария (финансовое регулирование и дипломатия), Кувейт (углеводороды), Нидерланды и Швеция (международное право – Гагский трибунал и Стокгольмский арбитраж)». Подробнее см.: *Кавешников Н.Ю. Малые и вредные? // Международные процессы. Том 6. № 3 (18). Сентябрь – декабрь 2008.*

⁷²⁰ В данном случае военный потенциал обычно включают в категорию материальных средств, однако при более детальном рассмотрении очевидно, что военная мощь складывается путем комбинирования материальных, организационных, информационно-культурных средств и морально-психологических ресурсов.

активности и накопления капитала. Структура ниш может периодически подвергаться реконфигурации в различных масштабах.

Внешнеполитическая среда может быть представлена как пространство пересечения и взаимодействия интересов, которое формирует три базовых типа отношений – борьба, кооперация и нейтралитет, на практике часто переплетенных. Внешнеполитическая среда обладает пространственным, временным и коммуникационным измерениями. В процессе взаимодействия со средой политические элиты сталкиваются с необходимостью учета факторов времени и пространства, которые представляют особые типы ресурсов⁷²¹. Так, неблагоприятные тенденции в развитии среды подталкивают к более стремительным действиям или, наоборот, побуждают властные группы занять выжидательную позицию, если неблагоприятная конъюнктура оценивается как временная.

Внешнеполитическую нишу можно определить как международно-политическую специализацию государства, отражающую приоритетные установки элит, реализация которых призвана укрепить их властные позиции внутри страны и на внешнем треке. Занятие той или иной ниши предполагает принятие политической элитой малой страны конкретной функциональной роли, каждой из которых соответствует свой набор целей и программа действий. Так, внешнеполитической нише страны-«транзитера» или «моста», соответствует основная функция, лежащая в сфере торговли, при этом роль политической элиты такой страны, нацеленной на реализацию активной многосторонней внешней политики, с значимым транзитным (товаров, услуг, капиталов и т.д.) сегментом, будет определяться в соответствии с ее функциональным статусом как

⁷²¹ Отдельную проблему представляет изучение метаморфоз пространства и времени в условиях развития новейших технологий транспорта и передачи информации. Вопрос о том, насколько данные нововведения меняют природу властных отношений, остается открытым. Новые технологии используются как для укрепления власти элиты, так и для политической борьбы, в т.ч. и на международном уровне.

посредническая. В общем виде набор внешнеполитических ниш для малых стран⁷²² приведен в таблице 18.

По сути, обозначенные роли или их комбинации предполагают выступление малого государства в качестве агента крупного (-ых) игрока (-ов) с определенной функциональной специализацией с целью приобретения элитой малого государства ресурсов, статуса и гарантий со стороны более крупного государства / союза, которые затем можно использовать во внутриполитических интересах.

Очевидно, что указанный процесс далеко не всегда обретает форму прямых договоренностей, но это не отменяет реализацию данного обмена как такового, даже если он происходит негласно, путем конклюдентной (молчаливой) коммуникации. Зависимость малых стран от включенности в крупные интеграционные пространства-союзы не исключает попыток балансирования между крупными государствами (в т.ч. внешними по отношению к данным союзам) с целью привлечения дополнительных ресурсов. Подобное балансирование далеко не всегда принимает посредническую роль. Нередко элиты занимают «половинчатую» позицию, балансируя и содействуя осложнению отношений более крупных субъектов, заставляя их конкурировать между собой, в отдельных случаях даже «питаясь» от такой конкуренции или конфликта. Значительным фактором в данном случае является и соотношение геополитических интересов крупных игроков.

Указанные роли могут быть облачены в различные идеологические покровы, что не меняет сути функциональной специализации. Международный политический опыт указывает на то, что конкретные ниши часто комбинируют элементы обозначенных типов. Таким образом,

⁷²² Учтены, в частности, наработки К. Холсти о внешнеполитических ролях государств – 17 предложенных им вариантов («верный союзник», «посредник-интегратор», «мост», «региональный лидер», «защитник» и пр.) укрупнены до 3. Подробнее см.: *Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // International Studies Quarterly. 1970. Vol. 14, No. 3. P. 245–246.*

создается густая динамичная сеть ассиметричных отношений между различными субъектами и агентами во внешнеполитической среде. Политические элиты не имеют возможности просчитывать при принятии решений все множество факторов влияния среды. В данном случае проявляется так называемый парадокс ограниченной рациональности, когда внимание субъекта сосредотачивается на наиболее острых проблемах и поддержании функционирования приоритетных направлений.

Одной из влиятельных современных теорий в изучении внешней политики малых государств является теория убежища (укрытия)⁷²³. Её суть заключается в строгой ограниченности вариантов поведения малых стран на международной арене. Балансирование и примыкание – две альтернативы, доступные малым странам. В любом случае они вынуждены для сохранения суверенитета и повышения конкурентоспособности искать покровительства у глобальных или значимых региональных акторов. Такое убежище открывает возможность доступа к ресурсам государства-покровителя, что снижает собственные издержки. Ряд исследователей обосновал и гипотезу, согласно которой стратегия примыкания обусловлена стремлением элит получить новые выгоды, тогда как стратегия балансирования вызвана желанием «не потерять» – уменьшить издержки от потенциальных угроз. Поэтому «примыкание» чаще реализуется в случае разбалансирования внутривнутриполитической стабильности: разрушения *status quo* и попытки установить новый политический порядок внутри государства – в данном случае примыкание рассматривается как ресурс для достижения цели⁷²⁴.

В некоторых случаях политические элиты в малом государстве, имеющем гарантии защиты со стороны крупных стран или межгосударственных блоков, способны спровоцировать международные

⁷²³ Thorhallsson B. Studying small states: A review // Small States & Territories. 2018. Vol. 1, No. 1. P. 17-34.

⁷²⁴ Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. Vol. 19, No. 1. P. 72-107.

конфликты, рассчитывая выиграть от роста напряженности⁷²⁵. Говоря о внешней политике элит Грузии и Украины, Ал. А. Громыко отмечает, что в обеих странах «во главе встали люди, которые искренне верили, что их действия в качестве спойлеров могут спровоцировать военную конфронтацию между крупными государствами. Они не утруждают себя размышлениями, к чему это столкновение может привести»⁷²⁶. Можно заключить, что в малых государствах властные группы в большей степени зависят от внешнеполитической среды и ее динамики, нежели политические элиты крупных государств. Повышение международной напряженности привлекает внимание крупных государств и объединений к меньшим, находящимся под угрозой в зоне нестабильности⁷²⁷. В качестве примеров приведем политику стран Прибалтики и, в первую очередь, Литвы, отчасти Польши и Украины на российском направлении. Элиты данных государств добиваются наращивания сил и средств НАТО на своей территории, а также используют конфронтационную риторику в отношении России.

Исландский политолог Б. Тоурхалльссон выделяет экономические, политические и социальные аспекты поведения элит малых государств. Степень погружения под покровительство региональных или мировых центров силы в этих трёх аспектах внешней политики может существенно различаться. Главной задачей элит малых стран является обеспечение безопасности, доступ к дефицитным ресурсам и возможностям конкурентного развития в пределах своей международной ниши.

Малые государства проявляют интерес к альянсам и интеграционным проектам, поскольку получают больше, чем вкладывают⁷²⁸. Б. Тоурхалльссон и Э. Бэйлз предлагают структуру, которая учитывает

⁷²⁵ *Claude I. Swords into Plowshares. The Problems and Progress of International Organization. London : University of London Press, 1964.*

⁷²⁶ *Gromyko A. How to Reduce Risks of Military Confrontation? / A. Gromyko. Moscow: Russian Academy of Sciences, Institute of Europe, 2017. (Working Paper; No.28). P. 3.*

⁷²⁷ *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.*

⁷²⁸ *Thorhallsson B. Small States and Shelter Theory: Iceland's External Affairs. London: Routledge, 2019. 224 p.*

различные аспекты уязвимости малых государств и решения, доступные для малых государств, стремящихся их купировать. Они выделяют политические, экономические и социальные уязвимости⁷²⁹. В числе политических уязвимостей отмечены проблемы, связанные с отсутствием у малых стран жёсткой силы. Небольшой дипломатический корпус затрудняет им участие в двусторонних и многосторонних отношениях, оставляя чуть ли не единственную возможность – апеллировать к нормам и правилам международного права. Незначительные по своей ёмкости внутренние рынки и концентрированное производство делают малых государства зависимыми от международной торговли. Эта внешняя зависимость также означает, что экономики малых стран подвержены колебаниям в большей степени, чем крупные экономики. Экономическое убежище может предоставляться государством и / или организацией в форме прямой экономической помощи и инвестиций, валютного союза, выгодных кредитов, благоприятного доступа к рынку и так далее.

Эти тенденции усиливаются процессами глобализации и регионализации. С одной стороны, значение мировой торговли резко возросло, ускорились коммуникации и возросли трансграничные угрозы. С другой стороны, происходит регионализация, развитие экономических связей на региональном уровне, в т.ч., в регионе Балтийского моря. Латвия, Литва и Эстония представляют в этой связи интересный случай. Не только в силу близости к России на постсоветском пространстве (что также определяет актуальность прибалтийского примера), но и вследствие соединения целого ряда факторов, по отдельности характерных для многих малых стран. Речь идет о членстве стран Прибалтики в ЕС и НАТО, расположении на стыке с альтернативными союзами (ЕАЭС, ОДКБ), этнической неоднородности и т.д. Важнейшим фактором выступает переход

⁷²⁹ *Thorhallsson B., Bailes A.J.K. Do Small States Need 'Alliance Shelter'?: Scotland and the Nordic Nations. Security in a Small Nation: Scotland, Democracy, Politics / Ed. by Neal A.W. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. 49-76.*

из одной «союзной системы» в другую в новой истории, масштабные политические и экономические преобразования и, конечно, активная внешняя политика, которую проводят политические элиты этих стран. Это делает страны Прибалтики привлекательным, информативным (как часть большой и в геополитическом смысле конфликтной системы⁷³⁰) объектом исследования в рамках изучения элит в малых странах. Внешнеполитические сюжеты все более связаны с внутренней повесткой, границы между ними истончаются, поведение властных групп внутри страны все труднее отделить от их международных дел в рамках внешнеполитической ниши страны. Проблематика выбора властными группами Латвии, Литвы и Эстонии внешнеполитической ниши своих стран рассмотрена в следующем параграфе.

⁷³⁰ Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 15.

5.2. Выбор властными группами евроатлантического курса Латвии, Литвы и Эстонии

После провозглашения независимости стран Прибалтики и распада советского блока властные группы Латвии, Литвы и Эстонии в сжатые сроки занялись выработкой программы внешнеполитических действий. Вчерне она была сформулирована еще до выхода из состава СССР как «Возвращение в Европу» (воплощение идеи преемственности досоветской государственности, активно продвигавшейся выходцами из зарубежных диаспор, не предполагало иного направления, кроме западного). Хотя вектор, императив движения задан изначально, для полноценной реализации новой внешней политики одного лозунга было недостаточно. Фактически речь шла о необходимости сформулировать новые внешнеполитические задачи в условиях демонтажа прежнего баланса интересов и сил крупных государств, в системе отношений которых странам Прибалтики не отводилось приоритетное место. В этих условиях властные группы Латвии, Литвы и Эстонии, находившиеся уже вне СССР, но еще не в ЕС и НАТО, вели поиск внешнеполитической ниши. О. Кнудсен в 1993 г. полагал, что малые государства, расположенные вблизи «великой державы», могут выбирать между союзом со своим более могущественным соседом, союзом с его главным соперником или относительно защищённый нейтралитет. По его мнению, лучшим решением была бы субрегиональная солидарность в вопросах нейтралитета, избегание конфронтации с Россией, вероятность такого сценария в начале 1990-х гг. представлялась малой⁷³¹. Предположение норвежского исследователя заключалось в планомерном «сползании» стран Прибалтики к приспособленчеству на периферии

⁷³¹ Идеи высказывались разные, от «Балтоскандии» до образования конфедеративных «Соединенных балтийских штатов» с учреждением отдельного военного альянса для стран Прибалтики и Восточной Европы. Подробнее см.: *Gabliks J. Baltijas valstu savieniba un Austrumeiropas NATO, Briva Latvija, No. 8, Febr.28 - March 7, 1994.*

Запада⁷³². От статуса советских республик в 1991 г. Латвия, Литва и Эстонии быстро прошли до статуса члена Европейского союза и НАТО в 2004 г.⁷³³ В основе форсированной вестернизации лежал, в первую очередь, консенсус политических элит, сделавших выбор в пользу натоцентричной модели безопасности и полной интеграции в политико-экономические институты Евросоюза⁷³⁴. Разумеется, сомневающиеся голоса звучали⁷³⁵, но все они тонули в нараставшем хоре романтических оценок тех заманчивых перспектив, которые открывались в связи с развалом СССР.

По свидетельству министра иностранных дел Литвы П. Гилиса (1992 – 1996 гг.), в начале 1990-х гг. многие политики как левой, так и правой ориентации избегали существенного муссирования темы интеграции в западные организации, особенно в НАТО. П. Гилис объяснял это общим

⁷³² *Knudsen O.F.* The Foreign Policies of the Baltic States: Interwar Years and Restoration // *Cooperation and Conflict*. 1993. No. 1 (28). P. 47-72.

⁷³³ В 1991 г. Европейская комиссия признала независимость стран Прибалтики, два года спустя были подписаны первые договоры о торговле и экономическом сотрудничестве, в 1995 г. Латвия, Литва и Эстония подали заявку на принятие в Евросоюз. Переговоры о вступлении Эстонии были начаты в 1997 г., Латвии и Литвы – в 2000 г., закончены в 2002 г. и 1 мая 2004 г. страны Прибалтики приняты в ЕС. Чуть ранее, в марте 2004 г. страны Прибалтики вступили в НАТО. В 2007 г. присоединились к Шенгенской визовой зоне, в 2014 г. – к валютной еврозоне. Латвия была председателем Совета ЕС с 1 января по 30 июля 2015 г., Литва – с 1 июля по 31 декабря 2013 г., Эстония – с 1 июля по 31 декабря 2017 г.

⁷³⁴ К. Маниокас утверждает, что причина стремительного включения стран Прибалтики в институты евроатлантической интеграции не столько в их соответствии требованиям, сколько в геополитических резонах объединенной Европы, опасавшейся России, которая в начале 1990-х гг. могла стать источником масштабной нестабильности. Подробнее см.: *Maniokas K.* Methodology of the EU Enlargement: A Critical Appraisal // *Lithuanian Political Science Yearbook 1999*, Vilnius University, 2000. На то, что США, обдумывая решение о расширении НАТО на Восток после распада СССР, рассматривали пространство Центральной и Восточной Европы как зону нестабильности, «вакуум безопасности», указывает О.П. Иванов. Подробнее см.: *Иванов О.П.* Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истории вопроса // *Современная Европа*. 2017. № 6. С. 34 – 46.

⁷³⁵ В Латвии в защиту нейтралитета высказывался глава МИД Я. Юрканс. В Литве национал-демократическая партия выступала против членства в ЕС, хотя ее лидер В. Будрис был главой департамента промышленности Министерства хозяйства и отвечал за внедрение стандартов ЕС в промышленности. В Эстонии против выступали националистические силы (Т. Келам, в частности, настаивал на нейтралитете), позиции от нейтральной до отрицательной занимали руководители Центристской партии. Подробнее см.: *Apprenticeship, Partnership, Membership: Twenty Years of Defense Development in the Baltic States* (ed. by T. Lawrence, T. Jermalavičius) 2013. Tallinn. 282 p.

фоном политической неопределенности, который, однако, не продлился долго⁷³⁶. Уже в июне 1992 г. был принят Конституционный акт о неприсоединении Литовской Республики к восточным постсоветским союзам (неотъемлемая часть Конституции от 25 октября 1992 г.), согласно которому республика «стремится развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств». С момента международного признания Литвы прошло менее 1 года, и окончательный выбор в пользу невостоchnого внешнеполитического пути был закреплен в Основном законе стране. Не заставило себя ждать и решение по членству в НАТО. «Довольно быстро мы пришли к выводу, что своими силами не сможем гарантировать национальную безопасность. Имитировать возможно, но это неэффективно и непродолжительно... Консенсус среди основных политических сил у нас сложился к 1994 г.», - отмечал глава минобороны и затем МИД Литвы Л. Линкявичюс⁷³⁷.

В Латвии основными лоббистами западного выбора выступили фракция «Сатверсме» в Верховном совете, партия «Латвийский путь», а также латыши, имевшие зарубежный опыт – Европейское интеграционное бюро открылось при правительстве Латвии уже в 1994 г.⁷³⁸ В Эстонии процессы происходили быстро: СССР признал независимость Эстонии 6 сентября 1991 г., а уже 20 октября 1991 г. в Мадриде председатель Верховного совета Эстонии Ю. Нугис (бывший член Компартии и руководитель завода «Эстопласт») сообщил генсеку НАТО М. Вернеру о

⁷³⁶ *Gyls P.* Lithuanian Foreign Policy Challenges and Background 1992 - 1996 // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2004. No. 13-14. P. 95-101.

⁷³⁷ *Линкявичюс Л.* Вступление в НАТО: ожидания и достижения Литвы // *Экономичны часопис-XXI*. 2009. № 3-4. С. 15-17.

⁷³⁸ *Bukovskis K., Elferte J.* Latvia's Path to the European Union: In-Between the Backstage and the Spotlight / *The Centenary of Latvia's Foreign Affairs Activities and Personalities*/ Eds. Spruds A., Scerbinskas V., Potjomkina D. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2017. P. 191-211.

желании республики вступить в Альянс «так быстро, как это возможно»⁷³⁹. Позже его поправили – дескать, частная точка зрения, не надо спешить.

А чуть раньше, 26 августа 1991 г. в Копенгагене руководители МИД Латвии, Литвы и Эстонии Я. Юрканс, А. Саударгас, Л. Мери выступили с совместным заявлением, поддержанным МИДом Дании, в котором утверждалось, что Дания будет работать с Европейским советом по запуску переговоров между ЕС и странами Прибалтики о подписании соглашений об ассоциации⁷⁴⁰. Северные страны⁷⁴¹ оказали заметное содействие не только с точки зрения инвестиций в экономику стран Прибалтики, но и в рамках реализации ими интеграционной программы по вступлению в ЕС⁷⁴². Этому способствовали и длительные исторические связи, в т.ч. в межвоенный и послевоенный период, когда многие эмигранты из Латвии, Литвы и Эстонии оседали на соседнем Севере (либо транзитом – как правило, через Швецию – двигались дальше: в ФРГ или США), и опыт сотрудничества в советское время, когда, например, в Копенгагене в 1985 г. был организован «Балтийский трибунал над руководством Советского Союза», и тесное взаимодействие в период провозглашения независимости, когда, например, при поддержке МИДов Северных стран в ноябре 1990 г. в Брюсселе было открыто Балтийское информационное бюро, взявшее на себя функции, по сути, дипмиссии при НАТО и Европейских сообществах.

⁷³⁹ *Praks H.* Estonia's First Steps in the Direction of NATO and National Defence // *Estonian Yearbook of Military History*. 2014. No. 4. P.113-141.

⁷⁴⁰ *Klavins D.* The Role of Denmark in the Renewal of Latvian Independence. Riga: Embassy of Denmark in Latvia, 2016. 25 P.

⁷⁴¹ Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, а также Финляндия.

⁷⁴² По оценкам Х. Даухерт, роль «адвоката» стран Прибалтики Германия намеренно разделила с Северными странами – ФРГ хотя и высказалась в сентябре 1991 г. в поддержку ассоциированного членства Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС, но не желала серьезных ограничений в диалоге с Москвой. Подробнее см.: *Dauchert H.* *Anwalt der Balten oder Anwalt in eigener Sache? Die deutsche Baltikumpolitik, 1991 - 2004.* Berlin, 2008. Вплоть до распада СССР ФРГ воздерживалась от активной поддержки прибалтийской независимости – по оценкам одного из лидеров «Саюдиса» Б. Гянзялиса, «все, на что мы могли рассчитывать – сочувствие». Подробнее см.: *Гянзялис Б.* *Перепитии признания государственности Литвы / Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте.* Рига, 2006.

Активно в роли «опекунов» стран Прибалтики выступали Дания⁷⁴³, Швеция⁷⁴⁴ (официальный Стокгольм принес в 2011 г. извинения странам Прибалтики за то, что признавал их вхождение в Советский Союз) и Исландия (первой приняла решение об установлении дипотношений с Литвой – еще 23 января 1991 г.). В случае Литвы следует отметить влияние и Польши⁷⁴⁵, которое укрепилось при А. Бразаускасе⁷⁴⁶, оформилось в «стратегическое сотрудничество» при В. Адамкусе⁷⁴⁷, но оказалось подорвано при Д. Грибаускайте. В свою очередь Эстония тяготеет к северному вектору: как отмечал президент Т.Х. Ильвес, «Эстония – это северная страна»⁷⁴⁸. Соглашения Швеции о свободной торговле с Латвией, Литвой и Эстонией подтолкнули и ЕС начать переговоры о заключении подобных договоров со странами Прибалтики⁷⁴⁹. Тесное взаимодействие, однако, не привело к тому, что элиты Латвии, Литвы и Эстонии встроились в прежнюю систему региональной безопасности - «северный баланс», нацеленный на то, чтобы избегать конфронтации сверхдержав. Их приоритетом стала натоцентричная⁷⁵⁰ система безопасности, понимаемая

⁷⁴³ *Ritenis J.* Diplomātiska cīņa par Latvijas Republikas suverenitātes atjaunosanu. Rīga: LU žurnāla “Latvijas Vesture” fonds, 1998.

⁷⁴⁴ *Kuldkepp M.* Swedish political attitudes towards Baltic independence in the short 20th century // *Ajalooline Ajakiri. The Estonian Historical Journal.* 2016. No. 3/4. P. 397-430.

⁷⁴⁵ *Nekrasas E.* Is Lithuania a Northern or Central European country? // *Lithuanian Foreign Policy Review.* 1998, No. 1. P. 19–46.

⁷⁴⁶ *Сакалаускайте Р.* На ринге литовской политики. М.: Худож. литература, 2011. 324 с.

⁷⁴⁷ *Adamkus V.* Paskutinė kadencija. Prezidento dienoraščiai. Vilnius: Tyto Alba, 2011, p. 8.

⁷⁴⁸ *Ilves T.H.* Estonia as a Nordic country / Speech at the Swedish Institute of Foreign Affairs 14.12.1999. www.vm.ee.

⁷⁴⁹ *Воронов К.В.* Ближняя Балтика между Россией и Западом: выбор курса // МЭиМО. 1995. № 10. С. 153.

⁷⁵⁰ К настоящему времени в Латвии: в Риге – интеграционная единица НАТО и Центр стратегических коммуникаций, в Адажи – возглавляемая Канадой боевая группа усиленного передового присутствия НАТО, в Лиелварде – авиабаза; в Литве: в Вильнюсе – интеграционная единица НАТО и Центр энергобезопасности, в Рукле – возглавляемая Германией боевая группа усиленного передового присутствия НАТО, в Шяуляе – авиабаза, в Эстонии: в Таллине – интеграционная единица НАТО и Центр кибербезопасности, в Тапа – возглавляемая Великобританией боевая группа усиленного передового присутствия НАТО, в Эмари – авиабаза, в Тарту – Балтийский колледж обороны НАТО. Общее количество военнослужащих других стран НАТО, дислоцированных в странах Прибалтики – до 4,5 тыс. чел. Национальные армии полностью «вмонтированы» в военную систему Альянса. Создан потенциал для

через призму идеи о защите от конфликта с Россией, которая лежала в основе западных устремлений стран Прибалтики⁷⁵¹. Лидеры трех стран на встрече в Таллине в 1993 г. заявили о желании присоединиться к НАТО.

Российские войска были выведены из Литвы в 1993 г., из Латвии и Эстонии – в 1994 г. Точка в дискуссиях о нейтральном статусе для стран Прибалтики или о сочетании прозападного вектора с активной политикой на восточном направлении была поставлена⁷⁵². Ёмко черту подвел министр обороны Латвии Т. Юндзис (1991-1993 гг., 1997-1998 гг.), один из авторов политической программы Народного фронта Латвии: «Преобладали два противоположных направления - западное, с приоритетами ЕС, НАТО; восточное, с приоритетом хороших отношений с Россией. Хотя эти направления теоретически не являются взаимоисключающими, в действительности они абсолютно несовместимы»⁷⁵³. Предложения о гарантиях безопасности стран Прибалтики и мерах по укреплению доверия между ними и Россией, переданные президентом Б.Н. Ельциным литовскому лидеру А. Бразаускасу в сентябре 1997 г., не повлияли на прозападный настрой элит прибалтийских государств.

Драйверами воплощения в жизнь идеи «Возвращения в Европу», которая поначалу не была широко поддержана массовыми группами Латвии, Литвы и Эстонии, выступили именно элиты. Тот факт, что вступление в ЕС и НАТО стало приоритетом в политике стран Прибалтики задолго до сколько-нибудь существенной интеграции в общеевропейские

быстрого наращивания в случае необходимости сил США и НАТО в Прибалтике. Подробнее см.: *Зверев Ю.М., Межевич Н.М.* Безопасность в восточной Балтике : К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019» : экспертный доклад. – СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 152 с.

⁷⁵¹ *Vitkus G.* Changing Security Regime of Baltic Sea Region // *Lithuanian Annual Strategic Review* 2002. Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2003. P. 109-132.

⁷⁵² «Мы отдалялись от понимания политики нейтралитета как наилучшего выхода для Литвы. Мы искали новые гарантии безопасности, в то время когда в стране еще находилась Российская армия». Подробнее см.: *Бразаускас А.* Пять лет президента: События, воспоминания, мысли. М.: Унипринт, 2002. С. 243.

⁷⁵³ *Jundzis T.* Baltic States: Cooperation on Security and Integration into the European Security System. Riga, 1996.

механизмы экономического и военного взаимодействия, подтверждает то особое политическое (и даже символическое) значение, которое элиты бывших прибалтийских республик придавали присоединению к Евросоюзу и организации Североатлантического договора⁷⁵⁴.

Этот процесс носил для элит приоритетный характер, подчиняя себе не только их действия на внешнеполитической арене, но и во многом определяя внутривнутриполитический процесс⁷⁵⁵. Экономические соображения отступили на второй план, для властных групп важнейшее значение имели политические (внутренние и внешние) эффекты от движения на Запад, поэтому сомнения (будь то предпринимательское сообщество или местное аграрное лобби) игнорировались⁷⁵⁶. Институциональное воплощение лозунга «Возвращение в Европу» изначально было проектом властных групп⁷⁵⁷, результатом действий элит, стремившихся любой ценой (пусть даже пожертвовав своим суверенитетом при передаче ряда существенных полномочий на наднациональный интеграционный уровень⁷⁵⁸) выйти из-под

⁷⁵⁴ «Весь свой опыт, все свои знания, все международные контакты, в том числе и в США, направил на благо своей страны, стараясь вернуть ее в международную семью государств... Я думаю, что мои контакты очень помогли Литве. Мы попали в НАТО, в Европейский союз. Мои контакты сыграли здесь свою роль». В. Адамкус, личное интервью. 17 ноября 2011 г., Вильнюс.

⁷⁵⁵ *Vilpisauskas R.* Baltic States Negotiating the EU Entry: Process, Patterns and Results // *Lithuanian Political Science Yearbook 2002*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, Vilnius University, 2003. P. 119–140; *Vilpisauskas R.* The Political Economy of Transatlantic Relations: the Implications of EU Enlargement // *Lithuanian Political Science Yearbook 2003*. Vilnius University, 2004. P. 141–160.

⁷⁵⁶ *Vilpisauskas R.* The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? / A draft paper for the International Conference of the European Union Studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, 2003. 22 p.

⁷⁵⁷ Премьер-министр Латвии В. Биркавс вспоминал, что при обсуждении внешнеполитических приоритетов независимой Латвии в парламенте «даже не было дискуссии, большинство было согласно с концепцией» - речь шла об интеграции в ЕС. Подробнее см.: *Atgriešanās Eiropa Latvijas prezidentu, premjerministru, ministru un diplomatu esejas : no starptautiskās atzīšanas līdz pirmajai prezidentūrai Eiropas Savienībā : 1990 - 2015*. Rīga: Zinatne, 2016.

⁷⁵⁸ Премьер-министр Эстонии С. Каллас, бывший член КПСС, считает, что нельзя говорить о потере суверенитета после вступления в ЕС. «Это не утраченный суверенитет. И даже не общий. Это единый [в рамках ЕС] суверенитет». Подробнее см.: *Kallas S.* Vabaduse ja kuruse vahel. Euroopa Liidu lugu. Tallinn: SE&JS, 2018. 368 p.

российского влияния. В. Урбелис отмечает, что процесс вступления Литвы в НАТО стал примером редкого единодушия политических элит: присоединение к Альянсу было поддержано всеми релевантными партиями.

Этот вопрос высокой политики был исключен из внимания большинства населения⁷⁵⁹, и политическим руководством в Литве была организована широкая кампания в медиа в поддержку интеграции в евроатлантические институты, так же поступили в Латвии⁷⁶⁰ и Эстонии⁷⁶¹. В конце 1990-х гг. общества стран Прибалтики оставались расколотыми по вопросу присоединения к НАТО, количество сторонников и противников вступления в Альянс составляло примерно равные части⁷⁶², а в отдельные периоды сторонников было меньше 30%⁷⁶³. Элите удалось убедить население⁷⁶⁴ в том, что лучший путь к благополучию и безопасности, к достижению уровня жизни, сравнимому с аналогичным показателем во Франции или Германии, это членство в ЕС при стратегической поддержке

⁷⁵⁹ Литовское общество не видит своей роли в решении вопросов национальной безопасности, передавая этот мандат на высший государственный уровень. Подробнее см.: *Janusauskiene D., Novagrockiene J. Lietuvos gyventojų požiūrio į saugumą analizė // Lietuvos metinė strateginė apžvalga 2002, Lietuvos Karo akademija, Vilnius, 2003. P. 289-290; Seselgyte M. Security Culture of Lithuania // Lithuanian foreign policy review. Vilnius: Foreign Policy Research Center. 2010, No. 24, p. 23-40.*

⁷⁶⁰ Во время вступления в ЕС население Латвии оставалось «пассивным наблюдателем», в то время как властные группы страны пытались «сверху» формировать запрос на западную интеграцию. Подробнее см.: *Ozolins Z. Latvija eiropeizācijas krustceļos. Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 135 p.*

⁷⁶¹ Аргументом служила и уличная реклама в Таллине, объяснявшая, что вступление в ЕС обеспечит «доступ к миллионам сексуальных мужчин». Подробнее см.: *Rainsford S. Estonia expects EU yes vote // BBC News. 14.09.2003. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3107000.stm> (дата обращения: 01.02.2020)*

⁷⁶² *Вахрамеев А.В. Страны Балтии у ворот НАТО // Современная Европа. 2000. № 4. С. 82-92.*

⁷⁶³ *Public opinion on enlargement in the EU Member States and applicant countries / European Parliament. Briefing No. 41. 1999.*

⁷⁶⁴ В. Урбелис утверждает, что «политическая элита Литвы способна добиваться общественной поддержки принятых уже заранее на высоком уровне решений». Подробнее см.: *Urbelis V. Lithuanian Strategic Culture // Lithuanian Annual Strategic Review 2006, Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2007. P. 197.*

США⁷⁶⁵: в Латвии и Эстонии на референдуме вступление в ЕС поддержали почти 67%, в Литве – более 90%.

Первые контакты балтийских политических элит с ЕС и НАТО были установлены еще до официального признания независимости Латвии, Литвы и Эстонии: «Еще в годы холодной войны литовские, латышские и эстонские интеллектуалы-эмигранты в США, Великобритании и Швеции идейно обосновали евроатлантический выбор своих народов»⁷⁶⁶. Как заявлял в 2001 г. глава МИД, впоследствии президент Эстонии Т.Х. Ильвес, экс-гражданин США: «В эстонском МИДе никого не интересует опыт соседства с Россией. Интересуют будущие отношения с Западом»⁷⁶⁷.

Вряд ли политические элиты стран Прибалтики⁷⁶⁸ форсировали процесс евроатлантической интеграции в рамках идеи «Возвращения на Запад», не осознавая, сколь мал набор функциональных возможностей малых стран (буферная зона, дипломатический посредник, государство-барьер, геополитический шлюз, периферия⁷⁶⁹). Причем в силу окраинно-транзитного положения стран этот набор во многом является производным от действий более крупных государств. Е. Мотека и Н. Статкус специфическим геополитическим положением объясняют ориентацию политических элит стран Прибалтики на Запад, в то время как значительная часть населения (особенно в Латвии и Эстонии) по-прежнему сильно связана с Востоком. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии рассматривают США как гаранта суверенитета по двум причинам: 1) США не признали за-

⁷⁶⁵ Посол Латвии при НАТО И. Лиегис отмечал, что именно за США было последнее слово при определении кандидатур стран для приглашения в Альянс. Подробнее см.: *Лиегис И.* Интеграция Латвии в НАТО – мечта или реальность? Рига: М-во обороны Латвийской Респ., 2000. 36 с.

⁷⁶⁶ *Володькин А.А.* Интеграция Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС и НАТО. Минск: Беларуская навука, 2016. С.29.

⁷⁶⁷ *Соколов В.* Почему Таллин стремится на запад // Независимая газета. 2001. 21 июня.

⁷⁶⁸ А. Казекамп и В. Вебель отмечают, что перспектива членства в НАТО сделала, возможно, больше для балтийского единства, нежели любая другая идея. Подробнее см.: *Kasekamp A., Veebel V.* Overcoming doubts: The Baltic States and European Security and Defence Policy // *The Estonian Foreign Policy Yearbook.* 2007. No. 9 (32). P. 14.

⁷⁶⁹ *Laurinavicius C.* Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amžius / C. Laurinavicius, E. Motieka, N. Statkus. Vilnius : Lietuvos Istorijos instituto leidykla, 2005.

конность присоединения прибалтийских стран к СССР (в т.ч. и в рамках Хельсинкского заключительного акта 1975 г.); 2) США воспринимаются как противовес влиянию России в Балтийском регионе. В свою очередь США видят страны Балтии как «клин» между Европой и Россией, а также как своих «агентов» в Евросоюзе (наряду с иными странами Восточной Европы). Несмотря на все издержки от данной роли, политическая элита считает проамериканскую ориентацию лучшим сценарием, чем ее отсутствие либо замена на проевропейскую⁷⁷⁰.

Речь о влиянии «геополитического треугольника»: США (отношения с которыми в Латвии, Литве и Эстонии рассматривают как «особые»⁷⁷¹ и «уникальные»⁷⁷²), России (отношения с которой во многом обусловлены уже описанным фактором «наследия прошлого») и отчасти Европейского союза. Пожалуй, среди прибалтийских политологов наилучшая в своей иронии и лаконичности характеристика восприятия на высшем уровне стран Прибалтики России, Евросоюза и США принадлежит К. Паулаускасу из Вильнюсского университета: «Оно выражено тремя сильными образами. Первое, это образ господствующей в мировой политике большой и могущественной страны - Соединенных Штатов. Это наш добрый друг, поэтому все, что делают США, должно быть полезно для Литвы. Второе, существует образ большого злого медведя - России, которая, как мы думаем, делает все, чтобы сделать жизнь в Литве жалкой, поэтому все, что делает Россия, должно нести зло Литве. И последнее, но не менее значимое,

⁷⁷⁰ Motieka E., Statkus N. Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001-2003 // Lithuanian Annual Strategic Review 2003, Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2004. P. 9–39.

⁷⁷¹ Глава МИД Литвы В. Ушацкас: «Особые литовско-американские отношения формировались исторически и естественно: США всегда были адвокатами свободы и независимости Литвы». Подробнее см.: Usackas V. Strengthening the U.S.-Lithuania Partnership: Lithuanian Perspective // Lithuanian Foreign Policy Review. 2003. No. 11-12.

⁷⁷² Посол Латвии в США А. Пилдегович, бывший комиссар ЕС по энергетике подчеркивает: «С конца 19 в. совершенно уникальные узы дружбы между народами Латвии, Эстонии и Литвы и Соединенных Штатов Америки превратились в современное и многогранное партнерство». Подробнее см.: Pildegovics A. Latvian Perspectives in Washington / Latvia and the United States: a New Chapter in the Partnership / ed. by Indans I. Riga: Centre for East European Policy Studies, 2012. P. 11-13.

это ЕС – щедрый источник социального и экономического благосостояния, чья сила притяжения заставила нас стать членом семьи. Когда ЕС соглашается с США, это хорошо для Литвы, когда же ЕС соглашается с Россией, это плохо для Литвы»⁷⁷³.

Проблема «двойной лояльности»⁷⁷⁴ (т.е. необходимости действовать в русле влиятельных «старых» членов ЕС, но в то же время подтверждать атлантический вектор своей внешней политики⁷⁷⁵) определяет стиль поведения элит Литвы, Латвии и Эстонии на международной арене. Д. Богатуров страны Прибалтики отнес к лимитрофам, не сумевшим стать заметными участниками глобальной политики, но пытающихся сформировать свой капитал (политический, идеологический, финансово-экономический) опосредованно – на отношениях между Россией и Западом, Россией и США⁷⁷⁶. И.Н. Тарасов поддерживает эту мысль: «Страны Балтии удовлетворены сконструированным или мнимым status quo, заинтересованы лишь в развитии региональной кооперации и склонны рассматривать ЕС как своего рода «кошелёк»⁷⁷⁷ (как для инфраструктурных проектов на своей территории, так и гарантированного источника инвестиций⁷⁷⁸).

⁷⁷³ *Paulauskas K.* The big, the bad and the beautiful: America, Russia and Europe's mellow power // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2008, No. 20. P. 120–126.

⁷⁷⁴ *Budryte D.* The Dilemma of «Dual Loyalty»: Lithuania and Transatlantic Tensions / *Old Europe, New Europe and the US*, ed. by Lansford T., Tashev B., Ashgate, 2005.

⁷⁷⁵ Ведущие литовские международники Н. Статкус и К. Паулаускас констатируют, что «США считают Литву своим агентом в Европе». Подробнее см.: *Statkus N., Paulauskas K.* Foreign Policy of Lithuania: Linking Theory to Practice // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2006. No. 17. P. 56–57.

⁷⁷⁶ *Богатуров А.Д.* Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // *Независимая газета*. 2006, № 99 (3779).

⁷⁷⁷ После 2004 г. Латвия, Литва и Эстония получают поддержку в основном по линии структурных фондов Евросоюза – Фонда сплочения и Фонда регионального развития. Они обеспечивают до 90% стоимости проектов, например, в инфраструктурной сфере. В 2004-2020 гг. Эстония получила около 10 млрд евро, Латвия – 15 млрд евро, Литва – 20 миллиардов евро. В период до вступления в ЕС средства поступали в основном через программы PHARE и SAPARD (сельское хозяйство): Эстония получила около 350 млн евро, Латвия – 420 млн евро, Литва – 810 млн евро. Действовал и ряд секторальных программ, поэтому итоговая сумма финансирования больше. Подробнее см.: *Final Evaluation Report. Evaluation of PHARE [EU pre-accession] financial assistance to Bulgaria, Cyprus, Czech Republic, Estonia, Hungary, Latvia, Lithuania, Malta, Poland, Romania, Slovakia, Slovenia*. 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа:

В рамках НАТО страны Прибалтики демонстрируют более агрессивную позицию по вопросам «сдерживания российской угрозы» <...> Это нередко противоречит более умеренной позиции Германии, которая придаёт большое значение отношениям с Россией»⁷⁷⁹. Конфронтационный подход к отношениям с Россией позволил властным группам стран Прибалтики использовать уязвимый образ своих государств как аргумент сначала при вступлении в ЕС и НАТО, а затем и как средство привлечения внимания к себе⁷⁸⁰.

Дж. Ламоро и Д. Гэлбрейт также отмечают внешнеполитическую раздвоенность элит стран Прибалтики, но трактуют ее иначе – властные группы стремятся примкнуть к Западу, отталкиваясь от Востока, понимая, что определённые интересы и возможности их стран лежат все же на Востоке⁷⁸¹. Членство в ЕС и НАТО предоставляет возможности в сфере военно-стратегической и экономической безопасности, накладывая ограничения суверенитета. Возможности в сфере безопасности для малых стран связаны, в первую очередь, с реализацией фрирайдерства⁷⁸², когда

https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/pdf/financial_assistance/phare/evaluation/2015/20150806-phare-ex-post-evaluation-final-report.pdf (дата обращения: 10.02.2019) Ожидается, что на очередной финансовый период ЕС до 2027 г. финансирование стран Прибалтики будет урезано примерно на 25-30%. Это значительные потери, учитывая, что объем еврогрантов в инвестициях в экономики за 2015-2017 гг. составил в Латвии и Литве – около 70%, в Эстонии – 50%. Подробнее см.: *Ермина Н.В.* Еврофонды в Латвии, Литве и Эстонии: проблемы и перспективы. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2018. 31 с.

⁷⁷⁸ *Кондратьева Н.* Страны Балтии: в ловушке среднего дохода // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2020. № 1. С. 78-85.

⁷⁷⁹ *Тарасов И.Н., Мегем М.Е., Саликов А.Н.* Отношения ФРГ и стран Балтии в рамках ЕС и НАТО // *Власть*. 2015. № 12. С. 165-171.

⁷⁸⁰ Л. Шевцова утверждает, что «администрация США и особенно американские военные долгое время противились расширению НАТО на восток. Американцы не хотели брать на себя лишних обязательств, а тем более раздражать Москву. Именно Восточная Европа и страны Балтии и их лидеры после долгих и упорных попыток убедили несговорчивый и колеблющийся Вашингтон принять решение о расширении альянса». Подробнее см.: *Шевцова Л.* Одинокая держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: РОССПЭН, 2010.

⁷⁸¹ *Lamoreaux J.W., Galbreath D.J.* The Baltic States as 'Small States': Negotiating the 'East' by Engaging the 'West' // *Journal of Baltic Studies*. 2008. No. 1 (39). 1-14.

⁷⁸² «Вступая в альянсы, малые государства получают двойную выгоду: от возможного фрирайдерства (что позволяет экономить ресурсы, но не влиять на результат, т.е. общее

часть расходов на оборону перекладывается на альянс⁷⁸³. При вступлении в НАТО военные расходы стран Прибалтики в 2004 г. составляли 1,3 – 1,6 % ВВП (при нормативе в 2 %). Спустя 10 лет, в 2014 г. доля расходов на оборону от ВВП Латвии – 0,93%, Литвы – 0,88%. Лишь Эстония наращивала расходы и в 2014 г. обеспечила 1,96%. Латвия и Литва добились аналогичного показателя к 2018 г., а Эстония тратила чуть больше 2%⁷⁸⁴. Существенные затраты на модернизацию прибалтийских армий покрывались из бюджета НАТО, основной донор - США⁷⁸⁵, в меньшей мере ФРГ, Великобритания, Франция и ряд других стран.

Р. Купер поставил под сомнение способность малых стран обеспечить суверенитет иначе как за счет покровительства крупных игроков или через создание множественных альянсов. Он заключает, что суверенитет малого государства зависит от того, насколько успешно оно сможет доказать выгоду своего суверенного существования более крупным игрокам. Роль малых стран может возрастать соответственно их способности к инновационному развитию, которое способно стать посильной платой за ограничение суверенитета⁷⁸⁶.

П. Гобл, рассуждая о выборе внешнеполитического курса малых стран, неоднократно подчёркивал, что они нуждаются в «Большом брате», однако, лучше, если бы этот брат находился подальше⁷⁸⁷. Стратегия полного

решение) и от формирования коалиций внутри альянсов (что позволяет повышать вероятность желаемого решения)». Подробнее см.: Бусыгина И.М., Климович С.А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе. Балтийский регион. 2017, Т. 9, № 1. С. 8.

⁷⁸³ De Luca L. Free-Riding in NATO: Reality or Myth? Ithaca: Cornell Univ., 1986. 239 p.

⁷⁸⁴ Defence Expenditure of NATO Countries (2011-2018). PR/CP (2018) 091 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_07/20180709_180710-pr2018-91-en.pdf (дата обращения: 02.01.2020)

⁷⁸⁵ В 2004-2017 гг. США выделили на военные расходы (включая образование и подготовку) в странах Прибалтики сопоставимые суммы: Латвии – 61 млн. долл., Литве – 62 млн. долл., Эстонии – 57 млн. долл. Подробнее см.: Congressional Budget Justification for Foreign Operations. Years 2005–2018. URL: www.state.gov

⁷⁸⁶ Cooper R. Sovereignty and the Small State // *Medzinárodné otázky*. 1999. No. 8. P.82-86.

⁷⁸⁷ Goble P. At the Crossroads of Europe: Three Challenges for Lithuanian Foreign Policy // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 1998. No. 1. P. 101-106; Goble P. Russia and Its

подчинения покровительствующей стране оказывается небезупречной, заставляет элиты малых государств вести постоянный аудит издержек и выгод международного позиционирования.

Углубление европейской интеграции неизбежно трансформировало политическое пространство Латвии, Литвы и Эстонии, что выразилось не только в адаптации массива законодательства к общеевропейским нормам, введении новых ведомств, участии в выборах уже наднационального уровня (в Европейский парламент, в делегировании своих представителей на позиции комиссаров и вице-президентов Еврокомиссии), но и в том, что в интеграционный процесс преимущественно оказались вовлечены представители исполнительной власти, координировавшие переговорный процесс, распределявшие средства финансовой поддержки от ЕС и т.д. и получавшие тем самым дополнительные ресурсы для влияния.

Вступление в Евросоюз и НАТО⁷⁸⁸ предполагает наличие внутривластной стабильности в стране. В этом смысле процесс евроатлантической интеграции оказался серьезным испытанием для элиты Литвы. С 1999 г., когда Литва приступила к реализации Национальной программы по подготовке к членству в ЕС, в стране сменились пять правительств, а в финале переговорного процесса Литва пережила процедуру импичмента Президента Р. Паксаса⁷⁸⁹. Президентский кризис

Neighbors // Foreign Policy, 1993. No. 90. P. 79-88; Goble P. The Baltics: Three States, Three Fates // Current History. 1994. October. P. 332-336.

⁷⁸⁸ «Симбиоз Евросоюза и НАТО не только сохранился, но и стал органическим. Отныне все новые члены ЕС обязаны добиться сначала своего приёма в НАТО, и лишь когда на лоб кандидата поставлена натовская печать “Годен”, заходит речь о его приёме в Евросоюз». Подробнее см.: *Максимычев И.Ф.* Есть ли будущее у Большой Европы? // Современная Европа. 2013. № 1 (53). С. 34-44

⁷⁸⁹ Р. Паксас (в прошлом – мэр Вильнюса, дважды Премьер-министр) вступил в должность Президента Литвы 26 февраля 2003 г., опередив по итогам второго тура В. Адамкуса. В октябре 2003 г. Департамент госбезопасности Литвы информировал сейм о якобы связях окружения Р. Паксаса с международной преступностью. В ноябре 2003 г. Генпрокуратура Литвы допросила одного из спонсоров кампании Р. Паксаса на президентский пост Ю. Борисова, владельца авиаремонтного холдинга Avia Baltika. В феврале 2004 г. парламент запустил процесс импичмента. В марте 2004 г. Конституционный суд признал Р. Паксаса трижды нарушившим Конституцию: незаконное предоставление литовского гражданства Ю. Борисову, разглашение Ю. Борисову сведений, содержащих гостайну, оказание

поставил страну на грань политической турбулентности, породил множество версий о причинах случившегося⁷⁹⁰, приведя к пониманию того, что система демократических институтов в Литве остается в целом незрелой. По мере углубления интеграционных процессов ряд полномочий (прежде всего в сфере финансово-экономической политики, в сфере обороны и безопасности) был передан на наднациональный уровень⁷⁹¹. Литовской политической элите после ряда экстравагантных попыток⁷⁹² стало сложнее отстаивать в ЕС свою точку зрения, следуя тем требованиям, которые были приняты ею при вступлении⁷⁹³. По оценке Г. Вашченкайте, элиты зажали себя в «ножницы» между ценностным подходом и установками в духе *Realpolitik*, не находя понимания ни у России, ни у Евросоюза⁷⁹⁴. В ходе присоединения к евроатлантическим интеграционным институтам одним из аргументов того, почему страна должна вступить в ЕС и НАТО, служила формулировка вроде «Литва, являясь малой страной с

давления на принятие решений частными лицами и компаниями. В апреле 2004 г. Р. Паксас отрешен сеймом, суд запретил ему пожизненно занимать государственные должности, для вступления в которые требуется принесение присяги: Президента, Премьер-министра или члена правительства, члена сейма. Уголовное дело по факту разглашения гостайны рассматривалось в судебном порядке, в 2005 г. Р. Паксас был оправдан. В 2009 г. от партии «Порядок и справедливость» он избран в Европарламент. Решением Европейского суда по правам человека в 2011 г. пожизненный запрет на избрание в парламент отменен, запрет на выдвижение в президенты не пересматривался.

⁷⁹⁰ В СМИ муссировались 4 причины импичмента: Р. Паксас и Ю. Борисов были связаны со спецслужбами России; президентский скандал стал результатом войны спецслужб России и США за сферы влияния на постсоветском пространстве; Р. Паксас стал жертвой своего окружения, связанного с «сигаретной мафией»; президентским креслом Р. Паксас поплатился якобы за то, что не одобрил незаконное размещение под Вильнюсом так называемого «центра задержания» ЦРУ (тюрьмы для террористов).

⁷⁹¹ *Литва / Путь в Европу / сб. ст. под ред. Клямкина И., Шевцовой Л. Фонд «Либеральная миссия». М.: «Новое издательство», 2008. 400 с.*

⁷⁹² Литовское руководство предлагало США разместить на территории Литвы систему американской ПРО (2007 г.), пользовалось правом вето для блокирования переговоров между Россией и ЕС по новому Соглашению о партнерстве и сотрудничестве (2008 г.).

⁷⁹³ Примером неудачной попытки элиты Литвы добиться особого к себе отношения со стороны Евросоюза является ситуация с Игналинской АЭС, которая обеспечивала страну энергией. При вступлении в ЕС Литва обязалась закрыть Игналинскую АЭС как устаревшую, и вынуждена была, несмотря на просьбы об отсрочках и компенсациях, сделать это, несмотря на негативные последствия для экономики Литвы.

⁷⁹⁴ *Vascenkaite G. The Discrepancy of Lithuanian Foreign Policy: “Normative” Deeds for the „Realpolitik“ Needs? // Lithuanian Foreign Policy Review. 2011, No. 25. P. 33-55.*

ограниченными экономическим и демографическими ресурсами, не способна в одиночку реализовать свои интересы в сфере внешней политики и вопросах безопасности»⁷⁹⁵. Такой подход подтверждает тезис К. Уолтца о «примыкании» слабых стран. Причем эта предрасположенность малых стран поддаваться влиянию доминирующей силы проявляется даже в том случае, если сама эта сила является источником опасности⁷⁹⁶.

Дж. Ламоро и Д. Гэлбрейт иллюстрируют, как элиты стран Прибалтики вышли за пределы того, что ожидалось от малых государств в международной политике, последовательно втягивая Запад в сдерживание России⁷⁹⁷, не исключая конфронтации в логике «игры с нулевой суммой». Однако это имеет свои издержки, в т.ч. «усталость» покровительствующих от назойливости покровительствуемых. Для элит Латвии, Литвы и Эстонии становится проблемой постоянное убеждение Запада в необходимости собственной отдельной роли в диалоге с Москвой⁷⁹⁸. «Страны одного вопроса» - такая маркировка закрепилась за ними в связи с преобладанием в их внешней политике проблематики безопасности, понимаемой в основном в антироссийском ключе⁷⁹⁹. Формирование властными группами прозападного внешнеполитического

⁷⁹⁵ *Linkevicius L.* Membership of NATO is the Impulse for Reforms // *Lithuanian Annual Strategic Review 2002*. Vilnius: Strategic Research Center, 2003. P. 7-16.

⁷⁹⁶ *Waltz K.* *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 1979; *Jervis R., Snyder J.* (eds.) *Dominoes and Bandwagons. Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland*. Oxford University Press, New York, 1991. 320 P.

⁷⁹⁷ *Timofeev I.* *Russia and NATO in the Baltic / The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered* / ed. by Andzans M., Bruge I. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2016. P. 56-67.

⁷⁹⁸ *Lamoreaux J.W., Galbreath D.J.* The Baltic States as 'Small States': Negotiating the 'East' by Engaging the 'West' // *Journal of Baltic Studies*. 2008. No. 1(39). 1-14.

⁷⁹⁹ М. Лехти отмечает: «Из-за доминирования политики безопасности страны Балтии также оставались в ЕС в основном «странами одной проблемы», их деятельность связана с вопросом России». По его мнению, это позволило Латвии, Литве и Эстонии, которые с точки зрения количества жителей составляют 1,4% от населения Евросоюза, а с точки зрения вклада в общий ВВП дают менее 0,6%, повысить свою «видимость» в рамках общеевропейской политики, сделать свой голос более заметным. Подробнее см.: *Lehti M.* *Small but Smart? How the Balt(ic)s Are Contributing to the European Whole* // *Latvian National Independence: the idea and its realisation*, Riga, 2008. 25 p.

курса закрепились⁸⁰⁰ вступлением стран Прибалтики в ЕС и НАТО в 2004 г. С присоединением к ключевым западным форматам лозунг «Назад в Европу» стал утрачивать актуальность. Несмотря на продвигаемую идею о том, что западная интеграция это длительный процесс⁸⁰¹, на повестке дня все чаще звучит вопрос о том – что дальше? Основные ответы респондентов по данной теме (по итогам глубинных интервью) обобщены в таблице 19.

Политическим руководством стран Прибалтики предпринимаются попытки предложить обществу новые ориентиры, цементирующие уже сделанный внешнеполитический выбор и намечающие хоть какие-то задачи на будущее – как, например, стратегия «Литва 2030» (принята в 2013 г.), основанная на идее «глобальной Литвы». Но такие идеи оказываются в противоречии реалиями национального государства с перекосами этнократического свойства. «С одной стороны, присоединение состоялось и цель достигнута, с другой – возвращение на Запад, которое должно было стать «конечным» событием, историей успеха, превратилось в неопределенность. Идея глобальной Литвы – «Литва везде, где вы живете» - это денациональная, детерриториальная, деэтатистская Литва. Возвращение на Запад в контексте «глобальной Литвы» означает конец исторического и политического существования литовского государства», - считает В. Раджвилас⁸⁰².

Эстония, по оценкам одного из руководителей МИД П. Колбре в 2003 г. (накануне присоединения к ЕС и НАТО), оказалась перед вызовом

⁸⁰⁰ Д. Стукулс-Эглитис даже употребила термин «опечатывать»: «Членство в ЕС было для Эстонии, Латвии и Литвы воплощением долгих мечтаний. Считалось, что это опечатывает их принадлежность к Западу и, таким образом, является доказательством успешного спасения из российской сферы, символизирует окончательный переход от ненормальности, представляющей советское прошлое, к нормальному состоянию». Подробнее см.: *Stukuls-Eglitis D. Imagining the Nation. History, Modernity, and Revolution in Latvia*. PA: Pennsylvania State University Press, 2002. 280 p.

⁸⁰¹ МИД Литвы утверждает, что это даже «нескончаемый процесс». Подробнее см.: Членство Литвы в ЕС / Сайт МИД Литвы. 28.08.2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.urm.lt/default/ru/vneschnaaa-politika/litba-b-regione-i-b-mire/litba-b-ebropejskom-soyuze/chlenstbo-litbjy-b-es> (дата обращения: 28.10.2019)

⁸⁰² *Radzvilas V. Dekonstuoiant ideologema: ka reiskia Lietuvos "grizimo I vakarus" teze? // Logos. 2019. No. 100. P. 114-126.*

завершения «проектной дипломатии»: «Задачи, поставленные перед проектом вступления в ЕС и НАТО, выполнены. Но где новая стратегия? Во-первых, она еще не завершена. Во-вторых, она никогда не будет завершена по-настоящему»⁸⁰³.

Латвия, по оценкам Ж. Озолини, после вступления в ЕС и НАТО оказалась перед выбором одной из двух моделей – оборонительная позиция «привратника» или позиция «расширения горизонта», т.е. большая, чем прежде, вовлеченность в международные дела⁸⁰⁴. Показательны оценки этих усилий, сделанные западными дипломатами: «Латыши расстроены тем, что не в силах напрямую влиять на ситуацию [с предоставлением ПДЧ в НАТО Грузии и Украине]. Они хотят, чтобы их голос был услышан в дебатах обеих штаб-квартир Брюсселя, но чувствуют, что затерялись среди крупных держав. Лучшее, на что они могут рассчитывать – что скандинавы примкнут к странам Балтии, Польше и Чешской Республике»⁸⁰⁵. Эстония свои усилия по продвижению «Восточного партнерства» видит как возможность «стать более заметной в рамках Евросоюза»⁸⁰⁶. Это, безусловно, не формулирует новую «большую идею», которая могла бы стать «аналогом» тезиса о возвращении на Запад, а, скорее, служит делу подтверждения правильности сделанного ранее прозападного выбора.

Отношения с Россией ни у одной страны Прибалтики, несмотря на некоторые локальные нюансы, не были безоблачными. Почти 20 лет назад Т.Н. Мозель сделала прогноз, который прошел проверку временем: «Радикальная переориентация на Запад экономической, внешней и оборонной политики балтийских республик после получения ими независимости, движимых не только стремлением «вернуться в Европу», но

⁸⁰³ *Mihkelson M. Successful Foreign Policy: The Battlefront of Estonian National Security / International Center for Defence and Security, Tallinn. 20.04.2016. Режим доступа: <https://icds.ee/successful-foreign-policy-the-battlefront-of-estonian-national-security/>*

⁸⁰⁴ *Latvijas ārpolitika un «robežu paplašināšana» / Ozoliņa, Ž. (Red.). Rīga: Zinātne, 2006.*

⁸⁰⁵ Подробнее см.: *WikiLeaks: Избранные материалы / Сост. В. Апанасик. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 130.*

⁸⁰⁶ *Made V. Shining in Brussels? The Eastern Partnership in Estonia's Foreign Policy // Perspectives. 2011. Vol. 19, No. 2. P. 67-79.*

и сохраняющимися антироссийскими настроениями, не соответствует задачам построения единой и безопасной Европы. Членство балтийских стран в НАТО, не сопровождаемое соответствующими изменениями в характере самого Североатлантического альянса и коренной перестройкой его отношений с Россией, неизбежно привело бы к появлению разделительных линий в Европе, к возрождению климата недоверия между Россией и странами Балтии, а также между Россией и Западом»⁸⁰⁷.

За прошедшие десятилетия «фактор России» укоренился как во внутриполитической жизни, так и на внешнем треке, влияя на действия властных групп стран Прибалтики не только на западном, но и на восточном направлении – на пространстве бывшего СССР. Политика властных групп стран Прибалтики в рамках программы «Восточное партнерство» в значительной мере обусловлена конфронтационным подходом к связям с Россией. Ряд конструктивных инициатив в экономической, транспортной, гуманитарной сфере, исходивших от России, был прибалтийскими властными группами отвергнут. Проекты же, расцениваемые Москвой как подрывающие ее позиции (как программа «Восточное партнерство»), лоббируются элитами прибалтийских стран с упорством, не зависящим от названия партии во главе коалиции. Продвижению элитами Латвии, Литвы и Эстонии программы «Восточное партнерство» в качестве одного из внешнеполитических приоритетов посвящен следующий параграф.

⁸⁰⁷ Мозель Т.Н. Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе М.: Научная книга, 2001.

5.3. «Восточное партнерство» во внешнеполитических приоритетах элит стран Прибалтики

Из республик, вышедших из советской «семьи», Литва оказалась первой, к которой перешло председательство в Европейском союзе. Поиск ответа на вопрос о том, можно ли интерпретировать начало украинского кризиса именно в период литовского руководства ЕС как прецедент, подталкивает к необходимости анализа иных прибалтийских председательств (Латвия возглавила ЕС в первой половине 2015 г., Эстония – в 2017 г.), чтобы четче рассмотреть роль властных групп стран Прибалтики в международных делах применительно к пространству «Восточного партнерства»⁸⁰⁸.

Украинский кризис дает богатый с эвристической точки зрения материал для осмысления той роли, которую прибалтийские страны стремятся играть на постсоветском пространстве, все еще находящемся спустя более четверти века после распада СССР в состоянии переструктурирования.

Государства-лидеры обладают широким набором инструментов, используемых ими для достижения своих внешнеполитических задач с опорой на ресурсы военного, социально-политического, экономического,

⁸⁰⁸ Программа «Восточное партнерство» - часть Европейской политики соседства (действует с 2003 г., нацелена на 16 стран, из них 6 – бывшие советские республики: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия, Украина). Учреждение «Восточного партнерства» наиболее активно продвигалось Польшей и Швецией, соответствующая декларация была принята на Пражском саммите в 2009 г. В ней, в частности, отмечалась необходимость создания условий для ускорения политической и экономической интеграции между Евросоюзом и заинтересованными странами-партнерами. Основной договорной формат – Соглашения об ассоциации. Принципы политики «Восточного партнерства»: дифференциация, политическая обусловленность, взаимная ответственность сторон за взятые обязательства. «Непроработанность экономических сценариев в рамках проекта «Восточного партнерства» свидетельствует о том, что он носит преимущественно политический характер... Де-факто странам ВП предлагается очень жесткий выбор в пользу ЕС за счет ухудшения сотрудничества с Россией и ТС, это ведет к внутренней дестабилизации стран ВП». Подробнее см.: *Винокуров Е.Ю., Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю.* Тупик борьбы интеграций в Европе. М.: Комитет гражданских инициатив, 2014.

идеологического характера. М. Лебедева отмечает, что, однако, даже крупным государствам не под силу использование всего спектра ресурсов (хотя бы в силу их высокой стоимости). Отсюда она фиксирует, во-первых, дрейф в сторону ресурсов социально-политического и гуманитарного характера, обращение к которым не столь затратно и позволяет распространять их с помощью современных технологий, а во-вторых - указывает на продолжающийся процесс дробления ресурсного потенциала, в рамках которого тот или иной «игрок», в случае, если ему не доступен весь набор ресурсов или основные из них, сосредотачивается лишь на каком-то одном⁸⁰⁹. Концентрация доступных ресурсов на одном или нескольких приоритетных направлениях, их максимально эффективное расходование – доступный выход для малых стран⁸¹⁰.

В условиях ограниченности или отсутствия у малых стран значимых для продвижения собственных интересов на международной арене ресурсов таковым становится дипломатия. Элиты малых государств часто могут реагировать на международные проблемы быстрее, чем представители крупных держав – в том числе, из-за более простых процессов выработки внутренней политики и меньшего количества административных ограничений. Из-за ограниченности ресурсов Латвия, Литва и Эстония объединили два направления внешней политики, которые в большинстве стран ЕС различны - поддержка сотрудничества в целях развития и участие в Европейской политике соседства. Д. Якнунайте отмечает, что страны Прибалтики использовали Европейскую политику соседства, чтобы представить себя «настоящими европейцами» с важными «нишевыми»

⁸⁰⁹ *Лебедева М.М.* Ресурсы влияния в мировой политике // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. № 1. С.99-108.

⁸¹⁰ *Karabeshkin L., Rusetski R.* Estonia's Soft Power // *Baltic Horizons*, 2013. No. 20 (117). P. 45-52.

способностями⁸¹¹ и попытаться провести «цивилизационную линию» между Европой и Россией⁸¹².

Положенная в основу приоритезация, работа в рамках выбранной внешнеполитической ниши позволяет элитам малых стран добиваться профессионализации в конкретных областях, подчас становясь инсайдерами по «узким» вопросам и предоставляя экспертные знания, которые востребованы государствами любого размера и влияния. Укрепить свою репутацию помогает сетевой подход: например, когда малое государство избирается в Совет Безопасности ООН, то помогает другим малым странам получать информацию о том, что происходит – распространение инсайдерской информации идет на горизонтальном уровне⁸¹³. Другой инструмент – создание мини-коалиций⁸¹⁴ как по территориальному принципу (например, неформальные консультации министров Балтийских и Северных стран; диалоговые форматы – «Вильнюсская конференция», «Рижский диалог», «Галлинская конференция им. Л. Мери» и пр.), так и по проблемному⁸¹⁵ (малые страны считают необходимым удерживать проблематику «Восточного партнерства» в «топе» повестки ЕС, и именно они же объединились в борьбе против назначения главы МИД Италии

⁸¹¹ Попутно решается еще одна задача: закрепить имидж стран Прибалтики как образец успешной реализации курса на западную интеграцию и получить право «учить» другие постсоветские страны, избавившись тем самым от статуса новичков ЕС. Данные Евростата свидетельствуют, что успешность прибалтийского опыта дискусионна: Латвия, Литва и Эстония по абсолютным показателям неравенства в доходах остаются в наибольшей зоне риска вместе с Болгарией и Румынией, где доходы верхних 20% населения в 6-8 раз выше доходов нижних 20%. Подробнее см.: *Eurostat. Income distribution statistics. Data extracted in February 2017.*

⁸¹² *Jakniunaite D. Neighbourhood Politics of Baltic States / Identity and Foreign Policy. Baltic-Russian Relations and European Integration / Eds. Berg E. and Ehin P. London, Routledge, 2009. P. 131.*

⁸¹³ *Suilleabhain A. Small States at the United Nations: Diverse Perspectives, Shared Opportunities. New York: International Peace Institute, 2014. 24 p.*

⁸¹⁴ «Субрегиональные объединения, находящиеся в рамках интеграционного процесса, могут изменять формат и качественное содержание интеграционных проектов». Подробнее см.: *Бабынина Л.О. Тенденции развития Европейского союза: 2017-2018 // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 85-90.*

⁸¹⁵ *Ruse I. The Bargaining Power of Territorially Constituted Institutionalised Coalitions in EU Council Negotiations // Journal of Contemporary European Research. 2012. Vol. 8. No. 3. P. 319-339.*

Ф.Могерини на пост главы верховного представителя ЕС по внешней политике в июле 2014 г.).

Формат Nordic-Baltic (NB) объединяет 6 участников (Латвия, Литва, Эстония, а также Финляндия, Швеция, Дания) и 8 участников (Латвия, Литва, Эстония, Дания, Швеция, Финляндия, а также Норвегия и Исландия). Встречи NB8 организуются, как правило, параллельно с заседаниями Совета министров Северных стран. Встречи NB6 (5,4% от общей численности населения ЕС) организуются в основном в Брюсселе и фокусируются на повестке Евросоюза, и хотя носят неофициальный характер, нередко воспринимаются как блок, постоянная коалиция. Участники NB6 имеют общие стратегические интересы, они заинтересованы в поддержании тесных трансатлантических связей и приверженности США региональной обороне, одновременном укреплении ЕС и НАТО⁸¹⁶.

Упомянутая ранее проблема «двойной лояльности» (необходимость действовать в русле общеевропейской линии, вырабатываемой влиятельными еврограндами, но в то же время подтверждать приоритетность атлантического вектора своей внешней политики⁸¹⁷) определяет специфический стиль поведения политической элиты Литвы, Латвии и Эстонии на международной арене. Программа «Восточное партнерство» отвела Москве позицию наблюдателя, который может что-либо комментировать, но не вправе влиять на процесс. Разумеется, это было воспринято Россией с изрядной долей настороженности⁸¹⁸. Необходимость создания «Восточного партнерства» объяснялась событиями в Грузии в

⁸¹⁶ *Kuusik P., Raik K.* The Nordic-Baltic Region in the EU 27: Time for New Strategic Cooperation. Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2018.

⁸¹⁷ Характерным примером такой политики служит встреча лидеров Литвы, Латвии и Эстонии с президентом США Б.Обамой в августе 2013 г. в Вашингтоне, в ходе которой неоднократно подчеркивалась «геостратегическая важность» евроинтеграции Украины и успешности Вильнюсского саммита.

⁸¹⁸ «Объявленный в Брюсселе проект «Восточного партнёрства» и поддержку “революций” в Украине и в Грузии Москва восприняла как экспансию ЕС в зону её жизненных интересов». Подробнее см.: *Борко Ю.А.* Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнёрство? // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 19-30.

2008 г. и газовым конфликтом России и Украины⁸¹⁹. Созданная программа оказалась нацелена на дальнейшее переструктурирование постсоветского пространства, ускоренное политическое сближение и экономическую интеграцию Евросоюза с Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Грузией, Молдовой и Украиной. Российское руководство подчеркнуло, что считает бесперспективными основанные на логике «игры с нулевой суммой» проекты, трактуя их как способ противодействия интеграционным процессам с российским участием⁸²⁰.

Тезис о восточной политике Евросоюза как о «настоящей геополитической борьбе с Россией за влияние в общем соседстве»⁸²¹ был воспринят Литвой задолго до того, как она возглавила ЕС⁸²². Для литовской политической элиты, не менявшейся (за незначительным исключением) со времен Саюдиса, свойственно такое восприятие России. Основанная на подмене понятий формула «Проевропейский - значит антироссийской» приобрела нормативный характер, став базовой моделью политического

⁸¹⁹ *Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit*. Vilnius. 28-29 November 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.eu2013.lt/en/news/statements/-joint-declaration-of-the-eastern-partnership-summit-vilnius-28-29-november-2013 (дата обращения: 22.08.2017)

⁸²⁰ *Выступление* министра иностранных дел С.В. Лаврова на встрече с представителями российских НПО международной специализации. 11 апреля 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/1F9973CA66EF653E44257CB7003BA7A4 (дата обращения: 18.05.2016)

⁸²¹ *Raik K. Lithuania's Presidency Gamble: The Activeness of Vilnius is Pushing the EU's Eastern Partnership Forward // FIIA Commnet*. Finnish Institute of International Affairs. 2013. No. 14. P. 2.

⁸²² Выделим два основных периода «восточной политики» Литвы: при В. Адамкусе и при Д. Грибаускайте. Первый самим В. Адамкусом оценивался как «региональное лидерство»: поддержка США, тесные контакты с Польшей позволяли Вильнюсу вести себя на восточном фланге довольно активно (не только на Украине, но и в ходе событий в Грузии в 2008 г.), в основе лежало противостояние России. Д. Грибаускайте, поначалу пытавшаяся вести себя как технократ-прагматик с опытом работы в Еврокомиссии, пробовала сломать имидж «страны одного вопроса», сосредоточившись на внутренней повестке и совершив несколько неуклюжих шагов в отношении Польши, что подорвало альянс Вильнюса и Варшавы. Довольно скоро Литва вернулась к роли «миссионера», форсируя свою активность на востоке в связи с председательством в ЕС в 2013 г. и обострением украинской проблематики. По сути, экс-член Компартии Д. Грибаускайте продолжила тот же внешнеполитический курс, что и выходец из США В. Адамкус. Подробнее см.: *Kojala L., Ivanauskas V. Lithuanian Eastern Policy 2004-2014: The Role Theory Approach // Lithuanian Foreign Policy Review*. 2014, No. 32. P. 49-72.

поведения элит⁸²³. Причем в основе такого *modus operandi* (активно продвигаемого в медиапространстве) лежит еще и особое, «миссионерское»⁸²⁴ восприятие Литвой своей роли в процессах политических трансформаций на постсоветском пространстве. Например, один из лидеров ведущей литовской партии Союз Отечества – Христианские демократы Литвы, многолетний премьер-министр А. Кубилюс в 2007 г. презентовал подготовленную им «Стратегию сдерживания России» (в 2014 г. представил обновленный вариант)⁸²⁵. Она базируется, в частности, на тезисе о том, что усиление присутствия США в Европе приведет к вытеснению России, а также на вере в то, что «Литва вместе с соседями и США в этом регионе должна стать архитектором новой политики соседства». В 2004 г., когда Литва присоединилась к Европейскому союзу, было принято соглашение, одобренное ключевыми

⁸²³ «Отрицательные стереотипы о России, которые были созданы и апробированы еще в прошлые века и, как казалось, забыты после окончания «холодной войны», вновь и вновь используются в антироссийской риторике, представляя нашу страну как объект для презрения и ненависти европейских государств и одновременно как угрозу безопасности «просвещенным», «передовым» и т.д. Европе и США». Подробнее см.: Федякин А.В. Политика формирования и продвижения общенациональных и региональных имиджей и брендов: современные вызовы и приоритеты // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 6 (53). С. 47-58.

⁸²⁴ Следует выделить роль выходцев из литовской диаспоры в США, оказавших значительное влияние на укоренение такого подхода к определению внешнеполитической роли Литвы – решающий вклад внес президент В. Адамкус. Привычную по его жизни в США идею «продвижения демократии на Восток» он воспринимал как своего рода «цивилизационную миссию», опирающуюся на историческое наследие Великого княжества Литовского – это легло в основу внешней политики страны. Подробнее см.: Jokubaitis A., Lopata R. Lietuva kaip problema. Vilnius: Tyto Alba, 2014. P. 284; Laurinavicius C., Lopata R., Sirutavicius V. Kritinis požiūris į Lietuvos užsienio politiką: kas pasikeitė nuo Augustino Voldemaro laikų? // Politologija. 2009. No. 2 (54). P. 111.

⁸²⁵ Нередко бывает так, что представители властных групп стран Прибалтики стремятся первыми выступить по данному вопросу, озвучить то, что иные члены ЕС предпочитают сразу не говорить. В этом отношении важен контекст – установка на «сдерживание» не является прибалтийским ноу-ноу, это мейнстрим, но в прибалтийском случае доведенный до «температуры кипения». Как отмечает В.П. Федоров, «целью западной политики было не поддержание и развитие равноправного сотрудничества с нашей страной, а низведение её в ранг послушного второстепенного партнёра, окорачивание её. Делалось всё для того, чтобы она привыкла к этой роли. Не получилось». Подробнее см.: Федоров В.П. Колонизация Европы: вероятный сценарий // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 11-22.

парламентскими политическими партиями, в котором прописывались цели внешней политики Литвы до 2008 г., в их числе – запуск демократических процессов на Украине, в Белоруссии, Молдове, государствах Южного Кавказа, а также в Российской Федерации и особенно в Калининградской области⁸²⁶. В межпартийном соглашении на 2008-2012 гг. Литва предлагала себя уже на роль хаба для региональных совместных инициатив и центра для продвижения евроатлантических ценностей. При этом содействие дальнейшему расширению ЕС и НАТО с фокусом на Белоруссию, Молдову, Украину и страны Южного Кавказа значилось первым приоритетом в перечне ключевых внешнеполитических задач, здесь же указывалось и на особое значение восточной политики европейской политики соседства, а также недвусмысленно давалось понять, кто из соседей угрожает безопасности⁸²⁷. Следующий аналогичный документ датируется 29 марта 2014 г., и в нем собрано все: России вспоминают Сталина (именно так, просто по фамилии), обвиняют в агрессии против Украины, попытках пересмотреть историю XX в., сломать систему международных отношений и т.д. Все страны «Восточного партнерства» Литва намерена сближать с сообществом евроатлантических государств в «ускоренном режиме». Такие обязательства Вильнюс взял на себя до 2020 г.⁸²⁸ А накануне литовского председательства в ЕС в Вильнюсе был презентован доклад близкого к литовским консерваторам Центра восточноевропейских исследований «Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств Восточного партнерства», в котором указывалось, что странам «Восточного

⁸²⁶ *Agreement* between political parties of the Republic of Lithuania on the main goals and objectives of the state foreign policy for 2004-2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: www3.lrs.lt/docs2/QSJEWLHW.DOC (дата обращения: 21.11.2012)

⁸²⁷ *Agreement* of the Political Parties of Lithuania on Foreign Policy Principles, Strategic Guidelines, and Goals of Lithuania for 2008-2012. [Электронный ресурс] Режим доступа: www3.lrs.lt/docs2/EKWJDONY.DOC (дата обращения: 21.11.2012)

⁸²⁸ *Accord* between the political parties represented in the Seimas of the Republic of Lithuania on strategic guidelines for the foreign, security and defence policy of the Republic of Lithuania for 2014–2020. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www3.lrs.lt/pls/inter/w5_show?p_r=4028&p_d=146140&p_k=2 (дата обращения: 21.11.2012)

партнерства» между Евросоюзом и Еврасоюзом необходимо выбирать, Россия при этом называлась государством, «неспособным брать на себя и в соблюдать обязательства в рамках договорных отношений с ЕС»⁸²⁹.

В этом отношении вряд ли следует считать приближенными к реальности надежды на то, что страны Прибалтики в отношениях Россия-ЕС способны стать «мостом»⁸³⁰. Наблюдается больше заинтересованности в поддержании конфликтности между Россией и Евросоюзом⁸³¹. Особенно рельефно это проявляется в рамках украинских событий, последовавших за провалом Вильнюсского саммита программы «Восточное партнерство» в ноябре 2013 г. «Драматические события» на Вильнюсском саммите стали тем «детонатором», который «поставил крест на «Восточном партнерстве», считает Ю.А. Борко⁸³². Усилия Литвы были в ЕС замечены: «Литва доказала, что небольшое и периферийное государство может формировать повестку дня ЕС»⁸³³.

Латвия и Эстония движутся аналогичным курсом, стремясь играть активную роль в вопросах выработки сценариев развития постсоветского пространства. Основные интересы Латвии в регионе «Восточного партнерства», отраженные в политических документах и заявлениях элит, заключаются не только в содействии торговле и инвестициям, но и в

⁸²⁹ *Касчюнас Л.* (под ред.), Вильпишаускас Р., Алишаускас Р., Дамбраускайте Ж., Синица В., Левченко И., Кирилэ В. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». Вильнюс: Центр Восточноевропейских исследований, 2012. С. 58.

⁸³⁰ *Карабешкин Л.В.* Россия и Прибалтика. Трудный путь от «любви» к дружбе // Международные процессы. 2004. Т. 2 № 1 (4). С. 85 – 91.

⁸³¹ «Страны Прибалтики – это троянские кони или, с поправкой на их размеры, троянские пони американцев в Европе. Они стоят на стороне американцев в их игре по ослаблению Старого Света». Подробнее см.: *Носович А.* Троянские пони: Прибалтика играет на ослабление Европы / Rubaltic.Ru. 19.06.2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/19062017-troyanskije-poni-ribaltika-igraet-na-oslablenie-evropy/> (дата обращения: 19.11.2018)

⁸³² *Борко Ю.А.* Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // Современная Европа. 2015. № 3 (63). С. 7-16.

⁸³³ *Raik K.* Lithuania's Presidency Gamble: The Activeness of Vilnius is Pushing the EU's Eastern Partnership Forward // FIIA Commnet. Finnish Institute of International Affairs. 2013. No. 14. P. 2.

«демократизации» бывших советских республик, поощрении их стремления вступить в Европейский союз и НАТО. Членство в Европейском союзе и НАТО, сотрудничество с США⁸³⁴ маркируются в качестве фундаментальных оснований политической системы республики. Так, в «Руководящих принципах внешней политики Латвии (2006-2010 гг.)» присоединение Латвии к ЕС и НАТО именуется «достижением основных целей в стране с точки зрения институционального членства». Указывается, что Латвия получила беспрецедентную безопасность – больше, чем когда-либо в истории страны⁸³⁵. В вопросе продвижения «Восточного партнерства» Латвия заявляет о приверженности идее максимального сближения фокусных государств с ЕС, и в то же время предлагает себя на роль одного из флагманов продвижения евроинтеграционной повестки в Центрально-Азиатском регионе, отмечая «привлекательность его природных ресурсов»⁸³⁶.

Показательна инициатива Латвии по реформированию программы «Восточное партнерство», озвученная за год до председательства страны в Европейском союзе. Рига предложила сделать США ключевым участником восточной политики Евросоюза, и превратить «Восточное партнерство» в «Евро-Атлантическое Восточное партнерство», обещая фокусным странам перспективу полноценного членства в ЕС⁸³⁷. Подобная инициатива Латвии

⁸³⁴ Даже озвученная элитами Латвии в начале 1990-х гг. (например, главой МИД В. Биркавсом) концепция Латвии и вообще стран Прибалтики как «янтарных ворот» деловой активности с участием России в данном регионе была обусловлена определяющей ролью США. Подробнее см.: *Birkavs V. Concluding remarks at the conference «Security and Prosperity in the Baltic Region», Riga, 17 November, 1997 / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia.*

⁸³⁵ МИД Латвии. «Руководящие принципы внешней политики Латвии 2006-2010». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.am.gov.lv/en/policy/guidelines/> (дата обращения: 10.05.2014)

⁸³⁶ *Annual Report by the Minister of Foreign Affairs on activities performed and planned in national foreign policy and European Union matters. 2013-2014.* [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.am.gov.lv/data/21012014_arlietu%20ministra%20zinojums-en.pdf (дата обращения: 12.06.2014)

⁸³⁷ МИД Латвии. Foreign Minister Rinkēvičs urges to transform Eastern Partnership into Euro-Atlantic Eastern Partnership. 23.03.2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.mfa.gov.lv/en/news/press-releases/2014/march/23-1/> (дата обращения: 12.06.2014)

претендует на то, чтобы установить такую модель отношений, при которой Евросоюз в качестве игрока на постсоветском пространстве будет ослаблен при одновременном усилении США. При этом роль «миссионеров», нацеленных на выполнение работы по реконфигурации постсоветского пространства, отводится прибалтийским странам. Эксперты из Российской ассоциации политической науки считают, что сценарий присоединения США к формату «Восточного партнерства» в качестве ключевого участника резко повышает конфликтогенный потенциал этой программы⁸³⁸. Л.Н. Шишелина подчеркивает, что «Восточное партнерство» превратилось в провокатора глубокого политического кризиса после Второй мировой войны: «Вместо новой формулы отношений в этом регионе сложился комплекс непреодолимых противоречий, сплетённый из национальных гордынь, исторической непримиримости и нетерпимости, который был обильно сдобрен подстрекательством внешних наблюдателей»⁸³⁹.

Если ранее идея «моста» выдвигалась применительно к посреднической роли стран Прибалтики между Западом и Россией, то на Рижском саммите «Восточного партнерства» премьер-министр Латвии Л. Страуюма в мае 2015 г. ту же формулировку применила к странам «Восточного партнерства»: «После Вильнюсского саммита был достигнут значительный прогресс в сотрудничестве. Сегодня, 22 мая 2015 года, на закрытии Рижского саммита все мы - ЕС и страны «Восточного партнерства» - имеем новую возможность создать условия для лучшей жизни наших граждан. Мы создали совместный мост, который способствует взаимопониманию, объединяет людей и способствует росту»⁸⁴⁰. И. Бруге

⁸³⁸ Пономарева Е.Г., Шишелина Л.Н. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией / Аналитический доклад (под ред. Гаман-Голутвиной О.). М.: Российская ассоциация политической науки, 2014. 92 с.

⁸³⁹ Шишелина Л.Н. Вишеградская четвёрка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 138 с.

⁸⁴⁰ Prime Minister: Riga summit confirmed EU's stable and irreversible relations with Eastern Partnership countries. 27.08.2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.mfa.gov.lv/en/policy/eastern-partnership/outcomes-of-eastern-partnership-riga-summit> (дата обращения: 12.06.2017)

отмечает, что ответственность Латвии и всех стран в формате NB8 – быть уверенными в том, что «Восточное партнерство» остается не только в числе собственных приоритетов, но и приоритетов ЕС⁸⁴¹. По оценкам Ю.А. Борко, Рижский саммит сумел придать «Восточному партнерству» новый и, как оказалось, успешный старт: «С марта 2014 г. ВП действует в условиях конфронтации между Россией и ЕС (и Западом в целом), равной по своей напряжённости худшим временам холодной войны. Начало ВП было трудным, но действия России в Крыму и Донбассе в марте 2014 г. дали импульс его развитию»⁸⁴².

Согласно принятой Рийгикогу (Парламентом) Эстонии в 2017 г. Концепции национальной безопасности Эстонии, Россия определяет свои интересы, исходящие из восстановления ее статуса как глобальной державы, и не воздерживается от резкой оппозиции с Западом и евроатлантической системой коллективной безопасности. В Концепции говорится, что «помимо политических, дипломатических, информационных и экономических средств, Россия использовала военную мощь для достижения своих целей, укрепила свои вооруженные силы и увеличила свое военное присутствие на границах государств-членов НАТО, в том числе в регионе Балтийского моря и на границе Эстонии... Эстония высоко ценит партнерские отношения ЕС и НАТО с третьими странами, продвигает политику соседства Европейского союза и хочет, чтобы она превратилась в эффективный инструмент сближения целевых государств политики соседства с Союзом»⁸⁴³.

Эстония долгое время была единственной из прибалтийских республик, кто в полном объеме выделяет средства на оборону по

⁸⁴¹ *Bruge I. The Eastern Partnership – Still a Priority for Latvia //The Latvian Foreign and Security Policy Yearbook 2018 / Eds. Spruds A., Bruge I. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2018. P. 148-162.*

⁸⁴² *Борко Ю.А. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее / Доклады Института Европы РАН, № 355, М., 2018 - 70 с.*

⁸⁴³ *National Security Concept of the Republic of Estonia (2017). [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.riigikantselei.ee/sites/default/files/content-editors/Failed/national_security_concept_2017.pdf (дата обращения: 02.11.2018)*

стандартам НАТО (2% от ВВП). Укрепление проевропейских настроений Грузии, Молдавии и Украины значится среди внешнеполитических приоритетов Эстонии с 2005 г., к этому списку добавились Азербайджан, Армения и Белоруссия в 2010 г. В 2017 г. Эстония завершила «трио» прибалтийских председательств в Евросоюзе: «Началось все запомнившимся своими катастрофическими последствиями саммитом Восточного партнерства во время председательства Литвы второй половины 2013 года и достаточно нейтральным на этом фоне председательством Риги в первой половине 2015 года. Поэтому с точки зрения исторического отрезка, объединившего три председательства прибалтийских государств, можно говорить почти об исторической эпохе, связанной с переменами на международной арене, квалифицируемыми в категориях нарастающего противостояния и не всегда поступательного поиска выхода из создавшегося положения»⁸⁴⁴.

Саммит «Восточного партнерства» прошел не в Таллине, а в Брюсселе – эстонские лоббистские возможности уступают латвийским и литовским. Хотя амбиции имеются: там все еще сожалеют, что так и не смогли «открыть Европе глаза» на грузинские события 2008 г.⁸⁴⁵ - эстонский политолог А. Казекамп полагает, что они стали своего рода «парадигмальным сдвигом» для эстонцев, однако не произвели такого же впечатления на еврограндов, которые попытки прибалтов укрепить

⁸⁴⁴ Шишелина Л.Н., Иванова В.А. Эстонское председательство в Совете ЕС: ожидания и итоги // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2 (2). С. 24-28.

⁸⁴⁵ Еще более агрессивную позицию прибалтийские республики заняли во время украинского кризиса, с настойчивостью провокаторов подталкивая лидеров ЕС к максимальному ухудшению отношений с Россией, а НАТО – к «адекватному ответу». Кроме того, как отмечает Р.Х. Симонян, элиты стран Прибалтики используют кризис на Украине «для дискредитации этнических меньшинств, прежде всего русских, для сведения политических счетов с оппонентами, которых теперь можно с еще большим общественным резонансом обвинить в связях с Россией, и как повод для усиления власти спецслужб». Подробнее см.: *Симонян Р.Х.* Страны Балтии и Россия в контексте украинского кризиса // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 9. С. 61-68.

поддержку Грузии расценили как поощрение безрассудства⁸⁴⁶. Он, однако, считает, что дальнейшая работа с фокусными государствами «Восточного партнерства» должна быть продолжена, с этой целью в Таллине с 2011 г. под эгидой Эстонской дипломатической школы и при поддержке МИД действует Центр Восточного партнерства, занимающийся обучением чиновников и дипломатов из целевых стран бывшего СССР⁸⁴⁷.

Г. Пасторе отмечает, что постепенно Латвии, Литве и Эстонии придется отказаться от прежней довольно наивной модели поведения (когда, например, блокировались отдельные решения в рамках ЕС, как это сделала Литва в 2008 г., заморозив переговоры Россия-ЕС по новому Соглашению о партнерстве и сотрудничестве) и перейти к более убедительной и гибкой стратегии кооперативного поведения, предполагающего компромисс. Она считает, что в европейской политике соседства страны Прибалтики успешны лишь «отчасти»: им пришлось прекратить продвигать просто идею «европейской перспективы» (присоединения к Евросоюзу) для фокусных стран «Восточного партнерства», сосредоточившись вместо этого на политике «малых шагов». Сам факт того, что «Восточное партнерство» вообще остается на повестке ЕС, она считает успехом⁸⁴⁸.

Элиты стран Прибалтики, как и многих иных малых стран, мобильны, они способны к оперативной концентрации сил и средств на одном или нескольких ключевых направлениях. Это позволяет им, используя качели «двойной лояльности», играть на внешнеполитической конъюнктуре.

⁸⁴⁶ В 2009 г. конфликт между Грузией и Южной Осетией они истолковали как «российскую агрессию», оказывали всяческую поддержку режиму М.Саакашвили – спустя всего несколько лет грузинский президент был обвинен в серии уголовных преступлений, репрессиях, финансовых махинациях, но властные круги прибалтийских республик предпочли этого не заметить.

⁸⁴⁷ *Kasekamp A.* Estonia: Eager to Set an Example in Europe / The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization (eds. Baun M., Marek D). London: Routledge, 2013.

⁸⁴⁸ *Pastore G.* Small New Member States in the EU Foreign Policy: Toward ‘Small State Smart Strategy’? // *Baltic Journal of Political Science*. December 2013, No. 2. P. 67-84.

Причем не просто «питаться» от нее, а стараться действовать зачастую на опережение, подчас сознательно добиваясь формирования «конфликтных узлов» в отношениях между крупными игроками. В случае государств, не обремененных ответственностью за глобальную стабильность, черта между быстрым реагированием на изменения на мировой сцене и внешнеполитической авантюрой, провокацией становится условностью, которой можно пренебречь. Поспешность их действий на международной арене⁸⁴⁹ и заявлений (зачастую arrogantных и оперирующих упрощенными идеологизированными клише) указывает на то, сколь искривленно может восприниматься дипломатия как ресурс, что в свою очередь свидетельствует о посредственном качестве политических элит⁸⁵⁰ этих окраинных государств, переживающих колоссальный демографический кризис⁸⁵¹, который влияет и на политическую повестку в этих странах.

В этом отношении вряд ли будет преувеличением тезис о том, что ресурсом стран Прибалтики является не просто дипломатия – в роли «ресурса» для них предстает Россия, интерпретируемая как «агрессивный и непредсказуемый сосед», который несет «угрозу с Востока». Специфика подхода элит Латвии, Литвы и Эстонии к отношениям с Россией более подробно рассматривается в следующем параграфе.

⁸⁴⁹ Как это было, например, при поспешной поддержке плана США по нанесению удара по Сирии в сентябре 2013 г.

⁸⁵⁰ Справедливо замечание М. Кавешникова: «Системная проблема, которую малые страны создают для мирового порядка, связана с разрывом между, с одной стороны, возросшими возможностями малых стран, и, с другой стороны, характерным для многих малых стран отсутствием стратегического видения и ответственности, потребительскими настроениями». Диагностируя провинциализм как «состояние ума» правящих элит ряда малых стран, он говорит о том, что политики Польши и стран Прибалтики, осознавая ограниченность своего влияния в ЕС, используют легкий способ увеличения собственной значимости – рисуя отношения РФ-ЕС как постоянную эскалацию противостояния, они претендуют на статус первой «линии обороны» от «зла с Востока». Подробнее см.: *Кавешников Н.Ю.* Малые и вредные? // *Международные процессы.* 2008. Т. 6. № 3 (18). С. 84-92.

⁸⁵¹ Прогноз Европейской комиссии указывает, что к 2060 г. численность населения Латвии уменьшится с 2 до 1,4 млн, Литвы – с 3 до 1,8 млн, Эстонии – с 1,3 до 1,1 млн чел. Подробнее см.: *The 2015 Ageing Report : Economic and Budgetary Projections for the 28 EU Member States (2013–2060) / European Economy.* No. 3. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.

5.4. Подход элит Латвии, Литвы и Эстонии к отношениям с Россией

Оценивая роль малых стран в международных делах, оптимисты верят, что малые страны лучше предрасположены к демократическим формам правления и менее агрессивны⁸⁵², пессимисты же подчеркивают: значительное количество малых государств в долгосрочной перспективе могут оказаться несостоятельными с точки зрения экономики и оборонного потенциала. Звучат предложения заменить понятие «малая страна» на «современное защищенное государство», которое отдает часть своего суверенитета более крупным игрокам в обмен на «благосклонную защиту» в военно-политической и экономической сферах⁸⁵³.

Как было отмечено выше, малые страны, обладающие геополитическим положением, имеющим особое значение для крупной державы, как правило, стремятся к заключению с ней союзнических отношений⁸⁵⁴. В подобных альянсах малые страны чаще всего нацелены на следование в фарватере политики лидера⁸⁵⁵. Если малое государство имеет стратегическое значение для двух и более крупных государств или интеграционных союзов, это создает предпосылки для балансирования. Ряд исследователей отмечают склонность малых стран приспособливаться к существующему международному порядку. Так, малые политии нередко

⁸⁵² Colomer J. *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State.* London : Routledge, 2007.

⁸⁵³ Dumiencki Z. *Microstates as Modern Protected States: Towards a New Definition of Micro-Statehood.* Gimli : University of Iceland, 2014. Данные подходы резонируют с идеей в неоконсервативных кругах США «благосклонного гегемона» (benign hegemon). Подробнее см.: Kagan R. *Superpowers Don't Get to Retire* // *New Republic*. 2014. May 26. В свою очередь Т.А. Шаклеина отмечает, что «После окончания эпохи биполярного порядка неоднократно поднимался вопрос о том, что же такое Соединенные Штаты для остального мира: империя, одна из ведущих мировых держав, лидер, гегемон?». Подробнее см.: Шаклеина Т.А. *Лидерство и современный мировой порядок* // *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 4 (43). С. 6-19.

⁸⁵⁴ Mares D.R. *Middle Powers under Regional Hegemony: To Challenge or Acquiesce in Hegemonic Enforcement* // *International Studies Quarterly*. 1988. Vol. 32, No. 4. P. 456.

⁸⁵⁵ Posen B. *ESDP and the Structure of World Power* // *International Spectator*. 2004. Vol. 39, No. 1. P. 7.

занимают оборонительную позицию, стремясь к интернационализации рисков – то есть разделить их с более крупными государствами и блоками⁸⁵⁶. Одна из главных их задач - расширение пространства внешнеполитического маневра. Малые государства предпочитают ориентироваться на участие в международных институтах и форматах многостороннего взаимодействия. При этом зачастую апеллируют к моральным и нормативным основаниям мировой политики, т.к. это позволяет им усилить эффект от использования доступного ресурса политического влияния. Наконец, часто акцентируется превалирующее стремление малых стран к компромиссам в международных делах.

В мировой политике существует большое количество примеров, подтверждающих указанные особенности внешнеполитической ориентации малых государств. Однако есть и случаи, когда малые страны «пытаются трансформировать во внешнеполитический ресурс имеющийся в отношениях с соседями конфликтный потенциал»⁸⁵⁷. Заслуживает внимания гипотеза, выдвинутая Т. Свейсом на основе исторического анализа международных отношений о том, что малые государства способствуют расшатыванию международного порядка в условиях снижения его стабильности, а именно – уменьшения жесткости связей внутри альянсов и возрастания нестабильности их внутренней иерархии. Т. Свейс обосновывает свой тезис на сравнении периодов многополярности в 1815–1914 гг. и биполярности в 1945–1989 гг.⁸⁵⁸ В этой связи проанализируем внешнеполитический подход властных групп стран Прибалтики к диалогу с Россией как крупнейшим соседом, обладающим существенным

⁸⁵⁶ *Duval R.* Reconsidering the Aggregate Relationship between Size, Economic Development, and Some Types of Foreign Policy Behavior / R. Duval, W. Thompson // *American Journal of Political Science*. 1980. Vol. 24, No. 3. P. 511–525; *Hoffman S.* The State of War: Essays on the Theory and Practice of International Politics. New York : Praeger, 1965. P. 138.

⁸⁵⁷ *Кавешников Н.Ю.* Указ. соч. С. 84–92; *Кудряшова И.В.* Указ. соч. С. 78–83.

⁸⁵⁸ *Sweijts T.* The Role of Small Powers in the Outbreak of Great Power War. Gimli : University of Iceland, 2010.

политическим, экономическим значением, а также ключевой ролью в сфере безопасности.

Определим **внешнеполитический подход элит** как устойчивую последовательность установок и действий властных групп, определяющих внешнюю политику государства⁸⁵⁹. Основные доступные подходы отражены в классификации⁸⁶⁰:

ставка на *самодостаточность* и приспособление к поведению крупных государств (как правило, это возможно применительно к малым политиям, обладающим существенными внутренними ресурсами и находящимся на периферии внимания крупных государств);

активное *маневрирование*, торг и согласование своей позиции с крупными державами по мере необходимости с целью получения необходимых ресурсов;

интеграция с другими странами на определенных условиях (федерация, конфедерация, военные и экономические союзы и пр.).

Опираясь на концепцию конфликтной и кооперативной дипломатии, обратим внимание на вариативность степени конфликтности внешнеполитического курса малого государства. Внешняя политика - сочетание компонентов конфликта и кооперации (давления и убеждения), вопрос заключается в преобладании одного или второго. Как подчеркивает А.Д. Богатуров, ряд малых стран, в т.ч. на постсоветском пространстве, «живут не столько в системе мировых политических координат, сколько вдоль оси отношений Россия–Запад, плотно к этой оси припав и от нее

⁸⁵⁹ Обзор основных внешнеполитических подходов малых стран подробнее см.: *Toje A. The European Union as a Small Power // Journal of Common Market Studies. 2011. Vol. 49, No. 1. P. 43–60.*

⁸⁶⁰ Эта классификация соответствует классическим подходам Р. Даля и Н. Амстрапа, разработанным на основе исторического анализа в послевоенный период с учетом современных тенденций, в частности, развития НАТО. Подробнее см.: *Dahl R. Size and Democracy / R. Dahl, E. Tufte. Stanford: Stanford University Press, 1973. P. 130–132; Amstrup, N. Op. cit.*

питаясь – идеологически, политически и экономико-финансово»⁸⁶¹. Н.Ю. Кавешников утверждает, что обостренная реакция на реальные и мнимые угрозы свойственна малым странам с многоэтническим составом населения. В данном случае так называемая «креативная дипломатия» уступает место попыткам «эскалации противостояния» крупных держав для привлечения внимания к малому государству⁸⁶². Государства Прибалтики являются примером того, как элиты малых стран нередко работают во внешней политике на опережение, используя конфликт между более крупными игроками в своих интересах. В данном случае речь идет не столько об интернационализации рисков, сколько о попытке превратить эти риски в ресурсы, о стремлении «торговать» рисками и угрозами – назовем это «конфронтационный подход».

Определим **конфронтационный подход** как устойчивую последовательность внешнеполитических действий элит, направленную на инструментальное использование малой страной противоречий в отношениях с другими странами (прежде всего, со «страной-угрозой»⁸⁶³) с целью конвертации рисков в ресурсы для решения властными группами своих задач. Отличие от интернационализации рисков заключается в том, что акцентировка противоречий и угроз, исходящих от другой страны или группы стран, позволяет извлекать конкретные выгоды из конфликтной ситуации за счет привлечения внимания, ресурсов крупных государств.

⁸⁶¹ Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект-пресс, 2017.

⁸⁶² Кавешников Н.Ю. Указ. соч. С. 84–92; Кудряшова И.В. Указ. соч. С. 78–83.

⁸⁶³ Обновленные в сфере безопасности доктринальные документы приняты в странах Прибалтики сравнительно недавно: Концепция национальной безопасности Латвии – в 2015 г., Концепция национальной безопасности Эстонии – в 2017 г., Стратегия национальной безопасности Литвы – в 2018 г. Каждый из них в качестве главной угрозы называет Россию, ее военные возможности, «вмешательство в дела других государств» и т.д. Н.П. Грибин отмечает, что содержательно основные документы в сфере безопасности в странах Прибалтики, по сути, повторяют установки США, не без иронии он сравнивает элиты прибалтийских стран со «школярами», которые «усердно копируют» установки «старших товарищей» по НАТО. Подробнее см.: Грибин Н.П., Якутова У.В. Особенности формирования системы национальной безопасности малых прибалтийских государств // Власть. 2018. № 8. С.265-274.

Конфронтационный подход не исключает консервацию, а в некоторых случаях и эскалацию напряженности. Тогда как интернационализация представляет собой привлечение ресурсов других стран для снижения непосредственных рисков, а не попытку конвертировать сами риски в ресурсы.

Выделим основные критерии конфронтационного подхода:

(1) *бескомпромиссность*: акцентирование противоречий и несогласие с международными переговорными форматами и/или коалициями, включающими «страну-угрозу»;

(2) *секьюритизация*: стремление к отключению от инфраструктуры, связывающей со «страной-угрозой», подчинение экономики политическим императивам под предлогом купирования угроз безопасности;

(3) *манифестация*: конфронтационная символическая политика;

(4) *институционализация*: формализация структур, нацеленных на формулирование претензий к «стране-угрозе».

Рассмотрим отношения стран Прибалтики с Россией: соответствуют ли они критериям конфронтационного подхода или интернационализации?

Каждая из стран Прибалтики обладает особой внутренней ситуацией и историей взаимодействия с Россией. Отношения между странами Прибалтики и Россией за последние десятилетия переживали различные периоды относительной нормализации и обострений, не всегда синхронно. Вместе с тем, стратегическая направленность, «стержень» внешнеполитического курса элит трех стран не претерпел кардинальных изменений и, по сути, един для этих государств с начала 1990-х гг.

Начнем с анализа соответствия критерию бескомпромиссности. Во внутренней политике Прибалтийских государств проводится курс на сдерживание сотрудничества с Россией как в политической, так и экономической сферах⁸⁶⁴. Если еще 15-20 лет назад обсуждалась идея

⁸⁶⁴ В потоке подобных действий можно выделить такие «яркие» маневры элит прибалтийских государств как, например, кампания по криминализации «отрицания

превращения прибалтийских государств в «мост» между Европой и Россией⁸⁶⁵, то к настоящему времени идея отошла на периферию⁸⁶⁶, хотя Северные страны идею «моста» (но глобального – в масштабах Трансатлантики) не оставляют⁸⁶⁷. Отметим, что падение российского транзита через прибалтийские порты – результат, но не причина подобного подхода⁸⁶⁸. Концепция «транзитного моста» фактически была свернута политическими элитами государств Прибалтики⁸⁶⁹. Говоря о системных попытках прибалтийских государств использовать в дискуссиях внутри ЕС «геополитические» аргументы против сближения с Россией, можно привести не только случай блокировки Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией⁸⁷⁰, но и пример программы «Восточное партнерство», наиболее активными сторонниками которой, помимо Польши и Швеции, стали страны Прибалтики.

советской оккупации» на фоне преследования борцов с фашизмом, а также муссирование на официальном уровне темы возмещения Россией «ущерба от советской оккупации». Основной тон стремились задавать элиты Литвы, ее премьер А. Кубилюс в 2007 г. выступил со «Стратегией сдерживания России» (документ обновлен в 2015 г.).

⁸⁶⁵ Президент В. Адамкус в своей инаугурационной речи в 2004 г. говорил о миссии Литвы стать региональным центром притяжения и «соединить Восток и Запад». Подробнее см.: *Inaugural address to the nation* by H. E. MR. Valdas Adamkus, President of the Republic of Lithuania, 12.07.2004. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://archyvas.lrp.lt/en/news.full/5116> (дата обращения: 14.05.2017)

⁸⁶⁶ Скачков А.С. Почему не состоялся прибалтийский «мост» между Россией и Евросоюзом? // *Международная жизнь*. 2015. № 10. С. 111–125.

⁸⁶⁷ *New Nordics. Modern Bridge-Builders* / Ed. Penttila R. Helsinki: Nordic West Office, 2018.

⁸⁶⁸ *Межевич Н.М.* Цена сожженных мостов // *Литовский курьер*. 2015. 15 июля.

⁸⁶⁹ *Rinkevics E.*: Baltic states no longer a bridge between east and west, says Latvia // *The Guardian*. 18.03.2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/18/baltic-states-no-longer-a-bridge-between-east-and-west-says-latvia> (дата обращения: 14.05.2019); *Новый президент Эгилс Левитс: Латвия - не мост от России к Западу, она сама Запад* // *BBC News*, Рига. 30.05.2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-48451005> (дата обращения: 14.01.2020)

⁸⁷⁰ Вето на переговоры наложила Литва, пытавшаяся навязать Евросоюзу диалог с Россией через призму энергобезопасности Европы в связи со спорной ситуацией вокруг нефтепровода «Дружба». Вильнюс требовал гарантий от государств ЕС в вопросе возобновления поставок российской нефти. Кроме того, в адрес России выдвинули требование об оплате ущерба депортированным из «оккупированных» стран Прибалтики, был сформулирован ряд иных претензий, связанных с «европейскими ценностями, с урегулированием замороженных конфликтов».

Как отмечено выше, в ходе председательства Литвы в ЕС в 2013 г. дискуссии вокруг «Восточного партнерства» приобрели открыто конфронтационный характер. Кульминацией стал саммит в Вильнюсе в ноябре 2013 г., который позиционировался как момент «цивилизационного выбора» Украины. Предложение украинской стороны о начале диалога Украина-ЕС-Россия в 2013 г. вызвало активный протест МИД Литвы. Подобные действия не вписываются в логику интернационализации рисков, которой, напротив, соответствует расширение состава переговорщиков по проблемным и тем более потенциально конфликтным темам с тем, чтобы снизить степень непредсказуемости ситуации и избежать непредвиденных инцидентов. Вместо этого, по мере развития украинского кризиса страны Прибалтики взяли на себя роль «публичных обвинителей» России, подчас исходя в отношении Москвы из принципа *culpa innata*. Среди иных примеров – консолидированная позиция по вопросу санкций против России и по отказу в 2015 г. присоединиться к международной антитеррористической коалиции против ИГИЛ (запрещенная в России организация) в случае, если в нее будет включена Россия и т.д. Руководством стран Прибалтики проводится курс на активную и «опережающую» поддержку антироссийских санкций. Так, накануне встреч лидеров стран ЕС главы правительств Латвии, Литвы и Эстонии не раз выступали с консолидированным мнением продлить действие ограничительных мер против России. При этом прибалтийские страны несли существенные (в масштабах их национальных экономик) потери от последствий санкций ЕС и контрмер России в плане внешней торговли. Экспорт этих стран в Россию демонстрировал самое большое падение среди стран ЕС. Так, российский экспорт Эстонии, составлявший в 2013 г. почти 40 % всего экспорта страны за пределы ЕС, упал по итогам 2015 г. на 12,7 %. В Латвии падение составило 10,7 %, в Литве – 9,1 %. При этом средний показатель по ЕС – 2,8 %⁸⁷¹. Падение экспорта связано, в первую очередь, с

⁸⁷¹ *The New Deterrent? International Sanctions Against Russia over the Ukraine Crisis.*

российским эмбарго на поставки продукции агропромышленного сектора из ЕС.

Анализ подходов стран Прибалтики к различным переговорным форматам и коалициям не будет полным без акцента на евроатлантических отношениях. На первый взгляд, страны Прибалтики выбрали в качестве базовой классическую модель поведения малых стран – присоединение к военно-политическому и экономическому союзу крупных государств. При этом, если Брюссель являлся для Прибалтики центром экономического притяжения, то Вашингтон стал основным военно-политическим «опекуном». Данное обстоятельство обусловило применение политическим руководством Латвии, Литвы и Эстонии активного маневрирования между этими двумя центрами притяжения.

Далее проанализируем критерий секьюритизации⁸⁷². В данном случае следует отметить ряд инфраструктурных проектов, наиболее существенным, из которых является строительство железной дороги «Rail Baltic» (проект направлен на интегрирование стран Прибалтики в европейскую железнодорожную сеть, размер колеи которой отличается от российской - 1435 мм и 1520 мм соответственно) из Польши в страны Прибалтики. Больше половины из почти 6 млрд евро на проект, окупаемость которого ставится под вопрос большинством экспертов,

Programme for the Study of International Governance. Geneva : PSIG, 2016. 43 p.

⁸⁷² Можно отметить заявление президента Литвы Д. Грибаускайте в ноябре 2014 г., о том, что Россия - «террористическое государство», или заявление главы МИД Латвии Э.Ринкевича о России как о «Третьем рейхе» в апреле 2015 г. Элиты стран Прибалтики были среди пионеров такого тона в международном общении - в ноябре 2016 г. Европарламент по инициативе евродепутата от Польши А. Фотыги принял резолюцию, которая уравнивала СМИ России с пропагандой радикальных исламистских террористических группировок. В странах Прибалтики практически всё, связанное с Россией, рассматривается через призму секьюритизации, следуют запреты «в целях безопасности»: от железнодорожных вагонов до ансамбля им. Александра, от «Яндекс-Такси» до «Лаборатории Касперского», от блокирования трансляции российских телеканалов до запрета на транзитный пролет самолету с одним из российских вице-премьеров на борту.

планируется обеспечить за счет еврофондов⁸⁷³. Если экономическая целесообразность проекта не очевидна даже на этапе планирования, то военное значение – очевидно, учитывая необходимость обеспечения возможности переброски военных частей НАТО в условиях наращивания его присутствия в прибалтийском регионе⁸⁷⁴.

Несмотря на то, что объемы транзита из России существенно снизились по сравнению с началом 1990-х гг., железнодорожная отрасль продолжает оставаться предметом особого внимания политических элит. Так, в августе 2015 г. был арестован и отстранен от должности глава «Латвийской железной дороги» У. Магонис по подозрению в получении взятки. Он заявлял об экономической нецелесообразности проекта железной дороги «Rail Baltica». В результате против У. Магониса была начата кампания в СМИ, обвиняющая его в «порочащих связях» с Россией.

В инфраструктурной сфере (не только транспорт, но и газ, в целом энергетика⁸⁷⁵) позиции элит Латвии, Литвы и Эстонии в отношениях между собой могут конкурировать. Но стратегической линией является нацеленность на отключение от единой с Россией инфраструктуры или предотвращение ее развития⁸⁷⁶, на ликвидацию «островного» положения

⁸⁷³ *Межевич Н. М.* Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 7–18.

⁸⁷⁴ *Nikers O.* Baltics to Build Stronger Logistics Within the EU and NATO // Eurasia Daily Monitor. Jamestown Foundation. 2016. Vol. 13. No. 168.

⁸⁷⁵ «Военные угрозы» со стороны России увязываются западными экспертами с проблемами энергетической независимости и с форсированной интеграцией стран Прибалтики в энергосистему скандинавских, что само по себе уже составляет противоречие. См., например: *Smith K.* Bringing Nordic Energy Security to the Baltic States // *Advancing U.S.-Nordic-Baltic Security Cooperation : Adapting Partnership to a New Security Environment* / eds. D. S. Hamilton, A. Simonyi, D. S. Cagan. Washington : Center for Transatlantic Relations, 2014. P. 125. Американские исследователи рассматривают военную безопасность стран Прибалтики в связке с налаживанием поставок сжиженного природного газа, мотивируя это «влиянием безопасности поставок энергоносителей на боеготовность». Подробнее см.: *Coffey L.* The Baltic States: Why the United States Must Strengthen Security Cooperation // *Backgrounder*. 2013. No. 28 (51).

⁸⁷⁶ Один из лидеров консерваторов, премьер-министр Литвы А. Кубилюс заявлял, что «Департамент госбезопасности Литвы оценивает переход Мажейкяйского НПЗ «Роснефти» как угрозу национальной безопасности республики» (*Краснов, М.* Только

стран Прибалтики в отношении энергосистемы ЕС⁸⁷⁷. Помимо строительства железной дороги «Rail Baltic», можно отметить заявленную цель по выходу из «энергокольца» Белоруссии, России, Эстонии, Латвии и Литвы (БРЭЛЛ), консолидированную позицию против строительства газопровода «Северный поток» и его расширения и т.д.

На сегодняшний день энергосистемы Белоруссии, России, Эстонии, Латвии и Литвы связаны и работают параллельно, хотя в странах Прибалтики при финансовой поддержке ЕС ведется строительство энергоисточников с Финляндией, Швецией и Польшей. Подключение Эстонии к североевропейскому рынку электроэнергии «Норд пул» (первая энергетическая смычка с Финляндией построена еще в 2006 г.) привела к скачку цен. По оценкам экспертов на основе эстонского опыта, дальнейшая интеграция стран Прибалтики в энергосистему Северной Европы может привести к двукратному повышению расходов на электроэнергию домохозяйств и промышленных предприятий Латвии и Эстонии⁸⁷⁸. Третий энергопакет ЕС, который фактически лишает государства–члены ЕС свободы самостоятельного выбора поставщиков энергии, усугубляет проблему. Таким образом, миллиардные инвестиции в развитие энергетики дают не снижение, а рост цен на электричество в Прибалтике, повышая себестоимость произведенной продукции, что ведет к падению экономической конкурентоспособности. В свете значительного предложения электроэнергии на скандинавском рынке в последние годы, проблема цен сейчас стоит менее остро, однако износ собственных объектов электрогенерации и непредсказуемая конъюнктура мировых рынков

не «Роснефть» : [Электронный ресурс] // Газета.ru : [сайт]. 2006. 30 марта. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/2006/03/30/oa_194073.shtml (дата обращения: 08.09.2016).

⁸⁷⁷ Grigas A. The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow / A. Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L.Zorgenfrenja. Berlin : Jacques Delors Institute, 2013. (Studies&Reports ; No. 98).

⁸⁷⁸ Межевич Н.М. Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010–2014 годов // Балтийский регион. 2014. № 1 (19). С. 7–28.

увеличивают риски. Экономическая целесообразность не исключает интеграцию энергосистем Прибалтики и Европы.

Однако курс на выход Латвии, Литвы и Эстонии из ЭК БРЭЛЛ не подчиняется экономической логике. Выход из БРЭЛЛ («BRELLxit») обосновывается преимущественно соображениями безопасности – утверждается, что такая зависимость от электросетевого комплекса России и Белоруссии является стратегической уязвимостью для стран Прибалтики, поскольку делает Латвию, Литву и Эстонию беззащитными от возможности «неконвенциональных» угроз («потенциально враждебное государство способно посеять хаос, парализовав множество секторов экономики»)⁸⁷⁹.

Особое значение в экономической и политической жизни стран Прибалтики имеет включенность в единую с Россией транспортную систему, созданную в советский период. Через порты Латвии, Литвы и Эстонии осуществлялась значительная часть советского и на первых этапах российского экспорта в Европу. Это стимулировало в первое десятилетие независимости дискуссии о развитии в прибалтийских странах «транзитной» экономики. Политическая напряженность в отношениях с Россией как главным импортером прибалтийских транспортных услуг привела к строительству новых портовых комплексов в Ленинградской области и трубопроводных систем. Это позволило осуществлять, в первую очередь, нефтяной экспорт в обход прибалтийских государств.

Доля транзита в экономиках стран Прибалтики и сегодня выше среднеевропейских показателей. По данным официальной статистики, в Литве в последние годы на долю транспорта в структуре ВВП приходится 10 – 12 %, тогда как средний показатель по ЕС – 7 %, в большинстве развитых экономик мира – 5 %⁸⁸⁰. Доля портов прибалтийских стран в объеме перевалки российских внешнеторговых грузов в регионе неуклонно

⁸⁷⁹ Tuohy, E., Bulakh, A. Tsarik, Yu. Desynch or Sink. A Political Analysis of Baltic Electricity Desynchronization. Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2017.

⁸⁸⁰ Григорьев Л. Страны Балтии: в поисках выхода из кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 4. С. 121–138.

сокращается. В 1992 г. она составляла почти 90 %, после 2013 г. – менее 20 %⁸⁸¹, и тенденция к сокращению сохраняется.

До последнего времени страны Прибалтики получали до 100 % нефти и газа из России. По прогнозам западных аналитиков, к 2030 г. потребности Латвии и Литвы в экспорте газа возрастут вдвое по сравнению с 2013 г. (до 2 и 4 млрд куб. м в год соответственно)⁸⁸². В 2015 г. в Клайпедском порту введен в эксплуатацию первый в Прибалтике терминал сжиженного природного газа (СПГ) мощностью до 4 млрд куб. м в год. Для приема СПГ Литва арендует танкер «Independence» за 68,9 млн долл. в год. Заключены контракты на поставку норвежского СПГ, его стоимость около 470–540 долл. за тыс. куб. м, что сильно превышает предложение «Газпрома»⁸⁸³. В результате правительство Литвы вынуждено было обязать внутренних поставщиков закупать более дорогой СПГ, что привело к росту цен для конечных потребителей. Компенсировать потери от проекта, названного президентом Литвы Д. Грибаускайте «достижением государства», Литва надеялась путем реэкспорта СПГ в Латвию и Эстонию. Этот вопрос оценивался в политических кругах как «проблема энергозависимости» от России. Однако с 2019 г. Таллину, а затем и Вильнюсу пришлось вернуться к закупкам газа у России через структуры «Новатэка».

Само по себе развитие инфраструктурной интеграции с ЕС подчиняется логике многосторонней политики и интернационализации рисков. Однако осуществляемый элитами стран Прибалтики курс на выход из общей с Россией инфраструктуры и протест против ее развития в регионе (в т.ч. и на российской территории – отказ Литвы участвовать в

⁸⁸¹ *Межевич Н.М.* Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам / Н. М. Межевич, А. В. Шадурский, А. М. Грозовский. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2013.

⁸⁸² *Honore A.* EU Requirement to Ensure Alternative Gas Supply from 3rd December 2014. Oxford : Oxford Institute of Energy Studies, 2014.

⁸⁸³ Точная цена закупок Литвой российского газа не опубликована, эксперты оценивали в ценовом диапазоне по состоянию на 2014 г. 370–430 долл. за 1 тыс. куб. м.

строительстве Балтийской АЭС в Калининградской области⁸⁸⁴, проект сейчас заморожен) приводит к тому, что модель интернационализации рисков больше тяготеет к конфликтному подходу. Так, согласие с проектом «Северный поток» позволило бы странам Прибалтики вместе с Германией (интернационализация рисков) стать бенефициарами данного проекта, выступив транзитерами. Совместное участие в строительстве Балтийской АЭС в Калининграде, учитывая литовский опыт в сфере атомной энергетики, позволило бы реализовать прибыльный проект по экспорту энергии в страны ЕС. Но в обоих случаях был избран конфликтный путь блокирования проектов⁸⁸⁵.

Далее рассмотрим критерий институционализации. С 1991 г. вплоть до вступления в ЕС и НАТО в 2004 г. основной целью политического руководства стран Прибалтики являлась интеграция в евроатлантическое пространство. С этой целью политические элиты в качестве ведущего идеологического ориентира провозгласили лозунг «возвращения в Европу». Элиты Латвии, Литвы и Эстонии пришли к власти на волне популярности общественных объединений (Народные фронты и «Саюдис») и националистических лозунгов. Данное обстоятельство заложило противоречия в основание их государственного строительства. Элиты политизировали этнический фактор для укрепления собственной власти, но были вынуждены искать поддержки и среди представителей нетитульных групп для победы на первых выборах. «Нулевой вариант», предполагающий

⁸⁸⁴ Прунскене К. Литва даже не обсуждала предложение России / Экспресс-неделя. 2011. № 25 (750). С. 8. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.nedelia.lt/express_nedelia/ekspres-anonsy/19947-ekspres-nedelya-25-2011.html (дата обращения: 29.03.2012)

⁸⁸⁵ Жалобы стран Прибалтики и Польши о том, что они оказываются лишены возможности принимать суверенные решения в отношении снабжения Европы трубопроводным газом, В.Б. Белов называет «абсурдным тезисом антироссийского лобби». Подробнее см.: Белов В.Б. Энергетические суверенитет и безопасность Евросоюза и России / Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка : (К 110-летию со дня рождения А. А. Громько) / Ин-т Европы Российской акад. наук, Ин-т «Справедливый Мир» ; под ред. Н. Б. Кондратьевой и А. К. Никитина. М. : ИЕ РАН : Ключ-С, 2019. С. 113-127.

предоставление гражданства всем жителям, был реализован лишь в Литве, где, впрочем, вопрос польского национального меньшинства по-прежнему вызывает напряженность. В Латвии возник институт «неграждан», в Эстонии – «безграждан», пораженных в экономических, политических и социальных правах. Универсальным ответом, позволившим «примирить» этнонационализм с демократией, стала доктрина континуитета досоветской государственности и дополненная криминализацией отрицания «советской оккупации» (в Латвии и Литве).

Фактор институционализации тесно переплетается с манифестацией конфронтации в символической политике. Политические элиты стран Прибалтики попытались инструментализировать близость российских границ, превратив этот факт в один из основополагающих аргументов при выстраивании внешнеполитической линии – как на восточном, так и на западном направлении. Присоединение Латвии, Литвы и Эстонии к ЕС и НАТО не привело к нормализации отношений с Россией. Во время движения к цели возвращения на Запад элиты Латвии, Литвы и Эстонии активно эксплуатировали тезис о «российской угрозе». Членство в НАТО не принесло полной защищенности⁸⁸⁶. Как само собой разумеющееся, подразумевается, что Россия все равно готовится к военному конфликту с НАТО. При этом признается, что «хотя потенциальный конфликт может не иметь никакого отношения к какому-либо балтийскому государству», Россия все равно может атаковать эту часть НАТО, потому что здесь «мягкое подбрюшье» Альянса⁸⁸⁷. И теперь, как утверждается, страны Прибалтики, вступившие в НАТО, рассматриваются соседней Россией как угроза ее жизненным интересам (особенно это касается Латвии и Эстонии с

⁸⁸⁶ «Хотя Эстония и работает над смягчением своей политической позиции по отношению к России, ее оборонительный настрой говорит о внутреннем оборонительном потенциале, основанном на почти параноидальном предчувствии неминуемого нападения России». Подробнее см.: *WikiLeaks: Избранные материалы* / Сост. В. Апанасик. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 14.

⁸⁸⁷ *Sakkov S. A view from the frontline: Estonian experience / The Alliance Five Years after Crimea: Implementing the Wales Summit Pledges* / Ed. by Ozawa M., Rome: NATO Defense College, 2019. P. 47-58.

их крупными русскоязычными общинами)⁸⁸⁸. США не стесняются подогревать эти настроения⁸⁸⁹. Страны Прибалтики оцениваются как «удобная точка» для военно-политической дестабилизации России⁸⁹⁰.

На фоне «перезагрузки» в российско-американских отношениях после прихода к власти администрации Б. Обамы отмечалось снижение остроты риторики прибалтийских государств, наблюдалось некоторое оживление контактов, однако принципиальных перемен не произошло.

В Стратегии национальной безопасности Литвы, принятой в 2012 г., как угроза обозначены «недемократические» межгосударственные объединения соседних стран. В Латвии и Эстонии неизменными остались институты «неграждан»/«безграждан», дискриминирующие значительную часть русскоязычного населения, что является естественным тормозом на пути развития отношений с Россией. В Латвии продолжила функционировать комиссия по подсчету ущерба от «советской оккупации». Во всех трех странах требования о компенсации за «оккупацию» в адрес России по-прежнему заявлялись официально. Эстония в 2015 г. заявила об отказе от требований компенсации за «оккупацию», однако никаких нормативных документов на этот счет принято не было, что, учитывая стремление Таллина завершить переговоры о границе с Россией на фоне предложений о запуске «Второго Нюрнберга» против России за «преступления коммунизма», не может быть воспринято как системное решение. И в 2019 г. вопрос вновь вернули на повестку дня – Эстония,

⁸⁸⁸ *Hyde-Price A.* A NATO and the Baltic Sea Region: Towards Regional Security Governance / NATO Research Fellowship Scheme 1998 – 2000, Final Report, 2002. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.nato.int/acad/fellow/98-00/hyde.pdf (дата обращения: 28.01.2020)

⁸⁸⁹ По словам посла США в Эстонии Дж. Левина, «теоретически любая страна, где существует русская диаспора, является страной риска». [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/novye-parametry-strategii-nato-v-pribaltike/> (дата обращения: 27.01.2020)

⁸⁹⁰ *Межевич Н.М.* Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности / Н. М. Межевич, Ю. М. Зверев. М. : Российский совет по международным делам, 2016. (Рабочая тетрадь ; № 35/2016).

опираясь на подсчеты комиссии при миносте, потребовала от России 1,2 млрд евро в качестве «компенсации».

Созданы институты символической политики в форме «музеев оккупации», набора соответствующих памятных дат (дни «оккупации», депортации, мемориализация «лесных братьев» и т.д.), ведутся «войны с памятниками» периода СССР и пр. Учреждение совместных с Россией комиссий по спорным историческим вопросам в период наметившегося снижения напряженности в отношениях во второй половине 2000-х гг. не привело к существенным переменам в символической политике – курс на приравнивание фашизма и коммунизма в странах Прибалтики, позиционирующих себя «жертвами двух тоталитаризмов» на общеевропейском уровне, не претерпел изменений⁸⁹¹. «Наиболее деструктивным является стремление этой группы стран стимулировать в восприятии европейцев увязку мрачных страниц недавней истории континента с современной Россией, которая якобы способствует «официальному прославлению Советского Союза и его тоталитарных лидеров». Так зафиксировано в совместном заявлении «балтийской тройки» по итогам состоявшейся 22-23 августа 2016 года в Братиславе министерской конференции по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов», - отмечает А.С. Скачков. По его оценкам, можно прогнозировать, что за неимением других опорных точек формирования национальной идентичности использование «воинствующей памяти», подогреваемой враждебными образами современной России, будет столь же востребовано в политической практике прибалтийских государств⁸⁹².

⁸⁹¹ *Межевич Н.М.* Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // Балтийский регион. 2015. № 2. С. 7–18.

⁸⁹² *Скачков А.С.* Россия и Прибалтика: причины кризиса // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 11-22.

Латвия, Литва и Эстония претендовали на нишу «экспертов по России» (подчас их мнением интересовались⁸⁹³, но случались и инициативные «выступления с мест»⁸⁹⁴) в ЕС и НАТО, одновременно апеллируя к политическим кругам на Западе, воспринимающим Прибалтику как «прифронтовую линию»⁸⁹⁵. Символический статус «прифронтового государства», «привратника» на восточных границах ЕС и НАТО позволяет повысить дипломатический вес Латвии, Литвы и Эстонии на Западе (элиты осознают, что нередко из-за своего радикального отношения к России воспринимаются как «паникёры»⁸⁹⁶) и затормозить вытеснение темы Прибалтики на периферию внимания «еврограндов» и Вашингтона⁸⁹⁷.

В качестве альтернативного объяснения нередко используется тезис о страхе малых прибалтийских стран⁸⁹⁸ перед Россией и их желании усилить

⁸⁹³ В основном такой привилегией пользовался президент Литвы В. Адамкус. «Я единственный из литовцев, который прослужил чиновником 27 лет для шести президентов США: от Никсона до Клинтона. И президенты всегда знали, что именно Адамкус думает о Литве, о ее оккупации, о свободе, о правах человека... Рейган, мой самый любимый президент, традиционно встречал меня в Белом доме, где я знаю каждый угол, словами «А, мистер Литва приехал!» Все знали, что я жил мыслями только о Литве». В. Адамкус, личное интервью. 17 ноября 2011 г., Вильнюс.

⁸⁹⁴ Как, например, письмо бывшего президента Латвии В. Вике-Фрейберги президенту США Д. Трампу в 2017 г. с призывом «Не строить иллюзий о России!». Подробнее см.: *Letter to President-elect Donald J. Trump from America's Allies* // *Washington Post*, 09.01.2017, [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/r/2010-2019/WashingtonPost/2017/01/10/EditorialOpinion/Graphics/Letter_to_Trump.pdf?tid=a_in (дата обращения: 11.02.2020)

⁸⁹⁵ «Прифронтовыми государствами» (frontline states) назвала страны Прибалтики помощник Госсекретаря США В. Нуланд, выступая в Институте Брукинга 27.01.2015 г. Подробнее см.: *Remarks by Victoria Nuland / U.S. Department of State*: [site]. 2015. January 20. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://translations.state.gov/st/english/texttrans/2015/01/20150127313219.html#ixzz3QfXccK Yj> (дата обращения: 05.08.2020).

⁸⁹⁶ *Jurkynas M.* Security concerns of the Baltic states in the twenty-first century / Small states and international security. Europe and beyond / eds. Archer C., Bailes A.J.K., Wivel A. Abingdon: Routledge, 2014. P.113–129; *Wrange J., Bengtsson R.* Internal and external perceptions of small state security: the case of Estonia // *European Security*. 2019, Vol. 28, No. 4. P. 449-472.

⁸⁹⁷ *ASV eksperts*: Baltijas valstu drošība nav Trampa prioritāte: [Электронный ресурс] // *Latvijasavize*: [сайт]. 2017. 3 марта. Режим доступа: <http://www.la.lv/asv-eksperts-baltijas-valstu-drosiba-nav-prioritate/> (дата обращения: 20.03.2017).

⁸⁹⁸ Н.С. Плевако отмечает: «С 1990-х гг. Швеция играет особую роль в восточно-балтийском регионе, являясь здесь наиболее влиятельным государством, в определённом смысле опекуном бывших советских прибалтийских республик. Политическое сознание

защиту благодаря содействию более влиятельных союзников. Но страны Прибалтики с 2004 г. имеют гарантии защиты со стороны НАТО, однако градус конфронтационной риторики в прибалтийских государствах не только не снизился после вступления в НАТО и ЕС, но и заметно возрос в последние годы⁸⁹⁹. Следовательно, использование риторического и символического ресурсов служит иной цели.

Скорее, прагматическое использование элитами этого «страха» как элемента внешнеполитического курса своих стран – такое объяснение востребованности и устойчивости конфронтационного подхода на российском направлении представляется вполне уместным. На первый взгляд, инструментальность таких действий вступает в противоречие с известным тезисом о том, что малые страны в основном ориентированы не на реализм, а на апелляцию к моральным идеалам, на следование ценностям в международных делах. Ценности тех властных групп, которые на протяжении последних десятилетий удерживают политическое доминирование в постсоветских Латвии, Литве и Эстонии, уже приобрели нормативный характер, найдя отражение в нормах права, получив институциональное обрамление. В этом смысле конфронтационный подход элит стран Прибалтики на российском направлении – образчик вполне реалистского подхода к ведению международных дел. Имеет он, безусловно, и внутривластное отражение.

Элиты Латвии, Литвы и Эстонии сталкиваются с проблемами при обеспечении легитимности политических режимов у себя дома. В основание

правлящих кругов этих республик поражено недугом страха и подозрений по отношению к своему восточному соседу. Им постоянно мнится угроза восстановления в той или иной форме Советского Союза, и они любые события на всём постсоветском пространстве, если в них прямо или косвенно вовлечена Россия, воспринимают как угрозу их суверенитету». Подробнее см.: Плевако Н.С. Проблемы шведского суверенитета / Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран/ Под ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН, издательство «Весь Мир», 2018. С. 79.

⁸⁹⁹ «Россия нас пыталась в контактах с Западом представить как *troublemakers*. Но нам удалось снять это с повестки дня. Как? Через резкое улучшение отношений с Германией». В. Затлерс, личное интервью, 26 октября 2012 г., Рига.

государственной идеи положена «внешняя угроза», олицетворяемая мифом о «советской оккупации». «Оккупационная доктрина» служит юридическим основанием для решения ряда практических внутренних проблем. Речь идет не только об обеспечении экономической функции (экономическая сегрегация нетитульного населения), но и идеологической, политической функций, реализовывающихся, в частности, в ходе предвыборных кампаний. И этот факт вновь возвращает нас к приоритету прагматичных соображений при объяснении тяготения элит стран Прибалтики именно к конфликтному по отношению к России внешнеполитическому подходу. Следует повторить – некоторые различия от страны к стране существуют, но они носят стилевой, косметический характер, тогда как стержень такого подхода понимается и Вильнюсом, и Ригой, и Таллином одинаково.

Конфликт является неотъемлемой формой взаимодействия между субъектами международных отношений, и малые страны не исключение. Более того, асимметричные отношения нередко дают преимущества более слабой стороне. Следовательно, конфликты могут использоваться малыми странами для достижения своих целей. Так, слабые союзники способны эксплуатировать своих покровителей, играя на их внутренних противоречиях, а также конфликтах с другими державами. Подобная политическая игра и торг могут принимать разные формы, вплоть до провоцирования конфликтов⁹⁰⁰ и «шантажа собой»⁹⁰¹.

Политические элиты стран Прибалтики после выхода республик из состава СССР сделали ставку на реализацию конфронтационного подхода на восточном направлении, стремясь получить в рамках евроатлантического сообщества военные гарантии, а также экономическую поддержку, возможности для укрепления собственного статуса и внутривнутриполитической

⁹⁰⁰ К. Инис подчеркивал: «Малые государства не знают, чего им бояться больше: солидарности или конфликта великих держав». Цит. по: *Claude, I. Op. cit.*

⁹⁰¹ Британский историк А. Тэйлор писал: «Когда одно государство полностью зависит от другого, более слабое может задавать тон; оно может угрожать своим коллапсом в случае отсутствия поддержки, и его защитнику будет нечем ответить на эту угрозу». Цит. по: *Amstrup, N. Op. cit.*

легитимности. Занимая окраинное географическое положение и обладая мизерным торгово-экономическим статусом, страны Прибалтики не являются критически важными для интересов США, что ведет к борьбе элит Латвии, Литвы и Эстонии за повышение своей значимости и привлечение внимания путем нагнетания «угрозы с Востока». В условиях роста международной напряженности крупные государства и объединения уделяют больше внимания меньшим странам, оказывающимся под угрозой в зоне нестабильности⁹⁰².

В данном случае исходим из известной дискуссии между представителями реалистского направления о факторах, которые определяют стратегический выбор государства в пользу балансирования между крупными державами или «примыкания» (bandwagoning), присоединения к альянсу с одной крупной державой. Ряд исследователей обосновали гипотезу, согласно которой стратегия «примыкания» обусловлена стремлением государств получить новые выгоды, тогда как стратегия балансирования вызвана желанием «не потерять» – снизить издержки от потенциальных угроз⁹⁰³.

Имеющиеся примеры позитивного взаимодействия России и стран Прибалтики не носят системного характера, накопленный опыт сотрудничества хрупок и пока не в силах стать залогом будущих российско-прибалтийских отношений, слишком много между сторонами сложных, нерешенных вопросов. Несмотря на то, что страны Прибалтики объективно заинтересованы в торговом сотрудничестве с Россией, повышенное внимание к вопросам безопасности остается в будущем деструктивным

⁹⁰² Выступая в 2014 г. в Таллине, президент США Б. Обама подчеркнул, что «защита Таллина, Риги и Вильнюса так же важна, как защита Берлина, Парижа и Лондона». Подробнее см.: *Remarks by President Obama to the People of Estonia*, The White House, Office of the Press Secretary, 3 September 2014. Ранее страны Прибалтики были включены в план НАТО «Орел-защитник», разработанный первоначально для Польши.

⁹⁰³ Подробную теоретическую проработку см.: *Смирнов В.А.* Международные истоки поведения элит // *Международные процессы*. 2016. Т. 14, № 2. С. 23–37; *Смирнов В.А.* Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Балтии) // *Вестник МГИМО*. 2015. № 6 (45). С. 135–145.

фактором в их политике. Тяготение стран Прибалтики к конфликтному подходу не содействует снятию напряженности в отношениях России и ЕС.

Развитие стран Прибалтики и впредь будет происходить в пределах между двумя крайними точками: «барьером» и «мостом», в зависимости от общей политической и экономической ситуации, а именно – формирования пространства коллективной безопасности или углубления разделительных линий на восточных границах НАТО, развития трансконтинентальных торговых коридоров или усиления протекционизма между ЕС и ЕАЭС и т.д. Связь транспортной и энергетической инфраструктуры с Россией, поставки энергоносителей ставят стабильность прибалтийских государств в зависимость от отношений между Россией и США, НАТО, ЕС.

В плане инфраструктуры Прибалтика связана с Россией благодаря наследию экономики СССР. Однако в геометрии текущих внешнеполитических связей прибалтийских стран выделяются два принципиальных полюса, не отражающих в полной мере географическую и экономическую логику – ЕС и США. Элиты стран Прибалтики ориентируются на два центра, связанные воедино не только экономикой, но, прежде всего, блоком НАТО⁹⁰⁴. ЕС выступает как ориентир в области

⁹⁰⁴ Как пишет бывший директор по внешним и военно-политическим вопросам в Генеральном секретариате Совета ЕС Р. Купер, отношения ЕС и НАТО характеризуются как «институт брака». Он отмечает особую функцию США в поддержании системы европейской обороны, фактически, как внешнего гаранта не только безопасности по периметру границ ЕС, но также гаранта от внутренних рисков, в т.ч. возвращения в стратегическую повестку Европы германского вопроса. Р. Купер подчеркивает: «США встали за рамками системы [ЕС], возвысились над ней как ее хранитель (...) Вопреки обширной торговле и инвестициям... краеугольный камень отношений США с Европой... это НАТО». Европейский дипломат сходится с определением США как «благоклонного гегемона», разработанным американскими неоконсерваторами. Обозначенные им факторы объясняют невнимание к предложениям России о формировании единого и неделимого пространства коллективной безопасности в Европе. Подобные предложения угрожают размыванием блоковой дисциплины НАТО, которая обеспечивается евроатлантической военной инфраструктурой. Подробнее см.: *Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. New York: Atlantic Monthly Press, 2003. P. 39.* При этом попытки ЕС ослабить «узы» этого «брака», создав европейскую армию, пока далеки от реализации: «В практическом плане существование независимой, прежде всего от США и Канады, европейской армии, обеспечивающей безопасность ЕС, вряд ли

экономики и стандартизации, что дает Брюсселю рычаг влияния на прибалтийские страны. США рассматриваются прибалтийскими элитами как лидер Альянса и стратегический гарант безопасности. Упрощая систему связей в треугольнике Прибалтика–ЕС–США, можно сказать, что элиты Латвии, Литвы и Эстонии действуют в коридоре возможностей, который задает экономическая логика Брюсселя и военно-стратегическая логика Вашингтона. Россия расширяет транспортные коридоры в Балтийском море в обход стран Прибалтики, что снижает значимость прибалтийских государств в российской внешней политике, однако их членство в блоке НАТО по-прежнему будет поддерживать барьерную пограничную функцию⁹⁰⁵. С точки зрения военного блока, именно пограничные государства выполняют важные функции поддержания стабильности и безопасности разделительных линий.

Россия выступает своего рода «антагонистом», образ которого используется как «угроза» во внутренней и внешней политике стран Прибалтики. Тема «русской угрозы» стала доминирующей не только в принятии решений о крупных инфраструктурных проектах, но и во внутриполитической борьбе, в существенной мере определяя становление политической элиты как на ее начальном этапе (первых пореформенных постсоветских годах, так и спустя десятилетие после присоединения к Евросоюзу). Этот лейтмотив прибалтийской политики не угас и после вступления прибалтийских государств в НАТО⁹⁰⁶.

реально. Обойтись без гарантий НАТО, особенно в условиях нарастающей конфронтации между Россией и Западом, Европа вряд ли может позволить себе». Подробнее см.: Журкин В.В., Носов М.Г. 20-летие военного измерения ЕС // Современная Европа. 2019. № 1. С. 5-13.

⁹⁰⁵ «Мы же на границе, и мы всегда будем сенсорами в изменениях отношений России и ЕС, России и НАТО». В. Затлерс, личное интервью, 26 октября 2012 г., Рига.

⁹⁰⁶ Н.К. Арбатова отмечает, что внешняя политика стран Прибалтики «выросла из их болезненной истории». Подробнее см.: Arbatova N. Reaching an understanding on Baltic security // Survival. 2018. Vol. 60. No. 3. P. 115-132.

В настоящее время конфронтационный подход во внешней политике властных групп стран Прибалтики не имеет альтернативы⁹⁰⁷. Это роднит три бывшие советские прибалтийские республики – отсутствие альтернативы. В силу отсутствия более взвешенной, прагматичной альтернативной точки зрения на высшем государственном уровне стратегическим приоритетом руководства стран Прибалтики остается последовательное понижение уровня связей с Российской Федерацией, попытки ослабления ее позиций как в Балтийском регионе, так и на постсоветском пространстве в целом. Российский фактор поначалу был одним из оснований внутриэлитного раскола, но в условиях отсутствия новой «большой идеи»⁹⁰⁸ приобрел качество не просто фактора, который сплачивает элитные фракции, влияет на персональный состав, но и формирует повестку в более широком внутри- и внешнеполитическом контексте. Перспективы российско-прибалтийского диалога, его основные сценария проанализированы в следующем параграфе.

⁹⁰⁷ Автор воздерживается от суждений на тему, кто виноват в сложившейся ситуации. К настоящему времени структурные «красные линии», которые определяют внутриэлитное взаимодействие и вообще политический процесс, в странах Прибалтики укрепились настолько, что конфликт обрел статус долгосрочного фактора. В этом отношении весьма оптимистичным представляется тезис о том, что «интеграция интеграций», сопряжение евразийского (ЕАЭС) и европейского (ЕС) интеграционного проектов способно состояться при активной роли стран Центральной и Восточной Европы, которые могли бы выступить в роли «моста» между ЕС и Россией. Подробнее см.: *Гаман-Голутвина О.В.* Страны Центральной и Восточной Европы в европейской и мировой политике: актуальные измерения / Мировой порядок - время перемен / Сб. ст. под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. Москва, 2019. С. 205-222.

⁹⁰⁸ «Сверхзадача элиты – стратегическое управление обществом, т.е. успешное освоение неизвестного, искусство порождать и отбирать смыслы, воплощать коллективные образы, определяя маршрут для себя и тех, кого она ведет». Подробнее см.: *Селезнев П.С.* Элиты как инициаторы инноваций в современном мире (на примере Российской Федерации) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 4 (20). С. 13-19. Элиты, пытаясь найти смыслы и новую «большую идею», ничего нового по сути не предлагают, сохраняя конфронтационный подход к России и помещая общество в состояние замкнутого круга.

5.5. Перспективы российско-прибалтийского политического диалога

Большинство исследований прогностического характера рассматривают государства Прибалтики как часть региона Балтийского моря. Прогнозы будущего развития стран Прибалтики можно подразделить на три основные группы: общие прогнозы; прогнозы в сфере безопасности; прогнозы политической ситуации.

Общие прогнозы выстраиваются на основе анализа региональных тенденций в сфере экономики, демографии, миграции, экологии и их влияния на страны Прибалтики. В докладе «Роль регионального сотрудничества в регионе Балтийского моря»⁹⁰⁹ рассматриваются тенденции снижения относительного веса Балтийского региона в мире по сравнению с регионами Южной и Восточной Азии⁹¹⁰. Основными переменными при сценарировании выступают либерализация торговых отношений или протекционизм в регионе в рамках ЕС, а также между Россией и ЕС. При позитивном сценарии открытие рынков и развитие транспортной инфраструктуры приведет к углублению интеграции в регионе. Инерционный сценарий предполагает сохранение регионального диалога по экономическим и политическим вопросам, но без углубления интеграции. Негативный сценарий заключается в обращении государств региона к протекционистским мерам.

Ряд прогнозов рассматривает демографическую обстановку. Так, в докладе «Будущее региона Балтийского моря: возможности и вызовы»

⁹⁰⁹ *Ketels C.* The Role of Regional Collaboration in the Baltic Sea Region of the Future // *Visions of the Future: What Can be Achieved with a Baltic Sea Strategy?* Visby : Gotland University Press, 2009. P. 6–18.

⁹¹⁰ *Klemeshev A.P.* The Baltic Sea Region: The Territory and Inner Structure / A. P. Klemeshev, N. M. Mezhevich, G. M. Fedorov // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, No. 6, Special Issue 7. P. 212–219.

Института международной экономики в Гамбурге⁹¹¹ отмечается, что демографический спад в период 2010–2030 гг. в Эстонии составит 4,9 % в Литве – 7,6 %, в Латвии – 9,6 %. При этом число людей трудоспособного возраста (от 15 до 44 лет) за аналогичный период в Эстонии снизится на 17,9 %, в Литве – на 23,2 %, в Латвии – на 24,3 %. Прогноз Европейской комиссии указывает, что к 2060 г. численность населения Латвии уменьшится на 30%, Литвы – на 40%, Эстонии – на 20%⁹¹².

В отчете «Трансбалтийские сценарии и прогнозы до 2030 года», подготовленном при поддержке ЕС, анализируется влияние транспортных коридоров на будущее Балтийского региона и стран Прибалтики. Даются оценки возможного экономического эффекта следующих сценариев: (а) реализация трансконтинентального коридора Запад-Восток; (б) развитие Северного морского пути; (в) развитие сети экологически чистых («зеленых») транспортных коридоров в ЕС. В 1990–2000-х гг. были распространены прогнозы экологического будущего Балтийского региона. В частности, Агентство по защите окружающей среды Швеции в 2008 г. выпустило обширный документ⁹¹³, содержащий детальный анализ тенденций, сценариев и угроз экологии Балтийского моря, в т.ч. в контексте сохранения биологического разнообразия и предотвращения экологических рисков от боеприпасов на дне Балтийского моря.

Прогнозы в сфере безопасности и военных аспектов, как правило, носят более частный характер и касаются непосредственно стран Прибалтики. Большинство прогнозов исходят из базовой предпосылки о том, что безопасность Прибалтики будет определяться, главным образом,

⁹¹¹ *Stiller S.* The Future of the Baltic Sea Region: Potentials and Challenges / S. Stiller, J. Wedemeier. Hamburg : Hamburg Institute of International Economics, 2011.

⁹¹² *The 2015 Ageing Report : Economic and Budgetary Projections for the 28 EU Member States (2013–2060) / European Economy; 2015, No. 3.* Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2015.

⁹¹³ *Kadin M.* Trends and Scenarios Exemplifying the Future of the Baltic Sea. Ecological Impacts of Not Taking Action. Stockholm : Swedish Environmental Protection Agency, 2008.

динамикой отношений в треугольнике США–ЕС–Россия⁹¹⁴. При этом ЕС часто рассматривается как экономическое и политическое объединение, не обладающее влиянием в сфере безопасности. Из данной посылки, в частности, исходят аналитики Министерства обороны Швеции, подготовившего прогноз о безопасности в регионе Балтийского моря⁹¹⁵.

В последние годы широкое распространение на Западе получили военные игры, в результате которых выстраиваются сценарии возможных конфликтов с Россией, одной их наиболее вероятных точек которых считаются страны Прибалтики. В частности, можно отметить доклад корпорации RAND⁹¹⁶, в котором выстраиваются различные сценарии «вторжения» России в Прибалтику. Делается вывод, что для подхода к трем столицам стран Прибалтики российской армии потребуется около 2 суток. В качестве «профилактической» меры предлагается нарастить контингент НАТО в Прибалтике, что уже реализуется путем размещения дополнительных военных частей НАТО в Литве, Латвии и Эстонии (таблица 21). К аналогичным выводам приходят авторы прогноза «Альянс в зоне риска» Атлантического совета, спонсируемого НАТО: авторы утверждают, что «в центре столкновения [России с НАТО] окажутся русскоязычные меньшинства в странах Прибалтики»⁹¹⁷. В 2019 г. на базе Джеймстаунского фонда (США) подготовлен доклад с участием специалистов из стран Прибалтики, в котором отмечается, что «общий баланс сил, вероятно, позволит НАТО в конечном итоге победить в обычном конфликте с Россией, однако военная мощь России в Западном

⁹¹⁴ Weitz R. Forecasting the Baltics' Future Security Environment: [Электронный ресурс] // Diplomaatia. 2013. No. 113/114. Режим доступа: <https://www.diplomaatia.ee/en/article/forecasting-the-baltics-future-security-environment/> (дата обращения: 10.11.2015)

⁹¹⁵ Shrivenham R. Future Security Challenges in the Baltic Sea Region: Swedish Ministry of Defence, Development, Concepts and Doctrine Centre, 2015.

⁹¹⁶ Shlapak, D. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics / D. Shlapak, M. Johnson. Santa Monica : RAND Corporation, 2016.

⁹¹⁷ Di Paola G. Alliance at Risk Strengthening European Defense in an Age of Turbulence and Competition / G. Di Paola, R. Shirreff, F. Heisbourg et al. Washington : Atlantic Council, 2016.

военном округе и ее агрессивная программа военной модернизации дают ей краткосрочное преимущество в Балтийском регионе». Авторы подчеркивают, что возможен сценарий «внезапного нападения» России, к которому Латвия, Литва и Эстония должны быть готовы⁹¹⁸.

В качестве непосредственных причин конфликта между Россией и НАТО в Прибалтике называются гипотетические массовые протесты русскоязычных меньшинств или восстание в районе Латгалии в Латвии⁹¹⁹. Также рассматривается сценарий, при котором военные маневры России и НАТО могут привести к непреднамеренной эскалации, которая в условиях напряженности перерастает в конфликт⁹²⁰. В качестве «детонатора» конфликта отражен сценарий блокировки Литвой транзита в Калининградскую область, который западные эксперты рассматривают как наиболее опасный для региона.

Прогнозы развития политической ситуации в странах Прибалтики вызывают в последние годы меньше интереса, нежели чем общие или военные прогнозы. В данной связи можно отметить прогноз, подготовленный ИМЭМО РАН в 2015 году⁹²¹. В исследовании отмечается, что в случае деэскалации международного кризиса в Восточной Европе в странах Прибалтики прагматичные интересы бизнес-корпораций будут оказывать более существенное влияние на политику, смягчая риторику политического руководства Латвии, Литвы и Эстонии.

Следует обратить внимание на комплексный прогноз международно-политической ситуации в странах Прибалтики, подготовленный финским

⁹¹⁸ *Nikers O., Tabuns O. (eds.) Baltic Security Strategy Report. What the Baltic Can Offer for the Stronger Alliance. Washington, DC: Jamestown Foundation, 2019. 207 p.*

⁹¹⁹ *Nichols T. How America and Russia Could Start a Nuclear War // The National Interest. 2015. May 7.*

⁹²⁰ *Grigas A. The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow / A. Grigas, A. Kasekamp, K. Maslauskaitė, L.Zorgenfreija. Berlin : Jacques Delors Institute, 2013. (Studies & Reports ; No. 98). P. 65–86.*

⁹²¹ *Klemeshev A P. Op. cit.*

исследователем А. Таннер еще в 1995 г.⁹²². Оптимистичный сценарий связывался со стабилизацией России, укреплением Западноевропейского союза (ЗЕС), поступательным развитием отношений по линии Россия – ЕС. В результате ожидалась стабилизация ситуации в Европе, но вместе с тем и снижение влияния НАТО в ЕС. Умеренный сценарий предполагал неудачу дальнейшего развития ЗЕС, стабилизацию России в качестве демократического государства и укрепление роли ОБСЕ в качестве гаранта безопасности в регионе Балтийского моря. Предпосылки пессимистичного сценария конфронтации были следующими. Вступление Польши и стран Прибалтики в НАТО отдалят Россию от Европы и ослабят ЗЕС относительно НАТО. В результате, как указано в прогнозе, в регионе возникнут предпосылки для новой холодной войны, но без буфера между Россией и НАТО, что повысит риски.

Международный кризис в Восточной Европе, в центре которого находится Украина, дал импульс прогнозированию будущего региона в рамках концепции столкновения цивилизаций С. Хантингтона. В этой связи следует обратить внимание на работу румынского политолога А. Мунги-Пиппиди⁹²³. Ею предлагается прогноз цивилизационного раскола на Европу и «не-Европу» по линии реки Днестр. При этом западный мир, фактически, включает в себя все государства, входящие сегодня в НАТО, тогда как находящиеся за его рамками, как полагает автор прогноза, с высокой вероятностью останутся за пределами политической Европы.

На фоне высокого интереса к сценариям в сфере безопасности и военных аспектов следует констатировать недостаток прогнозов, рассматривающих внутривнутриполитические тенденции в Прибалтике в связке с региональной и международной конъюнктурой. Элиты стран Прибалтики после выхода из состава СССР сделали ставку на реализацию

⁹²² *Tanner A. Baltic Sea: Security Tomorrow – Three Future Scenarios. Brussels : Boston University, 1995.*

⁹²³ *Mungiu-Pippidi A. The Splintering of Postcommunist Europe // Journal of Democracy. 2015. Vol. 26, No. 1. P. 88–100.*

конфронтационного подхода внешнеполитических действий на восточном направлении. Прогнозирование возможного в будущем изменения этого подхода представляет практический интерес, позволяя глубже проанализировать причины и движущие силы, определяющие курс властных групп стран Прибалтики. Работ по этому вопросу мало, фактически внимание часто уделяется смене персонального состава политиков в высших эшелонах власти. Но в государствах Прибалтики эти события совсем не обязательно влекут серьезные изменения политического курса. В этой связи интерес представляет сценарный анализ ситуаций, которые могут привести к изменению курса политических элит стран Прибалтики, качественным образом трансформировать отношения прибалтийских государств с соседями.

Как правило, выделяются поисковый и нормативный подходы к построению сценариев. Первый нацелен на анализ и экстраполяцию в будущее фиксируемых текущих тенденций. Второй – на вариативные будущие состояния изучаемого объекта и определение вероятных факторов и событий, ведущих к реализации этих состояний. Интерес представляет оценка качественных изменений политического курса элит в странах Прибалтики. Качественно отличными состояниями являются конфронтационное и кооперационное, отражающие общий характер отношения объекта изучения со средой его деятельности⁹²⁴.

Таким образом, для анализа могут быть определены три базовых сценария: (а) инерционный (сохранение текущих тенденций); (б) конфронтационный; (в) кооперационный.

Ключевые факторы, влияющие на объект исследования и его будущее развитие, подразделяются на достаточно определенные – подтвержденные научными теориями и исторической практикой – и менее определенные, являющиеся результатом стечения различных обстоятельств, которые

⁹²⁴ Хрусталева, М. А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М. : Аспект Пресс, 2015.

современная теория не в состоянии просчитать с высокой степенью вероятности. Основные факторы подразделены на географические, экономические и политические. К географическим факторам следует отнести физическое положение государства, климат, ландшафт и его природные ресурсы. Это наиболее фундаментальные и определенные факторы, претендующие на роль «независимых переменных», задающих историко-культурную логику развития государства и коридор возможных действий политических элит. Группа экономических факторов включает демографические и технологические характеристики государства, а также промышленный и транспортный потенциал, топливно-энергетический комплекс и характер хозяйственных связей с другими государствами. Политические факторы охватывают систему управления распределением ресурсов на национальном (государственном) и региональном уровнях, а также характер взаимодействия политической элиты с другими государствами и акторами во внешнеполитической среде (в т.ч. негосударственными), вопросы национальной безопасности⁹²⁵, ресурсный и оборонный потенциал, а также развитие общественных и экономических институтов на рассматриваемой территории.

Какие в рамках сложившегося подхода властных групп стран Прибалтики к отношениям с Россией возможны варианты, сценария их развития в будущем? Рассмотрим три сценария – инерционный, конфронтационный и кооперационный.

Инерционный сценарий предполагает экстраполяцию в будущее ключевых тенденций, определяющих внешнеполитический курс элит стран Прибалтики в настоящее время. Основными предпосылками являются сохранение военно-политического значения НАТО (отсутствие реформ в сторону более гибких форматов со снижением собственно военной роли) и

⁹²⁵ *Кокошин А.А.* Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России / Факультет мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; Институт социально-политических исследований РАН; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014.

тесной взаимосвязи военного командования стран ЕС с Североатлантическим альянсом при доминирующей роли Вашингтона. Сохранение *status quo* будет подталкивать НАТО к расширению, укреплению блоковой дисциплины, учитывая глубокий внутренний кризис в ЕС. В условиях сокращающегося «нейтрального» географического пространства в Восточной Европе конфликтность в отношениях Россия-НАТО будет нарастать. Продолжится односторонний курс на «переключение» инфраструктуры стран Прибалтики на Евро-Атлантику ценой разрыва связей с Россией. Российский экспорт в Европу через территорию стран Прибалтики будет сокращаться вплоть до практически полного переключения на портовые комплексы Северо-Запада России.

В данной ситуации, по всей видимости, даже существенная нехватка ресурсов не приведет к изменению курса элит стран Прибалтики. Сохраняющееся противостояние России и глобального Запада⁹²⁶ исключает формирование альтернативной внешнеполитической ниши, переход в которую мог бы позволить им сделать ставку на роль «посредника» и «торгового моста». Попытки укрепить экономическую прагматику будут неизбежно квалифицироваться как потенциальные военно-политические угрозы, ослабляющие внутриэлитный консенсус, что в условиях конфронтации будет расцениваться как риск подрыва позиций НАТО на «передовых рубежах». Возрастающий потенциал конфликтности будет снижать внешнеторговую динамику в странах Прибалтики⁹²⁷.

⁹²⁶ «Современная эпоха характеризуется неравномерностью мирового развития на фоне эгоистического стремления относительно небольшого числа развитых стран и транснациональных структур обеспечить собственное процветание». Подробнее см.: Белозеров И.К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений / Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение. Материалы международной научно-практической конференции / Под общ. Ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: Изд-во МГЛУ, 2019. С. 165-171.

⁹²⁷ Межевич Н.М. Экономический кризис в Прибалтике: некоторые причины и последствия для соотечественников // Балтийский мир. 2008. № 3.

На доктринальном уровне в странах Прибалтики Россия и ЕАЭС будут рассматриваться как конкуренты и угроза; на уровне политической риторики усилится пропагандистская компонента, эксплуатирующая тему «угрозы с Востока» для оправдания нестабильной экономической ситуации. Политические элиты Прибалтики будут вынуждены балансировать на противоречиях крупных стран (прежде всего, США, Германии, России) и позиционироваться в рамках Североатлантического блока как наиболее активные, решительные, но в то же время уязвимые члены блока, тем самым стремясь привлечь ресурсы и внимание.

Такой подход способен лишить прибалтийские страны выгоды от транзита и многостороннего экономического сотрудничества, снизить общую конкурентоспособность национальных экономик. Переориентация на западную транспортную и энергетическую систему будет повышать издержки местных производителей, по крайней мере, в среднесрочной перспективе. Вероятность военного противостояния останется умеренно низкой. Действия политического руководства стран Прибалтики будут в значительной мере определяться «положительной мотивацией» привлечения ресурсов в рамках евроатлантического сообщества под задачи укрепления «стратегической безопасности» и расширения личных карьерных перспектив в рамках общеевропейских и евроатлантических институтов, а также «отрицательной мотивацией» – страхом утраты доверия со стороны США, НАТО и ЕС ввиду недостаточно жесткой позиции по ключевым вопросам общей политики.

Конфронтационный сценарий: его основными предпосылками является ухудшение, «схлопывание» ситуации, обрисованное в инерционном сценарии, с накладывающимся на него системным кризисом внутри ЕС⁹²⁸. Последний может включать социально-экономический кризис

⁹²⁸ Н.К. Арбатова, анализируя будущее евро-атлантических отношений, рассматривает сценарий структурного размежевания, предполагающий, что партнерам, разрываемым собственными, не совпадающими интересами, будет все труднее формировать общую политическую платформу, и в силу этого будут появляться и укрепляться

и возможный распад еврозоны, усугубляющийся миграционным кризисом⁹²⁹, что нанесет удар по экономикам прибалтийских стран. Это приведет к острой нехватке ресурсов для обеспечения устойчивости государственных институтов и предотвращения внутриэлитного раскола в странах Прибалтики. Крупнейшие страны ЕС направят свои ресурсы на стабилизацию основных рынков сбыта своей продукции и поддержания социально-политической стабильности на своих территориях.

Наиболее рискованным выглядит вариант внутреннего кризиса в странах Прибалтики, накладывающийся на общее усиление международной конфронтации. В этих условиях острый внутренний кризис может привести к резким шагам элит прибалтийских стран, что способно спровоцировать уже не локальный, а международный кризис⁹³⁰. Страны Прибалтики будут вынуждены пойти на урезание социальных расходов, что увеличит вероятность появления мощной внутренней оппозиции⁹³¹. В этой ситуации политические провокации могут стать средством получения финансовой

несовместимые политические цели, средства и модели поведения. Подробнее см.: *Арбатова Н.К.* Евро-атлантические отношения в XXI в.: проблемы и сценарии // МЭиМО. 2015. № 11. С. 31-37.

⁹²⁹ «Миграционный кризис или кризис беженцев, который испытала Европа, привёл к «секьютиризации» миграции, заставил рассматривать проблему миграции главным образом в контексте безопасности». *Потемкина О.Ю.* Сирийские беженцы в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 3 (9). С. 48-54.

⁹³⁰ Западные аналитики выражают беспокойство по поводу национальных меньшинств в Латвии и Эстонии, рассматривая их как угрозу внутренней стабильности данных государств и, следовательно, НАТО. См., например: *Tools of Destabilization Russian Soft Power and Non-military Influence in the Baltic States* / ed. M. Winnerstig. Stockholm : FOI, 2014. Однако государства Прибалтики не имеют явных предпосылок для крупных гражданских конфликтов. Национальные меньшинства в Латвии и Эстонии, несмотря на поражение в политических и экономических правах, в целом «встроены» в рынок труда. Отсутствуют организации с широкой общественной базой, которые могли бы взять на себя лидерство в подготовке радикальных акций.

⁹³¹ Снижается «запас прочности» их экономик: в ходе мирового финансового кризиса, имевшего тяжелые последствия для стран Прибалтики, элиты переложили их на плечи населения, приводя в действие меры «жесткой экономии». Примечателен вывод нобелевского лауреата по экономике П. Кругмана о том, что страны Прибалтики прошли финансовый кризис во многом благодаря выезду граждан на заработки в Европу, что снизило общий уровень безработицы в посткризисный период. Подробнее см.: *Krugman P.* Baltic Brouhaha : [Электронный ресурс] // *New York Times* : [сайт]. 2013. Май 1. Режим доступа: https://krugman.blogs.nytimes.com/2013/05/01/baltic-brouhaha/?_r=0 (дата обращения: 21.03.2017).

помощи от крупных стран ЕС для купирования кризисной ситуации. Если же эти шаги не принесут ожидаемого результата, то элитами может быть принято решение о нагнетании ситуации вокруг нетитульных групп внутри страны, переходе к транспортной блокаде Калининградской области⁹³². Это приведет к сворачиванию экономического сотрудничества с Россией, накалит военную обстановку в регионе⁹³³, вплоть до столкновения⁹³⁴. Алармистские прогнозы публикуются регулярно⁹³⁵. Аналитические центры Center for European Analysis, RAND Corporation, Atlantic Council в 2015–2016 гг. выпустили серию докладов о необходимости наращивания военного присутствия и повышения координации северо-восточного фланга НАТО. Внедряется в общественное мнение представление о Прибалтике как следующей, после Украины, «жертве» российской «гибридной войны»⁹³⁶.

⁹³² Речь идет о блокировании транзита и поставок энергоносителей, который осуществляются в Калининградскую область через территорию Литвы. Сценарий блокады Калининграда со стороны Литвы рассматривается в публикациях центра «Center for European Policy Analysis», сотрудничающего с Пентагоном: *Lucas, E. The Coming Storm. Baltic Sea Security Report. Washington : Center for European Policy Analysis, 2015.* Обращают на себя внимание и прибалтийские «пробные шары» – например, заявление главы МИД Литвы Л. Линкявичюса накануне Вильнюсского саммита «Восточного партнерства» 2013 г. о том, что Литва не исключает блокаду Калининградской области.

⁹³³ *De Luce D. If Russia Started a War in the Baltics, NATO Would Lose – Quickly / Foreign Policy. 03.02.2016.* [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2016/02/03/if-russia-started-a-war-in-the-baltics-nato-would-lose-quickly/> (дата обращения: 05.09.2018)

⁹³⁴ «Официальный Вашингтон не исключает возможности широкомасштабного военного конфликта с Россией в Европе. Для реализации этих целей в 2018 г. развернута на ротационной основе авиационная бригада сухопутных войск США, укреплена авиационная группировка американских войск в Европе за счет постоянного базирования самолетов-разведчиков ВМС США типа «Посейдон-8», в балтийско-черноморском регионе развернута тактическая группа американской морской пехоты». Подробнее см.: *Батюк В.И. США и военная безопасность Европы: эволюция подходов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 3. С. 207-220.*

⁹³⁵ Один из примеров – основанный на теории игр прогноз того, как кризис в Эстонии может привести к Третьей Мировой войне. Подробнее см.: *Fisher M. How World War III became possible : [Электронный ресурс] // Vox : [сайт]. 2015. June 29. Режим доступа: www.vox.com/2015/6/29/8845913/russia-war (дата обращения: 18.07.2016).*

⁹³⁶ Достаточно упомянуть фильм 2016 г. британской ВВС, в котором рассказывается о том, что Прибалтика (конкретно – Латвия) станет местом начала Третьей мировой войны из-за «агрессии России»: «Третья мировая война» с Россией в эфире Би-би-си : [электронный ресурс] // ВВС : Русская служба : [сайт]. 2016. 3 февраля. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160203_world_war_three_war_room_bbc (дата обращения: 21.12.2016).

Подчеркивается, что цель России – расколоть НАТО, подорвать единство ЕС. Вероятная причина «вторжения» - «провокации местных русскоязычных»⁹³⁷.

Кооперационный сценарий исходит из гипотетической возможности перехода стран Прибалтики из ниши буферного («прифронтового») государства на границах ЕС и НАТО в нишу «посредника». На сегодняшний день роль «посредника» недоступна элитам стран Прибалтики, соответствующий внешнеполитический запрос отсутствует. Переход к нейтральному статусу практически исключен в текущей международной конфигурации, НАТО продолжает развиваться в блоковой логике, а границы военного альянса выполняют, прежде всего, барьерную функцию, препятствующую развитию трансграничного сотрудничества.

Основной предпосылкой реализации кооперационного сценария⁹³⁸ является изменение системы коллективной безопасности в Европе путем укрепления взаимодействия с Россией и Евразийским экономическим союзом, реформирования НАТО в направлении более гибкой и открытой организации, обеспечивающей, прежде всего, формирование общего пространства неделимой безопасности в Европе. Обозначенные тенденции откроют пути к развитию сотрудничества в сфере безопасности между ЕС и Россией и способны побудить элиты прибалтийских стран, равно как и представителей других стран Восточной Европы, активнее использовать экономические и политические возможности, возникающие в результате посредничества между Россией, Китаем, Индией, ЕАЭС и ЕС⁹³⁹. Будет расширяться транзит, получат развитие международные транспортные

⁹³⁷ *Ambiguous Threats and External Influences in the Baltic States. Phase 2: Assessing the Threat.* Fort Meade : Johns Hopkins Applied Physics Laboratory ; Asymmetric Warfare Group, 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://publicintelligence.net/aowg-threats-baltic-states/> (дата обращения: 24.07.2016).

⁹³⁸ Худoley К.К. Указ. соч.

⁹³⁹ Федоров Г.М. Возможные направления развития трансграничных связей субъектов Российской Федерации и стран Европейского союза на Балтике // Прибалтийские исследования в России: мат-лы Междунар. науч. конф. / под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 82–84.

коридоры «Север-Юг» и «Запад-Восток», «захватывающие» порты Прибалтики. Эти события повлекут усиление полицентричности в политических элит стран Прибалтики и ослабление внутривнутриполитического лейтмотива «угрозы с Востока», укрепление прагматичных политических позиций делового сообщества, нацеленных на многовекторную политику.

В целом ситуацию в Балтийском регионе К.К. Худoley характеризует как «прохладную войну»: «С этой точки зрения наиболее вероятным представляется продолжение «прохладной войны», но поворот в сторону большей конфронтационности все-таки более возможен, чем сдвиг в сторону кооперации»⁹⁴⁰. На данном этапе кооперационный сценарий существует лишь в теории – слишком много сдерживающих факторов, «красных линий», не позволяющих перейти к субстантивному диалогу элит России и стран Прибалтики. Доступные опции – это выбор между плохим и очень плохим сценариями. Настрой на отношения с Россией «со знаком минус», сохраняющийся в течение длительного периода перекося во внешней политике создает условия для сдвига и в политике внутренней, влияя на становление элит стран Прибалтики. Уходя от союзного центра, стараясь максимально размежеваться с советским прошлым, затем стремясь в ЕС и НАТО, властные группы Латвии, Литвы и Эстонии формировали, культивировали и распространяли образ России не просто как «Другого», а как конституирующего «Чужого», как воплощение «не-Запада», куда никогда не может быть «возвращения», и не важно – касалось ли это прошлого, настоящего или будущего⁹⁴¹. Символ «русской угрозы», постоянно подвергаемый реинтерпретации, укрепляет внутреннюю однородность властных групп стран Прибалтики, а «борьба» с Россией как с

⁹⁴⁰ Худoley К.К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 4 – 24.

⁹⁴¹ «Прошлое оказывается опытным полем, на котором «от противного» выстраиваются образы будущего». Подробнее см.: Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политической идентичности // МЭиМО. 2018. Т. 62. № 11. С. 65-76.

«не-Западом», «не-Европой» подтверждает их «европейскость»⁹⁴². Не будет «угрозы» - к чему «борьба», и как иначе подтвердить «европейскость»?

На данном этапе в странах Прибалтики не обозначили себя «ястребы» - представители типа элиты, готовые к резкой смене курса (типологию см. в параграфе 1.2). Склонные к прагматизации отношений с Россией элиты, связанные с бизнесом («лисы»), безусловно, есть, но их меньшинство. Основные командные высоты принадлежат «львам» и «совам» - элитам, нацеленным на сохранение *status quo* любыми средствами: от убеждения до принуждения. Разумеется, было бы упрощением считать властные группы Латвии, Литвы и Эстонии монолитными. В каждой из трех стран есть свои особенности, нюансы – в т.ч. и в политике на российском направлении (как, например, чуть сдержанная риторика правительства Эстонии Ю.Ратаса и президента К. Кальюлайд в адрес Москвы по сравнению со словами литовского президента Д. Грибаускайте о России как о «террористическом государстве» или главы латвийского МИД Э. Ринкевича о России как о «третьем рейхе»). Равно как есть в каждой стране набор прагматично мыслящих и выступающих с конструктивных по отношению к России позиций политиков, не приветствующих идею в буквальном смысле отгородиться от соседей забором⁹⁴³. Как, например, в Латвии – лидер партии «Согласие», мэр Риги (до 2019 г.) Н.Ушаков, в Литве таковым был президент и лидер партии «Порядок и справедливость» Р. Паксас, в Эстонии - премьер-министр и лидер Центристской партии Э. Сависаар. Однако их популярности для пересмотра отношений с Россией недостаточно. Прошедшие десятилетия показали, что все они – одиночки, исключения, лишь подтверждающие общее правило: конфронтационный подход к России это не конъюнктурное явление, не прихоть отдельных политических

⁹⁴² Matonyte I., Sumskas G., Morkevicius V. Europeaness of Lithuanian Political Elite: Europhilia, Russophobia and Neoliberalism //Historical Social Research, 2016. No.4 (41), P. 150-172.

⁹⁴³ Латвия, Литва и Эстония строят «стену» на границе с Российской Федерацией – сотни километров металлического забора с колючей проволокой.

сил⁹⁴⁴. Это часть (уже, пожалуй, неотъемлемая) политического режима, одна из его смыслообразующих основ, увязанная с идеей преемственности досоветской государственности стран Прибалтики.

Идеи о том, что усиление гуманитарных контактов и интенсификация бизнес-связей способны содействовать прагматизации⁹⁴⁵ двусторонних отношений хороши лишь в теории. Не работает и идея оказания экономического давления на страны Прибалтики как попытка «образумить», «охладить» горячие головы. Ежегодные потери стран Прибалтики из-за конфронтационного подхода к отношениям с Россией оцениваются экспертами на уровне 9-10% от их ВВП. Это и упущенные доходы от российского транзита, и «отвергнутые» инвестиции (как, например, в Мажейкяйский НПЗ), и непроданная сельскохозяйственная и промышленная продукция, и рост безработицы, и недополученные налоги, и отсутствие льготных режимов торговли и передвижения в приграничных территориях, и многое иное. Для Эстонии и Латвии сумма потерь за 4 года составляет, по экспертным оценкам, примерно 10,1 млрд. долл. Для Литвы, старающейся задавать тон внешней политике прибалтийских республик, больше - 15 млрд. долл⁹⁴⁶. Безусловно, для Латвии, Литвы и Эстонии выгодна широкая торговля с Россией (таблица 20), а российские ограничения чувствительны, но понесенный при этом ущерб имеет меньший приоритет по сравнению с идеей государственного континуитета,

⁹⁴⁴ «Всё зависит от России. Наш-то внешнеполитический курс очень стабилен. Мы как были ориентированы на НАТО, так и остались. Россия, которая была, да и есть, великой державой, к своим соседям, тем более маленьким, относится высокомерно». В. Затлерс, личное интервью, 26 октября 2012 г., Рига.

⁹⁴⁵ «Красные линии» такой прагматизации очерчены довольно четко, причем еще до «крымских событий»: признается, что экономическое сотрудничество способно избавить и Россию, и страны Прибалтики от некоторых лишних эмоций в диалоге, но при этом в качестве приоритетной задачи для прибалтийской стороны называется «иммунизация» внутренней политики: ее защита от попыток внешнего влияния. Подробнее см.: *Spruds A. The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities*. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2012.

⁹⁴⁶ *Межевич Н.М.* (ред.) Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам / Аналит. доклад. Факультет международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, 2013.

«советской оккупации» и всей последующей цепочкой. Нельзя реализовать кооперационный сценарий развития отношений с Россией, отрицая советский опыт *per se*, фальсифицируя историю военного времени⁹⁴⁷, утверждая идею «оккупации» и наказывая за инакомыслие, оправдывая существование позорного института «негражданства», поощряя недоверие к русскоязычным общинам как к «пятой колонне»⁹⁴⁸, основывая на этом рекрутирование политической элиты и подтверждение ее лояльности.

Прошедшие десятилетия системного воспроизводства конфронтационного подхода к отношениям на восточном направлении обусловили своего рода институциональный крен в становлении политических элит Латвии, Литвы и Эстонии, деформировали его⁹⁴⁹. Происходит «отрицательная селекция» - допуск в руководящую когорту получают преимущественно те, кто не способен работать на укрепление отношений с Россией, а выступает за ее «сдерживание». В тактическом смысле это служит укреплению внутривнутриполитической стабильности в странах Прибалтики (повышает сплоченность, укрепляет внутривнутриэлитный консенсус по ключевым вопросам, облегчает процесс рекрутирования новых членов элиты). Но в стратегическом плане увеличивает риски.

⁹⁴⁷ М.Ю. Мартынов справедливо подчеркивает: «Трактовка Второй мировой войны – самого великого события Новейшего времени – оказалась в центре идеологической борьбы. Интерпретация причин, хода, результатов войны стала, фактически, третьим – идеологическим – фронтом второй мировой, спустя много лет после ее окончания». Подробнее см.: *Мартынов М.Ю.* К вопросу о фальсификации истории Второй мировой войны // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1 (21). С. 7-9.

⁹⁴⁸ «Элиты Прибалтики стремились создать себе моральное оправдание для принятия фактически репрессивных мер по отношению к русскому и русскоязычному населению и осуществить исторический реванш за советское прошлое», - утверждает В.В. Штоль. Подробнее см.: *Штоль В.В.* Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2012. № 12 (275). С. 29-41.

⁹⁴⁹ С.Г. Еремеев, говоря о современном состоянии политической власти в мире, делает точное наблюдение о «процессе воспитания в духе обороны, деформирующем и самих защитников и то, что они защищают». Подробнее см.: *Еремеев С.Г.* К проблеме актуализации политической власти как ценности в эпоху глобализации // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 3. С. 52-54.

Запустив 30 лет назад центробежные процессы и реализуя их через конфронтационный подход, в новое время элиты стран Прибалтики не смогли удержать этого «джинна» под контролем. То, что казалось легким способом повысить собственный внешнеполитический статус и обратить на себя внимание ведущих государств мира, превращается в ловушку. Конфронтационный подход стал новым канонem, институтом, нормой, точкой отсчета. Теперь его системное воспроизводство ставит властные группы в колею, вынуждает быть в «мейнстриме», держа общества в состоянии повышенной мобилизации, укореняя чувство недоверия к России и всему, что от нее исходит, подпитывая этот страх, передавая из поколения в поколение, формируя соответствующую традицию⁹⁵⁰. Представляется, что, помимо очевидных, есть у этой ловушки и отложенный эффект: бацилла недоверия не избирательна - учитывая низкий уровень легитимности госинститутов в Латвии, Литве и Эстонии, она «подтачивает» и доверие к самим элитам стран Прибалтики. Стремясь укрепить свои позиции, «сплотить», элиты вновь и вновь «атакуют Восток», однако теперь требуется от раза к разу наращивать степень конфронтационности для достижения прежних внутри- и внешнеполитических эффектов. В этом смысле элиты стран Прибалтики – заложники конфронтационного подхода к отношениям с Российской Федерацией. Манипулируя им при вступлении в ЕС и НАТО, они положили его в основу своих режимов, и словно попали в зеркальный лабиринт из собственных страхов, упреков и недоверия. Выход из этого лабиринта – задача будущих поколений элит.

⁹⁵⁰ «Не случайно русофобская политика, принявшая формы россиефобии, на Западе усилилась и стала фактически возобладающей тенденцией именно тогда, когда Россия, преодолев кризис переходного периода, (...) вернулась к политике отстаивания своих национальных интересов (...). При этом русофобия (россиефобия) активно проявляется во внешне- и внутривнутриполитической практике не только ведущих государств Запада (прежде всего США и Великобритании), но и, в особенности, их восточно-европейских союзников. Речь идет в первую очередь о позиции нынешних властей Польши и стран Прибалтики и их идеологов, (...) настроенных на усиление конфликтности с Россией». Подробнее см.: *Гуторов В.А., Шириняц А.А., Шутов А.Ю.* О проблеме междивизиционных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 132-141.

Выводы

В главе V «**Внешняя политика элит стран Прибалтики**» элиты Латвии, Литвы и Эстонии рассмотрены через призму внешнего фактора – их роли в международных делах, выбора внешнеполитической ниши. Оценена политика на российском направлении, представлены прогнозы развития отношений с руководством стран Прибалтики.

Дано определение малой страны в соответствии с функциональным подходом (в зависимости от роли, функции государства в международных отношениях). Элиты малых стран в существенной мере зависят от воздействия внешнеполитической среды, которая оказывает значимое внутривнутриполитическое влияние, приводя, например, к ослаблению или укреплению тех или иных элитных фракций, существенным внутривнутриполитическим кризисным ситуациям.

Добиваясь повышения своей роли в международных делах, элиты малых стран, учитывая объективно меньший (по сравнению с крупными государствами) набор доступных им возможностей, в качестве приоритетного приложения своих усилий выделяют конкретный сегмент, определяющий «нишу» (внешнеполитическую специализацию) той или иной страны. Основные внешнеполитические «ниши», доступные малым странам: в сфере торговли – «посредник» (мост), в сфере обороны – «привратник» (форпост), в сфере идеологии – «миссионер» (маяк, популяризатор ценностей, влияния более крупной страны или союза). Элиты стран Прибалтики внешнюю политику проводят преимущественно в рамках двух последних «ниш».

Проанализирован процесс выработки внешнеполитического курса элитами стран Прибалтики после провозглашения независимости. Действия по политико-дипломатическому, законодательному закреплению евроатлантического вектора внешней политики стран Прибалтики, построению натоцентричной системы безопасности и отказу от принятия

нейтрального статуса (несмотря на влияние Северных стран на внешнеполитическое становление Латвии, Литвы и Эстонии) были предприняты властными группами в первые же послесоветские годы.

После вывода российских войск из Литвы (1993 г.), Латвии и Эстонии (1994 г.) данный процесс получил мощный импульс, по вопросу прозападного курса сложился внутриэлитный консенсус (хотя и не сразу, о чем свидетельствовали, например, высказывания в пользу внешнеполитического нейтралитета лидеров Центристской партии Эстонии или Партии народного согласия Латвии). Общества стран Прибалтики до конца 1990-х гг. оставались расколотыми по вопросу присоединения к ЕС и НАТО, количество сторонников вступления колебалось в пределах 30-40%. Элитам в целях укоренения идеи евроатлантической интеграции пришлось использовать инструменты воздействия на общественное мнение. Помимо прочего, властные группы стран Прибалтики эксплуатировали и «российский фактор», трактуя его как угрозу безопасности.

С опорой на результаты глубинных интервью показано, что форсированное присоединение к основным институтам западной интеграции привело к утрате «большой идеи»: цель «возвращения на Запад», служившая важным фактором внутриэлитного взаимодействия и мобилизации электората, была достигнута, а новая - не сформулирована. Одним из последствий этого стал всплеск популистских политических проектов: «Кому принадлежит государство» в Латвии, «Партия национального возрождения» и «Путь мужества» в Литве, Консервативная народная партия в Эстонии.

На фоне иммиграционного кризиса в ЕС зазвучали и евроскептические выступления. В условиях кризиса новых «больших идей» властные группы стран Прибалтики пытаются заместить их отсутствие активизацией своей политики на постсоветском пространстве, понимаемой в геополитической логике «сдерживания» России.

Автором осмыслены «узловые моменты» участия элит стран Прибалтики в международных делах после вступления в Европейский союз – председательства (в порядке ротации) Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС. Ход, задачи и результаты этих председательств проанализированы через призму приоритетной роли, которую элиты стран Прибалтики придают продвижению программы «Восточное партнерство».

По мнению автора, дипломатическая активность на пространстве бывшего СССР рассматривается властными группами стран Прибалтики как инструмент, во-первых, закрепления своего статуса «настоящих европейцев» с востребованной внешнеполитической специализацией, во-вторых, как средство тиражирования прибалтийского опыта форсированной евроатлантической интеграции и, в-третьих, как способ «сдерживания», ослабления российских позиций на постсоветском пространстве. Наибольшую вовлеченность в данные процессы демонстрируют властные группы Литвы, в период председательства которой саммит «Восточного партнерства» в Вильнюсе привел к катастрофическим последствиям для Украины.

Элиты Латвии, Литвы и Эстонии предпринимают регулярные и скоординированные усилия по сохранению «Восточного партнерства» среди приоритетов ЕС. При этом восточная политика ЕС трактуется ими в терминах «геополитической борьбы с Россией». Заметную роль в укоренении таких взглядов сыграли представители литовских, латышских и эстонских эмигрантских кругов (в основном в США), вернувшиеся в активную политику и занимавшие значимые позиции в руководстве стран Прибалтики. Председательства Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС, элиты которых претендуют на роль «экспортеров» западных ценностей, не привели к укреплению доверия между Россией и Евросоюзом.

В целом действия элит Латвии, Литвы и Эстонии на российском направлении, несмотря на отдельные страновые и «косметические» отличия, определяются конфронтационным подходом. Властные группы

стран Прибалтики для разрешения спорных вопросов с Россией используют преимущественно не механизмы «размывания», погашения рисков, а руководствуются использованием противоречий с Россией как со «страной-угрозой», стремясь укрепить свою субъектность в международных делах. Основные характеристики такого подхода:

бескопромиссность (акцентирование противоречий и несогласие с международными форматами, включающими «страну-угрозу»),

секьюритизация (стремление к отсоединению от транспортной, энергетической и даже гуманитарной инфраструктуры, связывающей со «страной-угрозой», под предлогом безопасности),

конфронтационная символическая политика (в первую очередь, в сфере исторической памяти),

институционализация (формирование структур, нацеленных на выдвижение и воспроизводство претензий к «стране-угрозе», в том числе требование компенсаций за советскую «оккупацию»).

Инструментальный характер такого подхода служит конкретным внутри- и внешнеполитическим целям властных групп. Так, «оккупационная» доктрина обеспечивает юридический фундамент для решения экономических (реституция собственности, ограничения нетитульного населения), политических (мобилизация электората на выборах), идеологических (укрепление легитимности сложившегося режима) задач.

«Российской угрозой» обосновываются претензии элит Латвии, Литвы и Эстонии на дополнительное внимание к себе со стороны значимых международных игроков (США, ЕС и НАТО, Германия, Великобритания), большее участие в общеевропейских делах (особенно в части продвижения исторических оценок Второй мировой войны и сохранения «Восточного партнерства» в числе приоритетов ЕС), получение дополнительных гарантий безопасности.

Истекшие десятилетия регулярного воспроизводства конфронтационного подхода к отношениям на восточном направлении обусловили своего рода институциональный крен в становлении политических элит Латвии, Литвы и Эстонии. В итоге происходит «отрицательная селекция» - допуск в руководящую когорту получают в основном те, кто не акцентирует задачу нормализации диалога с Россией.

Исследованы прогнозные траектории возможного развития отношений властных групп Латвии, Литвы и Эстонии с Россией в будущем.

Выделены 3 среднесрочных сценария: инерционный (консервирование, «замораживание» ситуации), кооперационный («перезагрузка», прагматизация отношений с опорой в первую очередь на возможности бизнеса) и конфронтационный (кризис странового или субрегионального уровня, не исключающий масштабирования в силу провокаций с использованием военной составляющей). Наименьшие перспективы имеет кооперационный сценарий, наибольшие – инерционный. Риск конфронтационного сценария не исключен.

С учетом нарастания противоречий в вопросах глобальной безопасности внешнеполитический запрос на переход стран Прибалтики к международной нише «посредника» или «торгового моста» в обозримой перспективе отсутствует. Попытки укрепить экономическую прагматику будут неизбежно квалифицироваться сквозь призму потенциальных военно-политических угроз, способных ослабить внутриэлитный консенсус и привести к риску подрыва позиций НАТО на «передовых рубежах».

Кроме того, переход к сотрудничеству в двусторонних контактах блокирован тем, что конфронтационный подход к отношениям с Россией укоренился, приобрел не конъюнктурный, а системный характер, играет роль одной из смыслообразующих основ, поскольку увязан с идеей преемственности досоветской государственности и «оккупационной» доктриной.

Таким образом, действительный, недекларативный отказ от конфронтационного подхода означает, по сути, демонтаж сложившегося в странах Прибалтики политического порядка. Слишком большое количество «красных линий» со стороны элит Латвии, Литвы и Эстонии сужает возможности для субстантивного российско-прибалтийского политического диалога, зарудняет поиск в рамках двусторонней повестки дня содержательных точек соприкосновения в обозримом будущем.

Заключение

Проведенное исследование позволило выполнить комплексный анализ трансформации политических элит стран Прибалтики, выявить специфику данного процесса, обусловленную влиянием внутренних и внешних факторов, спрогнозировать сценарии политического диалога с Россией. Результатом исследования стали следующие выводы:

1. В первое десятилетие после обретения независимости оформилась четырехсоставная структура элит стран Прибалтики: «политики морали», экс-номенклатура, выходцы из зарубежных диаспор и представители бизнеса. Такая конфигурация, сочетающая элементы властных групп старого и нового времени, отражала противоречивую атмосферу ранних постсоветских перемен, демонтажа прежних каналов и механизмов рекрутирования элит и их постепенной реконфигурации в новых политических условиях.

Латвия, Литва и Эстония демонстрировали схожие закономерности структурной динамики политических элит. Мощный приток творческой интеллигенции на старте независимости (количество «политиков морали» в первой половине 1990 гг. в странах Прибалтики превышало 55%) через несколько лет сменился возрождением экс-номенклатуры. Обильное рекрутирование кадров советского периода показало, что даже после масштабных политических встрясок элита не может быть создана с нуля. Вплоть до начала 2000 гг. в среднем до 40% властных групп Латвии, Литвы и Эстонии составляли представители старого режима. В свою очередь бизнесмены и выходцы из зарубежных латышских, литовских и эстонских диаспор (в основном из США, Канады, Германии и Швеции) образовали новые источники элитного рекрутирования. Представители коммерческого сектора с начала 2000 гг. удерживают не менее 30% (в отдельные периоды свыше 40%) властных позиций в странах Прибалтики. Выходцев из зарубежных диаспор было немного: в Латвии – 2,8%, в Литве – 4%, в Эстонии – 1,7%. Однако они, не имея численного превосходства, добились

высших политических позиций и обрели статус опорного звена элитного рекрутирования, олицетворяя собой полный разрыв с советским периодом и стратегический курс на форсированную евроатлантическую интеграцию.

При схожих основных тенденциях трансформации элит каждая страна Прибалтики демонстрировала свои особенности. Так, отличительная черта Эстонии – существенное «вымывание» экс-номенклатуры из состава властных групп: к настоящему времени их осталось в пределах 5% (почти вдвое меньше, чем в Литве и Латвии). В Литве больше всего представителей зарубежной диаспоры из США (в основном в периоды президентства В. Адамкуса в 1998-2003 гг. и 2004-2009 гг.) – в президентском аппарате, в сфере международных отношений, обороны и безопасности. Присутствие бизнеса во властных группах наиболее характерно для Латвии, где на рубеже 2010-х гг. предприниматели занимали до 60% позиций в кабинете министров и до 30% в парламенте.

2. К настоящему времени лишь бизнес сохранил в ее составе существенное присутствие, остальные сегменты постепенно «растворяются». Выходцы из коммерческих кругов содействовали укоренению неформальных практик внутриэлитного взаимодействия: теневых политических сделок, закулисных решений. По оценкам участников глубинных интервью, демократические институты в Латвии, Литве и Эстонии хрупки и в существенной мере зависимы от непрозрачных действий властных групп, подвержены влиянию бизнеса. В каждой из стран Прибалтики это имеет свои проявления – «капитализм братанов» (Эстония), «клан государственников» (Литва), «выборы» президента олигархами (Латвия). Практика соблюдения формальных политических правил в условиях системы юридической ненаказуемости персональных договоренностей остается значимым вызовом для элит стран Прибалтики, содействуя ослаблению доверия граждан к властным группам, нарастанию кризисных тенденций в сфере легитимности политических институтов в целом.

Активное рекрутирование бизнеса в элиту стран Прибалтики имело и другой эффект – продление политического долголетия представителей экс-номенклатуры. Стремясь сохраниться в новых условиях, они часто блокировались с «капитанами бизнеса», а нередко и сами бывшие аппаратчики превращались в миллионеров, используя возможности приватизации либо выступая посредниками при передаче предприятий в частные руки. Однако к настоящему времени экс-номенклатура, занимавшая руководящие посты вплоть до премьер-министра и президента, лидеров партий (преимущественно социал-демократической, центристской направленности), утрачивает свое значение. В условиях, когда коммунистическая идеология, а затем и прежний советский порядок в целом объявлены в странах Прибалтики вне закона, их главным навыком стали политическая конъюнктурность, готовность к широким компромиссам, неожиданным коалициям и разнообразным политическим сделкам. Пытаясь избежать ошибок, они с осторожностью подходили к ключевым вопросам внешней политики и безопасности, больше концентрируясь на нейтральных темах торговли, экономики, социального обеспечения. Это позволяло выступать с прагматичными, более понятными избирателям установками, но в то же время ставило таких политиков в ведомую позицию, приглушало их влияние. Кроме того, это контрастировало с ролью «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор, с самого начала имевших амбиции архитекторов новых политических режимов стран Прибалтики.

Творческая интеллигенция и вернувшиеся эмигранты, стоявшие в основном на националистических позициях, были нацелены на закрепление евроатлантического интеграционного вектора в качестве безусловного приоритета Латвии, Литвы и Эстонии в сфере внешней политики и безопасности. Именно в период массового присутствия «политиков морали» в органах власти реализован стержневой в рамках создания нового политического порядка принцип континуитета, преемственности постсоветской и досоветской государственности. В его основе – тезис о

«прерванной» государственности стран Прибалтики в связи с их присоединением в 1940 г. к Советскому Союзу. Представители зарубежных диаспор (в первую очередь из США, где действовали дипмиссии «в изгнании») настаивали на нормативном закреплении преемственности с довоенным временем. В этих целях элитами Латвии, Литвы и Эстонии полностью или частично было восстановлено досоветское законодательство, в том числе конституционное, отдельные политические партии и иные значимые институты, проведена реституция собственности. Советский период был официально маркирован как «оккупация», историческая и культурная «травма», имеющая отрицательные последствия в политике, экономике, в социальной и гуманитарной сфере.

3. В дальнейшем система элитного рекрутирования определялась этими «красными линиями» – структурными ограничениями, играющими ключевую роль в рамках нового политического порядка в странах Прибалтики. Спустя 30 лет после провозглашения независимости Латвии, Литвы и Эстонии на их политическую авансцену выходит очередное поколение политических элит. Все большее количество его представителей не только не имеют опыта членства в компартиях или работы в органах власти в советский период, но и родились после распада Советского Союза. Однако по-прежнему, несмотря на прошедшие десятилетия, используются те же приемы внутривнутриполитической консолидации: если раньше речь шла об отмежевании от союзного Центра, то теперь о «российской угрозе». Не имея советского опыта, они становятся политическими наследниками тех, кто свое становление в качестве элиты основывал на борьбе с советским проектом.

Преемственность с досоветской государственностью, евроатлантический вектор, натоцентричная система безопасности и фактор «российской угрозы» не были по существу оспорены ни экс-номенклатурой, ни прагматичным бизнесом. При активном участии «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор они обрели роль несущих опор нового политического порядка, которые теперь определяют для очередных

поколений элит пределы допустимого, формируя структурное ядро политического пространства в Латвии, Литве и Эстонии. Персональное измерение политической борьбы утрачивает в странах Прибалтики свое значение по сравнению с годами обретения независимости. Личность конкретного политика (даже на высших позициях) становится не так важна; его действия, как и властных групп в целом, определяются прокрустовым ложем данной структурной обусловленности.

4. После присоединения к евроатлантическим институтам политические элиты стран Прибалтики утратили прежний идейный заряд, который мог бы служить целям внутривластной консолидации. «Возвращение в Европу» было достигнуто, и местные общества сполна ощутили все плюсы и минусы, которые несет с собой участие в ЕС и НАТО. Эрзац-вариантом новой «большой идеи» стал конфликтный подход к России. Элиты Латвии, Литвы и Эстонии сделали свои государства не «мостом», «посредником» между Востоком и Западом, а странами «одного вопроса» – «экспертами» по «сдерживанию» России. Именно в духе «сдерживания» ими воспринята программа в рамках политики соседства ЕС «Восточное партнерство». Настойчивые попытки властных групп стран Прибалтики стать «маяками» демократизации на постсоветском пространстве и одновременно «привратниками», бдительно охраняющими «рубежи Запада», позволили элитам Латвии, Литвы и Эстонии претендовать в системе западной внешнеполитической субординации на нишу экспортеров западных ценностей. Наибольшей активностью на данном направлении выделяются властные группы Литвы. Именно в Литве в период доминирования «политиков морали» в структуре политических элит был принят Конституционный акт о неприсоединении к восточным постсоветским союзам (часть Конституции 1992 г.), согласно которому республика «стремится развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединяться к любым вновь создаваемым на основе

бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств».

В свою очередь во многом благодаря «российскому вопросу» до сих пор сохраняется так называемое прибалтийское единство, хотя бы как идеологическая конструкция, разделяемая элитами трех стран. Траектории постсоветских трансформаций не раз делали Латвию, Литву и Эстонию конкурентами по экономическим, финансовым, инфраструктурным сюжетам – будь то строительство железнодорожной магистрали «RailBaltic», торговля или так и не осуществленный проект совместного строительства атомной станции. Однако идея «сдерживания» России, взятая на вооружение властными группами стран Прибалтики, до сих пор удерживает их вместе, позволяя рассматривать Латвию, Литву и Эстонию как одновременно часть Евроатлантики и постсоветского пространства.

5. Идею противостояния с Москвой как бывшим союзным Центром, определявшую политическую жизнь стран Прибалтики многие десятилетия, не стёрли ни время, ни западные союзники, ни некогда тесная торговля и транзитные связи с Россией, ни переход под «зонтик» ЕС и НАТО. Форсируя «возвращение в Европу», элиты стран Прибалтики стремились не просто добиться формального присоединения к западным интеграционным институтам, но и окончательно порвать с Россией как с «не-Западом», подтвердив тем самым свою принадлежность «Европе». Старое противостояние сохранилось и в новейший период, трансформировавшись в конфронтационный внешнеполитический подход на российском направлении, который стал неотъемлемым элементом внутривнутриполитической жизни стран Прибалтики. Для элит Латвии, Литвы и Эстонии Россия превратилась в качестве «источника опасности» в средство укрепления собственной субъектности на внутренней и внешней сцене. Отказ от нейтралитета в начале 1990 гг., противодействие значимым экономическим инициативам России в регионе («Северный поток») и попытки подрыва ее позиций на постсоветском пространстве («Восточное партнерство»),

претензии на особое мнение в диалоге Россия-ЕС, наращивание на своей территории сил и средств НАТО укладываются в эту магистральную линию поведения. Осуществляется давление на «нелояльных» политических конкурентов («Партия труда» в Литве, «Согласие» в Латвии, «Центристская партия» в Эстонии), административно-пропагандистский прессинг в отношении местных нетитульных групп. Законодательно закрепленное желание элит стереть 50 лет советского опыта законсервировало основные расколы в обществах стран Прибалтики: языковой, этнический, проблему массового «негражданства».

6. Описанные выше структурные ограничения, инициированные властными группами первых пореформенных лет, оказывают влияние на последующие поколения элит и, несмотря на процедуры демократической сменяемости властных групп, позволяют удерживать господствующее положение сторонникам и наследникам тех политических сил, которые пришли во власть на заре независимости. Предприняты системные усилия по созданию с помощью тезиса о «российской угрозе» механизма воспроизводства элит и обеспечения лояльности основным идеологическим установкам, укрепления политического контроля. Вместе с тем эти установки сужают арсенал доступных элитам средств политического реагирования в связи с внешними и внутренними изменениями. Интерпретация различных «входящих сигналов» в основном через привычную призму угрозы снижает потенциал элит по поиску адекватного ответа на меняющиеся вызовы. Кризисные тенденции в сфере легитимности властных групп, укрепление право-популистских проектов, вызревание евроскептических идей на фоне искусственного нагнетания ситуации в сфере безопасности в странах Прибалтики свидетельствуют о постепенном исчерпании возможностей данной системы формирования и воспроизводства политических элит.

7. В такой ситуации на повестке стоит решение вопроса о перспективах перехода от антагонистического подхода в российско-

прибалтийском политическом диалоге к контактам, которые основаны на взаимных интересах и уважении. На отношения с Россией пагубно влияют стремление стран Прибалтики к разрыву логистических, энергетических, культурных, образовательных и иных связей с Россией, ограничения на использование русского языка, историческая политика в духе уравнивания советского и нацистского режимов, требование от России компенсаций и тяготение к переносу конфликтных сюжетов в двусторонних отношениях на общий уровень ЕС. Сохраняются риски нарастания конфронтации, учитывая рост военной инфраструктуры НАТО в данном регионе.

В российской политике на прибалтийском направлении автор рекомендовал бы придерживаться комбинированного подхода. С одной стороны, твердо отстаивать российские позиции (в т.ч. в части защиты соотечественников) на политическом двустороннем уровне; обращать внимание ООН, институтов ЕС и ведущих государств на проблемы «неграждан», факты необоснованных преследований политических и общественных деятелей, особенно представителей нетитульных групп; исходить из примата российских интересов в торгово-экономическом сотрудничестве; выступать против формирования консенсуса по вопросам исторической памяти на основе «угрозы с Востока». С другой стороны, от взаимодействия с гражданском обществом стран Прибалтики не следует отказываться. Целесообразно разъяснить бесперспективность сохранения конфронтационного настроя по отношению к России, особенно учитывая тревожные социально-экономические и демографические тенденции в странах Прибалтики. Представляется целесообразным сохранять возможность для возобновления политического диалога в том случае, если элиты Латвии, Литвы и Эстонии (с учетом страновой специфики) продемонстрируют готовность к нормализации повестки. Снятие излишней политизации в двусторонних отношениях соответствует долгосрочным интересам обществ России и стран Прибалтики.

Приложения

К главе I.

Таблица 1

Паттерны циркуляции элиты

Объем циркуляции	Широкий и глубокий	Узкий и поверхностный
Форма циркуляции		
Постепенная и мирная	Классическая циркуляция	Репродуктивная циркуляция
Быстрая и насильственная	Заменяющая циркуляция	Квазизаменяющая циркуляция

Источник: *Higley J. Elites after State Socialism. Theories and Analysis / J. Higley, G. Lengyel. New York; Oxford : Rowman & Littlefield Publishers, 2000. P. 252.*

Таблица 2

Типы элит в процессе политической трансформации в Восточной Европе

Тип (поколение) элиты	Характеристика
Элиты транзита	Преобладают «политики моральных качеств», интеллектуалы, стремящиеся вести свои страны к демократическим идеалам и вовлеченные в дискурс о ценностях. Большинство не строили политической карьеры и попали в политику относительно случайно.
Элиты трансформации	Более прагматичные политики, инженеры нового демократического порядка, политики-технократы.
Элиты консолидации	Политики-модераторы, управленцы, осуществляющие интеграцию и закладывающие новые основы для дальнейшего развития.

Источник: *Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization // Transformative Paths in Central and Eastern Europe / eds. R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski. Warsaw : Institute of Polish Studies, 2001. P. 133–142.*

К главе II.

Таблица 3

Данные о составе респондентов

Страна	Профессиональная принадлежность			Всего
	Политики	Ученые	Журналисты	
Латвия	10	3	3	16
Литва	16	5	4	25
Эстония	7	3	2	12

Источник: расчеты автора.

К главе III.

Таблица 4

Представительство бывших членов Компартии
в парламентах Латвии, Литвы и Эстонии (1990–2004 гг.)

Страна	Члены Компартии до избрания в парламент		Не входили в Компартию до избрания в парламент		Были вовлечены в диссидентскую деятельность		Общее количество, чел.
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	
Литва	314	66,1	143	30,1	18	3,8	475
Латвия	315	73,3	104	24,2	11	2,6	430
Эстония	238	67,4	95	26,9	20	5,7	353

Составлено по: *Matonyte I.* Ex-nomenclatura and Ex-dissidents in the Post-communist Parliaments of Estonia, Latvia, Lithuania and Poland // *Viesoji politika ir administravimas.* 2009. No. 29. P. 28–39.

Таблица 6

**Территориальная принадлежность представителей
политической элиты Литвы, %**

Годы	Вильнюс	Каунас	«Запад»	Республики СССР	Другие города Литвы
1992–1996	45,9	35,1	–	2,7	16,2
1996–2000	32,1	30,2	3,8	3,8	30,2
2000–2004	55,8	21,2	4	5,8	13,5
2004–2008	62,1	20,7	3,4	3,4	10,3
2008–2012	29,4	14,7	–	5,9	50

Источник: расчеты автора.

Таблица 5

**Территориальная принадлежность представителей
политической элиты Латвии, %**

Территориальная принадлежность	1993–1995	1995–1998	1998–2002	2002–2006	2006–2010	2010–2011	2011–2014
Рига	35,5	43,7	39,2	40,6	47,2	56,5	58,8
Курземе	8,9	16,3	16,7	15,5	13,8	6,5	6,9
Латгале	17,8	13,3	15,9	12,6	9,8	13,2	15,7
Земгале	13,3	8,2	9,8	15,7	14,3	8,7	3,9
Видземе	20,0	14,3	11,8	9,6	9,1	10,9	10,7
Республики СССР	2,5	2,0	3,8	3,8	3,6	2,2	2,0
«Запад»	2,0	2,2	2,8	2,2	2,2	2,0	2,0

Источник: расчеты автора.

**Территориальная принадлежность представителей
политической элиты Эстонии, %**

Годы	Харьюмаа	Тартумаа	Вильяндимаа	Ида-Вирумаа	Пярнумаа	«Запад»
1992–1995	44,3	17,1	7,1	–	7,1	1,2
1995–1999	40,3	15,3	5,6	1,4	6,9	1,7
1999–2003	39,2	12,2	1,4	2,7	5,4	2
2003–2007	31,8	15,2	3	1,5	6	2
2007–2011	41	15	4,1	4,1	4,1	1,6
2011–2014	40,2	19,5	4,9	3,7	2,4	1,2

Источник: расчеты автора.

Количество выходцев из бизнеса в сейме и правительстве Латвии

Период работы Сейма	Депутаты сейма Латвии		Члены правительства Латвии	
	Всего, чел.	Из бизнеса, чел./%	Всего, чел.	Из бизнеса, чел./%
Пятый Сейм (1993–1995)	100	5/5	14	4/28,5
Шестой Сейм (1995–1998)	100	16/16	16	6/37,5
Седьмой Сейм (1998–2002)	100	22/22	20	7/35
Восьмой Сейм (2002–2006)	100	25/25	23	10/43,4
Девятый Сейм (2006–2010)	100	27/27	29	14/48,2
Десятый Сейм (2010–2011)	100	32/32	13	8/61,5
Одиннадцатый Сейм (2011–2014)	100	28/28	12	8/66,6

Источник: расчеты автора.

К главе IV.

Таблица 9

Население стран Прибалтики, 1989–2011 гг., млн чел./%

Год	Показатель	Литва	Латвия	Эстония
1989	<i>Всего, из них:</i>	3,674 / 100	2,666 / 100	1,565 / 100
	титульная группа	2,924 / 79,6	1,387 / 52,0	0,963 / 61,5
	русские	0,344 / 9,40	0,905 / 34,0	0,474 / 30,3
2000	<i>Всего, из них:</i>	3,484 / 100	2,377 / 100	1,370 / 100
	титульная группа	2,907 / 83,5	1,370 / 57,7	0,930 / 67,9
	Русские	0,219 / 6,3	0,703 / 29,6	0,351 / 25,6
2011	<i>Всего, из них:</i>	3,244 / 100	2,070 / 100	1,340 / 100
	титульная группа	2,721 / 83,9	1,284 / 62,1	0,924 / 69,0
	Русские	0,176 / 5,8	0,556 / 26,9	0,341 / 25,5

Составлено по: данные Департаментов статистики Латвии, Литвы и Эстонии по итогам переписей, без учета иных нетитульных групп.

Таблица 10

**Соотношение групп населения
в Латвии и Эстонии в XIX–XXI вв., %**

Губерния / Республика	Национальность	1897	1922– 1925	1934– 1935	1959	1979	1989	2000	2009– 2011
		Латвия	Латыши	68	73,4	75,5	62	53,7	52
Восточные славяне	12		12,6	12,1	30,9	40	42	36,4	33,3
Эстония	Эстонцы	91	87,6	88,1	74,6	64,7	61,5	67,9	68,7
	Восточные славяне	4	8,2	8,2	22,3	32	35,2	29	28,9

Составлено по: *Розенвалдс Ю.* Русскоязычное меньшинство в политической элите Латвии и Эстонии: перспективы «(де)герметизации» // Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. Канта, 2012. С. 215.

Таблица 11.

Объем теневой экономики в странах Прибалтики,
(в % от ВВП)

	2009	2014	2018
Латвия	36,6	23,5	24,2
Литва	17,7	12,5	18,7
Эстония	20,2	13,2	16,7

Составлено по: *Sauka A., Putnins T. Shadow Economy Index for the Baltic States. 2009-2018. Riga: Stocholm school of economics, 2018.*

**Неформальные аспекты политического процесса в странах Прибалтики
(по материалам глубинных интервью)**

Вопрос	Доля ответов, %	Литва	Латвия	Эстония
Транспарентность принимаемых властными кругами решений	Достаточная	20	35	66
	Недостаточная	76	55	26
	Нет ответа	4	10	8
	Комментарии респондентов	<p>«Принципиальные решения принимаются в закрытом режиме, а потом проводятся через Сейм»; «Группировки договариваются, а пресса обслуживает их интересы, и это отступление от демократии»; «В начале перемен открытости было больше, хотя и сейчас есть»; «Сейчас условная публичность и открытость, медиа много пишут, но так, как диктуют сверху»; «Основные решения идут от президента, противостоять ей сложно, она давит». «Паксаса убрали, потому что он стал угрозой для системы, для соцдемов и консерваторов».</p>	<p>«О какой транспарентности вы спрашиваете, если даже решение о кандидатуре президента принималось на закрытой встрече элит в зоопарке?»; «В каждой партии есть серый кардинал, который говорит всем, что делать»; «Все важнейшие решения – это продукт закулисных договоренностей»; «Распределение правительством крупных контрактов на ремонт и строительство – закрытая сфера»; «Закрытость – советское наследие».</p>	<p>«Мы опираемся на опыт Скандинавских стран, открытость важна, поэтому перешли на электронное правительство»; «Наименее прозрачны процессы внутри партий»; «Сговор правящих – обычная практика для Эстонии, именно поэтому центристов не пускают во власть и дают на них через спецслужбы»; «Электронное голосование – инструмент для манипуляций»; «Президент не стал арбитром для элит, его открытость – игра».</p>

Влияние бизнеса на власть, полити- ческая коррупция	Существенное	68	75	50
	Несущественное	12	15	33
	Нет ответа	20	10	17
	Комментарии респондентов ⁹⁵¹	«Есть крупный бизнес – группа Моцкуса, была группа Лубиса, бывший ”Рубикон” ⁹⁵² , который влияет на власть, но старается не афишировать»; «Бизнес всегда использует политиков в своих целях, Литва не исключение»; «С начала 2000 гг. бизнес активно пошел во власть, выдвигая своих представителей для лоббирования интересов, чаще всего непубличного»;	«Раньше было три игрока–Лембергс, Шлесерс, Шкеле ⁹⁵³ . Теперь стало больше мелких, но валят на эту тройцу по-прежнему»; «Теневые схемы, “левые” кредиты верхушки правительства – об этом все знают, но молчат»; «О коррупции спросите у вице-мэра Риги Америкса по прозвищу Mister Twenty»; «Лучший способ	«Чиновники торгуют влиянием. Скандал с главой МИД в 2015 г. не единственная история»; «Партия реформ подделывала голоса»; «Власть это бизнес, во власть пришла циничная молодежь – тефлоновое поколение, их интересует не Skype, а \$ (доллар)»; «Основные спонсоры партий – это банкиры и транзитчики»; «Рефор-

⁹⁵¹ На вопросы о влиянии бизнеса респонденты отвечали, как правило, крайне неохотно, стараясь либо говорить осторожно, либо уличить в сотрудничестве с лоббистами прежде всего своих политических соперников. Причем политическая ориентация респондентов значения не имела – о собственной кооперации с бизнесом никто рассуждать не хотел.

⁹⁵² Д. Моцкус – президент торговой компании «MG Baltic group» (концерн занят в оптовой и розничной торговле, логистике, производстве, девелоперских проектах и коммуникациях), находится в первой десятке миллионеров современной Литвы. Б. Лубис (1938–2011 гг.) – премьер-министр Литвы, владел крупнейшим литовским предприятием Achema (производство удобрений, стивидорные компании, крупнейший потребитель газа, оборот свыше 2 млрд долл.). Группа компаний «Рубикон» (затем – «Икор») связана с А. Зуокасом, неоднократно занимавшим пост мэра Вильнюса (проиграл выборы в 2015 г.), участником ряда коррупционных скандалов.

⁹⁵³ А. Лембергс – бессменный мэр Вентспилса с 1994 г. (с 1988 г. – председатель Вентспилского горисполкома), миллионер, занят транзитом нефтепродуктов и удобрений, неформальный лидер партии «Союз зеленых и крестьян». А. Шлесерс – миллионер, в прошлом вице-премьер, экс-лидер Партии реформ Шлесерса, занят грузоперевалкой и бизнесом в сфере недвижимости. А. Шкеле – миллионер, дважды премьер-министр, экс-лидер Народной партии, имеет бизнес в сфере строительства, энергетики, недвижимости и т. д. Перечисленные политики владеют СМИ. В 2011 г. – фигуранты громкого «дела против олигархов».

		<p>«Бизнес стал осторожнее, стараясь влиять не напрямую. Но все равно известно, кто за кем стоит – кем управлял “Рубикон”, а кто влиял на правительство»; «Бизнес спонсирует несколько партий-оппонентов, дает и тем, и другим»; «Подкупить весь Сейм нельзя – всегда есть одна группа, которая блокирует другую»; «Министра обороны Л. Линкявичюса обвиняли в продаже стройматериалов с советских авиабаз, а Ю. Олекаса – в завышении в 8 раз закупочных цен на вилки-ложки для армии».</p>	<p>уйти от ответственности – получить пост в Брюсселе»; «Политики на деньги бизнеса используют спецслужбы против конкурентов»; «Мы – власть, и мы можем помочь бизнесу, а можем и поставить подножку»; «Основные лоббисты – это строители и те, кто сидит на транзите и энергетике»; «Семья Г. Белевича пожертвовала «Союзу зеленых и крестьян» 60 тысяч евро, а потом он стал министром здравоохранения – случайно?».</p>	<p>мисты пережили “сильвергейт”⁹⁵⁴ – грязные спонсорские деньги, как в СНГ»; «Миллионер Осиновский⁹⁵⁵ содержит социал-демократов, его сын – министр»; «В 2011 г. партия «Isamaailit / Res Publica» попала на торговле видами на жительство, они успели заработать миллионы евро»; «Т. Аннусу⁹⁵⁶ и Э. Сепи⁹⁵⁷ прищемили хвост за помощь центристам, а реформистам проще, с ними Н. Сели⁹⁵⁸, Т. Луман⁹⁵⁹, энергетика, портовики, СМИ».</p>
--	--	--	--	--

⁹⁵⁴ Назван по имени члена Партии реформ Сильвера Мейкара, который рассказал, что по предложению генсекретаря партии, министра юстиции К. Михала жертвовал партии деньги неизвестного происхождения.

⁹⁵⁵ Владелец эстонского железнодорожного предприятия Skinest Олег Осиновский – самый крупный спонсор Социал-демократической партии Эстонии, его сын Евгений – председатель партии и министр образования Эстонии. В 2015 г. Осиновский-отец фигурировал в деле о коррупции в железнодорожной сфере в Латвии, где был арестован глава ЛЖД У. Магонис.

⁹⁵⁶ Крупный акционер компании Merko Ehitus, обвинялся в махинациях с землей.

⁹⁵⁷ Призналась, что наличность от спонсоров вносила от своего имени в кассу Центристской партии со словами «так делали все».

⁹⁵⁸ Председатель совета Таллинского порта в 2005-2014 гг. Признан виновным в коррупции в 2015 г. при распоряжении деньгами порта, после чего оставил Партию реформ, которую поддерживал с 1994 г.

⁹⁵⁹ Глава Торгово-промышленной палаты Эстонии. Один из наиболее крупных спонсоров Партии реформ. В 1999 г. на парламентских выборах ведущие бизнесмены Эстонии создали компанию R-Nooldus для спонсирования Партии реформ, которая и победила.

Таблица 13

Уровень коррупционных рисков

Страна	Коррупция – одна из главных проблем страны?	Как государство борется с коррупцией?	Насколько коррумпированы члены парламента?	Сколько людей давали взятку?	Приемлемо ли освещать коррупцию?
Эстония	средний	средний	*	низкий	высокий
Латвия	высокий	высокий	средний	средний	средний
Литва	высокий	высокий	*	высокий	высокий

*многие выбрали «затрудняюсь ответить» / вопрос не задавался.

Составлено по: *Pring C. People and Corruption: Europe and Central Asia. Global Corruption Barometer. Berlin : Transparency International, 2016.*

Таблица 14

Восприятие коррупции по отдельным институтам,

(баллы: 1 – некоррумпированный, 5 – полностью коррумпированный)

Страна		Партии	Парламент	Армия	НКО	СМИ	Церковь	Бизнес	Образование	Судебная система	Медицина, правоохранение	Полиция	Публичные чиновники, госслужащие
Эстония	2004	3,5	3,1	2,0	2,8	2,8	1,7	3,1	2,4	3,1	2,7	2,9	н/д
	2013	3,7	3,1	2,0	2,4	2,6	2,1	3,3	2,3	2,8	2,7	2,6	3,2
Латвия	2004	4,2	4,0	2,5	2,4	3,1	2,0	3,7	3,0	4,1	3,6	4,0	н/д
	2013	4,0	3,7	2,3	2,4	3,0	2,1	3,4	2,5	3,5	3,4	3,5	3,8
Литва	2004	4,2	4,2	2,4	2,8	3,2	2,3	3,5	3,0	4,2	3,8	4,1	н/д
	2013	4,2	4,3	2,4	2,6	3,3	2,5	3,6	3,2	4,3	4,1	3,9	3,9
Финляндия	2004	3,0	2,6	1,6	2,0	2,9	2,3	2,7	1,6	2,0	1,9	1,7	н/д
	2013	3,4	2,9	1,9	2,4	3,1	2,3	3,3	2,1	2,0	2,4	1,8	2,8

Составлено по: *Global Corruption Barometer, 2004; Global Corruption Barometer, 2013 (Transparency International).*

Таблица 15

Уровень взяточничества в странах Балтийского региона, %

Страна	2004	2013	2016
Эстония	5–10	6	5
Латвия	11–20	19	15
Литва	31–40	26	24
Финляндия	< 5	1	1

Составлено по: *Hardoon D.* Global Corruption Barometer. 2013 / D. Hardoon, H. Finn. Berlin : Transparency International, 2013; *Pring C.* People and Corruption: Europe and Central Asia. Global Corruption Barometer. Berlin : Transparency International, 2016.

Таблица 16

Страны Балтийского региона в рейтинге Всемирного экономического форума «Индекс глобальной конкурентоспособности»*

Показатель	Латвия		Литва		Эстония		Финляндия	
	2008/ 2009	2017/ 2018	2008/ 2009	2017/ 2018	2008/ 2009	2017/ 2018	2008/ 2009	2017/ 2018
Уровень доверия общества политикам	95	98	69	82	44	38	3	5
Фаворитизм в принятии решений госорганами	83	103	81	76	44	28	2	4
Транспарентность принимаемых властью решений	98	103	64	62	27	27	5	8

* В 2008/2009 г. в рейтинге 134 страны, в 2017/2018 г. – 137 стран. После 2018 г. индикаторы изменены, дальнейшее сравнение невозможно.

Составлено по: *The Global Competitiveness Report 2008–2009* / eds. K. Schwab and M. E. Porter. Geneva : World Economic Forum, 2008; *The Global Competitiveness Report 2017–2018* / ed. K. Schwab. Geneva : World Economic Forum, 2018.

Таблица 17

Уровень доверия политическим институтам, %

Политические институты	Литва		Латвия		Эстония		ЕС (среднее)	
	2005	2019	2005	2019	2005	2019	2005	2019
<i>Парламент</i>	19	13	25	19	46	40	35	34
<i>Правительство</i>	27	32	29	28	55	43	31	34
<i>Партии</i>	11	9	8	6	18	13	17	19

Составлено по: *Standard Eurobarometer 64-92 (2005-2019)*. Brussels : European Commission, 2005-2019.

К главе V.

Таблица 18

Роли элиты малых стран и внешнеполитические ниши

Роль политической элиты	Основная функция	Внешиполитическая ниша государства
«Посредник»	Торговля	«Свободный порт», «оффшор», «страна-транзитер» или «мост», соединяющий крупные интеграционные образования, страны за счет выгодного геополитического положения и нейтралитета
«Привратник»	Оборона	«Буфер» или «форпост», препятствующий распространению военно-политического влияния других крупных государств / союзов
«Миссионер»	Идеология	«Маяк», «агитатор» или «эксперт» по соседним странам, транслирующий влияние крупной страны / союза на сопредельные государства

Источник: составлено автором.

Таблица 19

Властные группы стран Прибалтики на внешнеполитическом треке (по материалам глубинных интервью)

		Литва	Латвия	Эстония
Зависимость от более крупных внешних игроков	Существенная, %	72	65	66
	Несущественная, %	12	20	17
	Нет ответа, %	16	15	17
	<i>Комментарии респондентов</i>	<p>«Импичмент Р. Паксаса показал, что Россия влияет очень серьезно». «Россия влияет через крупные энергокомпании». «США - наш защитник». «Американский посол решает всё», «У нас было во власти немало эмигрантов из Штатов. Их прислали сюда управлять». «США для Литвы главный партнер, с ними многое согласовывается». «Вспомните Адамкуса, вспомните историю с «Вильямсом» и «Мажейкю нафта». «Критиковать США это табу». «Благодаря Вашингтону мы самостоятельны».</p>	<p>«Если Россия хочет решить вопрос неграждан, то его надо обсуждать не с Латвией, а с США – там скажут, Рига всё сделает». «Рядом колоссальная страна, мы не можем не зависеть от России». «Мы очень зависим от Брюсселя, выполняем даже то, что не просят». «Латвия действует в русле общей солидарности ЕС. Мы ввели санкции, хотя это болезненно для нас». «Наша элита всегда пытается угадать погоду в Вашингтоне и Брюсселе».</p>	<p>«Вашингтон относит нас к front-line states, это влияет на все наши действия». «У нас президент из-за океана, что еще можно сказать о зависимости?». «Мы тратим на оборону столько, сколько требует НАТО – 2% от ВВП. Латвия и Литва – меньше». «Если коротко: лицом к США, спиной к России. И держимся за руку Евросоюза». «Россия не единственная наша забота». «Мы маленькая страна, нам не нужно много мнений по одной теме».</p>

Действия во внешне-политической среде	Активные, %	68	55	42
	Пассивные, %	20	35	42
	Нет ответа, %	12	10	16
	<i>Комментарии респондентов</i>	<p>«НАТО это зонтик, ЕС - большой рынок, мы используем это». «Мы финансово зависим от Брюсселя, внешние дела - не наша политика, но пытаемся играть свою роль, особенно по Украине и «Восточному партнерству». «Можно играть роль потихоньку, продвигая и кое-что вставляя в общую программу ЕС». «Литва никогда не получит большого влияния в ЕС, максимум – член коалиций». «Мы были лидерами перемен 20 лет назад, пытаемся и сейчас», «Для Литвы характерна моментальная реакция на спорные события, это минус».</p>	<p>«Во время председательства в ЕС мы зря копировали политику Литвы, нужно больше ответственности». «От нас мало что зависит, будем реалистами». «Мы продвигаем ключевые европейские ценности». «Мы не во всем солидарны с Литвой и Эстонией. Думаю, если бы не Россия – единство бы распалось совсем». «Латвия пытается быть миссионером демократии». «Мы члены клуба богатых эгоистов, нам кое-что перепадает с брюссельского стола». «У нас есть центр НАТО – вот пример наших действий».</p>	<p>«После событий в Грузии мы больше не могли быть в стороне от внешней политики, настало время действий». «Наша элита во власти фобий и наваждений – они боятся, что СССР вернется». «Мы передаем опыт дипломатам из бывших республик СССР, есть школа в Таллине, учим их». «Элиты говорят, что основывают свои действия на универсальных ценностях демократии, но «включают» их лишь там, где это выгодно». «Мы в ЕС и НАТО – как понять «Что дальше?». Ничего. Мы дома».</p>

Источник: составлено автором.

Таблица 20

Динамика товарооборота России со странами Прибалтики,
млн. долл.

	2000		2010		2019	
	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт	Импорт	Экспорт
Латвия	370,4	78	1153	948	467	5088
Литва	1493	271	7312	3111	574	3485
Эстония	1237	97	969	1072	486	2449

Составлено по: *Внешняя торговля России* (Russian-trade.ru);

Козлов О. Особенности внешнеторговых связей стран Балтии и России (1991-2012 гг.) // *Власть*. 2013. № 4. С. 118-122.

Таблица 21

Вооруженные силы других государств НАТО
в странах Прибалтики в 2003-2019 гг.

Вид вооружения	Период	
	2003	2019
Сухопутные войска, чел.	0	Около 4300
Основные боевые танки	0	91
Боевые машины пехоты	0	Более 100
Боевые самолеты	0	10
Военные вертолеты	0	13

Составлено по: *Зверев Ю.М., Межевич Н.М.* Безопасность в восточной Балтике : К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019» : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019.

Результаты основных выборов в странах Прибалтики
(на основе данных ЦИК Латвии, Литвы и Эстонии)

Результаты парламентских выборов в Латвии

№	Название партии / партийного объединения	Процент голосов	Количество мандатов
Выборы в Верховный совет ЛатССР (18 марта – 29 апреля 1990 г.)			
1	Народный фронт Латвии	68,2%	131
2	Коммунистическая партия ЛатССР (КПСС), Интерфронт	21,5%	55
3	Независимые	10,3%	15
Выборы в 5-ый Сейм (5-6 июня 1993 года)			
1	Альянс «Латвийский путь»	32,4%	36
2	Движение за национальную независимую Латвию (ДННЛ)	13,3%	15
3	Согласие для Латвии	12%	13
4	Латвийский союз крестьян	10,6%	12
5	Равноправие	5,7%	7
6	Союз «Отечеству и свободе»	5,3%	6
7	Латвийский Христианско-демократический союз	5%	6
8	Демократическая центристская партия	4,7%	5
9	Антикоммунистический Союз	0,5%	-
10	Латвийская партия Зеленых	1,1%	-
11	Латвийская Демократическая Рабочая Партия	0,9%	-
12	Народный Фронт Латвии	2,6%	-
13	Республиканская платформа	0,4%	-
14	Консерваторы и крестьяне	0,2%	-
15	Латвийская Социал-Демократическая Рабочая Партия	0,6%	-
16	Союз Независимых	0,1%	-
17	Латвийская либеральная партия	0,1%	-
18	Русский национальный демократический список (центр Демократической инициативы- Балтийская Конституционная партия)	1,1%	-
19	Лига Экономической Активности	0,7%	-
20	Партия «Наша Земля»	0,7%	-
21	Союз «Латвийское счастье»	0,8%	-
22	Либеральный альянс	0,4%	-
23	Латвийская Партия «Единство»	0,9%	-

Выборы в 6-й Сейм (30 сентября – 1 октября 1995 года)

1	Демократическая партия «Саймниекс»	15,5%	18
2	Народное движение за Латвию	14,9%	16
3	Альянс «Латвийский путь»	14,6%	17
4	Союз «Отечеству и свободе»	11,9%	14
5	Латвийская Партия «Единство»	7,1%	8
6	Список Латвийского союза крестьян, Латвийского Христианско-демократического союза и Латгальской Демократической партии	6,33%	8
7	Латвийская национальная консервативная партия – ДННЛ и Латвийская партия Зеленых	6,32%	8
8	Латвийская Социалистическая партия	5,58%	5
9	Партия народного согласия	5,55%	6
10	«Труд и справедливость» - коалиция Латвийской демократической рабочей партии, Латвийской социал-демократической рабочей партии и Латвийской партии защиты жертв мошенничества	4,5%	-
11	Политический союз экономистов	1,4%	-
12	Латвийский Союз Крестьян	1,3%	-
13	Латвийская партия российских граждан	1,2%	-
14	Народный фронт Латвии	1,1%	-
15	Союз неимущих и Латвийской партии независимости	0,9%	-
16	Партия «Наша Земля» и Антикоммунистический Союз	0,5%	-
17	Демократическая партия	0,2%	-
18	Латвийская либеральная партия	0,2%	-
19	Латвийская национально-демократическая партия	0,1%	-

Выборы в 7-й Сейм (3 октября 1998 года)

1	Народная партия	21,1%	24
2	Альянс «Латвийский путь»	18%	21
3	Союз Отечеству и свободе/ДННЛ	14,6%	17
4	Партия народного согласия	14,1%	16
5	Латвийский социал-демократический союз	12,8%	14
6	Новая партия	7,3%	8
7	Латвийский союз крестьян	2,4%	-
8	Союз Рабочей партии, Латвийского Христианско-демократического союза и Латвийской партии зеленых	2,2%	-
9	Народное движение за Латвию	1,7%	-

10	Демократическая партия «Саймниекс»	1,6%	-
11	Латвийская партия «Единство»	0,4%	-
12	Партия Возрождения Латвии	0,5%	-
13	Хельсинки – 86	0,2%	-
14	Латвийская национально-демократическая партия	0,3%	-
15	Народная Ассамблея «Свобода»	0,3%	-
16	Консервативная партия	0,2%	-
17	Социал-демократическая женская организация	0,3%	-
18	«Земля Мары»	0,2%	-
19	Национальная партия прогресса	0,4%	-
20	Демократическая партия	0,08%	-
21	Латвийская национальная Партия реформ	0,05%	-

Выборы в 8-й Сейм (5 октября 2002 года)

1	«Новая эра»	23,9%	26
2	Союз «За права человека в единой Латвии»	19%	25
3	Народная партия	16,6%	20
4	Первая партия Латвии	9,5%	10
5	Союз зеленых и крестьян	9,4%	12
6	Союз Отчеству и свободе/ДННЛ	5,4%	7
7	Союз «Латвийский путь»	4,9%	-
8	Латвийская социал-демократическая рабочая партия	4%	-
9	Латгальский свет	1,6%	-
10	Социал-демократический союз	1,5%	-
11	Социал-демократическая партия благосостояния	1,3%	-
12	Политический Альянс «Центр»	0,6%	-
13	Русская партия	0,5%	-
14	Латвийская партия	0,4%	-
15	Партия возрождения Латвии	0,3%	-
16	Партия свободы	0,2%	-
17	«Земля Мары»	0,2%	-
18	Партия «Наша Земля»	0,1%	-
19	Прогрессивная партия центра	0,1%	-
20	Объединенная республиканская партия Латвии	0,1%	-

Выборы в 9-й Сейм (7 октября 2006 года)

1	Народная партия	19,5%	23
2	Союз зеленых и крестьян	16,7%	18
3	«Новая эра»	16,3%	18

4	«Центр Согласия»	14,4%	17
5	Союз «Первая латвийская партия и партия Латвийский путь»	8,5%	10
6	Союз «Отечеству и свободе» / ДННЛ	6,9%	8
7	Союз политических организаций «За права человека в объединенной Латвии»	6%	6
8	Латвийская социал-демократическая рабочая партия	3,5%	-
9	Политический патриотический союз «Родина»	2%	-
10	Партия «Все для Латвии»	1,4%	-
11	Новые демократы	1,2%	-
12	«Партия пенсионеров и пожилых людей»	0,7%	-
13	«Земля Мары»	0,4%	-
14	Политическая организация «Евроскептики»	0,3%	-
15	Партия «Наша Земля»	0,2%	-
16	Партия социальной справедливости	0,1%	-
17	Единство национальной власти	0,1%	-
18	Национальная политическая латвийской организации обороны «Latvian Latvia»	0,1%	-
19	Партия «Союз Отечества»	0,1%	-

Выборы в 10-й Сейм (2 октября 2010 года)

1	Партия «Единство»	33%	33
2	Союз политических партий «Центр Согласия»	29%	29
3	Союз зеленых и крестьян	22%	22
4	Партийный альянс «За хорошую Латвию»	8%	8
5	Национальное объединение «Все для Латвии» – «Отечеству и свободе / ДННЛ»	8%	8

Выборы в 11-й Сейм (17 сентября 2011 года)

1	Партия «Единство»	18%	20
2	Латвийская Социал-демократическая рабочая партия	0,2%	-
3	Партия реформ Затлерса	20,8%	22
4	Христианско-демократический союз	0,2%	-
5	Партия реформ Шлесерса «ЛПП/ЛП»	2,4%	-
6	Объединение партий «Центр Согласия»	28,3%	31
7	«ЗАПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии»	0,7%	-
8	Национальное объединение «Все для Латвии!» – «Отечество и Свобода /ДННЛ»	13,8%	14
9	«За президентскую республику»	0,3%	-
10	«Последняя партия»	0,4%	-
11	Союз зеленых и крестьян	12,2%	13

12	«Народный контроль»	0,2%	-
13	«Свобода. Свобода от страха, ненависти и гнева»	0,3%	-

Выборы в 12-й Сейм (4 октября 2014 года)

1	«За развитие Латвии»	0,8%	-
2	«Суверенитет»	0,1%	-
3	Партия «Свобода. Свобода от страха, ненависти и гнева»	0,1%	-
4	Партия «Единство»	21,8%	23
5	Политическая партия «Рост»	0,1%	-
6	Партия «Едины Для Латвии»	1,1%	-
7	Национальное объединение «Все для Латвии» – «Отечеству и Свободе /ДННЛ»	16,6%	17
8	Объединение Регионов Латвии	6,6%	8
9	Новая консервативная партия	0,7%	-
10	«Союз Русских Латвии»	1,5%	-
11	Социал-демократическая партия «Согласие»	23%	24
12	Союз зеленых и крестьян	19,5%	21
13	«От сердца для Латвии»	6,8%	7

Выборы в 13-й Сейм (6 октября 2018 года)

1	«Союз русских Латвии»	3,2%	-
2	Новая консервативная партия	13,5%	16
3	«Партия действия»	0,1%	-
4	Национальное объединение «Все для Латвии!» – «Отечеству и Свободе/ ДННЛ»	11%	13
5	«Прогрессивные»	2,6%	-
6	«Латвийская центристская партия»	0,1%	-
7	Блок «Социал-демократическая рабочая партия» / «Христианский демократический союз», «Честь служить нашей Латвии»	0,2%	-
8	«От сердца для Латвии»	0,8%	-
9	Социал-демократическая партия «Согласие»	19,8%	23
10	«Развитие/За!»	12%	13
11	«Объединение регионов Латвии»	4%	-
12	«Латышские националисты»	0,5%	-
13	«Новое единство»	6,6%	8
14	«За альтернативу»	0,3%	-
15	«Кому принадлежит государство»	14,2%	16
16	Союз зеленых и крестьян	9,9%	11

Результаты парламентских выборов в Литве

№	Название партии / партийного объединения	Процент голосов	Количество мандатов
Выборы в Верховный совет ЛитССР (24 февраля – 10 марта 1990 г.)			
1	Коалиция «Саюдиса»	51%	72
2	Коммунистическая партия Литвы (независим.)	32%	45
3	Социал-демократическая партия Литвы	7%	9
4	Коммунистическая партия Литвы (КПСС)	4%	6
5	Партия зеленых	3%	4
6	Демократическая партия Литвы	2%	3
7	Христианско-демократическая партия	1%	2
Выборы в 6-ой Сейм (25 октября, 15 ноября 1992 года)			
1	Демократическая партия труда Литвы	43,9%	73
2	Коалиция «Саюдиса»	21,1%	30
3	Коалиция: Христианско-демократическая партия, Союз политических заключённых и ссыльных, Литовская демократическая партия	12,6%	18
4	Социал-демократическая партия Литвы	6%	8
5	Христианско-демократический союз, «Молодая Литва»	3,5%	1
6	Литовский центристский союз	2,5%	2
7	Союз поляков Литвы	2,1%	4
8	Союз националистов и Партия независимости	1,9%	4
9	Союз либералов Литвы	1,5%	-
10	Лига свободы Литвы	1,1%	-
11	Движение национального прогресса	1%	-
12	Движение умеренных	0,7%	-
13	Движение за социальную справедливость	0,5%	-
14	Союз свободы Литвы	0,4%	-
15	Литовское движение «Чернобыль»	0,2%	-
16	Литовское содружество	0,2%	-
17	Литовский патриотический союз	0,1%	-
18	Литовская консультативная ассамблея	-	-
19	Движение трезвости епископа М. Валанчюса	-	-
20	Независимые	-	1
Выборы в 7-ой Сейм (20 октября, 10 ноября 1996 года)			
1	Союз Отечества – Консерваторы Литвы	29,8%	70
2	Христианско-демократическая партия	9,9%	16
3	Демократическая партия труда Литвы	9,5%	12
4	Союз Центра Литвы	8,2%	13

5	Социал-демократическая партия Литвы	6,6%	12
6	«Молодая Литва»	3,8%	1
7	Литовская женская партия	3,6%	1
8	Христианско-демократический союз	3%	1
9	Избирательная акция поляков Литвы	2,9%	1
10	Альянс граждан Литвы	2,4%	-
11	Коалиция Литовской демократической партии и Союза националистов	2%	3
12	Союз либералов Литвы	1,8%	1
13	Литовская крестьянская партия	1,6%	1
14	Союз русских Литвы	1,6%	-
15	Литовский союз политических заключённых и ссыльных	1,5%	1
16	Союз свободы Литвы	1,4%	-
17	Литовская партия сельских хозяев	1,2%	-
18	Лига свободы Литвы	0,9%	-
19	Литовский союз социальной справедливости	0,8%	-
20	Социалистическая партия Литвы	0,7%	-
21	Республиканская партия	0,3%	-
22	Партия национального прогресса	0,2%	-
23	Литовская партия «Логика жизни»	0,2%	-
24	Литовская народная партия	0,1%	-
25	Литовская партия реформ	-	-
26	Непартийное движение «Выборы 96»	-	-
27	Партия независимости	-	-
28	Независимые	-	4

Выборы в 8-ой Сейм (8 октября 2000 года)

1	Социал-демократический союз А. Бразускаса:	31%	51, в т.ч.:
	Демократическая партия труда Литвы,		26
	Социал-демократическая партия Литвы,		19
	Новая демократия,		3
	Союз русских Литвы		3
2	Союз либералов Литвы	17,2%	33
3	Новый союз (социал-либералы)	19,6%	28
4	Союз Отечества – Консерваторы Литвы	8,6%	9
5	Христианско-демократический союз	4,1%	1
6	Литовская крестьянская партия	4%	4
7	Христианско-демократическая партия Литвы	3%	2
8	Союз Центра Литвы	2,8%	2
9	Союз умеренных консерваторов	2%	1
10	Избирательная акция поляков Литвы	1,9%	2
11	Народный союз «За справедливую Литву»	1,4%	-
12	Союз свободы Литвы	1,2%	1

13	Коалиция: «Молодая Литва», Новый национальный союз, Литовская партия политических заключённых	1,1%	1
14	Коалиция: Союз литовских националистов, Лига свободы Литвы	0,8%	-
15	Литовская партия «Социал-демократия 2000»	0,4%	-
16	Современный христианско-демократический союз	-	3
17	Отечественная народная партия	-	-
18	Республиканская партия	-	-
19	Национально-демократическая партия Литвы	-	-
20	Социалистическая партия Литвы	-	-
21	Литовская демократическая партия	-	-
22	Литовская партия справедливости	-	-
23	Литовский союз политических заключённых и ссылных	-	-
24	Независимые	-	3

Выборы в 9-ый Сейм (10 октября, 24 октября 2004 года)

1	Партия труда	28,4%	39
2	Коалиция «За труд на благо Литвы»: Социал-демократическая партия Литвы, Новый союз (социал-либералы)	20,6%	31 20 11
3	Союз Отечества - Консерваторы Литвы	14,7%	25
4	Союз либералов и центра	9,1%	18
5	Коалиция «За порядок и справедливость»: Либерально-демократическая партия, Народный союз «За справедливую Литву»	11,3%	10
6	Союз Крестьянской партии и партии Новой демократии	6,6%	10
7	Избирательная акция поляков Литвы	3,7%	2
8	Консервативный христианско-социальный союз	1,9%	-
9	Литовские христианские демократы	1,3%	-
10	Национальная центристская партия	0,5%	-
11	Республиканская партия	0,3%	-
12	Литовский социал-демократический союз	0,3%	-
13	Союз свободы Литвы	0,2%	-
14	Национальная партия «Путь Литвы»	0,2%	-
15	Союз литовских националистов	0,2%	-
16	Коалиция: «Молодая Литва», Новый национальный союз	-	-
17	Польская народная партия	-	-

18	Союз русских Литвы	-	-
19	Независимые	-	6

Выборы в 10-ый Сейм (12 октября, 26 октября 2008 года)

1	Союз Отечества – Христианские демократы	19,7%	45
2	Партия народного возрождения	15%	16
3	«Порядок и справедливость»	12,6%	15
4	Социал-демократическая партия Литвы	11,7%	25
5	Коалиция Партии труда и Молодёжи	8,9%	10
6	Движение либералов Литовской республики	5,7%	11
7	Союз либералов и центра	5,3%	8
8	Избирательная акция поляков Литвы	4,7%	3
9	Литовский крестьянский народный союз	3,7%	3
10	Новый союз (социал-либералы)	3,6%	1
11	Партия «Фронт»	3,2%	-
12	Партия «Молодая Литва»	1,7%	-
13	Гражданская демократическая партия	1,1%	-
14	Союз русских Литвы	0,9%	-
15	Литовский социал-демократический союз	0,8%	-
16	Литовская центристская партия	0,7%	-
17	Независимые	-	4

Выборы в 11-ый Сейм (14 октября, 28 октября 2012 года)

1	Партия труда	20,6%	29
2	Социал-демократическая партия Литвы	19,1%	38
3	Союз Отечества – Христианские демократы	15,7%	33
4	Движение либералов Литвы	8,9%	10
5	«Путь мужества»	8,3%	7
6	«Порядок и справедливость»	7,6%	11
7	Избирательная акция поляков Литвы	6%	8
8	Союз крестьян и зелёных	4%	1
9	Союз либералов и центра	2,1%	-
10	«Да – Возрождение Родины и Перспективы»	1,8%	-
11	Партия «Фронт»	1,2%	-
12	Христианская партия	1,2%	-
13	«За Литву»	0,9%	-
14	Партия «Молодая Литва»	0,6%	-
15	Партия Демократического Труда и Единства	0,3%	-
16	Партия эмигрантов	0,3%	-
17	Республиканская партия	0,2%	-
18	Народная партия Литвы	0,2%	-
19	Независимые	-	3

Выборы в 12-ый Сейм (9 октября, 23 октября 2016 года)

1	Союз Отечества – Христианские демократы	21,7%	31
2	Союз крестьян и зелёных	21,5%	54
3	Социал-демократическая партия Литвы	14,4%	17
4	Движение либералов Литвы	9%	14
5	Избирательная акция поляков Литвы – Союз христианских семей	5,4%	8
6	Порядок и справедливость	5,3%	5
7	Антикоррупционная коалиция Н. Путейкиса и К. Кривицкаса (Литовская партия центра, Литовская партия пенсионеров)	6%	1
8	Партия труда	4,6%	2
9	Союз свободы	2,1%	-
10	Зеленая партия	1,9%	1
11	«Литовский список»	1,7%	1
12	Литовская народная партия	1%	-
13	Коалиция «Против коррупции и бедности»	0,5%	-
14	Путь мужества	0,2%	-
15	Независимые	-	4

Результаты парламентских выборов в Эстонии

№	Название партии / партийного объединения	Процент голосов	Количество мандатов
Выборы в Верховный совет ЭстССР (18 марта 1990 года)			
1	Народный фронт Эстонии	40,9%	45
2	Коммунистическая партия Эстонии – Свободная Эстония	25,7%	27
3	Объединенный совет трудовых коллективов	23,9%	23
4	Независимые	9,5%	10
Выборы в Рийгикогу 7 созыва (25 сентября 1992 года)			
1	Блок «Отечество»	22%	29
2	Блок «Безопасный дом»	13,6%	17
3	Блок «Народный фронт Эстонии»	12,2%	15
4	Блок «Умеренные»	9,7%	12
5	Эстонская партия национальной независимости	8,8%	10
6	Блок «Независимые роялисты»	7,1%	8
7	Блок «Гражданский союз»	6,9%	8
8	Блок «Эстонский союз пенсионеров»	3,7%	-
9	Сельский союз	2,9%	-
10	Блок «Зелёные»	2,6%	1
11	Партия предпринимателей Эстонии	2,4%	1
12	Левая альтернатива	1,6%	-
13	Национальная партия незаконно репрессированных	0,9%	-
14	Эстонский союз инвалидов	0,5%	-
15	Избирательный список «Благотворительность»	0,4%	-
16	Демократы	0,1%	-
17	Партия закона природы	0,1%	-
18	Независимые	4,3%	-
Выборы в Рийгикогу 8 созыва (5 марта 1995 года)			
1	Коалиционная партия и Народный союз	32,2%	41
2	Партия реформ Эстонии	16,2%	19
3	Центристская партия Эстонии	14,2%	16
4	Национальная коалиция и Эстонская партия национальной независимости	7,9%	8
5	Умеренные: Социал-демократическая партия Эстонии, Сельская центристская партия	6%	6
6	Наш дом-Эстония: Эстонская единая народная партия Русская партия Эстонии	5,9%	6

7	Народная партия республиканцев и консерваторов	5%	5
8	Прекрасная Эстония-Гражданин Эстонии: Эстонская партия народной охоты Эстонская национально-прогрессивная партия Эстонская националистическая партия Партия «Эстонский дом» Партия Южноэстонских граждан Партия Североэстонских граждан	3,6%	-
9	Партия «Будущее Эстонии»	2,6%	-
10	Справедливость: Эстонская демократическая трудовая партия Партия правового баланса	2,3%	-
11	Эстонская крестьянская партия	1,5%	-
12	Эстонский националистский центристский союз	0,6%	-
13	Лесная партия	0,6%	-
14	Эстонская синяя партия	0,4%	-
15	Эстонский демократический союз	0,1%	-
16	Независимые	0,3%	-

Выборы в Рийгикогу 9 созыва (7 марта 1999 года)

1	Центристская партия Эстонии	23,4%	28
2	«Союз Отечества» (Isamaaliit)	16%	18
3	Партия реформ Эстонии	15,9%	18
4	Умеренные	15,2%	17
5	Эстонская коалиционная партия	7,6%	7
6	Эстонская партия селян	7,3%	7
7	Объединенная народная партия Эстонии	6,1%	6
8	Эстонская христианская партия	2,4%	-
9	Русская партия Эстонии	2%	-
10	Эстонская синяя партия	1,6%	-
11	Союз крестьян	0,5%	-
12	Партия прогресса	0,4%	-
13	Независимые	1,5%	-

Выборы в Рийгикогу 10 созыва (2 марта 2003 года)

1	Центристская партия	25,4%	28
2	Res Publica	24,6%	28
3	Партия реформ	17,7%	19
4	Народный союз	13%	13
5	«Союз Отечества» (Isamaaliit)	7,3%	7
6	Социал-демократическая партия	7%	6
7	Объединённая народная партия Эстонии	2,2%	-

8	Эстонская народная партия христиан	1,1%	-
9	Партия независимости	0,5%	-
10	Социал-демократическая партия труда Эстонии	0,4%	-
11	Русская партия Эстонии	0,2%	-
12	Независимые	0,4%	-

Выборы в Рийгикогу 11 созыва (4 марта 2007 года)

1	Эстонская партия реформ	27,8%	31
2	Центристская партия Эстонии	26,1%	29
3	Союз Отечества и Res Publica	17,9%	19
4	Социал-демократическая партия Эстонии	10,6%	10
5	Эстонская партия зелёных	7,1%	6
6	Народный Союз Эстонии	7,1%	6
7	Партия эстонских христианских демократов	1,7%	-
8	Конституционная партия	1%	-
9	Эстонская независимая партия	0,2%	-
10	Русская партия Эстонии	0,2%	-
11	Левая партия Эстонии	0,1%	-
12	Независимые	0,1%	-

Выборы в Рийгикогу 12 созыва (6 марта 2011 года)

1	Партия реформ Эстонии	28,6%	33
2	Центристская партия Эстонии	23,3%	26
3	Союз Отечества и Res Publica	20,5%	23
4	Социал-демократическая партия Эстонии	17,1%	19
5	Партия зелёных	3,8%	-
6	Народный союз	2,1%	-
7	Русская партия	0,9%	-
8	Партия эстонских христианских демократов	0,5%	-
9	Партия независимости	0,4%	-
10	Независимые	2,8%	-

Выборы в Рийгикогу 13 созыва (1 марта 2015 года)

1	Партия реформ Эстонии	27,7%	30
2	Центристская партия Эстонии	24,8%	27
3	Социал-демократическая партия Эстонии	15,2%	15
4	Союз Отечества и Res Publica	13,7%	14
5	Свободная партия Эстонии	8,7%	8
6	Консервативная народная партия Эстонии	8,1%	7
7	Партия зелёных	0,9%	-
8	Партия Народного Единства	0,4%	-
9	Партия независимости	0,2%	-
10	Объединённая левая партия Эстонии	0,1%	-
11	Независимые	0,2%	-

Выборы в Рийгикогу 14 созыва (3 марта 2019 года)

1	Партия реформ Эстонии	28,9%	34
2	Центристская партия Эстонии	23,1%	26
3	Консервативная народная партия Эстонии	17,8%	19
4	Отечество	11,4%	12
5	Социал-демократическая партия Эстонии	9,8%	10
6	Партия Эстония 200	4,4%	-
7	Партия зелёных	1,8%	-
8	Партия жизни	1,2%	-
9	Свободная партия Эстонии	1,2%	-
10	Независимые	0,3%	-

Результаты президентских выборов в Латвии

№	Кандидат	Количество голосов
Выборы 7 июля 1993 года		
1	Гунтис Улманис	52
Выборы 18 июня 1996 года		
1	Гунтис Улманис	53
2	Алфредс Рубикс	5
3	Илга Крейтусе	-
Выборы 17 июня 1999 года		
1	Вайра Вике-Фрейберга	53
Выборы 20 июня 2003 года		
1	Вайра Вике-Фрейберга	88
Выборы 31 мая 2007 года		
1	Валдис Затлерс	58
2	Айварс Эндзиньш	39
3	«Против всех»	1
Выборы 2 июня 2011 года		
1	Андрис Берзиньш	53
2	Валдис Затлерс	41
3	«Против всех»	3
Выборы 3 июня 2015 года		
1	Раймондс Вейонис	55
2	«Против всех»	42
Выборы 29 мая 2019 года		
1	Эгилс Левитс	61
2	Юрис Янсонс	8
3	Дидзис Шмитс	24

Результаты президентских выборов в Литве

№	Кандидат	Количество голосов
		1 тур/2 тур

Выборы 14 февраля 1993 года

1	Альгирдас Бразаускас	60,1%
2	Стасис Лозорайтис	38,1%

Выборы 21 декабря 1997 года и 4 января 1998 года

1	Валдас Адамкус	27,9% / 50,3%
2	Артурас Паулаускас	45,2% / 49,6%
3	Витаутас Ландсбергис	15,9%
4	Витянис Андрюкайтис	5,7%
5	Казис Бобялис	3,9%
6	Роландас Павилёнис	0,8%
7	Римантас Смятона	0,3%

Выборы 22 декабря 2002 года и 5 января 2003 года

1	Роландас Паксас	19,6% / 54,7%
2	Валдас Адамкус	35,5% / 45,2%
3	Артурас Паулаускас	8,3%
4	Витаутас Шеренас	7,7%
5	Витянис Андрюкайтис	7,3%
6	Казимира Прунскене	5%
7	Юозас Петрайтис	3,7%
8	Эугениус Гентвилас	3%
9	Юлюс Весялка	2,2%
10	Альгимантас Матулявичюс	2,2%
11	Казис Бобялис	1,9%
12	Витаутас Матулявичюс	1,8%
13	Кястутис Главяцкас	0,5%
14	Витаутас Шустаускас	0,3%
15	Витаутас Бернатонис	0,2%
16	Альгирдас Пильвялис	0,1%
17	Римантас Дагис	0,01%

Выборы 13 и 27 июня 2004 года

1	Валдас Адамкус	31,1% / 52,6%
2	Казимира Дануте Прунскене	21,2% / 46,6%
3	Пятрас Ауштрявичюс	19,3%
4	Вилия Блинкявичюте	16,4%
5	Чесловас Юршенас	11,8%

Выборы 17 мая 2009 года

1	Даля Грибаускайте	68,2%
2	Альгирдас Буткявичюс	11,6%
3	Валентинас Мазуронис	6%
4	Вальдемар Томашевский	4,6%
5	Казимира Прунскене	3,8%
6	Лорета Граужинене	3,5%
7	Чесловас Езерскас	0,6%

Выборы 11 мая и 25 мая 2014 года

1	Даля Грибаускайте	45,9% / 57,9%
2	Зигмантас Бальчитис	13,6% / 40,1%
3	Артурас Паулаускас	12%
4	Наглис Путейкис	9,3%
5	Вальдемар Томашевский	8,2%
6	Артурас Зуокас	5,2%
7	Бронис Ропе	4,1%

Выборы 12 мая и 26 мая 2019 года

1	Гитанас Науседа	31,1% / 65,6%
2	Ингрида Шимоните	31,5% / 33%
3	Саулюс Сквернялис	19,7%
4	Витянис Повилас Андрюкайтис	4,8%
5	Арвидас Юозайтис	4,7%
6	Вальдемар Томашевский	4%
7	Миндаугас Пуйдокас	2,6%
8	Наглис Путейкис	0,8%
9	Валентинас Мазуронис	0,6%

Результаты президентских выборов в Эстонии

№	Кандидат	Количество голосов 1 тур/2 тур
Выборы 20 сентября 1992 года		
1	Арнольд Рюйтель	41,8% / 31 голосов
2	Леннарт Мери	29,5% / 59 голосов
3	Рейн Таагепера	23,4%
4	Лагле Парек	4,2%
Выборы 26 августа – 20 сентября 1996 года		
1	Леннарт Мери	139 / 196
2	Арнольд Рюйтель	85 / 126
3	Тунне Келам	76
4	Сийри Овийр	25
5	Энн Тыугу	47
Выборы 27 августа – 21 сентября 2001 года		
1	Арнольд Рюйтель	114 / 186
2	Тоомас Сави	90 / 155
3	Пеэтер Тульвисте	89
4	Петер Крейцберг	72
Выборы 28 августа – 23 сентября 2006 года		
1	Тоомас Хендрик Ильвес	174
2	Арнольд Рюйтель	162
Выборы 29 августа 2011 года		
1	Тоомас Хендрик Ильвес	73
2	Индрек Таранд	25
Выборы 29 августа – 3 октября 2016 года		
1	Керсти Кальюлайд	81

Правительственные коалиции в странах Прибалтики

Правительства Латвии

№	Срок действия	Председатель	Правящая коалиция
1	7 мая 1990 г. – 3 августа 1993 г.	Годманис И.	Народный фронт Латвии, с 10 ноября 1992 г. – Народный фронт Латвии в коалиции с партией «Латвийский путь»
2	3 августа 1993 г. – 19 сентября 1994 г.	Биркавс В.	Латвийский путь в коалиции с Крестьянским союзом Латвии и Латвийской зелёной партией
3	19 сентября 1994 г. – 21 декабря 1995 г.	Гайлис М.	«Латвийский путь» в коалиции с Крестьянским союзом Латвии, Латвийской зелёной партией, Политический союз экономистов, Объединением «Отечеству и свободе» (с 11 ноября 1994 г.)
4	21 декабря 1995 г. – 13 февраля 1997 г.	Шкеле А.	Коалиция Демократической партии «Саймниекс», Объединения «Отечеству и Свободе», «Латвийского пути», ДННЛ, Крестьянского союза, Латвийской зелёной партии и Партии единства Латвии
5	13 февраля 1997 г. – 7 августа 1997 г.	Шкеле А.	Коалиция Демократической партии «Саймниекс», Объединения «Отечеству и Свободе», «Латвийского пути», ДННЛ, Крестьянского союза Латвии, Латвийской зелёной партии, Христианско-демократического союза (с 5 июня 1997 г.)
6	7 августа 1997 г. – 26 ноября 1998 г.	Крастс Г.	Коалиция объединения «Отечеству и свободе / ДННЛ» с «Латвийский путь», Крестьянским союзом, Латвийской зелёной партией, Демократической партией «Саймниекс» (до 19 апреля 1998 г.),

			Христианской народной партией (до 27 октября 1998 г.)
7	26 ноября 1998 г. – 16 июля 1999 г.	Криштопанс В.	Коалиция «Латвийский путь» с Объединением «Отечеству и свободе / ДННЛ», Новой партией и Латвийской социал-демократической рабочей партией
8	16 июля 1999 г. – 5 мая 2000 г.	Шкеле А.	Коалиция «Народная партия» с партией «Латвийский путь» и Объединением «Отечеству и свободе / ДННЛ»
9	5 мая 2000 г. – 7 ноября 2002 г.	Берзиньш А.	Коалиция «Латвийский путь» с Народной партией, Объединением «Отечеству и свободе / ДННЛ» и Новой партией
10	7 ноября 2002 г. – 9 марта 2004 г.	Репше Э.	Коалиция «Новое время» с Союзом зелёных и крестьян, Объединением «Отечеству и свободе / ДННЛ», Латвийской первой партией (до 29 января 2004 г.)
11	9 марта 2004 г. – 2 декабря 2004 г.	Эмсис И.	Союз зелёных и крестьян в коалиции с Народной партией и Латвийской первой партией
12	2 декабря 2004 г. – 7 ноября 2006 г.	Калвитис А.	Коалиция Народной партии с Союзом зелёных и крестьян, Латвийской первой партией, «Новым временем» (до 7 апреля 2006 г.)
13	7 ноября 2006 г. – 20 декабря 2007 г.	Калвитис А.	Коалиция Народной партии с Союзом зелёных и крестьян, Объединением «Отечеству и свободе / ДННЛ» и Латвийской первой партией
14	20 декабря 2007 г. – 12 марта 2009 г.	Годманис И.	Коалиция Партии реформ Шлесерса ЛПП/ЛП с Народной партией, Союзом зеленых и крестьян и Объединением «Отечеству и свободе / ДННЛ»
15	12 марта 2009 г. – 2 ноября 2010 г.	Домбровскис В.	Коалиция «Новое время» с Союзом зелёных и крестьян, Объединением «Отечеству и

			свободе / ДННЛ», Гражданским союзом, Народной партией (до 22 марта 2010 г.)
16	3 ноября 2010 г. – 24 октября 2011 г.	Домбровскис В.	Коалиция «Новое время» с Союзом зелёных и крестьян и Гражданским союзом
17	24 октября 2011 г. – 22 января 2014 г.	Домбровскис В.	Коалиция «Единства» с Национальным объединением «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе / ДННЛ» и Партией реформ
18	22 января 2014 г. – 4 ноября 2014 г.	Страуюма Л.	Коалиция «Единства» с Союзом зелёных и крестьян, Национальным объединением «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе / ДННЛ» и Партией реформ
19	5 ноября 2014 г. – 11 февраля 2016 г.	Страуюма Л.	Коалиция «Единства» с Союзом зелёных и крестьян и Национальным объединением «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе / ДННЛ»
20	11 февраля 2016 г. – 23 января 2019 г.	Кучинскис М.	Коалиция Союза зелёных и крестьян с «Единством» и Национальным объединением «Всё для Латвии!» – «Отечеству и свободе / ДННЛ»

Правительства Литвы

№	Срок действия	Председатель	Правящая коалиция
1	17 марта 1990 г. – 10 января 1991 г.	Прунскене К.	«Саюдис»
2	10 января 1991 г. – 13 января 1991 г.	Шименас А.	«Саюдис»
3	13 января 1991 г. – 21 июля 1992 г.	Вагнорюс Г.	«Саюдис»
4	21 июля 1992 г. – 26 ноября 1992 г.	Абишала А.	Демократическая партия труда Литвы
5	12 декабря 1992 г. – 10 марта 1993 г.	Лубис Б.	Демократическая партия труда Литвы
6	10 марта 1993 г. – 8 февраля 1996 г.	Шляжявичюс А.	Демократическая партия труда Литвы
7	23 февраля 1996 г. – 19 ноября 1996 г.	Станкявичюс Л.	Демократическая партия труда Литвы
8	4 декабря 1996 г. – 3 мая 1999 г.	Вагнорюс Г.	Союз Отечества, Христианско- демократическая партия, Союз Центра Литвы
9	1 июня 1999 г. – 27 октября 1999 г.	Паксас Р.	Союз Отечества, Христианско- демократическая партия
10	3 ноября 1999 г. – 9 ноября 2000 г.	Кубилюс А.	Союз Отечества, Христианско- демократическая партия
11	27 октября 2000 г. – 20 июня 2001 г.	Паксас Р.	Союз либералов Литвы, Новый союз (социал- либералы), Объединенная группа (Литовский центристский союз, Современный Христианско- демократический союз, Избирательная акция поляков в Литве)
12	4 июля 2001 г. – 15 декабря 2004 г.	Бразаускас А.	Социал-демократическая партия Литвы, Новый союз (социал-либералы)
13	29 ноября 2004 г. – 1 июня 2006 г.	Бразаускас А.	Социал-демократическая партия Литвы, Партия труда, Народный союз крестьян Литвы, Новый

			<p>союз (социал-либералы) (2004–2006 гг.)</p> <p>Социал-демократическая партия Литвы, Партия труда, Народный союз крестьян Литвы (2006 г.)</p>
14	6 июля 2006 г. – 28 ноября 2008	Киркилас Г.	<p>Социал-демократическая партия Литвы, Союз зеленых и крестьян, Гражданская демократическая партия, Союз либералов и центра (2006–2007 гг.)</p> <p>Социал-демократическая партия Литвы, Народный союз крестьян Литвы, Союз либералов и центра, Гражданская демократическая партия, Новый союз (2008 г.)</p>
15	28 ноября 2008 г. – 13 декабря 2012 г.	Кубилиус А.	<p>Союз Отечества – Христианские демократы, Партия народного возрождения, Движение либералов, Союз Либералов и Центра (2008–2011 гг.); Союз Отечества – Христианские демократы, Движение либералов, Союз либералов и центра (2011–2012 гг.)</p>
16	26 ноября 2012 г. – 13 декабря 2016 г.	Буткявичюс А.	<p>Социал-демократическая партия Литвы, Партия труда, Порядок и справедливость, Избирательная акция поляков Литвы (2012–2014 гг.); Социал-демократическая партия Литвы, Партия труда, Порядок и справедливость (2014–2016 гг.)</p>

Правительства Эстонии

№	Срок действия	Председатель	Правящая коалиция
1	3 апреля 1990 г. – 30 января 1992 г.	Сависаар Э.	Народный фронт, Коалиционная партия
2	30 января 1992 г. – 22 октября 1992 г.	Вяхи Т.	Коалиционная партия
3	22 октября 1992 г. – 8 ноября 1994 г.	Лаар М.	Национальная коалиционная партия «Отечество», Партия национальной независимости, Эстонская либерально- демократическая партия, Союз «Умеренные»
4	8 ноября 1994 г. – 17 апреля 1995 г.	Таранд А.	Социал-демократическая партия Эстонии, Национальная коалиционная партия «Отечество», Партия национальной независимости, Либерально-демократическая партия, Народная партия республиканцев и консерваторов
5	17 апреля 1995 г. – 6 ноября 1996 г.	Вяхи Т.	Эстонская коалиционная партия, Центристская партия Эстонии
6	6 ноября 1996 г. – 17 марта 1997 г.	Вяхи Т.	Эстонская коалиционная партия, Эстонская партия селян, Партия пенсионеров и семей, Партия реформ (до 1996 г.)
7	17 марта 1997 г. – 25 марта 1999 г.	Сийманн М.	Эстонская коалиционная партия, Эстонская партия селян
8	25 марта 1999 г. – 28 января 2002 г.	Лаар М.	Патриотический союз, Эстонская партия реформ, избирательный союз «Умеренные»
9	28 января 2002 г. – 10 апреля 2003 г.	Каллас С.	Партия реформ Эстонии, Центристская партия Эстонии
10	10 апреля 2003 г. – 13 апреля 2005 г.	Партс Ю.	Партия «Res Publica», Партия реформ Эстонии, Народный союз Эстонии
11	13 апреля 2005 г. – 5 апреля 2007 г.	Ансип А.	Партия реформ Эстонии, Центристская партия Эстонии, Народный союз Эстонии

12	5 апреля 2007 г. – 6 апреля 2011 г.	Ансип А.	Партия реформ Эстонии, «Союз Отечества и Res Publica», Социал-демократическая партия (до 21 мая 2009 г.)
13	6 апреля 2011 г. – 26 марта 2014 г.	Ансип А.	Партия реформ Эстонии, «Союз Отечества и Res Publica»
14	26 марта 2014 г. – 9 апреля 2015 г.	Рыйвас Т.	Партия реформ Эстонии, Социал-демократическая партия Эстонии
15	9 апреля 2015 г. – 23 ноября 2016 г.	Рыйвас Т.	Партия реформ Эстонии, Социал-демократическая партия Эстонии, «Союз Отечества и Res Publica»
16	23 ноября 2016 г. – 29 апреля 2019 г.	Ратас Ю.	Центристская партия Эстонии, Социал-демократическая партия Эстонии, «Союз Отечества и Res Publica»

Результаты выборов в Европейский парламент в странах Прибалтики

Результаты выборов в Латвии

№	Партия	Набрано голосов	Прошедшие кандидаты
12 июня 2004 г.			
1	«Отечеству и свободе / ДННЛ»	29,8%	Зиле Р., Кристовскис Г.В., Крастс Г., Вайдере И.
2	«Новое время»	19,7%	Домбровскис В. / Лиепиня Л., Кушкис А.
3	«За права человека в единой Латвии»	10,6%	Жданок Т.
4	«Народная партия»	6,6%	Пикс Р.
5	«Латвийский путь»	6,5%	Андреевс Г.
6 июня 2009 г.			
1	Гражданский союз	24,3%	Калниете С., Вайдере И., Шадурскис К.
2	«Центр согласия»	19,5%	Рубикс А., Мирский А.
3	«ЗаПЧЕЛ – За права человека в единой Латвии»	9,6%	Жданок Т.
4	Партия ЛПП/ЛП	7,5%	Годманис И.
5	«Отечеству и свободе / ДННЛ»	7,4%	Зиле Р.
6	«Новое время»	6,6%	Кариньш А.
24 мая 2014 г.			
1	Партия «Единство»	46,2%	Домбровскис В., Калниете С., Пабрикс А., Кариньш К.
2	«Отечеству и свободе / ДННЛ»	14,2%	Зиле Р.
3	Социал-демократическая партия «Согласие»	13%	Мамыкин А.
4	Союз зелёных и крестьян	8,2%	Григуле И.
5	Русский союз Латвии	6,4%	Жданок Т.

Результаты выборов в Литве

№	Партия	Набрано голосов	Прошедшие кандидаты
13 июня 2004 г.			
1	«Партия труда»	30,1%	Бирутис Ш., Будрейкайте Д., Дягутис А., Дичкуте Й., Юкнявичене О.
2	Социал-демократическая партия Литвы	14,4%	Палецкис Ю., Сакалас А.
3	Национальная коалиционная партия «Отечество»	12,6%	Андрикене Л., Ландсбергис В.
4	Союз либералов и центра	11,2%	Гентвилас Э., Старкявичюте М.
5	Союз крестьян и новой демократической партии	7,4%	Прунскене К., Диджокас Г.
6	Либерально- демократическая партия	6,8%	Павилионис Р.
7 июня 2009 г.			
1	Союз Отечества – Христианские демократы	26,1%	Андрикиене А., Ландсбергис В., Моркунайте Р., Саударгас А.
2	Социал-демократическая партия Литвы	18,1%	Бальчитис З., Блинкявичюте В., Палецкис Ю.
3	Порядок и справедливость	11,9%	Имбрасас Ю., Паксас Р.
4	Партия труда	8,5%	Успаских В.
5	Избирательная акция поляков Литвы	8,2%	Томашевский В.
6	Движение либералов Литвы	7,2%	Донскис Л.
25 мая 2014 г.			
1	Союз Отечества – Литовские христианские демократы	17,4%	Саударгас А., Ландсбергис В. / Андрикене Л. / Ландсбергис Г.
2	Социал-демократическая партия Литвы	17,2%	Бальчитис З., Блинкявичюте В.
3	Движение либералов Литвы	16,5%	Ауштрявичюс П., Гуога А.

		441	
4	Порядок и справедливость	14,2%	Мазуронис В., Паксас Р.
5	Партия труда	12,3%	Успасских В.
6	Избирательная акция поляков – Союз русских Литвы	8%	Томашевский В.
7	Союз крестьян и зелёных Литвы	6,6%	Ропе Б.

Результаты выборов в Эстонии

№	Партия	Набрано голосов	Прошедшие кандидаты
13 июня 2004 г.			
1	Социал-демократическая партия Эстонии	36,7%	Ильвес Т.Х. / Сакс К., Микко М., Таранд А.
2	Центристская партия Эстонии	17,5%	Овийр С.
3	Партия реформ Эстонии	12,2%	Сави Т.
4	«Союз Отечества»	10,5%	Келам Т.
7 июня 2009 г.			
1	Центристская партия Эстонии	26%	Сависаар Э. / Сависаар В., Овийр С.
2	Индрек Таранд	25,8%	Таранд И.
3	Партия реформ Эстонии	15,3%	Оюланд К.
4	«Союз Отечества и Res Publica»	12,2%	Келам Т.
5	Социал-демократическая партия Эстонии	8,7%	Падар И.
25 мая 2014 г.			
1	Партия реформ Эстонии	24,3%	Паэт У., Грязин И.
2	Центристская партия Эстонии	22,4%	Тоом Я.
3	«Союз Отечества и Res Publica»	13,9%	Келам Т.
4	Социал-демократическая партия Эстонии	13,6%	Лауристин М.
5	Индрек Таранд	13,2%	Таранд И.

**Представители стран Прибалтики в руководящих органах
Европейской комиссии**

№	Фамилия	Должность	Период работы
Представители Латвии			
1	Домбровскис В.	Европейский комиссар по вопросам евро и социального диалога	2014-2019 гг.
		Европейский комиссар по финансовой стабильности, финансовым услугам и Союзу рынков капитала	2016-2019 гг.
		Исполнительный вице-президент Еврокомиссии, Еврокомиссар по финансовым услугам	2019 г. – н.в.
2	Пиебалгс А.	Европейский комиссар по вопросам энергетики	2004-2010 гг.
		Комиссар Евросоюза по развитию и сотрудничеству	2010-2014 гг.
Представители Литвы			
1	Андрюкайтис В.	Европейский комиссар по вопросам здравоохранения и безопасности пищевых продуктов	2014-2019 гг.
2	Синкявичюс В.	Европейский комиссар по вопросам окружающей среды и водных ресурсов	2019 г. – н.в.
3	Грибаускайте Д.	Европейский комиссар по вопросам образования и культуры	1 мая – 11 ноября 2004 г.
		Европейский комиссар по финансовому программированию и бюджету	2004-2009 гг.
4	Шемета А.	Европейский комиссар по бюджету и финансовому планированию	2009-2010 гг.
		Европейский комиссар по налогообложению, таможенному союзу, аудиту и борьбе с мошенничеством	2010-2014 гг.

Эстония

1	Симсон К.	Европейский комиссар по вопросам энергетики	2019 г. – н.в.
2	Ансип А.	Европейский комиссар по вопросам цифровой экономики и общества Европейский комиссар по единому цифровому рынку Заместитель председателя Европейской комиссии	1 января – 7 июля 2017 г. 2014-2019 гг. 2014-2019 гг.
3	Каллас С.	Вице-президент Еврокомиссии, Еврокомиссар по администрированию, аудиту и борьбе с мошенничеством Вице-президент Еврокомиссии, Еврокомиссар по транспорту	2004-2010 гг. 2010-2014 гг.

Библиография

Основные положения диссертации изложены автором в следующих публикациях:

Монографии (19,5 п.л.):

Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград: изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. 182 с.

Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 151 с.

Разделы в монографиях (2,1 п.л.):

Смирнов В.А. Литовская диаспора в США как канал элитного рекрутирования в постсоветской Литве // Властные структуры и группы доминирования: Материалы X Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С.40-51.

Смирнов В.А. Политические элиты в трансформирующихся обществах / Политический класс в современном обществе/под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С.102-112.

Смирнов В.А., Фидря Е.С. Динамика структурных изменений политических элит постсоветской Литвы // Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Изд-во БФУ, Калининград, 2012. С. 173-199.

Статьи в изданиях Перечня ВАК (15,9 п.л.):

Смирнов В.А., Сутырин В.В. Россия как фактор-ирритант для политических элит стран Балтии в контексте электоральных кампаний 2010-2011 гг.: экспертный взгляд // Балтийский регион, 2011, № 2 (8). С.146 – 153.

Смирнов В.А. Формирование политических элит Литвы на рубеже 1980-1990-х гг.: роль «политиков морали» // Балтийский регион. 2011. № 4(10). С.18-31.

Смирнов В.А., Сутырин В.В. Эволюция подходов к изучению политических элит в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: случай Литвы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Вып. 7. № 2. С. 115-137.

Смирнов В.А. К вопросу о структурных изменениях политических элит в условиях социальной трансформации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 2. С. 17-27.

Смирнов В.А. Внутриэлитное взаимодействие в постсоветской Литве: конституционный аспект // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 2. С. 17-27.

Смирнов В.А., Фидря Е.С. Трансформация сетей политических элит Литовской Республики в постсоветский период (1992-2012) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Том 8. № 3. С.76-97.

Смирнов В.А. Рекрутирование политических элит в Прибалтике: роль этнического фактора // Балтийский регион, 2013. № 4 (18). С.146-159.

Смирнов В.А. Бизнес-сообщество как бассейн рекрутирования политических элит постсоветской Литвы // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13). С.119-127.

Смирнов В.А. Неформальное измерение политического процесса в Латвии, Литве и Эстонии: к вопросу об основных тенденциях // Власть. 2014. № 11. С. 211-217.

Смирнов В.А., Фидря Е.С. Рекрутинг политических элит Латвии в 1993–2014 годах // Государственная служба. 2014. № 5 (91). С.106-111.

Смирнов В.А. К вопросу о роли малых стран в процессах переструктурирования постсоветского пространства (на примере Прибалтики) // Балтийский регион. 2014. № 4 (22). С.48-58.

Смирнов В.А. Политическое развитие постсоветского пространства: к вопросу о роли политических элит // Вестник факультета политологии МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2014. № 6. С.31-52.

Смирнов В.А. Проблемы взаимодействия формальных и неформальных институтов в странах Прибалтики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». Вып. 37. 2016. №1 (222). С.190-197.

Смирнов В.А. Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2. С.78-97.

Смирнов В.А. Внешняя политика стран Прибалтики в отношении России // Современная Европа. 2016. № 5 (71). С. 44-54.

Смирнов В.А. К вопросу о кризисных тенденциях в сфере легитимности политических режимов стран Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 4, С.51-72.

Смирнов В.А. К вопросу о моделях действий политических элит // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 4. С. 99-116.

Смирнов В.А. Международные истоки поведения элит // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2 (45). С.23-37.

Смирнов В.А. Проблемы выбора внешнеполитической ниши малыми государствами (на примере стран Прибалтики) // Вестник МГИМО. 2015. № 6 (45). С.135-145.

Смирнов В.А. Об основных прогнозах действий политических элит Прибалтики: сценарный подход // Балтийский регион. 2016. Т.8. № 3. С.113 – 132.

Смирнов В.А., Фидря Е.С. Сравнительный анализ проницаемости каналов рекрутирования властных групп в странах Прибалтики // Власть. 2016. № 9. С. 98-104.

Смирнов В.А. Проблематика малых стран на примере Прибалтики в работах российских исследователей // Вестник РУДН. Серия «Политология», 2017. Т.19. № 2. С.130-139.

Смирнов В.А. К вопросу о теоретических аспектах изучения политических элит малых государств // Вестник МГИМО. 2017. № 2(53). С.254-265.

Смирнов В.А. Отношения политических элит стран Прибалтики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2017. Т.13, №1. С.93-102.

Смирнов В.А. Теоретико-методологические аспекты институционализации политических элит Прибалтики // ПОЛИС. Политические исследования. 2017, № 5. С.79-90.

Смирнов В.А. Участие стран Прибалтики в политике санкций Евросоюза в отношении России: теоретические аспекты // Вестник Иркутского государственного университета. Политология и религиоведение. 2017. Т.21. С.56-61.

Смирнов В.А. К вопросу о роли элит в евроатлантическом выборе Литвы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 2 (8). С.17-24.

Смирнов В.А., Межевич Н.М. Структурные факторы формирования политических элит в государствах Прибалтики: 1991-2017 // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 4-1 (10). С.67-78.

Смирнов В.А. Борьба интеграций на постсоветском пространстве: гуманитарное измерение // Современная Европа. 2018. № 6. С.1-11.

Смирнов В.А. Прибалтийские государства: возможности и ограничения институционального регионализма // Современная Европа. 2019. № 6. С.40-47.

Статьи в иных изданиях (2 п.л.):

Смирнов В.А., Сытин А.Н. Страны Балтии в ЕС: единство и своеобразие позиций политических элит // Проблемы национальной стратегии, 2012, № 4 (13). С.98-118.

Смирнов В.А., Баторшина И.А. Политические и экономические процессы в странах Балтии в первом полугодии 2012 г. (по материалам коллективной экспертной оценки) // Информационный бюллетень Института Балтийских исследований БФУ им. И. Канта. I – II кварталы 2012. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С.101-115.

Смирнов В.А. Концепция культурной травмы как способ изучения политических систем государств Прибалтики / Будущее региона Балтийского моря: угрозы и возможности : Сб. пленарных докладов международной научной конференции / Российская ассоциация прибалтийских исследований; Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова; Сост. Н.М. Межевич. М.: Изд. центр «Историческая память», 2017.

Смирнов В.А. Политические элиты в современном мире: к вопросу о

тенденциях / Материалы Всероссийской политологической конференции «Регион в стране и в мире – тенденции и динамика политического развития» (20.04.2017) // Сб. ст. XI Байкальских международных социально-гуманитарных чтений. Иркутск: изд-во Иркутского гос. ун-та, 2017. С. 49-53.

Смирнов В.А. Политические элиты малых стран: к вопросу о внешних факторах / Проблема устойчивости политических систем современного мира. Мат-лы междунар. науч. конф. (Санкт Петербург, 28–30.01.2016 г.). СПб, 2017.

Источники:

Accord between the political parties represented in the Seimas of the Republic of Lithuania on strategic guidelines for the foreign, security and defence policy of the Republic of Lithuania for 2014–2020.

Adamkus V. Inaugural address to the nation by President of the Republic of Lithuania. Vilnius. 12.07.2004.

Adamkus V. Likimo vardas - Lietuva: apie laiką, įvykius, žmones. Kaunas: Santara, 1998.

Adamkus V. Paskutine Kadencija. Prezidento dienoraščiai. Vilnius: Tytoalba, 2011. 544 p.

Agreement between political parties of the Republic of Lithuania on the main goals and objectives of the state foreign policy for 2004-2008.

Agreement of the Political Parties of Lithuania on Foreign Policy Principles, Strategic Guidelines, and Goals of Lithuania for 2008-2012.

Annual Report by the Minister of Foreign Affairs on activities performed and planned in national foreign policy and European Union matters. 2013-2014.

Atgriešanās Eiropa Latvijas prezidentu, premjerministru, ministru un diplomatu esejas : no starptautiskās atzisanas līdz pirmajai prezidentūrai Eiropas Savienība : 1990-2015. Riga: Zinatne, 2016.

Bielinis L. Prezidentė. Antra knyga. Kaunas: Knygius, 2013. 111 p.

Bielinis L. Prezidentė. Kaunas: Knygius; Kitos knygos, 2011.

Birkavs V. Concluding remarks at the conference «Security and Prosperity in the Baltic Region», Riga, 17.11.1997 / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia.

Dombrovskis V., Aslund A. How Latvia Came Through the Financial Crisis. Washington: Peterson Institute for International Economics, 2015. 200 p.

Gyls P. Lithuanian Foreign Policy Challenges and Background 1992-1996 // Lithuanian Foreign Policy Review. 2004. No. 13-14. P. 95-101.

Ilves T. H. Estonia's return to Europe / remarks by Toomas Hendrik Ilves, Estonian Minister of Foreign Affairs, at the Societa Italiana per le Organizzazione Internazionale, Rome, 20 March // Post-Cold War Identity Politics. Northern and Baltic Experiences / Ed. by Lehti M., Smith D.J. London: Frank Cass, 2003. 316 p.

Ilves T.H. Estonia as a Nordic country / Speech at the Swedish Institute of Foreign Affairs. Stockholm. 14.12.1999.

Joint Declaration of the Eastern Partnership Summit. Vilnius. 28-29 November 2013.

Jundzis T. Baltic States: Cooperation on Security and Integration into the European Security System. Riga, 1996.

Kallas S. Vabaduse ja kurjuse vahel. Euroopa Liidu lugu. Tallinn: SE&JS, 2018. 368 p.

Kazickas J., Bartusevičius V. Odyssey of Hope: the Story of a Lithuanian Immigrant's Escape from Communism to Freedom in America and the Return to his Beloved Homeland, Vilnius: Tyto alba, 2006.

Laar M. Little country that could. London: St Edmundsbury press, 2002.

Laar M. Poore. Mälestused. Tallinn: OÜ Read, 2015. 400 p.

Landsbergis V. Guilt and Atonement: the Story of 13 January. Vilnius : Jungtines spaudos paslaugos, 2015. 380 p.

Latvijas Tautas frontes 2. kongress. Programma. Statūti. Rezolūcijas". Rīga, Latvijas Tautas frontes izdevniecība, 1990.

Lauristin M., Vihalemm P. The Political Agenda During Different Periods Of Estonian Transformation: External And Internal Factors // Journal of Baltic Studies. 2009. Vol. 40, No. 1. P. 1-28.

Liegis I. Latvia's "Dunkirk" Year // The Latvian Foreign and Security Policy Yearbook 2018 / Eds. Spruds A., Brūge I. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2018. P. 29-35.

Linkevicius L. Membership of NATO is the Impulse for Reforms // Lithuanian Annual Strategic Review 2002. Vilnius: Strategic Research Center, 2003. P. 7-16.

Lopata R. Politikai ir Istorija. Algirdo Brazausko ir Vytauto Landsbergio istorija sampratos. Vilnius universiteto leidykla. 2010. 143 p.

Maniokas K. Methodology of the EU Enlargement: A Critical Appraisal // Lithuanian Political Science Yearbook 1999, Vilnius University, 2000.

Muiznieks N. Latvian-Russian relations : dynamics since Latvia's accession to the EU and NATO. Riga : University of Latvia Press, 2011. 86 p.

Mullerson R. New Developments in the Former USSR and Yugoslavia // Journal of International Law. 1993. Vol. 33. No. 2. P.299-315.

National Security Concept of the Republic of Estonia (2017).

Paas K., Krjutskova K. Andrus Ansip – halva iseloomuga tark poiss. Tallinn: Vaba Kiri OU, 2016. 352 lk.

Pildegovics A. Latvian Perspectives in Washington / Latvia and the United States: a New Chapter in the Partnership / ed. by Indans I. Riga: Centre for East European Policy Studies, 2012.

Prime Minister: Riga summit confirmed EU's stable and irreversible relations with Eastern Partnership countries. 27.08.2016.

Ritenis J. Diplomātiska cina par Latvijas Republikas suverenitātes atjaunosanu. Rīga: LU žurnāla "Latvijas Vesture" fonds, 1998.

Seimas of the Republic of Lithuania, «Committee on European Affairs identifies Lithuania's EU policy priorities for 2015–2020». 20 May 2015.

Taagepera R. Baltic values and corruption in comparative context // Journal of Baltic Studies, 2002. No. 33. P. 243-258.

Taagepera R. Meteoric trajectory: The Res Publica Party in Estonia // Democratization. 2006. Vol. 13. No. 1. P. 78-94.

Ulbinaite D. Nustokim krūpčiot. Prezidentė Dalia Grybauskaitė. Vilnius: Tyto alba, 2019.

Usackas V. Strengthening the U.S.-Lithuania Partnership: Lithuanian Perspective // Lithuanian Foreign Policy Review. 2003. No. 11-12.

Uspaskich V. Mano ligos ir priesai – mano geriausi mokytojai. Vilnius: Spauda, 2016. 520 p.

Valatka R. Prie Nemuno kitas austa jau rytas? / Lietuvos Rytas. 28.06.2004.

Бразаускас А. Пять лет Президента: события, воспоминания, мысли. М.: Унипринт, 2002.

Гайлис М. Шесть лет во власти. Рига: Litres, 2018.

Гянзалис Б. Перепитии признания государственности Литвы / Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте. Рига, 2006.

Затлерс В. Вот кто я! По-русски. Рига : Jumava, 2016.

Зелменис Я. Маятник богатства, или Приватизация «Вентспилс нафта». Рига: Goldberg Trust, 2015. 255 с.

Ильвес Т.Х. Говорит глава государства / сост. О. Коппель. Таллин: Eesti Koostöökoogu, 2014.

Калниете С. Начало Народного фронта и единение движений за независимость / Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте / Сост. Шкапарс Я. Рига, 2006.

Крумьиньш Ю. Рассказы ильгюциемского пацана. Рига: Autora izdevums, 2017. 336 с.

Лиегис И. Интеграция Латвии в НАТО – мечта или реальность? Рига: М-во обороны Латвийской Респ., 2000. 36 с.

Линкявичюс Л. Вступление в НАТО: ожидания и достижения Литвы // Экономичны часопис-XXI. 2009. № 3-4. С. 15-17.

Рюителъ А. Эстония: возрождение будущего. Таллинн: По, 2003. 224 с.

Монографии:

Agh A. The Politics of Central Europe. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 1998. 244 p.

Almond G. The Civic Culture: Political Attitudes in Five Western Democracies / G. Almond, S. Verba. Princeton : Princeton University Press, 1963;

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London : Verso, 1991.

Apprenticeship, Partnership, Membership: Twenty Years of Defense Development in the Baltic States (ed. by T. Lawrence, T. Jermalavičius) 2013. Tallinn. 282 p.

Archer M. Being Human: the Problem of Agency. Cambridge University Press. 2004. 308 p.

Auers D. Comparative Politics and Government of the Baltic States: Estonia, Latvia and Lithuania in 21st Century. London: Palgrave Macmillan, 2015. 269 p.

Austers A., Bukovskis K. Euroscepticism in the Baltic States: Uncovering Issues, People and Stereotypes. Riga: Friedrich Ebert Stiftung, University of Latvia, 2017. 240 p.

Bachrach P., Baratz M.S. Power and Poverty: Theory and Practise. New York, Oxford University Press, 1970.

Bekere K. The Diplomatic Service in Exile: Champions of Latvia's Independence and International Challenges / The Centenary of Latvia's Foreign Affairs Activities and Personalities/ Eds. Spruds A., Scerbinskas V., Potjomkina D. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2017.

Bennich-Björkman L. State Formation and Democratic Consolidation in the Baltic States: a Political Perspective on the EU Membership. Uppsala : Uppsala University, 2001.

Best H., Becker U. (eds.) Elites in Transition: Elite Research in Central and Eastern Europe. Opladen : Leske&Budrich, 1997.

Best H., Cotta M. Democratic Representation in Europe: Diversity, Change, and Convergence. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Best H., Cotta M. Parliamentary Representatives in Europe 1848-2000, Oxford, Oxford University Press, 2000.

Best H., Edinger M. Representative Elites in Post-Communist Settings. Jena: SFB 580, 2003.

Best H., Edinger M., Semenova E. Parliamentary Elites in Central and Eastern Europe: Recruitment and Representation. London: Routledge, 2013.

Best H., Higley J. (eds.) Handbook of Political Elite. London: Palgrave Macmillan, 2018. 698 p.

Best H., Higley J. (eds.) Democratic elitism: new theoretical and comparative perspectives. Leiden and Boston: Brill. 2010.

Best H., Higley J. Political Elites in the Transatlantic Crisis. Palgrave, Macmillan. 2014.

Best H., Lengyel G., Verzichelli L. The Europe of Elites: A Study into the Europeanness of Europe's Political Elites / eds.. Oxford : Oxford University Press, 2012.

Blais A. To Vote or Not to Vote? The Merits and Limits of Rational Choice Theory. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000.

Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. G. Richards. New York: Greenwood Press, 1986. 377 p.

Brzezinski Z. Political Power: USA/USSR / Z. Brzezinski, S. Huntington. New York :Viking Press, 1964.

Budryte D. Taming Nationalism? Political Community Building in the Post-Soviet Baltic States. London: Routledge, 2017. 248 p.

Burton M., Gunther R., Higley J. Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 1992.

Claude I. Swords into Plowshares. The Problems and Progress of International Organization. London : University of London Press, 1964.

Coaty P. Small State Behavior in Strategic and Intelligence Studies: David's Sling. 2019.

Colomer J. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. London : Routledge, 2007.

Cooper R. The Breaking of Nations. Order and Chaos in the Twenty-first Century. New York : Atlantic Monthly Press, 2003.

Cotta M., Blondel J. The nature of party government. A comparative European Perspective. London, MacMillan, 2000.

Crozier, M. The Crisis of Democracy / M. Crozier, S. Huntington, J. Watanuki. New York : New York University Press, 1975.

Dahl R. Polyarchy. New Haven : Yale University Press, 1971.

Dahl R. Size and Democracy / R. Dahl, E. Tufte. Stanford : Stanford University Press, 1973.

Dahl R. Who Governs? Democracy & Power in an American City. New Haven : Yale University Press, 1961.

Dahl R. Who Governs? Democracy and Power in an American City. New Haven & London: Yale University Press, 1961.

Dauchert H. Anwalt der Balten oder Anwalt in eigener Sache? Die deutsche Baltikumpolitik, 1991-2004. Berlin, 2008. 371 s.

De Luca L. Free-Riding in NATO: Reality or Myth? Ithaca: Cornell University, 1986. 239 p.

Deksnis E.D., Bekere K. Latviesu trimdas loma Latvijas neatkarības idejas uzturēšanā (1945-1991) /Akadēmiskie raksti 4 sējumos "Latvieši un Latvija", III sējums "Atjaunotā Latvijas valsts". Rīga: Latvijas Zinatnu akadēmija, 2013. 480 p.

Dogan M., Higley J. Elites, Crises, and the Origins of Regimes. Rowman and Littlefield Publishers, Boulder CO. 1998.

Domhoff G.W. Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. New Brunswick (NJ): Transaction Books, 1978.

Domhoff G.W. Who Rules America? New Jersey : Prentice-Hall, 1967.

Downs A. An Economic Theory of Democracy. New York: Harper & Row, 1957. 310 p.

Dumienski Z. Microstates as Modern Protected States: Towards a New Definition of Micro-Statehood. Gimli : University of Iceland, 2014.

Elster J., Rune S. Constitutionalism and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. Making Capitalism Without Capitalists : The New Ruling Elites in Eastern Europe. London : Verso, 1998.

Field G., Higley J. Elitism. London; Boston. Routledge and Kegan Paul, 1980. 135 p.

Fox A. The Power of Small States: Diplomacy in World War Two. Cambridge : Cambridge University Press, 1959.

Fukuyama F. The Origins of Political Order. London: Profile Books, 2011.

Gaidys V. The Emergence of the Lithuanian Political Elite / The New Elite in Post-communist Eastern Europe. Ed. by V. Shlapentokh, Ch. Vanderpool and B. Doctorov. Texas A&M University Press. 1999.

Geddes B. Initiation of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America / A. Lijphart & C.H. Waisman (eds.) Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America. Boulder: Westview Press, 1996.

Gerring J. Size and Democracy Revisited / J. Gerring, D. Zarecki. Budapest : Central European University, 2011.

Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991.

Gleditsch K.S. All International Politics Is Local: The Diffusion of Conflict, Integration, and Democratization. University of Michigan Press, 2002. 280 p.

Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Front Cover. New York: University of California Press, 1991.

Hankiss E. East European Alternatives. Oxford : Clarendon Press, 1990.

Higley J. The Endangered West: Myopic Elites and Fragile Social Orders in a Threatening World. New York: Routledge, 2017.

Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Boulder : Rowman & Littlefield. 2006.

Higley J., Lengyel G. Elites after State Socialism. Theories and Analysis. New York, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2000. 252 p.

Hobsbawm E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge : Cambridge University Press, 2012.

Hobsbawm E., Terence R. The Invention of Tradition. Cambridge : Cambridge University Press, 1983.

Hoffman S. The State of War: Essays on the Theory and Practice of International Politics. New York : Praeger, 1965.

Honore A. EU Requirement to Ensure Alternative Gas Supply from 3rd December 2014. Oxford : Oxford Institute of Energy Studies, 2014.

Hunter F. Community Power Structure. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1953.

Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Penguin Books, 1996.

Ikstens J. Eastern Slavic Political Parties in Latvia / Latvian-Russian Relations: Domestic and International Dimensions / Ed. Muiznieks N. Riga: LU, 2006.

Ikstens J. Etniskā identitāte un politiskā rīcībspēja / Daudzveidīgās un mainīgās Latvijas identitātes. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014.

Ingebritsen Ch. et al. Small States in International Relations. 2012.

Inglehart R. Welze l C. Modernization, Cultural Change, and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Ivanauskas V. Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: Tarp stagnacijos ir dinamikos (1968-1988 m.). Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2011.

Jakniunaite D. Neighbourhood Politics of Baltic States / Identity and Foreign Policy. Baltic-Russian Relations and European Integration / Eds. Berg E. and Ehin P. London, Routledge, 2009.

Jakobson M., Balcere I., Loone O., Nurk A., Saarts T., Zakeviciute R. Populism in the Baltic States. Tallinn University, 2012.

Janusauskiene D. The Post-Communist Democratization in Lithuania. Elites, Parties and Youth Organizations 1988-2001. Amsterdam/New York, NY, 2011. 173 p.

Janutiene R. Dinastija. Landsbergiu isgyvenimo istorija. Vilnius: Nataiva, 2014. 312 p.

Janutiene R. Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius: Nataiva. 2013. 271 p.

Jervis R. Perceptions and Misperceptions in International Politics / R. Jervis. Princeton : Princeton University Press, 1976. 445 p.

Jervis R., Snyder J. (eds.) Dominoes and Bandwagons. Strategic Beliefs and Great Power Competition in the Eurasian Rimland. Oxford University Press, New York, 1991. 320 p.

Jokubaitis A., Lopata R. Lietuva kaip problema. Vilnius: Tyto Alba, 2014. 284 p.

Jurkynas M. Security concerns of the Baltic states in the twenty-first century / Small states and international security. Europe and beyond / eds. Archer C., Bailes A.J.K., Wivel A. Abingdon: Routledge, 2014.

Jurkynas M., Ramonaite A. Ka ir e ir desine Lietuvoje: Ekspertu ir elektoratone susi kalbejimas / Lietuva po Seimo rinkimu / ed. Jankauskas A., Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla. 2005.

Kasatkina N., Leoncikas T. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius : Socialinių tyrimų institutas ; Eugrimas, 2003.

Kasekamp A. Estonia: Eager to Set an Example in Europe / The New Member States and the European Union: Foreign Policy and Europeanization (eds. Baun M., Marek D). London: Routledge, 2013.

Keller S. Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New York : Random House, 1963.

Kuklys M. Careers of long-standing legislators and the making of the parliamentary elite Evidence from 25 Baltic parliaments / The Contested Status of Political Elites. At the Crossroads / Ed. by Vogel L., Gebauer R., Salheiser A. London: Imprint Routledge, 2018. 264 p.

Lane D. Elites and Classes in the Transformation of State Socialism. London : Transaction Publishers, 2012.

Lapsa L., Jančevskis K., Saatčiane I. Latvietis parastais. Riga. Atēna, 2011.

Latvijas ārpolitika un «robežu paplašināšana» / Ozoliņa, Ž. (Red.). Riga: Zinātne, 2006.

Laumann E., Pappi F. Networks of Collective Action: a Perspective on Community Influence Systems. New York : Academic, 1976.

Laumann E. The Organizational State / E. Laumann, D. Knoke. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

Laurinavicius C., Motieka E., Statkus N., Baltijos valstybiu geopolitikos bruožai. XX amžius, Vilnius: Lietuvos Istorijos instituto leidykla, 2005.

Laurinavicius C., Sirutavicius V. Lietuvos Istorija. Sąjūdis: nuo "Persitvarkymo" iki kovo 11-osios. Vilnius: Baltoslankos, 2008.

Lehti M., Smith D., Post-Cold War Identity Politics : Northern and Baltic Experience. London : Routledge, 2004.

Lieven A. The Baltic Revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the Path to Independence. New Haven ; London : Yale University Press, 1994.

Lipset S. Political Man: The Social Basis of Politics. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

Logan, J., Molotch, H. Urban Fortunes: The Political Economy of Place. Berkeley and Los Angeles, CA: University of California Press. 1987.

Luong P.J. Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions and Pacts. Cambridge University Press, 2002.

Maass M. Small States in World Politics: The Story of Small State Survival, 1648-2016. Manchester: Manchester University Press, 2018. 263 p.

March J., Olsen J. Elaborating the «New Institutionalism». Oslo : University of Oslo, Centre for European Studies, 2005.

Masiulis K. Lietuvos elitas. Ekonomines vertybės. Politines orientacijos. Prognozės. Vilnius. 1997.

Masiulis K., Sudnickas T. Elitas ir lyderyste. Vadovėlis. Vilnius: Mykolo Romerio universiteto leidybos centras, 2008.

Matonyte I. Elite studies and Communism: the Baltics between Moscow and East Central Europe / Baltic democracy at the crossroads. An Elite perspective / Berglund S., Duvold K. (eds.). Hoyskole Forlaget As, Kristiansand, Norwegian Academic Press, 2003.

Matonyte I. Posovietinio elito labirintai. Vilnius : Knygiai, 2001.

Matonyte I. Threat Perception and European Identity Building: The Case of Elites in Belgium, Germany, Lithuania and Poland / I. Matonytė, V. Morkevičius / Perceptions of the European Union in New Member States: A Comparative Perspective / ed. G. Ilonszki. London : Routledge, 2013.

Matonyte I., Sumskas G. Lithuanian parliamentary elites after 1990: dilemmas of political representation and political professionalism / Parliamentary elites in Central and Eastern Europe. Recruitment and representation /ed. Semenova E., Edinger E. and Best H. London and New York: Routledge, 2014.

Matonyte I., Sumskas G., Gaidys V. Europietiško rakursai: Lietuvos elitų bei gyventojų požiūriai ir žvilgsnis į kitas Europos šalis. Kaunas: Technologija, 2018.

Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. New York: [s.n.], 1959.

- Mills R.* The Power Elite. New York : Oxford University Press, 1956.
- Mosca G.* The Ruling Class (Elementi di scienza politica). Trans. H. D. Kahn. Ed., rev. and with an Introduction by A. Livingston. New York and London: McGraw-Hill, 1939.
- Mosser M. W.* Engineering Influence: The Subtile Power of Small States in the CSCE/OSCE / Small States and Alliances / eds. E. Reiter and H. Gartner. New York : Springer, 2001.
- Norgaard O.* Studies of Communism in Transition. The Baltic States after Independence. Cheltenham : Edward Elgar, 1995.
- Norkus Z.* Kokia demokratija, koks kapitalizmas? Pokomunistine transformacija Lietuvoje lyginamosios istorines sociologijos požiūriu. Vilnius: Vilniaus universitetas. 2008.
- Norkus Z.* On Baltic Slovenia and Adriatic Lithuania: A Qualitative Comparative Analysis of Patterns in Post-communist Europe. Vilnius: Apostrofa, 2012. 375 p.
- North D.* Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990.
- Organski A.* World Politics. New York : Knopf, 1958.
- Ozolins Z.* Latvija eiropeizācijas krustceļos. Rīga : LU Akadēmiskais apgāds, 2005. 135 p.
- Pareto V.* The Rise and Fall of Elites: An Application of Theoretical Sociology. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2017.
- Peters B.G.* Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 2019.
- Popper K.* The Open Society and Its Enemies. Princeton : Princeton University Press, 1963.
- Przeworski A.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990 / A. Przeworski, M. Alvarez, J. Cheibub, F. Limongi. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
- Putnam R.D.* The Comparative Study of Political Elites. New Jersey: Prentice Hall. 1976.
- Putnam R.D.* Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton : Princeton University Press, 1993.
- Ramonaite A.* Posovietinės Lietuvos politinė anatomija. Pilietinės visuomenės institutas, Vilniaus universitetas. Tarptautinių santykių ir politikos mokslų institutas. Vilnius: Versus aureus. 2007.
- Riesman D.* The Lonely Crowd. A Study of Changing American Character / D. Riesman, N. Glazer, R. Denney. New York : Doubleday, 1953.
- Riker W.* Liberalism against Populism. San Francisco : W. H. Freeman and Company, 1982. 311 p.
- Rothkopf D.* Superclass: The Global Power Elite and the World They Are Making. Farrar, Straus and Giroux, 2009. 376 p.
- Rothstein R.* Alliances and Small Powers. New York, 1968.
- Ruks M.* 25 Gadi Sekta. Rīga: Antava, 2018.

Ruostesaari I. Elite Recruitment and Coherence of the Inner Core of Power in Finland. London: Lexington Books, 2012.

Schou A., Brundtland A.O. Small States in International Relations. New York: Wiley Interscience Division & John Wiley & Sons, 1976.

Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. New York: Routledge, 1994.

Sewell W.H. Logics of History: Social Theory and Social Transformation. University of Chicago Press, 2009.

Shtromas A. The Baltic States as Soviet Republics: Tensions and Contradictions / The Baltic States: the National Self-Determination of Estonia, Latvia and Lithuania, ed. G. Smith. Basingstoke, MacMillan. 1996.

Simon H. Models of Man. New York: Wiley, 1957.

Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Small States and International Security: Europe and Beyond / eds. *C. Archer, A. Bailes, A. Wivel.* London: Routledge, 2014.

Small States in Europe: Challenges and Opportunities / eds. *R. Steinmetz, A. Wivel.* Surrey: Ashgate, 2010.

Small States in the Modern World: Vulnerabilities and Opportunities. / eds. *H. Baldersheim, M. Keating.* Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2015.

Smidchens G. The Power of Song: Nonviolent National Culture in the Baltic Singing Revolution. Washington: University of Washington Press, 2013. 446 p.

Smith D. Estonia: Independence and European Integration. London: Routledge, 2001.

Smith G. The resurgence of nationalism / The Baltic states: the national self-determination of Estonia, Latvia and Lithuania. Basingstoke: Macmillan, 1994.

Sootla G. Summary / Estonian Human Development Report 2014/2015 / Ed. Vetik R. Tallin: Estonian Cooperation Assembly, 2015.

Sootla G. The Development and Dilemmas of Estonian Local Government from a European Perspective / Administrative Reform 2017 in Estonia: Decisions, Backgrounds, Implementations. Tallin: Menu Meedia OU, 2018. 711 p.

Sorokin P. The Sociology of Revolution. Philadelphia: J. B. Lippincott Co. 1925.

Spruds A. The Economic Presence of Russia and Belarus in the Baltic States: Risks and Opportunities. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2012.

Staniszkis J. The Dynamics of the Breakthrough in Eastern Europe: The Polish Experience. Berkley: University of California Press, 1991. 303 p.

Staniszkis J. Post-Communism, the Emerging Enigma. Warsaw: Polish Academy of Sciences, 1999. 366 pp.

Status in World Politics / eds. *T.V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth.* Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Steen A. Between Past and Future: Elites, Democracy and the State in Post-Communist countries. A Comparison of Estonia, Latvia and Lithuania. Aldershot, Brookfield USA, Singapore, Sydney: Ashgate. 1997. 335 p.

Stiller S. The Future of the Baltic Sea Region: Potentials and Challenges / S. Stiller, J. Wedemeier. Hamburg : Hamburg Institute of International Economics, 2011.

Stone L. Prosopography / Historical Studies Today / Ed. by F. Gilbert & St. Graubard. N.Y., 1972.

Stukuls-Eglitis D. Imagining the Nation. History, Modernity, and Revolution in Latvia. PA: Pennsylvania State University Press, 2002. 280 p.

Sukis J. Siberian Exile: Blood, War, and a Granddaughter's Reckoning. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 200 p.

Sweijis T. The Role of Small Powers in the Outbreak of Great Power War. Gimli : University of Iceland, 2010.

Talat-Kelpsa L. Vyriausybė ir prezidentas / Lietuvos politinė sistema: sąranga ir raida / Ed. by A. Krupavičius and A. Lukošaitis. Kaunas. 2004.

Tammen R. Power Transitions: Strategies for the 21st Century. New York : Seven Bridges Press, 2000.

Tanner A. Baltic Sea: Security Tomorrow – Three Future Scenarios. Brussels : Boston University, 1995.

Terk E., Reid A. From state-owned enterprises to innovation-based entrepreneurship: a comparison of the Baltic states / Estonian Human Development Report. Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On. 2010/2011. Eesti Koostöö Kogu. Tallinn: AS Printon Trükikoda 2011.

Thorhallsson B. Small States and Shelter Theory: Iceland's External Affairs. London: Routledge, 2019. 224 p.

Tilly C. European Revolutions, 1492 - 1992. London: Wiley-Blackwell. 1996.

Tilly C. War Making and State Making as Organized Crime // Bringing the State Back In / eds. P. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. Cambridge : Cambridge University Press, 1985.

Toje A. The European Union as a Small Power: After the Post-Cold War. New York : Palgrave Macmillan. 2010.

Toomla J. (ed.) Valitud ja valitsenud : Eesti parlamentaarsete ja muude esinduskogude ning valitsuste isikkoosseis aastail 1917-1999. Tallinn: Eesti Rahvusraamatukogu, 1999.

Truska L. Holokausto prielaidos : antisemitizmas Lietuvoje / L. Truska, V. Vareikis. Vilnius : Margi Raštai, 2004.

Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Harmondsworth : Penguin Books, 1969.

Useem M. The Inner Circle: Large Corporations and the Rise of Business Political Activity in the U.S. and U.K. N.Y.: Oxford University Press, 1984.

Vital D. The Survival of Small States. Studies in Small Power / Great Power Conflict. London, Oxford University Press, 1971.

Vogt H. Between Utopia and Disillusionment: A Narrative of the Political Transformation in Eastern Europe. New York. Oxford. Berghahn Books, 2005.

Waltz K. Theory of International Politics. New York: McGraw-Hill, 1979.

Wasilewski J. Communist Nomenklatura in Post-Communist Eastern Europe: Winners or Losers of Transformation? Warsaw : Polish Academy of Sciences, 1995.

Weber M. Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley-Los Angeles: University of California Press, 1978.

Wistinghausen H., von. Vabas Eestis: esimese saksa suursaadiku malestused 1991-1995. Tallinn: Eesti Keele Sihasutus, 2008.

Zagainova, A. Challenges of Anti-Corruption Policies in Post-Communist Countries / Corruption and Development of The Anti-Corruption Campaigns / ed. S. Bracking. New York : Palgrave Macmillan, 2007.

Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения, 1985.

Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность: монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.

Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX-XXI вв. / Отв. ред. А. А. Комаров. М.: ЛЕНАНД, 2014. 304 с.

Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.

Барсегян А.М. Международные аспекты становления независимых государств (на примере стран Балтии): автореф. дисс. канд. полит. наук. Москва, 1996.

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. Коробочкина М. Л. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 188 с.

Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция; Территория будущего, 2007. 464 с.

Белановский С.А. Глубокое интервью. М.: Никколо-Медиа, 2001. 320 с.

Белов В.Б. Энергетические суверенитет и безопасность Евросоюза и России / Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка : (К 110-летию со дня рождения А. А. Громыко) / Ин-т Европы Российской акад. наук, Ин-т «Справедливый Мир» ; под ред. Н. Б. Кондратьевой и А. К. Никитина. М. : ИЕ РАН : Ключ-С, 2019. С. 113-127.

Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России. М. : Аспект Пресс, 2017. С. 275.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 384 с.

Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.

Бузаев В. Массовое безгражданство: четверть века чужие. Рига: Латвийский комитет по правам человека, 2016. 92 с.

Бузаев В.В., Никифоров И.В. Современная европейская этнократия. Нарушения прав национальных меньшинств в Эстонии и Латвии. М.: Фонд «Историческая память», 2009.

Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / Пер. с франц.; Отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Инст-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя. 2005. 576 с.

Бурлацкий Ф.М. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма / Ф. М. Бурлацкий, А. А. Галкин. М. : Мысль, 1985.

Бусыгина И.М. Политическая регионалистика. М. : МГИМО; РОССПЭН, 2006.

Бусыгина И.М. Политическая роль регионов в структуре Европейского Союза : Концептуальные и прикладные аспекты : дис. д-ра полит. наук. МГИМО, Москва, 2001.

Бусыгина И.М. Стратегия европейских регионов в контексте интеграции и глобализации. М., 2002.

Бусыгина И.М., Захаров А. А. Общественно-политический лексикон / Институт международных исследований. М.: МГИМО – Университет, 2009.

Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом. М.: Corpus (АСТ), 2018. 413 с.

Вебер М. Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. В 4 т. Т.4. / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.

Властные элиты современной России в процессах политической трансформации / Отв. ред. В.Г. Игнатов, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, А.М. Старостин. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 2004. 520 с.

Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада / Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000 гг. М., 2007.

Володькин А.А. Интеграция Латвии, Литвы и Эстонии в ЕС и НАТО. Минск: Беларуская навука, 2016.

Воробьева Л.М. Прибалтийский вопрос: эстонское направление (1920-2016 гг.). М.: РИСИ, 2016. 576 с.

Воробьева Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. М. : ФИВ, 2013.

Воронов К.В. Евроинтеграция Норвегии: особый курс малой страны. М., Прогресс-Традиция, 2008, 400 с.

Воротников В.В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. М.: Аспект Пресс, 2015. 272 с.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Советская Россия ; Октябрь, 1991.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты в фокусе компаративного анализа. Очерки теории и истории. М.: Аспект Пресс, 2020. 570 с.

Гаман-Голутвина О.В. Элита-центричная парадигма исследования политики / *Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И.*, отв. ред. Современная политическая наука. Методология. М.: Аспект Пресс. 2019. 770 с.

Гаман-Голутвина О.В. Подходы и методы изучения политических элит / *Гаман-Голутвина О. В.*, отв. ред. Сравнительная политология. М.: Аспект Пресс, 2015.

Геллнер М. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991.

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Изд-во «Весь мир», 2004. 120 с.

Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе / Под ред. *В.Я.Швейцера*. М.: Весь мир, 2009. 544 с.

Громько Ал.А. (ред.) Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы – новые решения. М.: ИЕ РАН, 2013.

Громько Ал.А. О насущном. Европа и современный мир. М. ; СПб : Нестор-История, 2017.

Громько Ал.А., Фёдоров В.П. (общ. ред.) Европа XXI века. Новые вызовы и риски. М., СПб.: Нестор-История, 2017. 584 с.

Гуцин В. Постсоветская Латвия – обманутая страна. Почему НФЛ не привел к демократии? Рига: Изд-во Балт. центра ист. и соц.-полит. исслед., 2013. 720 с.

Дай Т., Зиглер Л. Демократия для элиты. Введение в американскую политику. М. 1984.

Джилас М. Новый класс. Анализ коммунистической системы. Нью-Йорк : Фредерик А. Прегер, 1957.

Донскис Л., Венцлова Т. Поиски оптимизма в пессимистические времена: Предчувствия и пророчества Восточной Европы / Пер. с лит. Г. Ефремова. СПб.: Изд-во И. Лимбаха, 2016. 160 с.

Дука А. В. Элита третьего пути: вызовы и ответы российской элиты // Властные элиты современной России в процессах политической трансформации / отв. ред. В. Г. Игнатов, О. В. Гаман-Голутвина, А. В. Понедельков, А. М. Старостин. Ростов н/Д : СКАГС, 2004.

Дынкин А.А. (ред.) Мир 2035. Глобальный прогноз. М.: Магистр, 2017. 352 с.

Дюков А. Р. «The Soviet Story»: Механизм лжи. М. : Фонд «Историческая память», 2008.

Дюков А. Р. Государственная историческая политика Латвии: материалы к изучению / А. Р. Дюков, В. В. Симиндей. М.: Фонд «Историческая память», 2011.

Дюков А.Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939–1940 гг. М.: Фонд «Историческая память», 2013. 264 с.

Дюков А.Р. Тайное соглашение с Гестапо. М.: Пятый Рим, 2020.

Еришов О.В. Российский вектор внешней политики Латвийской Республики в условиях глобального кризиса: дисс. канд. полит. наук. Москва, 2011.

Жданок Т., Митрофанов М. Русские Латвии на изломе веков. От заката СССР до кризиса Евросоюза. М.: Китони, 2017. 431 с.

Житин Д.В., Иванова А.А. Демографическое развитие стран Балтии. М.: Русская книга, 2017. 122 с.

Защита государственного суверенитета - опыт Евросоюза и европейских стран / Под ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2018. 204 с.

Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953. М.: РОССПЭН, 2008.

Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье: времена и странствования политики. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010.

Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2012. 806 с.

Историческая политика в XXI веке / Сб. ст. под ред. А. Миллера, М. Липман. М. : Новое литературное обозрение, 2012.

Казекамп А. История балтийских государств. Тарту: Издательство Тартуского университета, 2014.

Кирчанов М. В. Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. Воронеж : Воронежский гос. унив-тет, 2007. С. 117.

Кирчанов М.В. Латвия и страны Балтии: проблемы дипломатической и политической истории. Воронеж, 2007. 117 с.

Кирчанов М.В. Четыре модернизации: исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX – XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж: Кварта, 2015. 286 с.

Клауцен А.П. Как латышские националисты победили красных латышских стрелков. Воспоминания, свидетельства, размышления. М.: Свет, 2018. 424 с.

Ковалев Б.Н., Кулик С.В., Асташкин Д.Ю. Забвению не подлежит: оккупация, сопротивление, возмездие. М., 2019. 287 с.

Кокошин А.А. Методологические проблемы прогнозирования в интересах национальной безопасности России / Факультет мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; Институт социально-политических исследований РАН; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2014.

Кочетков А.П. Демократия и элиты. М.: Проф Эко, 2009. 176 с.

Кочетков А.П. Корпоративные элиты. М.: РОССПЭН, 2012. 220 с.

Кочетков А.П. Транснациональные элиты в глобальном мире. М.: Аспект-Пресс, 2020. 208 с.

Курьянов В.Н. Страны Балтии: становление национальной государственности в системе международных отношений: дисс. доктора полит. наук. Москва, 1999.

Къеза Дж. Латвийский кандидат, или Неизвестные приключения негражданина в Европе. М. : Трибуна, 2010.

Лапина Н.Ю. Региональные элиты России. М.: ИНИОН РАН, 1997.

Лауринавичюс Ч. Как соседи становятся врагами / Россия и Балтия. Вып. 6. Диалог историков разных стран и поколений / отв. ред. А.О. Чубарьян / Ин-т всеобщ. Истории РАН. М.: Весь Мир, 2011.

Ледяев В.Г. Социология власти: Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. 472 с.

Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира. М. : Институт комплексных стратегических исследований, 2005.

Любимов А. Атмода со слезами на глазах. Рига, 2002.

Медведев Р. Советский Союз: последние годы жизни. М.: Изд-во «Время», 2016. 802 с.

Межевич Н. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века вторых республик. М.: Русская книга, 2016.

Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / Пер. с англ. Т.Н.Федоровской. Под ред. С.А. Белановского. М., 1991.

Миллс Р. Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1956. 543 с.

Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. А.А. Дынкина; ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. - М.: Магистр, 2017. 352 с.

Михайленок О.М. Феномен согласия в политологии и политической практике. М.: Институт социологии РАН, 2016. 176 с.

Мозель Т.Н. Балтия, Россия и Запад в поисках модели безопасности в Европе. М.: Научная книга, 2001. 303 с.

Моска Г. История политических доктрин: монография. М.: РУСАЙНС, 2016. 257 с.

Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2005.

Новые члены Европейского Союза: Проблемы адаптации / Под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой; ИЭ РАН. М.: Наука, 2010. 495 с.

Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

Носович А.А. История упадка. Почему у Прибалтики не получилось. М.: Алгоритм, 2015.

Оленченко В.А. Страны Прибалтики в ЕС: результаты и перспективы. М., 2017.

Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991.

Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе. М. : ИЕ РАН , 2019. 164 с.

Острогорский М.Я. Демократия и политические партии / Политология / сост. проф. М.А. Василик. М., 1999.

Парето В. Трансформация демократии / Пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011. 206 с.

Петкявичюс В.К. Корабль дураков. Галерея политических портретов и шаржей. Кд.: Янтарный сказ, 2004. 312 с.

Плаканс А. Краткая история стран Балтии. М.: Весь мир, 2016.

Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.

Польша, Литва, Латвия, Эстония: социально-экономическое и политическое развитие: монография / под ред. А.П. Клемешева. М.: Инфра-М, 2018. 134 с.

Портнягина М.Д. Страны Балтии во внешней политике Федеративной Республики Германия и Российской Федерации в 1990-е гг. – начале XXI в. СПб: Изд-во СПбГУ, 2014. 166 с.

Постсоветские государства: 25 лет независимого развития: в 2-х т. Т.1. Западный фланг СНГ. Центральная Азия / отв. ред. А.Б. Крылов. М.: ИМЭМО РАН, 2017, 197 с.

Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 241 с.

Прибалтийские исследования в России. 2015: сб. ст. / сост. М. А. Вилков, В. В. Симиндей. М.: Историческая память, 2015. 480 с.

Прибалтийские исследования в России. 2017–2018: сб. ст. / сост. Н.М. Межевич. М.: Русская книга, 2018. 192 с.

Прибалтийские исследования в России: мат-лы междунар. науч. конф. / под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г. М. Федорова. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2016. 226 с.

Примаков Е.М. Ситуационные анализы. Методика проведения / Е.М. Примаков, М.А. Хрусталева. М.: НОФМО, 2006.

Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Изд-во Московского университета, 2014.

Путь в Европу / сб. ст. под ред. Клямкина И., Шевцовой Л. / Фонд «Либеральная миссия». М.: «Новое издательство», 2008. 400 с.

Пую А.С. (и др.) Медиакратия: современные теории и практики. СПб: Изд-во СПбГУ, 2013. 352 с.

Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.

Розенфельд И. Эстония до и после «бронзовой ночи». Тарту: Крипта, 2009. 576 с.

Сависаар Э. Правда об Эстонии : в 2 т. Таллин : Midfield, 2012.

Сакалаускайте Р. На ринге литовской политики. М.: Худож. литература, 2011. 324 с.

Самонис В. Трансформация Литовской экономики: от Москвы к Вильнюсу и от плана к рынку. Варшава : Центр социально-экономических исследований, 1995.

Самые влиятельные люди России – 2003 / Науч. рук. О.В. Гаман-Голутвина. М.: Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ), 2004. 696 с.

Сапожникова Г. Арнольд Мери: последний эстонский герой. Таллин: Impressum; SKP Media, 2009. 160 с.

Сельцер Д. Г. Взлеты и падения номенклатуры. Тамбов: Тамбов полиграфиздат, 2006. 592 с.

Симонян Р.Х. Лекции по истории и этнологии Литвы. М.: Аспект-пресс, 2014. 256 с.

Симонян Р.Х. Россия и страны Балтии. Две модели социального развития / Р.Х. Симонян. 3-е изд. М. : Институт социологии РАН, 2009.

Симонян Р.Х. Эстония. Обретение второй независимости. М.: Аспект-пресс, 2016. 320 с.

Станкерас П. Литовские полицейские батальоны, 1941–1945 годы. М. : Вече, 2009.

Старостин А.М. Эффективность деятельности административно-политических элит: критерии оценки и анализ состояния в современной России. Ростов-н/Д.: СКАГС, 2003.

Тарасов И.Н. Институциональное развитие посткоммунистических политических систем стран Центрально-Восточной Европы: сравнительный анализ: дис. д-ра полит. наук. СГСЭУ, Саратов, 2009.

Тишков В.А. Этнология и политика. 2-е изд., доп. М. : Наука, 2004.

Тишков В.А. Этнополитология: политические функции этничности / В.А. Тишков, Ю. П. Шабаяев. М. : Изд-во Московского университета, 2011.

Тишков В.А. Очерки политики этничности в России. М. : Наука, 1997.

Торкунов А.В., Чечевичников А.Л., Мальгин А.В. По дороге в будущее. М., 2010.

Тоценко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.

Туровский Р.Ф. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 400 с.

Уразбаев Е.Е. Институционализация национализма в процессе формирования политических идентичностей населения стран Балтии: дис. канд. полит. наук. Калининград, 2017. 159 с.

Федоров Г.М., Зверев Ю.М., Корнеевец В.С. Россия на Балтике: 1990–2012 годы. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2013. 252 с.

Финансирование политических партий и избирательных кампаний / под ред. Джоунс С., Оман М., Фальгера Э. Стокгольм: International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2016. 285 с.

Фурман Е. Д. Становление партийной системы в постсоветской Литве / Е. Д. Фурман. М. : Либроком, 2009.

Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

Хрусталеv М. А. Основы теории внешней политики государства. М. : Наука, 1984.

Хрусталеv М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015.

Цыганков П. А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М. : Изд-во Московского ун-та, 2014.

Чапенко А.А. История стран Балтии (Эстония, Латвия, Литва) в первый период независимости и годы второй мировой войны: очерки. Мурманск: МГПУ, 2008. 205 с.

Чирикова А. Е., Ледеяев В. Г. Власть в малом российском городе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.

Шевцова Л. Одинокaя держава: Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом. М.: РОССПЭН, 2010.

Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2014.

Шестопал Е.Б. Образы власти. От Ельцина до Путина. М., 2008.

Шестопал Е.Б. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ. М.: РОССПЭН, 2012.

Шишелина Л.Н. Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции. М.: Ин-т Европы РАН, 2017. 138 с.

Шкаратан О. И., Ильин В.И. Социальная стратификация России и Восточной Европы : сравнительный анализ. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2006.

Шутов А.Ю. Политический процесс. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994.

Ямалова Э.Н. Демократия в постсоветских государствах Балтии: сравнительный анализ факторов становления и развития: дисс. д-ра полит. наук. М., 2018. 680 с.

Статьи:

Aasland A. Trust and Informal Practice among Elites in East Central Europe, South East Europe and West Balkans / A. Aasland, B. Grodeland, H. Pleines // Europe-Asia Studies. 2012. Vol. 64, No. 1. P. 115–143.

Acemoglu D. Income and Democracy / D. Acemoglu, S. Johnson, J. Robinson, P. Yared // American Economic Review. 2008. Vol. 98, No. 3. P. 808–842.

Agarin T. Extending the Concept of Ethnocracy: Exploring the Debate in the Baltic Context // Cosmopolitan Civil Societies Journal. 2016. Vol. 8. № 3. P. 81-99.

Agh A. Declining Systemic Trust in the Political Elite in the Eu's New Member States: the Divergence Between East-Central Europe and the Baltic States // Baltic Journal Of Political Science. 2017. No. 6. P. 27-49.

Alisauskiene R. Politines nuostatos ir rinkimai Lietuvoje // Politologija. 2000. No. 2. P. 3-25.

Amstrup N. The Perennial Problem of Small States: A Survey of Research Efforts // Cooperation and Conflict. 1976. Vol. 11. P. 163-182.

Annus E. The Problem of Soviet Colonialism in the Baltics // Journal of Baltic Studies, 2012. No. 43 (1). P. 21–45.

Antanaitis A. Įvykius Lietuvoje nušviečiant: Jungtinių Amerikos Valstijų lietuvių veikla 1987–1992 m. // Oikos: lietuvių migracijos ir diasporos studijos. Vilnius : Versus Aureus. 2012. No. 2 (14). P. 62-73.

Antanaitis K. Nomenklaturės transformacijos Lietuvoje 1988-1992 metais // Darbai ir dienos. No. 49. 2008. P. 81-93.

Arbatova N. Reaching an understanding on Baltic security // Survival. 2018. Vol. 60. No. 3. P. 115-132.

Aslund A. Lessons of the First Four Years of Systemic Change in Eastern Europe // Journal of Comparative Economics. 1994. Vol. 19, No. 1. P. 22-38.

Auers D. Comparing Radical-Right Populism in Estonia and Latvia / D. Auers, A. Kasekamp // Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse. London, 2013. P. 235–248.

Auers D. Populism and Political Party Institutionalisation in the Three Baltic States of Estonia, Latvia and Lithuania // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 341-355.

Balkelis T. War, Ethnic Conflict and the Refugee Crisis in Lithuania, 1939–1940 // Contemporary European History. 2007. Vol. 16, No. 4. P. 461–477.

Baranov P., Ovchinnikov A., Mamychev A., Plotnikov A. Elites and the formation of constitutionalism: the socio-cultural vector of development // Man in India. 2017. T. 97. No. 23. C. 561-575.

Berend I.T. From Plan to Market, From Regime Change to Sustained Growth in Central and Eastern Europe // Economic Survey of Europe, 2000. No. 2/3. P. 47-67.

Best H. Does Personality Matter in Politics? Personality Factors as Determinants of Parliamentary Recruitment and Policy Preferences // Comparative Sociology. 2011. No. 10. P. 928-948.

Best H. European Political Elites in Comparison: The Long Road to Convergence // Historical Social Research. 2004. Vol. 29, No. 2 (108). P. 252-258.

Best H. Marx or Mosca? An Inquiry into the Foundations of Ideocratic Regimes // Historical Social Research. 2012. No. 139. Special Issue. P. 73–89.

Best H. New Challenges, New Elites? Changes in the Recruitment and Career Patterns of European Representative Elites // Comparative Sociology. 2007. No. 6. P. 85-113.

Best H. Stabilizing Democracy in Eastern Europe under the Condition of Highly Volatile Political Elites // Ertékés Valóság. 2007. No. 8. P. 23-34.

Best H. Transitions, Transformations and the Role of Elites // Historical Social Research. 2010. Vol. 35, No. 2. P. 9–12.

Bozoki A. Intellectuals and Democratization in Hungary / A New Europe? Social Change and Political Transformation. Ed. by C. Rootes and H. Davis, London: UCL Press, 1994. P.149-175.

Bozoki A. Theoretical Interpretations of Elite Change in East Central Europe // Elite configurations at the apex of power / Ed. by M. Dogan, M. Leiden: Brill, 2003. P. 215–223.

Bruge I. The Eastern Partnership – Still a Priority for Latvia //The Latvian Foreign and Security Policy Yearbook 2018 / Eds. Spruds A., Bruge I. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2018. P. 148-162.

Budryte D. The Dilemma of «Dual Loyalty»: Lithuania and Transatlantic Tensions / Old Europe, New Europe and the US, ed. by Lansford T., Tashev B., Ashgate, 2005.

Bukovskis K., Elferte J. Latvia's Path to the European Union: In-Between the Backstage and the Spotlight // The Centenary of Latvia's Foreign Affairs Activities and Personalities/ Eds. Spruds A., Scerbinskas V., Potjomkina D. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2017. P. 191-211.

Bunce V. The Political Transition in Central and East European Politics // From Communism to Democracy / eds. S. L. Wolchik and J. L. Curry. Lanham : Rowman & Littlefield, 2008. P. 33–54.

Burton M. Elite Settlements / M. Burton, J. Higley // American Sociological Review. 1987. Vol. 52, No. 3. P. 295–307.

Carothers T. The End of the Transition Paradigm // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13, No. 1. P. 7–21.

Cheskin A. Exploring Russian-Speaking Identity from Below: The Case of Latvia // Journal of Baltic Studies, 2012. No. 44 (3). P. 287–312.

Coffey L. The Baltic States: Why the United States Must Strengthen Security Cooperation // Backgrounder. 2013. No. 28 (51).

Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100. No. 6. P. 1552–1593.

Cooper R. Sovereignty and the Small State // Medzinárodné otázky. 1999. No. 8. P. 82-86.

Crowards T. Defining the Category of 'Small' States // International Development. 2002. Vol. 14, No. 2. P. 143–179.

Dogan M. Political Legitimacy: New Criteria and Anachronistic Theories // International Social Science Journal. 2009. Vol. 60, No. 196. P. 203.

Dowding K., Dunleavy P., King D., Margetts H. Rational Choice and Community Power Structure // Political Studies. 1995. Vol. 43. No. 2. P. 265-277.

Duval R., Thompson W. Reconsidering the Aggregate Relationship between Size, Economic Development, and Some Types of Foreign Policy Behavior // American Journal of Political Science. 1980. Vol. 24, No. 3. P. 511–525.

Duverger M. A New Political System Model: Semi-Presidential Government // European Journal of Political Research. 1980. Vol. 8. P. 165-187.

East M.A. Size and Foreign Policy Behaviour. A Test of Two Models // World Politics. 1973. Vol. 25. No. 4. P. 556-576.

Edinger M. Elite Formation and Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis // Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives / ed. J. Higley, H. Best. Leiden : Brill, 2010. P. 127–149.

Eyal G. The Theory of Post-Communist Managerialism / G. Eyal, I. Szelenyi, E. Townsley // *New Left Review*. 1997. No. 222. P. 60–92.

Fernandes S., Makarychev A. Estonia and Portugal in Europe: escaping peripherality, capitalizing on marginality // *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. Vol. 27, No. 4. P. 394-408.

Fukuyama F. «Stateness» First // *Journal of Democracy*. 2005. Vol. 16, No. 1. P. 84–88.

Gabliks J. Baltijas valstu savieniba un Austrumeiropas NATO, Briva Latvija, No. 8, Febr.28 - March 7, 1994.

Gaman-Golutvina O. Political Elites of the Commonwealth of Independent States // *Comparative Sociology*. 2007. No. 6. P. 136–157.

Gaman-Golutvina O. Political elites in the USA under George W.Bush: structure and international politics // *Historical Social Research*. 2018. T.43. No.4. P.141-163.

Girnius S. Lithuanian Politics Seven Months after the Elections // RFE/RL Research Report, 1993. Vol. 2, No. 27. P. 16–21.

Goble P. At the Crossroads of Europe: Three Challenges for Lithuanian Foreign Policy // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 1998. No. 1. P. 101-106.

Goble P. Russia and Its Neighbors // *Foreign Policy*, 1993. No. 90. P. 79-88.

Goble P. The Baltics: Three States, Three Fates // *Current History*. 1994. October. P. 332-336.

Grajauskas R. Is there a chance for a common European culture of remembrance? // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2010, No. 24. P. 106-118.

Gray C. Self-Determination and the Breakup of the Soviet Union // *Yearbook of European Law*. 1992. Vol. 12. P. 465-503.

Gulbrandsen T. Elite Integration and Institutional Trust in Norway // *Comparative Sociology*, 2007, No. 6. P. 190–214.

Hankiss E. Reforms and the Conversion of Power // *Upheaval against the Plan: Eastern Europe on the Eve of the Storm* / eds. P. Weilemann, G. Brunner, R. Tokes. Oxford : Berg, 1991. P. 27–39.

Helemae J. Estonia – Highly Unequal but Classless? / J. Helemae, E. Saar // *Studies of Transition States & Societies*. 2012. Vol. 4, No. 2. P. 49–58.

Henrikson A.K. A Coming ‘Magnesian’ age? Small States, the Global System, and the International Community // *Geopolitics*. 2001. No. 6. P.62-63.

Henson R.M., Cannell C.F., Lawson S.A. Effects on Interviewer Style on Quality of Reporting in a Survey Interview // *Journal in Psychology*. 1976. Vol. 93. No. 2. P. 221-227.

Higley J. Elite Settlements and the Taming of Politics / J. Higley, M. Burton // *Government and Opposition*. 1998. Vol. 33. No. 1. P. 96-108.

Higley J. The Persistence of Postcommunist Elites / J. Higley, J. Kullberg, J. Pakulski // *Journal of Democracy*. 1996. Vol. 7. No. 2. P. 133–147.

Higley J., Pakulski J. Forceful Leaders and Leonine Elites in Liberal Democracies // *Comparative Sociology*. 2007. No. 6. P. 6-26.

Holsti K.J. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. 1970. Vol. 14, No. 3. P. 245–246.

Hudson V. Foreign Policy Analysis: Actor-Specific Theory and the Ground of International Relations // *Foreign Policy Analysis*. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 1–30.

Huntington S. Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. 1983. Vol. 99. No. 2. P. 193–218.

Ilonzki G. MPs in Post-Communist and Post-Soviet Nations: A Parliamentary Elite in the Making / G. Ilonszki, M. Edinger // *The Journal of Legislative Studies*. 2007. Vol. 13, No. 1. P. 142–163.

Jaeger O. Securitizing Russia: Discursive Practices of the Baltic States // *Peace and Conflict Studies*. 2000. Vol. 7, No. 2. P. 17-36.

Janusauskiene D., Novagrockiene J. Lietuvos gyventojų požiūrio į saugumą analizė // Lietuvos metinė strateginė apžvalga 2002, Lietuvos Karo akademija, Vilnius, 2003. P. 289-290.

Jurkynas M. Emerging cleavages in new democracies: the case of Lithuania // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 35. 2004. P. 278-296.

Kadushin C. Power Circles and Legitimacy in Developed Societies // *Legitimation of Regimes* / ed. B. Denitch. London : Sage, 1979. P. 127–140.

Kagan R. Superpowers Don't Get to Retire // *New Republic*. 2014. May 26.

Kalev L. Citizenship Policies between Nation-state Building and Globalization: Attitudes of the Decision Makers in Estonia / L. Kalev, R. Ruutsoo // *Studies of Transition States and Societies*. 2009. Vol. 2, No. 1. P. 3–21.

Karabeshkin L., Rusetski R. Estonia's Soft Power // *Baltic Horizons*, 2013. No. 20 (117). P. 45-52.

Kasatkina N. Ethnic Structure, Inequality and Governance of the Public Sector in Lithuania / N. Kasatkina, V. Beresnevičiūtė // *Ethnicity Studies*. 2010. No. 1–2. P. 7–25.

Kasekamp A., Veebel V. Overcoming doubts: The Baltic States and European Security and Defence Policy // *The Estonian Foreign Policy Yearbook*. 2007. No. 9 (32).

Katzenstein P. Small States and Small States Revisited // *New Political Economy*. 2003. Vol. 18, No. 1. P. 9–30.

Keohane R.O. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // *International Organization*. 1969. V. 23. No. 2. P. 291-310.

Klemeshev A.P. The Baltic Sea Region: The Territory and Inner Structure / A. P. Klemeshev, N. M. Mezhevich, G. M. Fedorov // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, No. 6, Special Issue 7. P. 212–219.

Knudsen O.F. The Foreign Policies of the Baltic States: Interwar Years and Restoration // *Cooperation and Conflict*. 1993. No. 1 (28). P. 47-72.

Kojala L., Ivanauskas V. Lithuanian Eastern Policy 2004-2014: The Role Theory Approach // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2014, No. 32. P. 49-72.

Kruusvall J. The Strategies of Interethnic Adaptation of Estonian Russians / J. Kruusvall, R. Vetik, J. Berry // *Studies of Transition and Societies*. 2009. Vol. 1, No. 1. P. 3–24.

Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // Post-Soviet Affairs. 2003. Vol. 19, No. 4. P. 289–306.

Kuldkepp M. Swedish political attitudes towards Baltic independence in the short 20th century // Ajalooline Ajakiri. The Estonian Historical Journal. 2016. No. 3/4. P. 397-430.

Lamoreaux J.W., Galbreath D.J. The Baltic States as 'Small States': Negotiating the 'East' by Engaging the 'West' // Journal of Baltic Studies. 2008. No. 1 (39). P. 1-14.

Laurinavicius C., Lopata R., Sirutavicius V. Kritinis požiūris į Lietuvos užsienio politiką: kas pasikeitė nuo Augustino Voldemaro laikų? // Politologija. 2009. No. 2 (54). P. 111.

Maass M. The Elusive Definition of the Small State // International Politics. 2009. Vol. 46, No. 1. P. 65–83.

Made V. Shining in Brussels? The Eastern Partnership in Estonia's Foreign Policy // Perspectives. 2011. Vol. 19, No. 2. P. 67-79.

Mahoney J., Snyder R. Integrative Strategies for the Study of Regime Change // Larsen S.U. The Challenges of Theories on Democracy. Elaborations over New Trends in Transitology. New York, 2000. P. 180 – 207.

Malksoo M. From Existential Politics Towards Normal Politics? The Baltic States in the Enlarged Europe // Security Dialogue. 2006. Vol. 37, No. 3. P. 289.

Malksoo M. Liminality and Contested Europeanness: Conflicting Memory Politics in the Baltic Space // Identity and Foreign Policy: Baltic-Russian Relations and European Integration / eds. E. Berg, P. Ehin. Aldershot : Ashgate, 2009. P. 65–83.

Mares D.R. Middle Powers under Regional Hegemony: To Challenge or Acquiesce in Hegemonic Enforcement // International Studies Quarterly. 1988. Vol. 32, No. 4. P. 453-471.

Matonyte I. Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse // Sociologija. Mintis ir veiksmai. 1999. No. 4. P. 44–59.

Matonyte I. From Nomenklatura to Competitive Elites: Communist and Post-Communist elites / I. Matonyte, G. Mink // Baltic Democracy at the Crossroads. An Elite Perspective / eds. S. Berglund, K. Duvold. Kristiansand : Hoyskoleforlaget ; Norwegian Academic Press, 2003. P. 37–57.

Matonyte I., Sumskas G., Morkevicius V. Europeanness of Lithuanian Political Elite: Europhilia, Russophobia and Neoliberalism // Historical Social Research, 2016, No. 4 (41), P.150-172.

Matonyte, I. (Liberal) Mass Media and the (Multi)party System in Post-communist Lithuania // Central European Journal of Communication. 2008. Vol. 1, No. 1. P. 125.

Mets T. Entrepreneurship in Estonia: Combination of Political and Entrepreneurial Agenda / Entrepreneurship in Transition Economies. Diversity, Trends, and Perspectives / ed. by Sauka A., Chepurens A. Cham, Springer, 2017. P. 115-134.

Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States: Years of dependence, 1980-1986 // *Journal of Baltic Studies*. 1989. V. 20. №. 1. P. 65-88.

Motieka E., Statkus N. Global and Baltic Geopolitical Situation: Review of 2001-2003 // *Lithuanian Annual Strategic Review 2003*, Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2004. P. 9-40.

Mungiu-Pippidi A. The Splintering of Postcommunist Europe // *Journal of Democracy*. 2015. Vol. 26, No. 1. P. 88–100.

Nekrasas E. Is Lithuania a Northern or Central European country? // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 1998, No. 1. P. 19–46.

Norkus Z. Carl Schmitt as a Resource for Democratic Consolidation Studies: The Case of the President's Impeachment in Lithuania // *East European Politics and Societies*. 2008. Vol. 22. No. 4. P. 784-801.

Norkus Z. Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks // *Baltic Journal of Political Science*. 2013. No. 2. P. 8-28.

Novagrockiene J. Lietuvos partines sistemas raida // *Seimo rinkimai'96, treciasis «atmetimas»*. Sud. by A. Krupavicius. Tverme, 1998. p. 298–324.

Onken E. The Baltic States and Moscow's 9 May Commemoration: Analysing Memory Politics in Europe // *Europe-Asia Studies*. 2007. Vol. 59, No. 1.

Ostrovskaya I. The Recruitment of Political Elite: Peculiarities of Transition in Latvia // *The European Legacy*. Vol. 1, No. 1, 1996. P. 362-368.

Panke D. Small States in Multilateral Negotiations. What Have We learned? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2012. Vol. 25, No. 3. P. 387–398.

Pastore G. Small New Member States in the EU Foreign Policy: Toward 'Small State Smart Strategy'? // *Baltic Journal of Political Science*. December 2013, No. 2. P. 67-84.

Paulauskas K. The big, the bad and the beautiful: America, Russia and Europe's mellow power // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2008. No. 20. P. 120–126.

Pehe J. Life beyond Communism: Democracies without Democrats // *Transitions Online*. 2009. No. 10 (3).

Pettai V. Estonia // *European Journal of Political Research*. 2002. No. 41. P. 947–951.

Pettai V. Explaining Ethnic Politics in the Baltic States: Reviewing the Triadic Nexus Model // *Journal of Baltic Studies*. 2006. Vol. 37. No. 1. P. 124–136.

Pettai V., Auers D., Ramonaite A. Political development // *Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On*. Tallinn: Printon Trükikoda, 2011. P. 144-163.

Pettai V., Ülle M. The Baltic Parliaments: Legislative Performance from Independence to EU Accession // *Journal of Legislative Studies*, №12 (3/4). 2006. P. 291-310.

Popova O. Political Science in the Russian Federation: Scientific Researches on Russian-speaking Minorities in the Baltic States // *Ethnicity*.

Towards the Politics of Recognition in Latvia: 1991–2012 / ed. by V. Volkovs, D. Hanovs, I. Runce. Riga: Zinatne, 2013. P. 110-130.

Posen B. ESDP and the Structure of World Power // *International Spectator*. 2004. Vol. 39, No. 1. P. 5-17.

Praks H. Estonia's First Steps in the Direction of NATO and National Defence // *Estonian Yearbook of Military History*. 2014. No. 4. P. 113-141.

Przeworski, A. Minimalist Conception of Democracy: a Defence // *Democracy's Value* / eds. I. Shapiro, C. Hacker-Cordon. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 23–55.

Putnam R.D. Elite Transformation in Advance Industrial Societies: An Empirical Assessment of the Theory of Technocracy // *Comparative Political Studies*. 1977. Vol. 10, N. 3. P. 383–412.

Radzvilas V. Dekonstruojant ideologema: ka reiskia Lietuvos "grizimo I vakarus" teze? // *Logos*. 2019. No. 100. P. 114-126.

Ramonaite A. The End of the Left-Right Discourse in Lithuania? // *Lithuanian Political Science Yearbook 2002*. Vilnius University. 2003.

Ramonaitė A., Ziliukaite R. Explaining partisan loyalties in Lithuania // *Lithuanian Political Science Yearbook 2008*. Vilnius University. 2009.

Reenan van A. Valdas Adamkus: a Man of Two Worlds // *Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*. 1998, Vol. 44, No. 4.

Regelmann A.-C. Minority Participation in Estonia and Latvia // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2014. Vol. 13. № 1. P. 1–18.

Rivera S.W., Rivera D.W. The Russian Elite under Putin: Militocratic or Bourgeois? // *Post-Soviet Affairs*. 2006. Vol. 22, No. 2. P. 125–145.

Rivera S.W., Rivera D.W. Are Siloviki Still Undemocratic? Elite Support for Political Pluralism during Putin's Third Presidential Term // *Russian Politics*. 2019. No. 4 (4). P. 499-519.

Rosenau J. Le toureste et le terroriste ou les deux extrêmes du continuum international // *Études Internationales*. 1979. Vol. 10, No. 2. P. 219–252.

Rostoks T. Identifying intentions: Latvian policy-makers' perceptions of Russia's intentions // *Journal of Baltic Studies*. 2017, No. 49 (1). P. 21-45.

Rozenvalds J. Latvia after Twelve Years of Renewed Independence: the Search for Normality // *Politika un socioloģija* / ed. Ž. Ozoliņa. Rīga : Zinātne, 2004.

Rozenvalds J. The Role of Intellectuals in the Reconciliation Processes in Post-Communist Latvia // *Social Philosophy Today*. 2001, No. 17. P. 275-285.

Ruostetsaari I. Elites and Democracy: Are they Compatible? // *Comparative Social Research*, 2006. No. 23. P. 265-274.

Ruse I. The Bargaining Power of Territorially Constituted Institutionalised Coalitions in EU Council Negotiations // *Journal of Contemporary European Research*. 2012. Vol. 8. No. 3. P. 319-339.

Rustow D. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. 1970. Vol. 2, No. 3. P. 337–363.

Ruus J., Taru M. The Resurgence of Professionalism: Estonian Elites between Continuity and Change / *Baltic Democracy at the Crossroads: An Elite Perspective* / Berglund S., Duvold K. (eds.). Oslo: Hoyskole forlaget, 2003. P. 57-79.

Saarts T. Comparative Party System Analysis in Central and Eastern Europe: the Case of the Baltic States // *Studies of Transition States and Societies*. 2011. No. 3. P. 83-104.

Sakkov S. A view from the frontline: Estonian experience / *The Alliance Five Years after Crimea: Implementing the Wales Summit Pledges* /Ed. by Ozawa M., Rome: NATO Defense College, 2019. P. 47-58.

Samalavicius A. Amorphous Society or Entering the Epoch of «Mature Postcommunism» // *Kultūros barai*. 2007. No. 1. P. 2-6.

Sandukas L. Lietuviu Bendruomenes Uzsienyje // *Valstybė. Iliustruota Lietuvos enciklopedija*. Kaunas : Šviesa, 2006. P. 100–105.

Satpaev D. An analysis of the internal structure of Kazakhstan's political elite and an assessment of political risk levels / *Empire, Islam and politics in Central Eurasia* / Ed. by Tomohiko U. Sapporo: Slavic Research Centre, Hokkaido University, 2007. P. 283–300.

Saulauskas M.-P. Postkomunistinės revoliucijos želmenys: į postmodernią Lietuvą? // *Sociologija. Mintis ir veiksmai*. 1998. No. 1. P. 77-94.

Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // *International Security*. 1994. Vol. 19, No. 1. P. 72-107.

Senn A. The Political culture of Independent Lithuania: a review essay // *Journal of Baltic Studies*. 1992. V. 23. № 3. P. 315-330.

Seselgyte M. Security Culture of Lithuania // *Lithuanian foreign policy review*. Vilnius: Foreign Policy Research Center. 2010. No. 24. P. 23-40.

Smootha S. Minority Status in an Ethnic Democracy: The Status of the Arab Minority in Israel // *Ethnic and Racial Studies*. 1990. Vol. 13, No. 3. P. 389–413.

Snidal D. The Game Theory of International Politics // *World Politics*. 1985. Vol. 38, No. 1. P. 25-57.

Staniszki J. «Political Capitalism» in Poland // *East European Politics & Societies*. 1990. Vol. 5. No. 1. P. 127–141.

Statkus N., Paulauskas K. Foreign Policy of Lithuania: Linking Theory to Practice // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2006. No. 17. P. 56–57.

Steen A. Ethnic relations, elites and democracy in the Baltic States // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. 2000. No. 4 (16). P. 68-87.

Steen A. Small States and National Elites in a Neoliberal Era / *Small States in the Modern World. Vulnerabilities and Opportunities* / ed. Baldersheim H., Keating M. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2015. P. 183-201.

Steen A. The New Elites in the Baltic States: Recirculation and Change // *Scandinavian Political Studies*. 1997. Vol. 20. No. 1. P. 91–112.

Steen A., Ruus J. Change of Regime – continuity of Elites? The Case of Estonia // *East European Politics and Societies*. 2002. Vol. 16, No. 1. P. 223-248.

Stone C. The Atlanta experience re-examined: The Link Between Agenda and Regime Change // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2002. Vol.25, No. 1. P. 20-34.

Szalai E. The Metamorphosis of the Elites // *Lawful Revolution in Hungary, 1989–94* / eds. B. Liraly, A. Bozoki. Boulder : Social Science Monographs, 1995. P. 159–174.

Szalai E. The Power Structure in Hungary After the Political Transition // *The New Great Transformation?* / eds. G. A. Bryant, E. Mokrzycki. London : Routledge, 1994. P. 120–143.

Szelenyi I. Circulation of Reproduction of Elites During the Postcommunist Transformation of Eastern Europe / I. Szelenyi, S. Szelenyi // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24, No. 5. P. 615–638.

Talat-Kelpsa L. The Political Decision Making: Division of Authority within Government / *Lithuania from Transition to Convergence*, Vilnius: Eugrimas, 1999. P. 462-481.

Thorhallsson B. Studying small states: A review // *Small States & Territories*. 2018. Vol. 1, No. 1. P. 17-34.

Thorhallsson B., Bailes A.J.K. Do Small States Need ‘Alliance Shelter’?: Scotland and the Nordic Nations. *Security in a Small Nation: Scotland, Democracy, Politics* / Ed. by Neal A.W. Cambridge: Open Book Publishers, 2017. P. 49-76.

Timofeev I. Russia and NATO in the Baltic / *The Baltic Sea Region: Hard and Soft Security Reconsidered* / ed. by Andzans M., Bruge I. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2016. P. 56-67.

Toje A. The European Union as a Small Power // *Journal of Common Market Studies*. 2011. Vol. 49, No. 1. P. 43–60.

Urbelis V. Lithuanian Strategic Culture // *Lithuanian Annual Strategic Review 2006*, Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2007. P. 195-209.

Useem M. The Inner Group of the American Capitalist Class // *Social Problems*. 1978. Vol. 25, No. 3. P. 225–240.

Vascenkaite G. The Discrepancy of Lithuanian Foreign Policy: “Normative” Deeds for the „Realpolitik“ Needs? // *Lithuanian Foreign Policy Review*. 2011. No. 25. P. 33-55.

Veenendaal W. Size and Personalistic Politics: Characteristics of Political Competition in Four Microstates // *The Commonwealth Journal of International Affairs*. 2013. Vol. 102. P. 245–257.

Vihalemm T. Crystallizing and Emancipating Identities in Post-Communist Estonia // *Identities, Nations, and Politics after Communism* / ed. R. E. Kanet. London : Routledge, 2008. P. 477-502.

Vilpisauskas R. Baltic States Negotiating the EU Entry: Process, Patterns and Results // *Lithuanian Political Science Yearbook 2002*. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, Vilnius University, 2003. P. 119 – 140.

Vilpisauskas R. The Political Economy of Transatlantic Relations: the Implications of EU Enlargement // *Lithuanian Political Science Yearbook 2003*. Vilnius University, 2004. P. 141–160.

Vitkus G. Changing Security Regime of Baltic Sea Region // Lithuanian Annual Strategic Review 2002. Vilnius: Lithuanian Military Academy, 2003. P. 109-132.

Vogel D. Political Science and the Study of Corporate Power: A Dissent from the New Conventional Wisdom // British Journal of Political Science. 1987. Vol. 17, No. 4. P. 385-408.

Walker J. A Critique of the Elitist Theory of Democracy // The American Political Science Review. 1966. Vol. 60, No. 2. P. 285–295.

Wasilewski J. Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe / ed. by *J. Higley, J. Pakulski, W. Wesolowski*. N. Y. : St Martin's, 1998. P. 163 – 187.

Wasilewski J. Three Elites of the Central-East European Democratization // Transformative Paths in Central and Eastern Europe / eds. *R. Markowski, E. Wnuk-Lipinski*. Warsaw : Institute of Polish Studies, 2001. P. 133–142.

Wasilewski J., Wnuk-Lipinski E. Poland: Winding road from the Communist to the post-Solidarity elite // Theory and Society. 1995. Vol. 24. P.669-696.

Weitz R. Forecasting the Baltics' Future Security Environment // Diplomaatia. 2013. No. 113/114.

Wrangé J., Bengtsson R. Internal and external perceptions of small state security: the case of Estonia // European Security. 2019, Vol. 28. No. 4. P. 449-472.

Zalimas D. SSRS okupacijos žalos atlyginimo įstatymas ir Rusijos Federacijos atsakomybės tarptautiniai teisiniai pagrindai // Politologija. 2006. Vol. 4, No. 44. P. 3 – 53.

Zubek R., Goetz K. Performing to Type? How State Institutions Matter in East Central Europe // Journal of Public Policy. 2010. No. 30. P. 1-22.

Аарелайд-Тарт А. Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 63-71.

Акишев А. П. Центральная Азия: новое средневековье? // Тамыр. Алмата, 2000. № 1. С. 13–23.

Арбатова Н.К. Евро-атлантические отношения в XXI в.: проблемы и сценарии // МЭиМО. 2015. № 11. С. 31-37.

Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 109–124.

Ачкасов В.А. «Изобретение традиции»: роль интеллектуальных элит в «идеологическом производстве» этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве / Власть в России: элиты и институты. Материалы 7-го всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А. В. Дуки. СПб: Интерсоцис, 2009. С. 9–22.

Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4. С. 106–123.

Ачкасов В.А. Роль элит в провоцировании и эскалации этнополитических конфликтов // *Власть и элиты*. 2015. Т.2. С. 209-233.

Ашин Г.К. Введение // *Элитологические исследования: Ежегодник*. 2005: Сборник статей. Ростов н/Д: СКАГС, 2006. С. 3–9.

Бабынина Л.О. Тенденции развития Европейского союза: 2017-2018 // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018. № 1. С. 85-90.

Багдасарян Х.А. Политическая элита современной Армении // *Этносоциум и межнациональная жизнь*. 2017. № 6. С.163-167.

Бадковский Д.В., Шутлов А.Ю. Региональные элиты в постсоветской России // *Кентавр*. 1996. № 6. С.3-23.

Байков А., Истомин И., Колодный А. О кризисах, странных дружбах России и новой роли малых и средних государств // *Международные процессы*. 2013. № 1. С. 94–112.

Батанина И.С., Воронцов С.А., Понделков А.В. О состоянии и механизмах рекрутинга современной российской политической элиты // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 3. С. 3-15.

Батюк В.И. США и военная безопасность Европы: эволюция подходов // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 3. С. 207-220.

Белановский С.А. Свободное интервью как метод социологического исследования // *Социология* 4 М. 1991. № 2. С. 5-19.

Белозеров И.К. Противостояние глобальных проектов как основное содержание современных международных отношений / *Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение* / Материалы международной научно-практической конференции / Под общ. Ред. А.Я. Касюка, И.К. Харичкина. М.: Изд-во МГЛУ, 2019. С. 165-171.

Берендеев М.В. Страны Балтии в дискурсе национальной и европейской идентичности // *Политическая наука*. 2013. № 3. С. 205-215.

Бест Г. Смена элит и процесс демократизации в Центральной и Восточной Европе / *Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под. ред. Я.А. Пляйса*. М.: РОССПЭН, 2010. С. 29-36.

Бест Х. Европа элит. Измерения и детерминанты ориентаций политических и экономических элит государств Европейского союза / *Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной*. М.: РОССПЭН, 2011. С. 112-121.

Богатырев С. В. Политические элиты Российской Федерации и Украины: сходство и различия в подходах к модернизации // *Власть*, 2013. Том. 21. № 5. С. 40-42.

Боришполец К.П. Механизмы взаимодействия государства с национальными диаспорами // *Ежегодник Института международных исследований МГИМО*. 2012. № 1(2). С. 79–86.

Борко Ю.А. Европейский Союз в XXI веке: текущие дела и фундаментальные проблемы // *Современная Европа*. 2015. № 3 (63). С. 7-16.

Борко Ю.А. Крушение Берлинской стены – начало или конец идеологической и геополитической борьбы запада и востока? // Новое прошлое / The New Past. 2019. № 3. С. 248-259.

Борко Ю.А. Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнёрство? // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 19-30.

Братерский М.В. Политические конфликты в условиях взаимозависимости: новые формы внешней политики в XXI в. // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 1. С. 15-33.

Бродовская Е.В., Королев П.А. Демократический транзит на посткоммунистическом пространстве: подходы к определению, модели, этапы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 10-16.

Бусыгина И.М., Климович С.А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе. Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 7-26.

Бусыгина И.М., Онищенко А.Д. Положение польского меньшинства в Литовской Республике: внутренние и внешние факторы влияния // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 1. С. 43 – 59.

Бутенко А.П. О «бархатных» и «небархатных» революциях в странах Центрально-Восточной Европы // Россия и современный мир. 2000. № 3 (28). С. 59-68.

Бутенко А.П. Глобализация: сущность и современные проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2001. №3.

Буторина О.В. Еврозона: гравитация против конвергенции? / Большая Европа: Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 186-205.

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24-66.

Вахрамеев А.В. Страны Балтии у ворот НАТО // Современная Европа. 2000. № 4. С. 82-92.

Ветренко И. А. Механизмы и каналы рекрутирования политической элиты: на примере сравнительного анализа РФ и США // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 4 (24). С. 169–174.

Вилков А.А., Воронцов А.С., Понделков А.В. Политико-административные элиты: генезис, проблемы развития на современном этапе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 2. С. 198-203.

Виткус Г., Пугачаускас В. Российский фактор литовской политики / Региональное измерение российско-балтийских отношений / Под. ред. Л.А. Карабешкина. СПб, 2004. С. 73-86.

Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2 (11). С. 100-111.

Воронов К.В. Близняя Балтика между Россией и Западом: выбор курса // МЭиМО. 1995. № 10. С. 150-154.

Воронцов С.А., Понеделков А.В. Инновационные ответы российской элитологии на вызовы современной политической ситуации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 158-168.

Воротников В. В. Страны Балтии в НАТО: итоги десятилетия // Вестник МГИМО. 2014. № 6 (39). С. 9–17.

Воротников В.В. 25 лет независимости государств Балтии: из Советского в Европейский союз // Контуры глобальных трансформаций. 2016. Вып. 5. Т. 9. С. 7-23.

Воротников В.В. Прибалтийские этнократии между Россией и Европой: поиск консенсуса в условиях экономического кризиса // Вестник МГИМО. 2013. № 6(33). С. 25-33.

Воротников В.В., Иванова Н.А. «Мягкая сила» России в странах Прибалтики в исследовательском фокусе: традиции, противостояние, конкуренция // Балтийский регион. 2019. Т.11. №3. С.107-124.

Воротников В.В., Чеков А.Д. Проблема политико-географической самоидентификации стран Балтии: историческое прошлое vs. объективное настоящее // Международная аналитика. 2018. № 3 (25). С. 25-35.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.

Гаман-Голутвина О. В. Метафизика элитных трансформаций в России // Полис : Политические исследования. 2012. № 4. С. 23–40.

Гаман-Голутвина О.В. О глобальном и локальном измерении элитных трансформаций / Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.П. Клемешева. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 7–13.

Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий // Полис. 2003. № 3. с. 97–103.

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С.40.

Гаман-Голутвина О.В. Процессы современного элитогенеза: мировой и отечественный опыт. Ч. 1 // Полис. 2008. № 6. С. 67–85.

Гаман-Голутвина О.В. Российские элиты как предмет научного анализа // Общество и экономика. 2008. № 3–4. С. 175–196.

Гаман-Голутвина О.В. Страны БРИК: элитообразование и внутриэлитные расколы относительно характера, направлений и скорости модернизации / Модернизация и демократизация в странах БРИКС: сравнительный анализ / ред. И. М. Бусыгина, И. Ю. Окунев. М. : Аспект-Пресс, 2014.

Гаман-Голутвина О.В. Страны Центральной и Восточной Европы в европейской и мировой политике: актуальные измерения / Мировой порядок

- время перемен / Сб. ст. под ред. А.И. Соловьева, О.В. Гаман-Голутвиной. Москва, 2019. С. 205-222.

Геллнер М. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь: международный философский журнал. 1992. № 1. С. 9–61.

Грибин Н.П., Якутова У.В. Особенности формирования системы национальной безопасности малых прибалтийских государств // Власть. 2018. № 8. С.265-274.

Григорьев Л. Страны Балтии: в поисках выхода из кризиса // Вопросы экономики. 2010. № 4. С. 121–138.

Громыко Ал.А. «Новый популизм» и становление постбиполярного мирового порядка // Современная Европа. 2016. № 6 (72). С. 5-12.

Громыко Ал.А. Изменяющаяся геометрия полицентричности // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2 (8). С. 59-63.

Громыко Ал.А. О кризисе стратегической стабильности / Социально-политические риски в условиях формирования нового мирового порядка : (К 110-летию со дня рождения А.А. Громыко) / Ин-т Европы РАН, Ин-т «Справедливый мир»; под ред. Н.Б. Кондратьевой и А.К. Никитина. М.: ИЕ РАН, Ключ-С, 2019. С. 15-19.

Гуторов В.А., Шириняц А.А., Шутов А.Ю. О проблеме междивизиационных отношений России и зарубежной Европы в начале XXI века // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 132-141.

Гущин В.И. Фундамент неправового государства. К юбилею Декларации независимости Латвии // Стратегия России. 2015. №5. С. 47-58.

Дука А. В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных элитах // Властные структуры и группы доминирования / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2012. С. 94–120.

Дука А. В. Трансформация местных элит. Институционализация общественных движений: от протеста к участию // Мир России. 1995. № 2. С. 106–117.

Дука А.В. Власть между традиционностью и современностью (элиты российской периферии) // Власть и элиты / Под ред. А. В. Быстрова, А. В. Дуки, Д.В. Тев. СПб. : Интерсоцис, 2014. Т. 1. С. 399–436.

Дука А.В. Исследования элит: поиск теоретических оснований // Власть и элиты в российской трансформации: Сб. научных статей / под ред. А. В. Дуки. СПб. : Интерсоцис, 2005. С. 11–29.

Дука А.В. Основания функционирования властных элит // Власть и элиты. 2015. Т.2. С. 14-72.

Дука А.В. Теоретические проблемы в исследованиях властных элит // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. №1. С. 50-70.

Дука А.В. Трансформация постсоветских политико-административных элит // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 2. С. 14-54.

Дынкин А.А. В поисках новой архитектуры миропорядка // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 210. № 2. С. 233-239.

Дынкин А.А. В поисках новой нормальности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 195. № 6. С. 466-480.

Дюков А.Р., Симиндей В.В. В плену у этнократии // Свободная мысль. 2012. № 1-2 (1631). С. 188-204.

Дюков А.Р., Симиндей В.В. Латышский легион СС в свете Нюрнбергского трибунала // Международная жизнь. 2011. № 6. С. 141-148.

Еремеев С.Г. К проблеме актуализации политической власти как ценности в эпоху глобализации // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 3. С. 52-54.

Журкин В.В., Носов М.Г. 20-летие военного измерения ЕС // Современная Европа. 2019. № 1. С. 5-13.

Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Подходы к типологии малых европейских стран на примере Эстонии, Латвии, Литвы // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 181-191.

Зена, Б., Супуле И. Латвийская субмарина // Эксперт. Северо-Запад. 2005. № 34 (239). С. 9.

Зорин В.Ю., Рудаков А.В. Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С. 55-70.

Иванов О.П. Американская официальная концепция расширения НАТО на Восток: к истории вопроса // Современная Европа. 2017. № 6. С. 34-46.

Ильин М.В. Альтернативные формы суверенной государственности // Сравнительная политика. 2011. № 3 (5). С. 11-19.

Ильмярв М. Балтийские политики в эмиграции, национальные организации за рубежом и преступления против человечности в контексте «холодной войны». Пример эстонских эмигрантских сообществ // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. № 7. С. 17.

«Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи». Дискуссия в редакции // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 18. С. 59-80.

Кабанов Н. «Атмода» сквозь «перестройку»: сюжеты латвийской (анти)советской истории в период распада СССР // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2011. № 1 (3). С. 124-133.

Кавешников Н. Ю. Малые и вредные // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 3. С. 84-92.

Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис: политические исследования. 2001. № 4. С. 6-26.

Карабешкин Л.В. Россия и Прибалтика. Трудный путь от «любви» к дружбе // Международные процессы. 2004. Т. 2 № 1 (4). С. 85-91.

Карабущенко П.Л. Политико-административная элита Белоруссии: 1990-2000-е гг. // Современная научная мысль. 2015. № 1. С. 64-74.

Карадже Т.В. Типы и уровни детерминации политического // Вопросы политологии. 2014. № 1 (13). С. 5-16.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы. Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций // Полис. 2004. № 4. С. 6-27.

Касьянов Г. В. Danse macabre: Голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 2000-х). Київ : Нашчас, 2010. С. 209–212.

Кирчанов М.В. Континуитет и дискретность в современных исторических памятях стран Балтии (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточно-европейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 180-218.

Клемешев А.П. Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 22–38.

Козлов О. Особенности внешнеторговых связей стран Балтии и России (1991-2012 гг.) // Власть. 2013. № 4. С. 118-122.

Кокошин А.А. Некоторые макроструктурные изменения в системе мировой политики. Тенденции на 2020–2030-е годы // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 38–62.

Колесник Н.В. Биографический метод в изучении элиты / (Авто)биография как объект социологического анализа / Материалы X чтений памяти В.Б. Голофаства. 2018. С. 135-146.

Колесник Н.В., Тев Д.Б. Биография элиты: возможности социоструктурного анализа // Социс. 2009. № 6. С. 76–84.

Коллинз Р. «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // Логос. 2005. № 1. С. 19-64.

Кондратьева Н. Страны Балтии: в ловушке среднего дохода // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2020. № 1. С. 78-85.

Короткова М.В. Американский план суверенизации Эстонской ССР (1971 г.) // Политическая культура и международные отношения в новое и новейшее время: Сборник научных трудов / Под ред. М.В. Белова. Нижний Новгород: ННГУ, 2009. С. 162-170.

Креслинъш У. Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег» // Acta humanitarica universitatis Saulensis. 2008. Т. 7. С. 35-43.

Кретинин Г.В. Современный польско-литовский конфликт в контексте проблемы положения польского национального меньшинства в Литве // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 1 (16). С. 42-58.

Крыштановская О.В. Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra. 2002. Т. 7, № 4. С. 158-180.

Кудряшова И.В. Легко ли быть средневеликим... // Международные процессы. 2008. Т.6. № 3. С. 78-83.

Ланко Д.А. Партийно-политическая система Эстонской Республики в середине 2010-х годов // Балтийский регион. 2015. № 2 (24). С. 67-77.

Ланко Д.А. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007 – 2009 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5, № 2. С. 209 – 230.

Ланко Д.А., Ланцова И.С. Национализация партийной системы Эстонии в 2005 – 2019 годах // Балтийский регион. 2020. Т.1. С. 16-31.

Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 1 (28). С. 38–41.

Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // ПОЛИС. Политические исследования. 2014. № 1. С.99-108.

Левада Ю.А. Элитарные структуры в советской и постсоветской ситуации // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 5-15.

Ледяев В.Г., Ледяева О.М. Репутационный метод в эмпирических исследованиях в городских общностях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. V. № 4. С. 164-177.

Ледяев В.Г. Концептуальный анализ власти: Проблематика и современные тенденции // Политическая наука. 2019. № 3. С. 14–29

Магомедов А.К. Политическая элита: идеология как призвание (российский казус) // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 112-117.

Макаренко Б.И. Посткоммунистические страны: некоторые итоги трансформации // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3. С. 105–124.

Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 60-78.

Максимычев И.Ф. Есть ли будущее у Большой Европы? // Современная Европа. 2013. № 1 (53). С. 34-44.

Максимычев И.Ф. Перспективы Большой Европы // Современная Европа. 2005. № 3 (23). С. 156-159.

Максимычев И.Ф. Прибалтика: непредвзятый взгляд историка // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 4 (19). С. 210-216.

Малахов В.С. Техника безопасности: политика страха как инструмент управления // Отечественные записки. 2013. № 2 (53). С. 150-163.

Манаков А.Г., Суворков П.Э., Станайтис С.А. Анализ демографических процессов в Эстонии, Латвии и Литве с середины XX века и прогноз до конца XXI века // Економічний вісник університету. № 33/1. С.125-135.

Мартынов М.Ю. К вопросу о фальсификации истории Второй мировой войны // Северный регион: наука, образование, культура. 2010. № 1. С. 7-9.

Матоните И. Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. 2013. № 3 (17). С. 120-134.

Медушевский А.Н. Конституционные циклы в Центральной и Восточной Европе // Социологический журнал. 2015. № 3-4. С. С. 83-119.

Медушевский А.Н. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия // *Полития* (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 3 (90). С. 113-139.

Межевич Н. М. Россия и государства Прибалтики: некоторые итоги и перспективы межгосударственных отношений // *Балтийский регион*. 2015. № 2. С. 7–18.

Межевич Н.М. Внешняя политика государств Прибалтики и крупные инфраструктурные проекты 2010–2014 годов // *Балтийский регион*. 2014. № 1 (19). С. 7–28.

Межевич Н.М. Экономический кризис в Прибалтике: некоторые причины и последствия для соотечественников // *Балтийский мир*. 2008. № 3.

Мельвиль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований / *Russian Studies* в современную политическую науку // *Полис. Политические исследования*. 2020. №1. С. 22-43.

Мельвиль А.Ю. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // *Полис*. 1998. № 2. С. 6–37.

Миллер А.И. Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // *Отечественные записки*. 2008. Т. 44. № 5. С. 66–75.

Миллер А.И. Россия: власть и история // *Pro et Contra*. 2009. № 2. С. 51–52.

Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития*. 2016. № 1 (80). С. 111–121.

Миллер А. И. Роль экспертных сообществ в политике памяти России // *Полития*. 2013. № 4. С. 114–126.

Михайлова Ю.Л. Совместная российско-латвийская комиссия историков 2011 – 2013 гг. // *Россия и Балтия*. Вып. 7: Памятные даты и историческая память / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2015. С. 229 – 235.

Михалев А.В. Концепция «мягкой силы»: обзор подходов в зарубежной науке // *Дискурс-Пи*. 2017. № 1 (26). С. 129-135.

Мосаки Н. Особенности дипломатической элиты Грузии // *Международные процессы*. Т. 14. № 2. С. 141-162.

Мухарямов Н.М. Мотивы безопасности человека в дискурсах о языковой политике // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. 2010. № 4. С. 36-40.

Мчедлова М.М. Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // *Философия политики и права*. 2019. № 10. С. 128-137.

Мюллерсон Р. Национальные интересы, идеология и историческая одержимость во внешней политике // *Политические элиты в старых и новых демократиях*. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012.

Мюрберг И. Революция и идентичность / *Политико-философский ежегодник Института философии РАН*. Москва, 2013. С. 56-75.

Никонов В.А. Европейская интеграция и движение к единой Европе // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 49. С. 6-26.

Никонов В.А. Назад, к концерту // Россия в глобальной политике. 2017. №6. С. 8-29.

Оленченко В.А. Страны Балтии: издержки политико-экономической трансформации // Россия и новые государства Евразии. 2016. № 2. С. 25-36.

Орлов Б.С. «Сращивание» Западной и Восточной Европы: культурно-исторические аспекты проблемы // Актуальные проблемы Европы. 2007. № 4. С. 10-34.

Панкратов С.А. Глобальное «общество риска» и обеспечение безопасности в условиях реализации национальной модели модернизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2012. № 2 (17). С. 58-63.

Плевако Н.С. Проблемы шведского суверенитета / Защита государственного суверенитета – опыт Евросоюза и европейских стран / Под ред. В.Б. Белова. М.: ИЕ РАН, издательство «Весь Мир», 2018.

Подвинцев О.Б. Попытка формирования новых политических элит в регионах РФ: цели, механизмы, результаты (2012–2014 гг.) // Власть и элиты. 2015. Т.2. С. 171-189.

Попова О.В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2013. № 1. С. 49–56.

Потемкина О.Ю. Сирийские беженцы в Европе // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 3 (9). С. 48-54.

Рекорд С.И. Экономический потенциал региона Балтийского моря в условиях глобальной турбулентности: «эффект замыкания» или «тихая гавань»? // Прибалтийские исследования в России: сборник материалов между. конференции. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 75-77.

Ривера Ш. Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты России: репутационный анализ // Полис. 1995. № 6. С. 61-66.

Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформаций в российской элите // Полис. 2009. №5. С. 149-157.

Рогожина К.А. Патрон-клиентные отношения – основа формирования политических элит в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // Россия и мусульманский мир. 2009. №7. С. 84-91.

Рогожина К.А. Роль кланово-семейного фактора в формировании политических элит государств Центральной Азии (на примере Туркменистана) // Pro nunc. Современные политические процессы. 2006. Т.7. №4. С. 220-230.

Розенвалдс Ю. Проблема «(де)герметизации» политической элиты Латвии и Эстонии: перспективы русскоязычного меньшинства / Ю. Розенвалдс // Сравнительная политика. 2012. № 3 (9). С. 149–160.

Руус Ю. Элиты этнических меньшинств в посткоммунистических странах: случай Эстонии // Сравнительная политика, 2012. №3. С. 99-125.

Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // *Ab Imperio: Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space.* 2009, № 3. С. 424-458.

Селезнев П.С. Элиты как инициаторы инноваций в современном мире (на примере Российской Федерации) // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2015. № 4 (20). С. 13-19.

Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политической идентичности // *МЭиМО.* 2018. Т. 62. № 11. С. 65-76.

Симиндей В.В. Инструментарий государственной исторической политики Латвии: воздействие на историческое сообщество / *Прибалтийские исследования в России.* 2015. Сб. статей / Сост. М.А. Вилков, В.В. Симиндей. М.: Изд. центр фонда «Ист. память», 2015. С. 18-43.

Симония Н.А., Торкунов А.В. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности // *Полис. Политические исследования.* 2015. № 3. С. 27-37.

Симонян Р.Х. Приватизация по-прибалтийски и по-русийски. // *Свободная мысль.* 2004. № 5. С. 23-42.

Симонян Р.Х. Страны Балтии: от обретения независимости до экономического кризиса // *Горизонты экономики.* № 1, 2011. С. 33-43.

Симонян Р.Х. Страны Балтии и Россия в контексте украинского кризиса // *Мировая экономика и международные отношения.* 2019. Т. 63. № 9. С. 61-68.

Синдеев А.А. «Защита Запада»: вызов для Германии / *Пределы лидерства Германии в Европе: сборник статей / Отв. ред. А.В. Кузнецов.* М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 97-105.

Скачков А.С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // *Сравнительная политика.* 2017. № 1. С. 140-151.

Скачков А.С. Почему не состоялся прибалтийский «мост» между Россией и Евросоюзом? // *Международная жизнь.* 2015. № 10. С. 111–125.

Скачков А.С. Россия и Прибалтика: причины кризиса // *Международная жизнь.* 2018. № 9. С. 11-22.

Скачков А.С. Советское наследие и особенности национальной политики в государствах Прибалтики // *Международная жизнь.* 2017. № 5.

Скулте-Уэйсс Д. Вернувшаяся диаспора и политическое лидерство в случае посткоммунистической Латвии и Литвы // *Продвижение демократических ценностей в расширяющейся Европе: изменяющаяся роль Балтийских государств от импортеров к экспортерам (ред. Казекамп А., Пяэбо Х.).* Тарту: Европейский колледж Тартуского университета, 2006. С. 91-101.

Соловьев А.И. Политический лидер в административной среде государственного управления, или “кто в доме хозяин?” // *Полис. Политические исследования.* 2017. № 2. С. 60-81.

Тарасов И.Н., Мегем М.Е., Саликов А.Н. Отношения ФРГ и стран Балтии в рамках ЕС и НАТО // *Власть.* 2015. № 12. С. 165-171.

Тев Д. Б. Структурная власть бизнеса: некоторые проблемы концептуализации и исследования // *Российские властные институты и элиты в*

трансформации : материалы 8-го всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / отв. ред. А. В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2011.

Тишков В.А., Степанов В.В. Европейские меньшинства и политизированные мифы в балтийском контексте // Этническая политика в странах Балтии / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М. : Наука. 2013. С. 9-23.

Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 125-147.

Усманов Р.Х., Карабущенко П.Л. Влияние этнополитических процессов на современные реформы местного самоуправления (элитологический анализ) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 4 (59). С. 66-69.

Федоров В.П. Колонизация Европы: вероятный сценарий // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 11-22.

Федоров Г.М. Возможные направления развития трансграничных связей субъектов Российской Федерации и стран Европейского союза на Балтике // Прибалтийские исследования в России: мат-лы Междунар. науч. конф. / под ред. А.П. Клемешева, Н.М. Межевича, Г.М. Федорова. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. С. 82–84.

Федякин А.В. Политика формирования и продвижения общенациональных и региональных имиджей и брендов: современные вызовы и приоритеты // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 6 (53). С. 47-58.

Фролов В.В. Литовский национализм и положение русских в Литовской Республике в постсоветский период // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 564-575.

Хайоз Н. Власть, демократия и неформальные отношения в Восточной Европе: к устойчивости политических структур // Политические элиты в старых и новых демократиях / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной, А. П. Клемешева. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 90–102.

Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика: основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 2. С. 194 – 199.

Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс / Элиты и общество в сравнительном измерении: сб. ст. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 28-60.

Хоффман-Ланге У. Ценностные ориентации и поддержка демократии среди элитных и массовых групп в новых и старых демократиях // Сравнительная политика. 2012. № 3. С.4-23.

Худолей К.К. Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки // Балтийский регион. 2016. Т. 8, № 1. С. 7–25.

Худолей К.К. «Прохладная война» в регионе Балтийского моря: последствия и дальнейшие сценарии // Балтийский регион. 2019. Т. 11, № 3. С. 4 – 24.

Цыганков П.А. О содержании термина «международный актер»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Т. 1. М.: МГИМО, 2007. С. 30-42.

Чедия Б. Основные тенденции циркуляции политической элиты Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т.18. Вып.3-4. С.48-57.

Черниченко С.В. Об «оккупации» Прибалтики и нарушении прав русскоязычного населения // Международная жизнь. 2004. № 7-8. С. 212-225.

Шабров О.Ф. Государство XXI в.: пределы эффективности / Российская политическая наука: идеи, концепции, методы / Под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 109-120.

Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 4 (43). С. 6-19.

Швейцер В.Я. Европа: большой опыт малых стран // Современная Европа. 2008. № 4 (36). С. 46-58.

Шебанова Н.А. Международные обязательства и активы бывшего СССР: проблемы раздела и итоговое решение // Международное право. 2013. № 3. С. 88-166.

Шентякова А.В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 46–56.

Шишелина Л.Н., Иванова В.А. Эстонское председательство в Совете ЕС: ожидания и итоги // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 2 (2). С. 24-28.

Шишелина Л.Н., Пономарева Е.Г., Гаман-Голутвина О.В. Проект Восточного партнерства «до» и «после» Майдана. Часть 2: литовский опыт и латвийские планы // Вестник аналитики. № 4 (58), 2014.

Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии // Полис. 1999. № 3. С. 31.

Шомова С.А. Ключ к власти (Архетипические паттерны политической риторики) // Медиаскоп. 2014. № 3. С. 13.

Штоль В.В. Постсоветские государства: поиски самоидентификации и издержки независимости // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. 2012. № 12 (275). С. 29-41.

Эдингер М. Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с нею вызовы / Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия: сб. ст. / под ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 13–28.

Справочная литература:

Bertelsmann Stiftung's Transformation Index 2014. Estonia Country Report. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2014.

Bertelsmann Stiftung's Transformation Index 2014. Latvia Country Report. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2014.

Bertelsmann Stiftung's Transformation Index 2016. . Latvia Country Report. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2016.

Defence Expenditure of NATO Countries (2011-2018). PR/CP (2018).

Eurostat. Income distribution statistics. Data extracted in February 2017.

Gaidys V., Tureikyte D. Opinions 1989-1994. Vilnius, Public Opinion Research Center, 1994.

International Encyclopedia of Political Science. Ed. by *B. Badie, D. Berg-Schlosser, L. Morlino*. Vol. 1. Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2011.

Kas ir Kas Latvija 2003/2004. Biogrāfiskā enciklopēdija. Riga: Valērija Belokona izdevniecība, 2003. 761 p.

Kas ir Kas Latvija 2007/2008. Biogrāfiskā enciklopēdija. Riga: Who is Who, 2008. 333 p.

Kas yra kas Lietuvoje 2009. Auksinis Tūkstantmečio leidimas. Vilnius: Neolitas, 2009.

Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 1995/1996. Vilnius: Neolitas, 1996.

Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 1997/1998. Vilnius: Neolitas, 1998.

Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2002. Vilnius: Neolitas, 2002.

Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2004. Vilnius: Neolitas, 2004.

Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2006. Vilnius: Neolitas, 2006.

Kas yra kas Lietuvoje. Lietuvos Pasiekimai 2008. Vilnius: Neolitas, 2008.

Kes on Kes Eesti Majanduses 2005. Tallinn: Eesti Kaabandus-Toostuskooda, 2005. 304 lk.

Kes on Kes Eesti Majanduses 2010. Tallinn: Eesti Kaabandus-Toostuskooda, 2010. 358 lk.

Kes on Kes: Eesti 2000. Tallinn : Ekspresskataloogide AS, 2000. 271 lk.

Lithuanian Philosophy: Persons and Ideas / ed. by *Baranova J.* Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2000.

Pring C. People and Corruption: Europe and Central Asia. Global Corruption Barometer. Berlin : Transparency International, 2016.

Public opinion on enlargement in the EU Member States and applicant countries / European Parliament. Briefing No. 41. 1999.

Social Science Data Archives in Eastern Europe / eds. *B. Hausstein, P. Guchteneire*. Sofia : Heron Press, 2002.

Special Eurobarometer. 397 : Corruption : Report. Brussels : European Commission, 2014.

Special Eurobarometer. 470 : Corruption : Report. Brussels : European Commission, 2017.

Special Eurobarometer 502. Corruption : Report. Brussels : European Commission, 2019.

Standard Eurobarometer.63. Brussels : European Commission, 2005.

Standard Eurobarometer. 92. Brussels : European Commission, 2019.

The 2015 Ageing Report : Economic and Budgetary Projections for the 28 EU Member States (2013–2060) / European Economy. No. 3. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015.

The Global Competitiveness Report 2008–2009. Full Data Edition / ed. K. Schwab. Geneva : World Economic Forum, 2009.

The Global Competitiveness Report 2017–2018. Full Data Edition / ed. K. Schwab. Geneva : World Economic Forum, 2018.

The Standardized World Income Inequality Database / Harvard Database. 2020.

Who is Who in the Baltic States: Biographical dictionary. Riga: Valeri Belokon Publishing House, 1998. 604 p.

WikiLeaks: Избранные материалы / Сост. В. Апанасик. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. С. 130.

World Bank Small States Overview / Database // World Bank. 2017.

Внешняя торговля России / по материалам Федеральной таможенной службы Российской Федерации (Russian-trade.ru);

Гражданские движения в Латвии. М.: ЦИМО ИЭА РАН, 1990. 245 с.

Гражданские движения в Литве / Под ред. М.Н. Губогло. М.: ИЭА РАН, 1993. 286 с.

Демографическое развитие постсоветского пространства: сб. статей и аналит. материалов / под ред. М.Б. Денисенко, Р.В. Дмитриева, В.В. Елизарова. М: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2018. 368 с.

Материалы о работе правления Союза художников СССР, 1983 – 1987. М.: Изд-во «Советский художник», 1987.

Народный конгресс. Сборник материалов конгресса Народного фронта Эстонии. 1-2 октября 1988 г. Таллинн: Периодика, 1989. 223 с.

Национальный состав населения СССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М. : Финансы и статистика, 1991.

Эстонский биографический словарь. Таллин: KRK, 2002. 424 с.

Эстония. Контуры этнополитической эволюции. 1988-1993 гг. / Под ред. Г.А. Комаровой. М.: ЦИМО ИЭА РАН. 1994. 264 с.

Доклады:

Aho S., Piliste T., Teder J. Private Entrepreneurship in Estonia 1989-1996 / Working Papers. Tampere: University of Tampere Work Research Centre, 1998.

Alanen I. The Privatization of Agriculture and the Family Farm Ideology in the Baltic States // Between Plan and Market. Social Change in the Baltic States and Russia. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 1996. P.

Ambiguous Threats and External Influences in the Baltic States. Phase 2: Assessing the Threat. Fort Meade : Johns Hopkins Applied Physics Laboratory ; Asymmetric Warfare Group, 2015.

Baltic Way(s) of Human Development: Twenty Years On / ed. M. Lauristin. Tallinn : Printon Trükikoda, 2011.

Börzel T. A. Comparative Regionalism : A New Research Agenda // KFG Working Paper. 2011. No. 28. 38 p.

Country Reports on Human Rights Practices for 2013-2016. Latvia, Lithuania, Estonia: U.S. Department of State.

Di Paola G. Alliance at Risk Strengthening European Defense in an Age of Turbulence and Competition / G. Di Paola, R. Shirreff, F. Heisbourg et al. Washington : Atlantic Council, 2016.

Final Evaluation Report. Evaluation of PHARE [EU pre-accession] financial assistance to Bulgaria, Cyprus, Czech Republic, Estonia, Hungary, Latvia, Lithuania, Malta, Poland, Romania, Slovakia, Slovenia. 2015.

Galeotti, M. Transnational Aspects of Russian Organized Crime: Russia and Eurasia Programme Meeting Summary. London : Royal Institute of International Affairs, 2012.

Gherasimov C. Political Elite Renewal in Georgia, Moldova and Ukraine / Russia and Eurasia Programme Research Paper. London : The Royal Institute of International Affairs, 2019. 32 p.

Grigas A. Kasekamp A., Maslauskaitė K., Zorgenfrei L. The Baltic States in the EU: Yesterday, Today and Tomorrow / Studies & Reports. No. 98. Berlin : Jacques Delors Institute, 2013.

Grigas A. Legacies, Coercion and Soft Power: Russian Influence in the Baltic States. London : Royal Institute of International Affairs, 2012.

Gromyko A. How to reduce risks of military confrontation? // Working paper No. 28. Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2017.

Hardoon D. Global Corruption Barometer. 2013 / D. Hardoon, H. Finn. Berlin : Transparency International, 2013.

Heinrich A. The Formal Political System in Azerbaijan and Kazakhstan. A Background Study // Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, 2010, №.107. 65 p.

Higley J. Elites, Elitism and Elite Theory: Unending Confusion? Papers for World Congress of the International Political Science Association / J. Higley, J. Pakulski. Madrid, 2012.

Hyde-Price A. A NATO and the Baltic Sea Region: Towards Regional Security Governance / NATO Research Fellowship Scheme 1998–2000, Final Report, 2002.

Iskandaryan A., Mikaelian H., Minasyan S. War, Business and Politics: Informal Networks and Formal Institutions in Armenia. Yerevan: Caucasus Institute. 2016. 144 p.

Kadin M. Trends and Scenarios Exemplifying the Future of the Baltic Sea. Ecological Impacts of Not Taking Action. Stockholm : Swedish Environmental Protection Agency, 2008.

Kalnins V. Background Paper on Estonia. Berlin : Hertie School of Governance, 2014.

Kalnins V. National Integrity System Assessment. Latvia. Riga : Transparency International ; Delna, 2011.

Kaprans M., Mierina I. Ideological Polarization in Baltic Societies. A Cross-National Survey Report. Riga: University of Latvia, 2019. 87 p.

Ketels C. The Role of Regional Collaboration in the Baltic Sea Region of the Future // *Visions of the Future : What Can be Achieved with a Baltic Sea Strategy?* Visby : Gotland University Press, 2009. P. 6–18.

Klavins D. The Role of Denmark I the Renewal of Latvian Independence. Riga: Embassy of Denmark in Latvia, 2016. 25 P.

Krupavicius A. Models of Post-communist Political Elites in Central Europe and the Baltics: Comparative Analysis, Hungarian Center for Democracy Studies Foundation, Budapest papers on Democratic transition, No. 158. 1998.

Kuris G. Balancing Responsibilities: Evolution of Lithuania's Anti-Corruption Agency 1997–2007. Princeton University. 2012.

Kuusik P., Raik K. The Nordic-Baltic Region in the EU 27: Time for New Strategic Cooperation. Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2018.

Lehti M. Small but Smart? How the Balt(ic)s Are Contributing to the European Whole // *Latvian National Independence: the idea and its realisation*, Riga, 2008. 25 p.

Leonard M., Popescu N. A Power Audit of EU-Russia Relations / ECFR Policy Paper. London: ECFR, 2007. 66 p.

Lucas E. The Coming Storm. Baltic Sea Security Report. Washington : Center for European Policy Analysis, 2015.

Matonyte I. Elites in Soviet and post-Soviet societies // Paper presented at the Fourth Nordic Conference on the Anthropology of Post-Socialism, April 2002.

Mihkelson M. Successful Foreign Policy: The Battlefield of Estonian National Security / International Center for Defence and Security, Tallinn. 2016.

Nakrosis V. Sustainable Governance Indicators SGI, 2016. Lithuania Report / V. Nakrosis, R. Vilpisauskas, J. Detlef. Gütersloh : Bertelsmann Stiftung, 2016.

Nations in Transit 2014: Ratings and Democracy Score Summary. Freedom House, 2015.

Nations in Transit. 2016. Ratings and Democracy Score Summary. Washington : Freedom House, 2017.

New Nordics. Modern Bridge-Builders / Ed. Penttila R. Helsinki: Nordic West Office, 2018.

Nichols T. How America and Russia Could Start a Nuclear War // *The National Interest.* 2015. May 7.

Nikers O. Baltics to Build Stronger Logistics Within the EU and NATO // *Eurasia Daily Monitor.* Jamestown Foundation. 2016. Vol. 13. No. 168.

Nikers O., Tabuns O. (eds.) *Baltic Security Strategy Report. What the Baltic Can Offer for the Stronger Alliance.* Washington, DC: Jamestown Foundation, 2019. 207 p.

Pettai V. The Consolidation of the Political Class in the Baltic States : Paper Presented at the 4th General Conference of the European Consortium for Political Research, September 7–9, 2007, Pisa, Italy.

Proposal of Special Measure against ABLV Bank, as a Financial Institution of Primary Money Laundering Concern / Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN), Treasury. RIN - 1506-AB39. 2019.

Raik K. Lithuania's Presidency Gamble: The Activeness of Vilnius is Pushing the EU's Eastern Partnership Forward // FIIA Commnet. Finnish Institute of International Affairs. 2013. No. 14.

Ramonaite A. Changing nature of partisanship in a post-communist society: comparing «old» and «new» parties in Lithuania // Lithuanian Political Science Yearbook 2007. Vilnius University. 2008.

Renewal and Challenge: The Baltic States, 1988-1989 / U.S. Commission on Security and Cooperation in Europe. Washington, U.S. Government Printing Office, 1990. 120 p.

Rusu F. A Diagnosis of Corruption in Latvia. Berlin : European Research Centre for Anti-Corruption and State-Building, 2010.

Sauka A., Putnins T. Shadow Economy Index for the Baltic States. 2009-2018. Riga: Stockholm school of economics, 2018.

Scott J. Exploring Elite Empowerment: «Intergovernmental Spillover» and the Strengthening of National Core Executives. Paper for the International Political Studies Association International Conference, «Is there a European Model of Governance? A Comparative Perspective», Luxembourg, 18–20 March 2010.

Shlapak D. Reinforcing Deterrence on NATO's Eastern Flank. Wargaming the Defense of the Baltics / D. Shlapak, M. Johnson. Santa Monica : RAND Corporation, 2016.

Shrivenham R. Future Security Challenges in the Baltic Sea Region: Swedish Ministry of Defence, Development, Concepts and Doctrine Centre, 2015.

Smith K. Bringing Nordic Energy Security to the Baltic States // Advancing U.S.-Nordic-Baltic Security Cooperation : Adapting Partnership to a New Security Environment / eds. D. S. Hamilton, A. Simonyi, D. S. Cagan. Washington : Center for Transatlantic Relations, 2014. 125 p.

Suhhoterina M. Estonia's Memory Politics in the Context of European Integration Marina // Graduate Theses, Dissertations, and Problem Reports. No. 4799. Morgantown: West Virginia University, 2011.

Suilleabhain A. Small States at the United Nations: Diverse Perspectives, Shared Opportunities. New York: International Peace Institute, 2014. 24 p.

The New Deterrent? International Sanctions Against Russia over the Ukraine Crisis. Programme for the Study of International Governance. Geneva : PSIG, 2016. 43 p.

Tools of Destabilization Russian Soft Power and Non-military Influence in the Baltic States / ed. M. Winnerstig. Stockholm : FOI, 2014.

Tuohy, E., Bulakh, A. Tsarik, Yu. Desynch or Sink. A Political Analysis of Baltic Electricity Desynchronization. Tallinn: International Centre for Defence and Security, 2017.

Understanding Politics in Lithuania / eds. *O. Norgaard, L. Johannsen.* Aarhus : University of Aarhus, 2004. (DEMSTAR Research Report ; No. 18).

Verzicelli L. Elite network Analysis and Elite Patterns of Carriers / Integrated and United: A quest for Citizenship in an 'ever closer Europe' (IntUne Papers), University of Siena, 2007.

Villaveces-Izquierdo S. Illicit Networks and Politics in the Baltic States / *S. Villaveces-Izquierdo, C. Uribe Burcher ;* International Institute for Democracy and Electoral Assistance. Stockholm : International Idea, 2013.

Vilpisauskas R. The Final Stage of the EU Accession Game: The Baltic States, Likely Victims of their own Success? / A draft paper for the International Conference of the European Union Studies Association, Nashville, Tennessee, March 27–29, 2003. Vilnius: Institute of International Relations and Political Science, 2003. 22 p.

The Wealth Report. Knight Frank. 2014/2018.

Борко Ю.А. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее / Доклады Института Европы РАН, № 355, М., 2018. 70 с.

Вендина О., Колосов В., Себенцов А. Является ли Прибалтика частью постсоветского пространства? М.: Русская книга, 2016. 32 с.

Винокуров Е.Ю., Кулик С.А., Спартак А.Н., Юргенс И.Ю. Тупик борьбы интеграций в Европе. М.: Комитет гражданских инициатив, 2014.

Ерёмина Н. Проблема интерпретации понятий нации и самоопределения в начале XX и в начале XXI в. на примере стран Прибалтики / Прибалтийские исследования в России. 2017-2018 / Сост. Межевич Н.М. М.: Русская книга, 2018. С. 149-161.

Ерёмина Н.В. Еврофонды в Латвии, Литве и Эстонии: проблемы и перспективы. М.: Русская книга, 2018. 31 с.

Ерёмина Н.В. Популизм в Европе: основные характеристики и специфика государств Прибалтики : научный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 64 с.

Зверев Ю.М., Межевич Н.М. Безопасность в восточной Балтике : К военным учениям России и Беларуси «Щит Союза – 2019» : экспертный доклад. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 152 с.

Касчюнас Л. (под ред.), Вильпишаускас Р., Алишаускас Р., Дамбраускайте Ж., Сеница В., Левченко И., Кирилэ В. Евразийский союз: вызов для Евросоюза и государств «Восточного партнерства». Вильнюс: Центр Восточноевропейских исследований, 2012. С. 58.

Ланко Д.А. Постсоветская трансформация Эстонии: модернизация или мимикрия? / Препринт М-53/16. СПб. : Изд-во Европейского университета, 2016. 52 с.

Межевич Н.М. Отношения России и стран Прибалтики: от упущенных возможностей к реальным перспективам / Н.М. Межевич, А.В. Шадурский, А.М. Грозовский. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013.

Межевич Н.М. Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М.: Русская книга, 2017. 64 с.

Межевич Н.М. Россия и Прибалтика: сценарии безопасности в условиях политической напряженности / Н. М. Межевич, Ю. М. Зверев. М.: Российский совет по международным делам, 2016. (Рабочая тетрадь; № 35/2016).

Межевич Н.М., Шамахов В.А. Беларусь и государства Прибалтики в системе транспортной политики России и Китая: научный доклад. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 54 с.

Носович А.А. Прибалтика – 2020. Прифронтовые государства и двойная периферия / Постсоветское пространство - 2020 / Рук. проекта Д.М. Хаспекова. М., 2019.

Пономарева Е.Г., Шишелина Л.Н. Председательство Латвии в ЕС-2015: «Восточное партнерство» вместо или вместе с Россией / Аналитический доклад (под ред. Гаман-Голутвиной О.). М.: Российская ассоциация политической науки, 2014. 92 с.

Портнягина М.Д. Культурный национализм как один из методов борьбы за независимость: на примере Балтийских республик / Гражданский мир - гражданская война: осмысление и прогнозы / Мат-лы междунар. научной конференции / Под ред. В.М. Доброштан. 2018. С. 207-211.

Пособники нацистских преступлений. 96 ветеранов Латышского легиона СС, которые еще живы: Совместный доклад неправительственных организаций / Сост. А.Р. Дюков, В.В. Симиндей. М.: Изд. центр фонда «Историческая память», 2020. 32 с.

Силаев Н., Сушенцов А. Грузия после выборов и перспективы российско-грузинских отношений. М.: МГИМО МИД России, 2012. 22 с.

Солопенко А.В. Некоторые аспекты электорального поведения русскоязычных граждан Латвии и Эстонии в 2011-2018 гг. / Научные доклады Росс. асс. Прибалт. исследований. М.: Русская книга, 2018. 63 с.

Фурман Д.Е. Становление политических организаций в современной Эстонии. Вып.4. М.: Аналитический центр АН СССР по проблемам социально-экономического и научно-технического развития, 1991.

Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии (Балтийские русские и балтийские культуры). Ч. 1. // Россия и современный мир. 2003. № 3 (40). С. 65-97.

Элитология и стратегии развития современной России / Еремеев С.Г., Понеделков А.В., Шабров О.Ф., Буров А.В., Старостин А.М., Воронцов С.А., Коваленко В.И., Охотский Е.В., Григорян Д.К., Горбунов А.А., Черкасова Т.П., Карабуценко П.Л., Усманов Р.Х., Змяк С.С., Моисеев В.Н., Голубева М.О.,

Яланский А.П. / Инф.-аналит. мат-лы Второго Всеросс. элитологического конгресса / РАНХиГС, Ростов-на-Дону, 2016. 150 с.

Интернет-ресурсы:

Надгосударственные структуры:

Европейская комиссия (www.ec.europa.eu)
 Европейский парламент (www.europarl.europa.eu)
 НАТО (www.nato.int)
 ОБСЕ (www.csce.gov)

Органы государственной власти:

Государственный департамент США (www.state.gov)
 Президент Латвии (www.president.lv)
 Правительство Латвии (www.mk.gov.lv)
 Парламент (seimas) Латвии (www.saeima.lv)
 Министерство иностранных дел Латвии (www.mfa.gov.lv)
 Центральная избирательная комиссия Латвии (www.cvk.lv)
 Президент Литвы (www.president.lt),
 Правительство Литвы (www.lrv.lt)
 Парламент (saeima) Литвы (www.lrs.lt)
 Министерство иностранных дел Литвы (www.urm.lt)
 Государственная избирательная комиссия Литвы (www.vrk.lt)
 Президент Эстонии (www.president.ee)
 Правительство Эстонии (www.valitsus.ee).
 Парламент (riigikogu) Эстонии (www.riigikogu.ee)
 Министерство иностранных дел Эстонии (www.vm.ee)
 Национальная избирательная комиссия Эстонии (www.valimised.ee)

Политические партии Латвии:

«Единство» (www.vienotiba.lv)
 «Кому принадлежит государство?» (www.kampeidervalsts.lv)
 «Национальное объединение» (www.nacionalaarpvieniba.lv)
 «Русский союз Латвии» (www.rusoju.lv)
 «Союз зеленых и крестьян» (www.zzs.lv)
 «Согласие» (www.saskana.eu)

Политические партии Литвы:

Избирательная акция поляков Литвы (www.llra.lt)
 Либеральное движение (www.liberalai.lt)
 Литовская партия центра (www.centropartija.lt)
 Литовская социал-демократическая партия (www.lsdp.lt)
 Партия труда (www.darboartija.lt)
 «Порядок и справедливость» (www.tvarka.lt)
 «Союз крестьян и зеленых» (www.lvzs.lt)
 «Союз Отечества – Христианские консерваторы» (www.tsajunga.lt)

Политические партии Эстонии:

Народная консервативная партия (www.ekre.ee)
 Партия реформ (www.reform.ee)
 Социал-демократическая партия (www.sotsid.ee)
 «Союз Отечества» (www.isamaa.ee)
 Центристская партия (www.keskerakond.ee)

Средства массовой информации:

Aripaev.ee: ежегодный рейтинг самых богатых бизнесменов Эстонии.

Baltic World : The 15 Parliamentary Election in Estonia [Электронный ресурс] 9 марта 2015. Режим доступа: <http://balticworlds.com/rewarding-the-squirrels/> (дата обращения: 12.01.2017).

Baltnews.lt: Министр финансов Литвы: в СССР коррупция была борьбой против оккупации / *Baltnews.lt* [Электронный ресурс] 24 октября 2017. Режим доступа: <https://baltnews.lt/lithuania/20171024/1017711654.html> (дата обращения: 11.03.2018)

BBC.News: «Третья мировая война» с Россией в эфире Би-би-си / ВВС : Русская служба [Электронный ресурс] 3 февраля 2016. Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2016/02/160203_world_war_three_war_room_bbc (дата обращения: 21.12.2016).

BBC.News: Rainsford S. Estonia expects EU yes vote. [Электронный ресурс] 14 сентября 2003. Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3107000.stm> (дата обращения: 01.02.2020)

BBC.News: Новый президент Эгилс Левитс: Латвия - не мост от России к Западу, она сама Запад // ВВС News [Электронный ресурс] 30 мая 2019. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-48451005> (дата обращения: 14.01.2020)

BBC.News: Русский министр образования Латвии: «Учите латышский!» / ВВС. Русская служба. 13.06.2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/international/2013/06/130606_latvia_minister_interview (дата обращения: 10.12.2013)

Delfi.ee: Коррупция и подделка голосов: больше всего кандидатов с темным прошлым в Ляэне-Вирумаа / *Delfi* [Электронный ресурс] 13 января 2015. <http://rus.delfi.ee/archive/korruptsiya-i-poddelka-golosov-bolshe-vsego-kandidatov-s-temnym-proshlym-v-lyaene-virumaa?id=70552299> (дата обращения: 18.03.2017).

Delfi.lt: Венцлова Т. Евреи и литовцы: что изменилось и что не изменилось за 40 лет / *ru.Delfi.lt* [Электронный ресурс] 27 апреля 2015. Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/opinions/comments/tvenclova-evrei-i-litovcy-что-izmenilos-i-что-ne-izmenilos-za-40-let.d?id=67805470> (дата обращения: 15.01.2019)

Delfi.lt: Историк: литовцы сами стимулируют информационную войну / *ru.Delfi.lt* [Электронный ресурс]. 2 июня 2014. Режим доступа: <https://ru.delfi.lt/news/live/istorik-litovcy-sami-stimuliruyut-informacionnuu-voynu.d?id=64945181> (дата обращения: 15.10.2018)

Delfi.lt: Что Томашевский сказал Грибаускайте? / ru.Delfi.lt [Электронный ресурс] 14 января 2014. Режим доступа: <http://ru.delfi.lt/news/politics/chto-tomashevskij-skazal-gribauskajte.d?id=63753222> (дата обращения: 20.03.2017)

Diplomaatia: Luik J. Meie kohustus: [Электронный ресурс]. 2008. No. 54. Режим доступа: <https://www.diplomaatia.ee/artikkel/meie-kohustus/> (дата обращения: 10.11.2015).

ERR.ee: Число коррупционных преступлений в 2016 г. достигло рекордного уровня / ERR.ee [Электронный ресурс] 24 января 2017. Режим доступа: <http://rus.err.ee/240944/chislo-korruptsionnyh-prestuplenij-v-2016-godu-dostiglo-rekordnogo-urovnja> (дата обращения: 18.03.2017).

Eurozine: Krastev I. How to Avoid Europe's Disintegration [Электронный ресурс]. 18 сентября 2015. Режим доступа: www.eurozine.com/articles/2015-09-18-krastev-en.html

Foreign Policy: De Luce D. If Russia Started a War in the Baltics, NATO Would Lose – Quickly [Электронный ресурс] 3 февраля 2016. Режим доступа: <https://foreignpolicy.com/2016/02/03/if-russia-started-a-war-in-the-baltics-nato-would-lose-quickly/> (дата обращения: 05.09.2018)

Gefter.ru: «Плохие предчувствия» : Телемост с историком Алексеем Миллером / Гефтер [Электронный ресурс] 20 февраля 2015. Режим доступа: <http://gefter.ru/archive/14325> (дата обращения: 26.02.2015).

Geopolitika: Babilciute L. Amoralūs bandymai perrašyti istoriją : [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.geopolitika.lt/?artc=7179 (дата обращения: 28.02.2015).

Klubs.lv, Kapital.lv: ежегодный рейтинг самых богатых бизнесменов Латвии.

Kongress.lv: «Конгресс неграждан»: отчет ПБ – триумф политической цензуры : [Электронный ресурс] // Конгресс неграждан. 20 мая 2014. Режим доступа: <http://www.kongress.lv/ru/material/555> (дата обращения: 20.03.2015).

Kurier.lt: Д. Грибаускайте: местные олигархи обирают народ не хуже, чем Газпром // «Литовский курьер». 27 марта 2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kurier.lt/d-gribauskajte-mestnye-oligarhi-obir/> (дата обращения: 10.11.2015)

Kurier.lt: Д. Моцкус связывает дело MG Baltic с просьбами к СМИ не критиковать Д. Грибаускайте // Литовский курьер. 13 ноября 2019 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kurier.lt/d-mockus-svyazuvaet-delo-mg-baltic-s-prosbami-k-smi-ne-kritikovat-d-gribauskajte/> (дата обращения: 19.11.2019)

Kurier.lt: Межевич Н.М. Цена сожженных мостов // Литовский курьер. 15 июля 2015.

Latvijas avize: ASV eksperts : Baltijas valstu drosiba nav Trampa prioritate : [Электронный ресурс]. 3 марта 2017. Режим доступа: <http://www.la.lv/asv-eksperts-baltijas-valstu-drosiba-nav-prioritate/> (дата обращения: 20.03.2017).

Latvijas Sabiedriskie mediji: Президент: век латвийских партий – слишком недолгий // *Latvijas Sabiedriskie mediji*. 23 февраля 2015.

Latvijas Vēstnesis. 27 августа 1996. № 143 (628).

New York Times: Krugman P. Baltic Brouhaha [Электронный ресурс] 1 мая 2013. Режим доступа: https://krugman.blogs.nytimes.com/2013/05/01/baltic-brouhaha/?_r=0 (дата обращения: 21.03.2017).

Postimees.ee: Астров: русское меньшинство – заложник внутренней шизофрении эстонской политики / *Postimees* [Электронный ресурс] 21.03.2011. Режим доступа: <https://rus.postimees.ee/406314/astrov-russkoe-menshinstvo-zalozhnik-vnutrenney-shizofrenii-estonskoj-politiki> (дата обращения: 15.10.2018)

Postimees.ee: Эстония предложила Литве создать совместный трибунал по преступлениям коммунизма : [Электронный ресурс] / *Postimees* : [сайт]. 15 февраля 2017. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/4025907/estoniya-predlozhila-litve-sozdat-sovmestnyu-tribunal-po-rassledovaniyu-prestupleniy-kommunizma> (дата обращения: 20.03.2017).

Radio Free Europe: Bransten J. Baltics: Diaspora Makes Successful 'Return' [Электронный ресурс] 27 сентября 2006. Режим доступа: <https://www.rferl.org/a/1071665.html> (дата обращения: 17.10.2019)

Rubaltic.ru: Носович А. Троянские пони: Прибалтика играет на ослабление Европы / *Rubaltic.Ru*. 19 июня 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/19062017-troyanskie-poni-pribaltika-igraet-na-oslablenie-evropy/> (дата обращения: 19.11.2018)

Russia Today: Профессор Сутроп: Русской «скотине» не место в эстонской науке : [электронный ресурс] // ИноТВ / *RussiaToday*: [Электронный ресурс]. 16 октября 2014. Режим доступа: <https://russian.rt.com/inotv/2014-10-16/Professor-Sutrop-Russkoj-skotine-ne> (Дата обращения: 19.03.2017).

The Baltic Times: Roule T. J. The Nature of Political Corruption in the Baltics // 25 января 2001. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.baltictimes.com/news/articles/4295/> (дата обращения: 01.08.2015).

The Guardian: Rinkevics E.: Baltic states no longer a bridge between east and west, says Latvia. March 18 марта 2019. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/18/baltic-states-no-longer-a-bridge-between-east-and-west-says-latvia> (дата обращения: 14.05.2019)

Toom Yana: Петиция в Европарламент о правах неграждан и подписной лист : [Электронный ресурс] // Yana Toom : [блог]. 14 апреля 2016. Режим доступа: <http://yanatoom.ee/ru/> (дата обращения: 20.03.2017).

Tut.by: Писательница Рута Ванагайте: «Каждый литовец может доехать до места расстрела евреев за полчаса» : [Электронный ресурс] // *Tut.by* : [сайт]. 3 марта 2017. Режим доступа: <https://news.tut.by/society/533888.html> (дата обращения: 18.03.2017).

Veidas.lt: ежегодный рейтинг самых богатых бизнесменов Литвы.

Vox: Fisher M. How World War III became possible [Электронный ресурс]. 29 июня 2015. Режим доступа: www.vox.com/2015/6/29/8845913/russia-war (дата обращения: 18.07.2016).

Washington Post: Letter to President-elect Donald J. Trump from America's Allies, 9 января 2017 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/r/2010-2019/WashingtonPost/2017/01/10/EditorialOpinion/Graphics/Letter_to_Trump.pdf?tid=a_in (дата обращения: 11.02.2020)

Бизнес & Балтия: «Хозяин» недоволен Наглисом. Демпартия "Саймниекс" хочет смены руководства ЛАП // «Бизнес & Балтия» No. 9 (887). 14 января 1998 г.

Бизнес & Балтия: Суйтс А. Генерала Эйнсельна наконец сняли // Бизнес&Балтия. 20 декабря 1995. №165 (368).

Вести сегодня. 2005. 21 мая.

Газета.ru: Краснов М. Только не «Роснефть» : [Электронный ресурс] // Газета.ru : [сайт]. 2006. 30 марта. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/2006/03/30/oa_194073.shtml (дата обращения: 08.09.2016).

Коммерсантъ: Водо В. В Литве закончена регистрация в президенты // Коммерсантъ. 2002. № 191 (2560).

Летувос Ритас: Гензялис Б. Путь к «Саюдису» // Летувос Ритас. 1990. 3 февраля.

Молодежь Эстонии: Аасмяэ А. Долгое возвращение домой. Почему одни зарубежные эстонцы стали в Эстонии банкротами, а другие - министрами? // Молодежь Эстонии. 15 апреля 2000 г.

Независимая газета: Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006, № 99 (3779).

Независимая газета: Дерябин Ю. «Северный поток» - экономика или военная политика? / Независимая газета. 31.08.2009.

Независимая газета: Соколов В. Почему Таллин стремится на запад // Независимая газета. 2001. 21 июня.

Огонек: Чугунова Н. Каждый свое прозрение переживает особо // Огонек. 1989. № 50.

Русский пионер: Кендер К. Письмо Владиславу Суркову // Русский пионер. 30 марта 2014 г.

Экспресс неделя: Прокуроры пытаются перейти «Рубикон» // Экспресс неделя. 2008. 27 июня.

Экспресс неделя: Прунскене К. Литва даже не обсуждала предложение России / Экспресс-неделя. 2011. № 25 (750). С. 8.

Указатель фамилий

Абишала А.	Abisala A.	435
Аболтиня С.	Aboltina S.	185
Адамкус В.	Adamkus V.	24, 103, 131, 139, 144, 172, 186-189, 192, 193, 205, 217, 247, 253, 284, 316, 318, 325, 335, 336, 350, 361, 392, 411, 429
Адамс Ю.	Adams J.	140
Адамсонс Я.	Adamsons J.	168, 184
Адомайтис Р.	Adomaitis R.	154
Аимла П.	Aimla P.	151
Аллик Я.	Allik J.	151
Амбразявичюс Ю.	Ambrasevicius J.	253
Америкс А.	Ameriks A.	235, 406
Андреевс Г.	Andreevs G.	185, 439
Андрикене Л.	Andrikiene L.	440
Андрюкайтис В.	Andriukaitis V.	429, 430, 442
Аннус Т.	Annus T.	209, 407
Ансип А.	Ansip A.	105, 170, 171, 437, 438, 443
Аугулис У.	Augulis U.	185
Ауштрявичюс П.	Austrevicius P.	429, 440
Бабилюс В.	Babilius V.	205
Багушка П.	Bagushka P.	165
Бальчитис З.	Balcitis Z.	165, 430, 440
Башкаускайте Л.	Bascauskaite L.	187
Баштикс А.	Bastiks A.	150
Бейкер Дж.	Baker J.	250
Белевич Г.	Belevics G.	407
Белинис Л.	Bielinis L.	24, 103, 139, 166
Белобровцев В.	Belobrovtssev V.	239
Березовас В.	Beriozovas V.	166
Берзиньш А., премьер-министр	Berzins A.	168, 184, 433
Берзиньш А., президент	Berzins A.	175, 176, 185, 199, 201, 216, 262, 428
Берзиньш Г.	Berzins G.	185
Берзиньш И.	Berzins I.	185, 200
Бернатонис В.	Bernatonis B.	429
Биркавс В.	Birkavs V.	168, 184, 200, 318,

Бирутис Ш.	Birutis S.	339, 432
Бишер И.	Bisers I.	440
Блажевич А.	Blazevics A.	153, 154
Блинкявичюте В.	Blinkeviciute V.	176
Бобялис К.	Bobelis K.	122, 429, 440
Борданс Я.	Bordans J.	187, 429
Борисов Ю.		184
Бородич Д.	Borodits D.	325, 326
Боярс Г.	Bojars G.	238
Боярс Ю.	Bojars J.	277
Брадаускас Б.	Bradauskas B.	277
Бразаускас А.	Brazauskas A.	166, 203
		24, 98, 102, 103,
		106, 163-167, 169,
		172, 193, 205, 216,
		316, 317, 429, 435
Бразаускене К.	Brazauskiene K.	172
Брикманис В.	Brikmanis V.	106
Бубнис В.	Bubnis V.	148
Будрейкайте Д.	Budreikaite D.	440
Бурокаявичюс М.	Burokevicius M.	168
Буткявичюс А.	Butkevicius A.	139, 165, 166, 430,
		436
Буш-мл. Дж.	Bush-jr. G.	51, 91
Бэлс А.	Bels A.	149, 153
Вагнорюс Г.	Vagnorius G.	139, 205, 435
Вагрис Я.	Vagris J.	167
Вайдере И.	Vaidere I.	160, 168, 259, 439
Вайшвила З.	Vaisvila Z.	154
Валатка Р.	Valatka R.	223
Валионис А.	Valionis A.	165
Валк Х.	Valk H.	150
Вапшис А.	Vapsys A.	165
Варе Р.	Vare R.	209
Вирен фон А.Л.	Wiren von A.L.	191
Васильев В.	Vassilijev V.	238
Вейонис Р.	Vejonis R.	91, 428
Веллисте Т.	Velliste T.	151
Венцлова Т.	Venclova T.	110, 254
Весайте Б.	Vesaite B.	139
Весялка Ю.	Veselka J.	429
Вике-Фрейберга В.	Vike-Freiberga V.	96, 183, 184, 192,
		193, 217, 361, 428
Вилкс А.	Vilks A.	185

Вильпишаускас Р.	Vilpisauskas R.	23, 98, 280, 318
Висоцкас А.	Visockas A.	199
Вульфсон М.	Vulfsons M.	149, 153
Вяльяс В.	Valjas V.	169
Вяхи Т.	Vahi T.	171, 437
Гавел В.	Havel V.	78
Гайлис М.	Gailis M.	24, 174, 175, 192, 200, 432
Ганин Д.		239
Гарбаравичюс Р.	Garbaravicius R.	288
Гарбаравичюс Ю.	Garbaravicius J.	288
Гарсис А.	Garsys A.	188
Гензялис Б.	Genzelis B.	154, 162
Гентвилас Э.	Gentvilas E.	199, 429, 440
Генц А.	Goncz A.	78
Герхардс К.	Gerhards K.	122, 185
Гилис П.	Gylis P.	313
Главяцкас К.	Glaveckas K.	203, 429
Годманис И.	Godmanis I.	78, 96, 153, 160, 182, 184, 199, 432, 433, 439
Горбунов А.	Gorbunovs A.	168, 169, 184, 200
Граужинене Л.	Grauziniene L.	430
Грибаускайте Д.	Grybauskaite D.	91, 96, 103, 139, 166, 171, 206, 207, 216, 226, 316, 335, 352, 356, 381, 430, 442
Григуле И.	Grigule I.	439
Гринблатс М.	Grinblats M.	185
Груодис В.	Gruodis V.	188
Грутупс А.	Grutups A.	175, 200
Грязин И.	Grazin I.	160, 239, 441
Гудайтис В.	Gudaitis V.	148
Гульбис М.	Gulbis M.	185
Гуога А.	Guoga A.	440
Гяда С.	Geda S.	154
Дагис Р.	Dagys R.	429
Даудзе Г.	Daudze G.	184
Даудиш А.	Daudis A.	168
Диджокас Г.	Didziokas G.	440
Динбергс А.	Dinbergs A.	192
Дичкуте Й.	Dickute J.	440
Дмитриев С.	Dmitriev S.	226

Дмитриева Л.	Dmitrieva L.	226
Домбровский В.	Dombrovskis V.	230
Домбровскис В.	Dombrovskis V.	24, 72, 184, 433, 434, 439, 442
Донскис Л.	Donskis L.	110, 160, 440
Дрелингас С.	Drelingas S.	252
Дуденас В.	Dudenas V.	188
Дягутис А.	Degutis A.	440
Езерскас Ч.	Ezerskas C.	430
Екабсонс Э.	Ekabsons E.	150
Ермалавичюс Ю.	Ermalavicius J.	168
Жданок Т.	Zdanoka T.	230, 234-236, 439
Жебрюнас А.	Zebriunas A.	154
Желев Ж.		78
Затлерс В.	Zatlers V.	24, 123, 131, 135, 144, 167, 176, 184, 199, 228, 232, 289, 362, 366, 382, 417, 428
Зигерист Й.	Zigerist J.	182
Зиле Р.	Zile R.	160, 439
Зуокас А.	Zuokas A.	199, 207, 288, 406, 430
Иванова О.	Ivanova O.	238
Иванс Д.	Ivans D.	152
Ильвес Т.Х.	Ilves T.H.	24, 141, 170, 189, 190, 192, 193, 217, 258, 283, 316, 320, 431, 441
Имбрасас Ю.	Imbrasas J.	440
Инкенс Э.	Inkens E.	153
Йыкс А.	Joks A.	209
Кажа Э.	Kaza E.	200
Кажоциньш Я.	Kazocins J.	183, 253
Казицкас Ю.	Kazickas J.	25, 121, 188, 205
Калвитис А.	Kalvitis A.	184, 433
Каллас К.	Kallas K.	277
Каллас С.	Kallas S.	24, 170, 171, 209, 277, 318, 437, 443
Калниете С.	Kalniete S.	153, 157, 160, 439
Калниньш О.	Kalnins O.	183, 192
Кальюлайд К.	Kaljuland K.	91, 381, 431
Кальюранд М.	Kaljurand M.	239
Кампарс А.	Kampars A.	185

Канайте Э.	Kanaite E.	224
Каплински Я.	Kaplinski J.	151
Карбаускис Р.	Karbauskis R.	203
Кариньш К.	Karins K.	184, 439
Каушпедас А.	Kauspedas A.	154
Келам Т.	Kelam T.	106, 151, 160, 313, 431, 441
Кивимяги А.	Kivimagi A.	274
Киликаускас Р.	Kilikauskas R.	188
Киркилас Г.	Kirkilas G.	165, 436
Клаусс У.М.	Klauss U.M.	183
Климас Т.	Klimas T.	188
Клинтон Б.	Clinton B.	91, 361
Коль Г.	Kohl H.	242
Кондратас С.А.	Kondratas S.A.	188
Константинеску Э.	Constantinescu E.	79
Корб В.	Korb V.	238
Коробейник А.	Korobeinik A.	209
Крастиньш В.	Krastins V.	153
Крастиньш Э.	Krastins E.	185, 200
Крастс Г.	Krasts G.	432, 439
Крейтус А.	Kreituss A.	277
Крейтусе И.	Kreituse I.	277, 428
Крейцберг П.	Kreitzberg P.	431
Кристовскис Г.В.	Kristovskis G.V.	160, 185, 439
Кронкайтис Ю.	Kronkaitis J.	188
Круминьш Я.	Krumins J.	25, 285-286
Кубилиус А.	Kubilius A.	91, 336, 350, 354, 435
Кузмицкас Б.	Kuzmickas B.	154
Кулик В.	Kulik V.	200
Куолялис Ю.	Kuolelis J.	168
Кучинскис М.	Kucinskis M.	434
Кушкис А.	Kuskis A.	439
Кылварт М	Kolvart M.	239
Лаар М.	Laar M.	24, 141, 151, 190, 191, 273, 437
Лавров С.		232, 335
Ладынская-Кубитс В.	Ladonskaja-Kubits V.	239
Ламберг А.	Lamber A.	182
Ландсбергис В.	Landsbergis V.	24, 78, 102, 103, 106, 121, 136, 137, 154, 156, 160, 165, 166, 179, 180, 187,

		188, 205, 248, 277, 428, 440
Ландсбергис Г.	Landsbergis G.	203, 277, 440
Ландсбергис-Жямкальнис В.	Landsbergis-Zemkalnis V.	248
Латимира И.	Latimira I.	184
Лауристин М.	Lauristin M.	23, 108, 151, 152, 441
Левитс Э.	Levits E.	153, 154, 183, 350, 428
Лембергс А.	Lembergs A.	105, 176, 177, 184, 185, 201, 285, 289, 406
Лепиксон Р.	Lepikson R.	197, 209
Лиепиня Л.	Liepina L.	439
Линкявичюс Л.	Linkevicius L.	105, 122, 165, 166, 314, 378, 407
Лозорайтис С.	Lozoraitis S.	179, 187, 192, 193, 429
Лопата Р.	Lopata R.	25, 102, 103
Лоскутов А.	Loskutovs A.	230
Лубис Б.	Lubys B.	173, 197, 204-206, 406, 435
Луик Ю.	Luik J.	239, 257
Луйянс Ю.	Lujans J.	185
Лукшене М.	Luksiene M.	154
Лууман Т.	Luuman T.	209
Маасикас М.	Maasikas M.	208
Магонис У.	Magonis U.	353, 407
Маде Т.	Made T.	151, 152, 208
Мазуронис В.	Mazuronis V.	430, 441
Малинаускас Р.	Malinauskas R.	199
Мамыкин А.	Mamikins A.	230, 236, 439
Маницки Я.	Manitzki J.	191
Мартинкус В.	Martinkus V.	148
Марусте Р.	Maruste R.	209
Марцинкявичюс Ю.	Marcinkevicius J.	148, 154
Масюлис Э.	Masiulis E.	207, 282
Матвеев К.	Matveevs K.	228
Матийошайтис В.	Matijosaitis V.	199
Матиляускас Р.	Matilauskas R.	122
Матулявичюс А.	Matuliavicius A.	429
Медалинскас А.	Medalinskas A.	154
Межялис Ф.	Mezelis F.	188
Мейеровиц Г.	Meierovics G.	182, 192

Мейеровиц З.А.	Meierovics Z.A.	182
Мейкар С.	Meikar S.	407
Мельник В.	Melniks V.	200
Мери А.	Meri A.	254
Мери Л.	Meri L.	78, 141, 151, 152, 170, 190, 254, 315
Микко М.	Mikko M.	441
Мирский А.	Mirskis A.	439
Мижуй В.		237
Мисюнас Р.	Misiunas R.	188
Митрофанов М.	Mitrofanovs M.	230, 235
Михник А.	Michnik A.	78
Модзелевский К.	Modzelewski K.	78
Моркунайте Р.	Morkunaite R.	440
Моцкус Д.	Mockus D.	207, 406
Муижниекс Н.	Muiznieks N.	23, 183, 260
Мунтянас В.	Muntianas V.	165
Мыйз Ю.	Mois J.	197, 209
Мюллерсон Р.	Mullerson R.	23, 100, 102
Мянник Я.С.	Mannik J.S.	191
Навицкас В.	Navickas V.	165
Наглис Я.	Naglis J.	165, 200
Наркевич Я.	Narkevic J.	226
Насвитис А.	Nasvytis A.	154
Неверович Я.	Neverovic J.	226
Нийтенберг А.	Niitenberg A.	191
Нугис Ю.	Nugis J.	314
Нугисекс Х.	Nugiseks H.	253
Нуланд В.	Nuland V.	361
Обама Б.	Obama B.	91, 334, 359, 364
Овийр С.	Oviir S.	431, 441
Озолас Р.	Ozolas R.	154, 162
Олекас Ю.	Olekas J.	165, 407
Осиновский Е.	Ossinovski J.	209, 239
Осиновский О.	Ossinovski O.	209, 407
Отсасон Р.	Otsason R.	171
Оюланд К.	Ojuland K.	289, 441
Павилионис Р.	Pavilionis R.	160, 440
Павловскис В.	Pavlovskis V.	183, 192
Падар И.	Padar I.	441
Палецкис А.	Paleckis A.	261
Палецкис В.	Paleckis V.	261
Палецкис Ю.	Paleckis J.	261, 440
Палубинскас Ф.	Palubinskas F.	188

Пальтс Т.	Palts T.	283
Пантелеевс А.	Panteleevs A.	200
Парек Л.	Parek L.	431
Партс Ю.	Parts J.	437
Паулаускас А.	Paulauskas A.	429
Паулс Р.	Pauls R.	150, 158
Пацилис Э.	Pasilis E.	139
Паэгле В.	Paegle V.	183, 251
Паэт У.	Paet U.	441
Пентус-Розиманнус К.	Pentus-Rosimannus K.	209
Петерс К.	Peters K.	277
Петерс Я.	Peters J.	152, 277
Петкявичюс В.	Petkevicius V.	154, 167
Петраускене Ю.	Petrauskiene J.	139
Петропавловский Ю.		232
Пиебалгс А.	Piebalgs A.	171, 185, 442
Пикс Р.	Piks R.	153, 160, 439
Пилдегович А.	Pildegovics A.	321
Пильвялис А.	Pilvelis A.	429
Приедкалнс Я.	Priedkalns J.	183
Прунскене К.	Prunskiene K.	96, 121, 137, 154, 162, 165, 179, 205, 357, 429, 430, 435, 440
		153
Пуго Б.		153
Пуятс Я.	Pujats J.	150
Путейкис Н.	Puteikis N.	423, 430
Пярноя М.	Parnoja M.	283
Пятс К.	Pats K.	93, 135, 253
Раманаускас А.	Ramanauskas A.	252, 253
Ратас Ю.	Ratas J.	238, 381, 438
Ребас Х.	Rebas H.	190, 191
Рейльян В.	Reiljan V.	209, 283
Репше Э.	Repse E.	185, 433
Римшевич Э.	Rimsevics E.	275
Ринкевич Э.	Rinkevics E.	122, 352, 381
Ритенис Я.	Ritenis J.	182
Розова И.	Rozova I.	226
Ронис О.	Ronis O.	185
Ропе Б.	Rope B.	441
Рубенис О.	Rubenis O.	153
Рубикс А.	Rubiks A.	157, 168, 428, 439
Румессен В.	Rumessen V.	152
Руммо П.Э.	Rummo P.E.	151

Рыйвас Т.	Roivas T.	52, 141, 238, 438
Рюйтель А.	Ruutel A.	24, 140, 141, 169, 170, 177, 190, 216, 431
Саар А.	Saar A.	152
Сави Т.	Savi T.	441
Сависаар В.	Savisaar V.	282, 441
Сависаар Э.	Savisaar E.	24, 96, 109, 151, 152, 171, 173, 174, 177, 211, 238, 277, 281, 381, 437, 441
Сависаар Э. (сын)	Savisaar E.	277
Сакалас А.	Sakalas A.	440
Сакс К.	Saks K.	441
Саударгас А.	Saudargas A.	315, 440
Сеглиньш М	Seglins M.	185
Сели Н.	Seli N.	407
Сепп Э.	Sepp E.	407
Сийманн М.	Siimann M.	437
Силлари А.Э.	Sillari A.E.	169
Сильдмяэ У.	Sildmae T.	209
Синкявичюс В.	Sinkevicius V.	442
Симсон К.	Simson K.	443
Сквернялис С.	Skvernelis S.	139, 430
Скулме Д.	Skulme D.	149, 153
Скучас А.	Skucas A.	155
Сладкявичюс В.	Sladkevicius V.	150
Слактерис А.	Slakteris A.	185
Смятона А.	Smetona A.	93, 135, 137, 248
Спрудзиньш О.	Sprudzins O.	185
Стальнухин М.	Stalnuhin M.	238
Станкявичюс Л.	Stankevicius L.	435
Старкявичюте М.	Starkeviciute M.	440
Стомахин Ф.	Stomakhin F.	239
Стонис Р.	Stonys R.	173
Страндберг М.	Strandberg M.	274
Страуме Я.	Straume J.	185
Страуюма Л.	Straujuma L.	340, 434
Сутроп У.	Sutrop U.	220
Сыьрумаа У.	Soorumaa U.	209
Таагепера Р.	Taagepera R.	152, 189, 190, 192, 273, 431
Тааль О.	Taal O.	209
Таммсааре Т.	Tammsaare T.	283

Таранд А.	Tarand A.	151, 172, 437, 441
Таранд И.	Tarand I.	177, 431, 441
Тейкманис А.	Teikmanis A.	153, 154
Титов В.	Titovas V.	252
Томашевский В.	Tomaszewski W.	224, 226, 430, 440, 441
Тоом Я.	Toom J.	236, 238, 441
Тооме И.	Toome I.	174
Тоомепуу Ю.	Toomepuu J.	191
Трамп Д.	Trump D.	91, 361
Туйксоо Э.	Tuiksoo E.	209
Тувьисте П.	Tulviste P.	431
Турлаис Д.	Turlais D.	185
Тьугу Э.	Tougu E.	431
Улманис Г.	Ulmanis G.	168, 182, 184, 200, 216, 428
Улманис К.	Ulmanis K.	93, 135, 182
Урбанович Я.	Urbanovics J.	235
Ушаков Н.	Usakovs N.	234, 381
Ушацкас В.	Usackas V.	139, 321
Халлик К.	Hallik K.	151
Цилевич Б.	Cilevics B.	228
Цирулис Я.	Cirulis J.	182
Цитацка Р.	Cytacka R.	226
Чепанис А.	Cepanis A.	186
Чесна П.	Cesna P.	205, 206
Чякуолис А.	Cekuolis A.	154
Чяпайтис В.	Cepaitis V.	154
Шадурскис К.	Sadurskis K.	153, 160, 439
Шапока В.	Sapoka V.	273
Шеренас В.	Serenas V.	429
Шименас А.	Simenas A.	122, 435
Шипкевицс Я.	Sipkevics J.	153
Шкеле А.	Skele A.	175, 185, 197, 200, 201, 285, 289, 406, 432, 433
Шкирпа К.	Skirpa K.	248
Шлесерс А.	Slesers A.	201, 289, 406, 417, 433
Шляжявичюс А.	Slezevicius A.	121, 205, 435
Шмитс Д.	Smits D.	428
Шмитс Я.	Smits J.	150
Шмулкштис Ю.	Smulkstis J.	188
Шноре Э.	Snore E.	259

Шустаускас В.	Sustauskas V.	429
Эйнзельн А.	Einseln A.	190, 191
Элерте С.	Elerte S.	168
Эмсис И.	Emsis I.	185, 433
Эндзиньш А.	Endzins A.	428
Юкнявичене О.	Juknevičienė O.	440
Юндзис Т.	Jundzis T.	153, 317
Юнкерс Л.	Junkers A.	176
Юозайтис А.	Juozaitis A.	137, 154, 158, 179, 430
Юрканс Я.	Jurkans J.	153, 313, 315
Юршенас Ч.	Jursenas C.	165, 429
Юурике М.	Uurike M.	191
Юдин А.	Judins A.	230
Якунин В.		211
Янутене Р.	Janutiene R.	25, 166, 173, 276